

Священное Писание

в толкованиях святителя

Иоанна Златоуста

Том IV (книга I)

Св. Евангелие от Матфея

Гл. 1 - 10. 42

Тропарь
святому Иоанну Златоустому,
глас 8-й

Уст твоих, якоже светлость огня,
возсиявши благодать, вселенную
просвети: не сребролюбия мирови
сокровища сниска,
высоту нам смиреномудрия показа,
но твоими словесы наказуя,
отче Иоанне Златоусте,
моли Слова Христа Бога
спастися душам нашим.

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ
В ТОЛКОВАНИЯХ СВЯТИТЕЛЯ
ИОАННА ЗЛАТОУСТА

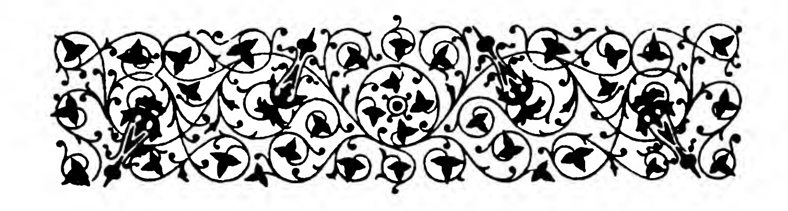
Том IV

КНИГА 1

«Ковчег»
Москва
2006

По благословению
Высокопреосвященного Сергия,
Архиепископа Тернопольского
и Кременецкого

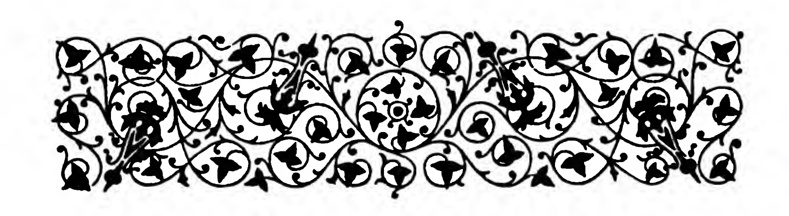
Священное Писание в толкованиях святителя Иоанна Златоуста. Том IV. Книга 1. Толкование на Евангелие от Матфея. — М.: «Ковчег», 2006. — 624 с.
ISBN 5-98317-087-2

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ

БЕСЕДА I

По настоящему, нам не следовало бы иметь и нужды в помощи Писания, а надлежало бы вести жизнь столь чистую, чтобы вместо книг служила нашим душам благодать Духа, и чтобы, как те исписаны чернилами, так и наши сердца были исписаны Духом. Но так как мы отвергли такую благодать, то воспользуемся уж хотя бы вторым путем. А что первый путь был лучше, это Бог показал и словом и делом. В самом деле, с Ноем, Авраамом и его потомками, равно как с Иовом и Моисеем, Бог беседовал не через письмена, а непосредственно, потому что находил их ум чистым. Когда же весь еврейский народ пал в самую глубину нечестия, тогда уже явились письмена, скрижали и наставление через них. И так было не только со святыми в Ветхом Завете, но, как известно, и в Новом. Так и апостолам Бог не дал чего-либо писанного, а обещал вместо писаний даровать благодать Духа. *Той*, сказал Он им, *воспомянет вам вся* (Ин. XIV, 26). И чтобы ты знал, что такой путь (общения Бога со святыми) был гораздо лучше, послушай, что Он говорит через пророка: *завещаю вам завет нов,*

дая законы моя в мысли их, и на сердцах напишу я, и будут еси научены Богом (Иер. XXXI, 31–34; Ин. VI, 45). И Павел, указывая на это превосходство, говорил, что он получил закон (написанный) *не на скрижалех каменных, но на скрижалех сердца плотяных* (2 Кор. III, 3). Но так как с течением времени одни уклонились от истинного учения, другие от чистоты жизни и нравственности, то явилась опять нужда в наставлении письменном. Размысли же, какое будет безрассудство, если мы, которые должны бы жить в такой чистоте, чтобы не иметь и нужды в Писании, а вместо книг представлять сердца Духу, – если мы, утратив такое достоинство и возымев нужду в Писании, не воспользуемся, как должно, даже и этим вторым врачевством. Если достойно укоризны уже то, что мы нуждаемся в Писании и не привлекаем к себе благодати Духа, то какова, подумай, будет наша вина, если мы не захотим воспользоваться и этим пособием, а будем презирать Писание, как излишнее и ненужное, и таким образом навлекать на себя еще большее наказание? Чтобы этого не случилось, вникнем тщательнее в то, что написано, и рассмотрим, как дан был Ветхий Закон, и как – Новый Завет. Итак, каким образом, когда и где дан был древний закон? После гибели египтян, в пустыне, на горе Синае, в огне и дыме, выходившем от горы, при звуке трубы, среди грома и молний, по вшествии Моисея в самый мрак. А в Новом Завете не так: не в пустыне, не на горе, не среди дыма и мрака, тьмы и бури, а при наступлении дня, в доме, когда все сидели вместе, – все происходило при глубокой тишине. Для людей грубых и необузданных нужны были чувственные, поразительные явления, как пустыня, гора, дым, трубный звук и тому подобное; для людей же более возвышенных, более покорных и ставших выше чувственных понятий ни в чем таком не

было нужды. Если же и над апостолами был шум, то не ради них, а ради присутствовавших иудеев, ради которых явились и огненные языки. В самом деле, если последние несмотря и на это, говорили [про апостолов], что они *вином исполнены суть* (Деян. II, 13), то тем более сказали бы так, если бы не видели ничего подобного. Далее, — в Ветхом Завете Бог сошел, когда Моисей взошел [на гору] (Исх. XIX, 3); здесь же Дух сошел, когда наше естество вознеслось на небо, а лучше сказать — на царский престол. Если бы Дух был меньше, то явления [сопровождавшие Его пришествие] не были бы более величественными и чудесными, а между тем новозаветные скрижали гораздо превосходнее ветхозаветных, равно как и событие славнее. В самом деле, апостолы не с горы сошли с каменными досками в руках, подобно Моисею, а неся в душе своей Духа, и всюду ходили, источая сокровище и источник учений, даров духовных и всяких благ, став по благодати одушевленными книгами и законами. Так они привлекли [к вере] три тысячи, так — пять тысяч, так — все народы вселенной, потому что устами их говорил ко всем приходящим к ним Бог (Деян. II, 41 и IV, 4). Так и Матфей, исполнившись Духа Божия, написал книгу, — Матфей-мытарь; я не стыжусь называть по занятию ни его, ни других апостолов, потому что это больше всего и обнаруживает и благодать Духа, и их собственную добродетель.

2. Свое произведение Матфей справедливо назвал Евангелием. В самом деле, он всем — врагам, невеждам, сидящим во тьме, — возвещает конец наказания, разрешение грехов, оправдание, освящение, искупление, всыновление, наследие небес и сродство с Сыном Божиим. Что же может сравниться с таким благовестием? Бог на земле, человек на небе; все в соединении: анге-

лы составили один лик с людьми, люди соединились с ангелами и прочими горними силами. Очевидно стало, что древняя брань прекратилась, что совершилось примирение Бога с нашим естеством, диавол посрамлен, демоны изгнаны, смерть связана, рай отверст, клятва упразднена, грех истреблен, заблуждение удалено, возвратилась истина, повсюду сеется и растет слово благочестия, небесная жизнь насаждена на земле, горние силы пребывают в дружественном общении с нами, ангелы непрестанно сходят на землю и великая явилась надежда на будущее. Вот почему Матфей и назвал свою историю Евангелием, как бы (давая разуметь, что) все другое, как, например, богатое имущество, величие власти, начальство, слава, почести и все прочее, почитаемое людьми за благо, составляет одни лишь пустые слова, а обетования, данные через рыбарей, должны называться в собственном и преимущественном смысле благовестием. И это не потому только, что они — блага прочные и постоянные и превосходят наше достоинство, но и потому, что они даны нам без всякого труда с нашей стороны. Не трудами и потом, не усилиями и страданиями получили мы то, что имеем, а единственно по любви к нам Бога. Но почему, спросим, при столь великом числе учеников, пишут только двое из апостолов и двое из их спутников, — так как, кроме Иоанна и Матфея, написали Евангелия один ученик Павла, а другой ученик Петра. Потому, что они ничего не делали по честолюбию, но все для пользы. Что же? Разве один Евангелист не мог написать всего? Конечно, мог; но когда писали четверо, писали не в одно и то же время, не в одном и том же месте, не сносясь и не сговариваясь между собой, и, однако, написали так, как будто все произнесено одними устами, то это служит величайшим доказательством истины.

И, однако, скажешь ты, случилось противное, так как они часто обличаются в разногласии. Но это-то самое и является вернейшим знаком истины. В самом деле, если бы они были до точности согласны во всем — и касательно времени, и касательно места, и самих слов, то из врагов никто бы не поверил, что они написали Евангелия, не сошедшись между собой и не по обычному соглашению, и что такое согласие было следствием их искренности. Теперь же представляющееся в мелочах разногласие освобождает их от всякого подозрения и блистательно говорит в пользу писавших. Если они, относительно места и времени, кое-что написали различно, то это нисколько не вредит истине их повествований, что мы и попытаемся, с Божьей помощью, доказать впоследствии. Теперь же просим вас заметить, что в главном, заключающем основание нашей жизни и составляющем сущность проповеди, они нигде один с другим ничуть не разногласят. В чем же именно? В том, что Бог стал человеком, творил чудеса, был распят, погребен, воскрес, вознесся на небо и придет судить; что Он дал спасительные заповеди, ввел закон, не противный ветхозаветному; что Он — Сын, единородный, истинный, единосущный Отцу, и тому подобное. Во всем этом мы находим у евангелистов полное согласие. Если же относительно чудес не все сказали, а один описал одни, другой — другие, то тебя это не должно смущать. Если бы один Евангелист сказал все, то были бы излишни остальные; если бы каждый написал различное и новое сравнительно с другими, то не очевидно было бы доказательство их согласия. Вот почему они сказали о многом и сообща, и каждый из них выбрал нечто особое, чтобы не оказаться, с одной стороны, излишним и писавшим без цели, а с другой — чтобы представить нам верное доказательство истины своих слов.

3. Так Лука указывает и причину, по которой он приступает к писанию Евангелия. Чтобы ты имел, говорит, *о них же научился еси словесех, утверждение* (Лк. I, 4), то есть чтобы ты удостоверился в том, чему часто был поучаем и пребывал в твердой уверенности. Иоанн сам умолчал о причине (написания им Евангелия), но, как говорит дошедшее до нас от отцов предание, и он приступил к писанию не без причины. Так как первые три евангелиста по преимуществу старались изложить историю земной жизни Христа и учению о божестве Его угрожала опасность остаться нераскрытым, то Иоанн, побуждаемый Христом, приступил наконец к написанию Евангелия. Это видно как из самой истории, так и из начала Евангелия. Он начинает не с земного, подобно прочим евангелистам, а с небесного, которое он по преимуществу имел в виду и для того составил всю книгу. Впрочем, не только в начале, а и во всем Евангелии он возвышеннее прочих. Равным образом и Матфей, как говорят, по просьбе уверовавших иудеев, пришедших к нему, написал им то, что говорил устно, и составил Евангелие на еврейском языке. То же самое сделал, по просьбе учеников, и Марк в Египте. Вот почему Матфей, как писавший для евреев, не старался показать ничего более, как происхождение Христа от Авраама и Давида; между тем как Лука, писавший для всех вообще, возводит родословие выше, доходя до Адама. Затем, первый начинает с рождения Иисуса Христа, поскольку для иудея не могло быть ничего приятнее, как сказать ему, что Христос есть потомок Авраама и Давида, а второй не так начинает, а упоминает предварительно о многих других событиях и затем уже приступает к родословию. Что касается согласия евангелистов, то мы можем доказать его и свидетельством всей вселенной, принявшей их Писания, и свидетельством самих даже врагов истины. После евангелистов роди-

лось много ересей, учивших противно их писаниям; одни из них приняли все сказанное в последних, а другие принимают только часть, отделив ее от прочего. Если бы в Писаниях евангелистов было несогласие, то ни ереси, утверждающие противное им, не приняли бы всего, а только ту часть, которая казалась бы им согласной, ни принявшие только часть не были бы изобличаемы этой частью, так как и самые малые части в Писаниях евангелистов ясно обнаруживают свое сродство с целым. Подобно тому, как если ты возьмешь, например, часть ребра и в этой части найдешь все, из чего состоит целое животное, – и нервы, и жилы, и кости, и артерии, и кровь, словом, все существенные части телесного состава, так точно и в Писании можно видеть то же самое: и здесь всякая часть написанного ясно показывает сродство с целым. Если бы евангелисты разногласили, то не оказывалось бы и такого сродства и самое учение их давно бы рушилось, так как *всякое царство, раздельшееся на ся*, не устоит (Мф. XII, 25; Мк. III, 24). Теперь же, если и есть у них какие разногласия, этим только ясно обнаруживается сила Духа (Святого), убеждающего людей, чтобы они, держась необходимого и главного, нисколько не смущались ничтожными несогласиями.

4. Где писал каждый из евангелистов, – этим вопросом заниматься нам нет особенной нужды; но что они не противоречили друг другу, это мы постараемся доказать во всем нашем толковании. Если ты обвиняешь их за разногласие, то делаешь не что иное, как заставляешь их говорить одними и теми же словами и употреблять один и тот же способ выражения. Я не говорю уже о том, что и многие из величающихся знанием риторики и философии, написав много книг об одних и тех же предметах, не только разногласили, но

и противоречили друг другу, — иное ведь дело — разногласить, другое дело — противоречить. Об этом я уже не говорю: я не имею нужды пользоваться их неразумием для защиты (евангелистов) и не хочу подтверждать истины ложью. Но вот о чем охотно спросил бы я: как заслужили веру разногласящие писания? Как они одержали победу? Как могли заслужить удивление, веру и славу по всей вселенной люди, противоречившие один другому? Свидетелями их проповеди были многие; многие притом были врагами и противниками. Написав Евангелия, они не скрыли их в одном уголке вселенной, а распространяли их всюду, на суше и море, вслух всех; как и теперь, они читаемы были и в присутствии врагов, и ничто из сказанного в них никого не соблазняло. И вполне естественно, потому что все во всех производила и совершала божественная сила. Иначе каким образом мытарь, рыбарь неученый могли бы так мудрствовать? Чего некогда языческие мудрецы не могли и во сне представить, о том они проповедуют с великой уверенностью и убедительностью, — и не только при жизни, но и по смерти, — не двум, не двадцати человекам, не сотням, не тысячам и десяткам тысяч, а (целым) городам, племенам и народам, суше и морю, Греции и странам варварским, земле обитаемой и пустыне, возвещая учение, много превышающее наше естество. Оставив земное, они говорят только о небесном, предлагают нам другую жизнь и новый образ жизни, иное богатство и иную бедность, иную свободу и иное рабство, иную жизнь и смерть, иной мир, иной устав жизни, — все иное. (Они преподают правила жизни) не так, как Платон, составивший пресловутую «Политию», или Зенон и другие, писавшие об общественном устройстве, и составители законов. Все они самими произведениями своими доказали, что их душе

внушал злой дух, лютый демон, воюющий против нашего естества, враг чистоты, противник благонравия и низвратитель всякого порядка. В самом деле, что еще можно сказать про них, когда они предписывали всем иметь общими жен, выводить напоказ мужчинам обнаженных девиц во время ристалищ, учинять украдкой браки, когда они ниспровергли и уничтожили всякий порядок и извратили уставы самой природы? Что все это — изобретения демонов и противно природе, об этом может свидетельствовать нам сама природа, которая не терпит ничего такого. И они писали об этом не среди гонений, не среди опасностей, не среди браней, а с полной безопасностью и свободой, часто пользуясь, кроме того, еще многими прикрасами. А между тем проповедь рыбарей, гонимых, бичуемых, проводивших жизнь среди опасностей, со всей охотой принимали и простецы и мудрецы, и рабы и свободные, и варвары и греки.

5. И ты не можешь сказать, что учение этих рыбарей было для всех удобоприемлемо потому, что оно маловажно и низко. Нет, оно даже гораздо возвышеннее учения философов. О девстве, например, даже об имени таком те не могли и во сне подумать, равно как ни о нестяжательности, ни о посте, ни о какой другой высшей добродетели. Между тем наши учители не только похоть искореняют, не только действие (преступное) подвергают наказанию, но осуждают и бесстыдный взгляд, и оскорбительные слова, и непристойный смех, и одежду, и поступь, и крик, простирают строгость даже до самого малейшего. По всей вселенной они насадили семена девства. О Боге и вещах небесных они внушают такие понятия, какие никому из философов никогда не могли и на ум прийти. Да и как могли иметь такие понятия люди, боготворившие изображения зверей,

пресмыкающихся животных и других презренных тварей? И, однако, такое высокое учение (апостолов) было принято и заслужило веру, процветает доселе и возрастает с каждым днем, а учение философов отжило, погибло, исчезло легче паутины. И вполне правильно, так как его проповедовали демоны. Вот почему, кроме бесстыдства, оно представляет много темного и трудного для уразумения. Что может быть смешнее, например, того учения, в котором философ, потратив тысячи слов на то, чтобы показать, что такое справедливость, все еще старается разъяснить этот вопрос в длинной и крайне неясной речи? Если бы он указал что-нибудь и полезное, то для жизни человеческой и это осталось бы совершенно без пользы. В самом деле, если бы земледелец, или ваятель, или плотник, или кормчий, или другой кто-нибудь, питающийся трудами рук своих, вздумал отстать от своего занятия и честных трудов, чтобы потратить многие годы на изучение того, что такое справедливость, то прежде, чем узнать это, он ради этой самой справедливости изнурил бы себя постоянным голодом и погиб бы, окончил бы жизнь свою насильственной смертью, так и не научившись ничему полезному. А наше учение не таково. В кратких и ясных словах Христос научил нас, в чем состоит и справедливое, и честное, и полезное, и всякая вообще добродетель. Так Он говорил, например, что в двух заповедях *закон и пророцы висят* (Мф. XXII, 40), то есть в любви к Богу и ближнему, или еще: *елика аще хощете, да творят вам человецы, и вы творите им; се бо есть закон и пророцы* (Мф. VII, 12). Все это удобопонятно и легкопостижимо и для земледельца, и для раба, и для вдовицы, и даже для отрока, и самого малосмыслящего. Такова истина! Доказательством служит опыт. Все, действительно, узнали, что нужно делать, и не только узнали, но стара-

лись и исполнить (то, что узнали), и не в городах, не на торжищах только, а и на вершинах гор. И там ты увидишь великое любомудрие, и там сияют лики ангелов в человеческой плоти, и на земле является жизнь небесная. Образ этой жизни начертали нам рыбари, повелевая приниматься (за обучение ему) не с детского возраста, как делали то философы, и не узаконяя для изучения добродетели определенного числа лет, а наставляя всякий возраст без исключения. Учение философов — детская забава, а учение апостолов — сама истина. Местом для этой жизни они назначили небо, а руководителем и законодателем ее признали Бога, как и надлежало. Наградами за эту жизнь служат не лавровый венок, не масличная ветвь, не пиршество в Пританее*, не медные изображения, не такие пустые и бесполезные вещи, а бесконечная жизнь, усыновление Богу, ликование с ангелами, предстояние царскому престолу и постоянное пребывание со Христом.

6. Руководителями в этой жизни являются мытари, рыбари и скинотворцы, которые жили не краткое время, но всегда живут, почему и по смерти своей могут оказывать величайшую помощь своим последователям. Подвизающимся в этой жизни предстоит брань не с людьми, а с демонами и бесплотными силами. Вот почему и вождем у них не какой-нибудь человек, не ангел, а сам Бог. И оружия этих воинов соответствуют характеру брани: они изготовлены не из кожи и железа, а из истины, правды, веры и всякого вида любомудрия. Об этой самой жизни написано и в Евангелии Матфея, о котором нам предстоит теперь говорить. Итак, будем со тщанием внимать ясным речам о ней Евангелиста.

---

* Пританеей было здание, где давались торжественные обеды в честь заслуженных граждан.

Все, что он говорит, не его слова, а самого Христа, узаконившего эту жизнь. Будем же внимательны, чтобы и нам удостоиться быть вписанными в эту жизнь и сиять вместе с теми, которые прошли уже ее и получили неувядаемые венцы. Для многих, заметим, эта книга кажется легкопонятной сравнительно с пророками, которые представляют трудности для понимания. Но это говорят люди, которые не знают глубины сокрытых здесь мыслей. Поэтому прошу вас следовать за мной со всею ревностью, чтобы войти нам в самую глубь Писания; водителем же в этом пути будет нам Сам Христос. А чтобы слово наше было удобопонятнее, просим и убеждаем вас (как делали мы это при изъяснении и других Писаний) наперед перечитывать тот отдел книги, который мы будем изъяснять; пусть уразумению предшествует чтение, как то было с евнухом (Деян. VIII, 28 дал.); это доставит нам большое облегчение. В самом деле, вопросы здесь во множестве возникают на каждом шагу. Вот смотри, сколько, например, недоумений рождается тотчас же в самом начале Евангелия. Во-первых, для чего излагается родословие Иосифа, который не был отцом Христа? Во-вторых, откуда нам может быть видно, что Христос происходит от Давида, когда мы не знаем предков Марии, от которой Он родился, – ведь родословной Девы не показано? В-третьих, почему дается родословие Иосифа, который нисколько не причастен был рождению, а от каких родителей, дедов и прадедов Дева, которая была матерью Христа, не сказано? Кроме того, заслуживает исследования и то, почему Евангелист, ведя родословие по мужской линии, упомянул и о некоторых женах. Затем, если ему так рассудилось, то почему он не перечислил всех жен, а, умолчав о достославных, как, например, Сарре, Ревекке и подобных им, вы-

ставил только известных по своим порокам, например блудницу, или прелюбодейцу, иноплеменницу, или чужестранку? Так именно он упомянул о жене Уриевой, о Фамари, о Раави и Руфи, из которых последняя была иноплеменница, другая блудница, третья имела связь со свекром, и притом не по закону брака, а похитив ложе под видом блудницы; что же касается жены Урия, то о ней всякий знает по выходящему из ряда вон поступку. И, однако, Евангелист, опустив всех других, поместил в родословии только одних этих жен. Если уж нужно было упоминать о женах, то следовало упомянуть о всех; если же не о всех, а только некоторых, то о прославившихся своими добродетелями, а не пороками. Видите, сколько нам нужно внимания уже при самом начале Евангелия, хотя для иных это начало кажется яснее прочего, а для многих даже излишним, потому что представляет простое только перечисление имен. Далее, — заслуживает исследования и то, почему Матфей умолчал о трех царях. Если он умолчал о них, как о слишком нечестивых, то ему не нужно было бы упоминать и о других подобных. Вот и еще представляется вопрос: почему Евангелист, разделив родословие на части по четырнадцати родов в каждой, в третьей части не соблюл этого числа? Затем: почему Лука упомянул о других именах, и не только не о всех тех, какие есть у Матфея, но и указал их гораздо больше, а Матфей привел и меньше, и другие имена, хотя и он кончил на Иосифе, на котором прекратил родословие и Лука. Смотрите же, сколько нам нужно бдительности не только для того, чтобы разрешить недоумение, но и для того, чтобы узнать, что требует решения. Немаловажное ведь дело и суметь найти недоуменные вопросы. Вот и еще, например, недоуменный вопрос: каким образом Елисавета, происходя из колена Левиина, могла быть родственницей Марии?

7. Но, чтобы не обременить вашей памяти множеством вопросов, остановимся здесь. Для возбуждения вашего внимания достаточно и того, если вы узнаете только, какие представляются здесь вопросы. Если же вы желаете узнать и решение, то и это будет зависеть, прежде нашего наставления, от вас самих. Если я увижу в вас внимание и охоту научиться, то буду стараться предложить и решение, а если замечу леность и невнимательность, то не покажу ни самих вопросов, ни решения их, следуя божественной заповеди, гласящей: *не дадите святая псом, ни пометайте бисер ваших пред свиньями, да не попрут ногами своими* (Мф. VII, 6). Кто же этот попирающий? Тот, кто не почитает Писания драгоценным и важным. Но кто же, скажешь, столь несчастен, чтобы не считать его важным и всего драгоценнее? Тот, кто не уделяет ему и столько времени, сколько тратит для распутных женщин на сатанинских зрелищах. Многие проводят там целые дни, совсем запускают ради бесполезного такого времяпровождения домашние дела, и что услышат там, стараются с точностью запомнить и сохранить на пагубу души своей, а здесь, где говорит Сам Бог, не хотят побыть и малого времени. Вот почему у нас нет ничего общего и с небом, и наша (небесная) жизнь только на словах. Однако ж за это Бог угрожает нам и геенной, – не с тем, чтобы ввергнуть нас в нее, а чтобы дать нам возможность избежать этого тяжкого наказания. А мы делаем напротив и каждый день стремимся на путь, ведущий к геенне: Бог повелевает не только слушать, но и исполнять то, что нам говорится, а мы не хотим и выслушать. Когда же, скажи мне, начнем мы исполнять то, что нам повелевается, когда примемся за дела, если мы не хотим даже и слушать о них, если негодуем и досадуем даже на самое краткое пребывание в храме? Когда мы, разговаривая о предметах ничего не стоящих, замечаем в собеседниках невнима-

ние, то считаем это себе за обиду. А о том не думаем, что оскорбляем Бога, когда Он говорит нам о столь важных предметах, а мы пренебрегаем Его словами и смотрим в сторону? Какой-нибудь старец, исходивший много земель, со всею точностью сообщает нам и о расстояниях, и о положении городов, об их видах, пристанях, площадях (и мы с удовольствием слушаем его), а сами между тем не знаем и того, сколь далеко отстоим от небесного града. В противном случае, если бы мы знали это расстояние, мы постарались бы сократить путь. Если ведь мы нерадим, то расстояние этого града от нас не только такое, какое находится между небом и землей, а даже гораздо больше; напротив, если прилагаем старание, то можем дойти до врат его в одно мгновение, потому что это расстояние определяется не протяжением пространства, а состоянием нашей нравственности.

8. Ты отлично знаешь дела здешней жизни, — и новые, и старые, и древние, можешь перечислить начальников, у которых ты служил раньше в войсках, и распорядителей игр, и победителей на них, и вождей, от чего тебе нет никакой пользы. А кто начальник в небесном граде, кто первый, кто второй, кто третий, сколько времени каждый служил и что сделал славного, об этом тебе никогда и во сне не грезилось. О законах, которыми управляется этот город, ты не хочешь внимательно послушать, когда говорят о них и другие. Как же, скажи мне, ты надеешься получить обещанные блага, если не хочешь и внимать, когда говорят о них? Но если мы не заботились об этом раньше, то постараемся, по крайней мере, сделать это теперь. Вот мы намереваемся вступить, если благоволит Бог, в златой град, и даже драгоценнейший всякого злата. Рассмотрим же его основания и врата, сделанные из

сапфира и маргаритов. Лучший руководитель наш — Матфей. Его дверью входим мы ныне; только нужно большое старание с нашей стороны, потому что, в ком он не видит усердия, того он изгоняет из града. Это — град царственный и славный; в нем нет разделения торжища от царских дворцов, как в наших городах; в нем — все царский чертог. Итак, отверзем двери ума, отверзем слух наш и, с великим трепетом приступая к преддверию этого чертога, поклонимся живущему в нем Царю, потому что и первый шаг может поразить зрителя страхом. Врата теперь еще заключены для нас; когда же увидим их отверстыми (то есть когда решатся недоуменные вопросы), тогда узрим внутри его великий свет. Просвещаемый духом, этот мытарь обещает показать тебе все: и где восседает Царь, и какие предстоят Ему воины, где ангелы и где архангелы; какое место назначено в этом граде для новых граждан, какой туда ведет путь; какой жребий получили вступившие в него первыми, какой — вторые, какой — вошедшие впоследствии; сколько чинов среди тамошних граждан, сколько советов и как различны достоинства. Итак, войдем в этот град не с шумом и смятением, а с благоговейным молчанием. Если царские грамоты прочитываются в театре, когда наступает полная тишина, то тем более в этом граде должны все утихнуть и стоять с напряженной душою и слухом, потому что здесь будут читаться повеления не земного царя, а Владыки ангелов. Если мы так себя расположим, то сама благодать Духа вернейшим образом укажет нам путь, и мы придем к самому Царскому престолу и получим все блага, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА II

Книга родства Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля (Мф. I, 1)

1. Помните ли вы наставление, которое недавно мы сделали вам, прося слушать все, что будет говорится, с глубоким молчанием и с благоговейной тишиной? Сегодня мы должны вступить в священные преддверия; потому я и напоминаю об этом наставлении. Если иудеям, когда надлежало приступить им к горящей горе, к огню, тьме, мраку и буре, а лучше сказать, даже и не приступить, а видеть и слышать все издали, еще за три дня велено было воздерживаться от общения с женами и вымыть одежды, если и сами они, а равно и Моисей, находились в страхе и трепете, – то тем более должны показать высшее любомудрие мы, когда нам надлежит услышать такие великие слова и не издали предстать дымящейся горе, а взойти на самое небо; не одежды измыть должны мы, а очистить одеяние души и освободиться от всякой житейской примеси. Не мрак увидите вы, не дым, не бурю, а самого Царя, сидящего на престоле неизреченной Своей славы, предстоящих Ему ангелов и архангелов и сонмы святых с бесчисленными тьмами воинств небесных. Таков град Божий, вмещающий в себе церковь перводных, духи праведных, торжествующее собрание ангелов, кровь кропления, через которую все соединено, небо восприняло земное, земля – небесное, настал мир, давно вожделенный для ангелов и святых. В этом граде водружено блистательное и славное знамя креста: там добыча Христа, начатки нашего естества, стяжания Царя нашего. Обо всем этом мы с точностью узнаем из Евангелий. И если ты будешь следовать за нами с подобающим спокойствием, мы сможем провести тебя повсюду и показать, где ле-

жит пригвожденная (ко кресту) смерть, где повешен грех, где многочисленные и дивные памятники этой войны, этой битвы. Увидишь там и связанного мучителя, сопровождаемого толпой пленников, и ту твердыню, откуда этот гнусный демон в прежнее время производил всюду свои набеги; увидишь убежища и пещеры разбойника, уже разоренные и открытые, потому что и туда приходил Царь. Не утомляйся, возлюбленный! Ты не можешь вдоволь наслушаться, если тебе кто-нибудь рассказывает об обычной войне, о трофеях и победах, и ни пище, ни питью не предпочтешь такого рассказа. Если тебе так приятен такой рассказ, то гораздо более — мой. Представь, в самом деле, каково слышать, как Бог, восстав с небес и царских престолов, нисходил на землю и в самый ад, как Он ополчался на брань, как диавол боролся с Богом, — не с неприкровенным, впрочем, Богом, а с Богом, скрывавшимся под покровом человеческой плоти. И, что удивительно, ты увидишь, как смерть разрушена смертью, как клятва упразднена клятвой, как мучительство диавола ниспровержено тем самым, через что он приобрел силу. Итак, воспрянем и не будем предаваться дремоте! Я вижу уже, как перед нами отверзаются врата. Войдем же с полным благочинием и трепетом. Сейчас мы вступаем в самые преддверия. Что же это за преддверие? *Книга родства Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля* (Мф. I, 1). Что говоришь ты? Обещался сказать о единородном Сыне Божием, а упоминаешь о Давиде, о человеке, который существовал спустя тысячи родов, и его называешь отцом и прародителем? Погоди, не все сразу старайся узнать, а узнавай постепенно и мало-помалу. Ты ведь стоишь еще в преддверии, у самого порога: зачем же спешить во святилище? Ты еще не осмотрел хорошенько всего снаружи. И я пока еще не говорю тебе о пер-

вом – небесном рождении, а лучше сказать, не говорю даже и о втором – земном, потому что и оно неизъяснимо и неизреченно. Об этом раньше меня еще сказал тебе и пророк Исаия, когда именно, возвещая страдания Господа и великое Его попечение о вселенной, поражаемый зрением того, кто Он был, и чем стал, и куда нисшел, он громко и ясно воскликнул: *род Его кто исповесть*? (Ис. LIII, 8).

2. Итак, у нас теперь речь не о том небесном рождении, а об этом дольнем, земном рождении, имевшем тысячи свидетелей. Да и о нем мы будем говорить настолько, насколько то нам возможно по мере полученной благодати Духа. Со всею ясностью нельзя представить и этого рождения, так как и оно полно таинственности. Итак, слыша об этом рождении, не подумай, что слышишь о чем-то маловажном; но воспряни умом своим и ужаснись, как скоро слышишь, что Бог пришел на землю. Оно было так дивно и чудно, что и ангелы, составив хвалебный лик, воздали за него славу за целый мир, и пророки задолго прежде изумлялись тому, что Бог *на земли явися и с человеки поживе* (Варух. III, 38). И подлинно, крайне дивно слышать, что неизреченный, неизъяснимый и непостижимый Бог, равный Отцу, пришел через девическую утробу, благоволил родиться от жены и иметь предками Давида и Авраама. И что говорю – Давида и Авраама? Что еще изумительнее, – тех жен, о которых я упомянул раньше. Слыша это, воспряни и не заподозри ничего унизительного; напротив, тому-то особенно и подивись, что Сын безначального Отца, Сын истинный, благоволил назваться сыном Давидовым, чтобы тебя сделать сыном Божиим, благоволил иметь раба Своим отцом, чтобы тебе, рабу, сделать отцом Владыку. Видишь, какое благовестие в самом же начале? Если же сомневаешься в своем бого-

сыновстве, то уверься в нем, слыша, что было с Ним. По человеческому рассуждению гораздо ведь труднее Богу стать человеком, нежели человеку сделаться сыном Божиим. Итак, когда слышишь, что Сын Божий есть сын Давидов и Авраамов, то не сомневайся уже, что и ты, сын Адамов, будешь сыном Божиим. Не уничижил бы Он Себя напрасно и без цели до такой степени, если бы не хотел возвысить нас. Он родился по плоти, чтобы ты родился по духу; родился от жены, чтобы ты перестал быть сыном жены. Вот почему Его рождение и было двоякое, – с одной стороны, подобное нашему, с другой – превышающее наше. Тем, что родился от жены, Он уподобился нам; тем же, что родился не от крови, не от хотения мужа или плоти, но от Духа Святого, Он предвозвещает превышающее нас будущее рождение, которое Он имел даровать нам от Духа. Таково же было и все прочее. Таково было, например, крещение. И в нем было и нечто ветхое, было и нечто новое: крещение от пророка показывало ветхое, а снисхождение Духа знаменовало новое. Подобно тому как кто-нибудь, став между двоими, стоящими порознь, протянет обоим свои руки и соединит их, так точно сделал и Сын Божий, соединив Ветхий Завет с Новым, божеское естество с человеческим, Свое с нашим. Видишь блистание града Божия? Видишь, каким блеском осиял тебя при самом входе? Видишь, как тотчас же показал тебе Царя в твоем образе, как бы посреди стана? И здесь, на земле, царь не всегда является в своем величии, а часто, сложив порфиру и диадему, облекается в одежду простого воина. Но царь земной делает это для того, чтобы, став известным, не привлечь к себе неприятеля; Царь же небесный, наоборот, для того, чтобы, став известным, не заставить врага бежать от ратоборства с Ним и не привести в смятение

Своих, так как Он желал спасти, а не устрашить. Вот почему Евангелист тотчас же назвал Его и соответствующим именем «Иисус». Это имя «Иисус» не греческое; Иисусом Он называется по-еврейски, что на греческом языке означает Спаситель; Спасителем же Он называется потому, что спас народ Свой.

3. Видишь ли, как Евангелист воскрылил слушателя, как он, говоря обычными словами, открыл в них всем нам то, что выше всякого чаяния? Оба данных имени были хорошо известны у иудеев. Так как события, коим надлежало совершиться, были дивны, то и самим именам предшествовали образы, чтобы, таким способом, заранее был устранен всякий повод к ропоту на нововведение. Так преемник Моисея, введший народ в землю обетованную, называется Иисусом. Видишь образ? Рассмотри и истину. Тот ввел в землю обетованную, этот — на небо и ко благам небесным; тот по смерти Моисея, этот — по прекращении закона; тот — как вождь, этот — как Царь. Но чтобы ты, слыша «Иисус», не приведен был сходством имен в заблуждение, Евангелист присовокупил: *Иисуса Христа, сына Давидова.* Тот Иисус не был сыном Давидовым, а происходил из другого колена. Но почему Матфей называет свое Евангелие «книгой родства Иисуса Христа», тогда как оно содержит не только одно родословие, но и все домостроительство? Потому, что рождение Христа составляет главное во всем домостроительстве, является началом и корнем всех дарованных нам благ. Подобно тому как Моисей называет свой первый труд книгой бытия неба и земли, хотя повествует в ней не только о небе и земле, но и о том, что находится между ними, так и Евангелист назвал свою книгу по главному из дел, совершенных (для нашего спасения). Всего изумительнее, выше всякой надежды и чаяния, действительно,

есть то, что Бог стал человеком; а когда это совершилось, то все последующее и понятно, и естественно.

Но почему Евангелист не сказал сначала: *сына Авраамля*, и затем уже: *сына Давидова*? Не потому, как думают некоторые, что хотел представить родословие по восходящей линии, – потому что тогда он сделал бы так же, как и Лука, а он делает наоборот. Итак, почему же он упомянул сначала о Давиде? Потому, что это был человек у всех на устах, как в силу знаменитости его деяний, так и по времени, потому что умер много позже Авраама. Хотя обетования Бог дал им обоим, но об обетовании, данном Аврааму, как древнем, мало говорили, а обетование, данное Давиду, как недавнее и новое, повторялось всеми. Иудеи сами говорят: не *от Семене ли Давидова и от Вифлеемския веси, идеже бе Давид, Христос приидет*? (Ин. VII, 42). И никто не называл Его сыном Авраамовым, а все звали сыном Давидовым, потому что и по времени жизни, как я уже сказал, и по знатности царствования, Давид у всех был больше в памяти. Вот почему и всех царей, живших после Давида, которых особенно уважали, называли его же именем не только иудеи, но и Сам Бог. Так Иезекииль и другие пророки говорят, что к ним придет и воскреснет Давид; разумеют же не умершего Давида, а подражающих его добродетели. Так Езекии говорит Бог: *защищу град сей Мене ради и Давида ради раба Моего* (4 Цар. XIX, 34); и Соломону говорил, что ради Давида не разделил царство при жизни его (3 Цар. XI, 34). Слава этого мужа велика была и перед Богом, и перед людьми. Вот почему Евангелист непосредственно и начинает родословие с знатнейшего, а потом уже обращается к прародителю древнейшему – Аврааму, возводить же родословие далее находит для иудеев излишним. Эти два мужа возбуждали особенное удивление;

один как пророк и царь, другой как патриарх и пророк. Но откуда видно, спросишь ты, что Христос происходит от Давида? Если Он родился не от мужа, а от одной только жены, а родословия Девы у Евангелиста нет, то по чему мы можем знать, что Христос был потомком Давида? Здесь два вопроса: почему не дается родословия Матери, и почему именно упоминается об Иосифе, который нисколько не был причастен к рождению? Повидимому, последнее излишне, а первое требовалось бы. Что же нужно решить сначала? Вопрос о происхождении Девы от Давида. Итак, откуда мы можем знать, что она происходит от Давида? Слушай: Бог повелевает Гавриилу идти *к Деве, обреченней мужеви, ему же имя Иосиф, от дому* и отечества *Давидова* (Лк. I, 27). Чего же яснее этого хочешь ты, когда слышишь, что Дева была из дома и отечества Давидова?

4. Отсюда ясно, что и Иосиф происходил из того же рода, потому что был закон, повелевавший брать жену не иначе, как из своего колена. А патриарх Иаков предсказал, что Христос восстанет от колена Иудова, говоря так: *не оскудеет князь от Иуды и вождь от чресл его, дондеже приидут отложенная Ему: и Той чаяние языков* (Быт. XLIX, 10). Пророчество это, скажешь ты, действительно показывает, что Христос был от колена Иудова; но что Он происходил и из рода Давидова, этого еще не показывает. Разве в колене Иудовом не было ни одного рода, кроме Давидова? Нет, было много и других родов, и можно было принадлежать к колену Иудову, но не происходить еще из рода Давидова. Чтобы ты не сказал этого, Евангелист разрешает твое сомнение, говоря, что Христос был из дома и отечества Давидова. Если хочешь убедиться в этом иным образом, то мы не затруднимся представить и другое доказательство. У иудеев не позволялось брать жену не только из другого ко-

лена, но и из другого рода или племени. Поэтому, приложим ли мы слова: *от дому и отечеству Давидова* к Деве, сказанное остается несомненным; приложим ли к Иосифу, сказанное о нем будет относиться и к Деве. Если Иосиф был из дома и отечества Давидова, то взял жену не из иного рода, а из того же, из которого происходил и сам. Но что, скажешь ты, если он нарушил закон? Евангелист предупредил и это возражение, засвидетельствовав, что Иосиф был праведен, так что, зная его добродетель, ты можешь быть уверен и в том, что он не нарушил бы закона. Будучи столь кротким и чуждым страсти, что, даже побуждаемый подозрением, не захотел подвергать наказанию Деву, ужели бы он нарушил закон ради плотского удовольствия? Мудрствуя выше закона (так как отпустить, и отпустить тайно, свойственно было человеку, который мудрствовал выше закона), ужели бы он сделал что-нибудь вопреки закону, и притом без всякой побудительной причины? Итак, из сказанного ясно, что Дева происходила из рода Давидова. Теперь следует сказать, почему Евангелист дал не ее родословие, а Иосифа. Итак, почему же? У иудеев не было обычая вести родословие по женской линии; поэтому, чтобы соблюсти и обычай, и не оказаться при самом же начале его нарушителем, а с другой стороны – показать нам и происхождение Девы, Евангелист, умолчав о Ее предках, и представил родословие Иосифа. Если бы он представил родословие Девы, это почли бы новшеством; если бы умолчал об Иосифе, мы не знали бы предков Девы. Итак, чтобы мы знали, кто была Мария, откуда происходила, и вместе не был нарушен обычай, Евангелист представил родословие ее обручника и показал, что он происходит из дома Давидова. А раз это доказано, тем самым доказано и то, что и Дева была из того же рода, потому что

этот праведник, как я сказал выше, не допустил бы себе взять жену из чужого рода. Можно, впрочем, указать и другую причину, более таинственную, по которой умолчано о предках Девы; но теперь не время открывать ее, потому что и так уже много сказано. Итак, окончив здесь разбор вопросов, постараемся пока с точностью запомнить то, что объяснилось для нас, а именно: почему сперва упомянуто о Давиде, почему Евангелист назвал свою книгу книгой родства, почему прибавил: *Иисуса Христа,* в чем рождение Христа было сходно с нашим и в чем несходно, чем доказывается происхождение Марии от Давида, почему представлено родословие Иосифа и умолчано о предках Девы. Если вы сохраните все это, то возбудите и в нас большее усердие к дальнейшим изъяснениям; а если отнесетесь небрежно и забудете, то и у нас будет меньше охоты изъяснять прочее. Ведь и земледелец не захочет заботиться о семенах, если земля погубит у него посеянное прежде. Итак, прошу вас заняться сказанным. От таких занятий происходит великое и спасительное благо для души. Имея заботу о таких занятиях, мы можем угодить Богу, и уста наши, когда мы упражняем их беседами духовными, будут чисты от укоризн, срамословия и ругательств. Мы будем страшны и для демонов, когда вооружим язык свой такими беседами; в большей мере привлечем на себя и благодать Божию; проницательнее сделается и взор наш. Бог дал нам и очи, и уста, и слух для того, чтобы все члены служили Ему, чтобы мы угодное Ему говорили, чтобы угодное Ему делали, чтобы воспевали Ему непрестанные песни хвалы, чтобы воссылали благодарения и, таким образом, очищали свою совесть. Как тело, наслаждаясь чистым воздухом, становится здоровее, так и душа, питаясь такими занятиями, делается мудрее.

5. Не замечал ли ты, что и из телесных очей, если они постоянно бывают в дыму, всегда текут слезы, а на свежем воздухе, на лугу, при источниках и в садах они становятся и здоровее и, острее. То же бывает и с оком душевным. Если оно питается на лугу духовных учений, то бывает чистым, ясным и проницательным, а если погружается в дым житейских попечений, то непрестанно будет точить и проливать слезы и в этой, и в будущей жизни. Подлинно, дыму подобны дела человеческие. Потому-то некто и сказал: *изчезоша яко дым дние мои* (Пс. CI, 4). Но пророк хотел этими словами выразить только мысль о краткости и непостоянстве жизни человеческой, а я сказал бы, что их должно разуметь не в этом только смысле, но и как указание на мятежность жизни. Действительно, ничто так не угнетает и не возмущает душевного ока, как толпа житейских забот и рой пожеланий; это – дрова упомянутого дыма. Подобно тому как обыкновенный огонь, охватывая вещество влажное и промокшее, разводит густой дым, так точно и сильная пламенная страсть, завладевая вялой и слабой душой, производит большой дым. Вот почему и необходима роса Духа и легкое Его веяние, чтобы угасить этот огонь, развеять этот дым и окрылить наш разум. Невозможно, невозможно никак обремененному таким злом воспарить к небу. Нет; нам надобно быть хорошо препоясанными, чтобы совершить этот путь, а вернее сказать – и при этом невозможно, если не возьмем крыльев Духа. Итак, если нам нужен и легкий ум, и благодать Духа, чтобы взойти на эту высоту, а у нас ничего этого нет, если, напротив, мы влачим с собой только противное и сатанинскую тяжесть, то как мы можем воспарить, когда такая тяжесть влечет нас долу? Если бы кому-нибудь вздумалось на верных весах взвесить наши слова, то в тысяче талантов житейских

разговоров он едва ли найдет и сто динариев духовных слов, а вернее сказать — не найдет и десяти оволов. Не стыдно ли, не смешно ли до последней степени, что мы, имея слугу, употребляем его обычно на дела нужные, а, владея языком, с собственным нашим членом не обходимся даже так, как со слугой, а употребляем его, напротив, на дела бесполезные и напрасные? Да если бы только на напрасные! А мы делаем из него противное и вредное употребление, от которого нам нет никакой пользы. Если бы для нас было полезно то, что мы говорим, то наши речи были бы, конечно, угодны и Богу.

А между тем мы только и говорим, что внушит диавол: то насмехаемся, то остροсловим; то проклинаем и обижаем, то клянемся, лжем и преступаем клятвы; то с досады не хотим вымолвить и слова, то пустословим и болтаем хуже старух, говоря о том, что до нас вовсе не касается. Кто из вас, здесь присутствующих, скажите мне, если спросить, может прочитать хотя один псалом или какое-нибудь другое место из Священного Писания? Ни один! И не это только удивительно, а и то, что вы, будучи так ленивы на дела духовные, на дела сатанинские оказываетесь быстрее огня. Если кто вздумает спросить вас о песнях диавольских, о напевах распутных и сладострастных, то найдет, что многие знают их прекрасно и пропоют с полным удовольствием. И чем оправдываются, если станешь в том обвинять? Я, говорят, не монах, а имею жену и детей, хлопочу о доме. От этого-то именно и происходит весь вред, что вы думаете, будто чтение Божественного Писания подобает одним только монахам, тогда как сами вы нуждаетесь в нем гораздо более их. Кто живет в мире и каждый день получает новые раны, для того особенно и нужно врачевство. Поэтому считать излишним чтение Писания

гораздо хуже, чем не читать его. Такая мысль — сатанинское внушение.

6. Не слышите ли, как говорит Павел, что все это написано *в научение наше* (1 Кор. X, II)? А ты, который не осмеливаешься взяться за Евангелие неумытыми руками, ужели не думаешь, что заключающееся в нем чрезвычайно важно? Вот почему все и идет навыворот. Если тебе хочется узнать, как велика польза от Писания, понаблюдай за собой, что с тобой бывает, когда ты слушаешь псалмы, и что — когда слушаешь сатанинскую песню; в каком расположении ты проводишь время в церкви, и в каком сидишь в театре. Тогда ты увидишь разницу между тем и другим состоянием души, хотя душа одна и та же. Вот почему Павел и сказал: *тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор. XV, 53). Вот почему нам и нужны постоянно духовные песнопения. В этом-то и состоит наше превосходство над бессловесными животными, хотя в других отношениях мы им значительно и уступаем. Это — пища души, это — ее украшение, это — ее ограждение; наоборот, не слушать Писания для души — голод и пагуба. Дам им, говорит Господь, *не глад хлеба, не жажду воды, но глад слышания слова Господня* (Ам. VIII, 11). Может ли быть что бедственнее, когда ты сам на собственную свою голову навлекаешь то зло, которым Бог угрожает как наказанием, томишь душу ужасным голодом и делаешь ее слабейшею всего на свете? Обыкновенно слово и портит душу, и исцеляет ее; слово и возбуждает в ней гнев, и оно же опять укрощает ее; срамное слово разжигает похоть, слово пристойное располагает к целомудрию. Если же слово вообще имеет такую силу, то как же ты, скажи мне, пренебрегаешь Писание? Если простое увещание так сильно действует, то гораздо более — увещания, сопровождаемые действием Духа. Слово, произ-

несенное от Божественного Писания, сильнее огня умягчает ожесточенную душу и делает ее способной на все прекрасное. Таким средством и Павел, когда узнал о коринфянах, что они стали гордыми и надменными, смирил их и сделал их более скромными. Они превозносились тем, что должны были считать стыдом и позором. Но слушай, какая в них произошла перемена, когда они получили послание. О ней засвидетельствовал сам учитель, когда говорил им: *сие бо самое, еже по Бозе оскорбитися вам, колико содела в вас тщание, но ответ, но негодование, но страх, но вожделение, но ревность, но отмщение* (2 Кор. VII, 11). Этим средством мы можем управлять и слугами, и детьми, и женами, и друзьями; можем и врагов делать друзьями. Этим путем и великие мужи, други Божии, достигали совершенства. Так Давид по совершении греха, как скоро внял слову, тотчас явил в себе прекраснейший образец покаяния (2 Цар. XII, 13) и апостолы при помощи слова стали тем, чем были впоследствии, и посредством слова обратили всю вселенную. Но что, скажешь, за польза, когда иной слушает, а не исполняет того, о чем говорят ему? Немалая польза будет и от одного слушания. По крайней мере, человек узнает себя, поскорбит, а когда-нибудь дойдет и до того, что будет исполнять слышанное. А кто не знает даже, что грешит, перестанет ли когда грешить? Может ли прийти в познание самого себя? Итак, не будем пренебрегать слушанием Священного Писания. Это умысел диавола — не дозволить нам видеть сокровища, чтобы мы не обогатились. Он боится, чтобы слушание у нас не перешло в дело; потому и внушает нам, что одно слушание не имеет никакого значения. Итак, зная этот лукавый его умысел, оградимся со всех сторон, чтобы, защитившись оружием слова Божия, не только самим не попасться в плен, но и ему

сокрушить голову и, увенчавшись таким образом победными знаками, достигнуть будущих благ по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА III

Книга родства Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля (Мф. I, 1)

1. Вот уже третья беседа, а мы еще не кончили предисловия. Итак, не напрасно говорил я, что размышления эти, по свойству своему, весьма глубоки. Постараемся же сегодня досказать о том, что остается. О чем же теперь у нас вопрос? О том, для чего Евангелист представляет родословие Иосифа, который нимало не был причастен к рождению Христа. Одну причину мы уже указали; надобно открыть и другую, которая таинственнее и сокровеннее первой. Какая же это причина? Евангелист не хотел, чтобы при самом рождении известно было иудеям, что Христос родился от Девы. Но не смущайтесь, если сказанное мной для вас странно; я говорю здесь не свои слова, но слова отцов наших, чудных и знаменитых мужей. Если Господь и многое первоначально скрывал во мраке, называя Себя сыном человеческим; если Он и не везде ясно открывал нам Свое равенство с Отцом, — то чему дивиться, если Он скрывал до времени и о Своем рождении от Девы, устрояя нечто чудное и великое? Что же здесь чудного, скажешь ты? То, что Дева сохранена и избавлена от худого подозрения. Иначе, если бы об этом с самого начала сделалось известным иудеям, они, перетолковав слова в худую сторону, побили бы Деву камнями и осудили, как блудницу. Если уже и в таких случаях, коих

примеры часто встречались им еще в Ветхом Завете, они обнаруживали свое бесстыдство (например, называли Христа беснующимся, когда Он изгонял бесов, почитали Его противником Богу, когда исцелял больных в субботу, несмотря на то, что суббота и прежде уже многократно была нарушаема), – то чего бы не сказали они, услышав об этом? Им благоприятствовало и то, что в прежнее время никогда не случалось ничего подобного. Если и после многочисленных Его чудес они называли Иисуса сыном Иосифовым, то как бы поверили, еще прежде чудес, что Он родился от Девы? Вот почему и пишется родословие Иосифа, и обручается ему Дева. Когда даже Иосиф, муж праведный и дивный, чтобы поверить такому событию, имел нужду во многих доказательствах, – в явлении ангела, сонном видении, свидетельстве пророков, – то как же бы приняли такую мысль иудеи, народ грубый и развращенный, и так враждебно расположенный ко Христу? Без сомнения, их крайне возмутило бы такое необыкновенное и новое событие, когда они и слухом не слыхали, чтобы нечто подобное случилось у предков. Кто однажды уверовал, что Иисус есть Сын Божий, тот не стал бы уже и в этом сомневаться. Но кто почитает Его льстецом и противником Богу, как не соблазнился бы этим еще более и не возымел бы указанного подозрения? Вот почему и апостолы не с самого начала говорят о рождении от Девы. Напротив, они часто и много говорят о воскресении Христовом, потому что примеры воскресения были уже и в прежние времена, хотя и не такие; а о рождении Его от Девы говорят редко. Даже сама Матерь Его не смела объявлять о том. Посмотри, что говорит Дева самому Христу: *се Аз и отец Твой искахом Тебе* (Лк. II, 48)! Почитая Его рожденным от Девы, не стали бы уже признавать сыном Давидовым;

а отсюда произошло бы много и других зол. Потому и ангелы возвестили об этом одной только Марии и Иосифу; когда же благовествовали о рождении пастырям, не присовокупили уже об этом. Но для чего Евангелист, упомянув о Аврааме и сказав, что он родил Исаака, а Исаак Иакова, не упоминает о брате последнего, между тем как после Иакова упоминает и о Иуде, и о братьях его?

2. Причиной этого некоторые поставляют злонравие Исава, то же говоря и о других некоторых предках. Но я этого не скажу: если бы это было так, то почему же немного после Евангелист упоминает о порочных женах? Очевидно, здесь слава Иисуса Христа обнаруживается через противоположность, не через величие, а через ничтожество и низость Его предков. Для высокого в том-то и слава великая, если он может уничижить себя до крайней степени. Итак, почему же Евангелист не упомянул об Исаве и других? Потому что сарацины и измаильтяне, арабы и все, которые произошли от тех предков, не имели ничего общего с народом израильским. Потому и умолчал он об них, а обращается прямо к предкам Иисуса и народа иудейского, говоря: *Иаков же роди Иуду и братию его.* Здесь уже означается род иудейский. *Иуда же роди Фареса и Зару от Фамари.*

Что делаешь ты, богодухновенный муж, напоминая нам историю беззаконного кровосмешения? Что же в том? Отвечает он. Если бы мы стали перечислять род какого-либо обыкновенного человека, то прилично бы было умолчать о таком деле. Но в родословии воплотившегося Бога не только не должно умолчать, но еще велегласно надлежит возвестить об этом, для того, чтобы показать Его промышление и могущество. Он и пришел не для того, чтобы избегать позора нашего, но чтобы уничтожить его. Как особенно удивляемся не

тому, что Христос умер, но тому, что и распят (хотя это и поносно, – но чем поноснее, тем большее показывает в Нем человеколюбие), так можно сказать и о рождении: Христу должно удивляться не только потому, что воспринял на Себя плоть и соделался человеком, но и потому еще, что порочных людей удостоил быть Своими сродниками, не стыдясь нимало наших пороков. Так, с самого начала рождения Он показал, что не гнушается ничем нашим, научая тем и нас не стыдиться злонравия предков, но искать только одного – добродетели. Человек добродетельный, хотя бы происходил от иноплеменника, хотя бы родился от блудницы или другой какой грешницы, не может получить от этого никакого вреда. Если и самого блудника, если он переменится, прежняя жизнь нисколько не позорит, то тем более человека добродетельного, если он произошел от блудницы или прелюбодейцы, нимало не может позорить порочность его родителей. Впрочем, Христос поступал так не только для нашего научения, но и для укрощения гордости иудеев. Так как они, нерадя о душевной добродетели, при всяком случае превозносились только Авраамом и думали оправдаться добродетелью предков, то Господь с самого начала и показывает, что надлежит хвалиться не родом, но собственными своими заслугами. Притом Он хочет еще показать и то, что все, и самые праотцы, виновны во грехах. Так патриарх, от которого и самое имя получил народ иудейский, оказывается немалым грешником: Фамарь обличает его в блудодеянии. И Давид от жены прелюбодейной родил Соломона. Если же такие великие мужи не исполнили закона, то тем более те, которые ниже их. А если не исполнили, то все согрешили, и пришествие Христа было необходимо. Для того Евангелист упомянул и о двенадцати патриархах, чтобы унизить тем иудеев, пре-

возносившихся знаменитыми предками. Ведь многие из патриархов рождены были от рабынь, и однако ж различие родивших не произвело различия между рожденными. Все они равно были и патриархами, и родоначальниками колен. В этом-то и состоит преимущество Церкви; в этом отличие нашего благородства, прообразованное еще в Ветхом Завете. Хотя бы ты был раб, хотя бы свободный, тебе нет от этого ни пользы, ни вреда; одно только потребно — воля и душевное расположение.

3. Кроме сказанных, есть еще причина, по которой Евангелист упомянул об истории кровосмешения Иудина. Не без цели к Фаресу присоединен Зара. Повидимому, напрасно и излишне было бы после Фареса, от которого надлежало вести родословие Христа, упоминать еще о Заре. Для чего же упомянуто? Когда Фамари пришло время родить их и начались болезни, Зара первый показал руку. Повивальная бабка, увидев это, чтобы заметить первенца, перевязала ему руку красной нитью. Когда же рука была перевязана, младенец сокрыл ее, и тогда родился Фарес, а потом Зара. Видя это, повивальная бабка сказала: *что пресечеся тебе ради преграждение?* (Быт. XXXVIII, 29). Примечаешь ли таинственное прообразование? Не без причины об этом для нас написано, — так как не стоило бы повествовать о том, что сказала когда-то повивальная бабка и рассказывать, что родившийся вторым первый выставил руку. Итак, что значит это прообразование? Во-первых, разрешает этот вопрос имя младенца: Фарес означает разделение и рассечение. Во-вторых, само событие: не по естественному порядку происходило то, что показавшаяся рука, будучи перевязана, опять сокрылась. Тут не было ни разумного движения, ни естественного порядка. Родиться другому тогда, когда один показал руку,

может быть, естественно; но сокрыть ее, чтобы дать путь другому, — это уже несогласно с законом рождаемых. Нет, здесь присутствовала благодать Божия, устроившая рождение младенцев, и предначертывавшая через них для нас некоторый образ будущих событий. Что же именно? Те, кто тщательно вникал в это происшествие, говорят, что эти младенцы прообразовали два народа. Потом, чтобы ты знал, что бытие второго народа, предваряет происхождение первого, младенец не показывается весь, а только протягивает руку, но и ее опять скрывает, и уже после того, как брат его весь вышел на свет, и он весь является. Так и случилось с тем и другим народом. Сначала во времена Авраама явилась жизнь церковная, затем, когда она сокрылась, произошел иудейский народ с жизнью подзаконной, а после того явился уже целый новый народ со своими законами. Потому-то повивальная бабка и говорит: *что пресечеся тебе ради преграждение?* Прившедший закон пресек свободу жизни. И Писание обыкновенно называет закон преграждением. Так пророк Давид говорит: *низложил еси оплот* (преграждение) *его и объмают и вси мимоходящии путем* (Пс. LXXIX, 13). И Исаия: *ограждением оградих* его (Ис. V, 2). И Павел: *и средостение ограды разоривый* (Еф. II, 14).

4. Другие утверждают, что слова: *что пресечеся тебе ради преграждение?* сказаны о новом народе, поскольку он своим появлением упразднил закон. Видишь ли, что не по немногим и маловажным причинам Евангелист упомянул о всей истории Иуды? Для того же упоминается о Руфи и Рааве, из которых одна была иноплеменница, а другая блудница, то есть чтобы научить тебя, что Спаситель пришел уничтожить все наши грехи, пришел как врач, а не как судья. Подобно тому как те взяли в замужество блудниц, так и Бог сочетал с Собой прелю-

бодейную природу. Пророки древле применяли это и к синагоге; но она оказалась неблагодарной к своему Супругу. Напротив, Церковь, единожды освобожденная от отеческих пороков, осталась в объятиях Жениха. Посмотри и на то, что в приключениях Руфи сходно с нашими. Она была чужестранка и доведена до крайней бедности, – и, однако, увидевший ее Вооз не презрел ее бедности и не погнушался низким ее происхождением. Точно так же и Христос, восприявший Церковь иноплеменную и весьма обнищавшую, сделал ее участницей великих благ. И как та никогда не вступила бы в такое супружество, если бы не оставила наперед отца и не презрела дома, рода, отечества и сродников, так и Церковь, когда оставила отеческие нравы, тогда соделалась любезной Жениху. Об этом и пророк, обращаясь к Церкви, говорит: *забуди люди твоя, и дом отца твоего, и возжелает Царь доброты твоея* (Пс. XLIV, 11, 12). Так поступила и Руфь и через то соделалась матерью царей, равно как и Церковь, потому что от нее произошел Давид. Итак, Евангелист составил родословие и поместил в нем этих жен для того, чтобы такими примерами пристыдить иудеев и научить их не превозноситься. Руфь была родоначальницей великого царя, и Давид не стыдится этого.

Невозможно, совершенно невозможно через добродетели или пороки предков быть честным или бесчестным, знаменитым или неизвестным. Напротив, я должен сказать, – хотя бы мои слова показались и странными, – что тот-то более и знаменит, кто, будучи рожден не от добрых родителей, сделался добрым. Итак, никто пусть не гордится предками; но, размышляя о прародителях Господа, пусть отложит всякое тщеславие и хвалится своими заслугами, а лучше и ими не хвалится. От самохвальства фарисей стал хуже мы-

таря. Если хочешь показать великую добродетель, не высокомудрствуй и тогда покажешь еще большую; не думай, что, совершив что-нибудь, ты уже и все сделал. Если мы становимся праведными тогда, когда, будучи грешниками, считаем себя тем, что мы в самом деле, как случилось с мытарем, то сколько более тогда, когда, будучи праведными, считаем себя грешниками? Если смиренномудрие из грешников делает праведными, хотя бы то и не было смиренномудрие, но искреннее сознание; и если искреннее сознание имеет такую силу в грешниках, то – смотри, чего не сделает смиренномудрие в праведниках? Итак, не губи трудов своих, не делай, чтобы твой пот был пролит напрасно и ты, пробежав тысячи поприщ, лишился всякой награды. Господь гораздо лучше тебя знает твои заслуги. Если ты дашь чашу холодной воды, – Он и этого не презрит. Если подашь один овол, если только воздохнешь, – Он все примет с великой благосклонностью, и вспомнит и определит за это великие награды. Для чего же ты рассматриваешь свои добродетели и постоянно выставляешь их нам напоказ? Или ты не знаешь, что, если хвалишь самого себя, не будешь уже похвален Богом? Равным образом, если ты унижаешь самого себя, Он непрестанно будет прославлять тебя перед всеми? Он не хочет уменьшить награду за труды твои. Что я говорю: уменьшить? Он все делает и устрояет, чтобы и за малое увенчать тебя, и ищет всяких предлогов, за что бы избавить тебя от геенны.

5. Вот почему, хотя бы ты потрудился только одиннадцатый час дня, Господь даст тебе полную награду. «Хотя не за что спасти тебя, – скажет Он, – Я это делаю для Себя, чтобы не осквернялось имя Мое» (ср. Иез. XXXVI, 22, 32). Если только вздохнешь, только прослезишься, Он сам тотчас воспользуется всем этим,

как случаем к твоему спасению. Итак, не будем превозноситься, будем называть себя непотребными, чтобы быть благопотребными. Если ты сам называешь себя достойным похвалы, то ты непотребен, хотя бы и в самом деле был достоин похвалы; напротив, если ты сам называешь себя непотребным, сделаешься благопотребным, хотя бы был недостоин похвалы. Вот почему должно забывать о своих добрых делах. Но ты скажешь: как можно не знать того, что нам совершенно известно? Что ты говоришь? Ты непрестанно оскорбляешь Господа, живешь в неге и веселии и не знаешь того, что ты грешил, предавая все забвению, а не можешь позабыть о своих добрых делах? Хотя страх гораздо сильнее, но у нас бывает напротив: каждый день оскорбляя Бога, мы не обращаем на то и внимания, а если подадим бедному хотя малую монету, то носимся с этим постоянно. Это крайнее безумие, и величайший ущерб для того, кто собирает. Забвение добрых своих дел есть самое безопасное их хранилище. И как одежда и золото, если мы раскладываем их на торгу, привлекают многих злоумышленников, а если убираем и скрываем их дома, то соблюдаются в полной безопасности, так если и добрые свои дела мы постоянно держим в памяти, то раздражаем Господа, вооружаем врага и возбуждаем его к похищению, а если никто не будет знать их, кроме Того, Кому надлежит знать, то они пребудут в безопасности. Итак, не хвались постоянно своими добрыми делами, чтобы кто-нибудь не лишил тебя их, чтобы с тобой не случилось того же, что было с фарисеем, который носил их на языке своем, откуда и похитил их диавол. Хотя он и с благодарением вспоминал о них и все возносил к Богу, но и это не спасло его, потому что благодарящему Бога неприлично поносить других, показывать свое преимущество перед

большинством и превозноситься перед грешниками. Если ты благодаришь Бога, то тем только и довольствуйся; не говори о том людям и не осуждай ближнего, потому что это уже не есть дело благодарности. Хочешь знать, как нужно выражать благодарность? Послушай, что говорят три отрока: *согрешихом и беззаконновахом* (Дан. III, 29); *праведен еси Господи о всех, яже сотворил еси нам* (27), *яко истинным судом вся навел еси* (31). Исповедовать свои согрешения и значит благодарить Бога; кто исповедует свои грехи, тот показывает этим, что он виновен в бесчисленных грехах и только не получил достойного наказания. Он-то наиболее и благодарит Бога. Итак, будем остерегаться хвалить себя за доброе, потому что это делает нас и перед людьми ненавистными, и перед Богом мерзкими. Потому, чем больше будем делать добра, тем меньше будем говорить о себе. Таким только образом можем приобрести величайшую славу и у Бога, и у людей; вернее же сказать — у Бога не только славу, но и награду, и великое воздаяние. Итак, не требуй награды, чтобы получить награду; исповедуй, что ты спасаешься благодатью, чтобы Бог и сам признал Себя твоим должником не только за твои добрые дела, но и за твою благопризнательность. Когда мы делаем добро, то Он нам должен бывает только за наши дела; а когда вовсе и не думаем, что сделали какое-нибудь доброе дело, то Он нам остается должным и за такое наше расположение, и притом более, нежели за дела, — так что такое наше расположение равняется самим добродетелям, а без него и сами дела неважны. Так и мы оказываем благоволение нашим слугам особенно тогда, когда они, во всем услуживая нам с усердием, думают, что еще не сделали для нас ничего важного.

Итак, если и ты желаешь, чтобы твои добрые дела были велики, то не почитай их великими, и тогда они

будут велики. Так и сотник говорил: *несмь достоин, да под кров мой внидеши* (Мф. VIII, 8), и через это сделался достойным и заслужил удивление более всех иудеев. Так и Павел говорил: *несмь достоин нарещися апостол* (1 Кор. XV, 9), и чрез это сделался первым из всех. Так и Иоанн говорил: *несмь достоин отрешити ремень сапогу Его* (Лк. III, 16), и за то был другом Жениха, и ту руку, которую считал недостойной прикоснуться к сапогам, Христос возложил на Свою главу. Так и Петр говорил: *изыди от мене, яко муж грешен есмь* (Лк. V, 8), и за это стал основанием Церкви. Подлинно, ничто так не приятно Богу, как если кто считает себя в числе величайших грешников. Это есть начало всякого любомудрия: смиренный и сокрушенный никогда не будет ни тщеславиться, ни гневаться, ни завидовать ближнему, словом — не будет питать в себе ни одной страсти. Разбитую руку, сколько бы мы ни старались, никак не можем поднять вверх; если подобным образом сокрушим и душу, то хотя бы тысяча страстей, надмевая, вздымали ее, она нисколько не поднимется. Если тот, кто плачет о житейских делах, изгоняет все душевные болезни, то гораздо более оплакивающий свои грехи сделается любомудрым. Кто же, скажешь ты, может так сокрушить свое сердце? Послушай Давида, который особенно этим прославился, посмотри на сокрушение его души. Когда он, совершив уже множество подвигов, подвергся опасности лишиться отечества, дома и самой жизни и в самую минуту несчастья увидел, что один низкий и презренный воин ругается над его бедствием и поносит его, то не только сам он не отвечал ругательствами, но запретил и военачальнику, который хотел его убить, говоря: *оставите его,* потому что Господь повелел ему (2 Цар. XVI, 11). И в другой раз, когда священники просили у него позволения нести за ним кивот, то он не согласился, но что сказал? «Пусть стоит во храме,

и если освободит меня Бог от настоящих бед, увижу лепоту его. Если же скажет: не благоволю к тебе: се аз, да сотворит мне угодное перед Ним» (2 Цар. XV, 25). А то, что он делал в отношении к Саулу не раз, не два, но многократно, какую показывает высоту мудрости? Такое поведение было выше Ветхого Закона и приближалось к заповедям апостольским. Потому он все принимал от Господа с любовью, не исследуя того, что с ним происходит, но стараясь единственно о том, чтобы всегда повиноваться и следовать данным от Него законам. И по совершении столь великих подвигов, видя принадлежащее себе царство в руках мучителя, отцеубийцы, братоубийцы, притеснителя, беснующегося, он не только тем не соблазнялся, но говорил: если угодно так Богу, чтобы я был гоним, скитался и бегал, а враг мой был в чести, то я принимаю это с любовью и еще благодарю за бесчисленные бедствия. Он не так поступал, как многие бесстыдные и дерзкие, которые, не совершив и малейшей части его подвигов, едва увидят когонибудь в благополучном состоянии, а себя хотя в малой скорби, бесчисленными хулениями губят душу свою. Не таков был Давид, но во всем показывал кротость. Потому и Бог сказал: *обретох Давида,* сына Иессеева, мужа по сердцу Моему (Пс. LXXXVIII, 21). Постараемся и мы иметь такую душу, и что бы с нами ни случилось, будем переносить с кротостью, и здесь, до получения царства, соберем плоды смиренномудрия. *Научитеся от Мене,* говорит Господь, *яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. XI, 29). Итак, чтобы нам наслаждаться покоем и здесь и там, со всем тщанием будем насаждать в душах наших матерь всех благ, то есть смиренномудрие. С помощью этой добродетели мы сможем без волнений переплыть и море настоящей жизни, и достигнуть тихой пристани, благодатью и

человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IV

Всех же родов от Авраама до Давида, родове четыренадесяте; и от Давида до преселения Вавилонскаго, родове четыренадесяте; и от преселения Вавилонскаго до Христа, родове четыренадесяте (I, 17)

1. Евангелист разделил все родословие на три части, желая тем показать, что иудеи с переменой правления не делались лучшими; но и во время аристократии, и при царях, и во время олигархии предавались тем же порокам: под управлением судей, священников и царей не оказали никакого успеха в добродетели. Но для чего же Евангелист в средней части родословия опустил трех царей, а в последней, поместив двенадцать родов, сказал, что их четырнадцать? Первое предоставляю собственному вашему исследованию, не почитая нужным решать для вас все, чтобы вы не обленились; о втором же скажем. Мне кажется, что он причисляет к родам время пленения, и самого Иисуса Христа, всюду совокупляя Его с нами. И кстати упоминает о пленении, показывая, что иудеи и в плену не сделались благоразумнее, так что из всего была видна необходимость пришествия Христова. Но скажут: почему Марк не делает того же и не излагает родословия Иисусова, а говорит обо всем кратко? Думаю, что Матфей прежде других писал Евангелие, – почему и излагает с точностью родословие, и останавливается на важнейших обстоятельствах, а Марк писал после него, – почему наблюдал краткость, как повествующий о том, что было уже пе-

ресказано и сделалось известным. А почему Лука излагает также родословие, и притом еще полнее? Потому, что он, имея в виду Евангелие Матфея, хочет доставить нам больше сведений, чем Матфей. Притом каждый из них подражал учителю: один — Павлу, который разливается, как река, а другой — Петру, который любит краткость. А почему Матфей в начале Евангелия не сказал, по примеру пророков: *видение, которое я видел,* или: *слово бывшее мне*? Потому, что писал к людям благомыслящим и таким, которые были к нему весьма внимательны. И бывшие чудеса подтверждали им писанное, и читатели исполнены были веры. Во времена же пророков не было столько чудес, которые бы подтверждали их проповедь, напротив, являлось множество лжепророков, которым охотнее внимал, иудейский народ, — почему им и нужно было таким образом начинать свои пророчества. А если когда и бывали чудеса, то бывали для язычников, чтобы они в большем числе обращались к иудейству, и для явления силы Божией, когда враги, покорявшие себе иудеев, думали, что они победили их силой своих богов. Так случилось в Египте, откуда вышло за иудеями множество народа: таковы же после были в Вавилоне — чудо в печи и сновидения. Впрочем, были чудеса и в пустыне, когда находились там иудеи одни, как было и у нас; и у нас явлено множество чудес, когда мы выходили из заблуждения. Но после, когда благочестие всюду насаждено, чудеса прекратились. Если же бывали чудеса у иудеев и после, то не в большом числе и изредка, как то: когда остановилось солнце, и в другой раз, когда отступило назад. Опять и у нас можно видеть то же: и в наше время с Иулианом, превзошедшим всех в нечестии, много совершилось чудесного. Когда иудеи предприняли восстановление иерусалимского храма, огонь вышел из-под основания

и помешал работам; и когда Иулиан безумно посягнул поругаться над священными сосудами, хранитель сокровищ и дядя Иулианов, соименный ему, первый умер — изъеденный червями, а другой расселся пополам. И то было весьма важное чудо, что во время принесения там жертв иссякли источники и что в царствование Иулианово города были постигнуты голодом.

2. Бог обыкновенно творит знамения, когда умножается зло. Когда видит, что Его рабы утеснены, а противники без меры упиваются мучительством над ними, тогда показывает собственное Свое владычество. Так поступил Он с иудеями в Персии. Итак, из сказанного видно, что Евангелист не без причины и не случайно разделил предков Христовых на три части. Заметь же, кем начинает и кем оканчивает. Начав с Авраама, ведет родословие до Давида; потом с Давида до переселения Вавилонского, а с последнего до самого Христа. Как в начале всего родословия обоих — Давида и Авраама — поставил рядом, так точно упомянул об обоих и в конце родословия, потому что, как я прежде сказал, им даны были обетования. Почему же, упомянув о переселении в Вавилон, не упомянул о переселении в Египет? Потому что египтян иудеи уже не боялись, а вавилонян еще трепетали, и потому, что первое случилось давно, а последнее недавно; притом в Египет отведены были не за грехи, а в Вавилон за беззакония. Если же кто пожелает вникнуть в значение самих имен, то и здесь найдет много предметов для созерцания, много такого, что послужит к объяснению Нового Завета; таковы имена Авраама, Иакова, Соломона и Зоровавеля, так как имена эти даны им не без намерения. Но чтобы не наскучить вам продолжительностью, умолчим об этом и займемся необходимым. Итак, когда Евангелист перечислил всех предков и окончил Иосифом, он не

остановился на этом, но присовокупил: *Иосифа мужа Мариина,* показывая, что для Марии упоминал в родословии об Иосифе. Потом, чтобы ты, услышав о муже Марии, не подумал, что Иисус родился по общему закону природы, смотри, как он устраняет эту мысль дальнейшими словами. Ты слышал, говорит он, о муже, слышал о Матери, слышал об имени, данном Младенцу; теперь выслушай и то, как Он родился. *Иисус-Христово рождество сице бе.* Скажи мне, о каком рождении говоришь ты? Ты уже сказал мне о предках. Хочу, говорит Евангелист, сказать и об образе рождения. Видишь ли, как он возбудил внимание слушателя? *Как* бы намереваясь сказать нечто новое, обещает изъяснить образ рождения. И заметь, какой превосходный порядок в рассказе. Не вдруг стал говорить о рождении, но прежде напоминает нам, которым был Христос (в порядке родов) от Авраама, которым от Давида и от переселения в Вавилон; а этим побуждает слушателя тщательно исследовать время, желая показать, что Он есть тот самый Христос, Который предвозвещен пророками. В самом деле, когда исчислишь роды и по времени узнаешь, что Иисус есть точно Христос, тогда без затруднения поверишь и чуду, совершившемуся в рождении. Поелику же Евангелисту нужно было говорить о великом деле, каково рождение от Девы, то сперва, не приступая к исчислению времени, он с намерением затемняет речь, упоминая о муже Марии, и даже прерывает повествование о рождении, а потом исчисляет уже лета, напоминая слушателю, что рожденный есть Тот самый, о Котором говорил патриарх Иаков, что Он явится при оскудении князей от Иуды, и о Котором пророк Даниил предвозвестил, что Он придет по истечении многих седмиц. И если кому угодно те годы, которые ангел определил Даниилу числом седмиц, от построения го-

рода вычислить до рождения Иисусова, тот увидит, что время рождения Его согласно с предсказанием. Итак, скажи, как Иисус родился? *Обрученей бывшей Матери Его, Марии.* Не сказал: Деве, но просто: Матери, чтобы речь была понятнее. Но, приведя сперва слушателя в ожидание услышать нечто обыкновенное и удержав его в этом ожидании, вдруг изумляет присовокуплением необыкновенного, говоря: *прежде даже не снитися има, обретеся имущи во чреве от Духа Свята.* Не сказал: прежде нежели приведена была в дом к жениху, она жила уже у него в доме, так как у древних было обыкновение держать обрученных по большей части в своем доме, чему и ныне еще можно видеть примеры. И зятья Лотовы жили в доме у Лота. Итак, и Мария жила в одном доме с Иосифом.

3. Но почему не прежде обручения Она зачала во чреве? Чтобы, как я сказал еще в начале, зачатие до некоторого времени оставалось тайной и Дева избегла всякого худого подозрения. Тот, которому надлежало ревновать более всякого другого, не только не отсылает ее от себя и не бесчестит, но принимает и оказывает ей услуги во время беременности. Но явно, что, не будучи твердо удостоверен в зачатии по действию Святого Духа, не стал бы держать ее у себя и во всем ей услуживать. Притом весьма выразительно сказал Евангелист: *обретеся имущи во чреве,* – как обыкновенно говорится о происшествиях особенных, случающихся сверх всякого чаяния и неожиданных. Итак, не простирайся далее, не требуй ничего больше сказанного и не спрашивай: каким образом Дух образовал Младенца в Деве? Если при естественном действии невозможно объяснить способа зачатия, то как можно объяснить его, когда чудодействовал Дух? Чтобы ты не беспокоил Евангелиста и не утруждал его частыми об этом вопросами,

он освободил себя от всего, наименовав Совершившего чудо. Ничего больше не знаю, говорит он, а знаю только, что событие совершилось силой Духа Святого. Пусть стыдятся те, кто старается постигнуть сверхъестественное рождение! Если никто не может изъяснить того рождения, о котором есть тысячи свидетелей, которое за столько веков предвозвещено, которое было видимо и осязаемо, то до какой степени безумны те, которые с любопытством исследуют и тщательно стараются постигнуть рождение неизреченное? Ни Гавриил, ни Матфей не могли ничего более сказать, кроме того, что родившееся есть от Духа; но как и каким образом родилось от Духа, этого никто из них не объяснил, потому что было невозможно. Не думай также, что ты все узнал, когда слышишь, что Христос родился от Духа. Узнав и об этом, мы еще многого не знаем, например: как невместимый вмещается в утробе? Как вседержащий носится во чреве жены? Как Дева рождает и остается девой? Скажи мне, как Дух устроил этот храм? Каким образом не всю плоть принял от утробы, но только часть ее, которую потом возрастил и образовал? А что точно произошел из плоти Девы, Евангелист ясно показал это словами: *рождшеебося в ней*; и Павел словами: *рождаемаго от жены* (Гал. IV, 4) От жены, говорит он, – заграждая уста тем, которые утверждают, что Христос прошел через Марию, как бы сквозь некоторую трубу. Если это справедливо, то нужна ли была и девическая утроба? Если это справедливо, то Христос не имеет с нами ничего общего; напротив, плоть Его различна с нашею, неодинакового с нею состава. И как же назвать Его тогда происшедшим от корене Иессеева? Жезлом? Сыном человеческим? Как и Марию назвать Матерью? Как сказать, что Христос произошел от семени Давидова? Воспринял зрак раба? Что *Слово*

плоть бысть? Почему же Павел сказал римлянам: от *них же Христос по плоти, сый над всеми Бог* (Рим. IX, 5)? Из этих слов и из многих других мест Писания видно, что Христос произошел от нас, из нашего состава, из девической утробы; а каким образом – того не видно. Итак, и ты не разыскивай, но верь тому, что открыто, и не старайся постигнуть того, что умолчано. *Иосиф же муж ея праведен сый,* говорит Евангелист, *и не хотя ея обличити, восхоте тай пустити ю* (Мф. I, 19). Сказавши, что (родившееся от Девы) есть от Духа Святого и без плотского совокупления, он приводит на это еще новое доказательство. Иной мог бы спросить: откуда это известно? Кто видел, кто слышал, чтобы когда-либо случилось что-либо подобное? Но чтобы ты не подозревал ученика, что он по любви к Учителю выдумал это, Евангелист вводит Иосифа, который тем самым, что в нем происходило, утверждает в тебе веру в сказанное. Евангелист как бы так говорит здесь: ежели ты не веришь мне и заподозриваешь мое свидетельство, то поверь мужу. *Иосиф,* говорит, *муж ея праведен сый.* Здесь он называет праведным того, кто имеет все добродетели. Хотя быть праведным значит не присваивать себе чужого; но праведностью же называется и совокупность добродетелей. В этом-то особенно смысле Писание и употребляет слово: праведность, когда, например, говорит: *человек праведен, истинен* (Иов. I, 1), и еще: *беста оба праведна* (Лк. I, 6).

4. Итак, Иосиф, будучи праведным, то есть добрым и кротким, *восхоте тай пустити ю.* Для того Евангелист описывает случившееся еще во время незнания Иосифова, чтобы ты не сомневался в происшедшем по узнании. Хотя подозреваемая не только заслуживала быть опозоренной, но закон повелевал даже наказать Ее, однако Иосиф избавил Ее не только от большего, но и

от меньшего, то есть от стыда, — не только не хотел наказать, но и опозорить. Не признаешь ли в нем мужа мудрого и свободного от мучительнейшей страсти? Вы сами знаете, что такое ревность. Потому-то вполне знавший эту страсть сказал: *исполнена бо ревности ярость мужа; не пощадит в день суда* (Притч. VI, 34). *И жестока яко ад ревность* (Песн. VIII, 6). И мы знаем многих, которые готовы лучше лишиться жизни, нежели быть доведенными до подозрения и ревности. А здесь было уже не простое подозрение: Марию изобличили ясные признаки беременности; и, однако, Иосиф столько был чужд страсти, что не захотел причинить Деве даже и малейшего огорчения. Так как оставить Ее у себя казалось противным закону, а обнаружить дело и представить Ее в суд значило предать Ее на смерть, то он не делает ни того ни другого, но поступает уже выше закона. Подлинно, по пришествии благодати надлежало явиться многим знамениям высокой мудрости. Как солнце, не показавши еще лучей, издали озаряет светом большую часть вселенной, так и Христос, восходя из девической утробы, прежде нежели явился, просветил всю вселенную. Вот почему еще до рождения Его пророки ликовали, и жены предсказывали будущее, и Иоанн, не выйдя еще из утробы, взыгрался во чреве. И Иосиф показал здесь великую мудрость, не обвинял и не порицал Девы, а только намеревался отпустить Ее. Когда он находился в таком затруднительном положении, является ангел и разрешает все недоумения. Здесь достойно исследования то, почему ангел не пришел прежде, пока муж не имел еще таких мыслей, но приходит тогда, когда он уже помыслил. *Сия ему помыслившу*, говорит Евангелист, ангел приходит; между тем Деве благовествует еще до зачатия, — что опять приводит к новому недоумению. Если Иосифу не сказал ангел, то почему умолчала

Дева, слышавшая от ангела, и, видя жениха своего в смущении, не разрешила его недоумения? Итак, почему ангел не сказал Иосифу прежде его смущения? Прежде надобно разрешить первый вопрос. Почему же не сказал? Чтобы Иосиф не обнаружил неверия и с ним не случилось того же, что с Захарией. Нетрудно поверить делу, когда оно уже перед глазами; а когда нет и начала его, тогда слова не так легко могут быть приняты. Потому-то ангел и не сказал сначала; по той же причине молчала и Дева. Она думала, что не уверит жениха, сообщив о необыкновенном деле, а, напротив, огорчит его, подав мысль, что прикрывает сделанное преступление. Если сама Она, слыша о даруемой Ей такой благодати, судит по-человечески и говорит: *како будет сие, идеже мужа не знаю?* (Лк. I, 34), то гораздо более усомнился бы Иосиф, особенно слыша это от подозреваемой жены.

5. Вот почему Дева вовсе не говорит Иосифу, а ангел является, когда потребовали обстоятельства. Почему же, скажут, не так же поступлено и с Девой, почему и Ей возвещено не после зачатия? Чтобы предохранить Ее от смущения и большого смятения. Не зная дела ясно, Она естественно могла бы решиться сделать с собой худое и, не перенесши стыда, прибегнуть к петле или к мечу. Поистине, Дева была во всем достойна удивления; и Евангелист Лука, изображая ее добродетель, говорит, что, когда услышала приветствие, не вдруг предалась радости и поверила сказанному, но смутилась и размышляла: *каково будет целование сие?* (Лк. I, 39). Будучи таких строгих правил, Дева могла бы от печали лишиться ума, представив стыд и не видя надежды, чтобы кто-нибудь поверил ее словам, что ее беременность не следствие прелюбодеяния. Итак, чтобы этого не случилось, ангел пришел к ней до зачатия.

Надобно было, чтобы не знала смущения та, в чью утробу взошел Творец всяческих; чтобы свободна была от всякого смятения душа, удостоившаяся быть служительницей таких тайн. Вот почему ангел возвещает Деве до зачатия, а Иосифу во время беременности ее. Многие по простоте и по недоразумению находили разногласие в том, что евангелист Лука упоминает о благовествовании Марии, а св. Матфей о благовествовании Иосифу, не зная, что было то и другое. То же самое необходимо наблюдать и во всем повествовании; таким образом мы решим многие кажущиеся разногласия. Итак, ангел приходит к смущенному Иосифу. Доселе явления не было как по сказанной выше причине, так и для того, чтобы обнаружилось любомудрие Иосифа. А когда дело приблизилось к исполнению, ангел, наконец, является. *Сия же ему помыслившу, ангел во сне* является Иосифу. Примечаешь ли кротость этого мужа? Не только не наказал, но и не сказал никому, даже самой подозреваемой, а размышлял только с собой и от самой Девы старался скрыть причину смущения. Не сказал Евангелист, что Иосиф хотел Ее выгнать, но — отпустить: так он был кроток и скромен! *Сия же ему помыслившу*, ангел является во сне. Почему же не наяву, как является пастырям, Захарии и Деве? Иосиф имел много веры; для него не нужно было такого явления. Для Девы нужно было необыкновенное явление прежде события, потому что благовествуемое было весьма важно, важнее, нежели благовествуемое Захарии; а для пастырей нужно было явление, потому что это были люди простые. Иосиф получает откровение по зачатии, когда душа его объята уже была худым подозрением, и вместе готова перейти к благим надеждам, если бы только явился кто-нибудь и указал удобный к тому путь. Для того благовествуется после зародившегося подозрения

чтобы это самое послужило доказательством сказанного ему. О чем никому не говорил, но только помыслил в уме, о том услышать от ангела служило несомненным признаком, что ангел пришел и говорит от Бога, потому что одному Богу свойственно знать сердечные тайны. Видишь, сколько достигается целей! Обнаруживается любомудрие Иосифа; благовременность сказанного помогает ему в вере; самое повествование делается несомненным, так как показывает, что Иосиф был точно в таком положении, в каком следовало быть.

6. Каким же образом ангел уверяет его? Послушай и подивись мудрости того, что сказано. Пришедши, ангел говорит ему: *Иосифе, сыне Давидов, не убойся прияти Мариам, жены твоея.* Тотчас приводит ему на память Давида, от которого должен был произойти Христос, и не дает оставаться ему в смущении, наименованием предков напомнив об обетовании, данном всему роду. Иначе, для чего бы его называть сыном Давидовым? *Не убойся.* В других случаях Бог поступает не так; и когда некто против супруги Авраамовой умышлял чего не должно, Бог употребил сильнейшие выражения и угрозу, хотя и там причиной было неведение. Фараон взял к себе Сарру по незнанию, однако ж Бог привел его в страх. Но здесь Бог поступает снисходительнее потому, что совершалось дело весьма важное и большая была разность между фараоном и Иосифом, почему и не нужно было угроз. Сказавши же: *не убойся,* показывает, что Иосиф боялся оскорбить Бога, держа в доме подозреваемую в прелюбодействе, потому что, если бы этого не было, он и не подумал бы Ее отпускать. Итак, из всего открывается, что ангел пришел от Бога, обнаруживая и пересказывая все, о чем Иосиф размышлял и чем был встревожен ум его. Изрекши же имя Девы, ангел не остановился на этом, но присовокупил: *жены твоея,* ка-

ким именем не назвал бы, если бы ее девство было растлено. Женой же называет здесь обрученную: так обыкновенно Писание обрученных еще до брака называет зятьями. Что же значит: *прияти*? Удержать у себя в доме, потому что Иосиф мысленно уже отпустил Деву. Эту-то отпущенную, говорит ангел, удержи у себя; ее поручает тебе Бог, а не родители. Поручает же ее не для брака, но чтобы жить вместе; вручает, объявляя о том через меня. Как Христос после поручил Ее ученику, так ныне поручается Она Иосифу. Потом ангел, намекнув о причине своего явления, умолчал о худом Иосифовом подозрении; а между тем уничтожил его скромнее и благопристойнее, изъяснив причину зачатия и показав, что по тому самому, почему Иосиф опасался и хотел Ее отпустить, он должен принять и удержать Ее у себя, и, таким образом, совершенно освободил его от беспокойства. Она не только чиста от беззаконного смешения, говорит ангел, но и зачала во чреве сверхъестественным образом. Потому не только отложи страх, но еще возрадуйся: *рождшеебося в ней от Духа есть Свята*. Странное дело, превосходящее человеческое разумение и превышающее законы природы! Чем уверится в сем Иосиф, не слыхавший о таковых событиях? Открытием прошедшего, говорит ангел. Для того он и обнаружил все, что происходило в уме Иосифовом, чем был он возмущен, чего боялся и на что решался, чтобы через это уверить и в том. Справедливее же сказать, ангел уверяет Иосифа не только прошедшим, но и будущим. *Родит же*, говорит он, *Сына, и наречеши имя Ему Иисус* (ст. 21). Хотя родившееся есть от Духа Святого, но не думай о себе, что ты устранен от служения при воплощении. Хотя ты не содействуешь к рождению и Дева пребыла неприкосновенной, однако ж, что принадлежит отцу, то, не вредя достоинству девства, предостав-

ляю тебе, то есть ты дашь имя Рождаемому, – ты *наречеши имя Ему.* Хотя Он не твой сын, но ты будь Ему вместо отца. Итак, начиная с наречения имени, усвояю тебя Рождаемому. Потом, чтобы кто-либо отсюда не заключил, что Иосиф есть отец, послушай, с какой осторожностью говорит ангел далее. *Родит бо,* говорит он, *сына.* Не сказал: родит тебе, но выразился неопределенно: родит, так как Мария родила не ему, но целой вселенной.

7. Для того и имя принесено ангелом с небес, чтобы показать, что чудно Рождаемое, потому что сам Бог свыше посылает имя через ангела Иосифу. Поистине, это не просто было имя, но сокровище бесчисленных благ. Потому ангел и объясняет его, внушает благие надежды и тем приводит Иосифа к вере. Мы обыкновенно склоннее к благим надеждам, а потому и охотнее им верим. Итак, всем утвердив Иосифа в вере, – и прошедшим, и будущим, и настоящим, и честью, ему оказанной, – ангел кстати приводит слова пророка, который все то подтверждает. Но, не приведя еще слов его, возвещает о благах, какие через Рожденного дарованы будут миру. Какие же это блага? Освобождение от грехов и уничтожение их. *Той бо,* говорит ангел, *спасет люди Своя от грех их.* И здесь возвещается нечто чудное; благовествуется освобождение не от чувственных браней, не от варваров, но – что гораздо важнее – освобождение от грехов, от которых прежде никто не мог освобождать. Для чего же, спросят, сказал: *люди Своя,* а не присовокупил – и язычников? Чтобы не изумить вдруг слушателя. Разумному слушателю он дал разуметь и о язычниках, потому что люди Его суть не одни иудеи, но и все приходящие и приемлющие от Него познание. Смотри же, как открыл нам и достоинство Его, назвавши иудейский народ людьми Его. Этим

ангел показывает то именно, что Рождающийся есть Сын Божий и что он говорит о горнем Царе, так как, кроме этого единого Существа, никакая другая сила не может отпускать грехи. Итак, получив таковой дар, примем все меры, чтобы не поругать столь великого благодеяния. Если наши грехи достойны были наказания и прежде такой чести, то тем более достойны после такого неизреченного благодеяния.

И это говорю теперь не без причины. Я вижу, что многие после крещения живут небрежнее некрестившихся и даже не имеют никакого признака христианской жизни. Потому-то ни на торжище, ни в Церкви нескоро различишь, кто верующий и кто неверующий; разве только при совершении таинств можешь увидеть, что одни бывают высылаемы, а другие остаются в храме. Между тем следовало бы отличаться не по месту, а по нраву. Достоинства внешние обыкновенно познаются по внешним признакам, а наши достоинства надобно распознавать по душе. Верующий должен быть виден не только по дару, но и по новой жизни. Верующий должен быть светильником для мира и солью. А если ты самому себе не светишь, не предотвращаешь собственной гнилости, то по чему нам узнать тебя? По тому ли, что ты погружался в священные воды? Но это может довести тебя до наказания. Величие почести для нежелающих жить сообразно этой почести увеличивает казнь. Верующий должен блистать не тем одним, что получил от Бога, но и тем, что ему, собственно, принадлежит; надобно, чтобы он по всему был виден — и по поступи, и по взору, и по виду, и по голосу. Говорю об этом для того, чтоб нам наблюдать благоприличие не для показа, а для пользы тех, кто смотрит на нас. А теперь, с которой стороны ни стараюсь распознать тебя, везде нахожу тебя в противоположном состоянии. Хочу ли заключить о тебе по месту, — вижу тебя на

конских ристалищах, на зрелищах, вижу, что ты проводишь дни в беззакониях, в худых сходбищах, на рынке, в сообществе с людьми развратными. Хочу ли заключать о тебе по виду твоего лица, – вижу, что ты непрестанно смеешься и рассеян, подобно развратной блуднице, у которой никогда не закрывается рот. Стану ли судить о тебе по одежде, – вижу, что ты наряжен ничем не лучше комедианта. Стану ли судить о тебе по спутникам твоим, – вижу, что ты водишь за собой тунеядцев и льстецов. Стану ли судить о тебе по словам, – слышу, что ты не произносишь ничего здравого, дельного, полезного для нашей жизни. Буду ли судить о тебе по твоему столу, – здесь открывается еще более причин к осуждению.

8. Итак, скажи мне, по чему могу узнать, что ты верный, когда все, исчисленное мной, уверяет в противном? И что говорю – верный? Даже человек ли ты, и того не могу узнать доподлинно. Когда лягаешься, как осел; скачешь, как вол; ржешь на женщин, как конь; объедаешься, как медведь; утучняешь плоть, как лошак; злопамятен, как верблюд: хищен, как волк; сердит, как змея; язвителен, как скорпион; коварен, как лисица; хранишь в себе яд злобы, как аспид и ехидна; враждуешь на братьев, как лукавый демон, – как могу счесть тебя человеком, не видя в тебе признаков естества человеческого? Ища различия между оглашенным и верным, подвергаюсь опасности не найти различия даже между человеком и зверем. Как, в самом деле, назову тебя зверем? Ведь у каждого зверя какой-нибудь один из этих пороков. А ты, совокупив в себе все пороки, далеко превосходишь и их своим неразумием. Назову ли тебя бесом? Но бес не служит мучительству чрева, не любит денег. А когда в тебе больше пороков, нежели в зверях и бесах, скажи мне, как можно назвать тебя человеком? Если же нельзя назвать тебя человеком, то

как наименуем тебя верным? А что всего печальнее, находясь в столь худом состоянии, мы и не помышляем о безобразии души своей, не имеем и понятия об ее гнусности. Когда ты сидишь у брадобрея и стрижешь волосы, то, взявши зеркало, со всем вниманием рассматриваешь прическу волос, спрашиваешь близстоящих и того, кто стриг, хорошо ли они лежат у тебя на лбу? Будучи стариком, часто не стыдишься до неистовства предаваться юношеским мечтам. А того, что душа наша не только безобразна, но даже зверообразна и стала сциллой или химерой, упоминаемыми в языческом баснословии, нимало не чувствуем, хотя и здесь есть духовное зеркало, которое гораздо лучше и полезнее вещественного, потому что не только показывает безобразие, но даже, если захотим, превращает его в несравненную красоту.

Таким зеркалом служат память о добрых мужах и повествование о их блаженной жизни, чтение Писания, законы, от Бога данные. Если захочешь однажды посмотреть на изображения тех святых, увидишь гнусность своего сердца; а увидев, ни в чем другом не будешь иметь уже нужды, чтобы избавиться от своего безобразия. Вот для чего и полезно нам это зеркало; оно делает удобным превращение. Итак, никто не оставайся в образе бессловесных. Если раб не входит в дом отца, то как ты можешь вступить в преддверия дома, будучи зверем? И что говорю – зверем? Такой человек хуже всякого зверя. Зверь хотя по природе дик, но часто посредством человеческого искусства делается кротким. А ты, который природное их зверство превращаешь в несвойственную им по природе кротость, какое извинение будешь иметь, когда свою природную кротость превращаешь в неестественное зверство? Дикого по природе делаешь смирным; а себя, по природе смирного, против природы обращаешь в дикого? Льва укро-

щаешь и делаешь ручным; а своему гневу попускаешь быть неукротимее льва? В первом случае встречаются два затруднения: то, что зверь лишен разума, и то, что он всех сердитее; и, однако, ты, по избытку мудрости, данной тебе от Бога, преодолеваешь и природу. Как же ты, в зверях препобеждающий природу, в себе самом изменяешь и природе, и совершенству воли? Если бы я велел тебе сделать кротким другого человека, ты не счел бы моего приказа невозможным, хотя и мог бы мне возразить, что ты не господин чужой воли и что не все от тебя зависит. Но теперь велю тебе укротить собственного твоего зверя, над которым ты полный господин.

9. Итак, чем оправдаешься в том, что не владеешь природой? Какое можешь представить благовидное извинение в том, что из льва делаешь человека, а о себе не заботишься, когда из человека делаешься львом; ему сообщаешь свойства свыше его природы, а в себе не сохраняешь и естественных? Диких зверей стараешься довести до одинакового с нами благородства, а себя самого низвергаешь с царского престола и доходишь до зверского неистовства? Представь себе, если хочешь, что и гнев есть зверь, и сколько другие стараются над обучением львов, столько покажи старания над собой и необузданный ум свой соделай тихим и кротким; ведь гнев имеет столь страшные зубы и когти, что истребит все, если не укротишь его. Даже лев и ехидна не могут терзать внутренностей с такой жестокостью, как гнев непрестанно терзает железными когтями. Он не только вредит телу, но расстраивает самое здравие души, поедая, терзая, раздробляя всю силу ее и делая ее ни к чему неспособной. У кого внутри завелись черви, тот не может дышать, потому что все внутренности его изъедены. Как же мы можем породить что-нибудь благородное, нося внутри себя такого змия, — разумею

гнев, – снедающего внутренности наши? Каким образом избавимся от этой язвы? Если будем употреблять питье, которое может умертвить внутренних червей и змей. Но какое питие, спросишь, имеет такую силу? Честная Кровь Христова, если с упованием приемлется. Она может уврачевать всякую болезнь. Затем – внимательное слушание Божественных Писаний и присоединяемая к тому милостыня. Всеми этими средствами могут быть умерщвлены страсти, расслабляющие нашу душу. И тогда только будем жить, а теперь мы ничем не лучше мертвых. Когда живы страсти, нам невозможно жить, но необходимо должно погибнуть. Если не успеем умертвить их здесь, то они умертвят нас там. Вернее же сказать, еще здесь прежде той смерти подвергнут нас жесточайшему наказанию. Каждая из этих страстей жестока, мучительна, ненасытна и, каждый день поедая нас, ничем не удовлетворяется. Зубы их – зубы львиные и даже страшнее львиных. Когда лев сыт, тотчас оставляет попавшееся ему тело. А страсти никогда не насыщаются и не отстают, доколе уловленного ими человека не увлекут к диаволу. Такова сила страстей, что они требуют от пленников своих такого же рабства, в какое предался Христу Павел, презиравший для Него и геенну, и царство. Тот, кто впадает в плотскую ли любовь, или сребролюбие, или честолюбие, начинает уже смеяться над геенной и презирать царство, только бы исполнить ему волю тех страстей. Итак, поверим Павлу в том, что он столько любил Христа. Когда есть люди, в такой же степени раболепствующие страстям, что же невероятного в любви Павловой? Потому и слабее наша любовь ко Христу, что вся наша сила истощается на любовь порочную, и мы – хищники, сребролюбцы, рабы суетной славы. А что может быть ничтожнее этой славы? Если сделаешься и в тысячу раз знатнее, ничем не лучше будешь людей неизвестных.

Напротив, через это самое сделаешься даже бесчестнее. Когда те, которые тебя прославляют и выставляют знаменитым, смеются над тобой за то самое, что ты желаешь от них славы, то твое усердие не произведет ли противного твоему желанию?

10. Эти люди поступают как обличители. Кто хвалит преданного прелюбодеянию или блуду и льстит ему, тот этим самым более обличает, нежели хвалит похотника. Равным образом, если все мы хвалим пристрастного к славе, то более обличаем, нежели хвалим славолюбивого. Итак, для чего же ты много заботишься о таком деле, которого следствия всегда противны твоей цели? Если хочешь прославиться, презирай славу и будешь славнее всех. Для чего тебе подвергаться тому же, что случилось с Навуходоносором? Он поставил статую, думая получить еще большую славу от дерева и бесчувственного изображения, имеющий жизнь хотел прославиться через то, что не имеет жизни. Видишь ли крайнее безумие? Думая почтить себя, он более обесчестил, показав, что более надеется на бездушную вещь, нежели на самого себя и на живую душу свою, – почему и воздал такое предпочтение дереву. Не достоин ли он посмеяния за то, что ищет себе похвалы не в нравах, а в досках? Это все равно, как если бы кто вздумал больше хвалиться полом в доме или красивой лестницей, нежели тем, что он человек. Между тем и из нас многие подражают ныне Навуходоносору. Как он своим изображением, так из нас иные думают удивлять одеждами, другие – домом, лошаками, колесницами, колоннами, находящимися в домах их. Погубив в себе достоинство человека, они ходят и ищут себе совсем смешной славы в других предметах. Знаменитые и великие слуги Божии не этим просияли, но чем надлежало. Они были и пленники, и рабы, и юноши, и чужестранцы; не имели у себя ничего собственного, но оказались го-

раздо почтеннее того, кто всем изобилует. Ни огромная статуя, ни вельможи, ни вожди, ни бесчисленные войска, ни множество золота, ни вся пышность не могли удовлетворить страсти Навуходоносора показать себя великим. А для слуг Божиих, лишенных всего, довольно было одного любомудрия. Не имея у себя ничего, они оказались столько же блистательнее носящего диадему и порфиру и обладающего всем, сколько солнце блистательнее жемчужины. На позор целого мира приведены были юноши, пленные рабы, и едва появились, как глаза царевы засверкали огнем, окружили их вожди, правители, чиновники и все сонмище бесовское; отовсюду звук флейт, труб и всяких музыкальных орудий, несясь до небес, огласил слух их. Печь пылала до безмерной высоты, и пламя ее касалось самых облаков; все было исполнено страха и ужаса. Но юношей ничто не устрашало. Напротив, посмеявшись, как над детской игрой, они показали мужество и кротость и громогласнее тех труб взывали: *ведомо да будет тебе, царю* (Дан. III, 18)! Они и словом не хотели оскорбить мучителя, а желали только показать свое благочестие. Потому не стали распространяться и в словах, но все выразили кратко: *есть*, говорят они, *Бог* на небеси, *силен изъяти нас* (ст. 17). Для чего выставляешь перед нами множество народа? Что нам печь? К чему острые мечи, страшные копьеносцы? Наш Владыка выше и сильнее всего этого. Потом, подумавши, что, может быть, Богу так угодно и Он попустил им быть сожженными, — чтобы и в таком случае не назвали их лжецами, они в заключение присовокупили: *аще ли ни, ведомо да будет тебе, яко богом твоим не служим*.

11. Если бы они, предположив, что Бог действительно их не избавит, сказали, что Он не избавляет за грехи, то им не поверили бы. Поэтому они перед царем о грехах умалчивают, а говорят о том в печи; там вспоми-

нают все грехи свои. Пред царем же ничего подобного не произносят, а только то, что они не изменят благочестию, хотя бы им надлежало сгореть. Не для наград и воздаяний, но из одной любви делали они все, что ни делали; несмотря на то, что были в плену и рабстве, не пользовались никакими благами, лишились отечества, свободы и всего имущества. Не говори мне о почестях, какие даны им при царском дворе. Святые и праведные юноши в тысячу раз охотнее согласились бы собирать милостыню в своем отечестве и наслаждаться красотой храма, как говорит Давид: *изволих приметатися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селениих грешничих*; и: *лучше день един во дворех Твоих, паче тысящ* (Пс. LXXXIII, 11). В тысячу раз охотнее согласились бы они быть последними в своем отечестве, нежели царствовать в Вавилоне. Это видно из того, что говорят они в печи о тягостях пребывания в Вавилоне. Хотя сами они и пользовались великими почестями, но, видя бедствия других, жестоко терзались. Таково преимущественное свойство святых – ни славы, ни чести и ничего другого не предпочитать спасению ближних. Смотри, как они в печи молились за весь народ. А мы и при покойной жизни не помним о братиях. Равным образом, когда они старались объяснить и сны, они имели в виду не свою пользу, но пользу многих. Что они презирали смерть, это они доказали впоследствии многими опытами. Они на все готовы, только бы умилостивить Бога. Поелику же признают себя к тому неспособными, то прибегают к отцам и говорят, что сами ничего не могут принести, кроме сокрушенного духа. Будем и мы подражать им. Ведь и перед нами стоит золотой образ, мучительская власть мамоны. Но не будем внимать тимпанам, трубам, арфам и другим прелестям богатства; и хотя бы надлежало впасть в печь нищеты, предпочтем эту нищету, только бы не поклониться идолу,– и будет роса

среди печи шумящая. Итак, не убоимся, слыша о печи нищеты. И тогда вверженные в печь стали блистательны, а поклонившиеся идолу убиты. Но тогда все произошло в одно время, а теперь одно исполняется здесь, а другое — в будущей жизни, иное же — и здесь и там. Избравшие нищету, чтобы не кланяться мамоне, будут сиять и здесь и там; а неправедно обогащающиеся здесь понесут там жесточайшее наказание. Из этой печи вышел и Лазарь, блистая не менее трех отроков; а богач, принадлежа к числу поклонявшихся идолу, осужден на мучение в геенне. Одно служит образом другого. Как здесь вверженные в печь ничего не потерпели, а стоявшие вне мгновенно были сожжены, так будет и тогда. Святые, переходя огненную реку, не почувствуют ничего неприятного, но будут казаться радующимися; а поклонявшиеся идолу увидят, что огонь нападает на них свирепее всякого зверя и увлекает их в геенну. Если кто не верит, что есть геенна, тот, видя халдейскую печь, пусть через настоящее уверится в будущем и убоится не печи нищеты, но печи греха. Грех есть пламень и мучение, а нищета — роса и прохлада. В греховной печи предстоит диавол, а в печи нищеты — ангелы, отражающие пламень.

12. Пусть внимают этому богачи, возжигающие пламень нищеты! Бедным не сделают они никакого вреда, потому что на них сходит роса; а самих себя сделают жертвой пламени, который зажгли собственными руками. Тогда ангел сошел к трем отрокам, а ныне мы сойдем к находящимся в печи нищеты и милостыней произведем росу, отразим пламень, — чтобы и нам вместе с ними получить венцы, чтобы и для нас рассеялся пламень геенский от гласа Христова: вы видели Меня жаждущего и напоили (Мф. XXV, 37). Этот глас будет тогда для нас росой, шумящей посреди пламени. Итак, сойдем с милостыней в печь бедности, посмотрим на

любомудрых, ходящих в ней и попирающих угли; посмотрим на чудо новое и странное, на человека, в печи поющего, на человека, в огне благодарящего, связанного крайнею нищетой и воздающего великие хвалы Христу. Кто с благодарением переносит нищету, тот равен трем отрокам, потому что бедность страшнее огня и обыкновенно сильнее опаляет. Однако, отроков не опалил пламень, и узы их разрешились мгновенно, лишь только они принесли благодарение Господу. Так и теперь: если ты, впав в бедность, будешь благодарить, то и узы разрешатся, и пламень угаснет. А если не угаснет, то совершится еще большее чудо – пламень сделается источником, как случилось и тогда. Посреди печи они прохлаждались чистой росой, которая хотя не угасила пламени, но препятствовала огню жечь вверженных туда. То же можно приметить и в любомудрых: и они в нищете более свободны от страха, нежели богатые. Итак, не будем стоять вне печи, то есть не имея милосердия к нищим, – чтобы не потерпеть нам того же, что случилось тогда с бывшими около печи. Если ты сойдешь к отрокам и станешь с ними, то огонь не причинит тебе никакого зла; а если станешь вверху и будешь смотреть на тех, которые находятся в огне нищеты, то пламень сожжет тебя. Итак, сойди в огонь, чтобы не сгореть от огня. Не стой вне огня, чтобы не увлек тебя пламень. Если огонь застигает тебя вместе с бедными, то устранится от тебя; а если увидит тебя чуждающимся их, в ту же минуту нападет на тебя и увлечет тебя. Итак, не отходи от тех, которые вверженны, и когда диавол непоклоняющихся злату велит ввергнуть в печь нищеты, то будь в числе не ввергающих, а ввергаемых, чтобы быть тебе в числе спасаемых, а не сожигаемых. Не покоряться страсти сребролюбия и жить в сообществе с бедными – это самая обильная роса. Кто попрал страсть к богатству, тот всех богаче.

Как отроки, презревшие тогда царя, сделались блистательнее царя, так и ты, если презришь все мирское, будешь драгоценнее целого мира, подобно тем святым, *ихже, не бе достоин мир* (Евр. XI, 38). Итак, чтобы тебе сделаться достойным небесного, презирай настоящее. Тогда и здесь получишь большую славу, и насладишься будущими благами, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА V

Сие же все бысть, да сбудется реченное от Господа пророком глаголющим: се Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя ему Еммануил (Мф. I, 22, 23)

1. Многие, как я слышу, говорят: когда бываем здесь (в храме) и слышанное принимаем к сердцу, тогда приходим в себя, а лишь только удалимся отсюда, становимся опять другими, и огонь ревности в нас гаснет. Что же нам сделать, чтобы этого не было? Посмотрим, отчего это происходит. Итак, отчего бывает с нами такая перемена? Оттого, что занимаемся чем не следует и проводим время с худыми людьми. По выходе из церкви не надлежало бы нам приниматься за дела непристойные церкви; но, пришедши домой, надобно было бы сейчас же взять книгу и вместе с женой и детьми привести на память, что было говорено; потом уже приступать к делам житейским. Если, вышедши из бани, ты предпочитаешь не ходить на рынок, чтобы там в хлопотах не лишиться пользы от бани, то тем более ты должен поступать так по выходе из церкви. А мы поступаем напротив и от того теряем все. Еще не утвердится в нас совершенно то, что было полезного в ска-

занном, как сильный поток житейских дел, устремляясь на нас, все уносит с собой и оставляет пустоту. Итак, чтобы этого не было, по выходе из церкви почитай нужнейшим для себя делом привести на память, что было тебе сказано. Да и слишком было бы неразумно — на дела житейские употреблять пять или шесть дней, а на дела духовные не уделить и одного дня или даже малой части дня. Не видите ли, как наши дети целый день занимаются уроками, какие им заданы? То же самое будем делать и мы. Иначе не будет для нас никакой пользы ходить сюда, потому что, не прилагая такого же попечения о соблюдении сказанного нам, какое показываем в сбережении золота и серебра, каждый день будем черпать в разбитый сосуд. Приобретший несколько динариев прячет их в мешок и накладывает печать; а мы, приняв учение, которое многоценнее и золота, и дорогих камней, приобретя сокровища Духа, не скрываем их в хранилище души и с крайней небрежностью даем им вытекать из нашего сердца. Кто же после этого пожалеет об нас, когда сами себе причиняем вред и ввергаем себя в такую бедность? Итак, во избежание этого, и для самих себя, и для наших жен и детей, поставим непременным законом — этот один день в неделе посвящать весь слушанию и припоминанию того, что мы слышали. В таком случае будем сюда приходить с большей готовностью принимать, что будет говорено. И для нас меньше будет труда, и для вас больше пользы, когда станете слушать дальнейшее, содержа в памяти преждесказанное. Это немало будет способствовать к уразумению того, что говорится, — если именно вы будете хорошо знать порядок мыслей, которые мы предлагаем вам в связи. Так как невозможно высказать всего в один день, то старайтесь сохранить в памяти, что вам предлагается в разные дни, составляйте из этого как бы одну цепь и облагайте ею душу, чтобы, таким образом,

вышло целое тело Писаний. Поэтому и теперь, припомнив недавно сказанное, приступим к тому, о чем следует говорить.

2. Но о чем же следует теперь говорить? *Сие же все бысть, да сбудется реченное от Господа пророком глаголющим.* Достойно чуда и достойно самого себя воскликнул ангел, говоря: *сие же все бысть.* Он видел море и бездну человеколюбия Божьего; видел явленным на деле то, осуществления чего никогда нельзя было и ожидать; видел, как законы природы нарушились, примирение совершилось, — превысший всех нисходить к тому, кто всех ничтожнее, средостение рушится, преграды упраздняются; видел еще и большее того — и в немногих словах выразил чудо: *сие же все бысть, да сбудется реченное от Господа.* Не думай, говорит он, будто это ныне только определено; это в древности было предобразовано, — как то и Павел старался везде показать. Затем (ангел) отсылает Иосифа к Исаии, чтобы, пробудившись, если и забудет его слова, как совершенно новые, будучи вскормлен Писанием, вспомнил слова пророческие, а вместе с ними привел на память и его слова. Он не сказал этого жене, потому что она, как отроковица, была еще неопытна; а предлагает пророчество мужу, как человеку праведному, который углублялся в писания пророков. И сперва говорит он Иосифу: *Мариам жену твою;* а теперь, приводя слова пророка, вверяет ему тайну, что она Дева. Иосиф не так скоро успокоился бы мыслями, слыша от ангела, что она Дева, если бы прежде не услышал того от Исаии; от пророка же он должен был выслушать это не как что-либо странное, но как нечто известное и долго его занимавшее. Потому-то ангел, чтобы слова его удобнее были приняты, приводит пророчество Исаии; и не останавливается на том, но возводит пророчество к Богу, говоря, что это слова не пророка, но Бога всяческих. Потому и не ска-

зал он: да сбудется реченное Исаией, но говорит: *да сбудется реченное от Господа.* Уста были Исаии, но пророчество дано свыше. Какое же это пророчество? *Се дева во чреве приимет и родит сына, и нарекут имя ему Еммануил* (Ис. VII, 14). Почему же, скажешь, наречено Ему имя не *Еммануил*, а – Иисус Христос? Потому что не сказано: *наречеши*, но: *нарекут*, то есть народы и самое событие. Здесь заимствуется имя от происшествия, как и свойственно Писанию – происшествия употреблять вместо имен. Итак, слова: *нарекут Еммануил* означают не что иное, как то, что увидят Бога с человеками. Хотя Бог всегда был с человеками, но никогда не был так явно. Если же иудеи бесстыдно будут упорствовать, то спросим их, какой младенец назван: *скоро плени, нагло расхити* (Ис. VIII, 3)? На это они ничего не могут сказать. Как же пророк сказал: *нареки ему имя, скоро плени?* Так как после рождения Его случилось, что взяты и разделены добычи, то самое происшествие, при нем бывшее, дается ему вместо имени. Равным образом и о городе говорит пророк, что он наречется *град правды, мати градовом, верный Сион* (Ис. I, 26); и однако, нигде не видно, чтобы город этот назывался *правдою,* он продолжал называться Иерусалимом. Но так как Иерусалим действительно таковым учинился, когда исправился, то и сказал пророк, что он так назовется. Таким образом, если какое-либо происшествие яснее самого имени показывает того, кто его совершил или им воспользовался, то Писание действительность события вменяет ему в имя. Если же иудеи, будучи опровергнуты в этом, найдут другое возражение против сказанного о девстве и представят нам других переводчиков, говоря: они перевели не: *дева,* а: молодая женщина, – то наперед скажем им, что семьдесят толковников, по справедливости, перед всеми прочими заслуживают большего вероятия. Те переводили после пришествия Христова,

оставаясь иудеями; а потому справедливо можно подозревать, что они сказали так больше по вражде и с намерением затемнили пророчество. Семьдесят же, которые за сто лет до пришествия Христова, или даже более, предприняли это дело, и притом таким большим обществом, свободны от всякого подобного подозрения; они и по времени, и по многочисленности, и по взаимному согласию преимущественно заслуживают вероятия.

3. Но если иудеи приведут свидетельство и тех переводчиков, то и тогда победа на нашей стороне. В Писании часто имя юности употребляется вместо девства не о женщинах только, но и о мужчинах. *Юноши*, говорит оно, *девы, старцы с юношами* (Пс. CXLVIII, 12). И опять, рассуждая о деве, подвергшейся насилию, говорит: если возопит *отроковица*, то есть дева (Втор. XXII, 27). То же значение подтверждают и предыдущие слова пророка. В самом деле, пророк не просто говорит: *се дева во чреве приимет*; но, сказавши наперед: *се даст Господь сам вам знамение* (Ис. VII, 14), потом присовокупил: *се дева во чреве приимет*. Если бы не деве надлежало родить, но произошло бы рождение по закону брака, то такое происшествие как могло быть знамением? Знамение должно выходить из обыкновенного порядка, быть чем-то странным и необычайным. Иначе как оно будет знамением? *Востав же Иосиф от сна, сотвори якоже повеле ему ангел Господень* (ст. 24). Видишь ли послушание и покорный ум? Видишь ли человека решительного и во всем прямодушного? Когда он подозревал Деву в чем-то неприятном и неприличном, то не хотел держать ее у себя. Когда же освободился от такого подозрения, не только не захотел выслать ее, но держит и делается служителем воплощения. *И прият*, говорит Писание, *Мариам, жену свою*. Видишь ли, как часто Евангелист употребляет это имя, не желая до времени от-

крыть тайну девства, чтобы устранить всякое худое подозрение?

Приняв же ее, *не знаяше ея, дондеже роди сына своего первенца* (ст. 26). Здесь Евангелист употребил слово *дондеже;* но ты не подозревай из того, будто Иосиф после познал ее. Евангелист дает этим только знать, что Дева прежде рождения была совершенно неприкосновенной. Почему же, скажут, употребил он слово: *дондеже?* Потому, что в Писании часто так делается. Это слово не означает определенного времени. Так и о ковчеге сказано: *не возвратися вран, дондеже изсше земля* (Быт. VIII, 7, 14), хотя он и после не возвратился. Также о Боге Писание говорит: *от века и до века Ты еси* (Пс. LXXXIX, 2), но тем не полагает пределов. И опять, когда, благовествуя, говорит: *возсияет во днех ею правда и множество мира, дондеже отъмется луна* (Пс. LXXI, 7), тем не означает конца для этого прекрасного светила. Так и здесь Евангелист употребил слово — *дондеже,* в удостоверение о том, что было прежде рождения. Что было после рождения, о том предоставляет судить тебе самому. Что тебе нужно было узнать от него, то он и сказал, то есть что Дева была неприкосновенной до рождения. А что само собой видно из сказанного, как верное следствие, то предоставляет собственному твоему размышлению, то есть что такой праведник (каков Иосиф) не захотел познать Деву после того, как она столь чудно сделалась матерью и удостоилась и родить неслыханным образом, и произвести необыкновенный плод. А если бы он познал ее и действительно имел женой, то для чего бы Иисусу Христу поручать ее ученику как безмужнюю, никого у себя не имеющую, и приказывать ему взять ее к себе? Но скажут: как же Иаков и другие называются братьями Иисуса Христа? Так же, как и сам Иосиф был почитаем мужем Марии. Многими завесами до времени скрываемо было рождение Христово.

Потому и Иоанн назвал их также (братьями), говоря: *ни братия бо Его вероваху в Него* (Ин. VII, 5). Впрочем, прежде неверовавшие сделались после достойными удивления и славными. Так, когда Павел прибыл в Иерусалим для рассуждения о вере, тотчас явился к Иакову, который так был уважаем, что его первого поставили епископом. Рассказывают также, что он вел такую строго подвижническую жизнь, что все члены его омертвели, что от непрерывной молитвы и беспрестанных земных поклонов лоб у него отвердел до такой степени, что жесткостью не отличался от колен верблюда. Он и Павла, который после опять приходил в Иерусалим, вразумляет, говоря: *видиши ли, брате, колико тем есть* собравшихся? (Деян. XXI, 20). Так велико было его благоразумие и ревность, а лучше сказать: так велика была сила Христова! В самом деле, те, которые поносили Христа во время земной Его жизни, по смерти Его так возревновали о Нем, что совершенно готовы были даже умереть за Него, — что и показывает особенно силу воскресения. Для того славнейшее и соблюдено к концу, чтобы доказательство было несомненно. Если тех, которым дивимся при жизни, забываем по смерти, то как же хулившие Христа при жизни признали Его после Богом, если Он был обыкновенный человек? Как бы решились идти за Него на смерть, если бы не имели ясного доказательства воскресения.

4. Говорю об этом не для того, чтобы вы только слышали, но чтобы и подражали мужеству, дерзновению и всякой добродетели; чтобы никто не отчаивался в самом себе, хотя прежде того был ленив, и чтобы, после милосердия Божьего, ни на что другое не надеялся, как только на собственную добродетель. Если сродники Христовы, жившие со Христом в одном доме и отечестве, не получили от этого никакой пользы, пока не явили в себе добродетели, то как можем получить

прощение мы, если, представляя за себя ходатаями праведных своих родственников и братьев, сами не будем добронравны и утверждены в добродетели? На это указывает пророк, когда говорит: *брат не избавит, избавит ли человек*? (Пс. XLVIII, 8), хотя бы то был Моисей, или Самуил, или Иеремия. Послушай, что говорит Бог Иеремии: *не молися о людех сих*, так как не послушаю тебя (Иер. XI, 14). И что дивишься, если Я тебя не слушаю? Хотя бы предстал сам Моисей и Самуил, то Я не принял бы и их прошения об этих людях. Хотя Иезекииль станет молиться, — и он услышит, что если предстанет Ной, Иов и Даниил, то сынов и дщерей их не избавят (Иез. XIV, 14, 18). Хотя патриарх Авраам будет ходатаем за неисцельно больных и нераскаянных, — Господь, оставив его, удалится, чтобы не слышать его моления о них (Быт. XVIII, 33). Хотя и Самуил будет также предстательствовать, — Господь скажет ему: не плачь о Сауле (1 Цар. XVI, 1). Хотя и о сестре кто станет молиться безвременно, — услышит то же, что и Моисей: *аще бы отец плюя заплевал в лице ея* (Числ. XII, 14). Не станем же слишком уповать на других. Молитвы святых имеют очень великую силу, но только когда мы сами раскаиваемся (во грехах) и исправляемся. И Моисей, избавив некогда брата своего и шестьдесят тысяч от угрожавшего им гнева Божьего, не мог избавить сестру, хотя и грех неравен был. Мариам оскорбила Моисея, Аарон же с народом отважились на явное нечестие. Но об этом предоставляю подумать вам самим, а я постараюсь решить еще более трудный вопрос. В самом деле, стоит ли говорить о том, что Моисей не мог умолить за сестру, когда этот предстатель многочисленного народа не в силах был пособить себе самому? После бесчисленных трудов и бедствий, после сорокалетних попечений о народе ему возбранен был вход в ту землю, о которой было столько предсказаний

и обетовании. Какая же тому была причина? Та, что допущение Моисея в обетованную землю не только не принесло бы пользы, но произвело бы большой вред и для многих иудеев послужило бы соблазном. Если они за одно избавление из Египта, оставивши Бога, стали искать всего в Моисее и ему все приписывать, то до какого бы нечестия не дошли они, когда бы увидели, что он ввел их в землю обетованную? Потому-то и место погребения его осталось неизвестным. И Самуил не мог избавить Саула от гнева Божьего, хотя часто спасал израильтян. И Иеремия не помог иудеям (2 Мак. XV, 16), хотя в другое время укрепил одного пророчеством. Даниил избавил варваров от поражения, но не спас иудеев от плена (Дан. II). И в Евангелии мы видим, что не с разными людьми, но с одними и теми же случалось то и другое: один и тот же мог иногда спасти себя, а иногда нет. Задолжавший, например, тысячи талантов однажды усиленной просьбой избавил себя от опасности, а в другое время не мог. Другой же напротив: сперва подвергся опасности, а потом нашел вернейшее средство помочь себе. Кто же это такой? Расточивший отеческое имение. Итак, если мы сами о себе нерадим, то через других не спасемся. Если же будем неусыпны, то и сами собой достигнем спасения; даже сами собой спасемся вернее, нежели через других. Подлинно, Богу приятнее давать благодать непосредственно нам, а не другим для нас, чтобы, стараясь сами отвратить гнев Его, делались мы дерзновеннее и добродетельнее. Так Он помиловал хананеянку, так спас блудницу, так спас разбойника, хотя не было никакого за них предстателя и ходатая.

5. Впрочем, говорю это не для того, чтобы не призывать святых в молитвах, но для того, чтобы мы не ленились и, предавшись беспечности и сну, не возлагали только на других того, что должны делать сами.

И Христос, сказав: *сотворите себе други*, не остановился на этом, но присовокупил: *от мамоны неправды* требуя тем и твоего содействия (Лк. XVI, 9), – поскольку здесь Он разумел не что иное, как милостыню. И что удивительно, Он ничего уже не взыскивает с нас, если только мы отступим от неправды, потому что слова Его имеют такой смысл: ты приобрел худо – истрать хорошо. Собрал неправедно – расточи праведно. Что, кажется, за добродетель – раздавать из имения, неправедно приобретенного? И, однако, Бог, по человеколюбию Своему, снисходит до того, что обещает нам многие блага даже и за такие дела. Но мы до такого доходим бесчувствия, что ничего не уделяем и из приобретенного неправедно; напротив, грабя тысячами, думаем, что все уже сделали, подав малую долю. Разве не слыхал ты, что говорит Павел: *сеяй скудостию, скудостию и пожнет* (2 Кор. IX, 6)? Итак, что ты скупишься? Сеяние ужели есть трата, ужели убыток? Нет! Это доход и прибыль. Где сеяние, там и жатва; где сеяние, там и приращение. Возделывая тучную и мягкую землю, которая может принять в себя много семян, ты засеваешь ее всеми своими семенами и берешь еще взаймы у других, потому что скупость в этом случае считаешь убытком. А когда надобно возделывать небо, которое не подвержено никакой воздушной перемене и все, вверенное ему, несомненно возрастит с большим приращением, ты ленишься, медлишь и не думаешь о том, что сберегая теряешь, а расточая приобретаешь. Итак, сей, чтобы не потерять; не береги, чтобы сберечь; рассыпай, чтобы сохранить; трать, чтобы приобрести. Хотя и нужно было бы что сберечь, ты не береги, потому что непременно это погубишь, а поручи Богу, у Которого никто не похитит. Сам не торгуй, потому что не умеешь получать прибыли; но большую часть капитала отдай взаймы Тому, Кто дает рост, отдай взаймы туда, где нет

ни зависти, ни клеветы, ни обмана, ни страха. Отдай взаймы Тому, Кто сам ни в чем не нуждается, но терпит нужду для тебя; Кто всех питает, но алчет для того, чтобы ты не был голоден, обнищал для того, чтобы ты обогатился. Отдай взаймы туда, откуда ты получишь не смерть, но жизнь вместо смерти. За такой только рост можешь приобресть себе царство, а за всякий другой получишь геенну, потому что тот рост показывает сребролюбие, а этот — любомудрие; тот — дело жестокости, а этот — человеколюбия. И чем оправдаемся, когда, имея возможность получить большее, и притом с твердой уверенностью получить в надлежащее время, с полной свободой, без укоризны, без страха, без опасностей, пренебрегаем этими благами, а гоняемся за тем, что постыдно, ничтожно, обманчиво, тленно, и уготовляет нам печь огненную?

Ничего, ничего нет постыднее и жестокосерднее, как брать рост здесь на земле. В самом деле, ростовщик обогащается за счет чужих бедствий, несчастие другого обращает себе в прибыль, требует платы за свое человеколюбие и, как бы боясь показаться немилосердным, под видом человеколюбия роет яму глубже; помогая, теснит нищего; подавая руку, толкает его; по-видимому, вводит в пристань, а в то же время подвергает крушению, как бы направляя на скалы, утесы и подводные камни. Но чего требуешь ты, скажут? Того ли, чтобы собранные мной и мне самому нужные деньги отдать в распоряжение другому и не требовать за то никакой платы? Нет, я не говорю этого; напротив, весьма желаю, чтобы ты получил плату, — только не малую и не ничтожную, но гораздо большую; желаю, чтобы ты в рост за золото приобрел небо. Итак, для чего ты сам себя подвергаешь нищете, прилепляясь к земле, и вместо большого ищешь малого? Это доказывает что ты не умеешь обогатиться. Когда Бог за малое имущество

обещает тебе небесные блага, ты говоришь: не давай мне неба, а дай мне, вместо неба, скоро гибнущее золото. Это значит, что ты произвольно хочешь остаться в нищете. Кто ревнует об истинном богатстве и обилии, тот вместо скоро гибнущего изберет негибнущее, вместо иждиваемого – неиждиваемое, вместо немногого – многое, вместо тленного – нетленное, а за такими благами последуют и те. Кто, вместо неба, ищет землю, тот и ее непременно потеряет; а кто предпочитает небесное земному, тот и тем и другим насладится с великим избытком. Чтобы и нам достичь этого, презрев все здешнее, изберем будущие блага и таким образом получим и то и другое, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VI

Иисусу рождшуся в Вифлееме Иудейстем, во дни Ирода царя, се волсви от восток приидоша во Иерусалим, глаголюще: где есть рождейся Царь Иудейский? Видехом бо звезду Его на востоце, и приидохом поклонитися Ему (Мф. II, 1, 2)

1. Много нужно нам бодрствовать, много молиться, чтобы суметь изъяснить настоящее место и узнать, кто были эти волхвы, откуда и как пришли, кто их к тому побуждал и что это была за звезда. Но, если угодно, предложим лучше наперед то, что говорят противники истины. Диавол так овладел ими, что они и здесь находят повод вооружаться против слова истины. Что же говорят они? Вот сказано, что и при рождении Христовом явилась звезда: это значит, говорят они, что астрология есть наука несомненная. Но если Христос родился по астрологическим законам, то как же Он истребил

астрологию, отверг судьбу, заградил уста демонам, изгнал заблуждение и ниспроверг всякого рода волхвование? Да и что узнают волхвы по звезде Его? Что Он был Царь Иудейский? Но Он был Царем не земного царства, как и Пилату сказал: *царство Мое несть от мира сего* (Ин. XVIII, 36). Да Он и не показывал Себя Царем; не имел при Себе ни копьеносцев, ни щитоносцев, ни коней, ни парных мулов, – словом, ничего, тому подобного; а вел жизнь простую и бедную, водя за Собой двенадцать человек, ничем не знаменитых. Но если волхвы и знали, что Он Царь, то зачем приходят? Дело звездословия, как говорят, вовсе не в том состоит, чтобы по звездам узнавать, кто родится, но чтобы по времени рождения предсказывать о том, что случится вперед. Между тем волхвы ни при родах Матери не были, ни времени, когда родила, не знали, а потому не имели и основания заключать о будущем по течению звезд. Напротив, задолго до рождения, увидевши звезду, явившуюся в их земле, они идут смотреть Родившегося; а это еще непонятнее прежнего. Какая же причина их побудила? В надежде каких наград из такой отдаленной стороны они идут поклониться Царю? Если б думали, что Он будет их Царем, и тогда не было бы им достаточной причины идти. Если бы еще Он родился в царских чертогах, если бы отец Его был царем и при Нем находился, то можно было бы сказать, что поклонением родившемуся Младенцу они хотели угодить отцу и тем заслужить себе его благоволение. Но теперь они знают, что новорожденный будет Царем не у них, а у другого народа, в стране, от них отдаленной; знают, что Он еще не в совершенном возрасте: для чего же предпринимают такое путешествие и несут дары, притом подвергаясь в этом деле великим опасностям? В самом деле, и Ирод, услышав, смутился, и весь народ, когда услыхал от них о том, взволновался. Разве этого

они не предвидели? Но это невероятно. Даже при всей недальновидности они не могли бы не знать того, что, когда придут в город, имеющий царя, и станут всенародно объявлять, что есть другой царь, кроме теперь там царствующего, то подвергнут себя тысяче смертей. Для чего же они поклонялись лежащему в пеленах? Если бы Он был в совершенном возрасте, можно было бы сказать, что они ввергаются в явную опасность в надежде на Его помощь; но и то было бы признаком крайнего неразумия – персиянину, варвару, не имеющему ничего общего с народом иудейским, решиться выйти из своей земли, оставить отечество, родных и дом и подвергнуться чужому владычеству!

2. Если это неразумно, то следующее еще неразумнее. Что же такое? Перейти такой дальний путь, только поклониться, всех взволновать и тотчас уйти. И какие они нашли признаки царского сана, когда увидели хижину, ясли, Младенца в пеленах и бедную Мать? Кому принесли дары? И для чего? Разве было установлено и принято в обычае так изъявлять почтение всякому рождающемуся царю? Разве они обходили всю вселенную и о ком узнавали, что он из низкого и бедного состояния сделается царем, тому поклонялись прежде восшествия на царский престол? Но этого никто сказать не может. Для чего же они поклонялись? Если для настоящих выгод, то чего могли они ожидать от Младенца и бедной Матери? Если в надежде будущих, то как они могли знать, что Младенец, которому они поклонились, когда он был в пеленах, вспомнит о том впоследствии? Положим, что Мать Ему о том напомнила бы; но и в таком случае они стоят не похвалы, а порицания за то, что подвергли Его явной опасности, так как Ирод, смущенный ими, расспрашивал, разыскивал и прилагал все меры умертвить Его. Да и где бы то ни было, о младенце, который родился от частных людей, сказать, что он

будет царем, – значит только предать его на смерть, навлечь на него множество бед. Видишь ли, сколько открывается несообразностей, если судить об этом событии по ходу дел человеческих, и по общему обыкновению? Да и, кроме того, можно было бы найти и много других, еще бо́льших затруднений.

Но чтобы, присовокупляя недоумения к недоумениям, не привести вас в замешательство, приступим теперь к разрешению вопросов. Начнем со звезды Христовой. Если мы узнаем, что это была за звезда, и какая она – обыкновенная или отличная от прочих, действительная ли была звезда, или только имела вид звезды, то легко будет понять все прочее. Откуда же узнать о том? Из самого Писания. Что она была не обыкновенная звезда, и даже не звезда, а, как мне кажется, какая-то невидимая сила, принявшая вид звезды, это доказывает, во-первых, самый путь ее. Нет и не может быть звезды, которая бы имела такой путь. Видим, что и солнце, и луна, и все прочие звезды идут от востока к западу; а эта звезда текла от севера на полдень: именно в таком положении находится Палестина в отношении к Персии. Во-вторых, то же можно видеть из самого времени: она является не ночью, а среди дня, при сиянии солнца, что не свойственно не только звезде, но и луне. Хотя луна больше всех звезд, но при появлении солнечного света тотчас скрывается и делается невидимой. Звезда же Христова превосходством своего блеска преодолела самый свет солнечный, была яснее солнца, и как оно ни блистательно, а она сияла больше. В-третьих, доказывается тем, что звезда то является, то опять скрывается. Когда волхвы шли в Палестину, она была видна и указывала им путь; а когда вошли в Иерусалим, она скрылась. Потом, когда они, сказав Ироду, зачем пришли, оставили его и собрались в путь, звезда опять является. Это уже есть движение не звезды, а некото-

рой совершенно разумной силы. Она не имела своего определенного пути, но когда нужно было остановиться, и она стояла, во всем сообразуясь с их нуждой, подобно столпу облачному, по которому полк иудеев и останавливался, и поднимался с места, когда было нужно. В-четвертых, то же ясно можно видеть из самого способа, каким звезда указала место. Не с высоты неба она указала его, — в таком случае волхвы не могли бы различить места; но, чтобы указать его, опустилась вниз. Сами знаете, что обыкновенной звезде нельзя показать так мало места, какое занимала хижина, особенно же в каком вмещалось тело Младенца. Так как высота ее неизмерима, то она не могла бы собой обозначить и определить такого тесного пространства для желавших узнать его. Об этом всякий может судить по луне; она, будучи гораздо больше звезд, кажется близкой для каждого из обитателей вселенной, рассеянных по всей земной широте. Так скажи же, как бы звезда указала такое тесное место яслей и хижины, если бы не оставила высоту, не сошла вниз и не стала над самой главой Младенца? Это самое дает разуметь и Евангелист, говоря: *се звезда идяше пред ними, дондеже пришедши ста верху, идеже бе отроча* (Мф. II, 9). Видишь, сколько доказательств на то, что эта звезда была необыкновенная и явилась не по законам внешней природы.

3. Но для чего она явилась? Для того, чтобы обличить нечувствительных иудеев и лишить их — неблагодарных — всякого способа к оправданию. Так как цель пришествия Христовы была та, чтобы отменить древние правила жизни, призвать всю вселенную на поклонение Себе и принимать это поклонение на земле и на море, то Христос с самого начала отверзает дверь язычникам, желая через чужих научить своих. Так как иудеи, непрестанно слыша пророков, возвещавших о пришествии Христовом, не обращали на то

особенного внимания, – Господь внушил варварам прийти из отдаленной страны, расспрашивать о Царе, родившемся у иудеев; и они от персов первых узнают то, чему не хотели научиться у пророков. Бог сделал это для того, чтобы дать им вернейший способ убедиться, если будут благоразумны, или лишить всякого оправдания, если будут упорны. В самом деле, что могут сказать в свое оправдание иудеи, не принявшие Христа после столь многих пророческих доказательств, видя волхвов, которые по явлению только звезды приняли Его и поклонились Явившемуся? Итак, с волхвами Бог поступил так же, как с ниневитянами, к которым послал Иону, так же, как с самарянкой и хананеянкой. Потому и сказано: *мужие Ниневитстии востанут и осудят,* и: *царица южская востанет и осудит* род сей (Мф. XII, 41, 42), – потому что они поверили меньшему, а иудеи не поверили и большему. Ты спросишь, для чего Бог привел волхвов к Христу таким явлением? А как же бы надлежало? Послать пророков? Но волхвы пророков не приняли бы. Дать глас свыше? Но они гласу не вняли бы. Послать ангела? Но и того не послушали бы. Поэтому Бог, оставив такие средства, по особенному Своему снисхождению употребляет для призвания их то, что было им больше знакомо: показывает большую и необычайную звезду, чтобы она поразила их и величиной, и прекрасным видом, и необыкновенным течением. Подражая этому, и апостол Павел, когда рассуждает с эллинами, начинает речь с жертвенника и приводит свидетельства из их стихотворцев; а когда проповедует иудеям, говорит об обрезании, – уча живущих под законом, начинает с жертв. Так как всякий любит то, к чему привык, то к этому применяются и Бог, и люди, посылаемые Им для спасения мира. Итак, не думай, чтобы недостойно было Бога призывать волхвов посредством звезды; иначе должен будешь отверг-

нуть все иудейское — и жертвы, и очищения, и новомесячия, и ковчег, и самый храм, потому что все это допущено по языческой грубости иудеев. И Бог для спасения заблуждающихся с небольшим изменением допустил в служении Себе то, что наблюдали язычники при служении демонам, чтобы, понемногу отвлекая от языческих привычек, возвести к высокому любомудрию. Так поступил Он и с волхвами, благоволив призвать их явлением звезды, чтобы потом удостоить высшего. Побудивший их идти и руководствовавший в пути, после того как поставил перед яслями, наставляет их уже не через звезду, а через ангела; таким образом понемногу они восходили к высшему. Подобно этому Бог поступил и с жителями Аскалона и Газы. Когда пять филистимских городов, по прибытии к ним ковчега, поражены были смертной язвой и не находили никаких средств к избавлению от постигшего их бедствия, тогда, созвав волхвов, в общем собрании советовались, как освободиться от этой язвы, ниспосылаемой от Бога; волхвы присоветовали взять коров, которые не были еще под ярмом и принесли первых телят, запрячь под кивот и пустить одних идти куда хотят, чтобы через то увидеть, от Бога ли это ниспосланная язва или какая случайная болезнь. Если коровы, — говорили они, — как не привыкшие к ярму, разобьют его или воротятся к телятам, то будет значить, что язва произошла по случаю; если же пойдут прямо, мычание телят не произведет на них никакого действия и они не собьются с дороги, им незнакомой, то будет явно, что рука Божия коснулась этих городов (Цар. V–VI). Жители послушались волхвов и поступили по их совету; и Бог, по Своему снисхождению, не почел для Себя недостойным, применяясь к мнению волхвов, привести в действие предсказанное ими и оправдать слова их событием. Такое действие было тем важнее, что и сами противники засвидетельствовали

силу Божию, а учители их подтвердили то своим приговором. Много и других примеров видеть можно в божественном домостроительстве. Так, например, и то, что известно о чревовещательнице (1 Цар. XXVIII), случилось по тому же божественному промыслу, о чем сами вы можете рассудить по сказанному выше. Все это сказано мной для объяснения написанного о звезде; вы же сами, может быть, в состоянии сказать и более, — сказано ведь: *даждь премудрому вину, и премудрейший будет* (Притч. IX, 9).

4. Пора, однако, обратиться к началу прочитанного. Какое же начало? *Иисусу же рождшуся в Вифлееме Иудейстем, во дни Ирода царя, се волсви от восток* приходят *во Иерусалим.* Волхвы последовали за ведущей их звездой, а иудеи не поверили и проповедовавшим пророкам. Но для чего Евангелист означает и время и место, говоря: *в Вифлееме, во дни Ирода царя?* Для чего также упоминает о самом достоинстве? О достоинстве — для того, что был и другой Ирод, умертвивший Иоанна; но тот был четверовластник, а этот царь; на время же и место указывает для того, чтобы привести нам на память древние пророчества, из которых одно произнес Михей: *и ты, Вифлееме, земле Иудова, ничимже меньши еси во владыках Иудовых* (Мих. V, 2), другое — патриарх Иаков, который, с точностью означивши время, указал и важнейший признак пришествия Христова: *не оскудеет,* сказал он, *князь от Иуды и вождь от чресл его, дондеже приидут отложеная ему: и Той чаяние языков* (Быт. XLI, 10). Достойно исследования и то, откуда волхвам пришла мысль идти, и кто их побудил к тому. Мне кажется, что это было делом не одной звезды; но сам Бог подвиг их сердце, подобно тому, как поступил Он с Киром, расположив его отпустить иудеев. Впрочем, Он сделал это, не нарушая свободного произволения, подобно тому как и Павла призвав гласом свыше, вместе явил Свою благодать

и открыл его послушание. Но, скажешь, почему не всем волхвам открыл это? Потому, что не все бы поверили, а эти были готовы более других. Тысячи народов гибли, а к одним только ниневитянам послан был пророк Иона; двое было разбойников на кресте, но один только спасся. Итак, знай, что волхвы оказали добродетель не тем одним, что пришли, но и тем, что поступили смело. Чтобы их не сочли людьми подозрительными, они по приходе рассказывают о своем путеводителе, о дальнем пути, и при этом обнаруживают смелость: *приидохом*, говорят они, *поклонитися Ему*, и не страшатся ни ярости народной, ни жестокости царя. Из этого заключаю, что они и дома были учителями своих соотечественников; если здесь – в Иерусалиме – они не усомнились говорить об этом, то с большим дерзновением проповедовали о том в своем отечестве, после того как получили откровение от ангела и свидетельство от пророка. *Слышав же Ирод смутися*, и *весь Иерусалим с ним*. Ироду, как царю, естественно было опасаться и за себя, и за детей; но чего боялся Иерусалим, когда пророки задолго предсказали о Христе, как о Спасителе, благодетеле и освободителе? Что же смутило иудеев? То же легкомыслие, которое и прежде отвращало их от Бога – их благодетеля, так что, получив полную свободу, вспоминали о египетских мясах. Смотри же, как пророки ничего не опускали: один из них задолго предсказал и об этом: *восхотят, да быша огнем сожжени были: яко отроча родися нам, сын, и дадеся нам* (Ис. IX, 5, 6). Но, несмотря на свое смущение, жители Иерусалима не заботятся сами проверить случившееся, не следуют за волхвами, не любопытствуют: столько-то они были всех упорнее и нерадивее! Им надлежало бы хвалиться, что у них родился Царь и привлек к себе страну персидскую, и что все им покорятся, когда обстоятельства так переменились к лучшему, когда самое

начало так блистательно; но они и от того не сделались лучшими, хотя только лишь освободились от плена персидского. Если бы им не открыто было никаких высоких тайн, то, судя по одним настоящим событиям, можно бы им было заключить так: если столько благоговеют к нашему Царю при самом его рождении, то гораздо более будут бояться его и покоряться ему в совершенном его возрасте, и мы сделаемся гораздо славнее варваров. Но ни одна подобная мысль не восхитила их: столь велика была их беспечность, а вместе с нею и ослепление! Потому тщательно надобно удалять от себя оба эти порока, и надобно быть сильнее огня тому, кто хочет против них вооружиться. Потому-то и Христос сказал: *огнь приидох воврещи на землю, и хощу, аще уже возгореся* (Лк. XII, 49). Потому и Дух Святый является в виде огня.

5. Но мы холоднее праха и мертвее мертвецов, тогда как видим, что Павел возносится выше неба и неба небес, сильнее всякого пламени все преодолевает и возвышается над всем дольним и горним, настоящим и будущим, сущим и несущим. Положим, что этот пример не по твоим силам; впрочем, это отговорка одной твоей беспечности (что Павел имел перед тобой лишнего, почему бы тебе невозможно было подражать ему?). Но, чтобы нам не спорить, оставив Павла, возьмем в пример первенствующих христиан, которые оставили богатство, имения, заботы и все житейские дела, предали себя совершенно Богу, день и ночь прилежно внимая учению слова. Таков духовный огонь; он не оставляет в нас никакого пристрастия к земному, но воспламеняет нас иной любовью. Потому-то возлюбивший духовное, если нужно будет и все оставить, презреть удовольствия и славу, отдать самую душу, все это сделает без всякого затруднения. Теплота духовного огня, проникая в душу, изгоняет из нее всякую беспечность, и объятого ею

делает легче пера, и заставляет презирать все видимое. Такой человек пребывает уже в непрестанном сокрушении (сердца), проливая неиссякаемые источники слез и получая от того великое удовольствие, потому что ничто столько не сближает и не соединяет с Богом, как такие слезы. Такой человек, хотя живет и в городе, проводит жизнь как в пустыне, в горах и в пещерах, не занимаясь окружающими его и никогда не насыщаясь своими слезами, плачет ли о себе или о чужих грехах. Потому-то и Бог прежде других ублажил плачущих, сказав: *блажени плачущий* (Мф. V, 4). А как же Павел говорит: *радуйтеся всегда о Господе* (Флп. IV, 4)? Он говорит об удовольствии, проистекающем от этих слез. Как мирская радость бывает смешана с печалью, так слезы по Боге произращают всегдашнюю и неувядающую радость. Так блудница, объятая этим огнем, стала достойнее дев. Согретая покаянием, она воспылала такой любовью ко Христу, что распустила волосы и святые ноги Его обливала слезами, отирая их своими волосами, и не жалела мира. Но все это было только наружное; а что происходило у нее в сердце и что видел один Бог, то было гораздо пламеннее. Оттого и каждый из нас, слыша об этом, радуется с нею, восхищается ее добрым делом и прощает ей все проступки.

Если же мы, будучи злы, произносим о ней такой суд, то подумай, сколько она оправдана человеколюбивым Богом и какие собрала плоды покаяния, еще до получения даров Божиих? Как после проливного дождя воздух делается чистым, так и по пролитии слез настает тишина и ясность, а мрак греховный исчезает. Как сперва очистились мы водой и духом, так после очищаемся слезами и покаянием, если только делаем это не по лицемерию и тщеславию. Плачущая притворно заслуживает даже более осуждения, нежели та, которая прикрашивается румянами и притираниями. Я требую

слез, проливаемых не напоказ, а из сокрушения, проливаемых тайно, в уединенной комнате, без свидетелей, в тишине и в безмолвии, слез из глубины сердца, от внутренней скорби и печали, проливаемых единственно для Бога, каковы были слезы Анны: *устне ея*, сказано, *двизастеся, а глас ея слышашеся* (1 Цар. I, 13). Но одни только слезы вопияли громогласнее трубы; за такие слезы и отверз Бог утробу ее, и жесткий камень сделал мягкой нивой.

6. Если и ты плачешь так же, то подражаешь своему Господу. И Он ведь плакал о Лазаре (Ин. XI, 31), об Иерусалиме (Лк. XIX, 41) и возмутился духом об Иуде (Ин. XIII, 21). Да и часто бывало, что Его видели плачущим, а чтобы Он смеялся или хотя мало улыбался, этого никогда никто не видел, – почему и ни один из евангелистов не упомянул о том. Также и Павел, что он плакал, и плакал три года день и ночь, сам о том свидетельствует (Деян. XX, 31), и другие о нем говорят то; а чтобы когда-либо смеялся, об этом нигде не говорит ни сам он, ни другой апостол, ни один из святых, ни о нем, ни о ком другом, ему подобном. Об одной только Сарре говорит Писание (Быт. XVIII, 12), за что она и получила упрек, также о сыне Ноевом, который за то из свободного сделался рабом. Впрочем, я говорю это, не запрещая смеяться, но удерживая от неумеренного смеха. Скажи мне, чему без меры радуешься и смеешься, когда подлежишь такой ответственности, должен некогда предстать на страшный суд и дать строгий отчет во всем, что сделано тобой в жизни? Мы должны дать отчет во всех произвольных и непроизвольных грехах своих: *иже бо аще*, говорит Господь, *отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим* (Мф. X, 33). Хотя бы это отречение было невольное, однако же и оно не избежит наказания, и за него отдадим отчет, и за то, что знаем и чего не знаем: *ничтоже бо в себе свем*, го-

ворит Павел (1 Кор. IV, 4), *но ни о сем оправдаюся,* — и за то, что сделано по неведению, и за то, что — сознательно. *Свидетельствую бо им,* говорит апостол (Рим. X, 2), *яко ревность Божию имут, но не по разуму.* Однако ж это не оправдывает их. И в послании к Коринфянам: *боюся же, да не како, якоже змий Еву прельсти лукавством своим, тако истлеют разумы ваша от простоты, яже о Христе* (2 Кор. XI, 3). Тебе нужно будет дать такой строгий отчет, а ты сидишь и смеешься, шутишь и думаешь о забавах? Но скажешь: какая польза, если вместо этого буду плакать? Громадная польза, — такая, что нельзя и выразить словом. На суде человеческом, сколько ни плачь, не избежишь наказания, когда определение сделано; а здесь, если только вздохнешь — и приговор уничтожен, и прощение получено. Вот почему Христос так часто и говорит нам о слезах, и называет плачущих блаженными, а смеющихся бедными. Здесь не место смеху, и собрались мы сюда не смеяться, но стенать и за эти стенания наследовать царствие. Стоя перед земным царем, ты и слегка улыбнуться не смеешь; а где обитает Владыка ангелов, стоишь без трепета и без благоговения, даже смеешься, когда Он много раз прогневан тобой? И не подумаешь, что этим раздражаешь Его больше, нежели грехами? Подлинно, Бог обыкновенно отвращается не столько от грешащих, сколько от тех, которые, учинив грех, не сокрушаются о нем. При всем том некоторые столько бесчувственны, что, несмотря на сказанное, говорят: лучше мне никогда не плакать, но дай Бог всегда смеяться и играть. Что может быть безрассуднее такой мысли? Не Бог, а диавол учит играть. Выслушай, что случилось с играющими: *и седоша людие,* говорит Писание, *ясти, и пити, и возсташа играти* (Исх. XXXII, 6). Так вели себя содомляне, так вели себя жившие перед потопом. О первых говорит Писание, что они в гордости, и в изобилии, и *в сытости хлеба*

сластолюбствоваша (Иез. XVI, 49). А жившие при Ное, столько времени видя созидаемый ковчег, беззаботно веселились, нимало не думая о будущем; за это самое всех их и погубил наступивший потоп и всю вселенную подверг тогда кораблекрушению.

7. Итак, не проси у Бога того, что получается от диавола. Богу свойственно давать сердце сокрушенное и смиренное, трезвенное, целомудренное и воздержное, кающееся и умиленное. Вот дары Божии, потому что в них мы имеем наибольшую нужду. В самом деле, нам предстоит трудный подвиг, борьба с невидимыми силами, брань с духами злобы, война с началами, со властями; и хорошо, если бы мы, при всем тщании, трезвенности и бдительности, могли устоять против этого свирепого полчища. Если же будем смеяться, играть и всегда предаваться лености, то еще прежде сражения падем от собственной беспечности. Не наше дело постоянно смеяться, забавляться и жить весело; это дело лицедеев, зазорных женщин, и людей, на то предназначенных, тунеядцев, льстецов; не званным на небо, не написанным в горнем граде, не приявшим духовное оружие свойственно это, но тем, которые обрекли себя диаволу. Это он, он самый изобрел такое искусство, чтобы привлекать к себе воинов Христовых и ослаблять силы их духа. На то и построил он в городах театры и, обучив смехотворов, этой язвой поражает целый город. Чего Павел велел бегать (Еф. V, 4), — я разумею пустословие и шутки, — то диавол убеждает любить; и что в этом есть самого худшего, то бывает поводом к смеху. Когда представляющие смешное в театре скажут что-либо богохульное и срамное, тогда многие, будучи еще безумнее их, смеются, забавляются этим; за что надлежало бы побить камнями, тому рукоплещут, и за такое удовольствие сами себе готовят огненную печь. Ведь те, которые хвалят говорящих такие

речи, тем самым поощряют их к ним; а потому и наказанию, которое назначено для смехотворцев, справедливее падать на смеющихся, потому что если бы не было ни одного зрителя, то не было бы и действующего. А когда видят, что вы оставляете свою мастерскую, и работу, и то, что могли бы выработать, словом, все, только бы провести время в театре, тогда они становятся усерднее, с большим старанием отправляют свое дело. Впрочем, не в извинение их говорю это, но чтобы вас вразумить, что от вас, собственно, берется начало и корень этого беззакония, от вас, которые тратите на это целый день, подвергаете посмеянию честное супружество, посрамляете великое таинство. Поистине не столько грешит тот, который представляет в театре, сколько в сравнении с ним ты, который заставляешь это делать; и не только заставляешь, но и заботишься о том, радуешься и смеешься, хвалишь представление, всячески пособляешь демонской работе. Скажи мне, какими глазами после будешь смотреть дома на жену, видевши ее опозоренной в театре? Как, не покраснев, представишь себе супругу, когда ты видел весь пол ее обесчещенным?

8. Не говори мне, что представляемое в театре есть одно лицедейство. Лицедейство это многих сделало прелюбодеями и многие дома расстроило. О том-то особенно и скорблю, что в этом даже не подозревают худого, но такие развратные представления принимают с рукоплесканиями, с восклицаниями и громким смехом. Итак, скажешь, что все это лицедейство? Но за то самое лицедеи и стоили бы тысячи смертей, что они научились подражать запрещенному всеми законами. Если дело худо, то и подражание ему худо. Не говорю еще о том, сколь многих делают блудниками представляющие эти любодейные зрелища, к какой наглости и бесстыдству приучают они зрителей. Ведь

одному только сладострастному и наглому глазу сносно смотреть на эти зрелища. На площади ты не станешь смотреть на обнаженную женщину, а еще менее дома, — ты оскорбишься таким зрелищем; а в театр идешь, чтобы оскорбить честь и мужского и женского пола и осрамить глаза свои. Не говори, что обнажена блудница, потому что один пол и одно тело как у блудницы, так и у благородной женщины. Если в этом нет ничего непристойного, то почему, когда на площади увидишь то же, и сам бежишь прочь, и гонишь от себя бесстыдную? Или когда бываем порознь, тогда это непристойно, а когда соберемся и сидим вместе, тогда уже не позорно? Это смешно и постыдно и означает крайнее безумие. Лучше грязью или навозом вымарать себе все лицо, чем смотреть на такое беззаконие, потому что для глаза не так вредна грязь, как любострастный взгляд и вид обнаженной женщины. Вспомни, что было причиной наготы в начале, и страшись того, что было виной этой срамоты. Что же произвело наготу? Преслушание и злоумышление диавола. Таково давнее и первое его старание. Но прародители, по крайней мере, стыдились наготы своей, а вам это нравится, по апостольскому слову: *в студе славу имеющие* (Флп. III, 19). Как будет смотреть на тебя жена, когда ты возвратишься с такого беззаконного зрелища? Как примет тебя? Как будет говорить с тобой после того, как ты столь бесчестно посрамил весь женский пол, пленился таким зрелищем и сделался рабом блудницы? Впрочем, если слово мое огорчит вас, то я много вам за то благодарен: *кто есть веселяй мя, точию приемляй скорбь от мене* (2 Кор. II, 2)? Никогда не переставайте рыдать об этом и терзаться; такая скорбь будет для нас началом исправления. Для того-то я и усилил мое слово, чтоб сделать рану глубже, избавить вас от гниения зараженных членов и возвратить вам совершенное душевное здравие, которым да

наслаждаемся все мы вполне, и да получим награды, определенные нам за такие добрые дела наши, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VII

И собрав вся первосвященники и книжники людския, вопрошаше от них: где Христос раждается? Они же рекоша ему: в Вифлееме Иудейстем (Мф. II, 4, 5)

1. Видишь ли, как все события служат к обличению иудеев? Пока они еще не видали Иисуса Христа и не были объяты завистью, то свидетельствовали о Нем всю правду. Но как скоро увидали славу Его чудес, то, объятые завистью, изменили наконец истине. Но истине все содействовало, и сами враги только более споспешествовали ей. Смотри, сколь чудные и необычайные совершаются и здесь дела. Варвары и иудеи взаимно научаются друг от друга и наставляют друг друга чему-то великому. Иудеи слышат от волхвов, что и в персидской стране звезда проповедала Его (Христа); а волхвы узнают от иудеев, что о Том, Кого проповедала звезда, пророки задолго предвозвестили. Таким образом, вопрос, предложенный волхвами, как для них самих, так и для иудеев послужил к яснейшему и точнейшему познанию истины. Враги истины невольно принуждены были прочесть слова Писания и изъяснить пророчество. Впрочем, они изъяснили его не все, потому что, сказав о Вифлееме, что из него произойдет Пастырь Израилев, не присовокупили последующих слов из лести к царю. Какие же это слова? *Исходи Его из начала от дней века* (Мих. V, 2). Но если Ему надлежало произойти оттуда (из Вифлеема), то для чего жил Он, скажешь ты,

после рождения в Назарете и тем затемнил пророчество? Напротив, Он не затемнил, а еще более раскрыл его. Если Он родился в Вифлееме, несмотря на то, что мать Его постоянно жила в Назарете, то очевидно, что дело происходило по особенному устроению. Потому-то и после рождения Он не тотчас оставил Вифлеем, но пробыл там сорок дней, чтобы желающим дать время с точностью все исследовать. Если бы только захотели обратить внимание, то много было побуждений к такому исследованию. По прибытии волхвов возмутился весь город, а с ним и царь; вызвали пророка, собралось великое судилище. К тому же много произошло и других событий, о которых подробно повествует Евангелист Лука; я разумею известное нам об Анне, Симеоне, Захарии, ангелах и пастырях; все это легко могло побудить внимательных к открытию истины. Если волхвы, пришедшие из Персии, узнали место, то тем более жившие в Иудее могли узнать о всем случившемся. С самого начала Христос открыл Себя во многих чудесах. Но так как не хотели узнать Его, то Он, скрывшись на несколько времени, после явил Себя другим, славнейшим образом. Тогда уже не волхвы, не звезда, но сам Отец свыше свидетельствовал о Нем, когда Он крестился в струях Иорданских, и Святый Дух нисходил вместе с тем гласом на главу крестящегося. Иоанн безбоязненно взывал во всей Иудее, наполняя проповедью о Христе и грады, и пустыню. И чудеса, и земля, и море, и вся тварь торжественно возвещали о Нем. Подлинно, и при рождении такие были знамения, которые могли показать, что Он уже пришел. Иудеи не могут сказать: не знаем, когда и где родился Он! Вся история волхвов и другие упомянутые события так устроены, что иудеи не имеют никакого извинения, когда не хотели исследовать случившегося.

2. Но заметь еще точность в словах пророчества. Пророк не сказал: будет жить в Вифлееме, но: *изыдет* (из Вифлеема); пророчество, следовательно, и указывало на то, что Он только родится в Вифлееме. Некоторые же из иудеев с бесстыдством утверждают, будто бы это сказано о Зоровавеле. Но как это могло быть? Его исходи не *изначала от дней века.* Да и можно ли к нему отнести сказанное в начале: *яко из тебе изыдет?* Он родился не в Иудее, а в Вавилоне, потому и Зоровавелем назван, что там родился. Знающие сирский язык поймут мои слова. Кроме того, что мы сказали, и все последовавшие затем обстоятельства совершенно подтверждают, что это пророчество относится к Иисусу Христу. Что именно сказано? *Ничимже меньши еси во владыках Иудовых,* и тут же присовокупляется причина знаменитости места: *яко из тебе изыдет.* Это место сделалось известным и знаменитым только через Иисуса Христа. Именно, после Его рождения со всех концов земли приходят видеть ясли и вертеп, что самое предвозвестил и пророк, говоря: *ничимже меньши еси во владыках Иудовых,* то есть между главами племен. В этих словах он заключал и Иерусалим. Но иудеи не обратили на все это никакого внимания, хотя для них это было бы полезно. Потому-то и пророки первоначально говорят не столько о достоинстве Христа, сколько о благодеянии, которое Он оказал иудеям. Так, когда родила Дева, *наречеши,* говорит ангел, *имя Ему Иисус;* и присовокупляет: *Той бо спасет люди Своя от грех их.* И волхвы не говорили: где Сын Божий, но: *(где есть) рождейся Царь Иудейский?* Так и здесь не говорится: из тебя произойдет Сын Божий, но: *вождь, иже упасет люди Моя Израиля.* Сначала надлежало говорить с ними сколько можно ближе к мыслям их, чтобы они не соблазнились, и говорить именно о их спасении, чтобы тем лучше привлечь их. Вот почему все, какие сначала и при самом

Его рождении произнесены о Нем свидетельства, не раскрывают еще вполне Его величия, не так, как бывшие после явления знамений; последние яснее говорят о Его достоинстве. Так, когда после многих чудес воспели Ему дети, слушай, что говорит тогда пророк: *из уст младенец и ссущих совершил еси хвалу* (Пс. VIII, 3); и еще: *яко узрю небеса дела перст Твоих* (там же, ст. 4), – что показывает в Нем Творца вселенной. А относящееся к Его вознесению свидетельство показывает равенство Его с Отцом. *Рече*, сказано, *Господь Господеви моему: седи одесную Мене* (Пс. CIX, 1). Также Исаия говорит: *возстаяй владети языки; на Того языцы уповати будут* (Ис. XI, 9). Но почему же сказано, что Вифлеем *ничимже меньши есть во владыках* Иудовых, между тем как эта весь не только в Палестине, но и во всей вселенной сделалась известной? Здесь речь обращена еще к иудеям, потому и присовокупил: *упасет люди Моя Израиля*. Хотя Он пасет всю вселенную, но, как я сказал, не желая оскорбить их, умалчивает о язычниках. Но отчего же, скажешь ты, Он не упас и народа иудейского? Неправда; и это действительно совершилось. Под Израилем здесь Он разумеет уверовавших в Него иудеев, что изъясняя, Павел говорит: *не вси бо сущии от Израиля, сии Израиль, но елицы верою и обетованием родишася* (Рим. IX, 6). Если же не веех Он упас, то это их собственная вина. Им бы надлежало вместе с волхвами поклониться и прославить Бога за то, что наступило время оставления их прегрешений (ведь не о суде и не об ответственности их возвещалось им, но о кротком и тихом Пастыре); они же поступают совершенно напротив, возмущаются, и возмущают, и устрояют потом бесчисленные козни. *Тогда Ирод тай призва волхвы, испытоваше от них время явльшияся звезды* (ст. 7), умышляя убить рожденного; это доказывало не только его ярость, но и крайнее безумие. И то, что было говорено ему, и сами события могли отклонить

его от всякого подобного покушения. События совершались не в порядке дел человеческих. Звезда призывает волхвов, иноплеменные мужи предпринимают столь далекое путешествие, чтобы поклониться лежащему в пеленах и в яслях, и пророки наперед еще о нем предвозвещают. Все эти события были более, нежели человеческие. Однако же ничто не удержало Ирода.

3. Такова уже злоба, что она сама себе вредит и всегда предпринимает невозможное. Смотри, какое безумие! Если Ирод верил пророчеству и почитал его непреложным, то, очевидно, он замышляет дела невозможные. А если он не верил и не думал, чтобы сбылось предречение, то не нужно было ему бояться и страшиться, а потому и строить козни. Итак, в обоих случаях хитрость была излишня. И то уже крайнее безумие, что он думал, будто волхвы предпочтут его Родившемуся, для которого они совершили столь дальнее путешествие. Если они, прежде чем увидели Младенца, горели к Нему столь сильной любовью, то как Ирод мог надеяться, что они согласятся предать ему Младенца после того, как увидели Его и утвердились в вере пророчеством? И однако ж, несмотря на все эти обстоятельства, которые должны были отвлечь от предпринятого намерения, Ирод не оставляет его: и *тай призва волхвы, испытоваше от них.* Он думал, что иудеи дорожат Младенцем, и не предполагал, что они дойдут до такого неистовства, что согласятся предать врагам своего Ходатая и Спасителя, пришедшего для избавления их: потому и призывает волхвов тайно и выведывает не время рождения Младенца, но явления звезды, с хитростью уловляя добычу. Я думаю, что звезда явилась гораздо прежде (рождения), потому что волхвы должны были много времени наперед провести в путешествии, чтобы предстать только что Рожденному; а между тем Христу надлежало принять поклонение в самых пеленах еще,

чтобы событие явилось чудесным и необычайным. Потому-то звезда и является гораздо раньше (рождения Христова). Если бы она явилась волхвам на востоке тогда, как уже Христос родился в Палестине, то, пробывши долго в пути, по своем прибытии они уже не могли бы Его видеть в пеленах. Не нужно удивляться тому, что Ирод избивает младенцев от двух лет и ниже; здесь ярость и страх для вернейшего успеха прибавили и больше времени, чтобы никто не избежал (поражения). Итак, призвав волхвов, говорит: *шедше испытайте известно о отрочати, егда же обрящете, возвестите ми, яко да и аз шед поклонюся Ему* (ст. 8). Какое безумие! Если ты, Ирод, говоришь это по внушению истины, то для чего вопрошаешь тайно? А если с коварным намерением, то как не понимаешь, что тайные расспросы твои заставят волхвов подозревать тебя в злом умысле? Но душа, объятая злобой, как я сказал уже, становится совершенно безумной. Он не сказал: шедше испытайте о царе, но: о отрочати. Для него несносно было произнести даже имя, означающее власть. А волхвы, по великому благочестию своему, нисколько того не замечали, потому что никак не предполагали, чтоб он дошел до такой злобы и вздумал противоборствовать столь чудному устроению. Ничего подобного не подозревая, но судя по себе и о всех других, они уходят от него. *И се звезда, юже видеша на востоце, идяше перед ними* (ст. 9). Она скрывалась для того, чтобы они, лишившись путеводителя, принуждены были прибегнуть с вопросами к иудеям, и, таким образом, событие сделалось для всех известным. Когда же они спросили и разведали о Младенце от самих врагов, то звезда им опять является. Смотри, какой здесь прекрасный порядок! После того, как оставила волхвов звезда, принимают их иудейский народ и царь; приводят пророка, чтобы объяснить явление; а после того опять научает их всему ангел, и они идут из Иерусали-

ма в Вифлеем вслед за звездой. Звезда опять им сопутствовала, — и отсюда ты опять можешь видеть, что звезда эта не была из числа обыкновенных звезд, — нет ни одной звезды, которая имела бы такое свойство. Она не просто шла, но предшествовала им, ведя их как бы за руку среди дня.

4. Но что за нужда, спросишь, была в звезде, когда место сделалось уже известным? Та, чтоб указать и самого Младенца, потому что иначе нельзя было узнать Его, поскольку и дом не был известен, и Мать Его не была славна и знаменита; а потому и нужна была звезда, которая бы привела их прямо к тому месту. Поэтому, по выходе их из Иерусалима, она является им и останавливается не прежде, как уже дошедши до яслей. Здесь чудо присоединяется к чуду. Дивны оба события: и то, что волхвы поклоняются, и то, что их приводит звезда; это должно тронуть и самые каменные сердца. Если бы волхвы сказали, что они слышали об этом предречение пророков или что объявили им о том ангелы по особенному откровению, то можно было бы еще им и не поверить; но сиянием звезды, явившейся свыше, заграждаются теперь уста и самых бесстыднейших. Далее звезда, достигши Отрока, опять остановилась. И это опять доказывает, что здесь действует сила большая, нежели какая свойственна обыкновенным звездам, то есть что она то скрывается, то является и, явившись, останавливается. Отсюда и волхвы еще более утвердились в вере, и возрадовались, что нашли то, чего искали, что сделались провозвестниками истины, что не напрасно предпринимали столь дальний путь. Столько-то сильна была любовь их ко Христу! Звезда, приблизившись, стала над самой главой (Отрока), показывая этим божественное происхождение Его. И остановившись, приводит к поклонению не простых язычников, но самых мудрейших из них. Видишь ли, что

звезда недаром явилась? Волхвы, и по выслушании пророчества, и после того, как услышали изъяснение его от первосвященников и книжников, все еще были внимательны к ней.

Да посрамится Маркион, да посрамится Павел Самосатский, которые не хотели видеть того, что видели волхвы – первенцы Церкви (я не стыжусь так называть их). Да посрамится Маркион, видя, как поклоняются Богу во плоти. Да постыдится Павел, видя, как Христу поклоняются – не просто как человеку. Хотя пелены и ясли показывают, что поклоняются воплощенному, однако же поклоняются не как простому человеку; это видно из того, что приносят Ему, еще Младенцу, такие дары, которые прилично приносить одному только Богу. Да посрамятся вместе с ними и иудеи, которые, видя, что иноплеменники и волхвы предваряют их, не хотели идти даже и вслед за ними. Событие это служило знамением будущего и с самого начала показывало, что язычники предварят иудеев. Но почему, ты спросишь, после уже, а не сначала, сказано: *шедше научите вся языки* (Мф. XXVIII, 19)? Потому что, как я сказал уже, случившееся тогда было образом и предсказанием будущего. Иудеям следовало прийти первыми; но так как они добровольно отринули собственно им предложенное благодеяние, то дела получили другой ход. И здесь ведь, при рождении, волхвам не следовало прийти прежде иудеев; жившим в столь дальнем расстоянии не следовало предупредить живущих подле самого города; не слыхавшим ничего не следовало предварить воспитанных среди такого числа пророчеств. Но так как иудеи совершенно не понимали тех благ, которые им принадлежали, то пришедшие из Персии предваряют живущих в Иерусалиме. Так говорит об этом и апостол Павел: *вам бе лепо первее глаголати слово Господне, но понеже недостойны сотворили сами себе, се обращаемся во языки*

(Деян. XIII, 46). Если иудеи и не верили прежде, то, по крайней мере, им надлежало бы идти тогда, как услышали от волхвов; но и того они не хотели сделать. И потому-то во время такого их ослепления волхвы и предваряют их.

5. Последуем же и мы волхвам и, оставя чуждые (христианства) обычаи, совершим великое путешествие, да и мы узрим Христа. Так как и волхвы не видали бы Его, если бы не удалились из своей страны, то и мы будем удаляться земного. Волхвы, доколе были в земле персидской, видели одну звезду; как скоро оттуда удалились, узрели Солнце правды. Но не видать бы им и самой звезды, если бы не поспешили оттуда со всею охотой. Восстанем же и мы; пусть все приходят в смятение, — мы потечем к дому Отрочати. Пусть цари, народы, пусть владыки земли преграждают этот путь, — не погасим ревности своей. Только таким образом и можем отстранить предстоящие опасности: ведь и волхвам не избежать бы бедствия со стороны угрожавшего царя, если бы они не увидели Отроча. Прежде, чем узреть Отроча, и страх, и опасности, и беспокойства отовсюду окружали волхвов; когда же поклонились Отрочати, они стали спокойны и безопасны. И вот уже не звезда, но ангел сопутствует им, так как через поклонение они соделались иереями и дары принесли. Так и ты, оставив иудейский народ, возмущенный город, кровожадного мучителя, светскую пышность, спеши к Вифлеему, где находится дом хлеба духовного. Пастырь ли ты? Теки туда, и ты в вертепе узришь Отроча. Царь ли ты? Если не пойдешь в храмину, нет тебе никакой пользы от порфиры. Волхв ли ты? И это нисколько не воспрепятствует тебе, если только пойдешь воздать честь и поклониться Сыну Божию и не станешь попирать Его. Впрочем, делай это с трепетом и радостью: и то и другое может совместиться. Смотри, не будь

Иродом и подобно ему, сказав: *яко да и аз шед поклонюся Ему* (Мф. II, 8), не замышляй, когда придешь, убить Отроча; ему уподобляются те, кто недостойно приобщается святых тайн. Такой, по слову апостола, *повинен будет телу и крови Господни* (1 Кор. XI, 27). Такие люди служат сокрытому в них самих мамоне, который, будучи гораздо хуже Ирода, ненавидит царство Христово. Желая господствовать над людьми, он посылает своих поклонников, которые наружно поклоняются Христу, а во время поклонения убивают Его. Убоимся показывать себя по наружности покорными поклонниками, а на самом деле быть Его врагами. Кланяясь, повергнем все перед Ним из рук своих. Если есть у нас злато, принесем Ему, а не будем закапывать. Если тогда иноплеменники почтили Его своими дарами, то за кого надобно почесть тебя, когда ты отказываешь требующему твоей помощи? Если они подъяли такой великий путь для того, чтоб узреть Рожденного, то чем извинишься ты, который не хочешь пройти одной улицы для посещения страждущего и заключенного в узах? Мы милосердуем о самих врагах наших, когда они в болезни или узах, а ты не чувствуешь сострадания к Благодетелю твоему и Господу. Те принесли злато, а ты едва подаешь хлеба. Те, увидев звезду, возрадовались, а ты не трогаешься, видя самого Христа и странна, и нага. Но найдется ли кто-нибудь между вами, хотя один из числа получивших тысячу благодеяний, кто бы предпринимал для Христа такое путешествие, какое совершили эти мудрейшие самих мудрецов варвары? Но что я говорю — такое путешествие? Многие женщины у нас так изнежены, что если не будут привезены на мулах, не хотят пройти и одной улицы для того, чтобы увидеть Христа в духовных яслях? Если же и есть такие, которые могут приходить ко Христу, то одни из них предпочитают хлопоты по домашним делам, а другие даже

посещение зрелищ хождению в это наше собрание. Варвары, не видав еще Христа, столь великий для Него протекли путь; а ты, и видев Его, не подражаешь им, но, взглянув, оставляешь Его и спешишь смотреть на шута (я обращаюсь опять к тому же, о чем говорил и прежде) и, видя Христа, лежащего в яслях, бежишь от Него для того, чтобы видеть на сцене женщин. Каких громов и молний не достойны такие поступки!

6. Положим, что кто-нибудь обещался ввести тебя в царские чертоги и показать в них царя: скажи мне, захотел ли бы ты, вместо того, смотреть на зрелище, хотя бы от первого и не мог ожидать никакой для себя выгоды? Но здесь – от этой трапезы истекает духовный огненный источник; а ты? оставляя его и убегая на зрелище видеть играющих и подвергающих всеобщему бесславию свой женский пол, не оставляешь ли самого Христа, Который сидит при этом источнике? Да, Он и ныне сидит при источнике, беседуя не с одной самарянкой, но с целым городом. А быть может, что и теперь говорит одной самарянке, так как нет при Нем и теперь никого; некоторые только телом, а другие и телом не хотят быть при Нем. Но, при всем том, Он не отходит, а стоит и у нас просит пить, но не воды, а святыни, так как и сам только святым дарствует святое. Не воду подает Он нам из этого источника, а кровь живую, которая, будучи образом Его смерти, есть источник нашей жизни. А ты, оставив источник крови, эту страшную чашу, течешь на диавольский источник смотреть плавающую в нем блудницу и потопить там свою душу. В этой воде – море любострастия – не тела потопают, а души гибнут. Та плавает с обнаженным телом, а ты, смотря на нее, погружаешься в бездну любострастия. Таковы сети диавола, что он губит не тех, которые уже погружены в самой воде, но тех, которые, сидя спокойно, смотрят на это, и подвергает

потоплению, более ужасному, чем какому подвергся фараон, утонувший некогда с конями и колесницами. И если бы можно было видеть души, то я показал бы вам много утонувших в этих водах, как некогда тела египтян. Но что всего хуже: такую погибель называют увеселением и бездну погибели – источником наслаждения, хотя безопаснее можно переплыть Егейское и Тирское море, чем возвратиться с такого зрелища. Во-первых, диавол всю ночь занимает души ожиданием; потом, показав ожидаемое, тотчас связывает их и делает своими пленниками. Не думай, что ты чист от греха, когда не совокупился с блудницею; ты пожеланием все уже сделал. Подлинно, если ты питаешь похотение, то этим больший возжигаешь пламень. Если же зрелище не производит на тебя никакого впечатления, то тем большего ты достоин осуждения за то, что служишь соблазном для других, поощряя такие зрелища, оскверняешь свой взор, а со взором и душу. Но не ограничимся одним воспрещением, а представим и способ исправления. Какой же это способ? Я хочу отдать вас для научения женам вашим. По закону Павлову, надлежало бы вам быть их учителями; но как грех низвратил весь порядок, и туловище стало вверху, а глаза внизу, то и мы уж изберем этот путь. Если же стыдно для тебя иметь учителем жену, убегай греха, и ты опять получишь вверенную тебе от Бога власть. Но до тех пор, пока будешь беззаконно вести себя, Писание посылает тебя не только к женам, но и к бессловесным самым низким; оно ведь не стыдится одаренного разумом посылать учиться к муравью. Впрочем, не Писание в том виновато, а те, кто сами теряют свое достоинство. То же сделаем и мы: теперь отдадим тебя учиться к жене, если же ты не будешь и ее слушать, то отошлем на поучение к бессловесным животным и покажем, сколько на земле птиц, рыб, сколько четвероногих животных, сколько пресмы-

кающихся по земле, которые чище и воздержнее тебя. Если же ты стыдишься и краснеешь при этом сравнении, возвратись к свойственному тебе благородству и убегай моря геенского и огненной реки, то есть купален в театре, потому что они влекут тебя в море похоти и возжигают эту пламенную бездну.

7. Если *воззревши на жену, ко еже вожделети, уже любодействова* (Мф. V, 28), то не гораздо ли чаще делается пленником тот, кто заставляет себя смотреть на нагую? Не столько потоп, бывший во время Ноя, пагубен был для рода человеческого, сколько эти плавающие женщины бесстыднейшим образом губят всех зрителей. Тот, хотя и причинил смерть телу, но зато очищал душу от грехов; а эти производят противное: оставляя тело, они погубляют душу. Когда речь идет о преимуществе, вы присваиваете себе первое место во всей вселенной, потому что наш город первый облекся христианским именем; а в подвиге целомудрия не стыдитесь уступать и самым последним по образованию городам. Хорошо, скажете вы, – что же нам прикажешь делать? Идти в горы и сделаться монахами? Сожалею, что вы скромность и целомудрие почитаете обязанностью одних монахов, тогда как Христос постановил общие для всех законы. Когда Он говорит: *аще кто воззрит на жену, ко еже вожделети*, то говорит не к монашествующему, но и к женатому, потому что гора та (на которой Он говорил) покрыта была людьми всякого рода. Содержи же в уме твоем это зрелище, и возненавидь зрелище диавольское, и не укоряй меня в том, будто я предложил тебе слово тяжкое. Я не воспрещаю жениться, не препятствую веселиться; но хочу, чтобы это происходило не без целомудрия, не с бесстыдством и бесчисленными пороками. Я не предписываю идти в горы и пустыни, но чтобы ты вел себя честно, скромно, целомудренно, живя среди города. Все законы у нас с монахами общи,

кроме брака. А Павел повелевает и брачным во всем уподобляться монахам: *преходит бо образ мира сего, да и имущии жены яко не имущии будут* (1 Кор. VII, 29). Следовательно, как бы сказал так: я не повелеваю удаляться на верхи гор, хотя желал бы того, потому что города поступают подобно содомлянам, впрочем, не понуждаю к тому. Пребывай дома с детьми и женой; только не бесчесть жены, не соблазняй детей и не вноси заразы с зрелищ в дом твой. Слышишь ли, что говорит Павел: *муж своим телом не владеет, но жена* (1 Кор. VII, 4)? Он обоим полагает общий закон. Но ты, когда жена твоя часто ходит в церковь, жестоко за то обвиняешь ее; а сам, проводя целые дни на зрелищах, не считаешь себя достойным обвинения. Ты о целомудрии жены печешься даже до излишества и чрезмерности, так что не позволяешь ей необходимых выходов, а для себя все почитаешь позволенным. Но этого не позволяет тебе Павел, который дал ту же власть и жене: *жене,* говорит он, *муж должную* честь *да воздает* (1 Кор. VII, 3). Но что это за честь, когда ты обижаешь ее в главнейшем, когда отдаешь тело, принадлежащее ей, блудницам (ведь тело твое ей принадлежит)? Какая честь, когда вносишь в дом возмущения и ссоры, когда то на площади делаешь, о чем рассказывая дома, стыдишь слушающую жену, заставляешь краснеть предстоящую дочь, а прежде них себя самого? Лучше бы уже молчать, нежели бесстыдно говорить о том, за что и рабов надобно наказывать. Чем извинишься, скажи мне, в том, что смотришь с великим вниманием на то, о чем неприлично и говорить, — предпочитаешь всему то, чего нельзя терпеть в рассказе? Но довольно; чтобы не отяготить вас, я кончу здесь слово мое. Впрочем, если вы останетесь при прежнем, то изощрю меч мой, нанесу глубочайшую рану, — и не успокоюсь дотоле, пока, рассеяв диавольское зрелище, очищу общество, составляющее Церковь. Таким только

образом мы избавимся и от настоящего срама и сподобимся жизни будущей, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VIII

И пришедше в храмину, видеша отроча с Мариею, материею Его, и падше поклонишася Ему: и отверзше сокровища своя, принесоша Ему дары: злато, и ливан, и смирну (Мф. II, 11)

1. Как же говорит Лука, что Отроча положено было в яслях? Потому что родившая тотчас положила Его там. По причине множества собравшихся для переписи, нельзя было найти дома, на что и указывает Лука, говоря: *и положи Его, зане не бе места* (Лк. II, 7). Но после она взяла Его и держала на коленях. Она вскоре, по прибытии в Вифлеем, разрешилась от бремени. Итак, ты и отсюда можешь видеть все домостроительство, и что все это не просто и не по случаю происходило, но по божественному промышлению, и исполнялось вследствие пророчества. Но что заставило волхвов поклониться, когда ни Дева не была знаменита, ни дом не был великолепен, да и во всей наружности ничего не было такого, что бы могло поразить и привлечь их? А между тем они не только поклоняются, но и, открывши сокровища свои, приносят дары, и дары не как человеку, но как Богу, – потому что ливан и смирна были символом такого поклонения. Итак, что их побудило и заставило выйти из дома и решиться на столь дальний путь? Звезда и божественное озарение их мысли, мало-помалу возводившее их к совершеннейшему ведению. Иначе они не оказали бы Ему такой чести, при столь маловажных по всему обстоятельствах. Для чувств не

было ничего там великого, были только ясли, хижина и бедная матерь, чтобы ты открыто видел отсюда любомудрие волхвов и познал, что они приступали не как к простому человеку, но как к Богу и благодетелю. Потому-то они и не соблазнялись ничем видимым и внешним, но поклонялись и приносили дары, не похожие на грубые (приношения) иудейские; приносили (в жертву) не овец и тельцов, но, как бы были истинные христиане, принесли Ему познание, послушание и любовь. *Весть приемше во сне не возвратитися ко Ироду, иным путем отыдоша в страну свою* (ст. 12). Смотри и отсюда, какова вера их, – как они не соблазнились, но были благопослушны, благоразумны. Не смущаются, не размышляют в самих себе, говоря: если этот Младенец действительно велик, и имеет какую-либо силу, то для чего нам бежать и тайно удаляться, и для чего ангел высылает нас из города, как рабов и беглецов, тогда как мы пришли явно и с дерзновением предстали перед таким множеством народа и перед царем неистовым? Ничего подобного они и не говорили, и не думали, а это-то и есть особеннейшее дело веры, – не изыскивать причин того, чего не велят делать, но только покоряться повелениям. *Отшедшим же им, се ангел Господень во сне явися Иосифу, глаголя: востав поими отроча и матерь Его, и бежи во Египет* (ст. 13). Здесь можно иметь некоторое недоумение и касательно волхвов, и Младенца. Пусть сами они и не пришли в смущение, а все приняли с верой: однако, мы должны исследовать, почему и волхвы, и Отроча не остаются в прежнем месте, но волхвы удаляются в Персию, а Отроча с Матерью бежит во Египет? Что же? Неужели Отроча должно было впасть в руки Ирода и, впавши, не подвергнуться смерти? Но тогда могли бы усомниться в том, что Он принял плоть, и не поверить величию домостроительства. Если и после этих и многих других человеческих действий, некото-

рые осмелились назвать восприятие плоти басней, то до какой глубины нечестия не ниспали бы они, если бы Он везде действовал так, как прилично Богу и Его могуществу? Что же касается до волхвов, то Бог вскоре высылает их частью потому, что Он посылает их учителями в страну персидскую, а частью — предотвращает неистовство тирана, чтобы этим вразумить его, что он предпринимает невозможное, и чтобы угасить его ярость, и отвести его от этого тщетного труда. Могуществу Божию свойственно не только открыто преодолевать врагов Своих, но и без затруднения попускать им впадать в заблуждение. Так именно Он попустил, например, иудеям ввести в заблуждение египтян, и, имея право открыто отдать богатство их в руки евреев, повелевает сделать это тайно и с лестью, — что не менее других знамений соделало Его страшным для врагов.

2. Так и жители Аскалона и прочих городов, когда взяли ковчег завета и, будучи поражены, увещевали своих сограждан — не враждовать и не сопротивляться, то наряду с другими чудесами представляли и вышеуказанное, говоря: *почто отягощаете сердца ваши, якоже ожесточися Египет и фараон? Не егда ли поругася им,* тогда *отпусти* народ Его *и отыдоша* (1 Цар. VI, 6)? Говорили же они так потому, что, по их мнению, и это дело Божие, не менее других, открыто совершившихся знамений, доказывало силу и величие Божие. Так и здесь, того, что случилось, довольно было, чтобы привести в ужас тирана. Представь, в самом деле, сколько должен был страдать и мучиться Ирод, обманутый и осмеянный от волхвов? Что же из того, если он не сделался лучшим? В том виновен не Тот, Кто устроил это, а чрезмерное ослепление того, кто не внимал данным ему достаточным внушениям — отстать от лукавства, а ожесточался еще более, чтобы за таковое безумие подвергнуться тягчайшему наказанию. Но для чего,

скажешь, Отроча посылается в Египет? Главную причину показал сам Евангелист, говоря: *да сбудется реченное: от Египта воззвах Сына Моего* (Ос. XI, 1); а вместе с тем и предвозвещались уже начатки благих надежд всей вселенной. Так как Вавилон и Египет более всей земли были разжигаемы огнем нечестия, то Господь, показывая в самом начале, что Он исправит и сделает лучшими жителей обеих стран, и через то уверяя, что следует ожидать благ и для всей вселенной, посылает волхвов в Вавилон, а Сам с Матерью приходит в Египет. Кроме того, мы узнаем отсюда и нечто другое, что немало споспешествует к нашему любомудрию. Что же именно? То, что мы с самого начала должны ожидать искушений и наветов. В самом деле, смотри, как все это начинается тотчас от самых пелен. Лишь только Христос родился, и тиран неистовствует, и приключается бегство в чужие земли, и вовсе невинная мать убегает в страну варваров. После этого и ты, удостоившись послужить какому-нибудь духовному делу, если будешь претерпевать жесточайшие напасти и подвергаться бесчисленным бедствиям, не должен смущаться и говорить: что это значит? Когда я исполняю волю Господню, то мне следовало бы быть увенчану и прославлену, светлу и знамениту. Но, имея пример Христа, переноси все мужественно, зная, что с духовными человеками так и должно особенно быть и что их удел — отовсюду подвергаться искушениям. Смотри, что совершается не только над Матерью и Отроком, но и над волхвами: и они тайно удаляются, подобно беглецам, и сама Мать, никогда не отходившая от своего дома, получает повеление отправиться в далекий и прискорбный путь, по причине этого чудного Отрока и духовных мук рождения. Вот еще что удивительно: Палестина строит для Него ковы, а Египет Его принимает и спасает от наветов! Таким образом сбывались прообразования не толь-

ко на детях патриарха, но и на самом Владыке: тогдашними Его делами предвозвещены были многие из последующих событий, каково, например, событие касательно осляти и жребяти. Явившийся ангел беседует не с Марией, а с Иосифом. И что он говорит ему? *Востав пойми отроча и матерь Его.* Здесь он уже не говорит: *жену свою,* но — *матерь Его.* Так как рождение совершилось, сомнение кончилось и муж был убежден, то ангел уже открыто беседует с ним, не называя ни Отроча, ни жену его, но: *пойми*, говорит, *отроча и матерь Его, и бежи во Египет,* и показывает причину бегства: *хощет бо*, говорит он, *Ирод искати* душу *отрочате.*

3. Иосиф, услышав это, не соблазнился и не сказал: что это за странность? Ты прежде говорил, что Он спасет народ Свой, а теперь Он даже и Себя не спасает, и нам нужно бежать, удалиться и переселиться в отдаленную страну? Это противоречит тому, что обещано. Но он ничего такого не говорит, потому что он был муж верный; не любопытствует даже о времени возвращения, о котором и ангел не сказал определенно: *дондеже реку ти, буди тамо.* Он и этим не огорчился, но, будучи готов терпеть все, с радостью оказал покорность и послушание. И человеколюбец Бог эти скорби его растворил радостью, как и обычно Он поступает со всеми святыми, не попуская им быть и в непрестанных опасностях, и не оставляя их в совершенном покое, но устрояя жизнь праведных из совокупления того и другого. Так и здесь Он устроил. Смотри: Иосиф видел, что Дева имела во чреве; это повергло его в смущение и крайнее беспокойство, потому что он подозревал Деву в прелюбодействе. Но тотчас предстал ангел, уничтожил подозрение и рассеял страх, и Иосиф, видя родившегося Младенца, объят был величайшей радостью. Снова эту радость сменяет немалая скорбь. Город возмущается, царь беснуется и ищет Родившегося. Но

за этим беспокойством последовала новая радость – звезда и поклонение волхвов. После этой отрады опять страх и опасность, сказано, что Ирод ищет душу Отрочати, – и опять ангел велит бежать и переселиться Ему, как свойственно человеку, потому что не настало время творить чудеса. Если бы Господь с первого Своего возраста начал творить чудеса, то Его не стали бы признавать человеком. Потому и храм не просто зиждется, но происходит чревоношение в продолжение обыкновенного девятимесячного времени; потом болезни, и рождение, и питание молоком, и продолжительный покой, и ожидание возраста, приличного мужам, – и все это для того, чтобы сделать более удобовразумительным таинство домостроительства. Для чего же, скажешь, были сначала и эти знамения? Для Матери, для Иосифа, для Симеона, близкого уже к кончине, для пастырей, для волхвов, для иудеев. Если бы и они захотели тщательнее вникнуть в тогдашние события, то немалую бы от этого приобрели пользу на будущее время. Если пророки не говорят о волхвах, то не смущайся; не все они предрекли, как и не о всем умолчали. Если бы люди были свидетелями совершившихся происшествий, о которых вовсе прежде не слыхали, то это повергло бы их в большое смущение и недоумение; подобным образом, если бы они узнали все прежде, то ничто бы уже не возбуждало их к исследованию, не оставалось бы ничего делать евангелистам. Если же иудеи и недоумевают касательно пророчества: *из Египта воззвах Сына Моего*, как будто бы это о них сказано, то мы им отвечаем, что пророчества, между прочим, имеют и такое свойство, что многое, сказанное об одних, исполняется и на других. Так, например о Симеоне и Левии сказано: *разделю их во Иакове, и разсею их во Израили* (Быт. XLIX, 7); между тем это сбылось не на них, а на их потомках, точно так же и сказанное Ноем о Ханаане сбылось на гавао-

нитянах, внуках Ханаана. То же сбылось и на Иакове, как мы видим; данное ему благословение: *буди господин брату твоему, и да поклонятся тебе сынове отца твоего* (Быт. XXVII, 29), исполнилось не над ним (даже и как могло это быть, когда сам Иаков страшился и ужасался брата своего и многократно ему кланялся?), но над его потомками. То же должно сказать и в настоящем случае (о Христе). Кого вернее назвать можно Сыном Божиим? Того ли, кто поклоняется тельцу, или служил Веельфегору и приносил детей в жертву бесам, или Того, Кто по естеству Сын и чтит Родившего? Итак, если бы Христос не пришел, то пророчество не получило бы надлежащего исполнения.

4. Смотри, как и Евангелист намекает на то, говоря: *да сбудется,* и показывая, что это не исполнилось бы, если бы не пришел Сын Божий. Это и на Деву проливает немалый свет и славу. То, чем весь народ (иудейский) хвалился, уже и она могла себе усвоять. То, чем иудеи непомерно хвалились и величались, говоря о своем возвращении из Египта (на что намекает и пророк, говоря: не *иноплеменники* ли изведох *из Каппадокии, и ассириян из рова* (Ам. IX, 7), составляет также преимущество и Девы. Лучше же сказать, и народ, и патриарх своим приходом в Египет и возвращением оттуда представляли образ возвращения Христова. И они шли в Египет, убегая голодной смерти, и Христос – избегая смерти, приготовляемой коварством; но они, пришедши туда, избавились от голода, Христос же, пришедши туда, освятил всю страну Своим пришествием. Итак, смотри, как сила Божия открывается среди уничижений! Ангел, сказав: *бежи во Египет,* не обещался им сопутствовать ни туда, ни оттуда, – чтобы тем вразумить, что они имеют великого спутника – рожденное Отроча, Которое явлением Своим и все вещи изменяет, и самих врагов заставляет во многом послужить

домостроительству спасения. В самом деле, волхвы и варвары, оставив злочестие отцов своих, приходят Ему поклониться. Августово определение о переписи оказывается случаем к рождению Христову в Вифлееме. Египет приемлет и блюдет Его в бегстве от наветов и получает, таким образом, случай сделать Его близким себе, — чтобы, когда услышит апостольскую проповедь о Нем, мог похвалиться тем, что он первый принял Его.

Эта честь принадлежала одной Палестине; но Египет оказался ревностнее последней. И ныне, если ты придешь в Египетскую пустыню, увидишь, что пустыня эта лучше всякого рая; увидишь там в образе человеческом бесчисленные лики ангелов, сонмы мучеников, собрания дев; увидишь, что все тиранство диавольское ниспровергнуто, а царство Христово сияет; увидишь, что Египет, некогда отец и стихотворцев, и мудрецов, и волхвов, изобретший все виды волхвования и предавший их другим, теперь уже красуется рыбарями и, презирая все прежнее, всюду славит мытаря и скинотворца, и хвалится крестом. И это совершается не только в городах, но даже гораздо более в пустынях, нежели в городах. По всей этой стране можно видеть Христово воинство, и царственное стадо, и образ жизни, свойственный горним силам. И это ты найдешь там не только среди мужей, но и среди женщин: и они любомудрствуют не меньше мужей. Они не берут щитов, не садятся на коней, как повелевают славные греческие законодатели и философы, но вступают в иную, гораздо труднейшую брань. У них, как и у мужей, идет брань с диаволом и властями тьмы, и в этой брани естественная слабость пола ничуть не служит им препятствием, потому что успех таких браней зависит не от естества тел, а от произволения души. Потому и жены часто превосходили своими подвигами мужей и воздвигали

славнейшие знамения победы. Не так светло небо, испещренное сонмом звезд, как Египетская пустыня, являющая там повсюду иноческие кущи.

5. Кто знает Древний Египет, богоборный и беснующийся, раба кошек, страшившегося и трепетавшего перед огородным луком, тот вполне уверится в силе Христовой. Впрочем, нам не нужно особенно прибегать к древним сказаниям, потому что и доныне еще сохраняются остатки неразумия, свидетельствующие о прежде бывшем безумии. И однако, все те, которые прежде доходили до такого безумия, ныне уже любомудрствуют о небе и о небесных вещах, смеются над отеческими обычаями, горюют о своих прародителях и ни во что ставят своих мудрецов. Они самим делом узнали, что учение их мудрецов представляет лишь болтовню безумных старух и что, напротив, истинная и достойная небес премудрость есть та, которая им проповедана рыбарями. Вот почему они, со всею тщательностью сохраняя учение, особенно стараются оправдать его своей жизнью. Отрекшись всех стяжаний и распявшись всему миру, они идут еще далее, употребляя свои телесные силы в пользу нищих. Несмотря на пост и бодрствование, они не хотят быть праздными даже и в продолжение дня; но, проводя ночи в священных песнях и бдениях, дни проводят в молитвах и вместе в рукоделии, подражая апостольской ревности. Если апостол, рассуждают они, когда устремляла на него взоры вся вселенная, трудился, работал, занимался ремеслом, и проводил без сна целые ночи в таковых подвигах для пропитания неимущих, — то тем более нам, живущим в пустыне и удалившимся от всякого городского шума, часы спокойного досуга должно употреблять на духовное делание. Итак, должно стыдиться всем нам — и богатым и бедным — когда они, решительно ничего не имея, кроме рук, всеми силами стараются трудиться для

того, чтобы неимущие обрели от их трудов прибыток, а мы и при бесчисленном нашем имении жалеем употребить в пособие неимущим даже наших избытков. Какой мы дадим ответ, скажи мне? Чем извинимся? Подумай, как эти аскеты были прежде любостяжательны и вместе с другими пороками угождали чреву? Там были котлы мяс, о которых вспоминали иудеи, там было великое чревонеистовство; и однако, лишь только захотели, тотчас изменились и, приняв огонь Христов, устремились к небу. Прежде они были всех невоздержнее и склоннее к гневу и сладострастию, а ныне уже кротостью, бесстрастием и прочими добродетелями подражают силам бестелесным. Кто был в этой стране, тот согласится с тем, что я говорю.

А если кто никогда не входил в те кущи, тот пусть вспомнит, что Египет произвел славнейшего после апостолов мужа, блаженного и великого Антония, о котором все доныне говорят непрестанно, и пусть поразмыслит, что и он был в той же стране, где и фараон. И однако, эта страна нисколько не послужила ему во вред, а еще он сподобился и божественного созерцания и вел такую жизнь, какой требуют Христовы законы. В этом уверится всякий, кто прочтет со вниманием книгу, содержащую повествование о его жизни, в которой найдет и многие пророчества. Так он предсказал и о недугующих Ариевым зловерием, и о вреде, который имел от них произойти. Тогда Бог все ему показал и будущее представил перед его очи. И то обстоятельство, что ни одна из ересей не имеет подобного мужа, служит, наряду с прочим, величайшим доказательством истины нашего учения. Но чтобы не рассказывать вам об этом, прочитайте сами то, что написано в его книге, узнайте все подробно и научитесь из нее многому любомудрию. Только прошу вас, чтобы вы не ограничивались одним чтением, а старались и са-

мим делом подражать тому, что написано, не извиняясь ни местом, ни воспитанием, ни нечестием предков. Если мы решимся обратить на себя должное внимание, то ничто подобное не послужит нам препятствием. И Авраам имел нечестивого отца, но не наследовал его беззакония; и Езекия был сын Ахаза, но сделался другом Божиим; и Иосиф жил в Египте и украсился венцом целомудрия; и три отрока, живя в Вавилоне, в царском доме, при роскошнейшей трапезе, показали величайшую мудрость. И Моисей был в Египте, и Павел в миру; но никому из них ничто не послужило препятствием в подвигах добродетели. Так и мы, помышляя о всем этом, бросим неуместные отговорки и предлоги и решимся на добродетельные подвиги. Тогда мы привлечем к себе и большую божественную любовь, и умолим Господа споспешествовать подвигам нашим, и сподобимся вечных благ, которые и да получим все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IX

Тогда Ирод видев, яко поруган бысть от волхвов, разгневася зело, и послав изби вся дети, сущия в Вифлееме, и во всех пределех его, от двою лету и нижайше, по времени еже известно испыта от волхвов (II, 16)

1. Без сомнения, Ироду следовало не гневаться, но возыметь страх, смириться и познать, что он предпринимает дело невозможное; однако ж он не смиряется. Когда душа бесчувственна и неизлечима, она не принимает никакого врачевания, даруемого Богом. Смотри, как Ирод снова подвизается в прежних делах своих,

прилагает убийство к убийству и безумствует. Объятый гневом и завистью, как некоторым демоном, он ни на что не смотрит, неистовствует над самой природой, и гнев свой, возбужденный посмеявшимися над ним волхвами, изливает на неповинных младенцев, и таким образом совершает теперь в Палестине злодеяние, подобное бывшему некогда в Египте: *послав изби вся дети сущия в Вифлееме, и во всех пределех его, от двою лету и нижайше, по времени еже известно испыта от волхвов* (Мф. II, 16). Будьте здесь внимательны к словам моим. Многие очень неразумно судят об этих детях и возмущаются несправедливостью их избиения, причем одни выражают свои сомнения довольно скромно, а другие с большой дерзостью. Итак, чтобы остановить дерзость одних и разрешить сомнение других, выслушайте с терпением краткое мое размышление об этом предмете. Если порицают то, что избиение детей попущено промыслом, то пусть порицают его и за смерть воинов, которые стерегли Петра. Как здесь, после бегства Отрока, избиваются другие дети вместо искомого, так и там, когда ангел освободил Петра от темницы и уз, точно такой же – и по имени, и по нравам – тиран, не найдя Павла, вместо него предал смерти стерегших его воинов. Но что это, скажешь ты? Это не решение, а только усложнение вопроса. Я и сам это знаю; но для того и предлагаю это, чтобы на все такого рода вопросы дать одно решение. Итак, в чем состоит это решение? Какое можно дать решение удовлетворительнее того, что не Христос был причиной смерти детей, но жестокость царя; равно и не Петр был причиной смерти воинов, но безумие Ирода? В самом деле, если бы этот последний нашел подрытую стену или разломанные двери, тогда он, пожалуй, имел бы право винить в беспечности воинов, стерегших Апостола. Но раз все оставалось в надлежащем порядке, – и двери были заперты, и оковы

остались на руках стражей (ведь они были связаны вместе с Петром), то он мог бы без сомнения заключить отсюда, если бы только здраво рассудить мог о происшедшем, что это не есть дело силы человеческой или какого-либо обмана, а дело божественной и чудодейственной силы, и благоговеть перед Соделавшим это, а не восставать на стражей. Для того все это Бог и совершил таким образом, чтобы не только не подвергнуть наказанию стражей, но чтобы через них и самого царя привести к истине. Если ж он оказался нечувствительным, то разве небрежность больного падает на премудрого Врача душ, Который все употребил для его блага? То же самое можно сказать и здесь. Для чего ты, Ирод, будучи поруган волхвами, разгневался? Или ты не знал, что рождение было божественное? Не ты ли призвал архиереев? Не ты ли собирал книжников? Не приводили ли призванные с собой перед твое судилище и пророка, давно уже о том предсказавшего? Не видел ли ты, что древнее согласно с новым? Не слышал ли, что и звезда служила волхвам? Не устыдился ли ты ревности варваров? Не удивлялся ли их дерзновению? Не ужаснулся ли пророческой истине? Не мог ли заключить от прошедшего к последующему. После всего этого, почему же ты не размыслил, что это произведено не обманом волхвов, но силой Божией, которая все устроеет надлежащим образом? Но если ты и обманут волхвами, то чем же виноваты дети, нимало тебя не оскорбившие?

2. Все это так, скажешь ты; но, показав ясно, сколь неизвинителен и кровожаден был Ирод, ты не разрешил еще вопроса о несправедливости самого события. Пусть он действовал несправедливо, — но почему, скажешь ты, Бог попустил это? Что же нам ответить на этот вопрос? Укажу вам на то самое правило, о котором я непрестанно говорю и в церкви, и на торжище, и во

всяком месте, – правило, которое, – желаю я, – чтобы и вы тщательно соблюдали, поскольку оно дает нам решение на все подобные недоумения. Что же это за правило? В чем оно заключается? То, что обижающих много, а обижаемого нет ни одного. Чтобы такой загадкой не смутить вас еще более, я сейчас же и разрешу ее. Обиды, несправедливо претерпеваемые нами от кого бы то ни было, Бог вменяет нам или в отпущение грехов, или в воздаяние награды. Чтобы мои слова были понятнее, я объясню их примером. Положим, что какой-нибудь раб должен своему господину большую сумму денег; допустим далее, что этот раб обижен бесчестными людьми, и какая-нибудь часть его имения отнята. Итак, если бы этот господин, имея возможность удержать похитителя и лихоимца, вместо того, чтобы возвратить рабу похищенные у него деньги, зачел их за долг свой, то обижен ли был бы раб? Никак. А что если бы господин отдал ему еще более похищенного? Не приобрел ли бы он еще более, чем потерял? Это для всех очевидно. Точно так же и мы должны думать и о своих страданиях: этими страданиями мы или заглаждаем наши грехи, или же, если не имеем грехов, получаем за них блистательнейшие венцы. Послушай, что говорит Павел о блуднике: *предайте таковаго сатане во изможение плоти, да дух спасется* (1 Кор. V, 5). Но к чему это, скажешь? Речь идет об обижаемых другими, а не о тех, которых исправляют учители. На самом деле, однако, здесь нет никакого различия, потому что у нас вопрос был о том, действительно ли в страданиях нет обиды страждущему? Но чтобы более приблизить слово к предмету нашего исследования, напомним о Давиде, который, видя Семея, нападавшего на него, издевавшегося над его несчастием и осыпавшего его бесчисленными ругательствами, удержал военачальников, хотевших убить

его, говоря: *оставите его проклинати мя,* дабы видел *Господь смирение мое, и* возвратил *ми благая, вместо клятвы* этой *во днешний день* (2 Цар. XVI, 11, 12). И в Псалмах воспевая, сказал: *виждь враги моя, яко умножишася, и ненавидением неправедным возненавидеша мя, и остави вся грехи моя* (Пс. XXIV, 19, 18). И Лазарь достиг покоя потому, что в настоящей жизни претерпевал бесчисленные бедствия. Итак, те, которые кажутся обиженными, не обижены на самом деле, если только все несчастья переносят с мужеством; напротив, еще более приобретают, получают ли удары от самого Бога или от диавола. Но какой грех имели младенцы, скажешь ты, который должны были смыть своею кровью? Вышесказанное справедливо ведь можно применять только к людям возрастным, которые много согрешили; но те, которые претерпели столь безвременную смерть, какие грехи загладили своими страданиями? Но разве ты не слыхал сказанного мной, что если нет грехов, то за здешние страдания там воздается награда? Итак, какой урон понесли дети, умерщвленные по такой причине и скоро достигшие покойной пристани? Ты скажешь, что они совершили бы многие, а может быть, и великие дела, если бы продолжилась их жизнь. Но Бог немалую предлагает им награду за то, что они лишились жизни по такой причине; иначе Он и не попустил бы ранней их смерти, если бы они имели соделаться великими. Если уже Бог с таким долготерпением попускает жить и тем, которые всю жизнь проводят во зле, то тем более не попустил бы умереть так этим детям, если бы предвидел, что они совершат что-либо великое.

3. Таковы наши основания; впрочем, это не все, но есть и другие, сокровеннейшие, которые совершенно знает только Сам устрояющий это. Итак, предоставив Ему совершеннейшее ведение об этом, обратим внимание на последующее и из несчастий других научимся

все переносить мужественно. Подлинно, немалые скорби постигли Вифлеем, когда детей отторгали от сосцов матерей и предавали неправедной смерти. Если же ты еще малодушествуешь и не в силах возвыситься до такого любомудрия, то узнай конец того, кто дерзнул на такое злодеяние, и немного успокойся. В самом деле, суд весьма скоро постиг Ирода за его поступок, и он за свое злодейство был достойно наказан: он кончил жизнь тяжкой смертью, и даже более жалкой, чем та, на которую он осудил младенцев, потерпев при этом бесчисленное множество и других страданий. Об этом вы можете узнать из истории Иосифа, которую передавать здесь мы не считаем нужным – с одной стороны, чтобы не удлинить нашего слова, с другой – чтобы не прерывать порядка. *Тогда сбыстся реченное Иеремием пророком, глаголющим: глас в Раме слышан бысть, Рахиль плачущися чад своих, и не хотяше утешитися, яко не суть* (Мф. II, 17, 18). Так как Евангелист повествованием об этом насильственном, несправедливом, лютом и беззаконном избиении исполнил ужасом слушателя, то он же и утешает его, говоря, что это не потому случилось, чтобы Бог не мог воспрепятствовать, или не предвидел этого, но что Он предвидел и предвозвестил об этом устами пророка. Итак, не смущайся и не падай духом, когда взираешь на Его неизреченный промысл, который ясно можно усматривать как в Его действии, так и в попущении. Это самое и Христос дал разуметь ученикам, когда однажды, в беседе с ними, предвозвестив им о судилищах, узах, о вражде всей вселенной и о непримиримой брани, сказал для их воодушевления и утешения: *не две ли птицы ценятся единым ассарием? И ни едина от них падет на земли без Отца вашего, иже на небесех* (Мф. X, 29). Этими словами Он хотел показать, что без Его ведома ничего не бывает, но что Он знает все, хотя и не делает всего. Поэтому, говорит, не смущайтесь и

не бойтеся. Если Тот, Кто знает ваши страдания и может отвратить их, однако ж не отвращает, то, без сомнения, потому, что промышляет и печется об вас. Так должны мы рассуждать и в собственных искушениях, и мы отсюда получим немалое утешение. *Рахиль*, сказано, *плачущися чад своих*. Но, – скажет кто-нибудь, может быть, – что общего имеет Рахиль с Вифлеемом? Что также Рама имеет общего с Рахилью? Рахиль была мать Вениаминова и по смерти погребена на пути ипподрома (Быт. XXXV, 19) близ Рамы. Итак, поскольку и гроб ее был близ Рамы, и это место досталось в удел Вениамину, сыну ее (Рама была в колене Вениамина), то и по родоначальнику, и по месту погребения Евангелист справедливо называет избиенных детей – детьми Рахили. Потом, показывая, что приключившееся горе было тяжко и неутешно, – говорит: *не хотяше утешитися, яко не суть*. И отсюда мы научаемся опять тому же, о чем я выше говорил, именно – что не должно смущаться, когда обстоятельства кажутся несообразными с обетованием Божиим. Смотри вот, какое было начало, когда пришел Господь для спасения Своего народа или, лучше, – для спасения всей вселенной. Мать бежит, отец подвергается несносным страданиям, совершается убийство, всех убийств тягчайшее; всюду плач, рыдание и вопль многий. Но не смущайся! Господь, в яснейшее доказательство Своей силы, обыкновенно исполняет Свои намерения средствами всегда противоположными. Так и учеников Своих Он воздвиг, научил и предуготовил ко всяким подвигам, совершая это ради большого чуда средствами противоположными. Потому и они, будучи истязаемы, гонимы и претерпевая бесчисленные бедствия, остались победителями над теми, которые истязали и гнали их. *Умершу же Ироду, се ангел Господень* во сне *явися Иосифу, глаголя: востав, поими Отроча и Матерь Его, и иди в землю*

Израилеву (II, 19, 20). Теперь уже не говорит: беги, но – *иди*.

4. Видишь ли, как за искушением опять следует покой, а за покоем опять опасность? Кончилось его изгнание; он возвратился в свою страну и узнал о смерти избившего младенцев; но вступивши в отечественную землю, он еще находит остатки прежних опасностей, находит в живых – и на престоле – сына тиранова. Но как мог царствовать в Иудее Архелай, когда Понтийский Пилат был игемоном? Ирод только что умер, и царство еще не разделилось на части, а так как тотчас по смерти Ирода власть принял вместо отца сын его, а между тем брат Архелая звался также Иродом, то Евангелист и присоединил: *вместо Ирода, отца своего*. Но, скажешь ты, если Иосиф убоялся идти в Иудею по причине Архелая, то ему следовало бояться и Галилеи по причине Ирода. Нет; с переменой места жительства дело уже было скрыто. Все нападение было на Вифлеем и его пределы, и раз уже совершено было избиение, то Архелай, сын Иродов, думал, что все уже кончилось и что между многими убит и Тот, Кого искали. Притом же, может быть, видя такой конец жизни отца своего, он боялся простираться далее и еще упорствовать в беззаконии. Таким образом, Иосиф приходит в Назарет как во избежание опасности, так и по желанию жить в отечестве. Для большего же ободрения получает об этом извещение и от ангела. Между тем св. Лука не говорит, чтобы Иосиф пошел в Назарет вследствие такого извещения; по его словам, Иосиф и Мария возвратились в Назарет, исполнив все по закону очищения. Что ж на это сказать? То, что св. Лука говорит это, повествуя о времени до путешествия в Египет. Ангел, конечно, не повел бы их туда прежде очищения, чтобы не было никакого нарушения закона; он ожидал, пока совершится это очищение и они пойдут в Назарет, а

тогда уже велел идти в Египет. Затем, когда они возвратились оттуда, – повелевает им идти в Назарет; в первый же раз они шли туда не по внушению ангела, а делали это сами собой, из любви к отчизне. Так как они ходили в Вифлеем только по причине переписи и не имели даже места, где бы остановиться, то, кончив дело, за которым приходили, возвратились в Назарет. Итак, ангел возвращает их в дом и успокаивает на будущее время. И это случилось не просто, а по пророчеству. *Да сбудется,* говорит Евангелист, *реченное пророки, яко Назорей наречется* (ст. 23). Какой пророк сказал это, не любопытствуй слишком и не исследуй. Как можно видеть из истории Паралипоменон, пророческих книг много пропало. Иудеи, будучи нерадивы и часто впадая в нечестие, иным попустили затеряться, иные и сами сожгли и изорвали. Об одном говорит Иеремия, о другом писатель четвертой Книги Царств, сообщая, что после долгого времени едва нашли где-то закопанное и затерянное Второзаконие. Если же иудеи так нерадели о священных книгах, когда не было еще врагов, то тем более – при нашествии неприятелей. Впрочем, соответственно предречению пророков, и апостолы часто называют Христа Назореем. Но не затемняло ли это, скажешь, пророчества о Вифлееме? Нет. Напротив, это-то особенно и побуждало к тщательному исследованию того, что было говорено о Нем. Так и Нафанаил начинает свое исследование о Нем словами: *от Назарета может ли что добро быти?* (Ин. I, 46). Действительно, Назарет был место неважное; да и не только он, но и вся область Галилейская. Потому и фарисеи говорили: *испытай и виждь, яко пророк от Галилеи не приходит* (Ин. VII, 52). И, однако, Господь не стыдится называться по имени этого места, показывая тем, что Он не имеет нужды ни в чем человеческом; также и учеников Своих выбирает из Галилеи, уничтожая тем всякие

отговорки людей ленивых и показывая, что для подвига добродетели нам нет нужды ни в чем внешнем. Потому же он не избирает Себе и дома: *Сын человеческий,* говорит, *не имать где главы подклонити* (Лк. IX, 58). Потому Он и бегает от козней Ирода, и при рождении полагается в яслях, и пребывает в гостинице, и избирает бедную Мать, – научая нас тем не почитать ничего такого постыдным, попирая с самого начала гордость человеческую и убеждая к одной добродетели.

5. И для чего ты гордишься отечеством, говорит Он, когда Я повелеваю тебе быть странником всей вселенной, когда ты можешь соделаться таким, что весь мир не будет тебя достоин? Откуда ты происходишь, – это так маловажно, что сами языческие философы не придают этому никакого значения, называют внешним и отводят последнее место. Однако ж Павел допускает это, скажешь ты, когда говорит: *по избранию, возлюбленни, отец ради* (Рим. XI, 28). Но скажи, когда, о ком и кому он так говорит? Обратившимся язычникам, которые гордились своею верой, восставали против иудеев и тем самым еще более отчуждали их от себя. Итак, он говорит это для того, чтобы в одних низложить кичливость, а других привлечь и возбудить к подобной ревности. Когда же он рассуждает о тех благородных и великих мужах, то слушай, что говорит: *таковая глаголющии являются, яко отечествия взыскуют. И аще бы убо оно помнили, из него же изыдоша, имели бы время возвратитися; ныне же другаго лучшаго желают* (Евр. XI, 14–16). И опять: *по вере умроша сии еси, не приемше обетования, но издалече видевше я и целовавше* (Евр. XI, 13). Точно так же говорил Иоанн приходившим к нему: *не начинайте глаголати отца имамы Авраама* (Мф. III, 9); также Павел: *не еси бо сущии от Израиля, сии Израиль, ни чада плотская, сии чада Божия* (Рим. IX, 6). В самом деле, скажи мне, что пользы было детям Самуила в благородстве отца их, когда сами

они не наследовали его добродетели? Что пользы детям Моисея, не поревновавшим его строгой жизни? Они не наследовали его власти. Они писались его детьми, но управление народом перешло к другому, кто был сыном ему по добродетели. Напротив, повредило ли Тимофею то, что он имел отцом язычника? Что опять было пользы сыну Ноеву от добродетели отца его, если он сделался из свободного рабом? Видишь ли, как мало защиты детям в благородстве отца их? Развращение воли преодолело законы природы и лишило Хама не только благородства родительского, но и самой свободы. Так же Исав не был ли сыном Исаака, который еще и ходатайствовал о нем? Хотя и отец старался и желал того, чтобы он был участником в благословении, и он сам для того исполнял все его повеления, но так как он был худ, то все это не помогло ему. Несмотря на то, что и по природе он был первенцем, и отец вместе с ним всячески старался о сохранении его преимущества, он лишился, однако, всего, потому что не имел Бога с собой. Но что я говорю об отдельных людях? Иудеи были сынами Божьими и, однако, ничего не приобрели от этого достоинства. Итак, если кто, будучи даже сыном Божиим, за то, что не окажет добродетели, достойной такого благородства, еще более наказывается, то что уже выставлять благородство дедов и прадедов? Да и не только в Ветхом, но и в Новом Завете можно найти то же самое. *Елицы*, сказано, *прияша Его, даде им область чадом Божиим быти* (Ин. I, 12); между тем для многих из этих чад, по словам Павла, совсем бесполезно то, что они имеют такого Отца. *Аще бо обрезаетеся*, говорит он, *Христос вас ничтоже пользует* (Гал. V, 2). Если же и Христос совсем бесполезен для тех, которые не хотят внимать самим себе, то что пользы в человеческом предстательстве? Итак, не будем гордиться ни благородством, ни богатством, но будем

презирать надмевающихся подобными преимуществами; не будем унывать по причине бедности, но будем искать того богатства, которое состоит в добрых делах, и убегать той бедности, которая вводит нас в грех. По этой последней и известный богач действительно был беден, почему и не мог, несмотря на усильные просьбы, получить и одной капли воды. Между тем есть ли между нами такой нищий, который бы не имел и воды для прохлаждения? Нет ни одного; и те, кто истаивает от крайнего голода, могут иметь каплю воды, и не только каплю воды, но и другое, гораздо большее утешение. А этот богач и того не имел, – так он был беден и, что всего тягостнее, ниоткуда не мог иметь утешения в своей бедности. Итак, что мы алчем денег, когда они не возводят нас на небо? Скажи мне, если бы какой-либо земной царь сказал, что богатый не может блистать в его царских чертогах или достигнуть какой-либо почести, то не все ли с презрением бросили бы имения? Итак, если мы готовы презреть имение, когда оно лишает нас чести у царя земного, то при гласе Царя небесного, который ежедневно взывает и говорит, что неудобно с богатством взойти в священные те преддверия, не презрим ли все и не отвергнем ли богатства, чтобы свободно взойти в Его царство?

6. И достойны ли мы какого-либо прощения, когда с великим старанием обременяем себя тем, что заграждает нам туда вход и скрываем свое богатство не только в сундуках, но и в земле, тогда как можно бы положить его в хранилище небесное? Ты поступаешь в этом случае подобно тому земледельцу, который, взяв пшеницу, вместо того, чтобы посеять ее на плодоносном поле, бросает в озеро, отчего и сам не получает никакой пользы, и пшеница, испортившись, пропадает. И чем обыкновенно оправдываются люди, когда мы так обличаем их? То немало утешает нас, говорят они, что

мы уверены в безопасности всего скрытого у нас. Но и не быть уверену, что есть сокрытые сокровища, так же утешительно. Положим, что ты не боишься голода; но ради такого хранилища ты необходимо должен бояться других, тягчайших бедствий – смерти, вражды, наветов. Да и в случае голода народ, им понуждаемый, поднимет руку на дом твой. Вернее же сказать, поступая таким образом, ты сам же причиняешь и голод городам и через то готовишь своему дому опасность страшнее голода. Я не знаю, умирал ли кто вдруг от голода, потому что против этого зла можно придумать много всякого рода средств; но за деньги, за богатство и за подобные вещи много могу представить убитых и тайно и явно. Множеством таких примеров наполнены дороги, судебные места и торжища. Да что я говорю о дорогах, судебных местах и торжищах? Посмотри, – самое море исполнено кровью. Тираническая власть любостяжания не только на земле распространила свою державу, но и на море свирепствует с великим неистовством. Один плывет за золотом, другого умерщвляют за него же; одного эта мучительная страсть делает купцом, другого – человекоубийцей. Итак, на что всего менее можно полагаться, как не на богатство, когда из-за него нужно скитаться, подвергаться опасности и самой смерти? Но *кто помилует обаянника змием усекнена* (Сирах. XII, 13), по слову Писания? Зная жестокость тиранства, надлежало бы убегать рабства и истреблять пагубную любовь. Но, скажешь, возможно ли это? Возможно, если только водворишь в себе другую любовь, любовь к небесам. Кто желает царства небесного, тот смеется над корыстолюбием. Раб Христов не будет рабом богатства, но его властелином. Богатство обыкновенно само ищет того, кто его бегает, и убегает того, кто его ищет; не столько чтит ищущего его, сколько презирающего; ни над кем так не издевается, как над

своими искателями, – и не только издевается над ними, но и опутывает их бесчисленными узами. Итак, освободимся хотя теперь от этих пагубных цепей. Зачем порабощать разумную душу неразумному веществу, матери бесчисленных зол? Но не смешно ли? Мы спорим против него словами, а оно спорит против нас делами; водит нас повсюду и, к нашему бесславию, спорит с нами, как с невольниками и непотребными рабами. Что постыднее и бесчестнее этого? Если мы не преодолеваем вещества бесчувственного, то как же будем преодолевать силы бестелесные? Если не презираем низкое вещество и презренные камни, то как покорим себе начала и власти? Как будем упражняться в целомудрии? Если и блеск серебра поражает нас, то как сможем презреть красоту лица? Есть люди, которые до того преданы этой тиранической власти, что самый вид золота производит над ними особенное действие, и они для шутки говорят, что и для глаз полезно смотреть на золотую монету. Но не шути так, человек! Поистине ничто так не вредит и телесным и душевным очам, как эта страсть. Пагубная любовь эта погасила светильники неразумных дев и лишила их брачного чертога. Взгляд на золото, – по словам твоим, полезный для глаз, – не позволил несчастному Иуде внять гласу Господа и еще довел до того, что он удавился, расторгся посредине и, наконец, низвергся в геенну. Итак, что может быть беззаконнее этого взгляда? Что ужаснее? Не о веществе денег говорю я, но о безмерной и необузданной к ним страсти. Она-то по каплям проливает кровь человеческую, имеет смертоубийственный вид, всякого зверя лютее, так как и падших терзает, и, что еще хуже, не дает и чувствовать этих терзаний. Одержимым этой страстью надлежало бы простирать руки к мимоходящим и взывать о помощи; а они еще благодарят за эти мучения. Что может быть злосчастнее? Итак,

размышляя об этом, будем убегать этой неисцельной болезни, будем врачевать ее угрызения и подальше уклоняться от таковой язвы, чтобы и здешнюю жизнь провести безопасно и спокойно, и будущие наследовать сокровища, которых и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава и честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА X

Во дни оны прииде Иоанн Креститель, проповедуя в пустыни Иудейстей, и глаголя: покайтеся, приближися бо царствие небесное (Мф. III, 1, 2)

1. В какие это дни? По свидетельству св. Луки, Иоанн пришел не в те дни, когда Иисус был еще отроком и возвратился в Назарет, но по прошествии тридцати лет. Как же сказано здесь: *во дни оны?* В Писании весьма часто употребляется такой образ речи, когда говорится не только о таких происшествиях, которые непосредственно следовали друг за другом, но и о таких, которые были по истечении многих лет. Так, когда ученики приступили к Иисусу, сидевшему на горе Елеонской, и желали узнать от Него и об Его пришествии, и о разрушении Иерусалима (а вы знаете, какое расстояние времени между этими двумя событиями), тогда Он, кончив речь о разорении иудейской столицы и переходя к концу мира, присовокупил: *тогда и сия будут.* Словом — *тогда* — Он не смешивал времена, но означил только то время, в которое произойдет кончина мира. Точно так же употреблены и здесь слова: *во дни оны.* Евангелист указывает этими словами не на те дни, которые непосредственно следовали, но на те, в которые должно было случиться то, о чем он намеревался говорить. Но

почему, скажешь ты, Иисус пришел креститься спустя тридцать лет? Потому, что после этого крещения Ему надлежало уже упразднить закон. Чтобы не сказал кто-нибудь, что Он потому отменяет закон, что не мог исполнить его, Он во всей точности исполнял его во все продолжение того возраста, который обыкновенно способен ко всяким грехам. Не во всякое ведь время все страсти действуют в нас, но в раннем возрасте обыкновенно бывает больше неразумия и малодушия, в последующем сильнее действует похоть, а далее, в следующем возрасте, любостяжание. Потому-то Христос, прошедши через все эти возрасты и во всех их исполнив закон, тогда уже приходит к крещению, чем и заключил исполнение всех заповедей. А что крещение было последним из дел законных, выслушай Его слова: *тако бо подобает нам исполнити всяку правду* (Мф. III, 15). Смысл этих слов таков: мы все предписанное законом исполнили, не преступили ни одной заповеди; и так как остается только одно крещение, то и это нам должно присовокупить, и, таким образом, исполним всякую правду. Под *правдой* Он разумеет здесь исполнение всех заповедей. Отсюда видно, для чего Христос приступил к крещению. Но почему вздумалось Иоанну крестить? По свидетельству Евангелиста Луки, не сам собой сын Захарии приступил к крещению, но по возбуждению Божию: *бысть глагол* Господень к нему (Лк. III, 2), то есть повеление Божие ему. И сам Иоанн говорит: *пославый мя крестити водою, Той мне рече: над Него же узриши Духа сходяща,* как голубя, *и пребывающа на Нем, Той есть крестяй Духом Святым* (Ин. I, 33). Для чего же он послан совершать крещение? И это опять объясняет нам сам Креститель, говоря: *аз не ведех Его, но да явится Израилеви, сего ради приидох аз водою крестя* (Ин. I, 31). Но если одна эта причина, то как же Евангелист Лука говорит: *прииде во страну Иорданскую, проповедуя крещение покаяния*

во оставление грехов (Лк. III, 3)? Крещение Иоанново не давало прощения грехов. Это последнее было даром крещения, после данного нам. В нем мы спогреблись со Христом; в нем ветхий наш человек сораспялся с Христом; а прежде креста Христова нигде не видно отпущения грехов: оно везде приписывается Крови Его. И апостол Павел говорит: но *омыстеся, но освятистеся* не крещением Иоанновым, но *именем Господа нашего Иисуса Христа, и Духом Бога нашего* (1 Кор. VI, 11). И в другом месте: *Иоанн убо проповедал* крещение *покаяния,* — не сказано отпущения, — *да во грядущего по нем веруют* (Деян. XIX, 4). Да и каким бы образом могло быть отпущение грехов, когда еще ни жертва не была принесена, ни Дух (Святый) не сходил, ни грехи не были заглаждены, ни вражда не пресекалась, ни проклятие не уничтожилось?

2. Итак, что же значит — *во оставление грехов?* Нераскаянны были иудеи и никогда не чувствовали грехов своих, но, будучи подвержены крайним порокам, всегда считали себя праведными, а это-то особенно и губило их и отдаляло от веры. Апостол Павел, укоряя их за это, сказал: *не разумеюще Божия правды,* и свою правду *ищуще поставити, правде Божией не повинушася* (Рим. X, 3). И еще: *что убо речем? Яко языцы, не гонящии правду, постигоша правду: Израиль же гоня закон правды, в закон правды не постиже. Чесо ради? Зане не от веры, но от дел* (Рим. IX, 30—32). Так как это было причиной их зол, то приходит Иоанн, чтобы привести их к сознанию своих грехов. Это выражалось в самой наружности его, располагавшей их к покаянию и исповеданию грехов; то же показывала и его проповедь, потому что он только и говорил: *сотворите плоды достойны покаяния* (Лк. III, 8). Итак, поелику несознание грехов своих, как говорит и апостол Павел, удаляло их от Христа (тогда как, напротив, от помышления о своих грехах

происходит желание искать Искупителя и прощения), — то и цель пришествия Иоаннова состояла в том, чтобы расположить их к познанию своих грехов и склонить к покаянию; не для того, чтобы они были наказаны, а чтобы стали через покаяние более смиренными, осудили самих себя и прибегли к получению прощения. Смотри, с какой точностью Евангелист указал на это. Сказав, что Иоанн *прииде проповедуя крещение покаяния в пустыне Иудейстей*, он присовокупил — *во отпущение,* как бы говоря тем: он убеждал их к сознанию и покаянию в грехах не для наказания их, но чтобы они удобнее получили отпущение, имевшее быть после. Если бы они не осудили самих себя, то не стали бы искать и милости; а не ища ее, не удостоились бы и отпущения грехов. Итак, крещение Иоанново пролагало путь к другому. Потому-то и сказано: *да веруют в грядущаго по нем.* Этими словами, кроме означенной нами, указывается еще и новая причина крещения. Неприлично было Иоанну обходить дома и, взявши Христа за руку, водить везде, говоря: веруйте в Него; неприлично также было перед всеми мимоходящими возносить этот блаженный глас и совершать все прочее. Потому и пришел он крестить. И уважение к Крестителю, и цель самого действия привлекала и призывала к Иордану всех жителей, так что здесь было великое собрание народа. Вот почему приходящих к нему он смиряет и убеждает не думать о себе много, показывая, что они подвергнутся величайшим бедствиям, если не покаются, — убеждает перестать хвалиться своими предками и принять грядущего. В это время явление Христово было еще прикровенно, и многие, по причине бывшего в Вифлееме избиения, почитали Его умершим. Правда, Он, будучи еще двенадцати лет, обнаружил Себя, но в скором времени опять сделался неизвестным. Вот почему Его явление в самом начале должен-

ствовало быть особенно знаменитым и высоким. Потому-то Иоанн в первый раз громогласно и проповедует народу иудейскому то, чего они не слыхали ни от пророков и ни от кого другого, – напоминает им о небесах и о небесном царстве и не говорит уже ни о чем земном. Под царством же разумел он пришествие Христово, как первое, так и последнее. Но для чего, скажешь ты, говорил он это иудеям, когда они не понимали слов его? Я для того говорю это, скажет он, чтобы они, будучи возбуждены таинственностью слов, стали искать проповедуемого. И действительно, Иоанн так воодушевил благими надеждами приходивших к нему, что даже многие мытари и воины спрашивали: что им делать и как устроить жизнь свою? – а это было признаком, что они, оставив житейские дела свои, начали обращать взор свой на другое важнейшее и как бы во сне представлять будущее. Все, что они видели и слышали, порождало в них высокие мысли.

3. В самом деле, представь, каково было видеть человека, исходящего из пустыни по прошествии тридцати лет, сына одного из первосвященников, того, который никогда не имел нужды в вещах человеческих, во всех отношениях достоин был уважения и, сверх того, имел за собой пророка Исаию, поскольку этот последний возглашал о нем, говоря: «Вот тот, о котором я предвещал, что он приидет вопиять в пустыне и обо всем громогласно проповедовать». И действительно, пророки так были заботливы в настоящем случае, что задолго предвозвестили не только о Владыке своем, но и о том, кто будет слугой Его; и предвозвестили не только о лице его, но предсказали и место, где он будет проповедовать, и образ проповеди, который он употребит для научения, и то, какие добрые последствия произойдут от его проповеди. Смотри, как оба они, то есть пророк и креститель, соглашаются в одной мысли, хотя

и не одними словами выражают ее. Исаия говорит, что такова будет проповедь Иоанна: *уготовайте путь Господень, правы творите стези Его* (XL, ст. 3); сам же Креститель, по пришествии своем, говорит: *сотворите плоды достойны покаяния,* — это означает то же самое, что и слова: *уготовайте путь Господень.* Видишь ли, что и слова, изреченные пророком, и проповедь самого Иоанна означают только то, что он пришел предуготовить и предустроить путь ко Христу? Пришел не для того, чтобы подавать дар, то есть отпущение грехов, но чтобы предуготовить души тех, которые имели принять Бога всяческих. Лука же еще нечто прибавляет; он приводит не начало только пророчества, но передает его полностью: *всяка дебрь наполнится, и всяка гора и холм смирится; и будут стропотная в право, и острая в пути гладки, и узрит всяка плоть спасение Божие* (Лк. III, 5, 6. Ис. XL, 4). Видишь ли, как говорит? Пророк давно все предсказал: и стечение народа, и перемену вещей к лучшему, и успех проповеди, и причину всех этих событий, — хотя это все выражено иносказательно, так как это были слова пророчеств. Когда пророк говорит: *всяка дебрь наполнится, и всяка гора и холм смирится, и будут вся острая в пути гладки,* то он означает этим, что и смиренные вознесутся, и гордые смирятся, и трудность закона переменится в легкость веры. Не будет уже более трудов и пота, говорит он, но настанет благодать и прощение грехов, облегчающие путь спасения. Потом указывает и причину этого, говоря: *узрит всяка плоть спасение Божие,* то есть не одни уже только иудеи и принявшие их веру, но вся земля и море и все естество человеческое. Через стропотное он означил всякую развращенную жизнь, разумел мытарей, любодеев, разбойников, волхвов и вообще всех тех, которые прежде жили развращенно, а после вступили на правый путь, о чем говорил и сам Христос: *мытари и любодейцы варяют вы в Царствии*

Божием (Мф. XXI, 31), – так как они уверовали. То же самое выразил пророк еще и другими словами: *тогда волцы и агнцы имут пастися вкупе* (Ис. LXV, 25). Как там, под образом холмов и дебрей, указывает на соединение различных нравов в один согласный образ мыслей, так и здесь, в свойствах различных животных изображая различные нравы людей, говорит, что они также соединятся и будут между собой согласны в благочестии; и здесь опять представляет тому причину: *будет*, говорит, *возстаяй владети языки, на Того языцы уповати будут* (Ис. XI, 10). Эту же причину и там привел он, сказав: *и узрит всяка плоть спасение Божие.* В обоих случаях он указывает на то, что сила и познание Евангелия разольются во все концы земли, и род человеческий от зверских нравов и от грубого образа мыслей перейдет к кротости и мягкости. *Сам же Иоанн имеяше ризу свою от влас вельблюждь, и пояс усмен о чреслех его* (Мф. III, 4). Видишь ли, как иное предвозвестили пророки, а иное предоставили евангелистам? Почему Матвей и пророчества приводит, и от себя присоединяет, не почитая излишним сказать и об одежде праведника.

4. В самом деле, странно и удивительно было видеть в человеческом теле такое терпение: это-то особенно и привлекало иудеев. Они видели в нем великого Илию; зрелище, которого они были свидетелями, напоминало им об этом святом муже, и даже еще более изумляло их. Действительно, тот питался и в городах и домах, а этот от самой колыбели постоянно жил в пустыне. Предтече Того, Кто имел упразднить все древнее, как то: труд, проклятие, печаль и пот, надлежало и самому иметь некоторые знаки такого дара и быть выше древнего осуждения. Таковым он и был. Ни земли Он не обрабатывал, ни бразд не рассекал, ни хлеба не ел в поте лица; но стол имел готовый, одежду находил легче стола, а о жилище еще менее заботился, нежели

об одежде. Он не имел нужды ни в доме, ни в постели, ни в столе, ни в чем другом подобном, но, нося плоть, вел какую-то ангельскую жизнь. Для того-то он и носил власяную одежду, чтобы и самой одеждой научить нас удаляться человеческого и не иметь ничего общего с землею, но возвращаться к прежнему благородству, в каком был некогда Адам, прежде нежели возымел нужду в платье и одежде. Таким образом, самая одежда Иоанна служила знаком и царского достоинства, и покаяния. Не спрашивай меня, откуда он, живя в пустыне, мог достать власяницу и пояс. Если ты будешь спрашивать об этом, то найдешь множество и других вопросов, например: как он во время зимы и во время зноя солнечного жил в пустыне, особенно же в незрелом возрасте и со слабым, еще не укрепившимся телом? Каким образом детское его тело могло перенести такие перемены погоды, при таком необыкновенном столе и прочих невыгодах пустынной жизни? Где ныне те греческие философы, которые суетно ревновали циническому бесстыдству? Какая была польза запираться в бочке и потом предаваться такой гнусности? Где эти философы, которые, пренебрегая всеми приличиями, имели между тем множество колец, чаш, слуг и служанок и окружали себя прочей пышностью, вдаваясь, таким образом, в две крайности? Но не таков был Иоанн; он обитал в пустыне, как на небе, строго исполняя все правила философии, и оттуда, подобно ангелу с неба, нисходил во грады, — подвижник благочестия, увенчанный всею вселенной, и философ философии, достойной неба. Притом он был таковым тогда, когда еще не был разрешен грех, не прекратился еще закон, не была еще связана смерть, не были еще сокрушены медные врата, но когда еще имел силу Ветхий Завет. Такова-то мужественная и крепкая душа: она всюду проходит и побеждает все преграды. Таков был и Павел в Новом

Завете. Но для чего, скажешь ты, Иоанн вместе с одеждой носил и пояс? Таков был обычай древних, прежде чем вошла в употребление одежда мягкая и раздувающаяся. Так опоясывался Петр, равно как и Павел: *мужа,* говорится, *егоже есть пояс сей* (Деян. XXI, 11). Так же одет был Илия; так же одевался и каждый из святых, потому что они непрестанно были в деле: или путешествовали, или чем-нибудь другим нужным занимались и трудились. Впрочем, не по одной только этой причине они одевались таким образом, но еще и потому, что пренебрегали всякими украшениями и любили жизнь строгую и суровую; а это и Христос поставляет в величайшую похвалу добродетели: *чесо изыдосте,* говорит Он, *видети? Человека ли в мягки ризы одеянна? Се, иже мягкая носящия, в домех царских суть* (Мф. XI, 8).

5. Если же Иоанн, этот столь чистый муж, светлейший неба и высший всех пророков, более которого никого не было и который имел такое дерзновение, — если он вел такую суровую жизнь, совершенно пренебрегая всеми излишними удовольствиями, то какое же оправдание будем иметь мы, которые после явленных нам великих благодеяний и при бесчисленных грехах, нас обременяющих, не оказываем даже и малейшей части его покаяния, но упиваемся, пресыщаемся, намащаемся благовониями, живем ничем не лучше театральных блудниц, всячески нежимся и таким образом делаем себя легкой добычей диаволу? *Тогда исхождаше к нему Иерусалима, и вся Иудея, и вся страна Иорданская, и крещахуся от него, исповедающе грехи своя* (Мф. III, 5, 6). Видишь ли, как сильно подействовало явление пророка, как заставило весь народ встрепенуться, как привело его в чувство грехов своих? И подлинно, чудное было для иудеев зрелище, когда они видели, что Иоанн в человеческом образе проявляет такие дела, говорит с таким дерзновением, восстает на всех как на детей, блистает

особенной благодатью в лице своем. Удивление их увеличивалось еще более от того, что явление пророка последовало спустя долгое время (ведь благодать пророческая оскудела в них и возвратилась к ним спустя долгое время). Да и самый образ проповеди был какой-то странный и особенный. В самом деле, они не слыхали от Иоанна ничего обыкновенного: ни о земных войнах, битвах и победах, ни о бедствиях голода и мора, ни о вавилонянах и персах, ни о взятии города, ни о другом чем-либо обыкновенном, но о небесах, небесном царстве и о мучении в геенне. Вот почему иудеи, несмотря на то, что незадолго перед тем временем сообщники возмутителей Иуды и Февды все были побиты в пустыне Иорданской, нимало не страшились идти туда. Иоанн призывал их не с тем же намерением, как эти возмутители, то есть чтобы склонять их к восстановлению царства, восстанию и нововведениям, но чтобы руководствовать к небесному царству. Потому он и не удерживал их в пустыне, чтобы вести за собой, но отпускал, преподав крещение и правила строгой жизни; он всеми мерами старался внушить им презирать все земное, а возноситься и устремляться постоянно к будущему. Будем и мы подражать Иоанну и, оставив сластолюбие и пьянство, начнем жизнь воздержную. Теперь время покаяния как для некрещенных, так и для крестившихся, чтобы одни, покаявшись, сделались причастниками святого таинства, а другие, омыв скверны, приобретенные после крещения, с чистой совестью приступили к трапезе. Оставим же эту сластолюбивую и развращенную жизнь. Нельзя ведь, никак нельзя в одно и то же время и каяться, и предаваться сластолюбию. И в этом пусть уверит вас одежда, пища и жилище Иоанново. Что ж, скажете, – прикажешь и нам вести такую суровую жизнь? Не приказываю, но советую и прошу. Если же для вас это невозможно, то хоть, остава-

ясь в городах, будем совершать покаяние. Суд уже у дверей. Да если бы он и не был так близок, все-таки нам не должно быть беспечными, потому что конец жизни каждого имеет такую же силу для отзываемого в будущую жизнь, как и кончина мира. А что суд уже у дверей, послушай, как говорит о нем Павел: *нощь прейде, а день приближися* (Рим. XIII, 12); и в другом месте: *приидет бо грядый и неукоснит* (Евр. X, 37). Да и самые признаки, возвещающие день суда, уже открылись, потому что сказано: *проповестся сие евангелие царствия* во всем мире, *во свидетельство всем языком, и тогда приидет кончина* (Мф. XXIV, 14).

6. Заметьте особенно эти слова. Не сказал Спаситель: когда уверуют все люди, но: когда будет всем проповедано. Потому-то Он и прибавил: *во свидетельство языком,* давая через то знать, что Он не будет отлагать пришествия Своего дотоле, пока все уверуют. *Во свидетельство* здесь значит: в обвинение, в обличение, в осуждение неверовавших. А мы, слыша и видя это, спим и видим грезы, как бы погруженные в самый глубокий полночный сон. И действительно, происходящее теперь наяву, радостное ли то или прискорбное, ничем не лучше грез. Потому и умоляю вас наконец пробудиться и воззреть к Солнцу правды. Сонный не может видеть солнца и усладить взор свой красотой лучей его. Если же что и видит, то все как бы во сне. Итак, нам нужны теперь глубокое раскаяние и обильные слезы, как потому, что мы грешим и остаемся бесчувственными, так и потому, что грехи наши велики и превышают прощение. А что я не лгу, в том свидетелями большая часть слушателей. Впрочем, хотя грехи и превышают прощение, обратимся все же к покаянию, и мы удостоимся венцов. Покаянием же я называю не то, чтобы только отстать от прежних худых дел, но и то, чтобы показать большие добрые дела. *Сотворите,* сказано,

плоды достойны покаяния (Лк. III, 8). Как же нам сотворить их? Поступая напротив. Например, ты похищал чужое? Вперед давай и свое. Долгое время любодействовал? Теперь воздерживайся и от своей жены в известные дни; привыкай к воздержанию. Оскорблял и даже бил, кого ни встречал? Вперед благословляй обижающих тебя и благодетельствуй бьющим. Для исцеления нашего недостаточно только вынуть стрелу, но еще нужно приложить к ране лекарство. Ты предавался прежде сластолюбию и пьянству? Теперь постись и пей воду; старайся истребить зло, происшедшее от прежней жизни. Ты смотрел прежде сладострастными очами на чужую красоту? Вперед для большей безопасности совсем не смотри на женщин. *Уклонись*, сказано, *от зла и сотвори благо* (Пс. XXXIII, 15), и еще: *удержи язык твой от зла и устне твои, еже не глаголати льсти* (ст. 14). А я требую, чтобы ты еще говорил доброе. *Взыщи мира и пожени и* (там же, ст. 15) не только с людьми, но и с Богом. Прекрасно сказано: *пожени*. Подлинно мир отринут и изгнан и, оставив землю, отошел на небо. Но мы можем возвратить его опять, если только, оставив гордость, наглость и все, что препятствует ему, захотим вести жизнь скромную и кроткую. В самом деле, нет ничего хуже наглой надменности. Она-то и делает нас и напыщенными, и в то же время раболепными, а потому в первом случае смешными, во втором отвратительными, и таким образом производит зараз два противоположных порока: гордость и подлое ласкательство. Если же мы искореним эту ненасытную страсть, то будем и истинно-смиренными, и высокими без всякой для себя опасности. От излишества ведь и в телах наших происходит порча соков, и когда составные части нашего тела по чрезмерности выходят из своих границ, то рождаются бесчисленные болезни и страшные случаи смерти. То же самое бывает и с душою.

7. Итак, отсечем всякую безмерность и, приняв спасительное врачевство умеренности, будем жить добропорядочно, как следует, и станем усердно прилежать к молитвам. Если и не получим просимого, будем молиться, чтобы получить; если же получим, не перестанем молиться и по получении просимого. Бог не для чего-нибудь иного откладывает исполнение наших прошений, но для того, чтобы замедлением возбуждать к неусыпным молитвам. Для того-то Он и отлагает исполнение наших прошений и часто попускает нам впадать в искушения, чтобы мы непрестанно к Нему прибегали и не оставляли Его. Так поступают и любящие отцы, и чадолюбивые матери: видя, что дети перестают ласкаться к ним и оставляют их, чтобы играть со своими сверстниками, они часто приказывают слугам своим пугать их, чтобы страхом принудить их бежать к материнским объятиям. Так и Бог часто угрожает нам не потому, что Он готов исполнить над нами Свои угрозы, но для того, чтобы привлечь к Себе. Оттого-то, когда мы к Нему обращаемся, Он тотчас перестает быть грозным. Если бы мы были одинаковы как в благополучии, так и в искушениях, то не было бы и нужды в искушениях. И что нам говорить о себе? И сами святые мужи часто вразумляемы были искушениями. Потому-то и говорит пророк: *благо мне, яко смирил мя еси* (Пс. CXVIII, 71). И сам Христос говорит апостолам: *в мире скорбни будете* (Ин. XVI, 33). То же самое разумеет и Павел, когда говорит: *дадеся ми пакостник плоти ангел сатанин, да ми пакости деет* (2 Кор. XII, 7). Вот почему, хотя и просил он избавиться от этого искушения, он не получил просимого, потому что ему от него была большая польза. Если пройдем всю жизнь Давида, то найдем, что и он был светлее во время бедствий. И не только он, но и все другие, ему подобные. Так Иов наиболее сиял во время бедствий; тогда же наиболее прославился Иосиф;

также Иаков, и отец его, и отец отца его, и все, которые когда-либо сияли и получили блистательнейшие венцы, увенчались и прославились от скорбей и искушений. Зная все это, не будем, по словам мудрого, *скоры во время наведения* (Сир. II, 2), а научимся тому единственно, чтобы мужественно все переносить и, что бы ни случилось с нами, ни о чем не любопытствовать и не беспокоиться. Знать, когда должны кончиться наши скорби, принадлежит Богу, Который их попускает, а переносить эти скорби со всею благодарностью — есть дело уже нашей благопризнательности. Если будет так, то все будет у нас хорошо. А чтобы это действительно было, чтобы нам быть славнее здесь — на земле и блистательнее на небесах, будем принимать все, постигающее нас, с благодарностью к Тому, Кто лучше нашего знает, что нам полезно, и Кто любит нас сильнее самих родителей. Эти две мысли припоминая себе при каждом постигающем нас бедствии, будем укрощать скорбь свою и прославлять Бога, Который во всех случаях все творит и устрояет в нашу пользу. Таким образом, мы и легко отразим все наветы, и получим нетленные венцы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь ныне и присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XI

Видев же (Иоанн) многи фарисеи и саддукеи, грядущия на крещение его, рече им: рождения ехиднова, кто сказа вам бежати от будущаго гнева? (III, 7)

1. Почему же Христос говорит, что они не верили Иоанну? Потому что это была не вера, если они не приняли Того, о Ком Иоанн проповедовал. Они, по-видимому, внимали и учению пророков, и словам Зако-

нодателя, — и, однако, Христос обличал их в невнимании, потому что они не приняли Того, о Ком предрекали пророки. *Аще бо бысте веровали Моисеови,* говорит Он, *веровали бысте Мне?* (Ин. V, 46). И впоследствии, когда Христос спрашивал их: *крещение Иоанново откуду бе?* — они так рассуждали между собой: *аще ли речем от земли, боимся народа; аще речем: с небесе, речет нам: почто убо не веровасте ему?* (Мф. XXI, 25–26). Из всего этого, таким образом, видно, что они приходили к крещению и крестились, но не пребыли в вере проповеданному. И Евангелист Иоанн открывает нам их злобу, когда, говоря о посланных спросить Крестителя: *Илия ли ты, Христос ли ты?* — тотчас прибавляет: *послании же беху от фарисей* (Ин. I, 21, 24). Так что же? А простой народ разве не точно так же думал? Правда, говорит: но только простой народ думал так по простоте сердца, фарисеи же хотели уловить его. Так как, например, было известно, что Христос придет из веси Давидовой, а Иоанн был от колена Левиина, то они и предлагали ему коварный вопрос, чтобы в самом его ответе найти случай напасть на него. Это видно и из дальнейшего: несмотря на то, что он и не дал тех ответов, каких они ожидали, они все-таки нападают на него, говоря: *что убо крещаеши, аще ты неси Христос?* (Ин. I, 25). Но чтобы тебе еще более увериться в том, что фарисеи приходили креститься с одними мыслями, а простой народ с другими, послушай, как показал это Евангелист. О простом народе он говорит, что он приходил и крестился от Иоанна, исповедуя свои грехи; а о фарисеях говорит уже не то, но вот что: *видев же многи фарисеи и саддукеи грядущия, рече: рождения ехиднова, кто* указал *вам бежати от будущаго гнева?* Какая высота духа! Как сильно говорит он к людям, всегда жаждавшим крови пророков, — людям, ничем не лучшим змей! С какой свободой он обличает и их самих, и родивших их!

Так, скажешь: свобода велика; но вот что надобно спросить: имеет ли она какое-либо основание? Ведь он видел их не согрешающими, но кающимися; казалось бы, поэтому он должен был не порицать их, а похвалить и принять за то именно, что они, оставив город и свои дома, пришли слушать его проповедь. Что же мы на это скажем? То, что он обращал внимание не на настоящие обстоятельства, не на то, что происходило, но видел тайные их помышления, которые открыл ему Бог. Так как они величались своими предками, что и было причиной их погибели и повергло их в беспечность, то он исторгает самый корень их гордости. Потому же и Исаия называет их начальниками содомскими и народом гоморрским, а другой пророк говорит: *не якоже ли сынове Ефиопстии вы есте?* (Ис. I, 10; Ам. IX, 7). Так все их предостерегают от этого предрассудка, смиряя их гордость, бывшую для них источником бесчисленных зол. Но ты скажешь: пророки справедливо так поступали, потому что они видели их согрешающими; здесь же почему и для чего делать это Иоанну, когда он видит их уже покорными? Для того, чтобы еще более смягчить их. Если же кто со вниманием рассмотрит его слова, то и в самом обличении откроет похвалу им, потому что эти слова были произнесены им от удивления, что они хотя и поздно, но все же могли сделать то, что казалось некогда невозможным. Следовательно, и самое обличение их Иоанном означает более желание привлечь их и расположить к покаянию. В то время когда он, по-видимому, поражает их, он открывает и прежнее их великое нечестие, и вместе с тем их дивную и неожиданную настоящую перемену. Как это могло быть, говорит он, что они, будучи детьми таких родителей и так худо воспитаны, начали раскаиваться? Откуда такая перемена? Кто смягчил суровое их сердце? Кто исцелил неисцельное? Смотри, как он с самого

начала поразил их, говоря им о геенне. Не об обыкновенных бедствиях сказал он им, как, например: «Кто внушил вам бежать от врагов, нашествия варваров, плена, голода и язвы?» Нет; он угрожает им другим наказанием, о котором они еще не имели ясного понятия, говоря таким образом: *кто указал вам бежати от будущаго гнева?*

2. Справедливо назвал Иоанн фарисеев и порождением ехидны. Подобно тому как это животное убивает мать, его рождающую, и является на свет, как говорят, разгрызая у ней чрево, так и они поступали, убивая своих отцов и матерей и раздирая своими руками учителей. Впрочем, Иоанн не останавливается на одном обличении, но предлагает и совет: *сотворите,* говорит, плоды, достойные покаяния (ст. 8), потому что недостаточно только удалиться от нечестия, но надобно показать и великую добродетель. Не делайте же, говорит он им, того, что для меня противно, а для вас обыкновенно, и не возвращайтесь к прежним порокам, только смирившись на малое время. Мы уже не в таком положении, как прежние пророки. Настоящие обстоятельства отличны от прежних и выше, потому что ныне грядет сам Судия и Господь царства, чтобы возвести нас к высшему любомудрию, воззвать на небо и привлечь в тамошние обители. Потому-то я и говорю о геенне, что теперь как награды, так и наказания вечны. Итак, не оставайтесь в прежних ваших пороках, не указывайте, по обычаю, в свою защиту на благородство ваших предков — Авраама, Исаака и Иакова. Впрочем, этими словами он не возбранял им называться потомками этих святых, но возбранял слишком полагаться на это, пренебрегая добродетельной жизнью. Говоря так, он раскрывал и настоящие их мысли, и предрекал будущее. Действительно, они и после того еще говорили: мы *отца* имеем *Авраама, и никому же работахом николиже*

(Ин. VIII, 33). Так как это особенно побуждало их к гордости и приводило к погибели, то Иоанн прежде всего и обличает этот порок. Смотри же, с каким уважением к патриарху приступает он к их исправлению! Сказав: *не начинайте глаголати: отца имамы Авраама*, не сказал: патриарх не может принести вам никакой пользы, но с какой-то кротостью и ласковостью то же самое дал разуметь словами: *может Бог от камения сего воздвигнути чада Аврааму* (Мф. III, 9). Некоторые говорят, что здесь Иоанн указывает на язычников, называя их иносказательно камнями. Но, по моему мнению, слова эти заключают в себе и другую мысль. Какую же? Не думайте, говорит, что если вы погибнете, то патриарх уже останется бездетен. Нет, нет! Богу возможно и от камней дать ему детей и продолжить род его, так как и сначала так было, потому что от камней быть людям все то же, что родиться младенцу от бесплодной матери. Так и пророк, указывая на это, говорит: *воззрите на твердый камень, из негоже изсечени бысте, и в юдоль потока, из неяже ископани бысте. Воззрите на Авраама, отца вашего, и на Сарру, породившую вы* (Ис. LI, 12). Итак, напоминая им об этом пророчестве, он показывает, что как с самого начала Бог чудесным образом сделал Авраама отцом как бы из камня, так и ныне это возможно. Примечай, как он их и устрашает, и поражает. Не сказал, что уже воздвиг, чтобы они не пришли в отчаяние, но – что может воздвигнуть. Притом не сказал, что может людей воздвигнуть от камней, но гораздо более – родных чад Аврааму. Видишь ли, как он их отводит от плотских мыслей и надежды на предков, чтобы они в собственном покаянии и смиренномудрии имели надежду на спасение? Видишь ли, как он, истребляя в них мысль о родстве по плоти, вводит родство по вере?

3. Но примечай, как он и последующими словами умножает их страх и возбуждает в них беспокойство.

Сказав, что *может Бог от камения сего воздвигнути чада Аврааму*, он тотчас присовокупил: *уже и секира при корени древа лежит* (ст. 10). Вся речь его вселяет ужас. И он, по самому образу своей жизни, мог говорить очень свободно; да и они требовали сильного обличения, потому что уже давно огрубели. Сказать ли вам, говорит он, что вы имеете лишиться родства с патриархом и увидите других, воздвигнутых от камения, получающих ваши достоинства? Но наказание ваше этим не ограничится; оно простреется далее. *Уже бо*, говорит, *секира при корени древа лежит*. Ничто не может быть ужаснее этого выражения. Ты видишь уже не серп летящий, не ограду разрушенную или виноградник потоптанный, но острейшую секиру, и что еще ужаснее, лежащую при дверях. Не веря пророкам, они часто говорили: «Где есть день Господень?», и: *да приидет совет Святаго Израилева, да разумеем* (Ис. V, 19). Так как предсказания часто исполнялись по прошествии многих лет, то, чтобы лишить их и такого утешения, он угрожает им близким бедствием, что и выразил словом: *уже*, присоединив еще: *при корени*. Нет уже, говорит, никакого расстояния, но при самом корени лежит. Не сказал: при ветвях, или: при плодах, но: *при корени*, научая их, что, в случае их нерадения, они подвергнутся ничем не отвратимым бедствиям и без всякой надежды избавления. И это потому, говорит, что пришедший не есть уже раб, как приходившие прежде, но сам Господь всяческих, в руке Которого страшное и ужасное наказание. Впрочем, устрашив их таким образом, он не попускает им впасть в отчаяние. Как раньше он не сказал, что Бог уже воздвиг, но что *может воздвигнути чада Аврааму*, чтобы и устрашить их, и в то же время утешить, — так точно и здесь не сказал, что секира уже прикоснулась к корню, но что *лежит при корени*, близ него, — чем исключает всякое замедление. Впрочем, хотя и полагает в такой

близости, но самое посечение ставит в зависимость от вашей воли. Если вы покаетесь и сделаетесь лучшими, то и секира эта будет отнята от корня, ничего ему де сделавши. Если же будете делать то же, что и прежде, то и секира не замедлит с корнем исторгнуть дерево. Для того именно она и не отнимается от корня и, лежа при нем, не посекает его, чтобы вы, с одной стороны, не предались беспечности, а с другой – убедились бы в том, что еще можете, хотя и в краткое время, спастись, если покаетесь. Таким образом, он всячески умножает их страх, чтобы пробудить их и привести к покаянию. Действительно, отпасть от предков, видеть других на своем месте, быть при дверях опасности и подвергнуться неизбежному злу, что он означает через корень и секиру, – все это достаточно к тому, чтобы и самых беспечных людей возбудить и сделать деятельнейшими. На то же самое и Павел указывая, говорит: *слово сокращено сотворит Господь на* всей земли. Но не бойся; или лучше бойся, но не отчаивайся! Ты еще можешь надеяться на перемену; приговор еще не произнесен, и секира еще не начинает посекать (что, в самом деле, препятствовало бы ей посекать, когда она уже при корне?), а лежит для того, чтобы внушаемым страхом исправить тебя и сделать способным приносить плоды. Для того-то он и присоединяет: *всяко древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает и во огнь вметаемо.* Сказав: *всяко,* этим он опять истребляет всякую надежду на благородство предков. Будь, говорит он, потомок самого Авраама, имей своими сродниками бесчисленных патриархов, но если сам ты не принесешь плода, то понесешь лишь двойное наказание. Этими словами он устрашает и мытарей, потрясает и сердца воинов; впрочем, не повергает их в отчаяние, а только отводит от всякой беспечности. Слова его, внушая страх, предлагают и великое утешение, потому что выражение: *еже плода доб-*

ра не творит – показывает, что древо, приносящее плод, свободно от всякого наказания.

4. Но скажут: как мы можем принести плод, когда нам угрожают посечением, когда остается уже так мало времени и конец уже приближается? Можешь, отвечает он, потому что от тебя не требуется плода такого, какой приносит дерево. Плод древесный требует и много времени, и зависит от перемен погоды, и многого также требует попечения. Но тебе стоит только захотеть – и дерево тотчас прозябнет. К такому плодородию весьма много способствует не только свойство корня, но и искусство самого земледельца. Итак, чтобы не стали говорить, что ты нас смущаешь, стесняешь и делаешь нам насилие, полагая секиру и угрожая посечением, в самом наказании требуешь от нас плода, – Иоанн, в доказательство того, как легко приносить плоды, присоединяет: *аз убо крещаю вы водою; грядый же по мне, креплий мене есть, Ему же несмь достоин* разрешить ремень сапог: Той *вы крестит Духом Святым и огнем* (ст. 11). Этими словами он показывает, что нужны одно только желание и вера, а не труды и подвиги; и как легко креститься, так легко и перемениться и сделаться лучшими. Потрясши, таким образом, их душу страхом суда, ожиданием наказания, напоминанием о секире, отчуждением их от предков, приведением новых чад и двояким наказанием – посечением и сожжением, смягчив всеми способами их жестокосердие и возбудив в них желание избавления от этих зол, он наконец начинает беседу и о Христе, но не просто, а отдавая Ему великое преимущество и потом полагая различие между Ним и собой, чтобы не подумали, что он говорит это из одного угождения, сравнивает то, что дает каждый из них. В самом деле, он не тотчас сказал: *Ему же несмь достоин* разрешить ремень сапог Его; но показав прежде недостаточность своего крещения, которое ничего более не

могло сделать, как только привести их к покаянию (потому и не сказал: водой оставления, но: *покаяния*), говорит и о крещении Христа, преисполненном неизреченных даров. Чтобы ты, говорит, слыша, что Он по мне грядет, не стал презирать Его, как уже после пришедшего, – познай силу Его дара, и ты ясно поймешь, что я не сказал ничего лишнего, ни даже надлежащего, сказав: *несмь достоин разрешити ременъ сапогу*. Итак, когда ты слышишь, что *Он креплий мене есть*, не думай, чтобы я говорил это только по сравнению; я недостоин быть даже в числе рабов Его, и самых даже последних рабов, и в служении Ему воспринять даже самую низкую должность. Вот почему он не просто сказал – сапоги, *но – ременъ сапогов*, что считалось самым последним делом. Потом, чтобы ты не подумал, что это сказано по смирению, он приводит в доказательство самые дела: *Той вы крестит Духом Святым и огнем*. Видишь, какова мудрость Крестителя! Когда сам проповедует, то говорит все страшное и ужасающее, когда же посылает ко Христу, то уже говорит кротко и утешительно. Не говорит уже ни о секире, ни о древе посекаемом и во огонь вметаемом, ни о будущем гневе, но указывает на отпущение грехов, отнятие наказания, оправдание, освящение, искупление, усыновление, братство, участие в наследии и обильное излияние Святого Духа. Все это разумел он под словами: *крестит вы Духом Святым*, выражая этим иносказанием обильное излияние благодати. Не сказал: даст вам Духа Святого, но – *крестит вы Духом Святым*; присоединением же слов: *и огнем* еще более выражает силу и могущественное действие благодати.

5. Представь же, каково должно быть расположение слушателей при той мысли, что они скоро будут подобны пророкам и притом величайшим из них. Для того-то ведь он и упомянул об огне, чтобы их привести на мысль об этих мужах, поскольку почти все являвшиеся

им видения были открываемы огнем. Так Бог беседовал с Моисеем в купине, так беседовал со всем народом на горе Синайской, так говорил с Езекиилем среди херувимов. Смотри же, как он возбуждает слушателя, сказавши наперед о том, что имело быть после всего. В самом деле, сперва надлежало свершиться закланию Агнца, истреблению греха, разрушению вражды, потом погребению и воскресению и, наконец, уже пришествию Святого Духа. Но обо всем этом он пока еще ничего не говорит и наперед поставляет последнее, – то, для чего совершилось и все прочее, и что особенным образом могло показать достоинство Христа. И это делает он для того, чтобы слушатель, после того как узнает, что он в такой силе получит Святого Духа, спросил самого себя: как и каким образом это возможно, при столь сильном владычестве греха? – и чтобы, заметив в нем такое смущение и готовность к слушанию, сказать тогда и о страдании, так как после того никто уже не мог этим соблазняться, ввиду ожидания такого дара. Вот для чего он снова взывал: *се Агнец Божий, вземляй грех мира* (Ин. I, 29)! Не сказал: оставивший, но: *вземляй*, что означает большее попечение, так как не все равно – просто оставить, и – воспринять грех: первое не сопряжено ни с какой опасностью, а последнее соединено со смертью. И еще говорил, что Христос *есть сын Божий* (ст. 34). Впрочем, и эти слова не давали еще слушателям ясного понятия об Его достоинстве, потому что из них они не могли еще заключить, что Он есть истинный Сын; между тем из обильного подаяния Духа это становилось уже несомненным. Потому-то и Бог Отец, посылая Иоанна, первым признаком достоинства в лице, имевшем явиться, поставил следующее: *над Негоже узриши Святаго Духа сходяща и пребывающа, Той есть крестяй Духом Святым* (Ин. I, 33). Вот почему и сам Иоанн говорит: *аз видех и свидетельствовах, яко сей есть*

Сын Божий (34), так как через то делалось уже несомненным и это последнее. Далее, высказав приятное и тем ободрив и успокоив слушателя, Он снова начинает теснить его, чтобы тот не впал в беспечность. Таков уж был народ иудейский, что среди благ он скоро приходил в расслабление и делался хуже. Потому Иоанн снова угрожает ему, говоря: *Ему же лопата в руце Его* (ст. 12). Раньше он сказал о наказании, а здесь показывает уже и Судию, и представляет вечность казни: *плевы,* говорит он, *сожжет огнем неугасающим.* Отсюда ты видишь, что Господь тварей есть вместе и делатель, хотя в другом месте и об Отце то же сказано: *Отец Мой делатель есть* (Ин. XV, 1). Так как прежде говорит он о секире, то чтобы ты не подумал, что это дело требует труда и неудобно в различении, он другим примером поясняет и его легкость, показывая, что весь мир в Его власти, потому что Он не стал бы наказывать тех, которые – не Его. Теперь все перемешано между собой, и хотя пшеница блистает, но лежит вместе с плевелами, как на гумне, а не как в житнице. Тогда же будет большое различие. Где же те, которые не верят геенне? Иоанн два действия приписывает Христу: крестить Духом Святым и предать неверующих огню. Итак, если должно верить первому, то и последнему также необходимо. Потому-то он и поставил два предсказания вместе, чтобы одно, уже исполнившееся, уверяло и в другом, еще не исполнившемся. Точно так же и Сам Христос весьма часто делает, иногда в одних и тех же вещах, а иногда в противных, заключая два пророчества; и одно из них исполняет здесь, а другое обещает исполнить в будущей жизни, чтобы исполнившееся пророчество самых упорнейших удостоверяло и в том, которое еще не исполнилось. Так, например, тем, кто для Него все оставил, Он сторицею обещает воздать в настоящем веке и даровать жизнь вечную в будущем

и через настоящее воздаяние уверяет и в несомненном получении будущего. Точно так же в настоящем случае поступил и Иоанн, сделав два предсказания, то есть что Христос будет крестить Духом Святым и что сожжет огнем неугасаемым.

6. Итак, если бы Христос не крестил каждодневно Духом Святым апостолов и всех того желающих, то ты мог бы сомневаться и в другом. Если же то, что, повидимому, было выше, труднее и непостижимо для ума, исполнилось и ежедневно исполняется, то почему же ты не почитаешь истинным того, что легко и понятно? Итак, сказав: *Той крестит Духом Святым и огнем*, и обещав здесь множество благ, Иоанн тотчас, чтобы ты от этого не сделался беспечным, оставив все прежнее, указывает на лопату, означая этим будущий суд. Не думайте, говорит он, что достаточно одного крещения, хотя бы вы после жили нечестиво. Нет, нам нужно еще много добродетели и любомудрия. Таким образом, от секиры он ведет их к благодати и воде крещения, а вслед за этим угрожает лопатой и огнем неугасающим. Между теми, которые еще не приняли крещения, он не делает никакого различия и просто говорит: *всяко древо, не творящее плода добра, посекается* (Лк. III, 9), указывая этим на казнь, ожидающую всех неверных; а по крещении делает некоторое разделение, так как многие из веровавших имели вести жизнь, недостойную веры. Итак, никто не должен быть плевелами, никто не должен быть легким в веянии или до того предаваться худым склонностям, чтобы они всюду легко увлекали его. Если ты пребудешь пшеницей, то хотя бы и постигло тебя искушение, не потерпишь никакого зла, так как и на гумне зубчатые колеса телеги не раздробляют пшеницы. Если же ты смешаешься со слабой соломой, то и здесь будешь претерпевать несносные бедствия, угнетаемый всеми, и там постигнет тебя

вечное наказание. Действительно, все таковые, еще до будущей печи, здесь бывают пищей безумных страстей, как солома для бессловесных животных, и там опять будут веществом и пищей огня. Если бы Иоанн прямо сказал, что Христос будет судить дела наши, то его слова не так бы легко приняли; но, употребив притчу, в которой все выражалось, он внушил большее убеждение, и слушатель с большею охотой увлекался им. Потому и Христос большей частью беседовал с ними таким же образом, употребляя в речи Своей подобия гумна, жатвы, винограда, точила, поля, мрежи, рыбной ловли и всяких других обыкновенных, окружающих их предметов. То же самое сделал здесь и Креститель; он представил сильнейшим доказательством своих слов дар Духа Святого. Кто столь могущественен, говорил он, что может отпускать грехи и даровать Святого Духа, Тот тем более может сделать и то. Замечаешь ли, как здесь уже предуказывалось и таинство воскресения и суда? Почему же, спросят, он не сказал о тех знамениях и чудесах, которые вскоре имели совершиться через Христа? Потому что дарование Духа было величайшим из всех чудес, и все остальные ради этого только и были устроены. Указав главное, он и все обнял: попрание смерти, истребление грехов, уничтожение проклятия, освобождение от продолжительной борьбы, вход в рай, восхождение на небо, общение с ангелами, участие в будущих благах: получение Духа служило залогом всего этого. Таким образом, сказавши об этом, он уже сказал и о воскресении тел, и о знамениях, имеющих быть при этом, и об участии в царстве, и о тех благах, *ихже око не виде и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. II, 9). Все это подано нам вместе с тем даром. Следовательно, излишне было и говорить о тех знамениях, которые вскоре имели последовать и судить о которых предоставлялось по очевидности, а надобно

было сказать о том, в чем они сомневались, именно, что Христос есть Сын Божий, что Он несравненно превосходит Иоанна, что Он вземлет грехи мира, что Он подвергнет суду дела наши, что наша жизнь не ограничивается только настоящим, но что каждый получит праведное наказание за гробом. Всего этого еще нельзя было представить наглядно.

7. Итак, зная это, будем рачительны, доколе находимся на гумне; здесь еще можно и из плевел обратиться в пшеницу, так как и из пшеницы многие сделались плевелами. Не будем же ослабевать, не будем увлекаться всяким ветром, не будем отделяться от братий наших, как бы они ни казались малы и незнатны. Ведь и пшеница, хотя по величине менее плевел, но по свойству лучше их. Смотри не на внешнее величие, так как оно уготовано огню; но на то твердое и неразрушимое уничижение перед Богом, которое не может быть ни посечено, ни сожжено огнем. Ради этих уничиженных только и долготерпит Бог плевелам, чтобы от обращения с ними эти последние соделались лучшими. Для того еще и нет суда, чтобы мы все вообще получили венцы, чтобы многие от лукавства обратились к добродетели. Итак, убоимся, слушая эту притчу, так как огонь этот неугасаем. Ты скажешь: как он может быть неугасаемым? Но не видишь ли ты солнце, которое всегда горит и никогда не угасает? Не видишь ли также купину, горящую и несгораемую? Итак, если и ты хочешь избегнуть огня, то отложи жестокосердие, и ты не испытаешь его. Если ты здесь поверишь этим словам, то когда отойдешь в жизнь загробную, не увидишь огненной печи; если же здесь не будешь верить, то там хорошо узнаешь ее на опыте, но тогда уже невозможно будет избежать ее. Мучение, определенное проведшим жизнь неправедно, неизбежно. Впрочем, и одной только веры недостаточно: и бесы трепещут перед Богом,

но при всем том не избегнут мучения. Поэтому нам должно проводить жизнь с великим рачением. Потому-то и мы часто собираем вас сюда, не для того, чтобы вы только приходили сюда, но для того, чтобы вы получили и какие-нибудь плоды от пребывания здесь. Если же вы будете выходить отсюда без всякого плода, то, хотя бы вы всегда ходили сюда, ваше хождение и присутствие ничего не будет значить. Если и мы, когда посылаем детей к учителям и видим, что они ничему не научаются, сильно негодуем на учителей и часто посылаем их к другим, то чем мы будем извинять себя, если не будем прилагать хотя такого же старания к добродетели, какое оказываем в отношении к этим земным занятиям, и будем всегда носить домой пустые листы? Притом здесь учителя и лучше и больше их. В каждом собрании мы представляем вам учителями и пророков, и апостолов, и патриархов, и всех праведных, и при всем том нет никакой пользы. Пропев два или три псалма и кое-как совершив обычные молитвы, вы расходитесь, думая, что этого достаточно для вашего спасения. Слышали ли вы, что говорит пророк или, лучше, сам Бог через пророка: *людие сии устнами чтут Мя, сердце же их далече отстоит от Мене* (Ис. XXIX, 13). Пусть же не будет сказано то же и про нас. Поэтому изглადь буквы или, лучше: те начертания, которые диавол напечатлел в душе твоей, и принеси мне сердце, свободное от всех житейских смятений, чтобы я мог написать беспрепятственно на нем то, что хочу. Теперь ничего нельзя видеть в нем, кроме диавольских письмен: хищения, любостяжания, зависти и злобы. Потому-то я, когда беру ваши листы, не могу даже и читать их; я не нахожу тех букв, которые мы написываем вам в дни воскресные и с которыми отпускаем вас, но нахожу вместо их другие — негодные и искривленные. Мы стираем эти буквы и пишем буквы духовные, а вы, выйдя отсюда, предаете

сердца ваши действиям диавола и опять доставляете ему случай написать в вас свое, вместо нашего. Какое же отсюда выйдет следствие? Если я и не буду говорить, об этом уже знает совесть каждого. Впрочем, я не перестану исполнять мою обязанность и писать в вас правильные буквы. Если же вы будете разрушать наш труд, то нам предстоит несомненная награда, а вам немалая опасность. Впрочем, я не хочу говорить ничего тягостного.

8. Я опять только прошу и молю вас: подражайте в этом случае хотя прилежанию малых детей. Они прежде всего заучивают начертание букв, потом стараются узнать их в сложении и наконец таким путем доходят и до чтения. Будем и мы поступать так же. Разделив добродетель на части, прежде всего научимся не клясться, не преступать клятвы, не злословить; потом, переходя к другой букве, научимся не завидовать, не любить плоти, не угождать чреву, не упиваться, не быть жестокими и нерадивыми; от этих добродетелей опять перейдем к духовным и будем стараться о воздержании и презрении чрева, о целомудрии, правде, презрении славы, о кротости и сердечном сокрушении – все это совокупим вместе и напишем в душе нашей. И во всем этом мы можем упражняться дома со своими друзьями, с женой, с детьми. Начнем же пока с первых и легчайших добродетелей, так, например, с воздержания от клятвы, и этим начальным уроком будем непременно заниматься дома. Ведь и дома много препятствий этому занятию: раздражает слуга, возбуждает гнев оскорбляющая жена, доводит до угроз и клятвы глупое и своевольное дитя. Итак, если ты дома, будучи постоянно раздражаем всем этим, удержишься от клятвы, то сможешь легко воздержаться от нее и в обществе. Точно так же перестанешь и браниться, если не будешь бранить ни жены, ни раба, ни кого другого из своих домашних.

Жена часто, похваляя кого-нибудь и жалуясь на свою участь, побуждает злословить похваляемого; но ты не доходи до того, чтобы злословить его, но все переноси великодушно. Равным образом, если видишь, что слуги твои хвалят других господ, не смущайся, но будь великодушен. Пусть дом твой будет местом борьбы и подвижничества в добродетели, чтобы, обучившись хорошо здесь, ты мог с великим искусством обращаться и в обществе. Таким же образом поступай и с тщеславием. Если постараешься не тщеславиться перед женой и слугами, то легко преодолеешь эту страсть и в обращении с другими. Хотя везде болезнь эта тяжка и мучительна, но особенно в присутствии жены. Если, следовательно, мы здесь разрушим ее силу, то легко преодолеем ее и в других случаях. Таким же образом будем поступать и с прочими страстями, ежедневно подвизаясь и упражняясь против них дома. А чтобы для нас легче был этот подвиг, наложим на себя и эпитимию, если преступим какую-нибудь из предположенных обязанностей. Пусть служит нам и эпитимия; не вред причинит она нам, а приобретет награду и принесет величайшую пользу, когда, мы, например, осудим себя на строгие посты, на земные поклоны или на другое какое-нибудь трудное дело. Таким образом, отовсюду мы приобретем великие выгоды: и здесь будем вкушать сладость добродетельной жизни, и будущие получим блага, и будем всегдашними друзьями Божиими. А чтобы опять не случилось того же, – чтобы вы, подивившись сказанному здесь, по выходе отсюда не бросили беззаботно книгу ума вашего и не подали бы диаволу случая изгладить написанное в ней, для того пусть всякий, придя домой, призовет жену свою, расскажет ей то, что выслушал, возьмет ее в помощницу и с этого же дня вступит на это прекрасное поприще, укрепляя себя елеем Духа Святого. Если во время этого подвига ты и

упадешь не один раз, не отчаивайся, но опять вставай, и подвизайся, и не отступай до тех пор, пока не увенчаешься блистательным венцом победы над диаволом и стяжания добродели не скроешь в безопасном хранилище. Когда же утвердишь себя в навыке такого благого любомудрия, то уже не будешь более преступать какихлибо заповедей по нерадению, потому что привычка по крепости подобна будет природе. Как легко спать, есть, пить, отдыхать, так же легко для нас будет и исполнение добродетели. В награду за это мы получим чистое удовольствие, достигнем тихой пристани, будем наслаждаться постоянным спокойствием и, направив наш нагруженный сокровищами корабль в тот день к тому граду, удостоимся неувядаемых венцов, которые да сподобимся получить все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне, присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XII

Тогда приходит Иисус от Галилеи на Иордан ко Иоанну, креститися от него (III, 15)

1. С рабами Господь, с виновными Судия идет креститься. Но не возмущайся этим: в этом-то смирении и сияет особенно высота Его. Да и чему удивляться, если принял крещение и вместе с другими пришел к рабу Тот, Который благоволил столько времени быть в девической утробе, родиться с нашим естеством, принять заушения и крест и претерпеть все, что претерпел Он? То чудно, что Он, будучи Богом, восхотел соделаться человеком; все же прочее было уже следствием этого. Потому-то и Иоанн говорил предварительно, что он недостоин развязать ремень у сапога Его (Лк. III, 16); также, что Христос есть Судия, воздаст

каждому достойное и всем ниспошлет в обилии Духа, — чтобы ты, видя Его идущего ко крещению, не судил о Нем низко. Вот почему и тогда, как Он пришел креститься, Иоанн удерживает Его, говоря: *аз требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мне?* (Мф. III, 14). Так как крещение Иоанново было крещением покаяния и приводило людей в сознание грехов, то, чтобы кто не подумал, что и Иисус приходит на Иордан с таким же намерением, в предупреждение этого Иоанн называет Его Агнцем и Искупителем мира от греха. Тот, Кто мог истребить грехи всего рода человеческого, сам, уже без сомнения, был безгрешен. Потому Иоанн и не сказал: вот, безгрешный! но, что гораздо важнее: *вземляй грехи мира* — чтобы вместе с этим ты уверился и, уверившись, увидел, что Он приходит ко крещению с иной какой-то целью. Потому-то Иоанн и говорил пришедшему к нему Христу: *аз требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мне?* Не сказал: Ты ли хочешь креститься от меня? Он не дерзал сказать и этого. Но что сказал? *И Ты ли грядеши ко мне?* Что же Христос? Он и здесь поступил точно так же, как после с Петром. И этот не давал Ему умыть ног своих, но, когда услышал: *еже Аз творю, ты не веси ныне, уразумееши же по сих,* также: *не имаши части со Мною* (Ин. XIII, 7, 8), — тотчас оставил упорство и оказал послушание. Подобным образом и Иоанн, услышав: *остави ныне, тако бо подобает нам исполнити всяку правду* (Мф. III, 15), немедленно повиновался. Оба они — и Петр и Иоанн — не были упорны, но оказывали и любовь, и послушание, и во всем старались повиноваться Господу. Смотри же, как Иисус убеждает Иоанна тем самым, чем он особенно затруднялся: не сказал, что того требует справедливость, но: *тако подобает* (так прилично). Тогда как Иоанн почитал весьма неприличным для Него принять крещение от раба, Он, напротив, указывает ему на полное приличие этого, как бы

говоря: не потому ли ты уклоняешься и отрекаешься от этого, что находишь это неприличным? Напротив, это весьма прилично, и потому оставь это. И не просто сказал: *остави*, но присовокупил: *ныне*. Не всегда будет это, говорит Он; напротив, ты увидишь Меня и в том состоянии, в каком желаешь видеть, а теперь пока ожидай его. Далее, Христос показывает и то, почему это прилично. Почему же это прилично? Потому, что нам надлежит исполнить весь закон, – что и означил Он словами: *всяку правду*, – так как правда есть исполнение заповедей. Так как мы, говорится, исполнили уже все другие заповеди и остается только одно это, то должно присовокупить и это. Я пришел разрешить клятву, лежащую на вас за преступление закона; потому должен прежде Сам исполнить весь закон и освободить вас от осуждения, и таким образом прекратить действие закона. Итак, Мне надлежит исполнить весь закон, потому что Я должен разрешить проклятие, написанное против вас в законе. Для того-то Я и принял плоть, и пришел в мир. *Тогда остави Его, и крестився Иисус, взыде абие от воды: и се отверзошася Ему небеса, и виде Духа Божия сходяща яко голубя, и грядуща на Него* (Мф. III, 16).

2. Естественно, народ почитал Иоанна гораздо выше Христа. Тот всю жизнь свою проводил в пустыне, был сын архиерея, носил необычайную одежду, призывал всех ко крещению, и сверх того, родился от неплодной; Иисус же произошел от незнатной отроковицы (рождение от Девы не было еще всем известно), воспитывался в доме, обращался со всеми и носил обычную одежду. Так как никто еще не знал неизреченных тайн домостроительства, то и почитали Христа меньшим. Крещение от Иоанна еще более могло утверждать иудеев в этом мнении, если бы даже они и не имели других побуждений к тому. Они думали о Иисусе, что и Он из числа обыкновенных людей. Если

бы Он был необыкновенный человек, рассуждали они, то не пришел бы креститься вместе с другими. Напротив, Иоанн был в глазах их гораздо более и удивительнее Его. Вот почему, чтобы такая мысль не утвердилась в народе, тотчас по крещении Иисуса отверзаются небеса, нисходит Дух, и вместе с Духом глас, возвещающий достоинство Иисуса, как Единородного. А так как этот глас: *сей есть Сын Мой возлюбленный* (Мф. III, 17) многим казался относящимся к Иоанну, потому что не было прибавлено: сей крещаемый, но сказано просто — *сей*; да и как по самому достоинству Крестителя, так и по всем вышесказанным обстоятельствам, каждый, слышавший эти слова, естественнее прилагал их к крестившему, чем к крестившемуся, — то Дух Святый сошел в виде голубя, чтобы обратить глас на Иисуса и показать всем, что слово *сей* сказано не об Иоанне крестившем, но об Иисусе крестившемся. Почему же, скажут, несмотря на такое событие, иудеи не уверовали в Него? По жестокосердию своему. Точно так же и при Моисее много было чудес, хотя и не столь великих; но народ, после всех этих чудес, после гласов, и труб, и молний, слил себе тельца и прилепился к Веельфегору. Да и те же самые, которые были при крещении, видели впоследствии воскресение Лазаря; и, однако, не только не уверовали в Того, Кто сотворил это чудо, но еще многократно покушались и убить Его. Итак, если они, видя собственными глазами воскресение мертвых, до такой степени упорствовали во зле и неверии, то чему дивиться, если они не поверили гласу, нисшедшему свыше? Когда душа находится в состоянии бесчувственности и развращения и одержима недугом зависти, тогда она не убеждается никаким чудом. Напротив, когда душа благопризнательна, тогда она принимает все с верой, даже и в чудесах не имеет особенной нужды. Итак, не спрашивай, почему они не поверили; но рассмотри

лучше, не все ли было сделано, что было нужно для преклонения их к вере. Это показывает Сам Бог, когда устами пророка защищает все, что Он сделал для блага их. Когда иудеям угрожала погибель и последнее наказание, то, чтобы кто-нибудь за их развращение не стал обвинять промысл, Он говорит: *что Ми подобаше сотворити винограду Моему, и не сотворих?* (Ис. V, 4). Так и здесь, рассмотри, чему бы еще надлежало быть, и не было. Да и когда бы ни случились подобные рассуждения о промысле Божьем, употребляй всегда этот образ защиты против дерзающих обвинять его за пороки людей. Смотри же, какие совершаются чудеса и какие открываются начатки будущего; ведь не рай, а самое небо отверзается. Впрочем, речь против иудеев отложим до другого времени; а теперь, при содействии Божием, обратимся к дальнейшему. *И крестився Иисус, абие взыде от воды: и се отверзошася Ему небеса.* Для чего же отверзлись небеса? Для того, чтобы ты познал, что и при твоем крещении бывает то же самое; тогда Бог призывает тебя к горнему отечеству и убеждает ничего уже не иметь общего с землей. Ты не видишь этого, но, несмотря на то, не сомневайся. Чувственные видения дивных и духовных вещей и все подобные знамения являются только вначале, и то для людей грубых и таких, которые не могут вместить никакой мысли о существе бестелесном, и поражаются только видимым, и потому имеют нужду в чувственных видениях; но и это бывает с тою целью, чтобы с верой принималось то, что однажды в начале было утверждено чудесами, хотя бы этих чудес потом уже и не было. Так на собрании апостолов был шум дыхания бурного, и явились видения огненных языков, — не для самих апостолов, но для иудеев, которые тогда находились с ними, между тем и мы приемлем то, что единожды утверждено чудесами, хотя и нет более чувственных знамений. Так

и при крещении, *голубь* явился для того, чтобы и присутствующим, и Иоанну указать, как бы перстом, Сына Божьего, и вместе для того, чтобы и ты знал, что и на тебя, когда, крещаешься, нисходит Дух Святый.

3. Но нам нет нужды уже в чувственном видении, потому что для нас вместо всех знамений довольно одной веры; знамения даются не для верующих, но для неверующих. Почему же Дух Святый явился в виде голубя? Потому что голубь есть животное кроткое и чистое. И как Дух Святый есть Дух кротости, то Он и явился в этом виде. Кроме того, такое явление напоминает нам и о древней истории. Когда всеобщий потоп объял всю вселенную и род наш подвергался опасности совершенного истребления, тогда явилась эта птица и дала знать о прекращении потопа, и, принесши ветвь масличную, принесла благую весть о всеобщей тишине во вселенной. Все это было преобразованием будущего. Тогда люди находились в худшем состоянии и достойны были гораздо большего наказания. Поэтому, чтобы ты не отчаивался, Писание и приводит тебе на память эту историю. И в то время, несмотря на самое отчаянное положение дел, было некоторое избавление от бедствий и восстановление; тогда это произошло посредством наказания, а теперь посредством благодати и дара неизглаголанного. Поэтому и голубица не с масличной ветвью является, но указывает нам на Освободителя от всех зол и подает благие надежды. Не одного только человека выводит она из ковчега, но всю вселенную возводит на небо и вместо масличной ветви приносит усыновление всему роду человеческому. Представляя величие этого дара, не уменьшай в мыслях твоих достоинства Святого Духа потому только, что Он явился в таком образе. Я слышал, как некоторые говорят, будто такое же различие между Христом и Святым Духом, какое между человеком и голубем, потому что

Тот явился в человеческом естестве, а этот – в виде голубя. Что на это должно сказать? То, что Сын Божий принял естество человеческое, а Дух Святый не принял естества голубя. Потому и Евангелист не сказал: в естестве голубя, но – *в виде* голубя. Да, кроме данного случая, после Он никогда не являлся в таком образе. Далее, если ты по этой только причине почитаешь Его меньшим по достоинству, то по тому же самому и херувимы будут лучше Его, и притом во столько раз, во сколько орел превосходнее голубя, потому что они являлись в виде орлином. Также и ангелы будут лучше Его, потому что и они часто являлись в образе человеческом. Но да не будет этого, да не будет! Иное ведь дело истинным сделаться человеком, иное – на время являться в каком-либо виде. Итак, не будь неблагодарным перед своим Благодетелем и не плати злом за добро даровавшему тебе источник блаженства. Где достоинство усыновления, там и отъятие всех зол и дарование всех благ. Вот почему отменяется крещение иудейское, а наше получает начало. Что было с пасхой, то же происходит и с крещением. Как там Христос, совершив ту и другую пасху, одну отменил, а другой дал начало, так и здесь, исполнив крещение иудейское, отверз двери и крещению Церкви новозаветной. Как там в одной вечери, так здесь в одной реке и тень начертал, и истину представил. Только наше крещение имеет благодать Святого Духа; крещение же Иоанново не имело такого дара. Потому-то ничего подобного и не случалось при крещении других людей, а совершилось только с Тем, Кто имел преподать этот дар, чтобы ты, кроме вышесказанного, познал и то, что не чистота крещающего, но сила крестившегося произвела это. Тогда и небеса отверзлись, и Дух Святый снизошел. Так Христос от древнего образа жизни уже изводит нас к новому, отверзая нам врата небесные и ниспосылая

оттуда Святого Духа, Который призывает нас к горнему отечеству; и не просто призывает, но и облекает высочайшим достоинством: соделывает нас не ангелами и архангелами, но возлюбленными сынами Божьими. Так Он влечет нас к тому горнему достоянию.

4. Представляя все это, яви жизнь, достойную и любви призывающего, и сообщества небесного, и чести, тебе дарованной. Распявшись миру и мир распявши себе, со всяким тщанием старайся жить так, как живут на небесах. Не думай, что ты имеешь нечто общее с землею, потому что тело твое еще не вознесено на небо; глава твоя там – на небесах. Для того-то Господь нисшел на землю и низвел с Собой ангелов, а потом, восприявши тебя, восшел на небо, чтобы ты, еще прежде восшествия твоего туда, уверился, что можешь жить и на земле, как на небе. Итак, будем постоянно сохранять то достоинство, которое мы получили вначале; будем ежедневно стремиться к небесным чертогам и все земное почитать тенью и сновидением. В самом деле, если бы какой-нибудь земной царь неожиданно усыновил тебя, бедного и нищего, ты бы и не подумал о своей бедной хижине, хотя между тем и другим еще и невелико различие. Так и ты не думай ни о чем прежнем, потому что ты призвал к благам гораздо важнейшим. Тот, кто тебя призывает, есть Владыка ангелов, а блага, даруемые тебе, превыше всякого слова и разумения. Он переселяет тебя не от земли на землю, подобно царю земному, но от земли на небо и от смертного естества в славу бессмертную и неизглаголанную, которая тогда только откроется нам в истинном своем виде, когда будем ею наслаждаться. Надеясь получить такие блага, неужели ты будешь еще вспоминать о деньгах и прилепляться к мечтам земным? Ужели не уверишься, что все видимое малоценнее рубища нищего? Как же ты явишься достойным такой великой чести? Какое принесешь

оправдание? Или, лучше, какой не понесешь казни за то, что после такого дара опять бежишь к прежней блевотине? Ведь ты будешь наказан за грехи свои не просто как человек, но как сын Божий, и величие чести послужит тебе только к большему наказанию. И мы за одни и те же проступки неодинаково наказываем провинившихся рабов и детей, особенно если они много облагодетельствованы нами. И если тот, кому дан был в удел рай, за одно только преслушание после великой чести подвергся таким бедствиям, то мы, получившие небо и соделавшиеся сонаследниками Единородного, можем ли испросить прощение, когда, оставив голубя, поспешаем к змею? Нет, мы уже не услышим тогда: *земля еси и в землю отыдеши* (Быт. III, 19), или: *возделывай землю,* и прочего, что некогда сказано было Адаму; но нам угрожают наказания гораздо тягчайшие — тьма кромешняя, узы неразрешимые, червь ядовитый, скрежет зубов; и по делам. Тот, кто и после такого благодеяния не сделался лучшим, по всей справедливости должен подвергнуться последнему и тягчайшему наказанию. Илия некогда отверз и заключил небо для того, чтобы низвести и удержать дождь; а тебе отверзается небо для того, чтобы ты восшел туда, и не только сам восшел, но — что гораздо важнее — и других возвел с собой, если захочешь. Вот какое дерзновение и власть даровал тебе Господь во всех (благах) Своих! Итак, если там дом наш, то положим туда все свое имение и не оставим ничего здесь, чтобы не лишиться его. Здесь — на земле — хотя бы ты запер свое имущество ключом, хотя бы приделал двери и запоры, хотя бы приставил тысячу стражей и защитил его от всех злодеев, хотя бы укрыл его от взора завистников, хотя бы предохранил даже от моли и от порчи, причиняемой временем, что, впрочем, невозможно, — ты все же не избежишь рано или поздно смерти; и все это в одно мгновение будет

у тебя отнято, и не только отнято, но и предано в руки врагов твоих. Если же ты перешлешь свое имение в дом небесный, то будешь совершенно безопасен. Не нужно тебе будет ни замков, ни дверей, ни запоров. Такова крепость того града; так неприступно то место для хищников; так неприкосновенно для тления и ограждено от всякого злого умысла.

5. Не крайнее ли безумие — собирать все туда, где все полагаемое истлевает и погибает, а где все остается неприкосновенным и даже еще возрастает, туда не отлагать ни малейшей части? И это делаем мы, которые там должны жить вечно. Потому-то и язычники не верят нашим словам. Они хотят не на словах, а в делах наших видеть доказательство нашего учения о жизни будущей. Видя, что мы строим пышные дома, заводим сады и бани, покупаем поля, они не хотят верить, чтобы мы готовились переселиться в другой небесный град. Если бы это было так, говорят они, тогда бы христиане все, что только здесь имеют, променяв на серебро, заблаговременно отправили туда. Так заключают они из того, что обыкновенно бывает в мире. В самом деле, мы видим, что богатые люди строят дома, покупают поля и все прочее в тех городах, в которых намереваются жить. Между тем мы делаем напротив. Мы всеми силами стараемся приобрести землю, и за несколько десятин земли и домов не только не жалеем денег, но даже проливаем кровь; а для приобретения неба не хотим пожертвовать и самими избытками, между тем как могли бы купить его за малую цену и, купив, обладать им вечно. Потому-то мы и подвергнемся крайнему наказанию, если придем туда наги и нищи; и не за свою только бедность будем терпеть несносные мучения, но и за то особенно, что и других вовлекли в подобное состояние. В самом деле, если язычники увидят, что и мы, сподобившись великих

таинств, привязаны к земному, то тем более сами будут прилепляться к нему. Через это мы сами собираем сильнейший огонь на главу нашу. Нам надлежало бы учить их презирать все видимое, а мы, вместо того, больше всех возбуждаем в них пристрастие к нему. Как же мы можем спастись, когда должны будем подвергнуться истязанию за погибель других? Неужели же ты не знаешь, что Христос повелел нам быть солью и светильниками в этом мире, чтобы мы и укрепляли расслабляемых сладострастием, и просвещали омраченных заботами о богатстве? Если же мы повергаем их еще в большую тьму и только еще больше расслабляем, то какая останется нам надежда спасения? Совершенно никакой, но с воплем и скрежетом зубов, связанные по рукам и ногам, будем ввержены в огонь геенский, после того как уже здесь истомимся заботами о богатстве. Итак, размыслив о всем этом, расторгнем все узы обольщения сребролюбием, чтобы не впасть нам в те узы, которыми увлекут нас в огонь неугасаемый. Тот, кто рабствует богатству, и здесь и там всегда будет в узах; а не имеющий этой страсти и здесь и там будет свободен. Чтобы и нам достигнуть этой свободы, сокрушим тяжкое ярмо сребролюбия и воскрылимся к небу, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIII

Тогда Иисус возведен бысть Духом в пустыню, искуситися от диавола (IV, 1)

1. *Тогда:* когда же это? После сошествия Святого Духа, после гласа, нисшедшего свыше и возвестившего: *сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих*! И вот

что удивительно: Иисус, как говорит Евангелист, возведен был в пустыню Духом Святым. Так как Христос все делал и терпел для нашего научения, то и теперь попускает Он отвести Себя в пустыню и поставить в борьбу с диаволом для того, чтобы никто из крестившихся, если бы ему случилось после крещения претерпевать еще больше прежних искушения, не смущался ими, как чем-то неожиданным, но мужественно переносил бы всякое искушение, как дело обыкновенное. Не для того ведь ты получил оружие, чтобы быть праздным, но чтобы сражаться. Вот почему и Бог не препятствует посещать тебя искушениям. Во-первых, Он попускает их для того, чтобы ты познал, что ты соделался гораздо сильнее; во-вторых, чтобы ты пребывал в смирении и не превозносился величием даров, видя, что искушения могут смирять тебя; в-третьих, для того, чтобы лукавый дух, все еще сомневающийся в твоем от него отступлении, видя твое терпение в искушениях, уверился, что ты совершенно оставил его и отступил от него; в-четвертых, чтобы ты через это сделался тверже и крепче всякого железа; в-пятых, чтобы получил ясное свидетельство о вверенных тебе сокровищах. В самом деле, диавол не стал бы приступать к тебе, если бы не видел тебя на высшей степени чести. По тому самому и в начале он восстал против Адама, что видел его украшенным высоким достоинством. По тому же вооружился и против Иова, когда увидел его увенчанным и прославленным от Господа всяческих. Как же, возразишь ты, сказано: *молитеся, да не внидете в напасть* (Мф. XXVI, 41)? Но потому-то и говорит тебе Евангелист, что Иисус не сам пришел, а был возведен в пустыню по божественному смотрению, чем показывается, что и мы не должны сами вдаваться в искушения, но когда будем вовлечены в них, то должны стоять мужественно. И смотри, куда привел Его Дух; не в город, не на площадь, но в пусты-

ню. Он как бы хотел тем привлечь диавола, давая ему случай искусить не только голодом, но и самим местом уединенным, потому что диавол тогда особенно и нападает на нас, когда видит, что находимся в уединении – только сами с собой. Так и в начале он приступил к жене, нашедши ее одну, без мужа. Когда же видит нас в сообществе с другими, то не так бывает смел и не отваживается нападать. И по этой, следовательно, причине нам всем нужно чаще собираться вместе, чтобы диавол не мог удобно уловлять нас. Итак, диавол нашел Христа в пустыне, – и в пустыне непроходимой (что такова была та пустыня, об этом свидетельствует Марк, говоря: *бе со зверьми* – Мк. I, 13). Смотри, с какой хитростью, с каким лукавством приступает он и какое выждал время. Он приступает не тогда, когда Иисус постился, но когда взалкал. Отсюда познай, сколь великое благо и сколь сильное оружие против диавола – пост; познай и научись, что, омывшись водами крещения, не должно предаваться удовольствиям, пьянству и обильным яствам, но наблюдать пост. Потому-то и сам Христос постился, – не потому, что Ему нужен был пост, но для нашего научения. Служение чреву было виной грехов, бывших до крещения. Поэтому как врач, излечив больного, запрещает ему делать то, от чего произошла болезнь, так и здесь Христос после крещения установил пост. И Адама изгнало из рая чревоугодие; оно же во времена Ноя было причиной потопа; оно же и на содомлян низвело огонь. Хотя преступлением их было и сладострастие, но корень той и другой казни произошел от чревоугодия, на что и Иезекииль указывает, говоря: *обаче сие беззаконие* содомлян, что они в гордости и *в сытости хлеба, и в изобилии вина сластолюбствоваша* (Иез. XVI, 49). Так и иудеи, начав пьянством и объедением, предались беззаконию и соделали величайшие преступления.

2. Вот почему и Христос постился сорок дней, показывая нам спасительное врачевство. Дальше этого Он не простирается, чтобы чрезмерным величием чуда не сделать сомнительной самую истину воплощения. Теперь этого быть не может, потому что и прежде Его еще Моисей и Илия, укрепляемые божественной силой, оказались в состоянии вынести такой же продолжительный пост. А если бы Христос постился дольше, то многим и это могло бы служить поводом сомневаться в истине воплощения. Итак, пропостившись сорок дней и ночей, *последи, взалка* (ст. 2), давая, таким образом, случай диаволу приступить к Нему, чтобы Своею борьбою с ним показать, как должно преодолевать и побеждать. Так поступают и борцы, желая научить своих учеников одолевать и побеждать борющихся с ними; они нарочно в палестрах (школах гимнастики) схватываются с другими, чтобы ученики замечали телодвижения борющихся и учились искусству победы. То же сделано было и там. Восхотев привлечь диавола на борьбу, Христос обнаружил перед ним Свое алкание, и, когда тот приблизился, Он взял его и затем раз, другой раз и третий низложил его со свойственной Ему легкостью. Но, чтобы слишком беглым взором на эти победы не уменьшить вашей пользы, рассмотрим подробно каждую борьбу, начавши с первой. Когда, говорится, взалкал Иисус, *приступль искуситель, рече Ему: аще Сын еси Божий, рцы, да камение сие хлебы будут* (ст. 3). После того как слышал уже голос, сошедший с неба и свидетельствующий: *сей есть Сын Мой возлюбленный* (Мф. III, 17), слышал столь же славное о Нем свидетельство Иоанново, искуситель вдруг видит Его алчущим. Это приводит его в недоумение: припоминая сказанное об Иисусе, он не может поверить, чтобы это был простой человек; с другой стороны, видя Его алчущим, не может допустить, чтобы это был Сын Божий. Находясь в таком

недоумении, он приступает к Нему со словами сомнения. И, как некогда, приступив к Адаму, выдумал то, чего совсем не было, чтобы узнать истину, так и теперь, не зная ясно неизреченного таинства воплощения и того, кто перед ним, коварно сплетает новые сети, чтобы, таким образом, узнать сокровенное и остававшееся в неизвестности. Что же говорит он? *Аще Сын еси Божий, рцы, да камение сие хлебы будут.* Не сказал: если алчешь; но: *аще Сын еси Божий*, думая обольстить Его похвалами. Об алкании он умалчивает, чтобы не показалось, что он выставляет это Ему на вид и хочет уничижить Его. Не постигая величия действий, относящихся к домостроительству спасения, он почитал это за постыдное для Иисуса. Поэтому он льстит Ему и коварно напоминает только о Его достоинстве. Что же Христос? Низлагая кичливость диавола и показывая, что случившееся нимало не постыдно и не недостойно Его премудрости, Сам выражает и обнаруживает то, о чем искуситель умолчал из лести, и говорит: *не о хлебе едином жив будет человек.* Так искуситель начинает с потребности чрева. Посмотри на хитрость злого духа, с чего он начинает борьбу и как остается верен своему коварству: чем он изринул из рая первого человека и подверг его бесчисленным бедствиям, тем и здесь начинает свое обольщение, то есть невоздержанием чрева. И ныне от многих безумцев ты услышишь, что чрево для них было причиной бесчисленных зол. Но Христос, желая показать, что добродетельного человека и самое жестокое насилие не может принудить сделать что-либо неподобающее, алчет и, однако ж, не повинуется внушению диавола, научая и нас ни в чем его не слушаться. Так как первый человек, послушав диавола, и Бога прогневил, и закон преступил, то Господь всячески внушает тебе не слушать диавола даже и тогда, когда требуемое им не будет преступлением закона. Но

что я говорю — преступлением? Хотя бы что и полезное внушали демоны, и тогда Господь запрещает их слушать. Так он повелел молчать бесам и тогда, когда они возвещали, что Он Сын Божий. Так и Павел запретил им кричать, хотя то, что они говорили, было полезно; но, чтобы совершенно посрамить их и преградить всякое их злоумышление против нас, несмотря на то, что они проповедовали спасительные истины, прогнал их, заградил им уста и повелел молчать (Деян. XVI, 18). Потому-то и теперь Христос не согласился на слова диавола, но что сказал? Он отвечал ему словами Ветхого Завета: *не о хлебе едином жив будет человек.* Слова эти значат, что Бог может и словом напитать алчущего. Этим Христос научает нас, несмотря ни на голод, ни на какие другие страдания, никогда не отступать от Господа.

3. Если же кто-нибудь скажет, что Спасителю надлежало бы показать силу Свою, то я спрошу его: для чего и почему? Диавол говорил это не для того, чтобы самому уверовать, но чтобы, как он думал, обличить Христа в неверии, так как и прародителей он обольстил таким же образом и обнаружил, что они мало имели веры к Богу. Пообещав им совершенно противное тому, что говорил Бог, и надмив их пустыми надеждами, он поверг их в неверие, а через это лишил и тех благ, которыми они обладали. Но Христос не изъявляет Своего согласия ему, точно так же, как впоследствии и иудеям, которые, водясь его духом, просили знамений, в том и другом случае научая нас, чтобы мы, если и можем что-либо сделать, не делали ничего напрасно и без причины, и даже в случае крайней нужды не слушались диавола. Что ж теперь начинает делать этот гнусный обольститель? Побежденный Иисусом и оказавшись не в силах склонить Его, несмотря на сильный Его голод, к согласию на свое требование, диавол приступает к

другому средству и говорит: *аще Сын еси Божий, верзися низу: писано бо есть, яко ангелом Своим заповесть о Тебе, и на руках возмут Тя* (ст. 6). Почему к каждому искушению он прилагает: *аще еси Сын Божий?* Как поступил он с прародителями, так поступает и теперь. Подобно тому как тогда словами: *в онъже аще день снесте, отверзутся очи ваши* (Быт. III, 5) он клеветал на Бога, желая этим показать, что они обмануты, обольщены и нимало не облагодетельствованы, так и теперь старается внушить то же самое и как бы говорит: напрасно Бог назвал Тебя Сыном Своим, Он ввел Тебя в обольщение этим даром, если же это не так, то покажи нам божественную Свою силу. А поелику Господь говорил с ним словами Священного Писания, то и он приводит свидетельство пророка.

Что же Христос? Он не вознегодовал на это и не разгневался, но с великой кротостью отвечает ему опять словами Священного Писания: не *искусиши Господа Бога твоего* (Мф. IV, 7). Этим Христос научает нас, что диавола должно побеждать не знамениями, но незлобием и долготерпением и что ничего не надобно делать только по честолюбию для того, чтобы показать себя. Далее: посмотри, как безумие искусителя видно и в самом приведении свидетельства. Оба приведенные Господом свидетельства приведены как нельзя более кстати, а предложенные им взяты без разбора, как попалось, и совсем не относились к делу, потому что словами: *ангелом Своим заповесть о Тебе,* не предписывается нам бросаться в пропасть; притом же, это не о Господе и сказано. Но Господь не стал обличать его безумия, хотя диавол и привел слова Писания с обидой для Него и совершенно в превратном смысле. От Сына Божьего никто не потребует такого дела; свойственно бросаться вниз только диаволу и демонам, Богу же свойственно и лежащих восстановлять. Если бы и нужно было Сыну

Божию явить силу Свою, то, конечно, не в том, чтобы самому безрассудно бросаться с высоты, но в том, чтобы спасать других. А бросаться в пропасти и стремнины свойственно полчищу диавольскому; так всегда и поступает обольститель, управляющий ими. Однако Христос и после этих слов не открывает Себя, но все еще говорит с ним как человек; слова: *не о хлебе едином жив будет человек*, и: *не искусиши Господа Бога твоего* еще не обнаруживали ясно, кто Он, но показывали в Нем простого человека. Не удивляйся тому, что диавол, говоря с Христом, бросается то в ту, то в другую сторону. Подобно тому как бойцы, получив смертельную рану и обливаясь кровью, в беспамятстве мечутся во все стороны, так и он, пораженный уже первым и вторым ударами, начинает говорить без разбора, что пришло на ум, и таким образом приступает в третий раз к борьбе. И возведя *Его на гору высоку, показа Ему вся царствия и глагола: сия вся Тебе, дам, аще пад поклонишимися. Тогда глагола ему Иисус: иди за Мною, сатано; писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши* (ст. 8–10). Так как диавол согрешил теперь уже против Бога Отца, называя вселенную, которая принадлежит Ему, своею, и осмелился выдавать себя за Бога, как будто бы он был зиждителем мира, то Христос наконец запретил ему, но и тут не с гневом, а просто: *иди, сатано.* Да и это было скорее повеление, нежели запрещение, потому что лишь только Христос сказал ему: *иди*, диавол, – он тотчас убежал и не смел уже более искушать Его.

4. Как же Лука говорит, что диавол окончил *все* искушение (Лк. IV, 13)? Мне кажется, что он, упомянув о главных искушениях, сказал: *все*, потому что в этих искушениях заключаются и все другие. В самом деле, источниками всех бесчисленных зол являются следующие три порока: служение чреву, тщеславие, чрезмерное

пристрастие к богатству. Зная это, и гнусный искуситель сильнейшее искушение, то есть желание большего, сберег к концу. Мучительное желание высказать это искушение было у него с самого начала; но, как сильнейшее прочих, он сохранил его на конец. Таков закон его борьбы: употреблять после всего то, что, по его мнению, удобнее может низложить врага. Так поступил он и с Иовом; так и здесь. Начавши с того, что почитал менее важным и слабейшим, доходит до сильнейшего. Как же нужно побеждать его? Так, как научил Христос: прибегать к Богу, не унывать и при самом голоде, веруя в Того, Кто может напитать нас и словом; и если получим какие блага, не искушать ими даровавшего, но, довольствуясь славой небесной, нимало не заботиться о человеческой и во всем удаляться излишеств. Поистине, ничто столько не подвергает нас власти диавола, как желание большего и любостяжание. Это можно видеть даже и из того, что происходит ныне. И ныне есть такие, которые говорят: «Все это дадим тебе, если, падши, поклонишься нам»; они хотя и люди по естеству, но сделались орудиями диавола. Так и тогда он не сам только нападал на Христа, но употреблял в помощь и других, что показывает и Евангелист Лука, говоря: *отъде от Него до времене* (Лк. IV, 13); этими словами он дает разуметь, что диавол и после нападал на Христа посредством своих орудий. *И се ангели приступиша, и служаху Ему* (Мф. IV, 11). Пока совершалась брань, Христос не допускал являться ангелам, чтобы этим не отогнать того, кого надлежало уловить. Но когда Он изобличил диавола во всем и заставил бежать, тогда являются и ангелы. Отсюда познай, что и тебя после побед над диаволом примут с рукоплесканием ангелы и будут ограждать во всех случаях. Так они приняли и отнесли на лоно Авраамово Лазаря, искушенного в печи бедности, голода и всяких скорбей. Христос, как я говорил

и прежде, много явил здесь такого, что и с нами должно случиться. Итак, поелику все это совершилось для тебя, то поревнуй и подражай победе Спасителя. Если кто-нибудь из служителей демона или из единомышленников его приступит к тебе и, издеваясь над тобой, будет говорить: «Переставь гору, если ты чудотворец и человек великий!» – ты не возмущайся этим, не выражай негодования, но с кротостью отвечай, как отвечал твой Владыка: *не искусиши Господа Бога твоего.* Если он будет предлагать тебе славу, власть и неисчислимые сокровища и потребует за то поклонения, опять стой мужественно. Не с одним только Владыкой всех нас так поступил диавол, но и против каждого из рабов Его он ежедневно строит те же ковы, не только в горах и пустынях, но и в городах, на площадях и в судах – не только сам собой, но и через людей, собратий наших. Итак, что же нам делать? Совершенно не верить ему, заграждать слух свой, ненавидеть его, когда льстит, и чем более обещает, тем более отвращаться от него. Ведь и Еву он низринул и подверг величайшим бедствиям тем, что надмил дух ее слишком высокими надеждами. Он – неумолимый враг наш и ведет с нами непримиримую брань. Не столько мы стараемся о своем спасении, сколько он о нашей погибели. Итак, будем отвращаться от него не только на словах, но и на самом деле, не только мыслью, но и делами, и не будем делать ничего ему угодного. Так поступая, мы исполним все, что угодно Богу. Диавол много обещает нам, но не с тем, чтобы дать, а чтобы у нас взять. Обещает доставить богатство посредством хищения, с тем чтобы отнять у нас царствие и правду; расстилает по земле сокровища, как бы тенета и сети, для того, чтобы лишить и этих сокровищ, и небесных; хочет обогатить нас здесь, чтобы мы не имели богатства там. Когда же не может лишить нас небесного наследия посредством

богатства, то избирает для того другой путь – путь бедности, как поступил он с Иовом. Когда он увидел, что богатство не причинило никакого вреда Иову, то связал сети из бедности, надеясь таким образом одержать над ним победу. Что может быть безумнее этого? Кто умел благоразумно пользоваться богатством, тот тем более будет мужественно переносить бедность. Кто не имел пристрастия к богатству, когда обладал им, тот не станет искать, когда его и не будет, как и действительно не искал его блаженный Иов, напротив, в бедности он соделался еще славнее. Злой демон хотя и мог лишить его богатства, но любви к Богу не только не лишил, но даже еще более усилил ее и, отнявши у него все, сделал то, что Иов обогатился еще большими благами, так что диавол не знал даже, что еще и предпринять. Чем более он поражал его, тем более видел в нем сил. А когда, испытав все средства, не получил никакого успеха, то прибег, наконец, к древнему оружию – к жене, и, надев на себя личину сострадания, весьма живо и трогательно изображает его несчастья и, как бы радея об избавлении его от бедствий, подает гибельный совет. Но этим он не победил Иова; этот удивительный муж приметил хитрость его и с великим благоразумием заградил уста жене, которая, по внушению диавола, предлагала совет.

5. Так и мы должны поступать. Хотя бы в лице брата, или искреннего друга, или жены, или кого-нибудь из самых близких к нам людей диавол внушал нам что-либо неподобающее, мы не по лицу должны судить о словах и принимать советы, но и по гибельному совету должны заключать о том, кто предлагает совет, и отвращаться от него. Диавол ведь и ныне часто поступает подобным образом: принимает личину сострадания и, притворяясь доброжелательным, подает нам советы пагубнее и вреднее всякого яда. Его дело – льстить нам,

ко вреду нашему; а дело Божие — наказывать нас, для нашего блага. Итак, не будем обманываться, не будем усильно искать спокойной жизни: *егоже бо любит Господь, наказует* (Притч. III, 12), говорит Писание. Если мы наслаждаемся благоденствием, живя порочно, то тем более должны сокрушаться. Служа греху, мы и всегда должны страшиться, но особенно тогда, когда не претерпеваем никакого несчастья. Когда Бог посылает нам наказания, так сказать, по частям, то облегчает этим казнь за грехи; напротив, когда долготерпит о всех наших прегрешениях, то тем сохраняет нас для большей казни, если мы пребываем во грехах. Если и для праведников необходимо страдание, то тем более для грешников. Посмотри, сколь великое долготерпение Божие испытал на себе фараон и наконец какой жестокой подвергся казни за все свои злодеяния! Сколько преступлений учинил Навуходоносор, пока наконец не понес казни за все! Равным образом и евангельский богач, за то самое, что здесь не потерпел никакого бедствия, после соделался несчастнейшим. Насладившись удовольствиями в этой жизни, он перешел в тот мир, чтобы потерпеть казнь за все, и там не мог уже найти никакого утешения в своем страдании. Несмотря на это, есть такие холодные и безумные люди, которые ищут всегда только настоящего и говорят такие достойные смеха слова: «Наслажусь теперь всеми настоящими благами, а после подумаю о том, что неизвестно; буду угождать чреву, буду рабом удовольствий, не буду много дорожить и настоящей жизнью: дай мне нынешний день и возьми себе завтрашний!» Какое непомерное безумие! Чем отличаются такие люди от козлов и свиней (Иер. V, 8)? Если пророк не хочет почитать людьми неистовствующих против жены ближнего своего, то кто нас осудит, когда мы скажем, что те люди безумнее и козлов, и свиней, и

ослов, — люди, которые неизвестным почитают то, что яснее очевидного? Если ты уже ничему другому не веришь, то посмотри на мучение демонов, которые стараются во всем вредить нам и словами и делами. Ты не будешь противоречить тому, что они употребляют все средства, чтобы увеличить нашу беспечность, истребить в нас страх геенны и сделать то, чтобы мы не верили будущему суду; но, при всем том, они часто с криком и воплем возвещают о мучениях адских. Почему же они говорят противное тому, чего желают? Конечно, вынуждает их к этому жестокость мук, ими претерпеваемых. Добровольно они никогда не сознались бы ни в том, что их мучат люди умершие, ни в том вообще, что терпят какое-либо мучение. Для чего же это сказал я? Для того, чтобы показать, что и демоны свидетельствуют о геенне, хотя и не желают, чтобы люди верили геенне; а ты, удостоившись столь высокой чести и приобщившись неизреченных таинств, не подражаешь и бесам, но и их сделался безумнее. Ты скажешь: кто приходил из ада и возвестил о тамошних мучениях? Но я спрошу: кто приходил и с небес и возвестил, что есть Бог, все сотворивший? Равным образом, откуда известно, что мы имеем душу? Если ты хочешь верить только тому, что видишь, то усомнишься и о Боге, и об ангелах, и об уме, и о душе, и, таким образом, для тебя исчезнет все учение истины. Впрочем, если ты хочешь верить только тому, что ясно, то более должен верить невидимому, нежели видимому. Хотя это странно, однако ж истинно и признано за несомненное всеми людьми, имеющими ум. И действительно, глаза часто обманываются не только в невидимом (его они вовсе не знают), но даже и в тех вещах, которые, кажется, мы видим, потому что и расстояние, и воздух, и устремление мысли на другой предмет, и гнев, и забота, и тысячи других причин препят-

ствуют им правильно видеть. Но размышление души, просвещенной светом Божественного Писания, представляет вернейшее и необманчивое суждение о вещах. Итак, не будем тщетно обманывать самих себя, чтобы при беспечности жизни, происходящей от такого учения, не собрать для самих себя лютейшего огня и за самое учение. Если нет суда, если мы не дадим отчета в делах своих и не получим награды за труды, то посмотрите, куда увлекает вас ваше богохульство, когда вы говорите, что праведный человеколюбивый и милосердный Бог презрит такие труды и подвиги. И возможно ли это?

Если ничто другое не вразумляет тебя, то посмотри хотя на домашнюю твою жизнь, и ты увидишь всю нелепость твоих мыслей. В самом деле, — предположим, что ты был бы безмерно жесток и бесчеловечен, превосходил своей свирепостью и самих зверей; но, находясь при смерти, ты, конечно, не захотел бы оставить без награды усердного своего слугу, а и отпустил бы его на волю, и наградил бы деньгами; и если ты сам, умирая, уже ничего не можешь сделать в его пользу, то, по крайней мере, завещаешь о нем наследникам твоим, просишь их, убеждаешь, всячески стараешься, чтобы он не остался без награды. Если же, будучи злым, оказываешься столь добрым и человеколюбивым к слуге своему, то Бог, беспредельная благость, неизреченное человеколюбие и доброта, ужели презрит и оставит неувенчанными рабов Своих — Петра и Павла, Иакова и Иоанна, которые ежедневно ради Его томились голодом, были заключаемы в узы, мучимы, потопляемы, предаваемы зверям, каждый день умирали и претерпевали бесчисленные страдания? Председатель на Олимпийских играх провозглашает имя победителя и увенчивает его; господин награждает раба, царь — воина; и вообще всякий, сколько может, платит добром слуге

своему: Бог ли один, после скольких трудов и подвигов, не даст им ни малой, ни великой награды? Неужели эти праведные и благочестивые мужи, подвизавшиеся во всякой добродетели, будут находиться там же, где и прелюбодеи, отцеубийцы, человекоубийцы и гробораскитители? Мыслимо ли это? Если за гробом нет ничего, если бытие наше ограничивается только настоящей жизнью, то, действительно, участь тех и других одинакова. Впрочем, и в таком случае еще неодинакова. Допустим, как ты думаешь, что по смерти они будут и в одинаковом состоянии, а здесь одни из них провели все время в покое, а другие — в страдании. Но какой же тиран, какой жестокий и свирепый человек захотел бы так поступить с рабами, ему послушными? Видишь ли, какая чрезмерная нелепость и какой конец такого умствования? Итак, если ты не хочешь верить ничему другому, то вразумись хотя этим рассуждением, оставь свои нечестивые мысли, беги от порока, начни трудиться для добродетели, — и тогда увидишь ясно, что наша участь не ограничивается пределами настоящей жизни. А если кто спросит тебя: кто приходил с того мира и возвестил, что там делается? — отвечай ему так: из людей никто (да если бы кто и пришел оттуда, большая часть людей ему бы не поверила, думая, что он хвастает и преувеличивает то, о чем рассказывает); но Владыка ангелов все это возвестил нам с полным удостоверением. Итак, какая нам нужда в свидетельстве человеческом, когда сам Тот, Кто потребует от нас ответа, ежедневно проповедует, что Он уготовал и геенну, и царствие, и на все это представляет нам ясные доказательства? В самом деле, если бы Он не имел судить нас, то не посылал бы наказаний и здесь. Далее, чем объяснить и то, что некоторые из злых людей здесь наказываются, а другие нет? Если Бог нелицеприятен, — каков Он и на самом деле, — то почему

же Он одного наказывает, а другому попускает умирать без наказания? Это еще непонятнее того, что сказано прежде. Но если вы благосклонно желаете послушать меня, то я разрешу и это недоумение. Каким же образом? Бог не всех наказывает здесь для того, чтобы ты не отчаялся в воскресении и не перестал ожидать суда ввиду того, что все уже получили воздаяние здесь; не всех также оставляет и без наказания, чтобы ты опять не подумал, что вселенная не управляется провидением. Он и наказывает, и не наказывает. Когда наказывает, то этим дает разуметь, что от тех, которые не были наказаны здесь, Он потребует отчета там; когда же не наказывает, то этим заставляет тебя верить, что по отшествии из этой жизни будет страшный суд. Если бы Он вообще не хотел воздавать каждому свое, то и здесь никого бы ни наказывал, ни награждал. А теперь ты видишь, что Он для тебя и распростер небо, и возжег солнце, и основал землю, разлил море и воздух, установил течение луны, назначил непременяемые законы временам года и все прочее заставляет Своим мановением неуклонно совершать свое течение. И наша природа, и природа существ неразумных, пресмыкающихся, ходящих, летающих, плавающих, находящихся в озерах, источниках, реках, в горах, лесах, домах, в воздухе, на полях, – растения, семена, древа лесные и растущие в садах, плодоносные и неплодоносные, словом, все, будучи движимо не устающей Его рукой, содействует к сохранению нашей жизни и служит не только к удовлетворению наших нужд, но и к изобилию. Итак, видя столь прекрасный порядок в мире, – хотя мы не показали и малейшей его части, – дерзнешь ли ты сказать, что Тот, Кто столько благ устроил для тебя, при конце жизни презрит тебя и по смерти оставит тебя поверженным вместе с ослами и свиньями? Удостоив тебя бесценного дара благо-

честия и через него сделав тебя равным ангелам, ужели Он презрит тебя после бесчисленных твоих трудов и подвигов? Возможно ли это? Очевидно, нет. Это яснее самых лучей солнечных; и если мы умолчим, то камни возопиют об этом. Итак, сообразив все это, будем верить, что по отшествии из здешней жизни мы предстанем на страшный суд, отдадим отчет во всех делах своих и, если пребудем во грехах, то подвергнемся истязанию и казни, а если решимся хотя мало внимать себе, то удостоимся венцов и благ неизреченных; утвердившись же в этой вере, заставим молчать противомыслящих, а сами вступим на путь добродетели, чтобы с подобающим дерзновением предстать на тот суд и получить обетованные нам блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIV

Слышав же Иисус, яко Иоанн предан бысть, отыде в Галилею (Мф. IV, 12)

1. Для чего Он опять удаляется? Для того, чтобы научить нас не идти самим навстречу искушениям, но отступать и уклоняться от них. Не тот виновен, кто не бросается в опасности, но тот, кто в опасностях не имеет мужества. Итак, чтобы научить этому и укротить ненависть иудеев, Христос удаляется в Капернаум, исполняя пророчество, а вместе поспешая, подобно рыбарю, уловить учителей вселенной, которые, занимаясь своим искусством, проживали в этом городе. Заметь здесь, как Христос всякий раз, намереваясь удалиться к язычникам, побуждения для этого берет от иудеев. Так и в настоящем случае иудеи, умыслив зло

против Предтечи и посадив его в темницу, самого Иисуса прогоняют в языческую Галилею. А что под именем Галилеи разумеется ни какая-либо только часть народа иудейского, ни все колена вообще, это ты можешь видеть из слов, которыми пророк определяет эту страну: *земля Неффалимля, путь моря обон пол Иордана, Галилея язык. Людие, седящии во тме, видеша свет велий* (Ис. IX, 1). Тьмой здесь называет он не чувственную тьму, но заблуждение и нечестие, почему и прибавил: *седящим во стране и сени смертней, свет возсия им* (Ис. IX, 2). А чтобы видно было, что он говорит не о чувственном свете и тьме, для этого, говоря о свете, пророк называет его не просто светом, но светом великим, который в другом месте именует *светом истинным* (Ин. I, 9); а говоря о тьме, называет ее сенью смертной. Желая затем показать, что жители этой страны не сами искали и нашли этот свет, но Бог явил им свыше, Евангелист говорит: *свет возсия им* (Мф. IV, 16), то есть сам свет воссиял и осветил их, а не сами они наперед пришли к свету. В самом деле, род человеческий перед пришествием Христовым находился в самом бедственном состоянии; люди уже не ходили, а сидели во тьме; а это значит, что они даже и не надеялись освободиться от этой тьмы. Они даже не знали, куда нужно идти и, объятые тьмой, сидели, не будучи уже в силах и стоять.

Оттоле начат Иисус проповедати и глаголати: покайтеся, приближися бо царствие небесное (ст. 17). *Оттоле:* когда же это? С того времени, как Иоанн был посажен в темницу. Почему же Христос не проповедовал им сначала? Для чего Ему нужен был Иоанн, когда сами дела ясно свидетельствовали о Нем? С одной стороны, для того, чтобы отсюда видно было Его достоинство, когда и Он так же, как Отец, имеет пророков, о чем и Захария сказал: *и ты отроча пророк Вышняго наречешися* (Лк. 1, 76); с другой — для того, чтобы не оставить бесстыдным

иудеям никакого извинения. На это последнее сам Христос указал, когда говорил: *прииде Иоанн ни ядый, ни пия, и глаголют: беса иматъ. Прииде Сын человеческий ядый и пияй, глаголют: се человек ядца и винопийца, мытарем друг и грешником. И оправдися премудрость от чад своих* (Мф. XI, 18, 19). Притом и нужно было, чтобы о Христе наперед сказал кто-нибудь другой, а не сам Он. Если уж и после столь многих и столь сильных доказательств и свидетельств говорили: *Ты сам о Себе свидетельствуеши, свидетельство Твое несть истинно* (Ин. VIII, 13), то чего бы не сказали, если бы об Нем ничего не говорил Иоанн, а Он сам первый начал бы свидетельствовать о Себе народу? Вот почему Он и не проповедовал прежде Иоанна, и чудес не творил до тех пор, пока последний не был посажен в темницу. Он не хотел Своей проповедью произвести разделения в народе. По этой же причине и Иоанн не сотворил ни одного чуда, чтобы и этим привести ко Христу народ, привлекаемый к Нему силой Его чудес. И действительно, если уже, и после столь многих и великих чудес, ученики Иоанна и прежде, и после его заточения с ревностью смотрели на Иисуса, и если многие почитали Христом не Его, а Иоанна, то что было бы, если бы дело обстояло иначе? Вот для чего Евангелист Матфей и показывает, что Христос *оттоле начат проповедати*; и в начале Своего проповедования Он учил тому же, что проповедовал и Иоанн, а о самом Себе еще не говорил ничего, но продолжал только проповедь Крестителя, потому что пока еще не имели о Нем надлежащего понятия, хорошо было, если бы и это учение было принято.

2. По той же самой причине в начале Своей проповеди Христос и не предлагает ничего тягостного и прискорбного, подобно Иоанну. Тот упоминал о секире, о древе посекаемом, о лопате, о гумне, о неугасаемом огне (Мф. III, 10, 12); напротив, Христос начинает Свою

проповедь радостным благовестием о небесах и *царствии небесном,* уготованном слушающим Его. *И ходя при мори Галилейстем, виде два брата, Симона глаголемаго Петра, и Андрея брата его, вметающа мрежи в море, беста бо рыбаря. И глагола има: грядита по Мне, и сотворю вы ловца человеком. Она же оставльша мрежи, по Нем идоста* (Мф. IV, 18–20). Евангелист Иоанн иначе описывает их призвание. Из его слов видно, что это призвание было уже второе, – о чем можно заключить из многих признаков. Именно, у Иоанна говорится, что они пришли к Иисусу, когда Иоанн еще не был посажен в темницу; а здесь – что они пришли после его заточения. Там Андрей призывает Петра (Ин. I, 41, 42), а здесь обоих сам Христос. Притом Иоанн говорит, что Иисус, увидев Симона, идущего к Нему, сказал: *ты еси Симон сын Ионин; ты наречешися Кифа, еже сказается Петр* (Ин. I, 42). А Матфей утверждает, что Симон уже назывался этим именем; именно он говорит: *видев Симона глаголемаго Петра.* То же показывает и самое место, откуда они были призваны, и многие другие обстоятельства, – например и то, что они легко послушались Его, и то, что оставили все: значит, они еще прежде были хорошо приготовлены к этому. И действительно, из Иоаннова повествования видно, что Андрей приходил в дом к Иисусу и слышал от Него многое (Ин. I, 39); здесь же видим, что они, услышав одно только слово, тотчас за Ним последовали. Вероятно, что они, сначала последовавши за Иисусом, потом оставили Его и, увидя, что Иоанн посажен в темницу, удалились и опять возвратились к своему занятию; потому Иисус и находит их ловящими рыбу. Он и не воспрепятствовал им сначала удалиться от Него, когда они того желали, и не оставил их совершенно, когда удалились; но, дав свободу отойти от Себя, опять идет возвратить их к Себе. Вот самый лучший образ ловли.

Посмотрите же, какова их вера и послушание. Они заняты были своим делом (а вы знаете, как приманчива рыбная ловля); но, как скоро услышали призыв Спасителя, не замедлили, не отложили до другого времени, не сказали: «Сходим домой и посоветуемся с родственниками»; но, оставив все, последовали за Ним точно так же, как Елиссей последовал за Илиею (3 Цар. XIX, 20). Христос желает от нас такого послушания, чтобы мы ни на малейшее время не откладывали, хотя бы того требовала самая крайняя необходимость. Вот почему, когда некто другой пришел к Нему и просил позволения *погребсти отца своего* (Мф. VIII, 21, 22), Он и этого не позволил ему сделать, показывая тем, что последование за Ним должно предпочитать всему. Ты скажешь, что им много было обещано. Но потому-то я особенно и удивляюсь им, что они, не видев еще ни одного знамения, поверили столь великому обещанию и всему предпочли последование за Христом. Они поверили, что и они в состоянии будут уловлять теми же словами других, какими уловлены были сами. Да и это было обещано только Петру и Андрею; а Иакову и Иоанну и того не было сказано; только пример послушания первых проложил путь и им; впрочем, они и прежде много слышали об Иисусе. Далее — смотри, с какой подробностью Евангелист указывает на их бедность: Иисус нашел их чинящими сети свои (Мф. XV, 21). Они были бедны до такой степени, что не имели на что купить новых сетей и потому чинили обветшавшие. Между тем немалым доказательством их добродетели служит и то, что они легко переносят свою бедность, питаются от праведных трудов, друг с другом связаны узами любви, живут вместе с отцом и служат ему. Когда, таким образом, Христос уловил их, Он начинает в их присутствии творить чудеса, подтверждая делами то, что сказал о Нем Иоанн. Он начинает часто посещать синагоги,

научая этим учеников Своих, что Он не противник Богу и не обманщик какой-либо, но пришел согласно воле Отца; и при посещении синагог Он не только проповедовал, но и творил чудеса.

3. Всякий раз, когда происходит что-нибудь особенное и необыкновенное или когда вводится какой-либо новый образ жизни, Бог обыкновенно дает знамения, как бы в залог Своего могущества для тех, кто должен принять Его законы. Так, намереваясь создать человека, Он прежде сотворил весь мир, и потом дал уже ему в раю известный закон. Так, когда хотел дать закон Ною, опять совершил великие чудеса, изменил всю тварь, в ее основаниях повелел страшному наводнению целый год обдержать землю и посреди столь великого обуревания сохранил невредимым праведника. Так и Авраама оградил многими знамениями; даровал ему победу на брани, поразил ударами фараона и избавлял праотца от опасностей. Так и перед обнародованием закона иудеям Он явил дивные и великие чудеса, а потом дал уже закон. Так и здесь, намереваясь дать высшие правила жизни и предложить людям то, чего они никогда не слыхали, подтверждает слова Свои чудесами. Так как возвещаемое им царствие не было видимо, то видимыми знамениями Он и невидимое сделал видимым. И заметь, какую Евангелист наблюдает краткость; он не говорит о каждом исцелившемся подробно, но в немногих словах упоминает о множестве знамений: *приведоша к Нему*, говорит он, *вся болящия различными недуги, и страстьми одержимы, и бесныя, и месячныя, и расслабленныя, и исцели их* (ст. 24). Но спрашивается: почему Христос ни от кого из этих исцеленных не требовал веры? Почему не сказал им того, что после говорил: *веруете ли, яко могу сие сотворити* (Мф. IX, 28)? Это потому, что Он еще тогда не явил доказательств Своего могущества. Впрочем, немалую их веру доказало и то,

что они приступили к Нему и подводили больных. Они не приносили бы их издалека, если бы не имели к Нему великой веры. Последуем и мы за Христом. И мы имеем многие болезни душевные, а эти-то болезни Он преимущественно и желает уврачевать. Для того ведь Он врачует и телесные болезни, чтобы истребить и душевные. Приступим же к Нему и будем просить не каких-либо житейских благ, но отпущения грехов; Он и ныне подает (все нужное), если только просим прилежно. Тогда разнесся о Нем слух по всей Сирии, ныне же по всей вселенной. Стекались к Нему тогда жители разных стран, слыша, что Он исцеляет бесноватых, а ты, имея перед очами гораздо многочисленнейшие и важнейшие опыты Его могущества, не хочешь восстать и устремиться к Нему? Те оставляли и отечество, и друзей, и сродников, а ты не хочешь выйти из дома, чтобы приступить к Нему и получить гораздо лучшее? Но мы и этого от тебя не требуем. Оставь только злые привычки, и ты можешь, оставаясь дома со своими, удобно спастись. Имея какую-нибудь телесную болезнь, мы всеми силами стараемся освободиться от нее, а страдая тяжко от болезней душевных, мы медлим и отказываемся от врачевства. Потому мы не избавляемся и от телесных болезней, что необходимое для нас мы почитаем маловажным, а маловажное – необходимым, и, оставив самый источник зол, хотим очистить потоки. А что испорченность души есть причина болезней телесных, тому доказательством служит и тот расслабленный, который был в болезни тридцать восемь лет, и тот, которого спустили на одре, разобрав кровлю, а прежде всего – Каин. Да и многие другие примеры показывают то же. Итак, истребим источник зол, и тогда все потоки болезней иссякнут сами собой. Не одно расслабление телесное есть болезнь, но и грех; и последний еще более первого, так как душа лучше тела. Итак, приступим

и ныне ко Христу, будем просить Его, чтобы Он уврачевал расслабленную нашу душу и, оставив все житейское, будем заботиться только о духовном. Стяжав это, ты можешь пещись потом и об остальном. Не почитай себя безопасным, если не скорбишь о грехах своих; но о том-то особенно и стенай, что не чувствуешь сокрушения о своих беззакониях. Твое спокойствие происходит не от того, чтобы грех не угрызал, но от бесчувствия души, преданной греху. Представь себе, как терзаются чувствующие тяжесть грехов своих, как горько вопиют они, — горестнее, нежели те, кого режут или жгут! Что делают они, как страдают, сколько проливают слез, сколько испускают стенаний, чтобы освободиться от мучений совести? Этого они не стали бы делать, если бы сильно не страдали душой.

4. Всего лучше совсем не грешить; а если кто согрешил, то нужно чувствовать свой грех и исправляться. Если же этого не будет, то как мы станем умолять Бога и просить отпущения грехов, когда самим себе не даем в них никакого отчета? Когда сам ты, согрешивший, не хочешь знать и того, что согрешил, то о прощении каких грехов будешь просить Бога? О тех, которых не знаешь? И как ты можешь познать великость благодеяния? Итак, исповедуй все грехи твои подробно, чтобы узнать, сколь велик долг, который тебе прощается, и таким образом возбудишь в себе благодарность к своему Благодетелю. Оскорбив человека, ты упрашиваешь и друзей, и соседей, и самих привратников, тратишь деньги, теряешь много дней, ходя к нему и умоляя о прощении. И, хотя бы оскорбленный отогнал тебя однажды, и в другой раз, и тысячу раз, ты не отстаешь, но тем с большею ревностью усугубляешь свои моления. А раздражив Бога всяческих, мы небрежем о том, остаемся холодными, роскошествуем, упиваемся и делаем все то, к чему привыкли: когда же мы

Его умилостивим?.. Напротив, продолжая так жить, не раздражаем ли Его еще более? И действительно, нераскаянность во грехах гораздо более возбуждает Его гнев и негодование, нежели сам грех. Нам надлежало бы сокрыться в землю, не видеть солнца и даже не пользоваться воздухом за то, что, имея столь милостивого Владыку, мы раздражаем Его и, раздражая, даже не раскаиваемся в том. Он и во гневе Своем не только не имеет к нам ненависти и отвращения, но и гневается для того, чтобы хотя таким образом привлечь нас к Себе; ведь если бы Он, будучи оскорбляем, воздавал тебе одними благодеяниями, то ты еще более стал бы презирать Его. Чтобы этого не случилось, Он на время отвращает от тебя лицо Свое, чтобы соединить тебя с Собой навеки. Итак, одушевимся надеждой на его человеколюбие, принесем усердное покаяние прежде, нежели настанет день, в который самое покаяние не принесет нам никакой пользы. Ныне все от нас зависит; а тогда приговор над нами будет во власти одного Судьи. Итак, *предварим лице Его во исповедании* (Пс. XCIV, 2), будем плакать и рыдать. Если мы прежде дня Господня умилостивим Судью, чтобы Он отпустил нам согрешения, то не будем подлежать суду. В противном случае каждый из нас, перед лицом всей вселенной, приведен будет на суд, и мы не будем иметь никакой надежды получить прощение. Никто из живущих на земле, не получив разрешения во грехах, по переходе в будущую жизнь не может избежать истязаний за них. Но как здесь преступники из темниц приводятся на суд в оковах, так и по отшествии из этой жизни, все души приведутся на страшный суд, обремененные различными узами грехов. Подлинно, жизнь настоящая ничем не лучше темницы. Подобно тому, как, входя в темничный дом, мы видим всех обремененных оковами, так и теперь, если, устранив весь

внешний блеск, войдем в жизнь каждого, то увидим, что душа каждого обложена узами тяжелее железных, а особенно если взойдем в души богатых. Подлинно, чем большим они владеют богатством, тем более и уз на них. Подобно тому, как, видя узника, у которого и шея, и руки, а часто и ноги в железах, ты почитаешь его крайне несчастным, так и видя богатого, владеющего неисчетными сокровищами, не называй его счастливым, но за то-то самое и считай его самым злополучным. В самом деле, кроме того, что он в узах, при нем находится еще жестокий страж темничный – злое любостяжание, которое не позволяет ему выйти из темницы, но приготовляет для него тысячи новых оков, темниц, дверей и затворов и, ввергнувши его во внутреннюю темницу, еще заставляет его услаждаться своими узами, так что он не может даже найти и надежды освободиться от зол, его угнетающих. И если ты проникнешь мыслью во внутренность души его, то увидишь ее не только связанной, но и крайне безобразной, оскверненной и наполненной червями. Удовольствия сластолюбивой жизни ничем не лучше, но еще отвратительнее, потому что растлевают и тело и душу и поражают их бесчисленным множеством болезней. Представляя все это, будем молиться Искупителю душ наших, чтобы Он и разорвал оковы, и отогнал от нас того жестокого стража, и, освободив дух наш от тяжких железных уз, соделал бы его легче пера; а с молитвой к Нему соединим и собственное старание, и усердие, и благую готовность. Таким образом, мы сможем в короткое время освободиться от облежащих нас зол, и познать свое прежнее состояние, и воспринять дарованную нам прежде свободу, которой да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XV

Узрев же Иисус народы, взыде на гору, и седшу Ему, приступиша к Нему ученицы Его. И отверз уста Своя, учаше их глаголя: блажени нищии духом, яко тех есть царствие небесное (Мф. V, 1–3)

1. Смотри, как Христос далек был от честолюбия и гордости! Он не водил народа за Собой, но, когда нужно было врачевать, Сам ходил всюду, посещая грады и веси. А когда собралось великое множество, садится на одном месте, не в городе, не среди площади, но на горе, в пустыне, – научая тем нас ничего не делать напоказ, удаляться от шума, особенно когда нужно любомудрствовать и рассуждать о важных предметах. Когда взошел Он и сел, приступили ученики. Видишь ли, как они успевают в добродетели и как скоро сделались лучшими? Народ смотрел на чудеса, а ученики хотели уже слышать что-нибудь высокое и великое. Это-то и побудило Христа предложить учение и начать проповедь. Он не только исцелял тела, но врачевал и души и опять от попечения о душах переходил к попечению о телах, разнообразя пользу и соединяя с учением словесным явление знамений. Этим попечением как о душе, так и о теле Он заграждает бесстыдные уста еретиков, показывая тем, что Он есть виновник всецелой жизни. Потому-то Он и прилагал о теле и душе большое попечение, врачуя то первое, то последнюю. Так поступил Он и теперь. *Отверз*, говорит Евангелист, *уста Своя, учаше их*. Для чего это прибавлено: *отверз уста Своя?* Чтобы ты познал, что Он учил даже и тогда, когда молчал, не только когда говорил; учил то отверзая уста Свои, то вещая делами Своими. Когда же ты слышишь слова: *учаше их*, не думай, что Он говорит только к ученикам Своим, но что через учеников говорит и ко всем. Но так как толпа была необразованна, состояла из людей, еще

пресмыкавшихся долу, то Он, собрав перед Собой учеников, обращает к ним речь Свою и в беседе с ними так говорит, что учение мудрости делается занимательным и для всех прочих, которые почти совершенно были неспособны Его слушать. Намекая на это, и Лука сказал, что Он обратил речь к ученикам. И Матфей, показывая это, написал: *приступиша к Нему ученицы Его, и учаше их.* В виду этого и прочие должны были слушать внимательнее, нежели тогда, когда бы Он обратил речь Свою ко всем. Итак, с чего Христос начинает и какие полагает для нас основания новой жизни? Послушаем внимательно слов Его. Говорено было к ученикам, а написано для всех, которые будут после них. Потому-то и Христос, хотя обращается с проповедью к ученикам, но не к ним относит слова Свои, а говорит о всех блаженствах неопределенно. Не сказал: блаженны вы, если будете нищими, но – *блажени нищии.* Даже, если бы говорил и к ним одним, и тогда Его проповедь относилась бы ко всем. В самом деле, когда, например, Он говорит: *се Аз с вами есть во вся дни до скончания века* (Мф. XXVIII, 20), то говорит не к ним одним, но через них и ко всей вселенной. Равным образом, когда ублажает их за претерпение преследований, гонений, жестоких страданий, то сплетает венец не одним им, но и всем так живущим. Но чтобы это было яснее и ты узнал, что слова Его имеют большое отношение и к тебе, и ко всему роду человеческому, если кто внимателен, – послушай, как Он начинает дивное слово Свое: *блажени нищии духом, яко тех есть царствие небесное.* Что значит: нищие духом? Смиренные и сокрушенные сердцем. Духом Он назвал душу и расположение человека. Так как есть много смиренных не по своему расположению, а по необходимости обстоятельств, то Он, умолчав о таких (потому что в том невелика слава), называет прежде всего блаженными тех, которые по своей воле сми-

ряют себя и уничтожают. Почему же не сказал Он: смиренные, а сказал: *нищие?* Потому, что последнее выразительнее первого; нищими Он называет здесь тех, которые боятся и трепещут заповедей Божиих, которых и через пророка Исаию Бог называет угодными Себе, говоря: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих* (Ис. LXVI, 2)?

2. Много степеней смирения: иной умеренно смирен, а иной с преизбытком. Последнего рода смирение восхваляет и блаженный пророк, когда он, описывая нам не просто смиренное, но весьма сокрушенное сердце, говорит: *жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. L, 19). И три отрока, вместо великой жертвы, приносят Богу это смирение, говоря: *но душею сокрушенною и духом смиренным да прияти будем* (Дан. III, 39). Такое смирение ублажает здесь и Христос. Все величайшие бедствия, удручающие всю вселенную, произошли от гордости. Так и диавол, не бывший прежде таковым, сделался диаволом от гордости, на что указывая, и Павел сказал: *да не разгордевся в суд впадет диавол* (1 Тим. III, 6). Так и первый человек, обольщенный от диавола пагубной надеждой, пал и сделался смертным; он надеялся стать богом, но потерял и то, что имел. За то и Бог, порицая его и как бы смеясь над его неразумием, сказал: *се Адам бысть яко един от нас* (Быт. III, 22). Так и каждый после Адама, мечтая о своем равенстве с Богом, впадал в нечестие. Так как, следовательно, гордость есть верх зол, корень и источник всякого нечестия, то Спаситель и приготовляет врачевство, соответствующее болезни, полагает этот первый закон как крепкое и безопасное основание. На этом основании с безопасностью можно созидать и все прочее. Напротив, если этого основания не будет, то хотя бы кто до небес возвышался жизнью, все это легко разрушится и будет иметь худой конец. Хотя бы ты

отличался постом, молитвой, милостыней, целомудрием или другой какой добродетелью, все это без смирения разрушится и погибнет. Так случилось с фарисеем. Взойдя на самый верх добродетели, он ниспал с него и потерял все потому, что не имел смирения – матери всех добродетелей. Как гордость есть источник всякого нечестия, так смирение есть начало всякого благочестия. Потому-то Христос и начинает со смирения, желая с корнем исторгнуть гордость из души слушателей. Какое же имеет это отношение к ученикам, которые всегда были смиренны? Они не имели никакого повода к гордости, будучи рыбаками, бедными, незнатными, неучеными. Но если это не относилось к ученикам, то относилось к тем, которые были там и которые после должны были принимать учеников, чтобы последние не были в презрении по причине своей нищеты. Впрочем, слова Христа относились и к ученикам. Если в то время они и не имели нужды в этом полезном наставлении, то могли иметь впоследствии – по совершении знамений и чудес, после такой славы в целом мире и после такого дерзновения к Богу. Поистине, ни богатство, ни власть, ни самое царское достоинство не могли столько внушить гордости, сколько все то, что имели апостолы. Впрочем, еще и до совершения знамений они могли возгордиться, могли поддаться слабости человеческой, когда видели многочисленное собрание народа, окружавшее их Учителя. Потому-то Христос наперед и смиряет их помыслы. Преподаваемое учение Христос излагает не в виде увещаний или повелений, а в виде блаженства, делая, таким образом, проповедь Свою занимательнее и для всех открывая поприще учения. Не сказал: такой-то и такой блажен, а – все, так поступающие, блаженны, так что хотя бы ты был рабом, бедняком, нищим, бесприютным, необразованным, нет никакого препятствия к тому, чтобы быть тебе

блаженным, если будешь иметь эту добродетель. Начавши с того, с чего преимущественно и должно было начать, Христос переходит к другой заповеди, которая, по-видимому, противоречит мнению целой вселенной. В самом деле, тогда как все почитают блаженными радующихся, а сетующих, бедных и плачущих – несчастными, Он вместо первых называет блаженными последних, говоря так: *блажени плачущии,* хотя все почитают их несчастными (ст. 4). Но Христос для того наперед и творил знамения, чтобы, предписывая подобные правила, более иметь доверенности к Себе. И здесь опять не просто разумеет плачущих, но плачущих о грехах своих, так как есть другой плач, вовсе непозволительный – плач о житейских предметах, на что указал и Павел, говоря: *сего мира печаль смерть соделовает, а печаль яже по Возе покаяние нераскаянно во спасение соделовает* (2 Кор. VII, 10).

3. Этих-то печалящихся Христос здесь и называет блаженными; и не просто печалящихся, но тех, которые предаются сильной печали. Потому и не сказал: печалящиеся, но: *плачущие.* Действительно, и эта заповедь научает также всякому благочестию. В самом деле, если тот, кто оплакивает смерть детей, жены или когонибудь из родственников, в это время скорби не увлекается ни любовью к богатству и плоти, ни честолюбием, не раздражается обидами, не снедается завистью, ни другой какой-либо предается страсти, а бывает всецело поглощен скорбью, то не гораздо ли более покажут свое бесстрастие относительно всего этого те, которые подобающим образом оплакивают грехи свои? Какая же будет им награда? *Яко тии утешатся,* говорит Христос. Скажи мне, где они утешатся? И здесь и там. Так как эта заповедь была слишком тяжка и трудна, то Он обещает то, что наиболее могло бы облегчить ее. Итак, если хочешь иметь утешение – плачь. И не почитай

этих слов иносказательными. Подлинно, когда Бог утешает, то хотя бы тысячи горестей с тобой случились, все победишь, потому что Бог всегда награждает труды с преизбытком. То же сделал Он и здесь, когда сказал, что *плачущии блаженны*, — не потому, чтобы сам плач стоил того, но по Его человеколюбию (то есть награда обещана не по важности действия, но по любви Его к людям). В самом деле, плачущие оплакивают грехи свои, а для таких довольно только получить прощение и оправдание. Но как Христос весьма человеколюбив, то Он и не ограничивает награды отменением наказания и оставлением грехов, но еще делает таких людей блаженными и подает великое утешение. А плакать нам повелевает не о своих только грехах, но и о грехах других. Так поступали святые, как то: Моисей, Павел, Давид; все они часто оплакивали чужие грехи. *Блажени кротцыи, яко тии наследят землю* (ст. 5). Скажи мне, какую наследуют землю? Некоторые говорят, что наследуют землю духовную. Но это несправедливо. В Писании нигде не упоминается о земле духовной. Что же значат эти слова? Христос разумеет здесь чувственную награду, как и Павел, когда он вслед за словами: *чти отца твоего и матерь твою*, присовокупляет: *будеши долголетен на земли* (Еф. VI, 2, 3). Равным образом и сам Господь сказал разбойнику: *днесь со Мною будеши в раи* (Лк. XXIII, 43). Применяясь к тем слушателям, которые более предаются чувственному и прежде ищут настоящего, нежели будущего, Христос не поощряет их будущими только благами, но и настоящими. Потому-то и далее в Своей беседе, сказав: *буди увещаваяся с соперником твоим*, за такое благоразумное дело определяет награду, говоря: *да не предаст тебе, соперник судии, и судия слузе* (Мф. V, 25). Видишь, откуда Он заимствовал угрозы! От предметов чувственных, от самых обычных явлений. И еще: *иже аще речет брату своему: рака, повинен есть*

сонмищу (ст. 22). Также и Павел весьма часто указывает на чувственные награды и заимствует побуждения от предметов настоящих, например когда рассуждает о девстве: тут он совсем не упоминает о небесах, а побуждает настоящими благами, говоря: *за настоящую нужду,* и: *аз же вы щажду,* и: *хощу же вас беспечальных быти* (I Кор. VII, 36, 28, 32). Так и Христос с духовными наградами соединил чувственные. Так как кроткий человек может подумать, что он теряет все свое имущество, то Христос обещает противное, говоря, что он-то безопасно и владеет своим имуществом: он ни дерзок, ни тщеславен; кто же, напротив, будет таковым, тот может лишиться и наследственного имения, и даже погубит самую душу. Впрочем, так как и в Ветхом уже Завете часто пророк говорил: *кротцыи наследят землю* (Пс. XXXVI, 11), то Христос выражает, следовательно, Свою мысль словами, уже им известными, чтобы не везде употреблять новые выражения. Однако в Своих словах Он не ограничивает наград настоящими благами, но вместе предлагает и будущие. Когда Он говорит о чем-нибудь духовном, то не отвергает и выгод настоящей жизни; равным образом, когда обещает что-нибудь в здешней жизни, то этим еще не ограничивает Своего обещания. *Ищите,* говорит Он, *царствия Божия, и сия вся приложатся вам* (Мф. VI, 33). И еще: *всяк, иже оставит дом, или братию, сторицею приимет в веке сем, и в грядущем живот вечный наследит* (XIX, 29). *Блажени алчущии и жаждущии правды* (V, 6). Какой правды? Говорит ли Он о добродетели вообще или разумеет тот вид правды, который противоположен любостяжанию? Так как Он намеревался предложить заповедь о милосердии, то и научает, как должно оказывать его; именно, называет здесь блаженными тех, которые стараются о правде, воспрещающей хищение и любостяжание.

4. Вникни и в то, с какой силой Он выразил Свою заповедь! Он не сказал: блаженны те, которые ищут правды, но — *блажени алчущии и жаждущии правды,* внушая этим, чтобы мы не как-нибудь, но с полной любовью стремились к ней. А как полную любовь имеют сребролюбивые, то есть они не столько заботятся об удовлетворении голода и жажды, сколько о том, чтоб более и более иметь и приобретать, то Христос повелевает обращать подобную любовь к нелюбостяжанию. Потом Он опять представляет чувственную награду, говоря: *яко тии насытятся.* Так как многие думают, что сребролюбие делает богатыми, то Он говорит, что бывает напротив, то есть что богатыми делает правда. Итак, поступая справедливо, не бойся бедности и не страшись голода. Поистине, те-то особенно и лишаются всего, которые похищают чужое, а кто любит справедливость, тот владеет всем безопасно. Если же не похищающие чужого имения наслаждаются таким благоденствием, то гораздо больше те, которые свое раздают. *Блажени милостивыи* (ст. 7). Здесь, мне кажется, говорит Он не столько о тех, которые оказывают свое милосердие деньгами, но и о тех, которые оказывают его делами. Есть много различных видов милосердия, и заповедь эта обширна. Какая же награда за милосердие? *Яко тии помилованы будут.* Такое воздаяние, по-видимому, равносильно добродетели; но на самом деле оно много превосходит добродетель. В самом деле, милостивые милостивы, как люди; а сами получают милость от Бога всяческих. Милосердие же человеческое и Божие не равны между собой, а отличаются одно от другого так же, как зло — от добра. *Блажены чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (ст. 8). Вот опять духовная награда! Чистыми здесь Он называет тех, которые приобрели всецелую добродетель и не сознают за собой никакого лукавства, или тех, которые проводят жизнь в

целомудрии, потому что для того, чтоб видеть Бога, мы ни в чем столько не имеем нужды, как в этой добродетели. Потому и Павел сказал: *мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. XII, 14). Видение же здесь разумеет такое, какое только возможно для человека. Так как многие бывают милостивы, не похищают чужого, не сребролюбивы, а между тем любодействуют и предаются похоти, то Христос, показывая, что недостаточно первого, присоединяет и эту заповедь. То же самое и Павел, в послании к Коринфянам, подтвердил примером македонян, которые богаты были не только милосердием, но и другими добродетелями: указывая там на щедрость их в раздаянии имуществ, он говорит, что они «предали себя Господу и нам» (2 Кор. VIII, 5). *Блажени миротворцы* (ст. 9). Здесь Христос не только осуждает взаимное несогласие и ненависть людей между собой, но требует еще более, – именно того, чтобы мы примиряли несогласия и других; и опять представляет также духовную награду. Какую же? *Яко тии сынове Божии нарекутся,* так как и дело Единородного Сына Божия состояло в том, чтобы соединить разделенное и примирить враждующее. Потом, чтобы ты не подумал, что мир везде есть дело похвальное, Христос присоединил и эту заповедь: *блажени изгнани правды ради* (ст. 10), – то есть гонимые за добродетель, за покровительство другим, за благочестие, так как правдой обыкновенно Он всегда называет полное любомудрие души. *Блажени есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол, на вы лжуще Мене ради* (ст. 11). *Радуйтеся и веселитеся* (ст. 12). Христос как бы так сказал: хотя бы вас называли обманщиками, льстецами, злодеями или другим каким именем, – вы все же блаженны. Что, кажется, страннее таких наставлений, – называть вожделенным для человека то, чего, по мнению других, нужно избегать, то есть: нищету,

слезы, гонения, поношения. И, однако, Он не только изрек эти заповеди, но внушил к ним и веру и убедил не двух, не десять, не двадцать, не сто или тысячу человек, а всю вселенную. И толпы народа, слушая столь тяжкие, трудные и противные общему понятию наставления, изумлялись. Такова была сила слов небесного Наставника!

5. Впрочем, чтобы ты не подумал, что одни поношения, какие бы то ни было, делают людей блаженными, Христос определяет эти поношения двумя видами, именно, когда мы терпим их ради Него и когда они будут ложны. Если же не будет ни того ни другого, то поносимый не только не блажен, но и несчастлив. Посмотри, какая опять награда: *яко мзда ваша многа на небесех.* Если ты слышишь, что не при каждом роде блаженства даруется царство небесное, не унывай. Хотя Христос различно описывает награды, но всех вводит в царство. И когда Он говорит, что плачущие утешатся, и милостивые будут помилованы, и чистые сердцем узрят Бога, и миротворцы назовутся сынами Божиими, — всем этим Он означает не что иное, как царство небесное. Кто получит те блага, тот получит, конечно, и царство небесное. Итак, не думай, что этой награды удостоятся одни только нищие духом; ее получат и жаждущие правды, и кроткие, и все прочие. Он для того при каждой заповеди и упомянул о блаженстве, чтобы ты не ожидал ничего чувственного. Не может быть блаженным награждаемый тем, что в настоящей жизни разрушается и исчезает скорее тени. Сказав: *мзда ваша многа,* Христос присовокупил еще другое утешение: *тако бо изгнаша пророки, иже беша прежде вас.* Так как приближалось царствие и было ожидаемо, то Он представляет им утешение в общении с теми, которые прежде их пострадали. Не думайте, говорит Он, будто вы страдаете потому, что говорите и предписываете вопреки спра-

ведливости, или что вас будут гнать, как проповедников нечестивых учений. Вы подвергнетесь наветам и опасностям не потому, будто вы неправо учите, а по злобе слушающих. Поэтому и клеветы падут не на вас – страдальцев, а на тех, которые так худо поступают. Об этом свидетельствует все прежнее время. И пророков не обвиняли в беззаконии или безбожном учении, когда некоторых из них побивали камнями, других изгоняли, а иных подвергали другим бесчисленным бедствиям. Итак, да не устрашает это вас. По тем же соображениям и ныне все делают. Видишь ли, каким образом Он ободряет их, ставя их наравне с Моисеем и Илией? Так и апостол Павел в послании к Фессалоникийцам говорит: *вы бо подобницы бысте Церквам Божиим, сущим во Иудеи. Зане таяжде и вы пострадаете от своих сплеменник, якоже и тии от Иудей, убивших и Господа Иисуса, и Его пророки, и нас изгнавших, и Богу не угодивших, и всем человеком противящихся* (1 Сол. II, 14, 15). То же самое и здесь Христос сделал. Хотя Он о других блаженствах говорил: *блажени нищии, блажени милостивии;* но здесь говорит Он уже определенно, и прямо обращает речь Свою к ученикам: *блажени есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол,* показывая, что это по преимуществу относится к ним и свойственно перед всеми прочими учителям. Вместе с тем здесь Он показывает Свое достоинство и равночестие с Отцом. Он говорит: как пророки страдали ради Отца, так вы будете страдать ради Меня. Когда же Он говорит: *пророки, иже беша прежде вас,* то этим показывает, что и сами они уже были пророками. Потом, желая показать, что страдания особенно для них полезны и служат к их славе, не сказал, что вас будут поносить и преследовать, а Я этому воспрепятствую. Он хочет обезопасить их не от того, чтобы они ничего худого о себе не слыхали, но чтобы худые слухи переносили великодушно и оправдывали себя

делами, потому что последнее гораздо лучше первого и не унывать во время страданий гораздо важнее, чем совсем не страдать. Потому Он здесь и говорит: *мзда ваша многа на небесех.* По повествованию Евангелиста Луки, Христос изрек это еще сильнее и утешительнее. Он не только называет блаженными тех, которые терпят поношение за Господа, но и называет несчастными тех, о которых все говорят доброе. Он говорит: *горе вам, егда добре рекут вам еси человецы* (Лк. VI, 26). И об апостолах говорили доброе, но не все. Поэтому Он и не сказал: когда доброе будут говорить об вас люди; но прибавляет слово – *все.* Действительно, невозможно, чтобы добродетельные всеми были хвалимы. И опять говорит: когда *пронесут имя ваше яко зло, радуйтеся и веселитеся* (там же, ст. 22, 23). Он определил награду не только за опасности, которым они подвергались, но и за поношение. Поэтому Он не сказал: когда изгонят вас и убьют; но – когда будут поносить вас и всячески злословить. Поистине злословие уязвляет гораздо более, нежели самые дела. В опасностях есть много такого, что облегчает скорбь, например когда все поощряют, многие одобряют, хвалят и прославляют. Но здесь, в злословии, отнимается и самое утешение. Переносить злословие не считается за великий подвиг, хотя на самом деле злословие уязвляет подвижника более, чем сами опасности. Многие налагают на себя руки, не в силах будучи перенесть худой о себе молвы. И что дивиться на других, когда эта-то именно причина более всего побудила удавиться того бесстыдного и гнусного предателя, который совершенно потерял стыд ко всему. И Иов – этот адамант, тверже самого камня, – когда потерял свое имущество, претерпел несносные мучения, лишился вдруг всех детей, когда увидел тело свое преисполненное червями, укоряющую жену, то все легко переносил. Когда же увидеть друзей, которые его по-

рицали, ругались над ним и, злословя его, говорили, что он терпит это за грехи свои и несет наказание за пороки свои, тогда и этот мужественный и великий подвижник поколебался и пришел в смятение.

6. Подобным образом и Давид, забыв все, что он терпел, просил у Бога мздовоздаяния только за понесенное им злословие: оставь *его* (Семея) *проклинати,* говорит он, *яко рече ему Господь:* да *призрит Господь на смирение мое и* воздаст *ми благая, вместо клятвы во днешний день* (2 Цар. XVI, 11, 12). И Павел восхваляет не только подвергающихся опасностям, не только лишающихся имения, но и тех, которые терпят злословие, говоря: *воспоминайте первая дни, в них же просветившеся, многия страсти претерпесте страданий; ово убо поношенми и скорбми позор бывше* (Евр. X, 32). Потому и Христос положил за это великую награду. Но чтобы кто не сказал: почему же Ты ныне не отомщаешь злословящим и не заграждаешь уст их, а обещаешь награду на небесах? – Христос представил для этого пророков, показывая, что Бог и в их время не отомщал врагам их. Но если и тогда, когда воздаяние было на виду, Бог поощрял их надеждой на будущее, то гораздо более Он поощряет ныне, когда и самая надежда на будущее прояснилась, и любомудрие стало выше. Заметь и то, после скольких заповедей предложил эту последнюю. Он сделал это не без намерения и желал показать, что тот, кто заранее не приготовлен и не утвержден всеми теми заповедями, не может вступать и в эти подвиги. Потому-то Христос сплел нам из этих заповедей златую цепь, всегда пролагая путь от предыдущей заповеди к последующей. В самом деле, человек смиренный будет оплакивать и грехи свои; оплакивающий свои грехи будет и кротким, и праведным, и милостивым; милостивый, праведный и сокрушенный будет непременно и чистым по сердцу, а такой будет и миротворцем; а кто всего

этого достигнет, тот будет готов и к опасностям, не устрашится злоречия и бесчисленных бедствий. Дав ученикам приличное наставление, Господь снова подкрепляет их похвалами. Так как заповеди были высоки и труднее ветхозаветных, то, чтобы ученики не поколебались, не пришли в смятение и не сказали: как мы можем их исполнять? – слушай, что сказал Господь: *вы есте соль* земли (ст. 13), показывая этими словами, что Он по необходимости дает такие заповеди. Учение, которое вам поручается, говорит Христос, должно относиться не к одной только вашей жизни, но и ко всей вселенной. Я посылаю вас не в два, не в десять, не в двадцать городов, посылаю не к одному народу, как некогда пророков, но на сушу и море, во всю вселенную, притом преисполненную зла. Словами: *вы есте соль* земли, Христос показал, что все человечество помрачилось и повредилось от грехов. Потому-то Он и требует от учеников таких добродетелей, которые были особенно необходимы и полезны к исправлению других. В самом деле, кто кроток, тих, милостив и праведен, тот не для себя только одного творит добрые дела, но старается эти благие источники добра излить и на пользу других. Также и чистый сердцем, и миролюбивый, и гонимый за истину живет для блага общего. Итак, не думайте, говорит Христос, что вам предстоят легкие подвиги; не думайте, что слова Мои: *вы есте соль* земли маловажны. Что же? Неужели они в самом деле исправили то, что уже испортилось? Нет, так как солью нельзя помочь тому, что уже испортилось. Они этого и не делали, а осоляли уже прежде исправленное, им переданное и освобожденное от зловония, содержа и сохраняя в том самом обновлении, в каком приняли от Господа. Освободить от зловония греховного – было дело Христа. Апостолы же должны были трудиться и заботиться о том, чтобы исправленное

опять не пришло в первое свое состояние. Замечаешь ли, как Христос мало-помалу возвышает учеников перед самими пророками? Он называет их учителями не одной Палестины, но целой вселенной, и не просто учителями, но еще учителями страшными. И то удивительно, что ученики не лестью и не угождением, но сдерживающим, наподобие соли, действием для всех сделались достолюбезными. Итак, не дивитесь, говорит Христос, если Я, оставив других, беседую с вами и подвергаю вас стольким опасностям. Рассудите только, скольким городам, народам и языкам Я хочу послать вас в наставники. Потому Я и хочу, чтобы вы не только сами были благоразумны, но и других делали такими. Быть благоразумными особенно нужно тем, от которых зависит спасение других, и столько нужно им иметь в себе добродетели, чтобы можно было уделять ее в пользу других. Если вы не будете такими, то и сами не спасетесь.

7. Итак, не огорчайтесь, если слова Мои кажутся вам тяжкими. Через вас и другие заблудившиеся могут образумиться, а если вы утратите свою силу, то погубите с собой и других. Поэтому, чем важнее возложены на вас обязанности, тем более вы должны иметь ревности. Потому и говорит Христос: *аще же соль обуяет, ним осолится? Ни во чтоже будет ктому, точию да изсыпана будет вон и попираема человеки*. Другие, если и много раз согрешат, все-таки могут быть прощены; но учитель, если согрешит, не может ничем извинить себя и должен понести тягчайшее наказание. Чтобы ученики, слыша слова: *егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы,* не устрашились всенародно проповедовать, Христос говорит, что если вы не решаетесь на это дело, то напрасно и избраны. Не злословия надобно бояться, но того, чтобы не представить из себя лицемеров; в таком случае вы покажете себя неразумными и достойными

презрения. Если же вы будете строги в обращении и за это подвергнетесь злословию, радуйтесь. Таково именно свойство соли, что она едкостью остроты своей неприятна на вкус людей сластолюбивых. Злословие, следовательно, необходимо будет преследовать вас, но нисколько не повредит вам; напротив, будет свидетельствовать о вашей твердости. Если же вы, устрашась злословия, оставите подобающую вам твердость, то подвергнетесь тягчайшим бедствиям; вас все будут и злословить, и презирать, а это-то самое и значит: *попираема*. Вслед за тем Христос переходит к другому, высшему сравнению: *вы есте*, говорит Он, *свет мира* (ст. 14). Опять – *мира*, не одного народа, не двадцати городов, но всей вселенной; свет духовный – подобно как и соль духовная, – который превосходнее лучей видимого солнца. Сперва Он назвал их солью, а потом светом, чтобы ты знал, сколько выгод от строгих слов и сколько пользы от чистого учения. Оно обуздывает и не позволяет рассеиваться, но направляя к добродетели, делает внимательным. *Не может град укрытися верху горы стоя. Ниже вжигают светильника и поставляют под спудом* (ст. 14, 15). Этими словами Христос опять побуждает учеников Своих к строгой жизни, научая их быть осторожными, так как им надлежало явиться перед лицом всех и подвизаться на поприще целого мира. Не смотрите, говорит, на то, что мы сидим теперь здесь, что мы находимся в самой малой частичке мира. Нет, – вы так будете приметны всем, как город, стоящий на верху горы, как светильник, поставленный на подсвечнике и светящий всем, находящимся в доме.

Где теперь неверующие в могущество Христово? Пусть услышат это и, подивившись силе пророчества, благоговейно поклонятся Его могуществу! Подумай, в самом деле, сколько обещано было тем, которые были неизвестны даже в своем городе! Земля и море узнают

их, и слава о них распространится до пределов вселенной, или – лучше – не слава, а сами их благодеяния, потому что не громкая слава сделала их везде известными, но величие самих дел. Они, как птицы, пронеслись через всю вселенную быстрее солнечного луча, распространяя повсюду свет благочестия. Здесь Христос, по моему мнению, старается в учениках Своих поселить еще смелость, потому что словами: *не может град укрытися верху горы стоя* ясно выражает Свое могущество. Как такой город не может укрыться, так и благовествованию невозможно утаиться и остаться в неизвестности. Так как прежде Христос говорил о гонениях, злословии, наветах и вражде, то, чтобы ученики не подумали, что все это может воспрепятствовать их проповеди, Он, ободряя их, говорит, что благовествование не только не останется в неизвестности, но и просветит всю вселенную, а через это и сами они станут славными и знаменитыми. Итак, здесь Христос показывает Свое могущество, а в последующих словах требует смелости от Своих учеников. *Ниже вжигают,* говорит Он, *светильника и поставляют под спудом, но на свещнице, и светит всем, иже в храмине суть. Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, иже на небесех* (ст. 15, 16). Я, говорит Он, возжег свет, а вы своим старанием должны поддерживать этот свет, – и это не для себя только самих, но и для других, которые должны воспользоваться его сиянием и руководствоваться им к истине. Злословие нимало не затмит вашего света, если вы должным образом станете проводить жизнь свою, если будете жить так, как подобает людям, которые должны обратить всю вселенную. Покажите жизнь, вполне достойную благодати, чтобы благовествование ваше везде оправдывалось вашей доброй жизнью. Кроме спасения людей, Христос показывает затем и другую пользу, которая может побудить

учеников к усерднейшему и ревностнейшему исполнению их обязанностей. Если хорошо будете жить, говорит Он, то не только обратите всю вселенную, но и будете способствовать к славе имени Божьего; напротив, худой жизнью и людей погубите, и дадите повод к хуле имени Божьего.

8. Каким же образом, скажешь ты, прославится через нас Бог, если люди будут злословить нас? Но не все; да и самые злословящие нас будут делать это по зависти, в сердце же своем они будут почитать и удивляться нам, подобно тому, как есть люди, которые явно льстят нечестивым, а в сердце своем обвиняют их. Что же прикажешь? Жить нам для тщеславия и честолюбия? Нет, я не то говорю. Я не сказал: старайтесь выставлять на вид добрые дела ваши, показывайте их; но сказал только: *да просветится свет ваш*, то есть да будет добродетель ваша велика, огонь обилен, свет неизречен. Когда добродетель будет такова, то скрыть ее невозможно, хотя бы тот, кто имеет ее, всячески старался укрывать. Итак, показывайте жизнь безукоризненную, и никто не будет иметь достаточной причины злословить вас. Пусть злословящих будет бесчисленное множество, никто, однако же, не сможет затмить славу вашу. Хорошо сказано слово: *свет*. Действительно, ничто так не распространяет славы о человеке, как блеск добродетели, хотя бы этот человек и старался всеми мерами скрыть его. Он как бы окружен солнечным лучом и светит яснее самого луча, простирая свое сияние не на землю только, но и на самое небо. Здесь Христос утешает учеников Своих еще более. Пусть прискорбно вам, говорит Он, когда вас поносят; но многие через вас соделаются истинными поклонниками Богу. И в том, и другом случае вам готовится награда: и когда вы будете терпеть злословие для Бога, и когда через вас прославляют Бога. Но чтобы мы не старались рас-

пространять худой молвы о себе, зная, что за это будет награда, Христос не просто сказал о злословии, но указал только на два вида его, именно: когда о нас говорят ложно и когда злословят нас для Бога. Но в то же время Христос показывает, что не только такое злословие приносит великую пользу, но и хорошая слава, когда через нее распространяется слава Божия. Здесь Христос подкрепляет учеников благими надеждами. Это злословие нечестивых, говорит Он, не так сильно, чтобы и другим могло воспрепятствовать видеть свет ваш. Тогда только будут попирать вас, когда вы помрачите себя, но не тогда, когда будете поступать хорошо. Напротив, тогда многие будут удивляться вам, и не только вам, но через вас и Отцу вашему. Далее, Христос не сказал: прославят Бога, но — Отца, чем полагает начатки достоинства, которое будет даровано им. Потом, чтобы показать Свое равночестие с Отцом, Христос сказал прежде: не скорбите, когда худое о себе услышите, потому что довольно с вас, что вы это ради Меня слышите, — а здесь указывает на Отца, везде обнаруживая равенство. Итак, если мы знаем, какая польза происходит от упражнения в добродетели и какая опасность от беспечности (потому что поношение из-за нас Господа нашего гораздо хуже нашей погибели), то не будем подавать соблазна ни иудеям, ни язычникам, ни верным, а будем вести такую жизнь, которая бы сияла светлее солнца. Пусть кто-нибудь нас злословит; мы не тогда должны скорбеть, когда слышим это злословие, но тогда, когда оно справедливо. Если мы будем жить в нечестии, то хотя бы никто нас не злословил, мы всех несчастнее; напротив, если мы будем жить добродетельно, то хотя бы вся вселенная говорила о нас худое, и тогда мы будем счастливее всех и привлечем к себе всех желающих спастись, потому что они будут обращать внимание не на

злословия нечестивых, но на добродетельную жизнь. Подлинно, глас добродетели громче всякой трубы, и жизнь чистая светлее самого солнца, хотя бы злословящих было неисчислимое множество. Итак, если мы будем иметь все упомянутые добродетели: если будем кроткими, смиренными, милостивыми, чистыми, миротворцами, не будем отвечать на оскорбления оскорблением, а, напротив, принимать их даже с радостью, то мы всех взирающих на нас привлечем этим не менее, как и чудесами, и все охотно устремятся к нам, хотя бы кто был неукротим, подобно зверю, хотя бы кто был лукав, подобно злому духу, – словом, как бы кто ни был худ. Если же явятся и злословящие, не беспокойся этим; не смущайся, что тебя злословят пред людьми, но рассмотри совесть злословящих, и ты увидишь, что они рукоплещут тебе, удивляются и внутренне осыпают бесчисленными похвалами. Так, обрати внимание, с какой похвалой говорил Навуходоносор о тех отроках, которые были в печи, несмотря на то, что был их врагом и гонителем. Так как он увидел их мужество, то хвалит их и прославляет, и за то именно, что они не покорились ему и остались верны закону Божьему (Дан. III). Так-то диавол, когда видит, что нисколько не успевает, уходит, наконец, боясь, чтобы не доставить нам своими кознями большей славы. А когда он удалится и напускаемая им тьма рассеивается, тогда всякий, как бы ни был развращен и нечестив, познает добродетель. Если же и люди не поймут тебя, то будешь иметь у Бога похвалу и большую славу.

9. Итак, не скорби, и не малодушествуй. И *апостолы для одних были запахом смертоносным, а для других запахом живительным* (2 Кор. II, 16). Если ты не подал никакого повода к злословию, то ты свободен от всякого обвинения; напротив, ты сделался даже счастливейшим человеком. Пусть же сияет твоя жизнь, и не обращай ника-

кого внимания на тех, кто злословит тебя; невозможно ведь, совершенно невозможно, чтобы добродетельные не имели у себя многих врагов. Но от них ничего не потерпит добродетельный человек: напротив, он через это еще более прославится. Итак, размышляя об этом, будем иметь в виду одно – вести жизнь свою добродетельно. Ведя так жизнь, мы и сидящих во тьме будем руководить к небесной жизни. Такова сила этого света, что он не только здесь сияет, но и освещает путь идущим туда. Когда сидящие во тьме увидят, что мы презираем все настоящее и стремимся к будущему, тогда они и без слов, самими делами нашими, убедятся в этом. Кто, в самом деле, столько безумен, чтобы, видя человека, который три дня тому назад роскошествовал, был богат, а сегодня отказался от всего, ничего не имеет, готов терпеть нищету, голод, всякие лишения и опасности, готов пролить кровь свою, идти на заклание, терпеть все, что есть жестокого, – кто столько безумен, говорю, чтобы, видя все это, не вывел для себя ясного доказательства о будущем? Если же мы будем прилепляться к настоящему и совершенно к нему пристрастимся, то поверят ли нам, что мы стремимся в другое отечество? Какое, наконец, будет у нас извинение, когда для нас страх Божий будет иметь меньше значения, чем даже слава человеческая имела для языческих философов? Так, некоторые из них отвергали богатство, презирали смерть, надеясь приобрести славу от людей, почему и надежда их была суетна. Что нас защитит, когда при стольких благах, нам обещанных, при стольких путях, открытых нам для благочестивой жизни, мы не только но можем сравниться с ними, но губим и себя и других? Не столько вреда приносит язычник, поступающий нечестиво, сколько христианин, так поступающий. И это вполне понятно. Учение язычников нелепо, наше же, по благодати Божией, досточтимо

и славно у самих нечестивых. Вот почему, когда они хотят особенно упрекнуть нас и усилить свое злословие, то говорят: *христианин*! Не сказали бы они этого, если бы не имели высокого мнения о нашем учении. Ужели ты не знаешь, что и как заповедал Христос? И как ты можешь исполнить хотя одну из заповедей Его, когда, оставив все, ты стараешься только собрать барыши, пустить деньги в рост, завести торговые связи, купить множество рабов, заготовить драгоценные сосуды, закупить поля, дома и разные домашние принадлежности? И пусть было бы только это одно; но когда к этим бесполезным занятиям ты присоединяешь еще неправду, отнимая землю у соседей, грабя дома, разоряя бедных, увеличивая голод других, — то когда ты приступишь к этим заповедям? Но ты иногда милуешь нищих? Знаю это. Однако ж и тут опять большая погибель для тебя, потому что ты делаешь это или с надменностью, или из тщеславия, так что и в добрых делах для тебя нет пользы. Что может быть бедственнее того, когда ты даже у самой пристани терпишь кораблекрушение? Итак, чтобы не случилось этого с тобой, для этого, сделав доброе дело, не ищи от меня благодарности, чтобы иметь тебе должником самого Бога, Который сказал: «Взаймы давайте тем, от которых вы не надеетесь ничего получить» (Лк. VI, 35). Имея такого должника, для чего же ты, оставив Его, требуешь от меня, человека бедного и скудного? Разве этот должник гневается, когда требуют с Него долг? Или Он беден? Или отказывается платить? Но разве ты не видишь Его неисчетных сокровищ? Разве ты не видишь Его неизреченной щедрости? Итак, с Него проси и требуй; это Ему приятно. А если Он увидит, что ты с другого требуешь долг Его, то Он оскорбится этим, — и не только не отдаст тебе, но и по праву осудит тебя. В чем ты нашел Меня неблагодарным, скажет Он?

Какую бедность у Меня нашел, что, оставив Меня, идешь к другим? Одному дал взаймы, а с другого требуешь? Ведь хотя и человек получил, но велел дать Бог. Итак, Бог Сам хочет быть первым должником и порукой, доставляя тебе бесчисленные случаи всегда с Него требовать. Не оставляй же такое богатство и такое обилие и не ищи получить с меня, — человека, ничего не имеющего. И для чего ты подаешь милостыню на моих глазах? Разве я говорил тебе: *дай*! Разве от меня ты слышал, чтобы с меня требовать? Сам Бог сказал: *милуяй нища, взаим дает Богови* (Притч. XIX, 17). Ты дал взаймы Богу; с Него и требуй. Но Он не отдает теперь всего? И это Он делает для твоей пользы. Он не какой-нибудь обыкновенный должник, который спешит только отдать долг, но должник, который всячески старается еще о том, чтобы взятое взаймы сохранить в целости. Потому-то Он что нужно отдать здесь — отдает, а что там — сберегает.

10. Итак, зная это, станем оказывать милосердие и большое человеколюбие как имуществом, так и делами. Если увидим, что кого-либо мучат и бьют на площади, и если можем избавить его деньгами, то избавим. А если можем освободить словами, не поленимся и это сделать. Есть ведь награда и за слова, даже и за самые вздохи: и об этом-то блаженный Иов говорил: *аз о всяком немощнем восплакахся, воздохнув же видев мужа в бедах* (Иов. XXX, 25). Если же есть награда за слезы и вздохи, то подумай, каково будет воздаяние, когда присоединятся к ним слова, усердие и другое, подобное тому. И мы были некогда враги Богу, и Единородный примирил нас, сделавшись посредником, претерпев за нас раны и самую смерть. Постараемся же и мы избавлять от бесчисленных бедствий тех, которые подвергаются им и перестанем поступать так, как мы поступаем теперь, когда, например, видя, что другие ссорятся и дерутся

между собой, останавливаемся и окружаем это диавольское зрелище, чтобы позабавиться бесстыдством других. Может ли что быть бесчеловечнее этого? Видим, что бранятся, дерутся, раздирают друг у друга одежду, разбивают друг другу лицо, и спокойно продолжаем стоять. Ужели тот, кто дерется, медведь? Ужели зверь? Ужели змий? Это человек, всегдашний сообщник твой; он брат тебе, он сочлен твой. Итак, не делай для себя зрелища, но прекращай ссоры; не забавляйся, но укрощай; не побуждай других к такому бесстыдству, но разнимай и усмиряй дерущихся. Радоваться таким несчастным случаям свойственно только людям бесстыдным, подлым, непотребным и безумным. Ты смотришь на человека, бесстыдно поступающего, и не замечаешь, что и сам то же делаешь? И ты не вступаешься, чтобы рассеять сборище диавольское и прекратить злобу человеческую! Чтобы мне и самому принять побои, скажешь ты, – и ты это велишь? Совсем нет! Ты не примешь их. А если и примешь, так это будет тебе вместо мученичества, потому что за Бога претерпишь это. Если же не хочешь принять побоев, то подумай. Сам Господь восхотел претерпеть за тебя крест. Как обижающий, так и обижаемый от сильного гнева, ими обладающего, подобны пьяным и потерявшим рассудок, потому и имеют нужду в человеке здравомыслящем, который бы им помог: первому – чтобы перестал обижать, а второму – чтобы избавился от побоев. Итак, пойди и подай руку помощи, трезвый – опьянелому. Подлинно, и гнев опьяняет, и это опьянение даже гораздо хуже опьянения от вина. Посмотри на корабельщиков: они как скоро видят где-либо кораблекрушение, тотчас, подняв паруса, спешат, чтобы похитить от волн своих товарищей по ремеслу. Итак, если имеющие одинаковое ремесло так друг другу помогают, то тем более надлежит помогать друг другу тем, которые имеют одинаковую природу. Ведь и ссо-

ра — кораблекрушение, притом и гораздо бедственнее того. В самом деле, кто ссорится, тот или изрыгает хулы и таким образом теряет все прежние добрые дела, или в сильном гневе клянется ложно и таким образом впадает в геенну, или наносит побои и совершает убийство и опять подвергается такому же кораблекрушению. Итак, пойди, прекрати зло, спустись в это бурное море, и исхити утопающих, и, разрушив зрелище диавольское, уговаривай каждого порознь, погаси пламень и укроти волны. Если пожар распространится, огонь усилится, — не бойся: многие тебе подадут руку помощи, только начни, — а прежде всех поможет Бог мира. И если ты первый начнешь гасить пламя, то многие и другие последуют за тобой, и ты получишь награду и за их доброе дело. Послушай, что говорит Христос иудеям, пресмыкающимся долу. Если увидишь, говорит Он, упавшего осла у врага своего, не проходи мимо, но подыми (Исх. XXIII, 5). Но гораздо легче разнять ссорящихся между *собой, нежели поднять упавшую скотину. Если же* должно поднимать осла у врагов, то тем более — души у друзей, особенно когда последнее падение гораздо бедственнее; ведь души от тяжести гнева упадают не в грязь, а в огненную геенну. Между тем ты, жестокий и бесчеловечный, видя брата своего, лежащего под тяжким бременем, и диавола, предстоящего и разжигающего пламя гнева, проходишь мимо! Так поступать даже и с животными небезопасно. Самарянин, когда увидел раненого человека, совсем ему неизвестного и не имевшего к нему никаких отношений, остановился, посадил его на своего осла, привез в гостиницу, нанял врача и деньги гостинику частью заплатил, частью обещал заплатить (Лк. X, 33 и далее). А ты, видя человека, который попался не разбойникам, но полчищу демонов и подвергся ярости врага не в пустыне, но среди площади, — когда тебе не нужно ни

денег платить, ни осла нанимать, ни идти далеко, а только сказать несколько слов, — ты, жестокий и бесчеловечный, не хочешь помочь, но бежишь мимо! Как же ты надеешься сам когда-нибудь получить милость у Бога? Вам говорю я, которые пред всеми поступаете бесстыдно, — вам, обидчикам и притеснителям! Скажи, пожалуй: ты наносишь побои, топчешь ногами, кусаешь? Разве ты кабан или дикий осел? И ты не стыдишься, не краснеешь от своего зверства, забывая свое достоинство? Ты беден? Но ты свободен. Ремесленник ты? Но ты христианин. Потому-то самому тебе и должно жить смирно, что ты беден. Ссориться свойственно только богачам, а не бедным, — богачам, говорю, которые имеют многие причины к ссоре. Ты не пользуешься удовольствиями богатства, между тем ищешь неприятностей, с ним неразлучных — вражды, распрей, ссор, мучишь и душишь брата своего и повергаешь его пред всеми. Ужели ты не понимаешь, что в своем бесстыдстве подражаешь необузданности бессловесных или, вернее, делаешь еще хуже их? У бессловесных все общее, они собираются и ходят вместе; а у нас, напротив, ничего нет общего, но все вверх дном: вражды, распри, ссоры, ненависть, обиды. Мы не стыдимся ни неба, куда мы все призываемся, ни земли, которая всем нам дана в общее жилище, ни самой природы своей; но все подавляют в нас гнев и любостяжание. Или не знаешь ты о том рабе, который должен был десять тысяч талантов и, после того, как долг прощен был ему, душил товарища своего за сто динариев, — или не знаешь, сколько претерпел он бедствий и как предан был вечному мучению (Мф. XVIII, 28 и дал.)? И ты не боишься такого примера? Не страшишься подвергнуться тому же? Ведь и мы много, много должны Господу, однако Он ждет и долготерпит; не истязует нас, как мы своих собратий, не душит нас, не мучит. Между тем, если бы

Он захотел потребовать от нас хотя малейшей части долга, мы давно бы погибли. Размышляя об этом, возлюбленные, смиримся и будем снисходительны к должникам своим; через них имеем случай, если только мы благоразумны, получить прощение в великих долгах своих и за малое приобресть многое. Итак, зачем же ты насильно требуешь долг от ближнего своего? Тебе даже надлежало бы простить и тогда, когда бы он сам захотел тебе отдать, — простить для того, чтобы получить все от Бога. А ты между тем всеми силами стараешься получить долги, заводишь споры, чтобы не потерять ни малейшей части своего имущества. Ты думаешь причинить обиду ближнему, а между тем сам на себя поднимаешь меч и умножаешь для себя мучение в геенне. Если ты хоть немного будешь здесь благоразумным, то облегчишь участь свою на суде. Ведь Бог для того только и требует от нас такого снисхождения к ближним нашим, чтобы самому иметь случай прощать нам великие согрешения наши. Итак, сколько бы ни было у тебя должников, деньгами ли то или оскорблениями, всех прости и за такое великодушие проси от Бога воздаяния. Доколе они будут оставаться твоими должниками, до тех пор и Бог не будет твоим должником; напротив, как скоро простишь их, тогда можешь приступить к Богу и требовать от Него воздаяния себе за такой добрый поступок. Если бы кто, проходя мимо тебя и видя, что ты держишь своего должника, велел тебе отпустить его, обещав заплатить за него; если, говорю, этот человек не откажется заплатить тебе всего долга вместо твоего должника, — то не более ли, не тысячекратно ли более воздаст нам Бог, когда мы, повинуясь Его заповеди, простим должников своих, не требуя от них ничего? Мы должны иметь в виду не временное удовольствие, происходящее от требования долгов, но тот вред, который

потерпим за то в будущем и который будет состоять в лишении бессмертных благ. Итак, возвысившись над всем этим, будем прощать и деньги, и оскорбления должникам своим, чтобы и самим нам можно было получить прощение в своих долгах; и чего мы не успели достигнуть через другую добродетель, этого мы достигнем, когда не будем помнить зла на ближних своих и таким образом сподобимся благ вечных, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава и держава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVI

Не мните, яко приидох разорите закон, или пророки (Мф. V, 17)

1. Но кто и думал об этом? Или кто обвинял Его в этом и вызывал на такой ответ? Сказанные Им слова совсем не возбуждали такой мысли, Его заповеди – быть кроткими, тихими, милосердными, чистыми сердцем и подвизаться за правду – ничего подобного не показывали, но даже совершенно противное. Итак, для чего же Он сказал это? Без сомнения, не без причины, не без цели. Так как Он намеревался дать заповеди выше древних (как видно из слов Его: *слышате, яко речено бысть древним: не убиеши; Аз же глаголю вам: не гневайтеся*) и проложить путь к некоему божественному и небесному образу жизни, то, чтобы новость учения не смутила сердец слушателей и не заставила их сомневаться в Его наставлениях, Он и предупреждает их словами: *не мните, яко приидох разорити закон, или пророки.* Иудеи, хотя и не исполняли закона, имели, однако ж, к нему великое уважение, и хотя каждодневно нарушали его своими делами, тем не менее желали, чтобы Писание оставалось неприкосновенным и чтобы никто ничего

не прибавлял к нему. Впрочем, они строго держались и некоторых прибавлений, сделанных их начальниками, хотя последние клонились не к лучшему, а к худшему. Так, например, этими прибавлениями нарушалось должное почтение к родителям; да и многие другие обязанности подрывались этими неуместными дополнениями. Итак, поелику Христос происходил не из священнического колена, а то, что он вознамерился ввести, было прибавлением, — которое, впрочем, не уменьшало добродетели, но вызвышало ее, — то Он предвидел, что и то и другое могло бы смутить их, и потому прежде, чем начертать свои чудные законы, опровергает те сомнения, которые могли скрываться в уме их. В чем же могли заключаться их сомнения и возражения? Они думали, что Христос говорит это для уничтожения древних постановлений закона. Это-то подозрение Он и удаляет. Так Он делает не только здесь, но и в других случаях. Так, когда иудеи почитали Его противником Богу за нарушение субботы, то, чтобы опровергнуть такое их мнение и защитить Себя, в одном случае Он употребляет слова, приличные Ему как Сыну Божьему, говоря: *Отец Мой делает, и Аз делаю* (Ин. V, 17), а в другом — исполненные смирения, как, например, когда показывает, что для спасения овцы, погибшей в субботу, может быть нарушение закона; также, когда замечает, что и обрезание совершается в субботу (Мф. XII, 11, 12). Для того Он часто и говорит так смиренно, чтобы истребить их мнение, будто Он поступает противно Богу. Для того-то, когда и Лазаря воззывал из гроба, обратился с молитвой к Богу, несмотря на то, что прежде единым словом воскрешал многих мертвых (Ин. XI, 41). А чтобы отсюда не заключили, что Он менее Отца Своего, — предупреждая такое мнение, присовокупляет: *народа ради, стоящаго окрест, рех сие, да веру имут, яко Ты послал Мя еси* (Ин. XI, 42).

Таким образом, Он не все (чудеса) производит как полновластный Владыка для того, чтобы исправить ошибочное о Нем мнение иудеев, но и не пред каждым обращается с молитвой к Богу, чтобы впоследствии времени не подать случая к превратному мнению, будто Он был слаб и бессилен; но в иных случаях поступает так, а в других – иначе, и делает так не без разбора, но со свойственной Ему мудростью. Важнейшие чудеса Он совершает как полномочный Владыка, а в менее важных возводит очи к небу. Так, когда он отпускал грехи, открывал тайны, отверзал рай, изгонял бесов, очищал прокаженных, попирал смерть, воскрешал многих мертвых, – все это Он совершал одним велением, а умножая хлебы, что было менее важно, обращается к небу. Очевидно, что Он делает это не по слабости. В самом деле, если Он мог полновластно совершить большее, то какую имел надобность в молитве для совершения меньшего? Без сомнения, Он делал это, как я и прежде сказал, для обуздания бесстыдства иудеев. То же самое должен ты думать и в тех случаях, когда слышишь, что Он говорит со смирением. Много Он имел причин так говорить и действовать, как то: чтобы не подумали, что Он действует не по воле Божией, чтобы подавать наставления и врачевание всем, чтобы научать смирению, чтобы показать, что Он облечен плотью и что иудеи не могут принять всего вдруг, также, чтобы научить их немного о себе думать. По этим-то причинам часто и говорил сам о Себе со смирением, предоставляя говорить о Нем великое другим.

2. Так, сам Он, беседуя с иудеями, говорил: *прежде даже Авраам не бысть, Аз есмь* (Ин. VIII, 58); а ученик Его сказал об этом так: *в начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово* (Ин. I, 1). Опять, сам Он нигде прямо не говорит, что Он сотворил небо, и землю, и море, и все

видимое и невидимое; а ученик Его смело и не обинуясь, не один или два раза, но многократно говорит об этом: *вся Тем быша и без Него ничтоже бысть;* также: *в мире бе, и мир Тем бысть* (Иоан I, 3, 10). Да и чему удивляться, если другие об Нем сказали более, нежели Он сам, когда Он, многое не выражая ясно словами, показывал делами? Что Он сотворил человека, то ясно доказал исцелениями слепого; между тем, говоря о сотворении человека в начале, не сказал: Я сотворил, но — *сотворивый мужеский пол и женский, сотворил я есть* (Мф. XIX, 4). Равным образом, что Он создал мир и все находящееся в нем, то доказал ловитвой рыб, претворением воды в вино, умножением хлебов, укрощением бури на море, лучезарным светом, которым воссиял Он на кресте, и многими другими чудесами; хотя на словах никогда ясно не выражал этого, но ученики Его: Иоанн, Павел и Петр говорят о том весьма часто. Если и эти ученики, которые и днем и ночью слышали Его беседы, видели чудотворения, которым Он многое разрешал наедине, даровал силу даже воскрешать мертвых, и которых, наконец, соделал столь совершенными, что они для Него оставили все, — если и они, восшедши на такую степень добродетели и любомудрия, не могли еще сносить всего, прежде чем приняли дары Святого Духа; то каким образом иудейский народ, который не имел ни такого познания, ни такой добродетели и только иногда был свидетелем того, что делал или говорил Христос, уверился бы, что Он поступает согласно с волею Бога всяческих, если бы сам Иисус не оказывал во всем Своего снисхождения? Вот почему, и нарушая, например, субботу, Он не вдруг ввел такое законоположение, но наперед представил многие и различные причины. Если же, намереваясь отменить и одну заповедь, Он употребляет такую осторожность в словах, чтобы не устрашить слушающих, то, когда присоединял к целому

прежнему закону целый новый, тем более имел нужду предуготовлять слушателей Своих и применяться к их состоянию, чтобы не возмутить их.

По той же причине Он и о Своем божестве не везде ясно говорит. В самом деле, если прибавление к закону так возмущало их, то не гораздо ли более возмутило бы их то, когда бы Он объявил Себя Богом? Потому Он и говорит много такого, что ниже Его божественного достоинства. Так точно и здесь, намереваясь восполнить закон, приступает к этому с великой осторожностью. Не довольствуясь тем, что сказал уже раз: Я не разоряю закона, Он повторяет то же и в другой раз, и притом еще с большей выразительностью. Сказав: *не мните, яко приидох разорити*, присовокупляет: *не приидох разорити, но исполнити.* Этими словами обуздывается не только бесстыдство иудеев, но и заграждаются уста еретиков, утверждающих, что древний закон произошел от диавола. В самом деле, если Христос пришел разрушить власть диавола, то как же Он не только не разрушает ее, но еще и исполняет? Он не только сказал: не разоряю – хотя и того было бы довольно – но еще прибавил: исполняю, а это показывает, что Он не только не противился закону, но еще и одобрял его. Но каким образом, спросишь ты, Он не нарушил закона? И как исполнил закон или пророков? Пророков – тем, что подтвердил делами Своими все, что они говорили о Нем, почему и Евангелист постоянно говорит: *да сбудется реченное пророком;* например, когда Он родился, когда отроки воспели Ему чудную песнь, когда воссел на жребя. Да и во многих других случаях Он исполнял пророчества, которые все остались бы без исполнения, если бы Он не пришел в мир. А закон исполнил не в одном отношении, но в трояком. Во-первых, Он ни в чем не преступил его. Чтобы увериться, что Он исполнил весь закон, послушай, что Он говорит Иоанну:

тако бо подобает нам исполнити всяку правду (Мф. III, 15). Равным образом и иудеям Он говорил: *кто от вас обличает Мя о гресе?* (Ин. VIII, 46); также ученикам Своим: *грядет сего мира князь, и во Мне не* находит *ничесоже* (Ин. XIV, 30). Издревле и пророк предсказал о Нем, что Он *греха не сотвори* (Ис. LIII, 9). Итак, вот первый способ, которым Он исполнил закон. Во-вторых, Он исполнил закон за нас. Поистине, достойно удивления, что Он не только сам исполнил закон, но и нам даровал его исполнение, как то изъясняет Павел, говоря, что *кончина закона Христос в правду всякому верующему* (Рим. X, 4), и что Он *осудил грех во плоти, да оправдание закона исполнится в нас, не по плоти ходящих* (Рим. VIII, 3, 4), и в другом месте: *закон ли убо разоряем верою? Да не будет, но закон утверждаем* (Рим. III, 31). Так как цель закона состояла в том, чтобы сделать человека праведным, чего, однако ж, он не мог сделать, то этому назначению закона удовлетворил сам Господь, нисшед на землю и установив образ оправдания через веру. И чего закон не мог сделать посредством букв, то сам Христос совершил через веру, — почему и говорит: *не приидох разорити закон.*

3. Если же кто тщательно будет исследовать, то найдет еще и третий образ исполнения закона. В чем же состоял он? В учреждении того закона, который Христос имел дать. В самом деле, Его учение не уничтожало прежнего закона, но возвышало и восполняло его. Так, например, заповедь: *не убий* не уничтожается заповедью: *не гневайся*; напротив, последняя служит дополнением и утверждением первой. То же самое должно сказать и о всех прочих. Бросая первые семена Своего нового учения, Христос не навлек на Себя никакого подозрения; но теперь, когда Он начал сравнивать Ветхий Закон с Новым, тем более мог быть подозреваем в противоречии первому, почему предварительно

и сказал: *не приидох разорити закон, но исполнити.* Действительно, заповеди, предлагаемые теперь, уже основывались на преждесказанном. Так, например, слова: *блажени нищии духом* означают то же, что и повеление не гневаться; *блажени чистии сердцем* — то же, что и запрещение взирать на жену с вожделением; заповедь — не скрывать себе сокровищ на земле соответствует словам: *блажени милостивии.* Плакать, претерпевать гонения и поношения значит то же самое, что и входить узкими вратами; алкать и жаждать правды означает не что иное, как требование, выраженное в словах: *елика, аще хощете, да творят вам человецы, и вы творите им* (Мф. VII, 12). Когда Христос ублажает миротворца, то высказывает почти то же самое, что выражено в повелении оставить дар и поспешить помириться с оскорбленным братом, и согласиться с соперником. Различие лишь в том, что там Христос исполняющим заповеди обещает награды, а здесь преступающим их угрожает наказанием. Там говорит, что кроткие наследуют землю; а здесь — что тот, кто назовет брата своего безумным, будет повинен геенне огненной. Там говорит, что чистые сердцем узрят Бога; а здесь — что воззревший на жену нечистым оком является уже настоящим прелюбодеем. Там миротворцев называет сынами Божьими; а здесь — немиролюбивых устрашает словами: *да не предаст тебе соперник судии.* Там плачущих и претерпевающих гонения называет блаженными; а здесь, подтверждая то же самое, угрожает гибелью тем, кто не идет этим путем, — так как, говорит, идущие широким путем погибают. Также и слова: *не можете Богу работати и мамоне* (Мф. VI, 24), кажется мне, сходны с изречением: *блажени милостивии* и: *жаждущии правды.* Но здесь, как я и выше заметил, Господь намеревается преждесказанное изложить яснее, и не только яснее, но еще с дополнениями. Так, например, Он не только

повелевает быть милостивым, но еще отдавать с себя и срачицу; не только быть кротким, но хотящему ударить в ланиту подставить и другую. Потому-то, чтобы предотвратить мнимое противоречие, Он и говорит, что пришел не разрушить закон, и повторяет это, как и прежде я сказал; не однажды, но два раза, сказавши: *не мните, яко приидох разорити*, присовокупляет: *не приидох разорити, но исполнити*. Далее говорит: *аминь глаголю вам, дондеже прейдет небо и земля, иота едина, или едина черта не прейдет от закона, дондеже вся будут* (ст. 18). Слова эти имеют такой смысл: невозможно, чтобы закон остался без исполнения, но и малейшая черта его должна быть выполнена, что и доказал Господь Своим примером, во всей точности исполнив закон. Здесь также Он дает нам разуметь, что и весь мир должен принять иной вид. Не без причины Он сказал так, но с той целью, чтобы возвысить дух слушателя и показать, что Он праведно поступает, учреждая новые правила жизни; если вся тварь должна принять новый вид, то и род человеческий должен быть призван к другому отечеству – к образу жизни высшей. *Иже аще разорит едину заповедей сих малых, и научит тако человеки, мний наречется в царствии небеснем* (ст. 19). Устранив от Себя всякое подозрение и заградив уста тех, кто вздумал бы противоречить, Господь начинает уже возбуждать страх и предлагать сильные угрозы для ограждения вводимого Им закона. А что приведенные слова Его относятся не к древним заповедям, но к тем, которые Он сам намеревался дать, это видно из дальнейшего. *Глаголю бо вам*, говорит он, *аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в царствие небесное* (ст. 20). Если бы Его угрозы относились к нарушителям Ветхого Закона, то для чего бы говорить Ему: *аще не избудет*! Те, кто делал то же, что и фарисеи, без сомнения, не могли перед ними иметь никакого преимущества в праведной

жизни. В чем же состояло это преимущество? В том, чтобы не гневаться, не смотреть на жену любострастным оком.

4. Почему же Он называет эти новые заповеди малыми, когда они так важны и высоки? Потому, что Он сам хотел дать этот закон. Как Он смирил Себя самого, и во многих местах говорит о Себе скромно, – так говорит и о законе Своем, научая этим и нас всегда быть скромными. Притом же, так как Его могли подозревать в нововведении, то Он до времени и употребляет смиренный образ выражения. А когда ты слышишь слова: *меньший в царствии небесном*, то разумей не иное что, как геенну, или мучение. Царством Он называет не только наслаждение будущими благами, но и время воскресения, и страшное второе пришествие. В самом деле, возможно ли, чтобы тот, кто назовет брата своего глупым и нарушит одну заповедь, был вврежен в геенну, а кто нарушит весь закон и других доведет до того же, будет находиться в царствии? Не это, следовательно, разумеется здесь, но то, что нарушитель закона в то время будет меньшим, то есть отверженным, последним; а последний, без сомнения, ввержен будет тогда в геенну. Будучи Богом, Христос предвидел беспечность многих, предвидел, что некоторые примут слова Его за преувеличение и будут умствовать о законе так: «Неужели тот будет наказан, кто назовет брата своего глупым? Неужели тот прелюбодей, кто только посмотрит на жену?» Предотвращая такое небрежение к закону, Он и произносит страшную угрозу против тех и других, то есть и против нарушителей закона и против тех, которые других доводят до этого. Зная такие угрозы, потщимся и сами не нарушать закона и не будем ослаблять ревности других, желающих блюсти его. *А иже сотворит и научит, велий наречется* (ст. 19). Мы должны быть полезны не только для самих себя, но и

для других; неодинаковую награду получает тот, кто только сам добродетелен, и тот, кто ведет с собой к тому же и другого. Как учение, не оправдываемое Делами, осуждает учащего (*научая инаго,* говорит апостол, *себе ли не учиши* [Римл. II, 21]), так и добрые дела, если мы не будем в то же время руководить и других, получают меньшую награду. Итак, в том и другом надобно быть совершенным; исправив прежде самого себя, должно приложить старание и о других. Потому-то и сам Христос поставил прежде дела, а потом учение, показывая, что только таким образом можно учить с успехом; в противоположном же случае скажут: *врачу, исцелися сам* (Лк. IV, 23). В самом деле, если кто, будучи не в состоянии научить себя самого, вздумает исправлять других, тот сделается для многих предметом посмеяния; вернее же – он совсем не в состоянии будет учить, так как дела его будут противоречить его учению. А если он будет совершен в том и другом, то *велий наречется в царствии небеснем. Глаголю бо вам, аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в царствие небесное* (ст. 20). Здесь под словом: *правда* разумеет Он вообще добродетель, как и в повествовании об Иове сказано: *и бе человек непорочен, праведен* (Иов. I, 1). В таком же смысле и апостол Павел праведником называет того, для которого, по словам его, и закон не положен: *праведнику закон не лежит* (1 Тим. I, 9). Да и во многих других местах можно видеть, что слово это употребляется для означения вообще добродетели. Из слов Христа ты можешь, между прочим, видеть, как приумножилась благодать, если Христос желает, чтобы ученики Его, едва вступившие на путь правды, были лучше учителей ветхозаветных. Говоря о книжниках и фарисеях, Он не разумеет преступающих закон, но исполняющих его. Если бы это были люди, не исполняющие закона, то Он не сказал бы об их правде и правду, которой нет, не стал бы

сравнивать с правдой существующей. Заметь еще здесь и то, как Он подтверждает существование древней правды, сравнивая ее с новой; а это показывает, что та и другая – сродны между собой, так как больше ли, меньше ли правда – но все-таки правда. Итак, Христос не хулит древней правды, а хочет возвысить ее. В самом деле, если бы она была худа, то Он не стал бы требовать высшей, не стал бы усовершать ее, но просто отверг бы. Но, скажешь ты, если она в самом деле такова, отчего же ныне не вводит в царствие? Она не вводит тех, которые живут после пришествия Христова, так как они, получивши большую силу, должны оказать и более подвигов; питомцев же своих вводит всех. *Мнози от восток и запад приидут*, говорит Господь, *и возлягут в недрах Авраама, и Исаака, и Иакова* (Мф. VIII, 11). Так известно, что Лазарь, удостоившийся великих наград, находится в недрах Авраама. И вообще все, особенно просиявшие в Ветхом Завете, просияли этой правдой. И сам Христос, пришедши в мир, не исполнил бы этой правды всецело, если бы она была худа и не сродна с новой. Если бы Он делал это только для того, чтобы привлечь иудеев, а не для того, чтобы показать ее сродство и согласие с новой, то почему не исполнил Он законов и обычаев эллинских, чтобы привлечь к Себе эллинов?

5. Все это показывает, что ветхозаветная правда не потому не вводит в царство, что она худа, но потому, что настало время заповедей высших. Если она и несовершеннее новой, то и отсюда не следует, чтобы она была худа; иначе на том же основании можно было бы сказать то же самое и о новой правде. Ведь и ее знание – в сравнении с будущим – есть знание отчасти, несовершенное и, когда наступит совершенное, упразднится: *егда бо приидет*, говорит Писание, *совершенное, тогда еже от части упразднится* (1 Кор. XIII, 10). Это-то

и случилось с древней правдой по введении новой. Однако из-за этого мы не будем охуждать настоящей правды. Хотя она и уступит место новой, когда мы достигнем царствия, – так как тогда, по Писанию, *еже от части, упразднится,* – но все же мы называем ее великой. Итак, когда Господь обещает нам и высшие награды, и большую силу от Духа Святого, то по справедливости требует и больших подвигов. Здесь обещается уже не земля, текущая млеком и медом, не маститая старость, не многочадие, не хлеб и вино, не стада овец и волов; но – небо и блага небесные, усыновление и братство с Единородным, соучастие в наследии, в славе и царствовании и другие бесчисленные награды. А что мы удостоились и большей помощи, это видно из следующих слов апостола Павла: *ни едино убо ныне осуждение сущим о Христе Иисусе, не по плоти ходящим, но по духу. Закон бо духа жизни свободил мя есть от закона греховнаго и смерти* (Римл. VIII, 1, 2). Таким образом, изрекши угрозы против преступающих закон и обещав великие награды исполняющим его, показав затем, что по праву требует от нас более прежнего, Христос начинает наконец предлагать новый закон, – притом не просто, но сравнивая его с постановлениями древнего закона. Таким сравнением Он хотел показать, во-первых, что Его законоположение не противоречит прежнему, но весьма согласно с ним; во-вторых, что Он справедливо и весьма благовременно к древнему закону присоединяет новый. Чтобы это было для нас очевиднее, выслушаем самые слова Законодателя. Что же Он говорит? *Слышасте, яко речено бысть древним: не убиеши* (ст. 21). Хотя Он сам дал эту заповедь, но пока говорит об этом безлично. В самом деле, если бы Он сказал: вы слышали, что Я говорил древним, – то слушатели не приняли бы таких слов и оскорбились бы ими. Если бы сказал также: вы слышали, что сказано древним от

Отца Моего, а потом присовокупил бы: *Аз же глаголю,* то слова Его показались бы им великой самонадеянностью. Поэтому Он просто говорит: *речено бысть,* имея Своей целью показать только то, что Он в надлежащее время говорит об этом. Из слов: *речено бысть древним* видно было, что уже много времени протекло с тех пор, как иудеи получили эту заповедь. А это Он делает для того, чтобы пристыдить слушателя, отказывающегося от исполнения высших заповедей; подобно, как бы учитель говорил ленивому ребенку: и ты не знаешь, сколько потерял времени, учась складам? То же давал разуметь и Христос, когда упоминал о древних. Желая призвать слушателей уже к высшему учению, Он как бы так говорит: уже довольно времени вы занимались этим; пора, наконец, перейти и к высшему! Достойно замечания и то, что Господь не смешивает порядка заповедей, но начинает с первой, которой начинается и закон; и это показывает согласие Его учения с законом. *Аз же глаголю вам, яко гневаяйся на брата своего всуе, повинен будет суду* (Мф. V, 22). Видишь ли власть совершенную? Видишь ли образ действия, приличествующий Законодателю? Кто так говорил когда-нибудь из пророков? Кто из праведников? Кто из патриархов? Никто. *Сия глаголет Господь,* говорили они. Но не так говорит Сын. Те возвещали слова Владыки, а Он слова Отца Своего; слова же Отца суть вместе слова и Сына: *Моя – Твоя суть, и Твоя – Моя* (Ин. XVII, 10), говорит Христос. Те давали закон подобным себе рабам, а Он – рабам Своим. Теперь спросим тех, которые отвергают закон: заповедь – *не гневайся* противоречит ли заповеди – *не убий?* Или, напротив, она есть усовершенствование и подтверждение последней? Очевидно, что первая служит дополнением второй, а потому и важнее ее. Кто не предается гневу, тот, без сомнения, не решится на убийство; кто обуздывает гнев свой, тот, конечно, не

даст воли рукам своим. Корень убийства есть гнев. Поэтому, кто исторгает корень, тот, без сомнения, будет отсекать и ветви или – лучше – он не даст им и возникнуть.

6. Итак, не для нарушения древнего закона, но для большего сохранения его Христос дал закон новый. В самом деле, с какой целью древний закон предписывал эту заповедь? Не с той ли, чтобы никто не убивал ближнего своего? Итак, восстававшему против закона надлежало бы позволить убийство, потому что заповеди – *не убий* противоположно позволение убивать. Когда же Христос запрещает даже и гневаться, то тем еще более утверждает то, чего требовал закон, потому что не так удобно воздержаться от убийства человеку, имеющему в мыслях только то, чтобы не убивать, как тому, кто истребил и самый гнев. Этот последний гораздо более удален от такого поступка. Но чтобы и другим образом опровергнуть наших противников, рассмотрим все их возражения. Что же они говорят? Они говорят, что Бог, сотворивший мир, повелевающий солнцу сиять на злых и добрых, посылающий дождь на праведных и неправедных, есть какое-то существо злое. А умереннейшие из них, хотя этого не утверждают, но, называя Бога правосудным, не признают Его благим. Дают Христу другого какого-то отца, которого и нет и который ничего не сотворил. Бог, которого они называют не благим, пребывает в своей области и сохраняет принадлежащее ему; а Бог благий входит в чужую область и без всякого основания хочет сделаться спасителем того, чего не был творцом. Видишь ли, как чада диавола говорят, по научению отца своего, признавая творение чуждым Богу, вопреки словам Иоанна: *во своя прииде*, и: *мир Тем бысть* (Ин. I, 10, 11). Далее, рассматривая древний закон, который повелевает исторгать око за око и зуб за зуб, тотчас возражают: как может быть

благим Тот, Который говорит это? Что же мы ответим им? То, что это, напротив, есть величайший знак человеколюбия Божия. Не для того Он постановил такой закон, чтобы мы исторгали глаза друг у друга, но чтобы не причиняли зла другим, опасаясь потерпеть то же самое и от них. Подобно тому, как, угрожая погибелью ниневитянам, Он не хотел их погубить (ведь если б Он хотел этого, то Ему надлежало бы умолчать), но хотел только, внушив страх, сделать их лучшими, дабы оставить гнев Свой, – так точно и тем, которые так дерзки, что готовы выколоть у других глаза, определил наказание с той целью, чтобы, по крайней мере страх препятствовал им отнимать зрение у ближних, если они по доброй воле не захотят удержаться от этой жестокости. Если бы это была жестокость, то жестокостью было бы и то, что запрещается убийство, возбраняется прелюбодеяние. Но так говорить могут только сумасшедшие, дошедшие до последней степени безумия. А я столько страшусь назвать эти постановления жестокими, что противное им почел бы делом беззаконным, судя по здравому человеческому смыслу. Ты говоришь, что Бог жесток потому, что повелел исторгать око за око; а я скажу, что когда бы Он не дал такого повеления, тогда бы справедливее многие могли почесть Его таким, каким ты Его называешь. Положим, что всякий закон утратил свое значение, и никто не страшится определенного им наказания, – что всем злодеям, и прелюбодеям, и убийцам, и ворам, и клятвопреступникам, и отцеубийцам – предоставлена свобода жить без всякого страха по своим склонностям: не низвратится ли тогда все, не наполнятся ли бесчисленными злодеяниями и убийствами города, торжища, дома, земля, море и вся вселенная? Это всякому очевидно. Если и при существовании законов, при страхе и угрозах, злые намерения едва удерживаются, то, когда бы отнята

была и эта преграда, что тогда препятствовало бы людям решаться на зло? Какие бедствия не вторглись бы тогда в жизнь человеческую? Не то только жестокость, когда злым позволяют делать что хотят, но и то, когда человека, не учинившего никакой несправедливости и страдающего невинно, оставляют без всякой защиты. Скажи мне, если бы кто-нибудь, собрав отовсюду злых людей и вооруживши их мечами, приказал им ходить по всему городу и убивать всех встречных, – могло ли бы что-нибудь быть бесчеловечнее этого? Напротив, если бы кто-нибудь другой связал этих вооруженных людей и силой заключил их в темницу, а тех, которым угрожала смерть, исхитил бы из рук беззаконников, – может ли быть что-нибудь человеколюбивее этого? Теперь примени эти примеры и к закону. Повелевающий исторгать око за око налагает этот страх, как некие крепкие узы, на души порочных, и уподобляется человеку, связавшему вооруженных злодеев; а кто не определил бы никакого наказания преступникам, тот вооружил бы их бесстрашием и был бы подобен человеку, который роздал злодеям мечи и разослал их по всему городу.

7. Видишь ли, что заповеди Божии не только не жестоки, но еще исполнены и великого человеколюбия? Если же ты за это называешь Законодателя жестоким и тяжким, то скажи мне, что труднее и тягостнее – не убивать или даже и не гневаться? Кто более строг: тот ли, кто определяет наказание за человекоубийство, или тот, кто налагает его даже и за гнев? Тот ли, кто карает прелюбодея по совершении греха, или тот, кто за самое вожделение подвергает наказанию, и наказанию вечному? Видите, как мы дошли до заключения, совершенно противного лжеумствованиям еретиков! Бог древнего закона, называемый ими жестоким, оказывается кротким и милостивым; Бог же нового закона,

признаваемый ими за благого, представляется, по их безумию, строгим и жестоким. Но мы исповедуем единого Законодателя в Ветхом и Новом Завете, Который все устроил как нужно было и по различию самих времен постановил и два различных закона. Итак, ни ветхозаветные заповеди не были жестоки, ни новозаветные не обременительны и не тягостны; но и те и другие показывают одинаковую попечительность и любовь. А что и Ветхий Закон дал Сам Бог, послушай, как говорит об этом пророк или, лучше сказать, — что говорит Сам Он в лице пророка: *завещаю вам завет, не по завету, егоже завещах отцем вашим* (Иер. XXXI, 31, 32). Если же кто, зараженный нечестием манихейским, не принимает этих слов, тот пусть послушает Павла, который говорит то же самое: *Авраам два сына име, единаго от рабы, а другаго от свободныя. Сия бо еста два завета* (Гал. IV, 22). Как там две различные жены, но муж их один, так и здесь — два завета, но Законодатель один. А чтобы ты знал, что в том и другом открывается одно и то же человеколюбие, для этого там Он сказал: *око за око*, а здесь: *аще тя кто ударит в десную ланиту, обрати ему и другую* (Мф. VI, 39). Как там Он отклоняет человека от обиды страхом наказания, так равно и здесь. Каким же это образом, скажешь ты, когда Он повелевает обратить и другую ланиту? Ну так что ж из этого? Давая такую заповедь, Он не освобождает от страха, а повелевает только дать Ему свободу вполне удовлетворить Свой гнев. Господь не говорит, что оскорбляющий останется без наказания, но только не велит тебе самому его наказывать и, таким образом, как на того, кто ударил, наводит больший страх, если он пребудет во гневе, так утешает и того, кто получил удар. Но все это я говорил, рассуждая, так сказать, мимоходом о всех вообще заповедях. Теперь надобно обратится к нашему предмету и изъяснить все вышесказанное по порядку. *Гневаяйся на*

брата своего всуе, повинен будет суду, говорит Христос. Этими словами Он не устраняет гнев совершенно: во-первых, потому что человек не может быть свободен от страстей; он может сдерживать их, но совершенно не иметь их не властен; во-вторых, потому что страсть гнева может быть и полезна, если только мы умеем пользоваться ею в надлежащее время. Посмотри, например, сколько добра произвел гнев Павла против коринфян. Он избавил их от великого вреда. Равным образом, посредством гнева же обратил он и отпадший народ галатийский, и многих других. Когда же бывает приличное время для гнева? Тогда, когда мы не за себя самих отомщаем, но обуздываем дерзких и обращаем на прямой путь беспечных. А когда гнев неуместен? Тогда, когда мы гневаемся, чтобы отомстить за самих себя, что запрещает и апостол Павел, говоря: *не себе отмщающе, возлюбленнии, но дадите место гневу* (Рим. XII, 19); когда ссоримся из-за денег, чего тоже апостол не позволяет, говоря: *почто не паче обидими есте; почто не паче лишены бываете?* (1 Кор. VI, 7). Как этот последний гнев излишен, так первый нужен и полезен. Но многие поступают наоборот. Они приходят в ярость, когда обижают их самих, но остаются холодны и малодушествуют, когда видят, как подвергается обиде другой. То и другое противно законам евангельским. Итак, не гнев собственно есть нарушение закона, но гнев неблаговременный, почему и пророк сказал: *гневайтеся и не согрешайте* (Пс. IV, 5). *Иже аще речет брату своему: рака, повинен будет сонмищу.* Сонмищем здесь Господь называет судилище еврейское. Он упоминает о нем теперь для того, чтобы не подумали, что Он во всем вводит новое и небывалое. Слово — *рака* не составляет большой обиды; оно выражает только некоторое презрение или неуважение со стороны того, кто его произносит. Подобно тому, как мы, приказывая что-нибудь

слугам и другим низкого состояния людям, говорим: пойди ты туда, скажи ты тому-то; так точно и говорящие сирским языком употребляют слово — *рака* вместо слова — *ты*. Но человеколюбивый Бог, чтобы предотвратить большие обиды, хочет прекратить и самые малые, повелевая нам во взаимном обращении соблюдать приличие и надлежащее друг к другу уважение. *Иже аще речет брату своему: уроде, повинен будет геенне огненней.* Для многих эта заповедь кажется тяжкой и неудобоисполнимой, потому что кажется невозможным, чтобы мы за одно простое слово подверглись столь великому наказанию; и некоторые полагают, что это сказано скорее гиперболически. Но я страшусь, как бы нам за то, что будем обольщать себя такими словами здесь, не потерпеть жесточайшего наказания на самом деле там.

8. Почему, в самом деле, скажи мне, эта заповедь кажется тебе тяжкой? Разве ты не знаешь, что большая часть грехов и наказаний происходят от слов? Через слова происходят хулы, через слова — отречение от Бога, ругательства, обиды, клятвопреступления, лжесвидетельства и убийства. Итак, не смотри на то, что тут только одно слово, но разбери, не влечет ли оно за собой великой опасности. Или не знаешь, что во время ссоры, когда возгорается гнев и душа воспламеняется, и самая ничтожная мелочь представляется чем-то великим, и не очень обидное слово кажется нестерпимым? Такие мелочи весьма часто порождают убийства и разрушают целые города. Как дружба и тяжкое делает легким так, напротив, вражда и малое превращает в несносное, и хотя бы что сказано было просто, во вражде представляется, что это сказано со злым намерением. Доколе огонь заключается в малой искре, до тех пор, сколько бы ни прикладывали к ней дров, они не загорятся; но когда пламя разгорится и поднимается высоко, то пожирает с легкостью не только дрова, но даже

камни и всякое другое вещество, какое только ни бросят в него, даже и то, чем обычно гасят огонь, теперь еще более воспламеняет его. (Тогда, как говорят некоторые, не только дрова, лен и другие удобосгораемые вещества, но и самая вода, которую льют на огонь, увеличивает его силу.) Так и при гневе, всякое слово тотчас обращается в пищу этого злого огня. Чтобы предотвратить все это, Христос и подвергает гневающегося напрасно суду, говоря: *гневаяйся повинен* будет *суду*; а того, кто скажет – *рака*, предает суду сонмища. Но эти наказания еще не так велики, потому что они совершаются здесь. Но тому, кто назовет другого уродом, Он угрожает огнем геенским. Здесь в первый раз Христос употребляет слово: *геенна*. Сначала Он беседовал о царстве, а потом упоминает и о геенне, показывая, что первого мы удостаиваемся по Его человеколюбию и воле, а в последнюю ввергаем себя по своей беспечности. Смотри, как постепенно Он переходит от малых наказаний к большим и тем как бы защищает Себя перед тобой, показывая, что Он сам вовсе не хотел бы употреблять подобных угроз, но что мы сами заставляем Его произносить такие приговоры. Я сказал тебе, говорит Он, не гневайся напрасно, потому что повинен будешь суду. Ты пренебрег этим первым предостережением. Смотри же, что породил гнев твой! Он тотчас заставил тебя оскорбить другого. Ты сказал брату своему: *рака*. За это Я подверг тебя еще другому наказанию – суду сонмища. Если ты, презревши и это, прострешь далее свою наглость, то Я не стану более налагать на тебя таких умеренных наказаний, но подвергну тебя вечному мучению геенскому, чтобы ты наконец не покусился и на убийство. Подлинно ничто, ничто не бывает так несносно, как оскорбление, ничто столько не угрызает душу человеческую; а чем язвительнее слова обидные, тем сильнейший возгорается огонь. Итак,

не почитай за маловажное называть другого уродом (безумным). Когда ты отнимаешь у брата своего то, чем мы отличаемся от бессловесных и что преимущественно делает нас людьми, то есть ум и рассудок, ты через это лишаешь его всякого благородства. Итак, не на слова только должны мы обращать внимание, но и на самое дело и на страсть, представляя то, какой удар нанести может слово и какое причинить зло. Вот почему и Павел извергает из царствия не только прелюбодеев и блудников, но и обидчиков. И весьма справедливо. В самом деле, обидчик разоряет благо, созидаемое любовью, подвергает ближнего бесчисленным бедствиям, производит непрестанные вражды, разрывает члены Христовы, ежедневно изгоняет любезный Богу мир, и своими ругательствами уготовляет диаволу просторное жилище, и способствует его усилению. Потому и Христос, чтобы ослабить крепость его, постановил этот закон. Он имеет великое попечение о любви, поскольку любовь есть мать всех благ, есть отличительный признак Его учеников; она одна содержит в себе все наши совершенства. Поэтому Христос справедливо с такою силою истребляет самые корни и источники вражды, разрушающей любовь. Итак, не думай, чтобы в словах Христовых было преувеличение; но, размыслив, какие от этих постановлений происходят блага, удивляйся их кротости. Ведь Бог ни о чем так не печется, как о том, чтобы мы жили в единении и союзе между собой. Потому-то Господь и сам, и через Своих учеников, как в Новом, так и Ветхом Завете, много говорит об этой заповеди и показывает Себя строгим мстителем и карателем за пренебрежение ею. Ничто столько не способствует ко введению и укоренению всякого зла, как истребление любви, почему и сказано: когда умножится беззаконие, *изсякнет любы многих* (Мф. XXIV, 12). Так Каин сделался братоубийцею; так предались жесто-

сти Исав и братья Иосифовы; так бесчисленное множество зол вторглось в мир от разрыва любви. Потому-то Христос со всею заботливостью истребляет все то, что разрушает любовь.

9. Но, не останавливаясь на этом, Господь присовокупляет к сказанному еще новые наставления, из которых видно, сколько Он печется о любви. Прежде Он угрожал сонмищем, судом и геенной, а теперь предлагает новые правила, согласные с прежними, говоря так: *аще принесеши дар твой ко олтарю, и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: остави дар твой пред олтарем, и шед прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой* (Мф. V, 23, 24). О благость! О неизглаголанное человеколюбие! Господь повелевает, чтобы поклонение Ему оставлено было ради любви к ближнему и тем показывает, что и прежние Его угрозы происходили не от неприязненности или желания наказывать, но от избытка любви. Какая кротость может сравниться с тою, которая выражается в этих словах? Пусть, говорит Он, прервется служение Мне, только бы сохранилась твоя любовь, потому что и то жертва, когда кто примиряется с братом. Потому-то Он не говорит: примирись по принесении или прежде принесения дара; но посылает примириться с братом, когда дар лежит пред алтарем, и жертвоприношение уже начато. Не велит взять с собой принесенный дар, не говорит: примирись прежде, нежели принесешь его; но повелевает бежать к брату, оставив дар пред алтарем. Для чего повелевает Он так поступить? Как мне кажется, Он имел двоякую цель: во первых, как я уже сказал, Он хотел показать, что высоко ценит любовь и почитает ее величайшей жертвой, и без нее не принимает и жертвы вещественной; во-вторых, хотел поставить в необходимую обязанность примирение с ближним. В самом деле, тот, кому велено принести дар не прежде, как

примирившись, конечно, поспешит прийти к оскорбленному и прекратить вражду, если не по любви к ближнему, то, по крайней мере, для того, чтобы жертвоприношение не осталось напрасным. Для того Господь каждому слову и придает особенную выразительность, устрашая и побуждая приносящего. В самом деле, не сказал Он только: *остави дар твой,* но присовокупил: *пред олтарем,* чтобы напоминанием о священном месте привести его в страх; не сказал только: *шед,* но присовокупил: *прежде, и тогда пришед принеси дар твой.* Через все это Он показывает, что трапеза Господня не допускает к себе враждующих друг против друга. Да слышат это посвященные в таинства, но со враждой приступающие к алтарю; да слышат и непосвященные, потому что и к ним относится это слово! И они ведь приносят дар и жертву, то есть молитву и милостыню; а что и это есть жертва, послушай, как говорит об этом пророк: *жертва хвалы прославит мя;* и еще: *пожри Богови жертву хвалы* (Пс. XLIX, 23, 14); и в другом месте: *воздеяние руку моею, жертва вечерняя* (CXL, 2). Итак, если ты принесешь и молитву с неприязненным расположением, то лучше тебе оставить ее, и пойти примириться с братом, и тогда уже совершить молитву. Для того ведь все и устроено было, для того и Бог соделался человеком и совершил все дело искупления, чтобы нас собрать воедино. Здесь Христос посылает обидевшего к обиженному, а научая молитве, ведет обиженного к обидевшему и примиряет их; здесь говорит: *аще брат твой имать нечто на тя, иди к нему,* а там говорит: *отпускайте человекам долги их* (Мф. VI, 14). Впрочем, и здесь, мне кажется, Он посылает обиженного, потому что не говорит: попроси брата твоего, чтобы он примирился с тобой, но просто — *примирись.* И хотя, по-видимому, речь здесь обращена к оскорбившему, но все относится к оскорбленному. Если ты, говорит Он, примиришься с

ним из любви к нему, то и Я буду к тебе милостив, и ты можешь приносить жертву с полным дерзновением. Если же гнев еще пылает к тебе, то представь, что Я сам охотно соглашаюсь на то, чтобы ты оставил на время жертву, только бы вам сделаться друзьями. Пусть же это укротит гнев твой. Притом Он не сказал: помирись, когда ты сильно обижен; но: сделай это и тогда, когда оскорбление будет маловажно, — *аще иматъ нечто на тя*. И не сказал также: когда ты гневаешься справедливо или несправедливо; но просто: *аще иматъ нечто на тя*, — хотя бы даже гнев твой был справедлив, и тогда не должно питать вражды. Так и Христос, невзирая на то, что гнев Его против нас был праведен, предал Себя Самого за нас на заклание, не вменяя нам грехов наших.

10. Потому и Павел, другим образом побуждая нас к примирению, сказал: *солнце да не зайдет во гневе вашем* (Еф. IV, 26). Как Христос побуждает нас к примирению, указывая время жертвы, так и Павел увещевает нас к тому же самому, указывая на время дня. Он страшится ночи, опасаясь, чтобы она, застигши в уединении человека, терзаемого гневом, еще более не растравила его раны. В продолжение дня многие могут и отвлекать и отторгать нас от гнева, а ночью, когда человек остается один и вдается в думы, волны вздымаются сильнее и буря свирепствует с большею яростью. Предупреждая это, Павел и хочет, чтобы мы примирившись встречали ночь, чтобы диавол не воспользовался нашим уединением и не разжег сильнее печь гнева. Подобным образом и Христос не терпит ни малейшего отлагательства, чтобы, по совершении жертвы, принесший ее не сделался беспечнее и не стал бы отлагать примирения со дня на день. Он знал, что эту страсть надобно погашать как можно скорее. Как мудрый врач предлагает не только предохраняющие от болезни сред-

ства, но и служащие к ее изменению, так поступает и Христос. Запрещение называть другого безумным есть врачевство, предохраняющее от вражды; а повеление примириться с ближним служит к удалению болезней, возникающих после вражды. Смотри, с какой строгостью Он предписывает исполнять то и другое. Там угрожает геенной; а здесь прежде примирения не хочет принять и дара и тем показывает, как велик гнев Его против враждующих. Таким образом, Он исторгает и корень, и плод его. Сперва говорит: *не гневайся*; а потом — *не произноси ругательных слов*, поскольку одно усиливается другим — от вражды возрастает ругательство, от ругательства вражда. Потому-то Он сперва истребляет корень, а потом и плод, не дает возникнуть злу в самом начале; если оно уже возрастает и приносит пагубный плод, то сжигает его совершенно. С той же целью, вслед за упоминанием о суде, сонмище, геенне и наставлением касательно принесения жертвы, Христос присовокупляет еще следующее: *буди увещаваяся с соперником твоим скоро, дондеже еси на пути с ним* (Мф. V, 25). Не говори: что же мне делать, если меня обижают, если отнимают от меня имущество и влекут меня на суд? Христос и в таком случае запрещает питать вражду, отнимая всякий к тому повод и предлог. Так как это повеление было особенно важно, то Господь убеждает к исполнению его указанием не на будущие блага, а на настоящие выгоды, которые скорее могут обуздывать грубых людей, чем обещания будущего. Ты говоришь: он меня сильнее и причиняет мне обиду? Но не причинит ли он тебе еще больше вреда, если ты не примиришься с ним и принужден будешь идти в темницу? Примирившись, ты уступишь имение, но за то тело твое будет свободно; а когда подвергнешь себя приговору судьи, то будешь связан и понесешь жесточайшее наказание.

Если же ты избежишь этой распри, то приобретешь двоякую пользу: во-первых, ты не потерпишь никакой неприятности; во-вторых, это будет уже твоя добродетель, а не следствие принуждения. Если же ты не хочешь внять моим увещаниям, то не столько причинишь вреда сопернику, сколько себе. Смотри, как Христос и здесь убеждает тебя скорее примириться. Сказав: *буди увещаваяся с соперником твоим*, присовокупляет — скоро. Но, не довольствуясь и этим, Он предлагает новое побуждение искать скорейшего примирения, говоря: *дондеже еси на пути с ним*, чтобы через все это сильнее склонить тебя и понудить к прекращению ссоры. В самом деле, ничто столько не нарушает порядка в нашей жизни, как наша медлительность и постоянные отсрочки при совершении добрых дел. Такая медлительность часто бывает причиной того, что мы всего лишаемся. Потому-то, как Павел говорит: прежде, нежели зайдет солнце, прекрати вражду, и выше сам Христос увещевает: прежде, нежели принесешь дар, примирись, — так и здесь Он побуждает к тому же, говоря: *скоро, дондеже еси на пути с ним*, — пока еще не дошел ты до дверей судилища, пока не предстал перед судьей и не оказался в конце концов в его власти. До тех пор, пока ты не вошел в суд, ты полный господин над собой; но как скоро переступишь за его порог, ты уже подневольный другого и, сколько бы ни усиливался, не можешь уже располагать собой как хочешь. Что же значит: *буди увещаваяся?* Это значит или то, чтобы ты согласился лучше потерпеть обиду, или то, чтобы ты смотрел на дело, поставив себя на месте твоего соперника, чтобы по самолюбию не нарушить справедливости, но, рассуждая о своем деле, как о чужом, произнести беспристрастный приговор. Если тебе кажется это слишком великим, то не удивляйся. Христос для того ведь и предвозвестил все известные уже блаженства, чтобы, углади-

ши путь и предуготовив душу слушателя, сделать ее способнейшей к принятию всех этих законов.

11. Некоторые говорят, что Господь под именем соперника разумеет диавола и не велит иметь с ним никакого дела; что и означают будто бы слова: *буди увещаваяся*, поскольку от диавола невозможно уже избавиться по отшествии из этой жизни, когда мы подвергнемся неизбежному наказанию. Но мне кажется, что Он говорит о судьях, о пути в суд и о темнице, какие мы видим здесь. Наряду с побуждениями, взятыми от высшего и будущего, Христос устрашает нас и тем, что бывает в настоящей жизни. Так поступает и Павел, убеждая слушателя представлением не только будущего, но и настоящего. Так, чтоб отвесть от зла, он представляет делающему зло человеку начальника с мечом: *аще ли зло твориши*, говорит он, *бойся; не бо без ума меч носит: Божий бо слуга есть* (Рим. XIII, 4). Равным образом, предписывая повиноваться начальнику, он представляет побуждением не только страх Божий, но и угрозы начальника, и его о нас заботы: *темже*, говорит он, *потреба повиноватися не токмо за гнев, но и за совесть* (там же, ст. 5). На людей грубых, как я уже сказал, обыкновенно больше действует то, что находится перед их глазами и под ногами. Потому и Христос упомянул не только о геенне, но и о суде, о заключении в темницу и о всех бедствиях заключения, желая через все это истребить самый корень убийства. Кто не произносит ругательных слов, не хочет судиться и не усиливает вражды, тот может ли покуситься на убийство? Таким образом и отсюда видно, что с пользой ближнего сопряжена наша польза. Примиряющийся со своим соперником гораздо больше сам получит пользы, потому что избавится от судилища, темницы и всех бедствий заключения. Итак, примем к сердцу эти наставления и не будем производить ни споров, ни ссор, и тем больше, что данные

повеления еще прежде будущих наград приносят с собой удовольствие и пользу. Ежели же для многих это кажется слишком тягостным и трудным, то пусть они помыслят, что делают это для Христа, и тогда тяжкое сделается приятным. Если мы будем постоянно держаться этой мысли, то не почувствуем никакой тягости, но все будет приносить нам великое удовольствие: самый труд не покажется уже трудом, напротив, – чем более станет умножаться, тем более сделается приятным и сладостным.

Итак, когда злой навык или страсть к любостяжанию будут сильно обольщать тебя, вооружись против них этой мыслью: презревши временное удовольствие, я получу великую награду. Скажи душе своей: ты скорбишь о том, что я лишаю тебя удовольствия; но радуйся, потому что я готовлю для тебя небо. Ты трудишься не для человека, но для Бога; потерпи же немного, и ты увидишь, какая произойдет отсюда польза; пребудь твердой в жизни настоящей, и ты получишь неизреченную свободу. Если таким образом будем беседовать с душой, если будем представлять не одну тягость добродетели, но и венец ее, то скоро отвлечем ее от всякого зла. Диавол обещает нам удовольствие временное, а скорбь уготовляет нескончаемую и, несмотря на то, преодолевает нас и побеждает; а Бог, напротив, требует от нас труда временного и обещает сладость и пользу вечную: чем же мы оправдаемся, если после такого утешения не последуем добродетели? Вместо всех иных побуждений и мысли о цели трудов, для нас довольно одной лишь твердой уверенности, что все это мы переносим для Бога. Если тот, кто имеет царя должником своим, почитает себя счастливым и безопасным на всю жизнь, то представь, как счастлив должен быть тот, кто своими добрыми делами, и малыми и великими, сделал должником своим человеколюбивого Бога, всегда живущего!

Итак, не говори мне о тяжести трудов и подвигов. Бог облегчил для нас подвиг добродетели не одной только надеждой на будущие блага, но и другим способом, то есть всегдашним Своим содействием и помощью. Тебе стоит только оказать хотя малое усердие, и все прочее последует само собой. Он для того требует от тебя хотя малых трудов, чтобы и тебе вменена была победа. Как царь повелевает сыну своему стоять в строю и быть на виду — для того, чтобы ему приписать победу, а между тем сам управляет всем ходом сражения, так и Бог поступает в войне нашей против диавола. Он требует от тебя только того, чтобы ты решительно объявил себя врагом диавола, и если ты это сделаешь, то всю войну Он сам уже окончит. Воспламеняется ли в тебе гнев, или ненасытное желание богатства, появляется ли другая какая-либо мучительная страсть, — Он, как скоро увидит тебя ополчающимся и готовым на брань, тотчас делает все легким и поставляет выше пламени страстей, подобно тому, как и отроков в печи Вавилонской, которые точно так же ничего не показали более, кроме готовности терпеть. Итак, чтобы и нам здесь утушить горящую печь беспорядочного удовольствия, а там избежать геенны, будем ежедневно того только желать, о том стараться и пещись, чтобы усердием к добру и непрестанными молитвами привлечь к себе Божье благоволение. Тогда все то, что теперь кажется нам несносным, будет совершенно удобно, легко и вожделенно. Пока мы увлекаемся страстями, до тех пор добродетель почитаем трудной, неудобной и неприступной, а порок любезным и приятным. Но как скоро хотя немного станем избегать грехов, порок будет нам казаться гнусным и безобразным, а добродетель легкой, удобной и любезной. В этом могут нас уверить примеры тех, которые исправили жизнь свою. Послушай, как стыдились своих пороков (римляне) даже и тогда, когда от них из-

бавились, как свидетельствует Павел: *кий убо тогда иместе плод, о них же ныне стыдитеся* (Рим. VI, 21); а добродетель, несмотря на понесенные труды, называет он приятной, скорбь мгновенной и труд легким, радуется в страданиях, веселится в скорбях и хвалится теми язвами, которые приемлет за Христа. Итак, чтобы и нам достигнуть такого состояния, будем ежедневно устроять жизнь свою согласно с наставлениями Господа, которые мы слышали, и, забывая заднее, будем простираться в переднее и стремиться к почести вышнего звания, чего все мы да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVII

Слышасте, яко речено бысть древним: не прелюбы сотвориши. Аз же глаголю вам: яко всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем (V, 27, 28)

1. Раскрыв во всей полноте первую заповедь и возведши ее к высшему началу духовной жизни, Спаситель, в порядке постепенности, переходит затем и ко второй заповеди, следуя и в этом случае порядку заповедей древнего закона. Но, быть может, кто скажет, что это не вторая, а третья заповедь. Да и самая заповедь *не убий* не есть первая. Первая заповедь — *Господь Бог твой, Господь един есть.* Ввиду этого можно спросить: почему Спаситель начал Свое учение не с этой заповеди? Итак, почему же? Потому, что если бы начал с первой заповеди, Ему надлежало бы ее раскрыть с большей полнотой, а следовательно, пришлось бы говорить и о Себе Самом. Между тем предлагать подробное учение о Себе Самом было еще не время. Кроме того, до известного

времени Он предлагал только нравственное учение, желая и Своими наставлениями, и Своими чудесами наперед убедить слушателей, что Он есть Сын Божий. В противном случае, если бы Он прежде, чем преподать нравственное учение и совершить чудеса, сказал: «Вы слышали, что сказано было древним: Я Господь Бог твой, и, кроме Меня, нет другого Бога; а Я говорю вам, что и Мне должны воздавать такое же поклонение, как Ему», то Он всех бы заставил только смотреть на Себя как на беснующегося. Если и после Его проповеди и многих знамений называли Его беснующимся, когда Он говорил о Своем богоравенстве даже прикровенно, то чего бы не сказали, чего бы не выдумали, если бы Он в самом начале решился сказать что-либо о Себе Самом как о Боге? Между тем, сохранив учение о божестве Своем до удобного времени, Он тем самым для многих сделал это учение удобоприемлемым. Вот почему Спаситель теперь и умолчал о нем. Он сперва расположил к нему слушателей знамениями и высочайшим нравственным учением, а потом уже и на словах открыто выразил его. Итак, теперь Он открывает его мало-помалу – совершением знамений и самим образом учения. Предписывая заповеди и восполняя закон с божественной властью, Он тем самым постепенно возводил внимательного и благоразумного слушателя и к уразумению догмата о божестве Своем. Евангелист говорит, что слушатели дивились Его учению, потому что Он учил не как их книжники (Мф. VII, 29; Мк. I, 22). Итак, начав с главных наших страстей, то есть гнева и пожелания (поскольку эти страсти сильнее в нас действуют и более других свойственны нам, Спаситель с великой властью, подобающей законодателю, исправил понятие о них и со всей точностью определил их сущность. В самом деле, Он не сказал, что только любодей наказывается; но что Он сказал касательно *убивающаго*, то

же говорит и здесь, назначая наказание и за любострастный взор, чтобы показать, в чем состоит превосходство Его перед книжниками. *Воззревый на жену*, говорит Он, *ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем*, то есть, кто привык засматриваться на телесную красоту, уловлять прелестные взоры, услаждать таким зрелищем свою душу и не сводить глаз с миловидных лиц, тот уже любодействует. Христос пришел избавить от злых дел не только тело, но еще более душу. Так как благодать Духа Святого мы принимаем в сердце, то Спаситель прежде всего его и очищает. Но как, скажешь, возможно освободиться от пожелания? Если только пожелаем, то очень возможно и его умертвить и сделать недействительным. Впрочем, Христос запрещает здесь не всякое пожелание, но пожелание, рождающееся в нас от воззрения на жен. Кто любит смотреть на красивые лица, тот больше всего сам возжигает в себе пламя страсти и, делая душу пленницей страсти, скоро затем приступает и к совершению пожелания. Потому-то Христос и не сказал: кто *вожделеет, ко еже любодействовати*, но — *иже воззрит, ко еже вожделети*. Когда Он говорил о гневе, то делал некоторое ограничение словом: *всуе* и *напрасно*. А говоря о пожелании, не употребил подобного ограничения, но всецело воспретил пожелание, — хотя гнев и пожелание равно нам врожденны и не без цели находятся в нас, именно — гнев для того, чтобы нам наказывать злых и исправлять беспорядочно ведущих себя, а пожелание для того, чтобы нам рождать детей и, таким образом, преемственно сохранять род наш.

2. Итак, почему же Спаситель и здесь не употребил ограничения? Если углубим внимание, то и здесь найдем весьма большое ограничение. В самом деле, Он не просто сказал: кто пожелает, — потому что можно желать и сидя в горах, — но: *иже воззрит, ко еже вожделети*,

то есть, кто сам воспламеняет в себе пожелание, кто без всякого принуждения вводит этого зверя в спокойное свое сердце. Это уже происходит не от природы, но от нерадения. Такое пожелание возбраняется и в Ветхом Законе, когда говорится: *не назирай чуждыя доброты* (Сир. IX, 8). Далее, чтобы кто не сказал: какая беда, если я посмотрю, но не буду увлечен страстью? — Христос угрожает наказанием и за самое такое воззрение, чтобы ты, слишком надеясь на себя самого, не впал таким образом после в грех. Но великий ли грех, скажешь ты, если я посмотрю и пожелаю, но ничего худого не сделаю? Нет; и в этом случае ты равняешься с любодеями. Так определил Законодатель, и ты не должен более любопытствовать. Когда ты посмотришь так один, два, три раза, то, быть может, еще в состоянии будешь преодолеть страсть; но если постоянно будешь делать и возжжешь пламень страсти, то непременно будешь побежден ею, потому что ты не выше природы человеческой. Подобно тому, как мы, видя дитя, держащее нож хотя и без вреда для себя, наказываем его за это и запрещаем впредь прикасаться к нему, так и Бог запрещает страстное воззрение еще прежде действительного преступления, чтобы нам когда-либо не впасть в самое преступление. Кто однажды возжег в себе страстное пламя, тот и в отсутствие виденной им женщины беспрестанно строит в воображении образы постыдных дел, а от них часто переходит и к самому действию. Поэтому Христос запрещает и любодейное движение сердца. Итак, что скажут те, которые имеют у себя сожительницами девиц? Они, по определению закона, виновны в бесчисленном множестве прелюбодеяний, потому что ежедневно смотрят на них с вожделением. Потому-то и блаженный Иов положил себе главным законом никогда не позволять себе такого *воззрения* (Иов. XXXI, 1). Действительно, когда посмотришь на

женщину, то уже труднее воздержаться от наслаждения той, которую любишь. Притом удовольствие, получаемое нами от воззрения, не так велико, как велик вред, претерпеваемый нами от усиливающегося пожелания; таким образом, мы сами усиливаем нашего противника, даем больше свободы диаволу, так что оказываемся уже не в состоянии отразить его, если впустим его внутрь себя и откроем для него свое сердце. Поэтому-то Спаситель и говорит: не прелюбодействуй глазами, — тогда не будешь прелюбодействовать и сердцем. Можно смотреть на женщин и иначе, — именно так, как смотрят целомудренные. Поэтому-то и Спаситель не вовсе запретил смотреть на жен, но только смотреть на них с вожделением. А если бы Он не имел такого намерения, то сказал бы просто: кто воззрит на жену; но Он сказал не так, а: *иже воззрит, ко еже вожделети*, то есть, кто взглянет для того, чтобы усладить взор свой. Не для того Бог создал тебе глаза, чтобы ты делал их орудием прелюбодеяния, но для того, чтобы, взирая на Его творения, благоговел перед Творцом. Как можно гневаться всуе, так можно и смотреть всуе, — именно, когда смотришь с вожделением. Если хочешь смотреть и услаждаться взором, то смотри постоянно на свою жену и люби ее: этого не воспрещает никакой закон. Если же ты будешь назирать чужую красоту, то оскорбишь и жену свою, отвращая от нее глаза свои, и ту, на которую смотришь, так как касаешься ее вопреки закону. Пусть ты не коснулся ее рукою; но ты коснулся своими глазами. Вот почему и такой поступок признается прелюбодеянием и прежде будущего мучения еще и в настоящей жизни повергает человека немалому наказанию. В самом деле, вся внутренность наполняется беспокойством и смущением, поднимается великая буря, возникает ужасная болезнь, и участь человека, претерпевающего все это, ничем не лучше участи пленных

и заключенных в оковы. Притом нередко та, которая пускает смертоносную стрелу, удаляется от пораженного, а рана остается надолго; или, справедливее, не она поражает тебя стрелою, но ты сам наносишь себе смертельную рану, смотря любострастными очами. Говорю это для того, чтобы оправдать целомудренных женщин. Но если кто из них украшает себя для того, чтобы привлечь на себя взоры встречных мужчин, такая женщина, хотя бы никого не уязвила своею красотою, подвергнется величайшему наказанию. Она уже приготовила отраву, растворила яд, но только никому не успела поднести отравленной чаши, или, вернее, – она уже и подносила эту смертоносную чашу, но только не нашелся желающий выпить ее. Почему же, спросишь ты, Христос в словах Своих не касается и женщин? Потому, что везде Он полагает общие законы, хотя, по-видимому, направляет их к одним мужчинам; говоря в назидание *главе*, вместе с тем Он дает наставление и всему телу. Он знает, что муж и жена суть единое существо, почему нигде и не различает пола.

3. Если хочешь послушать обличение, касающееся одних только женщин, то послушай Исаию, который всячески их порицает, осмеивая и вид их, и взгляд, и походку, и стелющиеся хитоны, их игривую поступь и изгибающиеся шеи (Ис. III, 16). Послушай также и блаженного Павла, который предписывает им многие законы и сильно обличает за одежды, за золотые украшения, за плетение волос, за изнеженность и тому подобное. Да и сам Христос в дальнейшей речи прикровенно высказал то же самое. Когда Он повелевает вырвать и отсечь то, что соблазняет нас, то этим показывает Свой гнев против жен. Для того и присоединил: *аще око твое десное соблазняет тя, изми се и верзи от себе* (ст. 29). Такую заповедь Он дает для того, чтобы ты не сказал: почему же не посмотреть на женщину, если она моя родствен-

ница или если заставляет смотреть на нее какая другая необходимость? Давая эту заповедь, Христос говорил не о членах, нет, – Он нигде не осуждает плоть, но везде обвиняет развращенную волю. Не глаз твой смотрит, а ум и сердце. Когда душа наша бывает обращена на другие какие-либо предметы, тогда глаз часто не видит того, что находится перед ним. Следовательно, не все надо приписывать действию глаза. Если бы Христос говорил о членах, то сказал бы не об одном глазе, и притом не о правом только, но об обоих. Ведь если кто соблазняется правым глазом, тот, без сомнения, соблазняется и левым. Итак, почему же Спаситель упомянул только о правом глазе и о правой руке? Чтобы ты знал, что речь идет не о членах, но о людях, имеющих с нами тесную связь. Если ты кого-либо столько любишь, что полагаешься на него как на правый свой глаз, или признаешь его настолько полезным для себя, что считаешь его вместо правой руки своей, и если он развращает твою душу, то ты и такого человека отсеки от себя. И заметь здесь силу выражения. Спаситель не сказал: отстань; а говорит: *изми, и верзи от себе*, желая указать на полное удаление. Далее, так как Он предписал заповедь довольно строгую, то показывает и пользу ее в обоих отношениях, – в отношении добра и в отношении зла. *Уне бо ти есть*, говорит Он, продолжая свое иносказание, *да погибнет един от уд твоих, а не все тело твое ввержено будет в геенну* (ст. 29). В самом деле, когда близкий тебе человек и себя самого не спасает, и тебя с собой губит, то какое было бы человеколюбие – обоим вам погрязать в бездне погибели, тогда как, разлучившись друг от друга, по крайней мере, один из вас может спастись? Как же, скажешь, Павел желал быть отлучен от Христа ради братий своих? Апостол желал этого не без пользы, но для того, чтобы другие спаслись; а здесь бывает вред для обоих. Потому Спаситель

и не сказал только: *изми*, но и: *верзи от себе*, — так, чтобы уже никогда не восстановлять связи с другом, если он останется таким же, как и прежде. Таким образом, ты и его освободишь от большого осуждения, и самого себя избавишь от погибели. Чтобы тебе яснее видеть пользу такого закона, применим, если тебе угодно, сказанное для примера к телу. Если бы тебе предстояла необходимость избрать одно из двух: или, сохраняя глаз, быть вверженным в ров и там погибнуть, или, лишившись глаза, сохранить прочие члены тела, — не согласился ли бы ты на последнее условие? Это для всякого очевидно. Это не означало бы, что ты не жалеешь глаза, но что жалеешь все прочие члены. Так же точно рассуждай о мужчинах и женщинах. Если друг твой, который вредит тебе, будет совершенно неизлечим, то он, будучи от тебя отсечен, и тебя освободит от всякого вреда, и сам избавится от большого осуждения, поскольку он, помимо своих грехов, уже не будет подлежать ответственности и за твою погибель. Видишь ли, какой кротостью и попечительностью исполнен закон Христов и какое великое оказывается человеколюбие в мнимой Его строгости? Да слышат это те, которые спешат на зрелища и ежедневно делают себя любодеями! Если закон повелевает нам отсекать от себя вредного друга, то какое могут иметь извинение те, которые на зрелищах ежедневно привлекают к себе совершенно незнакомых им и сами изобретают бесчисленные случаи к погибели? Итак, Спаситель не только не позволяет смотреть любострастными очами, но, показав происходящий от этого вред, еще более усиливает закон, повелевая нам соблазняющий член вырывать или отсекать и бросать от себя прочь. И это законополагает Тот, Кто тысячу раз говорил о любви, чтобы в том и другом случае ты узнал, как велико попечение Его о тебе и как Он всюду ищет твоей пользы. *Речено же бысть: яко иже*

аще пустит жену свою, да даст ей книгу распустную. Аз же глаголю вам: яко всяк отпущаяй жену свою разве словесе любодейнаго, творит ю любодействовате; и иже пущеницу поимет, прелюбодействует (ст. 31, 32).

4. К новому предмету Спаситель переходит лишь после того, как раскроет во всей полноте предыдущий. Так и в данном случае Он показывает нам еще другой вид прелюбодеяния. Какой же это? Был в Ветхом Завете закон, который всякому, кто не любит жену свою по какой бы то ни было причине, не воспрещал отвергать ее и жениться вместо нее на другой. Впрочем, закон повелевал делать это не просто, а предписывал дать жене разводную, чтобы ей нельзя уже было опять возвращаться к мужу, чтобы сохранить, таким образом, по крайней мере, вид брака. Если бы в законе такого повеления не было и было бы позволено одну жену отпустить и взять другую, а потом опять возвратить первую, то произошло бы великое смешение; тогда все беспрестанно брали бы жен друг у друга, и это было бы уже явным прелюбодеянием. Законодатель оказал немалое снисхождение, позволив давать разводную; но это было сделано для избежания другого, гораздо большего зла. В самом деле, если бы закон принуждал держать жену и ненавистную, то ненавидевший легко мог бы убить ее. А народ иудейский на это был способен. Если иудеи не щадили своих детей, умерщвляли пророков и кровь проливали как воду, тем более они не пощадили бы жен. Поэтому Законодатель и допустил меньшее зло, чтобы пресечь большее. А что закон этот был не из числа первоначальных, послушай, как об этом говорит Христос: Моисей по жестокосердию вашему написал это (Мф. XIX, 8), – то есть, чтобы вы, удерживая у себя жен, не убивали их, но изгоняли бы от себя. Но так как Спаситель воспретил всякий гнев, запрещая не только убийство, но и всякое негодование без причины, то Ему

легко было теперь упомянуть и о законе касательно развода. А приводя всегда слова Ветхого Завета, Он показывает тем, что учит не противному, а согласному с ними, и только усиливает, а не ниспровергает, исправляет, а не уничтожает древнее учение. Заметь опять, как Он везде обращает речь к мужу. *Отпущаяй жену свою,* говорит Он, *творит ю прелюбодеиствовати; и иже пущеницу поимет, прелюбодействует.* Первый, хотя бы не взял другой жены, делается виновным через то, что заставляет жену свою прелюбодействовать, а другой становится прелюбодеем потому, что взял чужую. Не говори мне, что тот изгнал жену, потому что она и изгнанная все-таки остается женой изгнавшего. Далее, чтобы, возложив всю вину на изгоняющего, не сделать через то жену более наглой, Христос заключил для нее двери ко вступлению в брак с другим, говоря: *иже пущеницу поимет, прелюбодействует.* Устраняя, таким образом, для отпущенной жены всякую возможность вступления в брак с другим мужем, Христос заставляет ее, хотя бы против желания, быть целомудренной, а тем самым лишает ее и возможности подавать мужу повод к малодушию. Зная, что ей безусловно необходимо или оставаться с мужем, который ей достался сначала, или, по выходе из его дома, лишиться всякого прибежища, она, хотя бы и против воли, но должна будет любить своего мужа. Если Спаситель прямо не говорит ей об этом, ты не должен дивиться. Жена существо слабое. Поэтому-то, не говоря к ней прямо, Христос в угрозе, относящейся к мужу, внушает и ей не быть легкомысленной. В этом случае Он поступил точно так же, как если бы кто-нибудь, вместо того, чтобы укорять своего распутного сына, стал бы обличать тех, которые делают его таковым и запрещал бы им быть с ним и приближаться к нему. Если слова Христовы кажутся для тебя тягостными, то вспомни вышесказанное, где Спаситель назвал

блаженными слушающих, и ты увидишь, что исполнение этих слов очень возможно и удобно. Кроткий, миротворец, нищий духом и милостивый изгонит ли жену? Тот, кто примиряет других, будет ли сам питать вражду к своей жене? Кроме того, Христос еще и другим образом закон Свой касательно развода сделал легким — именно, позволив его только по одной причине: *разве словесе прелюбодейнаго.* Но и в этом случае Он имел целью то же целомудрие. В самом деле, если бы Он позволил мужу держать в своем доме и такую жену, которая жила со многими, то опять вышло бы прелюбодеяние. Видишь ли, как эти слова согласны с высказанными раньше. В самом деле, не взирающий на чужую жену любострастными глазами не учинит и блуда; а не учинивший блуда не подаст мужу случая удалить от себя свою жену. Вот почему Христос весьма строго ограничивает свободу мужа и внушает ему страх, представляя для него великую опасность, если он удалит жену свою, поскольку в этом случае он становится виной ее прелюбодеяния. И чтобы ты, услышав слова: *изми око,* не подумал, что это говорится о жене, Христос благовременно разрешил такое твое недоумение, позволяя разводиться с нею исключительно только по причине прелюбодеяния. *Паки слышасте, яко речено бысть древним: не во лжу кленешися, воздаси же Господеви клятвы твоя. Аз же глаголю вам, не клятися всяко* (ст. 33, 34). Почему же Христос перешел дальше не к воровству, а к лжесвидетельству, пройдя молчанием заповедь касательно кражи? Потому, что вор иногда и клянется; а кто не клянется и не лжет, тот тем более не захочет воровать. Таким образом, данной заповедью Христос ниспровергает и воровство, потому что ложь рождается от воровства. Но что значит: *воздаси Господеви клятвы* твоя? Это значит, что в клятве ты должен говорить истину: *Аз же глаголю вам, не клятися всяко.*

5. Потом, чтобы еще более отвратить слушателей от обыкновения клясться Богом, Спаситель говорит: не клянитесь *ни небом, яко престол есть Божий; ни землею, яко подножие есть ногама Его; ни Иерусалимом, яко град есть великаго Царя* (ст. 34, 35). Говоря здесь словами пророков, Христос показывает, что Он не противоречит древним. Древние имели обыкновение клясться то небом, то землею, то Иерусалимом; и в конце Евангелия показан один из случаев такой обычной клятвы. Далее обрати внимание на то, почему Господь возвышает указанные предметы? Он возвышает их не по собственной их природе, но по особенному отношению к ним самого Бога, сообразно с нашим понятием. Так как тогда повсюду господствовало идолослужение, то, чтобы указанные предметы не показались сами по себе достойными уважения, Спаситель и представил ту причину, о которой мы сказали, то есть выставил на вид славу Божию. Он не сказал: поелику хорошо и велико небо; не сказал: поелику полезна земля; но – поелику небо есть престол Божий, земля подножие, – и, таким образом, Своих слушателей повсюду побуждал к прославлению Господа. *Ниже главою твоею, яко не можеши власа единаго бела, или черна сотворити* (ст. 36). Опять и здесь Христос запрещает клясться головой не по уважению к человеку, иначе бы и сам человек достоин был поклонения; усвояя славу Богу, Он показывает, что ты не властен над собой, а потому не имеешь власти и клясться головой. Если никто не согласится отдать сына своего другому, то тем более Бог не уступит Своего творения тебе. Хотя голова и твоя, но она есть собственность другого, и ты до такой степени не властен над ней, что не можешь сделать для нее и самомалейшего. Христос не сказал, что ты не можешь вырастить волоса, но что не можешь даже переменить его качества. Но как же быть, скажешь ты, если кто-нибудь требует клятвы и даже принуждает

к тому? Страх к Богу да будет сильнее всякого принуждения. Если ты станешь представлять такие предлоги, то не сохранишь ни одной заповеди. Тогда ты и о жене скажешь: что, если она буйна и расточительна? Скажешь и о правом глазе: а что, если я люблю его и стану разжигаться? Скажешь и о любострастном воззрении: ужели мне нельзя и смотреть? Равно можешь сказать и о гневе на брата: что, если я вспыльчив и не могу удерживать своего языка? Таким образом, тебе нетрудно будет попрать все вышесказанные заповеди. Между тем касательно законов человеческих ты никогда не смеешь представлять подобных предлогов и говорить: что, если то-то, или то-то? – но волею или неволею, а непременно повинуешься предписанию. Притом что касается рассматриваемой заповеди, то тебе может не представиться и необходимости когда-либо клясться. Кто внял учению о вышесказанных блаженствах и устроил себя так, как повелел Христос, того всякий будет считать достойным почтения и уважения и никто не станет принуждать к клятве.

Буди же слово ваше: ей, ей; ни, ни: лишше же сею от неприязни есть (ст. 37). Итак, что означает лишнее против слов: *ей* и *ни*? Это означает клятву, а не клятвопреступление. Всякому известно, и никому нет нужды доказывать, что клятвопреступление происходит от неприязни, и не только излишнее дело, но и богопротивное, а клятва есть дело излишнее и без нужды прибавляемое. Итак, скажешь, клятва была от лукавого? А если она от лукавого, то почему позволена была законом? То же самое ты можешь, однако, сказать и о жене: на каком основании ныне почитается любодеянием то, что прежде было позволительно? Что ж на это можно сказать? То, что тогда многое сказано было из снисхождения к приемлющим закон. Ведь и чтить Бога туком жертв столь же недостойно Его, как недостойно и филосо-

фа – пустословить. Ныне, когда добродетели возросли, отпущение жены вменяется в прелюбодеяние, и клятва признается от неприязни. А если бы законы касательно развода и клятвы сначала были законами диавола, то они не были бы столько полезны и действительны. С другой стороны, если бы не предшествовали эти законы, то не так бы легко было принято и Христово учение о них. Итак, ныне, когда нужда в этих законах миновала, не ищи уже в них силы. Они нужны были при тогдашних обстоятельствах; впрочем, ежели угодно, нужны и ныне. И ныне показывается их сила, и особенно тем самым, что они лишаются у нас своего значения. То, что они ныне представляются таковыми, служит для них величайшей похвалой. Они, конечно, не показались бы нам таковыми, если бы не воспитали нас надлежащим образом и не сделали способными к принятию высших законов. Сосцы, когда исполнят свое дело и младенец сделается способным вкушать более совершенную пищу, делаются уже бесполезными. И родители, которые прежде почитали сосцы необходимыми для своего младенца, делают их предметом шуток; а многие не только шутят, но и намазывают их каким-нибудь горьким веществом, чтобы если словами не могут отучить от них младенца, то уже самим делом уничтожить в нем расположение к сосцам.

6. Так и Христос, когда сказал, что клятва происходит от неприязни, то сказал не потому, будто древний закон произошел от диавола, но чтобы сильнее отвлечь слушателей от древнего несовершенства. Так Он говорил Своим ученикам. А что касается до бесчувственных иудеев, нераскаянно пребывающих в своем прежнем нечестии, то страхом пленения, как бы некоторой горечью, окружив их город (Иерусалим), Он сделал его для них недоступным. Но так как и это не могло обуздать их, и они опять, подобно детям, стремящимся к

сосцам, желали видеть этот город, то Бог, наконец, сокрыл его от очей их, разрушив его и большинство из них удалив от него, подобно как удаляют тельцов от матерей их, чтобы со временем заставить их отстать от прежней привычки к материнскому молоку. Если бы древний закон был от диавола, он не отвлекал бы от идолослужения, но, напротив, приводил бы и повергал бы в него, потому что этого желал диавол. Но мы видим, что древний закон производил противное. И самая клятва в Ветхом Завете потому узаконена, чтобы не клялись идолами. Клянитесь, говорит пророк, истинным Богом (Иер. IV, 2). Итак, древний закон о клятве доставил людям немалое, но весьма великое благо. Назначение его состояло в том, чтобы они перешли к твердой пище. Так значит, скажешь ты, клятва не от злого? – Нет! И весьма даже от злого; но только ныне, когда открыта нам самая высокая мудрость, а не тогда. Но как может быть, скажешь ты, одно и то же то хорошим, то нехорошим? А я наоборот скажу: как одно и то же не может быть хорошим и нехорошим, когда это неопровержимо доказывают все дела, искусства, плоды и все прочее? Смотри, как это возможно, прежде всего, в отношении к нам самим. Например: быть носиму на руках в первом возрасте хорошо, а после – вредно. Питаться разжеванной пищей в младенчестве хорошо, а после – отвратительно. Питаться молоком и прибегать к сосцам вначале полезно и спасительно, а после вредно и опасно. Видишь ли, как одно и то же, смотря по времени, хорошо, а после представляется не таковым? Носить детскую одежду отроку хорошо, а мужу неприлично. Хочешь ли знать и с противной стороны, как то, что мужу прилично, отроку неприлично? Одень отрока в одежду человека возрастного, – будет и смешно, и опасно для него ходить, потому что он часто будет запутываться. Поручи ему производство гражданских

дел, поручи торговлю, заставь сеять и жать, — опять будет очень смешно. И что я говорю об этом? Самое убийство, всеми признаваемое за изобретение лукавого, будучи совершено в приличное время, сделало Финееса, учинившего его, достойным степени священнической (Числ. XXV). А что убийство есть дело диавола, то послушай, что говорит сам Спаситель: *вы дела отца вашего хощете творити, он человекоубийца бе искони* (Ин. VIII, 41, 44). Но Финеес был человекоубийца, и — *вменися ему в правду*, говорит Писание (Пс. CV, 31). А Авраам был не только человекоубийцею, но, что еще хуже, детоубийцею, — и тем самым больше всего благоугодил Богу. Равным образом и Петр учинил двойное убийство, и, однако, это было делом духовным (Деян. V, 1 и след.). Итак, не станем просто судить о делах, но будем тщательно вникать во время, причину, намерение, в различие лиц и во все другие обстоятельства — иначе нельзя дойти и до истины. И если хотим достигнуть царствия, то должны стараться показать что-нибудь большее против ветхозаветных заповедей, а иначе нельзя получить небесных благ. Если мы достигнем только в меру возраста ветхозаветных, то будем стоять вне врат царствия: *аще не избудет правда ваша*, говорит Господь, *паче книжник и фарисей, не* можете войти *в царствие небесное* (Мф. V, 20). И, однако, есть люди, которые и при такой угрозе не только не превосходят древней правды, но даже и ее не имеют. Они не только не избегают клятв, но и преступают их; не только не остерегаются любострастного взгляда, но совершают и самое гнусное действие и безумно попирают все прочие заповеди, дожидаясь только одного дня мучения, чтобы понести тогда жесточайшее наказание за свои преступления. Такова только и может быть участь тех, которые окончили жизнь свою в нечестии. Им нужно оставить всякие надежды на спасение и не ждать

ничего, кроме наказания, потому что только находящиеся еще здесь удобно могут и вступить в борьбу, и победить, и увенчаться.

7. Итак, не ослабевай, человек, и не упраздняй доброго расположения! То, что повелевается тебе, не тягостно. Скажи мне, какой труд избегать клятвы? Разве нужна тут трата денег? Разве требуются великие усилия и изнурения? Стоит только захотеть – и все сделано. Если же кто-нибудь представит мне в оправдание привычку, то я скажу тому, что по этому самому и легко исполнить заповедь. Если ты приобретешь себе другую привычку, этим все и кончишь. Вспомни, для примера, многих эллинов, как одни из них, будучи заиками, при усиленном старании исправили недостаток в своем языке; а другие отстали от привычки постоянно поднимать и дергать беспорядочно плечами, приставляя к ним сверху меч. Если вы не убеждаетесь Писанием, то я вынужден, к стыду вашему, убеждать вас примером язычников. Так и Бог поступал с иудеями, говоря: *приидите во островы Хеттим, и в Кидар послите, и видите, аще премениша языцы боги своя, и тии не суть бози* (Иер. II, 10, 11). А часто посылает их даже к бессловесным тварям, например говоря: *иди ко мравию, о лениве, и поревнуй* путям его, *и иди ко пчеле* (Притч. VI, 6). Так и я теперь скажу вам: представьте философов языческих, и тогда узнаете, какого достойны наказания те, которые преступают божественные законы. Те ради людского уважения употребляли бесчисленные труды; а вы даже о небесных благах не хотите приложить такого же тщания. Если же и после этого ты скажешь, что привычка сильна, она может обмануть и самых осторожных, то хотя я и согласен с этим, но вместе с тем скажу и то, что привычка так же легко может быть исправлена, как легко может вводить в обман. Если поставишь над собой дома многих стражей, например жену,

раба, друга, то, всеми побуждаемый и поощряемый, легко отстанешь от худой привычки. И если займешься этим хоть только десять дней, то тебе более будет и не нужно; все счастливо совершится и устроится у тебя, добрая привычка опять твердо укоренится в тебе. Итак, когда начнешь исправлять худую привычку, то хотя бы раз, хотя бы два, три раза, хотя бы двадцать раз преступил закон, не отчаивайся; вставай и принимайся опять за тот же труд – и непременно останешься победителем. Клятвопреступление есть немаловажное зло. Если и клятва происходит от злого, то какого наказания будет достойно клятвопреступление? Вы хвалите мною сказанное? Но мне не нужны ваши рукоплескания, громкие отзывы и похвалы. Я желаю одного только, чтобы вы, с безмолвием и разумением слушая, исполняли слова мои. Это заменяет для меня всякое ваше рукоплескание и всякую вашу похвалу. Если же ты хвалишь сказанное, а не исполняешь того, что хвалишь, то тебе это служит к тягчайшему наказанию и большему осуждению, а нам к стыду и посмеянию. Здесь не театр, здесь вы смотрите не актеров, чтобы только рукоплескать. Здесь училище духовное. Потому об одном только и должно стараться, чтобы исполнить сказанное и делами доказать повиновение. Тогда я все получу от вас; а теперь я почти принужден в вас отчаиваться. Я и частным образом приходящих ко мне не переставал увещевать в том, о чем говорю теперь, и в общем собрании непрестанно об этом беседовал с вами, и, однако, не вижу никакого плода: вы все еще держитесь только первых начал; а это может привести учащего в великое уныние. Посмотри, как и Павел скорбел от того, что его слушатели долгое время оставались на низшей степени учения. *Должни суще быти учители лет ради,* говорит он, *паки требуете учитися, кая писмена начала словес Божиих* (Евр. V, 12). Потому

и я плачу и сердечно болезную. И если еще увижу вас неуспевающими, то запрещу вам наконец и приступать к этим священным вратам и приобщаться бессмертных тайн, подобно блудникам, прелюбодеям и обвиняемым в убийствах. Лучше ведь с двумя или тремя хранящими закон Божий возносить обычные молитвы, нежели собирать множество беззаконников, которые развращают других. Пусть же не гордится, пусть не надмевается здесь ни один богач, ни один вельможа. Все это для меня басни, тень и сновидение. Там, за гробом, нынешний богач не защитит меня, когда я буду обвиняем и принуждаем давать отчет, почему не с надлежащей ревностью защищал законы Божии. Это-то именно погубило и знаменитого старца первосвященника Илия; хотя он сам вел жизнь безукоризненную, тем не менее вместе с детьми своими потерпел страшное наказание за то, что небрег о попираемых законах Божиих. Если же и родственные узы не могли освободить от вины, если даже отец, который не с надлежащей строгостью поступал со своими детьми, подвергся столь тяжкой казни, то какое будем иметь извинение мы, которые, будучи свободны от таких уз, портим все своим послаблением? Итак, чтобы не погубить вам и меня и себя, то прошу вас: послушайтесь моего наставления и, приставив к себе многих наблюдателей и советников, оставьте привычку к клятвам, – чтобы вы, начавши с этого, могли упражняться с полным успехом и в других добродетелях и насладились будущими благами, которые все мы да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVIII

Слышасте, яко речено бысть: око за око, и зуб за зуб. Аз же глаголю вам не противитися злу: но аще кто тя ударит в десную ланиту, обрати ему и другую; и хотящему судитися с тобой и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу (V, 40)

1. Видишь ли, что Спаситель, предписывая выше заповедь вырывать соблазняющее око, разумел не самое око, но такого человека, который дружбой своей наносит нам вред и ввергает нас в ров погибели? В самом деле, если здесь Он предлагает столь высокое правило, что не позволяет вырвать око даже у того, кто вырвал бы его у нас, то мог ли Он повелеть кому-либо вырвать око у себя самого? Если же кто порицает Ветхий Закон за то, что в нем предписывается воздавать такую месть, тот, по моему мнению, вовсе не имеет понятия о свойственной Законодателю мудрости, не соображается с обстоятельствами времени и не знает, как иногда полезно бывает снисхождение. В самом деле, если ты размыслишь, кто были слышавшие это повеление, каково было расположение их духа и в какое время они приняли этот закон, то признаешь мудрость Законодателя и увидишь, что как закон о мщении, так и закон о незлобии даны одним и тем же Законодателем, и оба предписаны вполне своевременно и с величайшей пользой. Если б эти высокие и великие заповеди Законодатель предложил с самого начала, то люди не приняли бы ни этих заповедей, ни прежних. Теперь же, те и другие предложив в приличное время, Он исправил ими всю вселенную. С другой стороны, Законодатель предписал – *око за око* не для того, чтобы мы друг у друга вырывали глаза, но чтобы удерживали руки свои от обид; ведь угроза, заставляющая страшиться наказания, обуздывает стремление к делам преступ-

ным. Таким образом, Законодатель мало-помалу посеивает в сердцах благочестие, когда повелевает, чтобы обиженный за причиненное ему зло платил равным, хотя, по требованию правосудия, зачинщик преступления достоин был бы большого наказания. Но так как Ему угодно было правосудие растворить человеколюбием, то учинившего большее преступление Он осуждает на наказание гораздо меньшее, нежели какого он достоин, желая тем самым научить нас и среди самого страдания показывать великую кротость. Итак, приведя постановление Ветхого Закона и прочитав его от слова до слова, Спаситель опять показывает, что не брат учиняет обиду, но лукавый. Поэтому и присовокупляет: *Аз же глаголю вам не противитися* злому. Не говорит: *не противитися* брату, но: злому, показывая тем, что обидчик все делает по наущению диавола, и, таким образом, слагая вину на другого, весьма много ослабляет и пресекает гнев против обидевшего. Что же, скажешь ты: ужели нам не должно противиться лукавому? Должно, но не так, а как повелел сам Спаситель, то есть готовностью терпеть зло. Таким образом ты действительно победишь лукавого. Не огнем ведь погашают огонь, а водой. А чтобы знать тебе, что и в Ветхом Завете победа и венец остаются на стороне претерпевшего обиду, рассмотри, что происходит в этом случае, и увидишь, что преимущество остается на стороне обиженного. В самом деле, кто первый поднимает руку на совершение неправды, тот вырывает два глаза, – и у ближнего, и у себя. Поэтому Он справедливо подвергается общей ненависти и бесчисленным обвинениям. Между тем обиженный, хотя и воздаст за причиненное ему зло равным, не сделает никакого зла, почему многие даже и сожалеют о нем, так как он чист от греха в этом деле, хотя и воздал равным за равное. И хотя несчастье у обоих одинаково, но суждение о них неодинаково как

у Бога, так и у людей, а следовательно, уже и несчастье неодинаково. Итак, Спаситель сначала сказал: *гневающийся на брата своего всуе, и называющий его безумным, повинен будет геенне огненной*; здесь же требует еще высшего любомудрия, повелевая обиженному не только молчать, но и подставлять обижающему другую щеку и, таким образом, еще сильнее побороть его своим великодушием. И это говорит Он не только для того, чтобы дать закон, повелевающий переносить обиды, но чтобы и во всех других случаях научить нас незлобию.

2. Подобно тому, как в том случае, когда Спаситель говорит, что *называющий брата своего безумным повинен будет геенне огненной*, разумеет не одно только это обидное слово, но и вообще всякое поношение, так и здесь Он не только предписывает, чтобы мы переносили великодушно одни заушения, но чтобы мы не смущались и всяким другим страданием. Вот почему как и там Он избрал обиду самую чувствительную, так и здесь упомянул об ударе по щеке, который считается особенно позорным и составляющим великую обиду. Давая эту заповедь, Спаситель имеет в виду пользу и наносящего удары, и терпящего их. В самом деле, если обиженный вооружится тем любомудрием, которому научает Спаситель, то он не будет и думать, что потерпел обиду, он даже не будет и чувствовать обиды, почитая себя скорее ратоборцем, чем человеком, которого бьют. А обижающий, будучи пристыжен, не только не нанесет второго удара, хотя бы он был лютее всякого зверя, но и за первый будет крайне обвинять себя. Поистине, ничто так не удерживает обижающих, как кроткое терпение обижаемых. Оно не только удерживает их от дальнейших порывов, но еще заставляет раскаяться и в прежних и делает то, что они отходят от обиженных, удивляясь их кротости, и наконец из неприятелей и врагов делаются не только их друзьями, но даже самыми близ-

кими людьми и рабами. Наоборот, мщение производит совершенно противные следствия. Оно обоим причиняет стыд, ожесточает их и еще больше воспламеняет гнев, и зло, простираясь далее, доводит нередко до смерти. Вот почему Спаситель заушаемому не только запретил гневаться, но и повелел насытить желание ударяющего так, чтобы вовсе и неприметно было, что ты первый удар претерпел невольно. Действительно, таким образом ты поразишь бесстыдного гораздо чувствительнее, чем в том случае, если бы ты ударил его рукой, и из бесстыдного сделаешь его кротким. *Хотящему судитися с тобою, и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу.* Спаситель хочет, чтобы мы показывали такое же незлобие не только когда нас бьют, но и когда хотят отнять от нас имение. Потому опять предлагает столь же высокое правило. Как там Он повелевает побеждать терпением, так и здесь уступкой большего, чем ожидает любостяжатель. Впрочем, Он не просто предложил это последнее правило, а с оговорками, — Он не сказал: *отдай просящему срачицу, но — хотящему судитися с тобою,* то есть если он влечет тебя в суд и хочет завести с тобой дело. И, подобно как после заповедей — не называть брата безумным и не гневаться на него напрасно, в последней Своей проповеди Он потребовал большего, повелев подставлять и правую щеку, так и теперь, после высказанного уже повеления — мириться с соперником, опять простирает Свое требование еще далее, предписывая не только отдать сопернику то, что он хочет взять, но и оказать большую щедрость. Что ж? Неужели, скажешь, мне ходить нагим? Не были бы мы наги, если бы в точности исполняли эти повеления; напротив, еще были бы гораздо лучше всех одеты. Во-первых, потому, что никто не нападет на человека, имеющего такое расположение духа, а во-вторых, если бы и нашелся кто настолько жестокий и немилосердый, что

дерзнул бы и на это, то, без сомнения, еще более бы нашлось таких, которые человека, восшедшего на такую степень любомудрия, покрыли бы не только одеждами, но, если бы было возможно, и самой плотью своею.

3. А если бы кому довелось и нагим ходить ради такого любомудрия, то и в этом не было бы стыда. Адам в раю был наг и не стыдился (Быт. II, 25). И Исаия, ходивший нагим и без обуви, был знаменитее всех иудеев (Ис. XX, 3). Иосиф тогда особенно просиял (добродетелью), когда оставил одежду. Нимало не худо так обнажаться, но постыдно и смешно так одеваться, как мы одеваемся ныне, то есть в драгоценные одежды. Вот почему тех Бог прославил, а нас осуждает и через пророков, и через апостолов. Итак, не будем почитать невозможными повеления Господни. Они и полезны, и весьма удобны к исполнению, если только мы будем бодрствовать. Они так спасительны, что не только нам, но и обижающим нас приносят величайшую пользу. Особенное же достоинство их состоит в том, что они, убеждая нас терпеть обиды, тем самым научают любомудрствовать и причиняющих их. В самом деле, когда обижающий важным почитает отнимать собственность других, а ты на самом деле покажешь ему, что для тебя легко отдать и то, чего он не просит, и, таким образом, противопоставишь его нищенствованию и любостяжанию свою щедрость и любомудрие, то представь, сколь сильное получит он вразумление, не словами, но самими делами научаясь презирать злые склонности и любить добродетель! Бог хочет, чтобы мы были полезны не только для самих себя, но и для всех ближних. Итак, если ты отдашь требуемое без всякого спора и суда, то приобретешь пользу только себе. Если же сверх требуемого отдашь и другое что-нибудь, то и соперника отпустишь от себя лучшим. Вот что значит та *соль*, каковой

Спаситель желает быть ученикам Своим; она и саму себя сберегает, и сохраняет другие тела, ею осоленные. Вот что значит и тот свет; он светит и самому себе, и другим. Итак, поелику Господь и тебя поставил в число учеников Своих, то просвети сидящего во тьме; научи его, что он и то, чего от тебя требовал, взял у тебя не насильно; убеди его, что ты не считаешь себя обиженным. Таким образом, и сам заслужишь большее уважение и почтение, когда уверишь его, что он ничего у тебя не отнял, а ты сам подарил ему. Своею кротостью обрати грех его в повод к проявлению твоего благородства. Если это кажется тебе очень высоким, то подожди, — ты еще увидишь, что это не есть верх совершенства. Спаситель не останавливается еще здесь, предписывая тебе правила терпения обид, но простирается далее, говоря: *аще кто тя поимет по силе поприще едино, иди с ним два* (ст. 41). Видишь ли, на какую высоту любомудрия возводит тебя Спаситель? Он говорит, что и тогда, когда отдашь своему врагу и верхнюю и нижнюю одежду, ты не должен противиться ему, если бы и обнаженное тело твое захотел подвергнуть страданиям и трудам. Он хочет, чтобы все было общим — и тела, и имущество и чтобы мы служили ими как бедным, так и тем, кто обижает нас. Последнее — долг мужества, а первое — человеколюбия. Поэтому-то Он и сказал: *аще кто тя поимет по силе поприще едино, иди с ним два*, возводя тебя еще выше и повелевая оказывать новые опыты равного прежним великодушия. Если прежние Его предписания, которые требуют гораздо меньшего, доставляют исполняющим их столь великое блаженство, то подумай, какой жребий ожидает тех, кто исполняет эти последние, и каковыми, еще прежде наград, являются те, которые в человеческом и страстном теле показывают совершенное бесстрастие. Если они не только не оскорбляются обидами, ударами, отнятием

имущества, не только не побеждаются ничем другим, тому подобным, но еще жаждут больших страданий, то представь, какова у них делается душа. Потому-то Христос, как повелел поступать при нанесении ударов и при лишении имущества, так точно повелевает поступать и в этом случае. Что я говорю, – как бы так говорит Он, – об обидах и отнятии имущества? Если бы кто захотел и самое тело твое подвергнуть тяжким и изнурительным трудам, и притом несправедливо, то и тогда ты должен победить его несправедливое желание и стать выше его. *Пояти по силе* – значит влечь кого неправедно, без всякой причины и с обидой. Но ты и на это будь готов; будь готов потерпеть даже больше, нежели сколько тот хочет причинить тебе. *Просящему у тебе дай, и хотящаго от тебе заяти не отврати* (ст. 42). Этими словами Спаситель требует меньшего, нежели прежними, но не удивляйся этому. Спаситель обыкновенно так делает: Он всегда к великому присоединяет малое. Если же слова эти и малы в сравнении с первыми, пусть, однако, внимают им те, которые берут чужое, а собственное имущество раздают блудницам и, таким образом, возжигают для себя сугубый огонь через неправедный прибыток и пагубное расточение. Предписывая здесь давать в заем, Спаситель разумеет не отдачу денег в рост, но простое одолжение. А в другом месте требует еще большего, говоря, чтобы мы давали и тем, от кого не надеемся получить. *Слышасте, яко речено бысть: возлюбиши ближняго твоего, и возненавидиши врага твоего. Аз же глаголю вам: любите враги ваша, и молитеся за творящих вам напасть; благословите кленущия вы, добро творите ненавидящим вас, яко да будете подобни Отцу вашему, иже есть на небесех: яко солнце Свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и на неправедныя* (ст. 43, 44, 45). Вот высочайший верх добродетелей! Вот для чего учил Спаситель не только терпеливо сносить заушения, но и под-

ставлять правую щеку, не только вместе с верхней одеждой отдавать и нижнюю, но и две версты идти с тем, кто принуждает пройти одну! Все это предложил Он для того, чтобы ты с полной готовностью мог принять и то, что гораздо выше этих предписаний. Что же выше их, скажешь ты? Не почитать того врагом, кто причиняет тебе обиды, – даже нечто и того высшее, поскольку Господь не сказал: не возненавидь, но – возлюби; не сказал: не обижай, но – и благотвори.

4. Но если тщательнее рассмотрим слова Спасителя, то увидим, что в них заключается новое предписание, гораздо еще высшее. В самом деле, Он повелевает не только любить врагов, но и молиться за них. Видишь ли, на какие восшел Он степени и как поставил нас на самый верх добродетели? Смотри и исчисляй их, начав с первой: первая степень – не начинать обиды; вторая – когда она уже причинена, не воздавать равным злом обидевшему; третья – не только не делать обижающему того, что ты потерпел от него, но и оставаться спокойным; четвертая – предавать себя самого злостраданию; пятая – отдавать более, нежели сколько хочет взять причиняющий обиду; шестая – не питать к нему ненависти; седьмая – даже любить его; восьмая – благодетельствовать ему; девятая – молиться о нем Богу. Видишь ли, какая высота любомудрия? Но за то блистательна и награда. Так как повеление велико и требует мужественной души и великого подвига, то и мзду за исполнение его Спаситель обещает такую, какой не соединял ни с одной из прежних заповедей. Он обещает здесь не землю, как кротким, не утешение и помилование, как плачущим и милостивым, не царствие небесное, но что они будут подобны Богу, насколько то возможно для людей: *яко да будете*, говорит, *подобны Отцу вашему, иже на небесех*. Заметь, что Он ни здесь, ни прежде не называет Бога Отцем своим;

но там, когда говорил о клятвах, называл Его Богом и Царем великим, а здесь называет Отцом нашим. Он делает так потому, что беседу об этом хочет оставить до приличного времени. Объясняя затем, в чем состоит богоподобие, Он говорит: *яко солнце Свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и на неправедныя*, то есть Бог не только не ненавидит оскорбляющих Его, но даже благодетельствует им. Конечно, здесь нет равенства ни по чему, так как не только благодеяния Божии, но и величие Его достоинства превосходит все, что только вообразить можно. Тебя оскорбляет подобный тебе, а Его – раб, и притом такой, который получил от Него бесчисленные благодеяния. Ты, молясь за врага, благодетельствуешь ему словами, а Бог благодетельствует ему весьма великими и чудными делами, освещая его солнцем и ежегодно посылая дожди в определенное время. И при всем том я допускаю твое богоравенство, какое только возможно для человека. Итак, не питай ненависти к человеку, делающему тебе зло, когда ты через него приобретаешь такие блага и достигаешь столь великой чести. Не кляни обижающего тебя; иначе ты оскорбление претерпишь, а плода лишишься, – понесешь вред, а награды не получишь. А это крайне безумно – претерпев труднейшее, не перенести легчайшего. Но как это возможно, скажешь ты? Ты видишь, что Бог для тебя сделался человеком, что Он так уничижил Себя и так много пострадал за тебя, и еще ли спрашиваешь и недоумеваешь, как можешь ты прощать обиды равным себе? Не слышишь ли, что говорит Он на кресте: *остави им, не ведят бо, что творят* (Лк. XXIII, 34.)? Не слышишь ли, что говорит Павел: восшедший на небо, и сидящий *одесную* (Бога) *ходатайствует о нас* (Рим. VIII, 34)? Не видишь ли, что Он и после распятия и вознесения на небо послал к умертвившим Его иудеям апостолов, принес-

ших им бесчисленные блага и вместе потерпевших от них бесчисленное множество зол? Но ты весьма много обижен? Что же такое потерпел ты, что было бы подобно страданию твоего Владыки, Который после оказанных Им бесчисленных благодеяний был связан, претерпел заушения, бичевания, оплевания от рабов и наконец претерпел смерть – и смерть поноснейшую из всех смертей? Если же ты и много обижен, то по тому-то самому и должен еще более благодетельствовать, чтобы и для себя самого получить блистательнейший венец, и брата избавить от крайне жестокой болезни. Когда больные, находящиеся в сумасшествии, наносят удары и обиды врачам своим, то последние в это-то время особенно и жалеют о них и стараются об их излечении, зная, что дерзость их происходит от чрезмерной болезни. Подобным образом и ты имей такое же расположение духа к злоумышляющим против тебя и таким же образом поступай с обижающими тебя, потому что они совсем больные и делают все совершенно невольно. Итак, освободи врага своего от тяжкой его гордости, заставь его бросить гнев и избавь от лютого демона – ярости. Видя беснующихся, мы проливаем слезы, а не думаем сами подобно им бесноваться. Будем поступать так же и с гневающимися, потому что и они подобны бесноватым или даже несчастнее их, потому что хотя они и беснуются, но еще не лишились ума. Потому-то и бешенство их непростительно.

5. Итак, не нападай на лежащего, но жалей о нем. Когда мы видим, как человек, страдающий желчью, мучится головокружением и силится изблевать эту вредную мокроту, то тотчас подаем руку, поддерживаем терзаемого и не отвращаемся от него, хотя бы замарали и одежду, но о том только и стараемся, чтобы как-нибудь избавить его от такого тяжкого положения. Подобным образом станем поступать и с разгневанными, станем

помогать им, как изрыгающим из себя желчь и терзаемым, и не будем оставлять их до тех пор, пока они не извергнут всей горечи. И когда такой человек успокоится, то воздаст тебе величайшую благодарность. Тогда он ясно узнает, от какого расстройства ты его избавил. Но что я говорю о его благодарности? Сам Бог тотчас же тебя увенчает и наградит бесчисленными благами за то, что ты освободил брата своего от жестокой болезни. Да и тот будет почитать тебя, как своего господина, будет всегда с благоговением взирать на твою кротость. Не видишь ли, как мучащиеся родами кусают стоящих около них женщин, и между тем последние не ощущают боли? Вернее же сказать: они ощущают ее, но только мужественно переносят, соболезнуя о мучащихся и терзающихся болезнями рождения. Поревнуй и ты их великодушию и не будь слабее женщин. Когда родят эти жены, — а гневающиеся малодушнее самих жен, — тогда они узнают в тебе мужа. Если же эти повеления кажутся тебе тяжкими, то помысли, что Христос для того и пришел, чтобы насадить их в наших сердцах и чтобы сделать нас полезными как для врагов, так и для друзей. Поэтому Он и повелевает заботиться о тех и других; о братьях — когда говорит: *аще принесеши дар твой*; о врагах же — когда приказывает любить их и молиться за них. И побуждает к исполнению этого, не только указывая на пример благости Божией, но и на противное: *аще бо любите,* говорит Он, *любящих вас, кую мзду имате? Не и мытари ли тожде творят?* (ст. 46). То же самое подтверждает и Павел: *не у до крове стасте,* говорит он, *противу греха подвизающеся* (Евр. XII, 4). Итак, если ты исполняешь заповедь любви ко врагам, то пребываешь с Богом; если же оставляешь ее, то с мытарями. Видишь ли, что эти заповеди еще не так велики, как велико различие между мытарями и Богом? Итак, не станем помышлять

о трудности повеления, но представим награду и подумаем, кому сделаемся подобными, когда исполним это повеление, и с кем сравнимся, когда не будем исполнять. Спаситель повелевает нам мириться с братом и до тех пор не отходить от него, пока совершенно не истребим вражды. Когда же говорит о всех вообще, то не налагает на нас такой обязанности, но только требует того, что от нас зависит, и таким образом облегчает трудность закона. Выше сказал Он: *тако изгнаша пророки, иже беша прежде вас* (Мф. V, 12); теперь, желая, чтобы ученики Его за то же самое не досадовали на своих гонителей, повелевает им не только терпеть так поступающих с ними, но и любить их. Видишь ли, как Он с самым корнем истребляет гнев, пристрастие к плоти, к богатству, к славе и к настоящей жизни? Это уже сделал Он и в начале Своей проповеди, но гораздо более теперь. Действительно, нищий духом, кроткий и плачущий изгоняет из себя гнев; праведный и милостивый истребляет в себе пристрастие к богатству; чистый сердцем свободен от злой похоти; гонимый, претерпевающий обиды и злословимый приучается к совершенному презрению вещей временных и пребывает чист от надменности и тщеславия. Освободив, таким образом, слушателя от всех этих уз и приготовив к подвигам, Христос опять иным образом и с большим тщанием исторгает из его сердца указанные страсти, начиная с гнева и уничтожая всю силу этой страсти, когда говорит, что гневающийся на брата своего, называющий его безумным и пустым человеком заслуживает наказания; что принесший дар не должен приступать к трапезе, пока не прекратит вражды; что имеющий соперника, прежде нежели увидит судилище, должен сделать его из врага другом. Потом опять переходит к похоти и говорит, что воззревший любострастными очами заслуживает наказания как прелюбодей;

соблазняющийся любострастной женой, или мужем, или другим кем-либо из близких к нему должен отсечь от себя всех таковых; имеющий законную жену не должен никогда удалять ее от себя и обращать взоров к другой. Этими внушениями Спаситель исторгает корни злой похоти. Вслед за тем Он обуздывает любовь к богатству, запрещая клясться, лгать и удерживать даже рубашку, какую кто имеет на теле; повелевает отдавать верхнюю одежду и не жалеть даже тела для услуг требующему. Так истребляет Он в конец пристрастие к богатству.

6. Наконец, все эти повеления Спаситель украшает прекраснейшим венцом, говоря: *молится за творящих вам напасть,* – и таким образом возводит учеников Своих на высочайший верх любомудрия. Как терпеть заушения есть высший подвиг, нежели быть кротким; отдавать рубашку и верхнюю одежду есть дело более важное, нежели быть милостивым; переносить обиды есть высшая добродетель, нежели быть праведным; сносить побои и не противиться, когда понуждают идти, значит больше, нежели быть миротворцем, – так и среди гонений благословлять гонящего – гораздо важнее, нежели быть гонимым. Видишь ли, как Он мало-помалу возводит нас на самое небо? Итак, чего будем достойны мы, которые получили повеление ревностно стараться об уподоблении себя Богу и между тем, может быть, еще не сравнялись и с мытарями? В самом деле, если и мытари, и грешники, и язычники любят любящих, а мы и этого не делаем (а не делаем мы этого, когда завидуем доброй славе наших братьев), то какому не подвергнемся наказанию, будучи ниже язычников, тогда как должны быть превосходнее книжников? Как же, скажи мне, мы можем узреть царство? Как взойдем в его священные преддверия, будучи ничем не лучше мытарей? На это и указывает Спаситель,

говоря: *не и мытари ли тожде творят?* Что особенно удивительно в учении Христа, так это то, что награды за подвиги Он предлагает повсюду в великом множестве: обещает подвизающимся, что они и узрят Бога, и царствие небесное наследуют, и будут сынами Божиими и подобными Богу, и помилованы будут, и утешатся, и получат многую мзду на небесах; а если где нужно было упомянуть о прискорбном, то упоминает об этом кратко, так что имя *геенны*, например, Он употребил в столь продолжительной беседе всего лишь один раз. В других случаях Он исправляет слушателя кроткими вразумлениями, убеждая его более увещаниями, нежели угрозами, например когда говорит: *не и мытари ли тожде творят?* Или: *аще соль обуяет.* Или: *мний наречется в царствии небеснем.* Иногда полагает Он вместо наказания грехи, предоставляя самому слушателю заключать из тяжести последних о тяжести наказания, например когда говорит: *любодействова с нею в сердце своем;* или: *отпущаяй творит ю прелюбодействовати*; или еще: *лишше же сею от неприязни есть.* Для вразумления имеющих ум не нужно упоминать о наказании, а довольно только представить тяжесть греха. Вот почему и в настоящем случае Он представляет в пример язычников и мытарей, чтобы ученики Его устыдились, видя, с какими людьми Он их сравнивает. То же делал и Павел, когда говорил: *да не скорбите, якоже и прочии не имущии упования* (1 Солунян. IV, 13), и *якоже языцы не видящии Бога* (там же, ст. 5). Кроме того, слова эти: *не и язычницы ли такожде творят* (ст. 47) Спаситель сказал и для того, чтобы показать, что Он не требует ничего чрезмерного, но немного больше обыкновенного. Этим, однако, Он не заключает Своего слова, но оканчивает его указанием на награды и благими надеждами, говоря: *будите убо совершени, якоже Отец ваш небесный* (ст. 48). Часто упоминает Он во всей беседе

Своей о небе, чтобы представлением самого места возбудить сердца учеников Своих, так как в это время они были еще довольно слабы и грубы. Итак, представляя все доселе сказанное, будем оказывать всякую любовь ко врагам. Отвергнем то смешное обыкновение, которым страдают многие неразумные люди, дожидающиеся, чтобы встречные предупреждали их своим приветствием, и, таким образом, не ревнуют о том, что заключает великое блаженство, но гоняются за тем, что достойно смеха. Почему же ты не приветствуешь его прежде? Потому, скажешь ты, что он ожидает этого. Но по тому-то самому и надлежало поспешить тебе, чтобы венец достался тебе. Нет, скажешь, я потому именно и не приветствую его, что ему сильно этого хочется. Что может быть хуже такого безумия? Так как, говоришь ты, он сильно желает доставить мне случай к награде, по тому самому я не хочу этим случаем воспользоваться. Если он тебя предупреждает своим приветствием, то ты не получишь никакой пользы, хотя после и ответишь ему тем же; если же ты поспешишь прежде выразить ему приветствие, то ты, как бы торгуясь с его гордостью, получишь себе большую выгоду и соберешь обильный плод с его надменности. Итак, не крайне ли мы будем безумны, когда, имея случай двумя словами приобресть столь великую пользу, выпустим ее из рук и сами впадем в то же безрассудство, за которое осуждаем другого? Если ты обвиняешь его в том, что он прежде ожидает приветствия от другого, то зачем подражаешь тому, что охуждаешь сам, и стараешься как доброе перенимать то, что сам называешь злом? Видишь ли, что нет ничего безумнее человека, живущего в злобе? Поэтому умоляю вас, будем избегать этой злой и достойной посмеяния привычки. Болезнь эта расторгнула бесчисленное множество дружеских союзов и произвела многие раз-

доры. Будем же, поэтому, приветствиями предупреждать других. Если нам заповедано терпеть и тогда, когда враги нас заушают, насильно заставляют провожать себя и обнажают, то заслужим ли мы какого-нибудь прощения, если с таким упорством будем отказываться от простого приветствия? Ты скажешь: я подвергнусь презрению и буду как оплеванный, когда окажу ему такую честь. Итак, чтобы не презирал тебя человек, ты оскорбляешь Бога? Чтобы не презирал тебя беснующийся равный тебе раб, ты презираешь Владыку, Который столь много тебя облагодетельствовал? Ежели неразумно, что презирает тебя человек, равный тебе, то еще более неразумно, что ты презираешь Бога, Который сотворил тебя. Сверх того, заметь и то, что презирающий тебя тем самым доставляет тебе случай к получению большей награды, поскольку ты терпишь это для Бога, повинуясь Его законам. А с этой наградой какая честь, какие венцы сравниться могут? Я готов лучше терпеть всякие обиды и презрение – для Бога, нежели у всех царей быть в почтении, так как ничто, ничто не может сравниться с этой славой. Будем же искать этой славы так, как повелел сам Спаситель, и нимало не заботясь о суждениях человеческих, но во всем показывая истинное любомудрие, по нему будем устроять жизнь свою. Таким образом, еще здесь мы будем предвкушать блага небесные и славу венцов райских; будем обращаться с людьми – как ангелы и обитать на земле – как силы небесные, освободившись от всякой похоти и всех земных страстей; а вместе со всем этим восприимем и неизреченные блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава, держава и поклонение со безначальным Отцем и Святым и благим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIX

Внемлите милостыни вашея не творити пред человеки, да видими будете ими (VI, 1)

1. Наконец, Спаситель изгоняет самую пагубную страсть – тщеславие, это неистовство и бешенство, которым одержимы бывают даже люди добродетельные. Сначала Он ничего не говорил об этой страсти, потому что излишне было бы, не убедив наперед исполнять должного, учить тому, как надобно исполнять и доходить до совершенства. Но когда Он уже научил благочестию, тогда истребляет и ту язву, которая неприметным образом заражает его. Болезнь эта, действительно, не вдруг зарождается, но тогда, когда мы исполним уже многое из повеленного нам. Итак, нужно было прежде насадить добродетель, а потом уничтожать страсть, повреждающую плод ее. Чем же начинает Спаситель свою беседу? Словом о посте, молитве и милостыне, потому что тщеславие преимущественно присоединяется к этим добродетелям. Так, например, постом возгордился фарисей, когда говорил: *пощуся два краты* в неделю, *десятину даю* из имения (Лк. XVIII, 12). И в самой молитве искал он суетной славы, творя ее напоказ. Когда уже не было никого другого, то Он старался выказать себя перед мытарем. *Несмь якоже прочии человецы*, говорит он, *или якоже сей мытарь* (там же, ст. 11). Теперь посмотри, как начинает Спаситель слово Свое. Он как будто хочет говорить о каком-то звере, весьма хитром и страшном, который может внезапно схватить не совсем осторожного. *Внемлите*, внушает *милостыни вашея не творити пред человеки.* Так и Павел говорит филиппийцам: *блюдитеся от псов* (Флп. III, 2). Зверь этот подходит тайно, и все доброе, внутрь нас находящееся, тихо развевает и нечувствительно уносит. Итак, после того как Христос предложил довольно пространное

слово о милостыне, представил в пример и Бога, сияющего солнце Свое на злых и благих, и, всячески побуждая слушателей к этой добродетели, убедил их к щедрому подаянию, Он исторгает, наконец, и все то, что может вредить этой доброй маслине. Потому говорит: *внемлите милостыни вашея не творити пред человеки,* так как милостыня, о которой прежде было сказано, есть милостыня Божия. И сказав: *не творити пред человеки,* присовокупил: *да видими будете ими.* Последние слова, по-видимому, означают то же, что и первые. Но если кто тщательно рассмотрит, то увидит, что последние слова означают нечто другое и заключают в себе великую предусмотрительность, неизреченную попечительность и предохранение. В самом деле, и перед людьми делающий добро может делать не для того, чтобы его видели, равно как и не делающий перед людьми может делать с тем, чтобы его видели. Вот почему Бог наказывает или увенчивает не самое дело наше, но намерение. Если бы не было сделано такого точного разделения, то настоящая заповедь многих привела бы в недоумение касательно раздаяния милостыни, потому что не везде всем можно тайно творить милостыню. Поэтому, освобождая тебя от такой необходимости, Спаситель назначает наказание или награду не за совершение дела, но за намерение творящего. Чтобы ты не сказал: что пользы мне, если увидит другой? — Христос говорит тебе: Я не того требую, но мысли твоей и образа действования. Он желает исправить душу и освободить ее от всякой болезни. Итак, запретив творить милостыню для тщеславия и показав вред, происходящий от этого, тщету и бесполезность такой милостыни, Он опять возбуждает мысли своих слушателей воспоминанием об Отце и небе, чтобы не ограничиться одним только указанием на вред, но вразумить и напоминанием об Отце Своем. *Не имате,* говорит Он, *мзды от Отца*

вашего, иже есть на небесех. Впрочем, и здесь не остановился, но идет еще дальше, внушая и другим образом величайшее отвращение от суетной славы. Подобно тому, как выше Он указал на мытарей и язычников, чтобы качеством лица посрамить подражателей их, так и здесь упоминает о лицемерах. *Егда убо,* говорит Он, *твориши милостыню, не воструби пред собою, якоже лицемеры* (ст. 2). Так говорит Спаситель не потому, что лицемеры имели трубы, но желая показать их великое безумие, этим иносказанием осмеивая и осуждая их. И хорошо назвал их лицемерами. Милостыня их имела одну только личину милостыни, а сердце их было исполнено жестокости и бесчеловечия. Они творили ее не из милосердия к ближнему, но для получения славы. Крайняя жестокость – искать для себя чести, а не избавлять от несчастия другого, когда он погибает от голода. Итак, Спаситель требует не того только, чтобы мы подавали милостыню, но и того, чтобы подавали ее так, как должно подавать.

2. Обличив таким образом лицемеров и коснувшись их для того, чтобы пристыдить и слушателя, Христос опять врачует душу, страждущую недугом тщеславия, и, сказав, как не должно творить милостыню, показывает, как должно творить ее. Как же должно творить? *Да не увесть,* говорит Он, *шуйца твоя, что творит десница твоя* (ст. 3). Здесь Он опять не руки разумеет, но усиливает Свою мысль: если возможно, говорит, и себя самого не знать, и если возможно скрыться от самих служащих тебе рук, то постарайся об этом. Поэтому те недостаточно объясняют данные слова, которые думают, будто Спаситель повелевает в них скрываться от худых людей. Здесь Он повелел от всех скрываться. Обрати далее внимание, какая обещается награда. Упомянув о наказании, ожидающем лицемеров, Спаситель показывает и ту славу, которая ожидает раздающих милосты-

ню втайне, чтобы и тем и другим возбудить Своих слушателей, и возвести их к высокому учению. Он внушает, что Бог везде присутствует и что наши дела не ограничиваются настоящей жизнью, но что после этой жизни мы предстанем на страшное судилище, дадим отчет во всех делах своих и получим или почести, или наказания, и что тогда ни малое, ни великое дело не может сокрыться, хотя бы оно во время настоящей жизни, по-видимому, и было сокрыто от людей. На все это Спаситель сделал намек, когда сказал: *Отец твой, видяй втайне, воздаст тебе яве* (ст. 4). Воздаст, когда представит тебе великое и священное зрелище, когда то, чего теперь желаешь, даст тебе в великом обилии. Чего желаешь ты, говорит Он? Не того ли, чтобы иметь кого-нибудь зрителем дел твоих? Так вот тебе зритель – Сам Бог всяческих, а даже не ангелы, не архангелы. Если же ты желаешь иметь своими зрителями и людей, то Он в надлежащее время исполнит и это твое желание и даже в величайшем избытке удовлетворит его. Если ты ныне захочешь показать себя, то можешь показаться только десяти, двадцати или ста человекам; а если стараешься скрываться ныне, то тогда сам Бог возвестит о тебе перед всей вселенной. Итак, если ты особенно желаешь того, чтобы люди видели твои добродетели, то скрой их ныне, чтобы все с большею честью увидели их тогда, когда Бог сделает их явными, откроет и возвестит перед всеми. Видящие ныне обвинят тебя, пожалуй, и в тщеславии; а когда увидят тебя венчаемого, тогда не только не обвинят тебя, но и все удивятся тебе. Таким образом, если ты можешь получить от Бога величайшую награду и всех привести в удивление, для этого только потерпев малое время, то подумай, какое бы было безумие лишиться того и другого, и, прося у Бога награду за свои добрые дела, стараться показать их людям, тогда как на них взирает Сам Бог? Если уж

нужно показывать себя, то прежде всего нужно показывать Отцу, а особенно – когда Отец властен и увенчать и наказать. Даже если бы Бог и не наказывал за тщеславие, то и тогда ищущему славы неприлично было бы менять Бога на людей, заставляя их смотреть на свои дела. Кто бы был так жалок, чтобы, пренебрегши царем, спешащим видеть его блистательные подвиги, захотел быть видимым одними только бедными и нищими? Потому-то Спаситель повелевает нам не только не выказывать самих себя, но и стараться скрывать себя от других; а не иметь желания выказывать себя и иметь желание скрываться – не одно и то же. И *егда* молитеся, продолжает Спаситель, *не* будите *якоже лицемери: яко любят в сонмищих и в стогнах, путей стояще молитися. Аминь глаголю вам, восприемлют мзду свою. Ты же, егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери твои, помолися Отцу твоему, иже в тайне* (ст. 5, 6). Вот и здесь молящихся с тщеславием Он называет лицемерами. И весьма справедливо, – потому что они, притворяясь, будто молятся Богу, только смотрят на людей и, таким образом, представляют из себя не молящихся, но людей смешных. Тот, кто желает молиться, оставивши всех, взирает только на Того одного, Который силен исполнить его прошение. Если же, оставивши Его, будешь блуждать по различным предметам и всюду обращать взоры свои, то отойдешь с пустыми руками, – потому что ты сам захотел этого. Потому Спаситель и не сказал, что таковые не получат мзды, но что восприемлют мзду свою, то есть примут мзду, но только от тех, от кого желают сами. Не Бог хочет этого, – напротив, Он Сам желал бы от Себя даровать награду, – а сами они, ища награды от людей, уже недостойны получить ее от Того, для Кого ничего не сделали. Смотри, какое человеколюбие Божие, когда Он обещается даровать награду даже и за те блага, о которых мы просим Его. Итак,

Иисус, и в рассуждении места, и в расположении обличивши творящих молитвы неподобающим образом и показав, до какой степени они смешны, предлагает лучший образ молитвы, говоря: *вниди в клеть твою,* и молящимся таким образом обещает награду.

3. Что ж, спросишь ты, ужели не должно молиться в церкви? И очень даже, но только смотря по тому, с каким намерением. Бог везде смотрит на цель дел. Если и в клеть войдешь, и затворишь за собой двери, а сделаешь это напоказ, то и затворенные двери не принесут тебе никакой пользы. Смотри, и здесь какое точное определение употребил Спаситель, когда сказал: *яко да явятся человеком*! Итак, хотя бы ты затворил двери, Он желает, чтобы ты, прежде чем затворить их, изгнал из себя тщеславие и заключил двери сердца твоего. Быть свободным от тщеславия – дело всегда доброе, а особенно во время молитвы. Если и без этого порока мы всюду блуждаем и носимся своими мыслями во время молитвы, то когда приступим к молитве с болезнью тщеславия, тогда и сами не услышим молитв своих. Если же и мы не слышим молитв и прошений своих, то как можем умолить Бога, чтобы Он услышал нас? И, однако, есть люди, которые, несмотря на все такие наставления, так худо себя ведут во время молитвы, что хотя самих их и не видно было бы, они своими непристойными воплями всем дают знать о себе и как видом своим, так и криком делают самих себя смешными. Не знаешь ли, что если кто и на торжище будет так делать и просить с воплем, то отгонит от себя того, кого просит, а когда спокойно и приличным образом станет просить, тогда скорее привлечет к себе могущего оказать ему милость? Итак, будем творить молитвы не с движениями тела и не с воплем гласа, но с благим и искренним расположением; не с шумом и гамом, не для показа, способного отогнать ближних, но со всею

кротостью, сокрушением сердца и непритворными слезами. Но ты скорбишь душою и не можешь не вопить? Напротив, сильно скорбящему и свойственно именно молиться и просить таким образом, как я сказал. Так и Моисей, когда скорбел, молился таким образом и был услышан, почему и сказал ему Бог: *что вопиеши ко мне*? (Исх. XIV, 15). Подобным образом и Анна, хотя голос не был слышан, получила все, что просила, потому что сердце ее вопило (1 Цар. I). А Авель не только молча, но и умирая, молился, и кровь его издавала глас громче трубы. Восстенай же и ты так, как этот святой: я не запрещаю. Раздери, как повелел пророк, сердце твое, а не одежды; из глубины призови Бога. *Из глубины*, говорит Давид, *воззвах к Тебе Господи* (Пс. CXXIX, 1). Из глубины сердца твоего извлеки глас, сделай молитву твою тайной. Не видишь ли, что и в царских чертогах возбраняется всякий шум и бывает повсюду великое молчание? Так и ты, как бы входя в царский дом, не земной, но более страшный – небесный, покажи великую благопристойность. Ты находишься в сонме ангелов и в обществе архангелов и поешь с серафимами. А все эти лики небесные сохраняют великое благочиние и свое таинственное сладкопение и священные песни со многим страхом воспевают Царю всех Богу. Итак, соединись с ними во время молитвы и поревнуй их таинственному благочинию. Ты ведь не людям молишься, но Богу вездесущему, слышащему тебя еще прежде твоего голоса и знающему тайны сердечные. Если ты так станешь молиться, то великую получишь награду. *Отец Твой*, говорит Спаситель, *видяй в тайне, воздаст тебе яве*; не сказал: дарует тебе, но – *воздаст тебе*. Таким образом, Бог сделал Себя должником твоим и тем самым опять почтил тебя великой честью. Так как Он невидим, то желает, чтобы такова была и молитва твоя. Далее Христос предлагает и самые слова молитвы.

Молящеся, говорит Он, *не лишше глаголите, якоже язычницы* творят (ст. 7). Когда Христос говорил о милостыне, то устранял только вред, происходящий от тщеславия, а ничего более не предложил, например не сказал, что милостыню должно творить от праведных трудов, а не из похищенного и собранного любостяжанием, потому что это было отлично известно всем, да и раньше Спаситель уже указал на это, когда именно ублажил алчущих правды. Говоря же о молитве, Он присовокупляет еще и то, чтобы не говорить лишнего. И как там Он осмеивает лицемеров, так здесь язычников, чтобы примером низких людей устыдить слушателя. Так как сравнение с отверженными людьми особенно опечаливает и уязвляет человека, то Спаситель этим и предостерегает своих слушателей от тщеславия и многоглаголания во время молитвы. А под многоглаголанием разумеем здесь пустословие, например когда мы просим у Бога неприличного, как то: власти, славы, победы над врагами, множества богатства, словом — совсем для нас бесполезного. *Весть бо*, говорит, *ихже требуете* (ст. 8.).

4. Кроме того, здесь, как мне кажется, Спаситель запрещает продолжительные молитвы; впрочем, продолжительные не по времени, но по множеству и продолжительности слов, так как с терпением должно ожидать того, чего просим: *в молитве терпяще*, говорит апостол (Рим. XII, 12). Притом и сам Спаситель притчею о вдовице, которая немилосердного и жестокого судью преклонила неотступностью просьбы, и притчею о друге, безвременно ночью пришедшем и поднявшем с одра спящего не по дружбе, но по неотступному прошению, не иное что заповедал, как то, что все непрестанно должны молиться Ему. Впрочем, Он повелел не воссылать к Нему молитвы, составленной из многочисленных стихов, а просто открывать Ему наши прошения.

На это Он и указал в словах: *мнят бо, яко в многоглаголании своем услышаны будут. Весть бо их же требуете* (ст. 7, 8). А если Он знает, скажет кто-либо, в чем мы имеем нужду, то для чего нужно молиться? Не для того, чтобы указать Ему твои нужды, но для того, чтобы преклонить Его; чтобы через непрестанное моление соединиться с Ним, чтобы смириться перед Ним, чтобы вспомнить грехи свои. *Сице убо молитеся вы*, продолжал Спаситель: *Отче наш, иже еси на небесех* (ст. 9). Смотри, каким образом Он тотчас ободрил слушателя и в самом начале вспомнил о всех благодеяниях Божьих. В самом деле, тот, кто называет Бога Отцом, одним этим наименованием исповедует уже и прощение грехов, и освобождение от наказания, и оправдание, и освящение, и искупление, и сыноположение, и наследие, и братство со Единородным, и дарование Духа, так как не получивший всех этих благ не может назвать Бога Отцом. Итак, Христос двояким образом воодушевляет Своих слушателей, — и достоинством называемого, и величием благодеяний, которые они получили. Когда же говорит — *на небесех*, то этим словом не заключает Бога на небе, но отвлекает молящегося от земли и поставляет его в превыспренних странах и в горних жилищах. Далее, этими словами Он научает нас молиться и за всех братьев. Он не говорит: Отче мой, иже еси на небесах, но — *Отче наш*, и тем самым повелевает возносить молитвы за весь род человеческий и никогда не иметь в виду собственных выгод, но всегда стараться о выгодах ближнего. А таким образом и вражду уничтожает, и гордость низлагает, и зависть истребляет, и вводит любовь — мать всего доброго; уничтожает неравенство дел человеческих и показывает полное равночестие между царем и бедным, так как в делах высочайших и необходимейших мы все имеем равное участие. Действительно, какой вред от низкого родства, когда

по небесному родству мы все соединены, и никто ничего не имеет более другого: ни богатый более бедного, ни господин более раба, ни начальник более подчиненного, ни царь более воина, ни философ более варвара, ни мудрый более невежды? Бог, удостоивший всех одинаково называть Себя Отцом, через это всем даровал одно благородство. Итак, упомянувши об этом благородстве, о высшем даре, о единстве чести и о любви между братьями, отвлекши слушателей от земли и поставивши их на небесах, — посмотрим, о чем, наконец, повелевает Иисус молиться. Конечно, и наименование Бога Отцом заключает в Себе достаточное учение о всякой добродетели: кто Бога назвал Отцом, и Отцом общим, тот необходимо должен так жить, чтобы не оказаться недостойным этого благородства и показывать ревность, равную дару. Однако Спаситель этим наименованием не удовлетворился, но присовокупил и другие изречения. *Да святится имя Твое*, говорит Он. Ничего не просить прежде славы Отца небесного, но все почитать ниже хвалы Его — вот молитва, достойная того, кто называет Бога Отцом! *Да святится* значит — да прославится. Бог имеет собственную славу, исполненную всякого величия и никогда не изменяемую. Но Спаситель повелевает молящемуся просить, чтобы Бог славился и нашею жизнью. Об этом Он и прежде сказал: *да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрыя дела, и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. V, 16). И серафимы, славя Бога, так взывают: *свят, свят, свят* (Ис. VI, 10)! Итак, *да святится* значит — да прославится. Сподоби нас, — как бы так учит нас молиться Спаситель, так чисто жить, чтобы через нас все Тебя славили. Перед всеми являть жизнь неукоризненную, чтобы каждый из видящих ее возносил хвалу Владыке, — это есть признак совершенной мудрости. *Да приидет царствие Твое* (ст. 10). И эти слова приличны

доброму сыну, который не привязывается к видимому и не почитает настоящих благ чем-либо великим, но стремится к Отцу и желает будущих благ. Такая молитва происходит от доброй совести и души, свободной от всего земного.

5. Этого и Павел желал каждодневно, почему и говорил: *и сами начаток Духа имуще, воздыхаем всыновления чающе, избавлении телу нашему* (Рим. XIII, 23). Кто имеет такую любовь, тот не может ни возгордиться среди благ этой жизни, ни отчаяться среди горестей; но, как живущий на небе, свободен от той и другой крайности. *Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли.* Видишь ли прекрасную связь? Он прежде повелел желать будущего и стремиться к своему отечеству; но доколе этого не будет, живущие здесь должны стараться вести такую жизнь, какая свойственна небожителям. Должно желать, говорит Он, неба и небесного. Впрочем, и прежде достижения неба Он повелел нам землю сделать небом и, живя на ней, так вести себя во всем, как бы мы находились на небе, и об этом молить Господа. Действительно, к достижению совершенства горних сил нам нимало не препятствует то, что мы живем на земле. Но можно, и здесь обитая, все делать так, как бы мы жили на небе. Итак, смысл слов Спасителя таков: как на небе совершается все беспрепятственно и не бывает того, чтобы ангелы в одном повиновались, а в другом не повиновались, но во всем повинуются и покоряются (потому что сказано: *сильнии крепостию, творящии слово Его* [Пс. CII, 20]), — так и нас, людей, сподоби не вполовину творить волю Твою, но все исполнять, как Тебе угодно. Видишь ли? Христос научил и смиряться, когда показал, что добродетель зависит не от одной только нашей ревности, но и от благодати небесной, и вместе заповедал каждому из нас во время молитвы принимать на себя попечение и о вселенной, — Он не сказал: да

будет воля Твоя во мне, или в нас, но на всей *земли*, — то есть чтобы истребилось всякое заблуждение и насаждена была истина, чтобы изгнана была всякая злоба и возвратилась добродетель и чтобы, таким образом, ничем не различалось небо от земли. Если так будет, говорит Он, то дольнее ничем не будет различествовать от горнего, хотя по свойству они и различны; тогда земля покажет нам других ангелов. *Хлеб наш насущный даждь нам днесь* (ст. 11). Что такое *хлеб насущный?* Повседневный. Так как Христос сказал: *да будет воля твоя, яко на небеси и на земли,* а беседовал Он с людьми, облеченными плотью, которые подлежат необходимым законам природы и не могут иметь ангельского бесстрастия, то хотя и повелевает нам так исполнять заповеди, как и ангелы исполняют их, однако снисходит к немощи природы, и как бы так говорит: Я требую от вас равноангельной строгости жизни, впрочем, не требуя бесстрастия, поскольку того не допускает природа ваша, которая имеет необходимую нужду в пище. Смотри, однако, как и в телесном много духовного!

Спаситель повелел молиться не о богатстве, не об удовольствиях, не о многоценных одеждах, не о другом чем-либо подобном, но только о хлебе, и притом о хлебе повседневном, так чтобы нам не заботиться о завтрашнем, почему и присовокупил: *хлеб насущный,* то есть повседневный. Даже и этим словом не удовлетворился, но присовокупил вслед за тем и другое: *даждь нам днесь,* чтобы нам не сокрушать себя заботой о наступающем дне. В самом деле, если ты не знаешь, увидишь ли завтрашний день, то для чего беспокоишь себя заботой о нем? Это Спаситель заповедал и далее затем в Своей проповеди: не *пецытеся*, говорит, *на утрий* (Мф. VI, 34). Он хочет, чтобы мы всегда были препоясаны и окрылены верой и не более уступали природе, чем сколько требует от нас необходимая нужда. Далее, — так как

случается грешить и после купели возрождения, то Спаситель, желая и в этом случае показать Свое великое человеколюбие, повелевает нам приступать к человеколюбивому Богу с молением об оставлении грехов наших и так говорит: *остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим* (ст. 12). Видишь ли бездну милосердия Божия? После отъятия стольких зол и после неизреченно великого дара оправдания, Он опять согрешающих удостоивает прощения. А что эта молитва принадлежит верным, — показывают как уставы Церкви, так и начало самой молитвы Господней. Непросвещенный верой не может Бога называть Отцом. Если же молитва Господня принадлежит верным, и если она повелевает им молиться об отпущении грехов, то явно, что и после крещения не уничтожается благодетельное употребление покаяния. Если бы Христос не хотел показать этого, то не заповедал бы и молиться таким образом. Когда же Он упоминает и о грехах, и повелевает просить их прощения, и научает, каким образом мы можем получить это прощение, и тем самым делает для нас легким путь к получению его, то, без сомнения, дал этот закон молитвы потому, что и сам совершенно знал, и нам желал внушить, что и после крещения можно омыть грехи. Напоминанием о грехах Он внушает нам смирение; повелением отпускать другим уничтожает в нас злопамятство; а обещанием за это и нам прощения утверждает в нас благие надежды и научает нас размышлять о неизреченном человеколюбии Божием.

6. Особенно же достойно замечания то, что Он в каждом вышесказанном прошении упомянул о всех добродетелях, а этим последним прошением еще объемлет и злопамятство. И то, что через нас святится имя Божие, есть несомненное доказательство совершенной жизни; и то, что совершается воля Его, показывает то

же самое; и то, что мы называем Бога Отцом, есть признак непорочной жизни. Во всем этом уже заключается, что должно оставлять гнев на оскорбляющих нас; однако Спаситель этим не удовлетворился, но, желая показать, какое Он имеет попечение об искоренении между нами злопамятства, особо говорит об этом и после молитвы припоминает не другую какую заповедь, а заповедь о прощении, говоря: *аще бо отпущаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный* (Мф. VI, 14). Таким образом, это отпущение первоначально зависит от нас, и в нашей власти состоит суд, произносимый о нас. Чтобы никто из неразумных, будучи осуждаем за великое или малое преступление, не имел права жаловаться на суд, Спаситель тебя, самого виновного, делает судьей над самим собой и как бы так говорит: какой ты сам произнесешь суд о себе, такой же суд и Я произнесу о тебе; если простишь своему собрату, то и от Меня получишь то же благодеяние, хотя это последнее, на самом деле, гораздо важнее первого. Ты прощаешь другого потому, что сам имеешь нужду в прощении, а Бог прощает, сам ни в чем не имея нужды; ты прощаешь сорабу, а Бог рабу; ты виновен в бесчисленных грехах, а Бог безгрешен. С другой стороны, Господь показывает Свое человеколюбие тем, что хотя бы Он мог и без твоего дела простить тебе все грехи, но Он хочет и в этом благодетельствовать тебе, во всем доставляет тебе случаи и побуждения к кротости и человеколюбию; гонит из тебя зверство, угашает в тебе гнев и всячески хочет соединить тебя с твоими членами. Что ты скажешь на это? То ли, что ты несправедливо потерпел какое-нибудь от ближнего зло? Если так, то, конечно, ближний согрешил против тебя; а если ты претерпел по правде, то это не составляет греха в нем. Но и ты приступаешь к Богу с намерением получить прощение в подобных и даже

гораздо больших грехах. Притом еще прежде прощения мало ли получил ты, когда ты уже научен хранить в себе человеческую душу и наставлен кротости? Сверх того, и великая награда предстоит тебе в будущем веке, потому что тогда не потребуется от тебя отчет ни в одном грехе твоем. Итак, какого будем достойны мы наказания, если и по получении таких прав оставим без внимания спасение наше? Будет ли Господь внимать нашим прошениям, когда мы сами не жалеем себя там, где все в нашей власти? *И не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Яко твое есть царство и сила и слава во веки. Аминь* (ст. 13). Здесь Спаситель явно показывает наше ничтожество и низлагает гордость, научая нас не отказываться от подвигов и произвольно не спешить к ним; таким образом, и для нас победа будет блистательнее, и для диавола поражение чувствительнее. Как скоро мы вовлечены в борьбу, то должны стоять мужественно; а если нет вызова к ней, то должны спокойно ожидать времени подвигов, чтобы показать себя и нетщеславными, и мужественными. Лукавым же здесь называет Христос диавола, повелевая нам вести против него непримиримую брань и показывая, что он таков не по природе. Зло зависит не от природы, но от свободы. А что преимущественно диавол называется лукавым, то это по чрезвычайному множеству зла, в нем находящегося, и потому, что он, не будучи ничем обижен от нас, ведет против нас непримиримую брань. Потому Спаситель и не сказал: *избави нас* от лукавых, но: от *лукаваго,* — и тем самым научает нас никогда не гневаться на ближних за те оскорбления, какие мы иногда терпим от них, но всю вражду свою обращать против диавола, как виновника всех зол. Напоминанием о враге сделавши нас более осторожными и пресекши всякую беспечность нашу, Он воодушевляет нас далее, представляя нам того Царя, под властью

Которого мы воинствуем, и показывая, что Он могущественнее всех. *Яко Твое есть,* говорит Спаситель, *царство и сила и слава.* Итак, если Его царство, то не должно никого бояться, так как никто Ему не сопротивляется и никто не разделяет с Ним власти. Когда Спаситель сказал: *Твое есть царство,* то показывает, что и тот враг наш подчинен Богу, хотя, по-видимому, еще и сопротивляется, по попущению Божию. И он из числа рабов, хотя и осужденных и отверженных, а потому и не дерзнет нападать ни на одного из рабов, не получив прежде власть свыше. И что я говорю: ни на одного из рабов? Даже на свиней не дерзнул он напасть до тех пор, пока сам Спаситель не повелел, ни на стада овец и волов, доколе не получил власти свыше. *И сила,* – говорит Христос. Итак, хотя бы ты и весьма был немощен, однако должен дерзать, имея такого Царя, Который и через тебя легко может совершать все славные дела. *И слава во веки. Аминь.*

7. Этот Царь не только освобождает тебя от угрожающих тебе зол, но еще может делать тебя и славным, и знаменитым; как сила Его велика, так и слава Его неизреченна, – словом, все у Него беспредельно и бесконечно. Видишь ли, как Спаситель отовсюду укрепляет и ободряет подвижника? Потом, как прежде сказал я, Спаситель, желая показать, что Он более всего отвращается и ненавидит злопамятство и что более всего Ему любезна добродетель, противоположная этому пороку, опять и после молитвы вспомнил об этой великой добродетели и к повиновению заповеди о незлобии побуждает слушателя как предстоящим наказанием, так и определенной наградой. *Аще бо,* говорит Он, *отпущаете человеком, отпустит и вам Отец ваш небесный. Аще ли не отпущаете, ни Он вам отпустит* (ст. 14, 15). Здесь Христос опять упомянул о небесах и об Отце для того, чтобы этим упоминанием пристыдить слушателя, если

бы, то есть, он, будучи сыном такого Отца, продолжал бы оставаться жестоким и, будучи призван к небу, имел бы какое-нибудь земное и житейское мудрование. Чтобы быть сыном Божиим, для того нужна не благодать только, но и дела. А ничто так не уподобляет нас Богу, как то, когда мы прощаем людей злых, которые обижают нас. Это и прежде показал Спаситель, когда говорил, что Отец небесный *сияет солнце Свое на злыя и благия.* Потому-то и в каждом изречении Он повелевает совершать общие молитвы, когда говорит: *Отче наш! Да будет воля Твоя яко на небеси, и на земли; даждь нам хлеб; остави нам долги наша; не введи нас во искушение; избави нас.* Так, повелевая нам произносить все прошения от лица многих, Он тем самым заповедует не иметь и следа гнева против ближнего. Итак, какого будут достойны наказания те, которые, невзирая на все это, не только сами не прощают, но и Бога просят об отмщении врагам и, таким образом, совершенно нарушают закон о незлобии, тогда как Бог все делает и устрояет для того, чтобы нам не враждовать между собой? Корень всякого добра есть любовь; потому-то Он и уничтожает все, что может вредить любви, и всеми способами старается соединить нас между собой. Подлинно, совершенно никто – ни отец, ни мать, ни друг, ни другой кто-либо, не любит нас столько, сколько сотворивший нас Бог. И это особенно видно как из Его ежедневных благодеяний, так и из повелений. Если же ты мне укажешь на болезни, печали и прочие бедствия жизни, то подумай, сколько ты оскорбляешь Его каждый день, – и тогда не станешь дивиться, если тебя постигнут и еще большие бедствия; напротив, ты станешь дивиться и изумляться тогда, когда тебе случится наслаждаться каким-либо благом. Теперь мы смотрим только на постигающие нас несчастья, а об оскорблениях, которыми ежедневно оскорбляем Бога, не помышляем. Поэтому и скорбим.

Между тем, если бы мы тщательно размыслили о грехах, и в один только день учиненных нами, то ясно бы увидели, насколько тяжким повинны мы наказаниям. И, не говоря о других грехах, каждым из нас прежде сделанных, скажу только о грехах, совершенных сегодня. Хотя мне и неизвестно, в чем каждый из нас согрешил, однако грехов так много, что, и не зная всего совершенно, можно указать на многие из них. Кто из вас, например, не ленился на молитве? Кто не гордился? Кто не тщеславился? Кто не сказал оскорбительного слова брату? Кто не допустил злого пожелания? Кто не посмотрел бесстыдными глазами? Кто не вспомнил о враге с возмущением духа и сердца своего не наполнил надменностью? Если же, находясь даже в Церкви, и в краткое время мы сделались преступными в стольких грехах, то каковы будем, когда выйдем отсюда? Если в пристани такие волны, то когда войдем в пучину зол, то есть выйдем на торжище, приступим к гражданским делам и домашним заботам, — тогда будем ли в силах даже и узнать самих себя? И, однако, Бог, желая, чтобы мы освободились от столь многих и великих грехов, предложил нам путь краткий, легкий и удобный. Какой, в самом деле, труд — простить оскорбившему? Не прощение, но хранение вражды составляет труд. Напротив, освободиться от гнева и весьма легко тому, кто захочет, и это же доставляет спокойствие.

8. Не нужно переплывать море, совершать дальнее путешествие, восходить на вершины гор, тратить деньги, удручать тело; довольно только пожелать — и все грехи прощены. Если же не только сам ты не прощаешь оскорбившего тебя, но и Бога умоляешь против него, то какую будешь иметь надежду спасения, коль скоро в то время, когда должен умилостивлять Бога, оскорбляешь Его, принимая на себя вид молящегося, а между тем испуская зверские крики и бросая против

себя самого стрелы лукавого? Потому и Павел, упоминая о молитве, ничего так не требует, как сохранения заповеди о незлобии: *воздеюще бо,* говорит он, *преподобныя руце без гнева и размышления* (1 Тим. II, 8). Если ты даже и в то время, когда имеешь нужду в помиловании, не оставляешь гнева, но глубоко сохраняешь в своей памяти, зная притом, что через это ты вонзаешь меч в себя самого, то когда же сможешь сделаться человеколюбивым и извергнуть из себя пагубный яд злобы? Если ты еще не видишь, как тяжко и безрассудно молиться об отмщении врагам, то подумай об отношении к тому же людей и тогда увидишь, как тяжко оскорбляешь ты Бога. Так, если бы к тебе, человеку, пришел кто-нибудь с просьбой о помиловании, потом увидел бы врага и переставши просить тебя, стал бить его, то ужели б ты еще более не разгневался? Знай, что то же и у Бога бывает. Ты обращаешься с прошением к Богу и между тем, оставив молитву, начинаешь поносить врага своего и бесчестить заповеди Божии, вызывая Бога, повелевшего оставлять всякий гнев, против оскорбивших тебя и прося Его сделать противное собственным Его велениям. Ужели тебе недостаточно для наказания, что ты преступаешь закон Бога? А ты еще и Его самого умоляешь сделать то же? Разве Он забыл, что повелел? Разве Он как человек сказал это? Он – Бог, Который все знает и желает, чтобы законы Его сохраняемы были во всей точности, и не только того, о чем просишь Его, не сделает, но и тебя за то самое, что ты так говоришь, отвращается, ненавидит и подвергнет жесточайшей казни. Как ты хочешь получить от Него то, от чего Сам Он повелевает тебе всеми силами удерживаться? Но есть люди, которые дошли до такого безумия, что не только молятся против врагов, но и детей их проклинают, и самые тела их готовы бы пожрать, если бы возможно было, или даже и пожирают. Не говори мне, что

ты не вонзил зубов в тело оскорбившего. Ты гораздо хуже сделал, когда со всею ревностью молил, чтобы гнев свыше пришел на него и чтобы он предан был вечному наказанию и погиб со всем домом своим. Разве это не больнее всяких угрызений? Не язвительнее всяких стрел? Не тому научил тебя Христос; Он не велел так окровавлять уст. Таковые языки лютее уст, окровавленных терзанием человеческих тел. Как же ты станешь лобзать брата? Как коснешься жертвы? Как вкусишь кровь Господню, имея столько яда в сердце? Ведь когда ты говоришь: растерзай его, разрушь дом, истреби все, и желаешь ему бесчисленных погибелей, то ты ничем не отличаешься от человекоубийцы или даже от зверя, пожирающего людей.

Итак, перестанем страдать таким безумием; будем оказывать оскорбившим нас благорасположение, которое заповедано нам Господом, чтобы сделаться нам подобными небесному Отцу нашему. А освободимся мы от этой болезни, если будем помнить о своих грехах, если строго будем исследовать все беззакония наши – и внутренние, и внешние: и те, которые делаем на торжище, и те, которые совершаем в церкви. Ведь и за одно только непристойное поведение в этом месте мы можем оказаться достойными крайнего наказания. В самом деле, в то время как поют псалмы пророки, песнословят апостолы и Сам Бог говорит, мы рассеиваемся по предметам внешним, производим шум разговорами о житейских делах и для слушания законов Божиих не хотим уделить и такого внимания, какое оказывают зрители на зрелищах, когда читаются царские указы. Там, когда читаются эти указы, все стоят в безмолвии и со вниманием слушают слова – и консулы, и префекты, и сенат, и народ; а если кто среди глубочайшего этого безмолвия вдруг закричит, то такой, как оскорбитель царского величия, подвергается тяжкому наказанию.

А здесь, когда читаются писания небесные, отовсюду слышен шум, хотя Тот, чьи эти писания, гораздо выше царя земного, и зрелище – священное. Не одни только люди находятся здесь, но и ангелы; притом и победные награды, возвещаемые в этих писаниях, гораздо превосходнее земных, почему не только человекам, но и ангелам и архангелам, словом, всем, как небожителям, так и обитающим на земле, повелевается славословить общего Царя. *Благословите*, говорит пророк, *Господа вся дела Его* (Пс. CII, 22). Подлинно, и дела Его не маловажны, но превосходят всякое слово, и ум, и мысль человеческую. Об этих делах Его всякий день проповедуют пророки, и каждый из них различно возвещает Его славу. Один говорит: *возшел еси на высоту, пленил, еси плен, и приял еси даяния в человецех* (Пс. LXVII, 19; Еф. IV, 8). *Господь крепок и силен во брани* (Пс. XXII, 8). Другой же говорит: *крепких разделит корысти* (Ис. LIII, 12). Для того Он и пришел, чтобы пленным проповедовать свободу и слепым прозрение. Иной, воспевая победу над смертью, говорил: *смерть, где твоя победа?* (1 Кор. XV, 55). *Ад, где твое жало* (Ос. XIII, 12)? Иной опять, благовествуя глубочайший мир, говорил: *сокрушат мечи своя на рала и копия свои на серпы* (Ис. II, 4; Иоил. III, 10). А иной взывает к Иерусалиму: *радуйся зело дщи Сион я, яко се Царь твой грядет тебе кроток, всед на подъяремника и жребца юна* (Зах. IX, 9). Иной и второе пришествие Его проповедует, говоря: *приидет Господь, Егоже вы ищете, и кто стерпит день пришествия Его?* (Мал. III, 1, 5). *Играйте аки тельцы от уз разрешени* (Мал. IV, 2). А другой в изумлении опять говорит: *сей Бог наш, и не вменится ин к Нему* (Вар. III, 36). При этих и других весьма многих вещаниях нам надлежало бы трепетать и быть как бы не на земле; а мы, как на торжище, производим шум и смятение и проводим все время священного собрания в разговорах о совершенно бесполезных для нас вещах. Итак,

когда мы так небрежны, и в малом, и великом, и в слушании, и в деле, и вне церкви, и в церкви, и сверх того еще молимся об отмщении врагам, то как мы можем надеяться получить спасение, мы, которые к бесчисленным грехам нашим прилагаем еще новое, равное всем им преступление, то есть эту беззаконную молитву? Итак, нужно ли после того удивляться, когда случится с нами какое-либо неожиданное несчастье? Не должно ли, напротив, удивляться, если ничего подобного не случается с нами? Первое является естественным следствием наших дел, а последнее будет непонятным и неожиданным случаем. Подлинно, нельзя понять, как враги и оскорбители Божии наслаждаются и сиянием солнца, и дождями, и всеми другими благодеяниями Божьими. Наслаждаются те люди, которые после духовной трапезы, после великих благодеяний, после бесчисленных наставлений своею жестокостью превосходят зверей, восстают друг на друга и окровавливают язык свой, угрызая ближних. Итак, приняв все это в соображение, выбросим из сердец яд, разрушим вражду, станем возносить приличные нам молитвы; вместо демонского зверства восприимем ангельскую кротость и, как бы тяжко мы ни были оскорблены, представим себе собственные наши согрешения, вспомним о награде, какая ожидает нас за соблюдение этой заповеди, и умягчим гнев, укротим волны, чтобы нам и настоящую жизнь пройти безмятежно, и по отшествии туда найти для себя Господа таковым, каковыми мы были к собратиям своим. Если это тяжко и страшно, то постараемся сделать легким и вожделенным, отверзем для себя светлые двери дерзновения к Богу, и чего не могли совершать воздержанием от грехов, будем достигать кротостью к оскорбившим нас (это не тяжко и не трудно) и благодетельствуя врагам своим, будем предуготовлять себе самим великую

милость. Таким образом, и в настоящей жизни все нас возлюбят, и прежде всех Бог нас возлюбит, и увенчает, и удостоит всех будущих благ, которые получить да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XX

Егда же поститеся, не будите якоже лицемери, сетующе: помрачают бо лица своя, яко да явятся человеком постящеся (VI, 16)

1. При этих словах прилично нам тяжко восстенать и горько восплакать. Мы не только подражаем лицемерам, но и превзошли их. Я знаю многих, которые не только, когда постятся, обнаруживают это перед людьми, но и, совсем не постясь, принимают на себя лица постящихся и в извинение представляют нечто худшее самого греха. Я делаю это, говорят они, для того, чтобы мне не соблазнить других. Но что ты говоришь? Поститься тебе повелевает закон Божий; а ты ссылаешься на соблазн. И ужели думаешь, что, исполняя этот закон, ты соблазняешь, а нарушая его, не делаешь соблазна? Что может быть хуже такого извинения? Ты хочешь быть хуже лицемеров, вдвойне лицемеришь и вымышляешь крайнее нечестие. Ужели не приводит тебя в стыд выразительность изречения Спасителева? Он не сказал, что они только лицемерят, но, желая сильнее их обличить, сказал: *помрачают бо лица своя*, то есть портят, искажают их. Если же и для суетной славы казаться бледным значит портить лицо, то что сказать о белилах и румянах, которыми женщины портят лица свои на пагубу сладострастным юношам? В первом случае делают вред только себе самим; а в последнем и

себе, и тем, которые смотрят на них. Бегите той и другой язвы с возможным усилием. Спаситель заповедал нам не только не выставлять на вид добрых дел своих, но и тщательно укрывать их, – как Он и сам еще прежде наставления поступил. Касательно милостыни не просто сказал Он: *внемлите милостыни вашея не творити пред человеки*, но присовокупил: *да видими будете ими* (Мф. VI, 6). О посте же и молитве этого не сказал. Почему? Потому что подавать милостыню совершенно тайно невозможно; а молиться и поститься – можно. Итак, когда говорил: *да не увесть шуйца, что творит десница твоя* (Мф. VI, 3), то говорил не о руках, но о том, что должно тщательно от всех скрываться; на то же самое указывал Он, когда повелел входить в клеть, а не на то, что в ней непременно или преимущественно должно совершать молитву. Подобным образом и здесь, повелев помазывать голову, не заповедал, чтобы мы непременно намащали себя; иначе мы все были бы преступниками данной заповеди, и прежде всех общества пустынников, которые, удаляясь в горы, преимущественно стараются соблюдать заповедь о посте. Итак, не это заповедал Спаситель. У древних был обычай помазывать себя во время радости и веселья, как это видно из примера Давида и Даниила. И Христос заповедует помазывать голову не с тем, чтобы мы непременно делали это, но чтобы тщательно старались скрывать пост – это стяжание свое. А чтобы ты уверился, что это точно так, Он заповедь Свою исполнил самим делом, когда, постясь сорок дней, и постясь втайне, не помазывал головы и не умывал лица, но, не делая этого, все совершал без всякого тщеславия. То же самое Он и нам заповедует: упомянув о лицемерах и представив слушателям две заповеди, Он наименованием этим, то есть наименованием лицемеров, указывает еще на нечто другое. Именно: Он отвращает от лукавого желания не

только тем, что дело лицемера достойно осмеяния и крайне вредно, но и тем, что обман лицемера может скрываться только на некоторое время. В самом деле, лицедей только дотоле кажется блистательным, пока продолжается зрелище, да и то не для всех: большая часть зрителей знает, кто он таков и за кого выдает себя. Но когда кончится зрелище, тогда для всех открывается он в том виде, каков есть. Такой же точно участи необходимо подвергаются и тщеславные. И если уже здесь, на земле, многим известно, что они не таковы, каковыми кажутся, но только надевают на себя личину, то тем более они изобличатся после, когда *вся будут нага и обнаженна.* С другой стороны, Спаситель отклоняет Своих слушателей от подражания лицемерам и указанием на легкость предписываемой Им заповеди. Он не заповедует долгого поста, не предписывает много поститься, но только предостерегает, чтобы нам не лишиться венца за него. Итак, то, что есть тяжкого в посте, лежит и на нас, и на лицемерах: ведь и они постятся. А самое легкое дело, то есть трудиться с тем, чтобы не потерять награды, составляет Мою заповедь, говорит Спаситель. Таким образом, Он нимало не увеличивает для нас трудов, но только ограждает безопасностью награды, не желая, чтобы мы отходили неувенчанными, подобно лицемерам. Эти последние не хотят поступать так, как поступают подвизающиеся на Олимпийских состязаниях, которые в присутствии огромного собрания простого народа и знаменитых лиц стараются угодить только тому, кто увенчивает их за победу, хотя бы это был человек и низкого состояния. Ты имеешь сугубое побуждение подвизаться и побеждать перед очами Господа; Он будет и увенчивать тебя, и Он же несравненно выше всех, находящихся на позорище мира сего; между тем ты объявляешь о своей победе другим, которые не только не могут при-

нести тебе никакой пользы, но весьма много могут еще и вредить.

2. Впрочем, Я и этого не запрещаю, говорит Он. Если желаешь показаться людям, то подожди; Я и это тебе доставлю во всей полноте и с пользой для тебя. Теперь это желание твое отлучит тебя от славы Моей, так как пренебрежение всем этим сочетает со Мной, — но тогда со всею безопасностью насладишься всем. Даже и прежде того, еще здесь, ты получишь немаловажный плод, презирая человеческую славу: ты освободишься от тяжкого раболепства людям, сделаешься искренним другом добродетели; а если, наоборот, будешь любить людскую славу, то, хотя бы удалился и в пустыню, ты не приобретешь добродетели, потому именно, что не будешь иметь зрителей. Подумай: ты обижаешь и самую добродетель, когда исполняешь ее не для нее самой, но для какого-нибудь веревочника, кузнеца и толпы торгашей; хочешь, чтобы дивились тебе и люди худые, для которых добродетель — стороннее дело; созываешь и самих врагов добродетели, чтобы показать им ее как бы на зрелище. Это подобно тому, как если бы кто захотел вести целомудренную жизнь не по уважению к чистоте целомудрия, но чтобы выказать себя перед блудниками: точно так же и ты не избрал бы добродетели, если бы не имел желания прославиться перед врагами добродетели, — между тем как надлежало бы почтить ее и потому, что ее хвалят и враги ее. Так мы должны почитать ее не ради других, но ради нее самой. И мы сами ставим себе в обиду, когда нас любят не ради нас самих, но ради других. Точно так же рассуждай и о добродетели: не ради других люби ее, не для людей повинуйся Богу, но для Бога людям. Если же поступаешь иначе, то, хотя, по-видимому, и любишь добродетель, раздражаешь Бога наравне с тем, кто совсем не следует ей. Как этот последний не повинуется

Богу, потому что не исполняет добродетели, так и ты преступаешь закон Божий, потому что беззаконно исполняешь ее. *Не скрывайте себе сокровищ на земли* (ст. 19). После того, как Спаситель излечил болезнь тщеславия, по естественному порядку, предлагает слово о нелюбостяжании. Подлинно, ничто столько не заставляет любить богатство, как тщеславие. И толпы служителей и евнухов, и золотом одетые лошади, и серебряные столы, и тому подобные весьма смешные вещи придуманы людьми не для того, чтобы удовлетворить нужде или чтобы получить удовольствие, но для того, чтобы выказать себя перед другими. Итак, выше Иисус Христос говорил только о том, что должно быть милосердым; а здесь словами: *не собирайте сокровищ* показывает и то, в какой степени должно быть милосердым. Так как корыстолюбие с чрезвычайной силой господствует над людьми, и потому предложить учение о презрении богатства нельзя было вдруг, с самого начала, – то Спаситель искореняет эту страсть мало-помалу, освобождает от нее постепенно и, таким образом делает учение о нелюбостяжании наконец удобоприемлемым для сердец Своих слушателей. Вот почему, прежде всего, Он говорил: *блажени милостивии* (Мф. V, 7); потом: *буди увещеваяся с соперником твоим* (там же, ст. 25); затем: *хотящему судитися с тобою и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу* (там же, ст. 40); а здесь требует гораздо большего. Там сказал: если видишь угрожающую тебе ссору, то поступи так, потому что лучше ничего не иметь и быть дальше от ссоры, нежели иметь что-либо и вести вражду; а здесь, не упомянув ни об истце, ни об ответчике, ни о другом ком-либо, поучает просто презрению имущества, независимо от чего бы то ни было. Он дает эту заповедь не столько для получающего, сколько для подающего милостыню, чтобы, то есть, и тогда, как никто нас не

обижает и не влечет в судилище, мы презирали богатство и раздавали его бедным. Впрочем, и в настоящем случае Он еще не все открыл. Хотя в пустыне Он и показал чрезвычайные подвиги для добродетели нелюбостяжания, однако не поставляет их на вид, так как еще не время было открыть это. Теперь Он хочет разобрать только (обыкновенные) помышления человеческие и предлагает Свои слова более в качестве советующего, нежели законодателя. *Не скрывайте себе сокровищ на земли,* говорит, и присовокупляет: *идеже червь и тля тлит, идеже татие подкапывают и крадут.* Таким образом, Он как самим местом, так и свойством предметов доказывает вред земных сокровищ и достоинство небесных. И здесь не останавливается, но представляет и другое соображение. Во-первых, Он побуждает слушателей к добродетели тем самым, чего они больше всего страшатся. Чего страшишься ты, говорит Он? Ужели истощится твое богатство, если ты подашь милостыню? Нет: подавай милостыню – и тогда оно не истощится; и, что удивительнее, оно не только тогда не истощится, но еще получит большое приращение, потому что к нему присовокупятся и блага небесные. Он здесь прямо еще не говорит об этом, но в дальнейшей речи утверждает это.

3. Теперь, предлагая то, что особенно могло убедить слушателей Его, то есть что сокровище пребудет у них неистощимым, Он и с другой стороны склоняет их к милосердию; не говорит, что если подашь милостыню, то сокровище сохранится, но угрожает противным случаем, то есть что если не подашь, то оно погибнет. Подивись неизреченной мудрости! Не сказал, что другим его по себе оставишь, что нередко бывает приятно людям; но, к их ужасу, показывает, что они и этого не в силах сделать, потому что хотя бы люди богатству и не причинили ущерба, но всегда будут вредить моль

и ржа. Хотя, казалось бы, и легко совладеть с этим вредом, но на самом деле трудно преодолеть или предотвратить его. Что бы ты ни придумал, не можешь предотвратить этого вреда. Почему же? Неужели золото истребляется молью? – Если молью не истребляется, то воры крадут. – Но ужели всех обкрадывают? – Если и не всех, – по крайней мере, очень многих. Ввиду этого Спаситель рассматривает богатство и с другой стороны, как я выше упомянул: *идеже сокровище* человека, говорит Он, *ту и сердце* его (ст. 21). То есть хотя и ничего подобного не случится, но немалый для тебя вред будет заключаться в том, что ты будешь прилеплен к земному, будешь рабом вместо свободного, отпадешь от небесного, не в состоянии будешь помыслить о горнем, а только о деньгах, о процентах, о долгах, о прибытках и гнусных корчемствах. Что может быть бедственнее этого? Такой человек впадает в рабство, более тяжкое, чем рабство всякого раба, и, что всего гибельнее, произвольно отвергает благородство и свободу, свойственные человеку. Сколько ни беседуй с тобой, имея ум, пригвожденный к богатству, ты не можешь услышать ничего полезного для себя. Но как пес в логовище, прикованный к заботам о деньгах крепче цепи, бросаешься ты на всех, приходящих к тебе, – занимаешься только тем, чтобы для других сохранить лежащее у тебя сокровище. Что может быть бедственнее этого? Но так как мысль эта превышала понятие слушателей, и как вред, так и польза, проистекающие от богатства, для многих не были очевидны, и, чтобы понять это, нужен был ум довольно проницательный, то Спаситель, после предварительного объяснения, и сказал: *идеже сокровище* человека, *ту и сердце* его. Поясняя то же самое далее, Он обращает речь от умственных предметов к чувственным, именно говорит: *светильник телу есть око* (ст. 22). Смысл слов Его таков: не закапывай в землю ни золота,

ни чего-либо другого, тому подобного, потому что сокровище ты собираешь для червя, тли и для воров.

Хотя ты и сбережешь его от этих истребителей, но не сохранишь своего сердца от порабощения и прилепления ко всему земному, – потому что где будет сокровище твое, там будет и сердце твое. Напротив, если будет твое сокровище на небе, то не только имеешь ту выгоду, что сподобишься за это небесных почестей, но еще и здесь получишь награду, возносясь на небо, помышляя и заботясь о небесном, так как очевидно, что ты туда же перенесешь и ум свой, куда положишь свое сокровище; наоборот, когда ты положишь свое сокровище на земле, то будешь испытывать совершенно противное. Если же сказанное кажется тебе неясным, то выслушай следующее: *светильник телу есть око. Аще убо око твое просто будет, все тело твое светло будет; аще же око твое лукаво будет, все тело твое темно будет. Аще убо свет, иже в тебе, тма есть, то тма кольми* (ст. 22, 23). Таким образом, Спаситель обращает Свое слово к наглядным примерам. Так как Он упомянул о порабощении и пленении ума, а это для многих было неудобопонятно, то Он Свое учение прилагает к предметам внешним и перед очами находящимся, чтобы по ним могли уразуметь и то, чему подвергается ум. Как бы так говорил Спаситель: если не знаешь, что значит повреждение, случающееся с умом, то научись этому из рассмотрения вещей телесных. Что значит глаз для тела, то самое и ум для души. Конечно, ты никогда бы не захотел носить золота, облекаться в шелковые одежды и вместе быть слепым, – но здравие очей предпочел бы всей такой пышности. (Ведь если лишишься зрения, то никакой не будет для тебя приятности в жизни. Но как при слепоте очей и прочие члены, не пользуясь более светом, очень ослабевают в своей деятельности, так равно и по растлении ума жизнь твоя исполнится бесчисленных зол.).

Поэтому как касательно тела мы наиболее заботимся о том, чтобы иметь здоровое зрение, так и касательно души преимущественно должны заботиться о здравии ума. Если ослепим ум, долженствующий доставлять свет и прочим способностям, то чем смотреть будем? Загради источник – иссушишь и реку; подобным образом, кто помрачает ум, тот приводит в беспорядок все действия его в настоящей жизни. Потому Спаситель и говорит: *аще свет, иже в тебе, тма есть, то тма кольми.* Когда кормчий сделается добычею волн, когда светильник угаснет, когда вождь будет пленен, тогда какая уже надежда останется для подчиненных?

4. Потому, теперь уже не упоминая о наветах, ссорах и тяжбах, возникающих из-за богатства (на них Он ускользал выше, когда сказал: *предаст тебе соперник судии, и судия слузе* – [Мф. V, 25]), поставляет здесь на вид неизбежное и более тяжелое, отклоняя, таким образом от злой страсти корыстолюбия. Поработить ум этой болезни – гораздо тяжелее, нежели быть ввергнутым в темницу. Притом последнее не всегда случается, а то непременно следует за привязанностью к богатству. Потому-то Христос уже после того зла упомянул об этом зле, как тягчайшем и непременно случающемся. Бог, говорит Он, даровал нам ум для того, чтобы мы рассеивали мрак неведения, имели правильное понятие о вещах и, пользуясь им, как орудием и светом против всего скорбного и вредного, пребывали в безопасности. А мы этот драгоценный дар промениваем на лишние и бесполезные вещи. Что пользы в воине, украшенном золотом, когда военачальник пленен? Какая выгода в украшенном корабле, когда кормчий сделается добычею волн? Что пользы в стройном теле, когда глаза будут лишены зрения? Если бы кто врача, который должен быть здоровым, чтобы лечить болезни других, повергши в болезнь, положил в позолоченной храмине на

серебряную кровать, то из этого какая польза вышла бы для больных? Так и ты, если повредишь ум, могущий обуздывать страсти, и привяжешь его к сокровищу, то не только не получишь никакой пользы, но, напротив, много потеряешь и нанесешь своей душе великий вред. Видишь ли, как Спаситель тем самым, чем люди больше всего побуждаются к пороку, отвлекает их от последнего, и приводит к добродетели? Для чего желаешь богатства, говорит Он? Не для того ли, чтобы веселиться и роскошествовать? Но этого-то ты и не получишь, а встретишь совсем противное. Если, лишенные глаз, мы по причине этого несчастья не наслаждаемся никакими удовольствиями, то тем более должны ощущать то же по развращении и ослеплении ума. Для чего ты закапываешь в землю свои сокровища? Для того ли, чтоб безопаснее сохранить их? Но и здесь испытаешь совершенно противное. Таким образом, как постящегося, подающего милостыню и молящегося из одного тщеславия, Он тем самым удержал от тщеславия, чем особенно они побуждаются к этому пороку (для чего ты так молишься и подаешь милостыню, говорит Он? Не для того ли, чтобы получить от людей славу? Но не молись с таким намерением – и тогда получишь ее в последний день), – так точно и сребролюбца Он отвлекает от привязанности к богатству тем самым, о чем он преимущественно заботится. Чего желаешь ты, говорит Он? Того ли, чтоб сохранить свое богатство и наслаждаться удовольствием? Все это доставлю тебе с великим избытком, если положишь золото там, где Я тебе повелеваю. Хотя повреждение ума, происходящее от пристрастия к богатству, Спаситель яснейшим образом раскрыл уже впоследствии, именно тогда, когда упомянул о тернии, тем не менее и здесь достаточно указал на него, когда объятого безумной страстью корыстолюбия назвал помраченным. И как находящиеся

во тьме ничего не могут ясно разобрать, и когда увидят веревку, думают, что это змея, а когда увидят горы и дебри, умирают от страха, так и корыстолюбцы по своей подозрительности страшатся того, что для других кажется не страшным. Они страшатся бедности, или, справедливее, страшатся не только бедности, но и всякого маловажного убытка. Если потерпят какой-либо малый ущерб, то печалятся и сокрушаются гораздо более, нежели те, которые не имеют даже необходимой пищи. Многие из богачей, не снеся такого несчастия, даже удавились. Равным образом обиды и насилия для них кажутся столь несносными, что и от них многие лишили себя жизни. Богатство, кроме служения себе самому, делает их ко всему прочему неспособными. Когда оно заставляет их служить себе, тогда они решаются и на смерть, и на раны, и на всякое постыдное дело. Это составляет самое крайнее несчастье. Где надобно иметь терпение, там они слабее всех. А где бы надлежало им быть осторожными, там они бывают чрезвычайно бесстыдны и наглы. Подлинно, с ними происходит то же самое, что и с тем, кто все свое имущество расточит на ненужные вещи. Таковой, неблагоразумно расточивши все свои стяжания, когда настает время для нужных издержек, ничего не имея, претерпевает тягчайшие бедствия.

5. Подобно тому как актеры, изучив свои предосудительные искусства, когда показывают их, переносят много страшного и опасного, а в других, полезных и необходимых делах оказываются всех смешнее, так точно и корыстолюбцы. Как те, ходя по протянутой веревке, показывают на ней большое присутствие духа, а когда какое-нибудь важное дело потребует от них отваги и мужества, то и придумать не могут, как на то решиться, так точно и богатые для денег на все решаются, а для любомудрия не могут отважиться решительно

ни на что. И как те занимаются и опасным и бесполезным делом, так и эти переносят множество опасностей и трудностей, но ничего полезного в конце концов не достигают и покрываются сугубой тьмой: и от развращения ума своего слепотствуют, и от несбыточности своих предприятий помрачаются великой тьмой, почему и не могут смотреть свободно. Находящийся только во мраке при появлении солнца освобождается от тьмы; лишенный же зрения даже и при появлении солнца не видит. То же самое претерпевают и богатые. Даже и тогда, когда Солнце правды осиявает и наставляет их, они не чувствуют, потому что богатство ослепило их очи, – почему и страждут сугубой слепотой: и сами от себя, и от того, что не внимают Учителю. Итак, будем тщательно внимать Ему, чтобы, хотя и поздно, прозреть. А как можно прозреть? Ты прозришь, если познаешь, как ты стал слеп. Как ты стал слеп? От злого вожделения. Страсть к деньгам, подобно вредоносной мокроте, покрывши чистый зрачок глаза, навлекла на тебя густое облако. Но это облако можно удобно и разогнать и рассеять, если примем луч Христова учения, если будем внимать Его наставлению и словам: *не скрывайте себе сокровищ на земли*. Что мне пользы от слушания, скажешь ты, когда вожделение обдержит меня? Но непрестанным слушанием, наконец, может быть истреблено и самое вожделение. Если же будешь еще обдержим им, то представь, что вожделение не вожделенно. В самом деле, какое тут вожделение, когда ты подвержен жесточайшему рабству и мучительству, отовсюду связан, пребываешь во тьме, исполнен всякого смятения, переносишь бесполезные труды, бережешь богатства для других, а часто и для врагов? Вожделенно ли это сколько-нибудь? Не следует ли, наоборот, убегать и удаляться от этого? Что за вожделение полагать свое сокровище среди татей? Если ты непременно

желаешь богатства, то перенеси его туда, где оно может оставаться в безопасности и целости. А как ты теперь поступаешь, — поступать так свойственно не богатства желающему, но рабства, напасти, убытка и непрестанной скорби. Если бы какой-нибудь человек указал тебе на земле безопасное место для сохранения твоего богатства, то, хотя бы он завел тебя и в самую пустыню, ты не поленился бы и не замедлил, но с полной доверенностью положил бы там свое имущество. Когда же вместо людей это обещает тебе Бог и предлагает не пустыню, а небо, ты принимаешь совсем противное. И это несмотря на то, что, хотя бы и совершенно было в безопасности здесь твое имение, ты никогда не можешь быть свободен от беспокойства. Пусть ты его не потеряешь, но беспокоиться о нем никогда не перестанешь. Напротив, полагая сокровище на небе, ты не испытаешь ничего такого; и, что всего важнее, тогда ты не закапываешь, а насаждаешь свое золото. Тогда оно бывает тебе и сокровищем, и семенем или и того и другого лучше. Семя не остается навсегда, а то всегда пребывает. Опять, здешнее сокровище не прозябает, а то приносит тебе нетленные плоды. Если же ты будешь ссылаться на продолжительность времени и отдаленность воздаяния, то и я могу тебе показать, сколько и здесь ты получишь пользы; а сверх того, и самими житейскими обстоятельствами постараюсь тебя убедить, что ты напрасно представляешь такие отговорки.

6. Ты и в настоящей жизни заготовляешь много такого, чем сам никогда не думаешь пользоваться; и если кто тебя в этом будет обвинять, ты, указывая на детей и внуков, думаешь найти достаточное утешение в излишних трудах своих. Когда ты, находясь в самой глубокой старости, строишь великолепные дома, прежде окончания которых ты, может быть, умрешь; когда насажда-

ешь деревья, которые принесут плод спустя много лет, (когда насаждаешь в поле даже такие деревья, от которых произойдет плод разве лет через сто); когда покупаешь имения и наследства, которыми будешь владеть спустя много времени; когда ты заботишься о многом таком, чем никогда не будешь пользоваться, — то все это для себя ли ты делаешь или для потомков? Итак, не есть ли это признак крайнего безумия, когда ты касательно земных благ не смущаешься продолжительностью времени и даже, по причине этой продолжительности, подвергаешься опасности лишиться всей награды за труды; а касательно небесных благ унываешь по причине замедления, тогда как это замедление приносит тебе больше пользы и не другим доставляет ожидаемые тобой блага, но все дары сохраняет для тебя? Да притом эта медленность и непродолжительна, — дело наше при вратах судилища; мы не знаем, — может быть, уже в наше время все окончится и наступит этот страшный день и Его грозное и нелицеприятное судилище. В самом деле, очень многие знамения уже совершились: и Евангелие проповедано по всей вселенной, и брани и землетрясения и голод сбылись, и не велик остающийся промежуток. Но ты не видишь знамений? Вот это самое есть величайшее знамение. Так и бывшие во времена Ноя не видели начала всегубительства, — и страшное наказание постигло их в то время, как они играли, ели, женились и делали все обычное. Подобным образом жители Содома среди увеселений, нимало не предугадывая, что с ними имело случиться, пожраны ниспадшим пламенем. Итак, все это представляя, постараемся приготовить самих себя к отшествию отсюда. Пусть день всеобщей кончины еще не настал; но конец каждого, и старца и юноши, уже находится при дверях. И уже нельзя отсюда отшедшим купить елея или получить прощение, хотя бы Авраам молился, хотя бы Ной, хотя

бы Иов, хотя бы Даниил. Итак, пока имеем время предуготовить себе дерзновение перед Богом, запасем елея в изобилии, перенесем все на небо, чтобы нам в свое время, и когда особенно будем иметь нужду, всем этим насладиться, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXI

Никтоже может двема господинома работати: либо единаго возлюбит, а другого возненавидит; или единаго держится, о друзем же нерадити начнет (VI, 24)

1. Видишь ли, как Христос мало-помалу удаляет пристрастие к настоящим благам и, предлагая обширное слово о презрении богатств, ниспровергает владычество сребролюбия? Он не удовлетворился тем, что сказал прежде, хотя говорил много и сильно; но присоединяет и другие побуждения, более грозные. Что может быть поразительнее теперь произнесенных слов, если богатство в самом деле может отлучить нас от работания Христу? И что вместе вожделеннее, если, презирая богатство, можем иметь истинное расположение и любовь ко Христу? Что всегда говорил, то и ныне скажу: именно, подобно искусному врачу, показывающему, что от невнимания его советам происходит болезнь, а от повиновения — здравие, Христос тем и другим, то есть пользою и вредом, побуждает слушателей к повиновению словам Своим. Итак, смотри, как Христос, уничтожая препятствие, указывает и устрояет нашу пользу. Не потому только, говорит Он, вредно для вас богатство, что оно вооружает против вас разбойников и совершенно помрачает ум ваш; но преимущественно

потому, что оно, делая вас пленниками бездушного богатства, удаляет вас от служения Богу и, таким образом, вредит вам и тем, что делает вас рабами вещей, над которыми вы должны господствовать, и тем, что не позволяет служить Богу, которому всего более вы должны служить. Как прежде показал Он двойной вред для собирающих богатство на земле – и тот, что собирают богатство там, где тля тлит, и тот, что не собирают его там, где стража самая безопасная, так и теперь показывает двоякий вред – и тот, что богатство удаляет нас от Бога, и тот, что оно порабощает мамоне. Впрочем, не тотчас выставляет это на вид, но наперед высказывает общие мысли, говоря таким образом: *никтоже может двема господинома работати*. Здесь под двумя господами разумеет Он господ, приказывающих совсем противное один другому: иначе они не были бы и двоими. Ведь множеству веровавших *бе сердце и душа едина* (Деян. IV, 32). Хотя верные были разделены телом, но помыслом были одно. Потом, усиливая сказанное, Спаситель говорит: тот не только служить не будет, но еще возненавидит и отвратится. *Либо единаго возненавидит*, говорит Он, *а другаго возлюбит, или единаго держится, о друзем же нерадити начнет*. В двух этих изречениях Спаситель, кажется, выражает одну и ту же мысль; но не без причины говорит Он так, а с тем намерением, чтобы показать, как удобно перемениться на лучшее. Чтобы ты не говорил: я однажды навсегда порабощен богатством, угнетен им, Он – показывает, что возможно и перемениться, возможно перейти как на ту, так и на другую сторону. Итак, высказав общую мысль, чтобы заставить самого слушателя быть беспристрастным судьею слов Его и произнести суд на основании самого дела, Христос как скоро увидел, что слушатель соглашается с Его словами, тотчас открывает Свою мысль: *не можете*, говорит, *Богу работати, и мамоне*. Помыслим

и ужаснемся, что заставили мы сказать Христа, – сравнить богатство с Богом! Если же и представить это ужасно, то не гораздо ли ужаснее на самом деле работать богатству и его самовластное владычество предпочитать страху Божию? Итак, что же – скажет кто-нибудь – ужели не могло быть этого у древних? Нисколько. Как же Авраам и Иов угодили Богу, спросишь ты? Не о богатых упоминай мне, но о тех, которые раболепствовали богатству. Иов был богат, но не служил мамоне; имел богатство и обладал им, был господином его, а не рабом. Он пользовался им как управитель чужого имения, не только не похищая чужого, но и собственное отдавая неимущим; и что всего более, он не услаждался тем, что имел у себя, как сам свидетельствовал об этом, говоря: *аще и возвеселихся многу ми богатству бывшу*? (Иов. XXXI, 25). Потому-то, и когда лишился богатства, не скорбел. Но ныне не таковы богатые; они, будучи несчастнее всякого пленника, платят дань мамоне, как некоему жестокому тирану. Любовь к богатству, овладев их сердцем, как бы некоторою крепостью, непрестанно дает им оттуда свои повеления, дышащие беззаконием, и ни один из них не противится этим повелениям. Итак, не мудрствуй излишне! Бог однажды навсегда сказал, что служение Богу и мамоне не может быть соединено вместе. А потому ты не говори, что может быть соединено. Когда мамона велит похищать чужое, а Бог повелевает отдавать и собственное имущество; когда Бог повелевает вести жизнь целомудренную, а мамона – жить блудно; когда мамона повелевает упиваться и пресыщаться, а Бог, напротив, – обуздывать чрево; когда Бог повелевает презирать настоящие мирские блага, а мамона – прилепляться к ним; когда мамона заставляет удивляться мраморам, стенам и крышам, а Бог – все это презирать и почитать истинную мудрость: как

же ты говоришь, что служение Богу и мамоне может быть соединено вместе?

2. Далее, Христос назвал мамону госпожою не потому, чтобы мамона по свойству своему была госпожою, но по причине жалкого состояния тех, кто раболепствует ей. Равным образом, и чрево называется богом не по достоинству, но по причине бедственного положения служащих ему, –.что хуже всякого наказания и прежде муки может мучить плененного. В самом деле, каких осужденных не будут несчастнее те, которые, имея Господом Бога, свергают с себя Его краткую власть и добровольно покоряются жесточайшему мучительству, несмотря даже на то, что отсюда и в настоящей жизни происходит величайший вред? Отсюда вред несказанный, отсюда ссоры, обиды, распри, труды, слепота душевная; и, что всего несноснее, служение мамоне совершенно лишает небесных благ. Спаситель, доказав выше, что презрение богатств имеет свои выгоды, и именно, сохраняет самые богатства и доставляет душевную радость, способствует приобретению любомудрия и ограждает благочестие, – теперь доказывает, что заповедь Его и исполнить можно. Дело лучшего законодательства не в том только состоит, чтобы предписывать полезное, но особенно в том, чтобы сделать его удобоисполнимым. Поэтому Спаситель и присовокупляет: *не пецытеся душею вашею, что ясте* (Мф. VI, 25). Но, может быть, сказали бы: что же, неужели все бросать? Тогда как же будем жить? На эти возражения Спаситель отвечает заранее. Если бы Он с самого начала сказал: *не пецытеся*, то Его заповедь показалась бы тяжкою; но как скоро Он показал вред от сребролюбия, то тем самым уже сделал настоящее увещание Свое удобоприемлемым. Потому теперь не просто сказал: не *пецытеся*, но присоединил к заповеди и причину. После того, как сказал: *не можете Богу работати и мамоне*, – говорит:

сего ради глаголю вам, не пецытеся, – то есть по причине великого вреда. Не только попечение о снискании богатств для вас вредно, но даже вредна излишняя заботливость о самонужнейших вещах, поскольку ею подрывается ваше спасение; она удаляет вас от сотворившего, промышляющего и любящего вас Бога. *Сего ради глаголю вам, не пецытеся!* Показав величайший вред от пристрастия к богатству, Христос простирает далее Свое повеление. Он не только повелевает презирать богатство, но запрещает пещись и о нужной пище, говоря: *не пецытеся душею вашею, что ясте.* Христос не потому сказал так, будто душа имеет нужду в пище, – она бестелесна, – а применительно к обычному способу выражения у людей. Ведь хотя душа и не имеет нужды в пище, но не может пребывать в теле, если оно не питается. И это наставление Христос не оставляет так, а опять приводит и здесь* доказательства, заимствуя их из нашей природы и из других примеров. Из нашей природы: *не больши ли есть душа пищи, и тело одежды?* То есть Тот, Кто дал большее, не даст ли и меньшее? Тот, Кто образовал плоть, имеющую нужду в пище, не даст ли ей пищи? Потому не просто сказал: *не пецытеся, что ясте и во что облечетеся*, но присоединил: *телом и душею,* – так как отсюда хотел заимствовать Свои доказательства через сравнение. Далее, Бог однажды даровал душу, и она пребывает всегда одинаковою, а тело возрастает каждодневно. Это-то самое желая показать, то есть бессмертие души и тленность тела, Спаситель присовокупил далее: *кто может от вас приложити возрасту своему локоть един?* (ст. 27). Умолчав о душе, как не получающей приращения, Он сказал только о теле, показывая тем, что и тело возращает не пища, но Божий промысел. Павел, объясняя это другими слова-

* Как при учении о нестяжении. См. предыдущую беседу, гл. 2. 3.

ми, сказал: *темже ни насаждаяй, ни напаяяй есть что, но возращаяй Бог* (1 Кор. III, 7). Вот как Спаситель убеждал доказательствами, заимствованными из нашей природы! Другими же примерами Он так поучал: *воззрите на птицы небесныя* (ст. 26). Чтобы не сказал кто-либо, что заботы нам необходимы, Он отклоняет от этого сравнениями — как говорят — и от большего, и от меньшего, от большего — примером души и тела, от меньшего — примером птиц. То есть: если Бог так печется о самых низших тварях, то ужели вам не даст того, в чем вы имеете нужду? Так Он говорит к простому народу, но диаволу не так отвечал. Как же? *Не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих* (Мф. IV, 4). Здесь говорит Он о птицах, и очень убедительно; пример их имеет великую силу. Впрочем, некоторые нечестивцы дошли до такого безумия, что порицают и этот пример. Кто хочет действовать на свободную волю, говорят они, не должен для этого заимствовать примеры из природы физической, потому что здесь действует необходимость.

3. Что же нам сказать на это? Хотя здесь, точно, действует необходимость, но мы можем то же делать и по своей воле. Спаситель не сказал: смотрите на птиц — они летают; это человеку невозможно; но сказал: смотрите — они питаются без заботы. А это и нам, если захотим, легко исполнить. И это доказали те, которые самим делом то исполнили. Потому-то особенно и должно удивляться благоразумию Законодателя, что Он, хотя и мог представить в пример людей и указать на Илию, Моисея, Иоанна и других подобных, не заботившихся о пище, но, чтобы сильнее поразить слушателей, упомянул о бессловесных. Если бы Он указал на тех праведников, то слушатели могли бы сказать Ему, что мы еще не сделались подобными им. А теперь, умолчав о них и приведши в пример птиц небесных, пресек

всякий повод к извинению, подражая и в этом случае древнему закону. И Ветхий Завет посылает то к пчеле, то к муравью, то к горлице, то к ласточке. Немалую честь приносит нам, когда мы силою воли совершаем то, что они имеют от природы. Итак, если Бог имеет такое попечение о вещах, сотворенных для нас, то тем более о нас; если печется о рабах, то тем более о господине. Вот почему Спаситель сказал: *воззрите на птицы;* и не прибавил, что они ни корчемствуют, ни торгуют (так так это относилось у иудеев к делам презренным), а прибавил: *не сеют, ни жнут.* Итак, ужели не должно сеять, скажет кто-либо? Нет, Он не сказал, что не должно сеять, но что не должно заботиться; и не сказал, что не должно работать, но что не должно быть малодушным и изнурять себя заботами. Он велел и кормиться, но не заботиться о пище. На эту мысль намекает и Давид, когда говорит: *отверзаеши Ты руку Твою, и исполнявши всяко животно благоволения* (Пс. CXLIV, 16); и в другом месте: *дающему скотом пищу их и птенцем врановым, призывающим Его* (Пс. CXLVI, 9). Кто же, скажешь ты, не заботился? Ужели не слыхал ты, сколь многих праведников я представил тебе в пример? Не видишь ли между ними и Иакова, который вышел из отеческого дома без всего? Не слышишь ли его молитвы? *Аще даст ми Господь хлеб ясти и ризу облещися* (Быт. XXVIII, 20), говорил он. Это означало, что он ни о чем не заботился, но просил всего от Бога. То же исполнили и апостолы, которые, отвергши все, ни о чем не заботились; то же самое показали и те пять тысяч и три тысячи веровавших. Если же, слыша такие слова, не хочешь освободиться от тяжких житейских уз, то, по крайней мере, помыслив о бесполезности своей заботы, оставь ее. *Кто из вас,* сказал Спаситель, *пекийся может приложити возрасту своему локоть един?* (Мф. VI, 27). Смотри, как Он, представив уже очевидный пример, сделал ясным то,

что могло показаться тебе непонятным. Как телу, говорит Он, при всем попечении твоем, нисколько не можешь прибавить роста, так точно не можешь снискать пищи, хотя считаешь это возможным. Из этого ясно, что не наше старание, но Божий промысел приводит все то в исполнение, что, по-видимому, совершаем мы сами, так что если Бог оставит нас, то ни попечение, ни заботливость, ни труд, словом – ничто не поможет нам, но все будет тщетно.

4. Итак, не будем думать, что заповедей (Божиих) невозможно исполнить; и ныне многие исполняют их. Если же ты этого не знаешь, то ничего нет удивительного. И Илия думал, что остался только он один, но услышал от Господа, *яко оставих себе седмь тысящ мужей* (3 Цар. XIX, 18). Отсюда видно, что и ныне есть много таких, которые ведут жизнь апостольскую, подобно как и тогда три тысячи и пять тысяч веровавших. Если же мы не верим этому, то не оттого, что нет добродетельных, но оттого, что мы сами слишком мало делаем. Предавшийся пьянству нелегко может поверить тому, что есть какой-либо человек, который не пьет даже воды, хотя и это многие из монахов исполняют на наших глазах. Похотливый не вдруг поверит, что легко можно сохранять девство; хищник не скоро поверит, что есть такие, которые охотно отдают и свое; так и те люди, которые каждодневно изнуряют себя бесчисленными заботами, не скоро примут учение о том, что можно быть свободным от житейских забот. А что многие исполнили это учение, мы можем доказать примером тех, которые так любомудрствуют и в наше время. Но на первый раз для нас достаточно будет, если вы научитесь не лихоимствовать, почитать добром милостыню, и узнаете, что должно уделять от своих имуществ неимущим. Если, возлюбленный, ты исполнишь это, то скоро будешь в состоянии исполнить и то. Итак,

прежде оставим ненужную пышность, станем держаться умеренности и все, что думаем получать, научимся приобретать праведными трудами. Так и блаженный Иоанн, когда беседовал с собирающими пошлины и воинами, заповедовал довольствоваться жалованьем. Он, хотя желал возвести их к другой, гораздо высшей мудрости, но поелику они к тому были еще неспособны, то предлагает низшую заповедь. Если бы он стал внушать высшие заповеди, то они не только не стали бы внимать им, но не исполнили бы и низших. Поэтому и мы занимаем вас истинами низшими; мы ведь знаем, что бремя нелюбостяжания превосходит силы ваши, и сколько отстоит небо от земли, столько от вас – такое любомудрие. Итак, по крайней мере, сохраним последние заповеди. Немалый и это урок. Правда, некоторые из эллинов исполнили и ту заповедь, о которой мы рассуждаем, и оставили всякое имущество, хотя и не с таким расположением, с каким должно; впрочем, для вас довольно будет и того, если вы станете щедрою рукою раздавать милостыню, потому что когда мы будем таким образом вести себя, то скоро станем исполнять и ту заповедь. Если же и этого не станем исполнять, то какого мы достойны будем прощения, – мы, которые обязаны превзойти ветхозаветных, а между тем оказываемся хуже и эллинских мудрецов? Что скажем мы, когда, обязанные быть ангелами и сынами Божьими, не соблюдаем и человеческих обязанностей? Похищать и желать чужого свойственно свирепым зверям, а не кротким людям; даже похищающие чужое несравненно хуже и самых зверей. Зверям это свойственно от природы; а мы, будучи украшены разумом, но унижаясь до неестественного неблагородства, какое получим прощение? Итак, представляя степени любомудрия, нам указываемого, по крайней мере, будем достигать средины, чтобы и от будущего наказания освободиться, и, преус-

певая таким образом, достигнуть и высших благ, которых все мы да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXII

Смотрите крин сельных, како растут: не труждаются, ни прядут. Глаголю же вам, яко ни Соломон во всей славе своей облечеся, яко един от сих (VI, 28, 29)

1. Спаситель, сказав о необходимой пище и показав, что и об ней не нужно заботиться, переходит далее к тому, о чем еще менее надобно заботиться, потому что одежда не так необходима, как пища. Почему же Он, говоря об одежде, не употребил того же самого сравнения, заимствованного от птиц, и не упоминает нам о павлине, лебеде и овце? Ведь и отсюда можно было бы заимствовать много примеров? Это потому, что Христос хочет с двух сторон показать важность предложенной Им заповеди – и со стороны ничтожества того, что облечено в такую красоту, и со стороны самой красоты, данной лилиям. Вот почему, описав красоту лилий, Он уже после и не называет их лилиями, но *сеном сельным* (ст. 30). Даже не довольствуется и этим названием, но еще с другой стороны представляет их ничтожность, говоря: *днесь суще,* и не говорит: этого сена на другой день уже нет, но еще более унижает, говоря: *в пещь вметаемо.* Также Он сказал не просто: *одевает,* но: *тако одевает.* Видишь ли, как Спаситель постепенно более и более усиливает Свою мысль? И это Он делает для того, чтобы сильнее подействовать на Своих слушателей. Для того же Он прибавил и слова: *не много ли паче вас?* Это сказано с особенной выразительностью

и силою. Словом: *вас* Он показывает не что иное, как то, что род человеческий удостоен от Бога великой чести и особенного попечения. Христос как бы так говорил: вас, которых Бог одарил душою, для которых образовал тело, для которых создал все видимое, для которых послал пророков, которым дал закон и соделал бесчисленные блага, для которых предал Единородного Сына (и через Него сообщил бесчисленные дары). После этого Спаситель упрекает слушателей, говоря: *маловеры*! Таково свойство советующего. Он не только убеждает, но и обличает, чтобы еще более побудить к повиновению словам Своим. Так Христос запрещает нам не только заботиться о красивых одеждах, но и удивляться, когда видим их на других. Убранство цветов, красота трав и даже самое сено более достойно удивления, чем наши дорогие одежды. Итак, для чего ты гордишься тем, в чем тебя несравненно превосходит трава? Заметь, как Спаситель с самого начала показывает, что Его заповедь легка, удаляя (всякую мысль об излишних заботах, точно так же, как и прежде, когда говорил Он о пище, то есть удаляя) от того, чего слушатели боялись. Сказав: *смотрите крин сельных.* Он присовокупил: *не труждаются.* Значит, этою заповедью Он хочет освободить нас от трудов. Итак, не то составляет труд, когда мы не заботимся об одежде, но то, когда заботимся. И как тогда, когда Христос сказал: *не сеют,* возбранил не сеяние, но излишнюю заботу о пище, так и этими словами: *не труждаются, ни прядут,* запрещает не самое занятие, но излишнее попечение об одежде. Соломон во всем величии своем не мог сравниться с красотою цветов, и притом не какой-нибудь один раз, но во все время своего царствования (никто не может сказать, что Соломон ныне так одевался, а в другое время иначе; нет, не было ни одного дня, когда бы он украшался так великолепно, как цветы, – на что Хрис-

тос и указывает словами: *во всей славе своей*). Притом Соломон красотою одежд своих не мог сравниться не только с одним или с другим цветком, но со всеми без исключения (почему Спаситель и сказал: *яко един от сих*, – а такое же различие находится между одеждами и цветами, какое между истиною и ложью). Итак, если и этот царь, знаменитейший из всех когда-либо бывших на земле, не мог сравняться с полевыми цветами, то можешь ли ты когда-либо превзойти красоту цветов или хотя несколько приблизиться к ней? Отсюда Спаситель научает нас, чтобы мы совершенно и не помышляли о таком украшении. Смотри, какой конец его. Спаситель, после того как восхвалил так красоту лилий, говорит: *в пещь вметается*. Итак, если Бог столь промышляет о вещах, ничего не стоящих и доставляющих самую малую пользу, то ужели Он не будет пещись о тебе – существе лучшем из всех существ? Для чего же Бог, спросишь ты, сотворил цветы столь прекрасными? Для того, чтобы показать Свою премудрость и великое Свое могущество, чтобы мы отовсюду познали славу Его. Не одни *небеса поведают славу Божию* (Пс. XVIII, 1), но и земля. И Давид, свидетельствуя об этом, сказал: *хвалите Господа, древа плодоносна и вси кедри* (Пс. CXLVIII, 9). Одно прославляет Творца своего плодоносностью, другое величием, иное – красотою. И это есть знак великой мудрости и могущества Божия, когда Он облекает в такую красоту самое последнее Свое творение. (В самом деле, что может быть еще ниже того, что сегодня существуете, а завтра нет?) Итак, если Бог и сену дает то, что вовсе ему не нужно (нужна ли, например, его красота огню?), то как Он тебе не даст того, в чем ты имеешь нужду? Если и самое последнее Свое творение Он украсил с избытком, и это не по нужде какой-либо, но ради великолепия, то тем более украсит всем нужным тебя – существо драгоценнейшее из всех.

2. Так как Спаситель доказал уже промысел Божий о человеке, то Ему оставалось только теперь обличить слушателей. И здесь обличение Его соединено с кротостью. Он обличает Своих слушателей не в неверии, но в маловерии: *аще сено сельное Бог тако одевает,* говорит Он, *то много более вас, маловери.* Хотя все это Он сам совершает, потому что *вся Тем быша и без Него ничтоже бысть* (Ин. I, 3), однако Он еще нигде не упомянул о самом Себе. Для доказательства Его власти пока достаточно было и того, что Он при каждой заповеди говорил: *слышите, яко речено бысть древним; Аз же глаголю вам* (Мф. V, 21; 22 и д). Итак, не удивляйся, если и в последующих словах Христос или вовсе не говорит о Себе, или со смирением: прежде всего, Он заботился только о том, чтобы слово его было принято слушателями охотно и во всем показать, что Он не противник какой-либо Богу, но единомыслен и согласен с Отцом. Это самое и здесь делает. В продолжение всей беседы Он непрестанно упоминает об Отце, удивляясь Его премудрости, промышлению и попечению о всем, о малом и о великом. Когда Он говорил о Иерусалиме, то назвал Его градом Царя великого; когда упоминал о небе, также наименовал Его престолом Божиим. Рассуждая о строительстве мира, Он опять все приписывает Богу, говоря: *яко солнце Свое сеяет на злыя и благия, и дождит на праведныя и на неправедныя* (Мф. V, 45). И в молитве научил нас говорить: *яко Того есть царствие и сила и слава* (Мф. VI, 13). Равным образом и здесь, рассуждая о промысле Божием, показывая, как Бог даже и в малых вещах является превосходным художником, говорит, что Он траву сельную одевает. И притом нигде не называет Его Своим Отцом, но Отцом их (слушателей), чтобы лучше убедить представлением о такой их почести, и чтобы они уже не негодовали, когда Он назовет Его Отцом Своим. Но если о маловажных и необходимых

вещах не должно заботиться, то какого прощения будут достойны те, которые заботятся о вещах многоценных? Особенно же какого прощения будут достойны те, которые даже лишают себя сна, чтобы похитить чуждое? *Не пецытеся убо, глаголюще, что ямы, или что пием, или чим одеждемся? Всех бо сих языцы мира ищут* (Мф. VI, 31, 32). Видишь ли, как Он опять, и притом гораздо сильнее, нежели прежде, обличает слушателей и показывает притом, что Он не заповедует ничего трудного и неудобоисполнимого? Подобно тому как тогда, когда Он говорил: если любите любящих вас, то ничего великого не делаете, – и язычники то же творят (Мф. V, 46, 47), – этим напоминанием о язычниках возбуждая Своих слушателей к большему, – так и теперь представляет язычников для того, чтобы обличить нас и показать, что Он от нас требует самого необходимого. Если нам должно превзойти книжников и фарисеев, то чего мы будем достойны, когда не только не превосходим их, но и пребываем в слабости язычников и ревнуем их малодушию? На этом обличении Христос, однако, не остановился, но после того, как тронул, пробудил, сильно укорил Своих слушателей, с другой стороны, утешает их, говоря: *весть бо Отец ваш небесный, яко требуете сих всех* (Мф. VI, 32). Не сказал: знает Бог, но – *весть Отец*, чтобы, таким образом, возбудить в них большое упование. В самом деле, если Бог есть Отец, и притом Отец всеведущий и попечительный, то не может Он презреть сынов, находящихся в бедах, когда даже и люди, будучи отцами, не делают этого. Вместе с тем Христос приводит и другое доказательство. Какое же? *Яко требуете сих всех*. Смысл этих слов Его такой: излишне ли это, чтобы Бог мог пренебрегать этим? Он даже и излишним не пренебрегает, как, например, красотою в цветах; а тут – необходимое. Таким образом, что тебя побуждает заботиться, то, по-моему, должно отвлекать

тебя от такой заботливости. Если ты скажешь: мне потому должно заботиться о пище и одежде, что они нужны, то я, напротив, скажу: по тому-то самому, что они необходимы, ты и не должен заботиться. Если бы они были и излишни, то и тогда надлежало бы не отчаиваться, но с твердым упованием ожидать подаяния их; а раз они необходимы, то и сомневаться об этом не следует. Какой отец не захочет доставить необходимого своим детям? Так и поэтому уже Бог непременно подаст нужное. Он Сам и Творец природы, и совершенно знает нужды. Ты не можешь сказать, что хотя Бог есть Отец и требуемое нами необходимо, но Он не знает, что мы имеем нужду в том. Кто знает самую природу, Кто сотворил и так устроил ее, Тот, очевидно, знает и нужды ее лучше тебя, имеющего нужду в пище и одежде: Ему же ведь угодно было даровать природе твоей такую потребность. Он не будет противоречить Себе, лишая наше естество нужного и необходимого, тогда как Сам устроил его с такими потребностями.

3. Итак, не будем заботиться; от забот своих мы ничего не получим, кроме того только, что они развлекут нас. Если Бог подает нам все нужное, заботимся ли о том или не заботимся, и притом подает скорее тогда, когда мы не заботимся, то какую пользу доставляет тебе твоя суетливость, кроме того, что ты казнишь самого себя? Заботится ли о пище тот, кто идет на пышный обед? Запасается ли питьем тот, кто идет к источнику? И мы, имея у себя блага лучше и обильнее, нежели сколько воды в потоках и брашен на вечерях, то есть промысл Божий, – не должны заботиться и малодушествовать. Сверх вышесказанного, Спаситель для возбуждения в нас несомненного упования во всех вещах на промысл Божий представляет еще доказательство, говоря: *ищите царствия* небесного, *и сия вся приложатся вам* (ст. 33). Удалив от нас всякую мысль об излишних

заботах, Христос упомянул и о небесах; Он для того и пришел, чтобы разрушить древнее и призвать нас к лучшему отечеству; потому Он все делает, чтобы удалить нас от излишеств и от пристрастия к земным вещам. Для того и о язычниках упомянул, сказав, что *сих ищут языцы*, которые весь труд свой ограничивают настоящей жизнью, которые нимало не рассуждают о будущности и не думают о небесах. А для вас должно быть не это важно, но другое. Мы не для того ведь сотворены, чтобы есть, пить и одеваться, но чтобы угодить Богу и получить будущие блага. Итак, усиленно и заботиться, и молиться о земном не должно. Потому Спаситель и сказал: *ищите царствия небесного, и сия вся приложатся вам*. И не сказал: даны будут, но – приложатся, чтобы ты знал, что настоящие блага ничего не значат в сравнении с величием будущих. Потому-то Он и не повелевает просить настоящих благ, но просить иных благ и надеяться, что и те присоединятся к этим. Итак, ищи благ будущих – и получишь настоящие; не ищи видимых – и непременно получишь их. Да и неприлично тебе приступать ко Владыке с молитвою о таковых благах. Будучи обязан прилагать все тщание и всю заботу свою о неизреченных благах, ты крайне бесчестишь себя, когда изнуряешь себя заботливыми помыслами о благах скоропреходящих. Но как же, скажешь ты, разве Христос не повелел просить хлеба? Но Он присовокупил: *насущнаго*, и опять к этому прибавил: *днесь*. То же самое Он и здесь внушает; не просто сказал: *не пецытеся*, но: *не пецытеся наутрей* (ст. 34). Таким образом, Он вместе дарует и свободу нам, и обращает душу нашу к предметам более необходимым. И если Он повелевает молиться, то не потому, будто бы Бог имеет нужду в нашем напоминании, но для того, чтобы нам знать, что мы только Его помощью совершаем все, что ни делаем, и чтобы нам непрестанным молением сделаться Ему

более приятными. Видишь ли, как и здесь Он уверяет Своих слушателей, что они непременно получат настоящие блага? Тот, кто подает большее, тем скорее даст меньшее. Не для того, говорит Он, Я не велел заботиться и просить, чтобы вы бедствовали, ходили наги, но чтобы во всем был у вас достаток. А этим Он всего более мог привлечь слушателей к Себе. Потому, как при подаянии милостыни Он запрещает им показываться людям, убеждая преимущественно тем, что обещает через то большую честь (именно сказал: *Отец твой видяй втайне, воздаст тебе яве*), так и здесь, отклоняя их от искания благ настоящих, отклоняет особенно Своим обещанием – доставить им эти блага в большем изобилии, если не станут искать их. Я, говорит Он, запрещаю искать не для того, чтобы ты не получил, но чтобы получил в большем обилии, и получил, как тебе прилично получить, с истинною пользою для тебя; чтобы ты заботою и мучительным попечением об этих благах не сделался недостойным и их, и духовных благ, чтобы ты не навлек на себя излишнего бедствия и не лишился желаемого тобою. *Не пецытеся убо наутрей; довлеет дневи злоба его*, то есть скудость и печаль его. Не довольно ли для тебя есть хлеб твой в поте лица твоего? Для чего подвергаешь себя и другому злостраданию, происходящему от твоей заботы, тогда как ты должен быть свободен и от первых трудов?

4. Злобою Спаситель здесь называет не лукавство, – нет, – но злострадание, труд и несчастья; так и в другом месте говорится: *или будет зло во граде, еже Господь не сотвори*? (Ам. III, 6). Здесь под злом разумеются не грабительства, не любостяжание и не другое что-либо, тому подобное, но наказания, посылаемые свыше. И еще говорится: *Аз творяй мир, и зиждяй злая* (Ис. XLV, 7). И здесь говорится не о злобе, но о голоде и заразе, которые для многих кажутся злом; многие

обыкновенно так и называют их. Так и жрецы, и волхвы пяти городов, когда, впрягши в колесницу под кивот коров без телят, пустили их идти, куда они захотят, называли злом и ниспосланные свыше наказания, и происшедшую от них скорбь и печаль (1 Цар. VI, 9). Итак, то же самое Спаситель обозначает злобой и здесь, говоря: *довлеет дневи злоба его,* потому что ничто столько не мучит душу, как попечение и забота. Подобным образом и Павел, склоняя к девственности, предлагал следующий совет: *хощу же вас безпечальных быти* (1 Кор. VII, 32). Когда же Христос говорит, что *утренний собою печется,* то говорит это не потому, будто бы день заботится о себе, но так как Он говорил с простым народом, то, желая сделать слова Свои выразительнее, олицетворяет время, сообразно общему обыкновению. Здесь Он предлагает только совет, но впоследствии времени поставляет это уже в закон, говоря: *не стяжите злата, ни серебра, ни пиры в путь* (Мф. X, 9). Сперва на деле, а потом и словом Он установляет новый, твердый закон, отчего и слово Его, будучи прежде утверждено самими делами Его, легко было принимаемо. А что Он Свое учение о бесстрастии к земному доказал самими делами Своими, то послушай, что Он говорит: *Сын человеческий не имать, где главы подклонити* (Мф. VIII, 20). И не довольствуется одним только собственным примером, но и в учениках представляет нам тот же пример, когда и им внушил не заботиться о земном и не допустил ни в чем нуждаться. Но смотри, — Его попечение превышает нежность всякого отца. Заповедую это, говорит Он, не для иного чего, как только для освобождения вас от излишних забот, потому что если ты сегодня будешь заботиться о завтрашнем, то опять и завтра тебе нужно будет заботиться. Итак, к чему излишнее? Для чего ты стараешься отяготить настоящий день больше, чем уделено ему тяготы? Для чего возлагаешь на него

бремя и наступающего дня? Таким прибавлением ты не можешь облегчить тяжести другого дня, но только покажешь жадность к излишним трудам. Чтобы сильнее тронуть Своих слушателей, Христос олицетворяет самое время и представляет его как бы обиженным и вопиющим против напрасной обиды, которую они учиняют ему. Ты получил день для того, чтобы заботиться о принадлежащем к нему. Для чего же возлагаешь на него и попечение другого дня? Ужели забота о себе не составляет для него достаточного бремени? Для чего же более надлежащего отягощаешь его? Но когда это говорит Законодатель наш и будущий Судья, то подумай, какие утешительные Он подает нам надежды, когда сам представляет жизнь нашу столь бедственной и трудной, что и попечение одного дня может нас озлобить и сокрушить. И мы все-таки, невзирая на множество таких свидетельств, заботимся о земном, а о благах небесных совсем не печемся. Противясь словам Его, мы совершенно извратили порядок. Смотри: Он говорит: не ищите настоящего совсем, – а мы непрестанно ищем. Ищите, говорит Он, небесных благ, – а мы даже минуты не посвящаем на искание их, но сколько печемся о житейском, столько же, или еще несравненно более, нерадим о духовном. Но это не всегда нам будет проходить даром и не всегда будет удаваться. Вот мы нерадим десять дней, вот двадцать, вот сто. Но разве нам не надлежит рано или поздно умереть и впасть в руки Судьи? Но отлагательство приносит утешение? Какое же утешение – ежедневно ожидать наказания и мучения? Если ты хочешь получить какое-либо утешение от этого отлагательства, то покажи исправление, которое есть плод покаяния. Если ты думаешь получить некоторую отраду из отлагательства наказания, то гораздо больше пользы не подвергнуться наказанию. Итак, воспользуемся этим отлагательством для совер-

шенного избавления себя от предстоящих зол. Ни одна заповедь не тяжка и не прискорбна; напротив, каждая легка и удобоисполнима, так что, если бы мы имели искреннее желание, все могли бы совершить, хотя бы подвержены были бесчисленному множеству грехов. Манассия дерзнул на ужасные преступления, потому что руки свои простер на святыню, внес в храм мерзости, город наполнил убийствами и другие непростительные совершил беззакония. И, однако, после таких великих преступлений, он все загладил. Каким же способом? Покаянием и добрым изволением.

5. Нет, подлинно нет ни одного греха, который бы не покорился и не был препобежден силою покаяния или, справедливее, благодатью Христовою. Лишь только мы успеем обратиться, Он уже нам помогает. И если хочешь быть добрым, никто не препятствует, – или, лучше, диавол хотя и старается препятствовать, но не может, когда сам ты избираешь лучшее и, таким образом, самого Бога делаешь своим защитником. Но если ты не захочешь и воспротивишься Богу, то как Он будет твоим заступником? Он хочет, чтобы ты получил спасение не по принуждению и насилию, но по свободной воле. Если и ты, имея слугу, который тебя ненавидит, отвращается и часто от тебя бегает, не захотел бы держать его, несмотря на то, что ты имеешь нужду в его служении, то тем более Бог, Который все делает не по Своей какой-либо надобности, но для твоего спасения, не захочет тебя насильно удерживать. Напротив, лишь только изъявишь расположение, то никогда тебя не захочет оставить, что бы диавол ни замышлял против тебя. Итак, мы сами бываем виновниками собственной своей погибели, потому что не приступаем к Богу, не молимся Ему, не призываем Его подобающим образом. А если и приступаем, то делаем это так, как бы не думали получить, – не с подобающей верой все делаем, не

с усильным молением, а нерадиво и беспечно. Между тем Бог хочет, чтобы мы Его просили, и, если ты просишь, являет тебе великую милость. Это единственный должник, Который, когда мы просим Его, оказывает нам милость и дает то, чего мы не давали Ему в заем. Если Он усмотрит, что проситель неотступен, то дает и то, чего не получил от нас. Но если просят Его с нерадением, то и Он медлит – не потому, что не расположен дать, но потому, что Ему угодно, чтобы мы Его умоляли. Потому Он и представил тебе в пример друга, ночью пришедшего и просящего хлеба, и судью, Бога не боящегося и людей не стыдящегося. И не ограничился этими примерами, но и засвидетельствовал то же самими делами, когда финикийскую женщину отпустил с обильными даяниями. В ее примере показал, что усильно просящим Он дает и то, чего бы не надлежало давать. *Несть бо добро*, говорил Он, *отъяти хлеб чадом и поврещи псом* (Мк. VII, 27), – и, однако, дал за ее неотступное прошение. А в примере иудеев показал, что беспечным не дает и их собственности. Потому они не только ничего не получили, но и лишились того, что им принадлежало. Они, потому что не просили, не получили и принадлежащего им, а финикиянка, за то, что просила усердно, присвоила себе и чужое, – и пес получил то, что принадлежало чадам. Столько-то полезно неотступное прошение! Хотя бы ты был пес, но если станешь неотступно просить, то будешь предпочтен беспечному чаду. В чем не успевает дружество, того достигает усиленная просьба. Итак, не говори, что Бог – мой враг, потому и не выслушает меня. Он, если неотступно будешь умолять Его, тотчас ответит тебе, если не по близости твоей к Нему, по крайней мере, ради неотступной просьбы твоей. Ни вражда, ни безвременность, ни иное что не будет служить препятствием. Не говори: я недостоин и потому не прошу. И сирофиникиянка была

такова. Не говори: я многогрешен и потому не могу просить разгневанного; Бог не на достоинство смотрит, но на расположение. Если вдова преклонила начальника, Бога не боявшегося и людей не стыдившегося, то тем более непрестанная молитва привлечет к себе Благого. Пусть ты не друг Богу, пусть просишь недолжного, пусть ты расточил отеческое достояние и долгое время находился в отсутствии, пусть ты приходишь к Нему лишенным чести и как худший из всех, пусть являешься к разгневанному и негодующему; только возымей намерение молиться и возвратиться к Нему, — все получишь и гнев и осуждение тотчас истребишь. Но вот, я молюсь, скажешь ты, — и нет никакого успеха! Это потому, что ты молишься не как сирофиникиянка или друг, безвременно пришедший, — не как вдова, непрестанно нудящая судью, и сын, расточивший отцовское имущество. Если бы ты так же молился, то скоро бы получил. Хотя и раздражен Бог, но Он — Отец; хотя и разгневан, но чадолюбив и одного только ищет — не того, чтобы наказать тебя за обиду, но того, чтобы видеть тебя обратившимся и умоляющим Его.

6. О, если бы и мы так воспламенялись, как согрето благоутробие Божие любовью к нам! Огонь этой любви ожидает только случая, и если малую искру приложишь к нему, то возожжешь великий благодеющий тебе пламень. Господь болезнует не о том, что обижен, но о том, что ты дерзок и неистовствуешь, подобно пьяному. Если мы, будучи злы, болезнуем о детях, несмотря на причиняемые нам от них обиды, то Бог ли, Которого нельзя обидеть, будет гневаться на тебя за то, что досаждаешь Ему? Если мы, любя любовью естественной, болезнуем о детях, то тем более и вполне естественно чадолюбивый болезнует о нас. *Аще и забудет жена исчадия чрева своего, но Аз не забуду тебе, глаголет Господь* (Ис. XLIX, 15). Итак, приступим к Нему и скажем: *ей,*

Господи, ибо и пси ядят от крупиц, падающих от трапезы господей своих (Мф. XV, 27)! Будем приступать к Богу благовременно и безвременно; или, вернее сказать, безвременно приступать к Нему никогда нельзя. Безвременно приступать – у Него значит не всегда приступать. Того, Который всегда желает давать, благовременно всегда просить. Как дыхание никогда не бывает безвременно, так и прошение; но, напротив, не прошение – безвременно. Как мы имеем нужду в дыхании, так и в Его помощи, и если захотим, то удобно привлечем Его к себе. И пророк, показывая и свидетельствуя, что Бог всегда готов благодетельствовать, говорил: *яко утро готово обрящем Его* (Ос. VI, 3). Сколько бы раз ни приступали к Нему, увидим, что Он всегда ожидает прошений от нас. Если же из источника Его милостей мы ничего не почерпаем, то вся вина наша. Укоряя иудеев, Он говорил: *милость же* Моя *яко облак утренний, и яко роса рано падающая* (там же, ст. 4). Слова эти имеют такой смысл: хотя Я, со своей стороны, все исполнил, – но как знойное солнце при самом восходе прогоняет и облако и росу, так и вы своею великой злобой останавливаете Мою неизреченную щедрость. Впрочем, и здесь вместе действует промысл: как скоро Бог усматривает нас недостойными благодеяний, удерживает их, чтобы они не сделали нас беспечными. Если же мы хотя несколько обратимся, то есть столько, сколько нужно для того, чтобы узнать, что мы согрешили, – тогда весьма богатые и обильные изливает на нас милости. И, чем больше ты приемлешь от Него, тем более Он радуется и более обильные готовит нам новые благодеяния. Спасение наше и щедрые дары просящим Он считает Своим богатством. Так говорит об этом и Павел: *богатяй во всех и на всех призывающих Его* (Рим. X, 12). Но когда мы не молим, тогда гневается; когда не просим, тогда отвращается. Для того Он и

обнищал, чтобы нас сделать богатыми; для того все претерпел, чтобы нас побудить к молитвам. Итак, не будем отчаиваться. Но, имея такие побуждения, такие добрые надежды, если и каждодневно согрешаем, будем приступать с прошением, молением и требованием отпущения грехов. Таким образом, и на грех будем уже более косны, и диавола прогоним, и милосердие Божие призовем, и будущих благ достигнем благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIII

Не судите, да не судими будете (VII, 1)

1. Что ж? Ужели не должно обвинять согрешающих? Да; и Павел то же самое говорит, или — лучше — Христос через Павла: *ты почто осуждаеши брата твоего?* Или: *ты что уничижаеши брата твоего? Ты кто еси судяй чуждему рабу* (Рим. XIV, 10 и 4)? И опять: *темже прежде времене ничтоже судите, дондеже приидет Господь* (1 Кор. IV, 5). Каким же образом тот же апостол в другом месте говорит: *обличи, запрети, умоли* (2 Тим. IV, 2)? И еще: *согрешающих пред всеми обличай* (1 Тим. V, 20)? Равным образом и Христос говорит Петру: *иди, обличи его между тобой и тем единем. Аще ли не послушает,* возьми *с собою* другого, если же и при этом не уступает, *повеждь Церкви* (Мф. XVIII, 15–17)? И для чего Он поставил столь многих обличителей, и не только обличителей, но и карателей, так что кто не послушается никого из этих последних, того велел почитать за язычника и мытаря? С какой также целью вверил им и ключи? Если ведь они не будут судить, то не будут иметь никакой важности и, следовательно, всуе получили власть вязать и решить. С другой стороны, если бы это было так, то

все пришло бы в расстройство и в Церкви, и в гражданских обществах, и в семьях. Если господин не будет судить своего слугу, а госпожа служанку, отец сына и друг своего друга, то зло будет распространяться все более и более. И что я говорю: друг друга? Даже если врагов не будем судить, то никогда не будем в состоянии разрушить вражду, но все придет в совершенный беспорядок. Что же значит указанное изречение? Рассмотрим теперь внимательнее, чтобы врачевство спасения и законы мира не почел кто-нибудь законами ниспровержения и смятения. Для имеющих здравый ум Спаситель хорошо изъяснил уже силу данного закона в следующих дальнейших словах: *что видиши сучец, иже во оце брата твоего, бревна же, еже есть во оце твоем, не чуеши?* (Мф. VII, 3). Если же для многих, не так сообразительных, изречение Христово кажется все еще недовольно ясным, то я снова постараюсь изъяснить его. Именно – здесь, как мне кажется, Спаситель не все вообще грехи повелевает не судить и не всем без исключения запрещает это делать, но тем только, которые, сами будучи исполнены бесчисленных грехов, порицают других за маловажные какие-нибудь поступки. Мне кажется также, что Христос указывает здесь и на иудеев, которые, будучи злыми обвинителями своих ближних в каких-нибудь маловажных и ничтожных поступках, сами бессовестно творили великие грехи. За это Господь порицал их, и под конец (Своего служения), говоря: связуете *бремена тяжка и бедне носима, сами же перстом не* хотите *двигнути их*. И еще: *одесятствуете мятву и копр, и остависте вящшая закона: суд, милость и веру* (Мф. XXIII, 4, 23). Итак, можно думать, что Христос указывал и на них, желая предварительно упрекнуть их в том, в чем они, впоследствии времени, порицали учеников. Хотя последние ни в чем подобном не согрешили, но иудеям казалось грехом, например, что они

не соблюдали субботы, ели неумытыми руками, возлежали с мытарями, о чем Спаситель и в другом месте говорит: *оцеждающии комары, вельблуды* же *пожирающе* (Мф. XXIII, 24). Впрочем, Христос полагает здесь и общий закон о неосуждении. И Павел в послании к коринфянам запретил не вообще судить, но судить только высших, ввиду неизвестности дела; равным образом, не вообще запрещает исправлять согрешающих. Он упрекал и тогда не всех без различия, а укорял, во-первых, учеников, которые так поступали в рассуждении своих учителей, и, во-вторых, тех людей, которые, сами будучи виновны в бесчисленных согрешениях, клеветали на неповинных. То же самое дает разуметь и Христос в данном месте, и не просто дает разуметь, но еще внушает великий страх и угрожает неизбежным наказанием: *имже бо судом судите*, говорит Он, *судят вам* (ст. 2). Ты осуждаешь, говорит Он, не ближнего, но себя самого, и себя самого подвергаешь страшному суду и строгому истязанию. Подобно тому, следовательно, как в отпущении грехов начало зависит от нас самих, так и в этом суде мы же полагаем известную меру нашего осуждения. Итак, должно не порицать, не поносить, но вразумлять; не обвинять, но советовать; не с гордостью нападать, но с любовью исправлять, — потому что не ближнего, но себя самого предашь ты жесточайшему наказанию, когда не пощадишь его, произнося твой приговор о его прегрешениях.

2. Видишь ли, как эти две заповеди и легки, и доставляют великие блага покорным, и, наоборот, причиняют великое зло непослушным? Тот, кто оставляет ближнему своему его прегрешения, освобождает от обвинения не столько его, сколько себя самого, и притом без всякого труда; и тот, кто с пощадой и снисходительно разбирает преступления в других, таковым судом своим полагает большой залог прощения для себя

самого. Что же, скажешь ты, если кто прелюбодействует, неужели я не должен сказать, что прелюбодеяние есть зло, и неужели не должен исправить распутника? Исправь, но не как неприятель, не как враг, подвергая его наказанию, но как врач, прилагающий лекарство. Спаситель не сказал: не останавливай согрешающего, но: не суди, то есть не будь жестоким судьею; притом же это сказано не о важных и явно запрещенных грехах, как уже мной было и прежде замечено, но о таких, которые и не почитаются грехами. Потому Он и сказал: *что видиши сучец, иже во оце брата твоего* (ст. 3)? Многие и ныне так поступают: видя монаха, имеющего излишнюю одежду, обыкновенно представляют ему закон Господень, хотя сами постоянно только и занимаются хищениями и лихоимством; или, видя, что он употребляет нескудную пищу, делаются жестокими обвинителями, хотя сами каждый день пьянствуют и упиваются, не зная того, что через это, при своих грехах, готовят для себя больший огонь и лишают себя всякого оправдания. И в твоих ведь поступках должно потребовать строгого отчета, раз ты сам первый положил такой закон, строго осудив поступки ближнего. Итак, не считай для себя тягостью, когда и сам ты будешь подвергнут такому истязанию. *Лицемере, изми первее бревно из очесе твоего* (ст. 5). Здесь Спаситель хочет показать великий Свой гнев к тем, которые осуждают ближних. Действительно, всякий раз, когда Он хочет показать тяжесть какого-либо греха, великость наказания за него и Свой гнев, Он обыкновенно начинает укором. Так, например, и требовавшему (от своего товарища) сто динариев Христос с негодованием говорит: *рабе лукавый, весь долг тот отпустих тебе* (Мф. XVIII, 32); так точно и здесь употребил слово: *лицемере*. Строгий суд о ближнем показывает не доброжелательство, а ненависть к человеку; и хотя осуждающий носит личину

человеколюбия, но на самом деле исполнен крайней злобы, поскольку подвергает ближнего напрасному поношению и обвинению и восхищает место учителя, сам не будучи достоин быть даже учеником. Потому Христос и назвал его лицемером. Если ты так строг в отношении к другим, что видишь и малые проступки, то почему так невнимателен к себе, что не замечаешь и великих грехов? *Изми первее бревно из очесе твоего.* Видишь ли, что Спаситель не запрещает судить, но прежде велит изъять бревно из собственного глаза, и тогда уже исправлять согрешения других? Всякий ведь свое знает лучше, нежели чужое, и лучше видит большее, нежели меньшее, и, наконец, более себя самого любит, чем ближнего. Следовательно, если ты судишь других, желая им добра, то прежде пожелай его себе, имеющему грех и очевиднее, и более; если же нерадишь о самом себе, то ясно, что и брата своего судишь не из доброжелательства к нему, но из ненависти и желания опозорить его. Если же и должно быть ему судиму, то пусть его судит тот, кто ни в чем подобном не согрешил, а не ты. Так как Спаситель предложил великие и высокие правила жизни, то, чтобы кто-нибудь не сказал, что легко так любомудрствовать на словах, Он и изрек эту притчу в доказательство всей свободы, с какой мог сказать о Себе, что Он не погрешил ни против одного из предложенных Им правил, но все исполнил. Хотя впоследствии времени Ему самому надлежало судить и говорить: *горе вам, книжницы и фарисеи лицемери* (Мф. XXIII, 25), однако ж сам Он нимало не был виновен в том, в чем обвинял других. Ни сучка не изымал, ни бревна не имел в глазах Своих; Он был свободен от того и другого и исправлял, таким образом, согрешения всех. Не должен, говорит Он, судить других тот, кто сам в том же виновен. И ты удивляешься, что Он положил этот закон, когда и разбойник на кресте

признал его и выразил мысль Христа в словах своих, обращенных к другому разбойнику: *ни ли ты боишися Бога, яко в том же осуждени есмы* (Лк. XXIII, 40). А ты не только не изымаешь у себя бревна, но и не видишь; напротив того, сучец у другого не только видишь, но и осуждаешь, и стараешься изъять, — подобно как одержимый тяжкой водянкой или другой какой-либо неизлечимой болезнью нерадит об ней, а между тем в другом обвиняет нерадение о малом недуге. Если уж худо не обращать внимания на свои грехи, то вдвое или втрое хуже судить других, имея в собственных своих глазах бревно и не чувствуя от того никакой боли; ведь грех тягостнее и бревна.

3. Итак, сказанная Спасителем заповедь имеет такой смысл: кто сам подвержен многим порокам, тот не должен быть строгим судьей погрешностей других людей, и особенно когда они маловажны; следовательно, Он не запрещает обличать или исправлять, но возбраняет нерадеть о собственных грехах и восставать против чужих. И это потому, что осуждение других много содействовало бы к увеличению зла, усугубляя порочность. В самом деле, кто привык нерадеть о своих великих преступлениях и строго судить о малых и незначительных погрешностях других, тот терпит двоякий вред, — как потому, что нерадит о своих грехах, так и потому, что питает ко всем вражду и ненависть и каждый день возбуждается к крайней жестокости и немилосердию. Итак, уничтожив все это через прекрасное то законоположение, Христос присоединил еще другое правило, говоря: *не дадите святая псом, ни пометайте бисер пред свиниями* (ст. 6). Хотя далее Он и говорит: *еже во уши слышите, проповедите на кровех* (Мф. X, 27), но это последнее нимало не противоречит прежнему, так как и тут не всем вообще повелено говорить, но тем только говорить со всей свободой, которым должно говорить.

Под именем же псов Он здесь разумел тех, которые живут в неисцельном нечестии, без всякой надежды исправления; а под именем свиней – всегда живущих невоздержно; все таковые, по слову Его, недостойны слушать высокое учение. То же самое и Павел выразил, сказав: *душевен же человек не приемлет яже Духа; юродство бо ему есть* (1 Кор. II, 14). И во многих других местах Он развращение жизни поставляет причиной того, что не приемлется совершеннейшее учение. Потому и повелевает таким людям не отворять дверей, потому что, узнавши, они становятся еще более дерзкими. Когда это учение открывается людям признательным и благомыслящим, то они благоговеют перед ним; а люди безнравственные уважают более тогда, когда его не знают. Итак, поелику по природе своей такие люди не могут познать этого учения, то пусть будет оно от них скрыто, говорит Спаситель, чтобы, по крайней мере, почтили его по причине своего неведения. И свинья не знает, что такое бисер, а если не знает, то пусть и не видит, чтобы не попрала того, чего не знает. Ничего, кроме только еще большего вреда, не произойдет от слушания для людей с таким расположением. Они ругаются над святынею, не зная ее, и еще более возносятся и вооружаются на нас. Таков смысл слов Христовых: *да не поперут, и вращшеся расторгнут вы.* Но скажешь: святыня должна быть так крепка, чтобы и по узнании осталась непобедимой и другим не подавала случая вредить нам? Нет, не она подает к тому случай, но то, что приемлющие ее – свиньи. Так и бисер попираемый не потому попирается, что достоин пренебрежения, но потому, что попал к свиньям. И хорошо сказано: *вращшеся расторгнут.* В самом деле, сначала они принимают на себя личину кротости, чтобы узнать; потом, когда узнают, сделавшись совсем иными, ругаются, поносят, смеются над нами, как бы над обманутыми. Потому и Павел

говорит Тимофею: *от него же и ты себе блюди, зело бо противится словам нашим* (2 Тим. IV, 15). И в другом месте: *и сих отвращайся* (2 Тим. III, 5). И еще: *еретика человека по первом и втором наказании отрицайся* (Тит. III, 10). Итак, врагов всего священного вооружает против нас не самая святыня, но их доводит до безумия то, что, познав ее, они исполняются гордостью. Вот почему немалая польза оставаться им в неведении: в таком случае, они не будут пренебрегать; если узнают, то двойной вред: и сами не получат от того никакой пользы, разве еще больший вред, и тебе причинят бесчисленные беспокойства. Пусть слышат это те, которые без всякого стыда сводятся со всяким без разбору и делают предметом пренебрежения то, что достойно всякого уважения. От того-то и мы, совершая таинства, затворяем двери и возбраняем вход непросвещенным — не потому, будто мы признаем недействительность совершаемых таинств, но потому, что еще многие не довольно к ним приготовлены. От того-то и сам Христос многое говорил иудеям в притчах, что они видя не видели (Мф. XIII, 13). Потому и Павел повелел *ведети, како подобает единому комуждо отвещавати* (Кол. IV; 6). *Просите и дастся вам: ищите и обрящете: толцыте и отверзется вам* (ст. 7). Выше Спаситель предложил великие и чудные заповеди, повелел возвышаться над всеми страстями, привел к самому небу и заставил уподобляться не ангелам или архангелам, но, сколько возможно, самому Владыке всяческих; а ученикам повелел не самим только исполнять все это, но и других исправлять, и различать злых от не злых, и псов от не псов (много ведь в людях прикровенного), чтобы не говорили, что это трудно и неисполнимо, так как и действительно, впоследствии времени, Петр сказал нечто подобное: *кто может спасен быти?* И еще: *аще тако есть вина человеку, лучше есть не женитися* (Мф. XIX, 25, 10).

4. Итак, чтобы и теперь не сказали подобного, Спаситель и прежде уже показал удобоисполнимость предписываемых Им заповедей, приведя ряд убедительных доказательств, и, наконец, представляет самый, так сказать, верх этой удобоисполнимости, именно — помощь от беспрерывных молитв, подающих немалое утешение в трудах. Он говорит, что не самим только должно стараться, но и свыше призывать помощь, которая непременно придет, и предстанет, и облегчит наши подвиги, и все сделает для нас легким. Потому и просить повелел, и обещал исполнение прошения. Впрочем, не просто повелел просить, но с великим тщанием и усилием, — что и выражается словом: *ищите.* В самом деле, кто ищет, тот, выбросив все из своих мыслей, напрягает свое внимание только к тому, чего ищет, и ни о чем настоящем не помышляет. Мои слова понимают все те, которые, потерявши золото или рабов, после ищут. Это-то и означает Спаситель словом: *ищите.* А сказав: *толцыте,* показывает, что должны приступать к Богу с силой и теплой мыслью. Итак, не унывай, человек, не прилагай старания о добродетели гораздо меньшего, нежели какое имеешь о богатстве. Богатства ты часто не находишь, хотя бы и много раз принимался искать его. И тем не менее, хотя и знаешь, что не всегда найдешь его, все-таки употребляешь все способы к его приобретению. А о добродетели, хотя и имеешь обещание, что непременно получишь помощь, не хочешь показать даже и частицы такого старания. Если же не тотчас получаешь, то и в таком случае не отчаивайся. Христос ведь для того и сказал: *толцыте,* чтобы показать, что, если и не скоро отверзет двери, должно ждать. Если не веришь моим словам, то, по крайней мере, поверь следующему примеру. *Кто от вас есть,* говорит Христос, *егоже аще воспросит сын его хлеба, еда камень подаст ему* (ст. 9)? Если бы ты часто делал так перед людьми,

то показался бы им и тяжким и жестоким; но Бога раздражаешь более тогда, когда этого не делаешь. Если же ты постоянно будешь просить Его, то хотя и нескоро получишь просимое, однако же непременно получишь. Для того-то и заперта дверь, чтобы побудить тебя к *толканию*; для того-то и не тотчас внимает, чтобы ты просил. Итак, постоянно проси – и непременно получишь. И чтобы ты не сказал: что, если я буду просить и не получу? – в предотвращение этого Спаситель представляет тебе притчу, приводит опять доказательства, и от примеров человеческих возводит тебя к надежде получения, показывая через все это не только то, что должно просить, но и о чем должно просить. *Кто есть от вас отец, егоже аще воспросит сын его хлеба, еда каменъ подаст ему?* Так, если ты не получаешь, то не получаешь потому, что просишь камня. Хотя ты и сын, но этого еще не довольно к получению. Напротив, это-то самое и препятствует тебе получить, что ты, будучи сыном, просишь неполезного. Итак, не проси ничего мирского, но всего духовного, и непременно получишь. Так Соломон, когда просил должного, смотри, как скоро получил. Итак, молящемуся надлежит соблюдать два правила: первое то, чтобы просить усильно; второе то, чтобы просить должного. И вы ведь, говорит Спаситель, будучи отцами, дожидаетесь просьбы от своих детей; и если они у вас станут просить бесполезного, то отказываете; когда же будут просить полезного, то соизволяете и даете. Потому и ты, представляя это, не отступай до тех пор, пока не получишь, не отходи, пока не найдешь, не отлагай своего тщания, пока не будет отверста дверь. Если ты приступишь с такою мыслью и скажешь: не отступлю до тех пор, пока не получу, – то непременно получишь, если только того просишь, что и Тому, от Кого просишь, прилично дать, и тебе, просящему, полезно. Что ж бы это такое было? То, чтобы

просить всего духовного, приступать к испрашиванию оставления своих грехов, по оставлении согрешений другим, без гнева и сомнения воздевать чистые руки (1 Тим. II, 8). Если мы так будем просить, то получим. Но ныне наши прошения достойны смеха и свойственны более людям пьяным, нежели трезвым. Отчего же, скажешь, я не получаю и тогда, когда прошу духовного? Конечно, от того, что ты или не со тщанием ударяешь в двери, или сделал себя недостойным к принятию просимого, или скоро перестал просить. Но ты опять скажешь: для чего же Спаситель не сказал, чего должно просить? Но Он уже все сказал прежде и показал, зачем должно приступать к Богу. Итак, не говори: я приходил и не получил. Никогда нельзя не получить от Бога, Который так любит, что Своей любовью превосходит самих отцов и превосходит настолько, насколько благость превосходит злобу. *Аще вы, лукави суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец ваш небесный* (ст. 11). Это Христос сказал не в упрек человеческому естеству или в охуждение человеческого рода, – нет, но здесь Он называет отеческую любовь злобою для различия от Своей благости. Столько-то велико Его человеколюбие.

5. Видишь ли неизреченную мысль, которая и в самом отчаянном сильна возбудить благие надежды? Здесь Спаситель в доказательство Своей благости указывает на пример отцов, а выше указал на величайшие Свои дары, – на душу и тело. Но Он нигде еще не упоминает о главнейшем из благ, нигде не указывает на Свое пришествие. Тот, Кто благоволил Сына Своего дать на жертву, не даст ли нам всего?

Но тогда эта жертва еще не совершилась? Но Павел уже на это указывает, говоря так: *Своего Сына не пощаде, како не и с Ним вся нам дарствует* (Рим. VIII, 32)? А сам Христос в беседе со Своими слушателями предлагает

еще доказательства обыкновенные. Потом, показывая, что не должно надеяться и на молитву нерадящим о самих себе, равно как и тем, которые стараются о самих себе, не должно полагаться только на собственное старание, но должно свыше просить помощи и употреблять собственные усилия, — Он беспрестанно внушает и то и другое. В самом деле, после многих наставлений Он научает молиться; научивши молиться, снова научает тому, что должно делать; вслед за тем Он опять научает, что непрестанно должно молиться, говоря: *просите, ищите и толцыте*, а отсюда опять переходит к тому, что и самим нам должно быть тщательными. *Вся убо*, говорит Он, *елика аще хощете, да творят вам человецы, и вы творите им* (ст. 12). В этих кратких словах Спаситель заключил все и показал, что добродетель и кратка, и удобна, и всем известна. И не просто сказал: *вся елика аще хощете*, но: *вся убо елика аще хощете*; слово: *убо* не без намерения употребил, но с особенной мыслью. Если хотите, говорит Он, быть услышаны, то кроме того, сказанного Мной, и это делайте. Что же именно? *Вся елика аще хощете, да творят вам человецы.* Видишь ли, как Он и отсюда вывел то, что вместе с молитвой необходима нам и добрая жизнь? Он не сказал: чего хочешь себе от Бога, то делай ближнему твоему, — чтобы ты не возразил: как это возможно? Он Бог, а я человек. Но произнес: если чего хочешь себе от равного тебе, то и сам то же оказывай ближнему. Что может быть этого легче? Что справедливее? Потом, предлагая величайшую похвалу, еще прежде самых наград получаемую за соблюдение этой заповеди, говорит: *се бо есть закон и пророцы.* Отсюда видно, что добродетель нам естественна и мы все сами по себе знаем, что должно делать, так что никогда нельзя извиняться неведениям.

Внидите узкими враты, яко пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им (ст. 13).

Далее: *узкая врата и тесный путь вводяй в живот, и мало есть, иже обретают его* (ст. 14). Но после Он говорил: *иго Мое благо и бремя Мое легко есть.* И незадолго перед тем внушал то же самое. Как же здесь путь, ведущий в жизнь, называет узким и тесным? Если обратишь все свое внимание, то увидишь, что Спаситель и здесь называет путь этот весьма легким, удобным и незатруднительным. Скажешь: как же тесный и узкий путь может быть вместе и удобным? Тем этот путь и удобен, что Он есть путь и врата, – так как и другой путь, хотя широкий и пространный, все же есть путь и врата: на них ничто не останавливается, но все проходит, как горести, так и радости в жизни. И не потому только удобна добродетель: по концу своему она делается еще удобнейшей. Потому, что она своих подвижников может утешить не только тем, что все труды и подвиги оканчиваются, но еще более тем, что конец их добрый, так как оканчиваются жизнью. Потому и кратковременность трудов, и вечность венцов, и то, что труды предшествуют венцам, а венцы последуют за ними, – все это составляет величайшее утешение в трудах. Потому и Павел назвал скорбь легкой, не по свойству самой скорби, но по произволению подвижников и по надежде будущего: *еже бо легкое печали*, сказал он, вечную *тяготу славы соделывает, не смотрящим нам видимых, но невидимых* (2 Кор. IV, 17). Если волны и пучины для мореходцев, поражения и раны для воинов, непогоды и морозы для земледельцев, сильные удары для бойцов, – если все это бывает легко и выполнимо по надежде наград временных и тленных, – то тем более могут быть нечувствительны настоящие скорби, когда предстоит небо, неизреченные блага и бессмертные награды.

6. Если же и при всем этом некоторые почитают ведущий в жизнь путь трудным, то мнение это происходит только от собственной их лености. Смотри, как

Спаситель и иным способом делает этот путь удобным, когда запрещает вмешиваться между псами, предавать себя свиньям и повелевает остерегаться лжепророков, — всячески внушает быть осторожными. Самое даже наименование тесным путем весьма много способствует к тому, чтобы сделать его удобным, — потому что заставляет нас бодрствовать. Как Павел не с тем говорит: *несть наша брань к крови и плоти* (Еф. VI, 12), чтобы привести в уныние, но чтобы возбудить сердца воинов, — так точно и Господь путь жизни назвал трудным для того, чтобы, так сказать, пробудить от сна путников. Мало того: Он побуждает к бодрствованию еще и дальнейшим указанием на то, что на пути этом есть много препинающих, и — что еще опаснее — последние нападают не явно, но скрытно. Таков именно род лжепророков. Но не на то смотри, говорит Христос, что этот путь труден и тесен, а на то, где он оканчивается; и не на то опять смотри, что противоположный путь широк и пространен, а на то, куда он ведет. Все же это Он говорит для того, чтобы возбудить в нас бодрость. С той же целью Он и в другом месте сказал, что *нуждницы восхищают е* (Мф. XI, 12). Подвижник бывает ревностнее, когда ясно видит, что подвигоположник чтит трудные его подвиги. Итак, не будем скорбеть, если на пути жизни случатся с нами многие несчастья. Пусть путь прискорбен и врата тесны; но не таков тот град, к которому ведут они. Потому-то ни здесь не должно ожидать покоя, ни там не должно предполагать ничего печального. Когда же Спаситель говорит, что *мало их есть, иже обретают его*, то и здесь опять открывает леность многих и внушает Своим слушателям обращать внимание не на благоденствие многих, но на труды немногих. Гораздо больше, говорит Он, таких людей, которые не только не идут прискорбным путем, но даже и не избирают его, — что показывает крайнее безумие.

Но не должно смотреть на многих и от того смущаться; а должно ревновать немногим и, всячески укрепляя самих себя, таким образом идти тем путем. Кроме того, что путь этот тесен, многие еще препятствуют идти по нему. Потому Христос и присоединил: *внемлите от лживых пророк*, они *приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы* (ст. 15). Вот, кроме псов и свиней, другой род наветов и коварства, гораздо опаснее первого: те, по крайней мере, известны и явны, а эти – скрытны. Потому и Спаситель тех повелел только удаляться, а этих еще внимательно рассматривать, так как невозможно узнать их с первого взгляда. Потому и сказал: *внемлите,* внушая тем большую тщательность в их распознавании. Потом, чтобы слышавшие, что должно идти тесным, прискорбным и для многих неприятным путем, притом хранить себя от псов и свиней и от других (врагов) злейшего рода, то есть от волков, – чтобы, говорю, слышавшие это не пришли в уныние от множества скорбей, так как надлежало идти путем для многих неприятным и притом еще иметь в виду вышесказанные препятствия, – для этого Спаситель привел на память происшествия, бывшие при их отцах, упомянув именно о лжепророках. Все подобное и тогда случалось. Итак, говорит, не смущайтесь. Ничего не случится нового или особенного. Диавол всегда к истине присоединяет обман. Здесь под именем лжепророков, как мне кажется, Христос разумел не еретиков, но тех, которые, ведя развратную жизнь, прикрывают себя личиною добродетели, – каковых людей обыкновенно называют обманщиками. Потому Спаситель и присовокупил: *от плодов их познаете их* (ст. 16). У еретиков часто можно найти жизнь добрую; но у тех, о которых я сказал, – никогда. Скажешь: что, если они и тут притворяются? Но они удобно могут быть пойманы. Тот путь, по которому Христос заповедал идти, по самому

свойству труден и тягостен. Лицемер же никогда не захочет трудиться; его дело только притворяться. Потому он легко может быть и изобличен. Когда Господь говорит: *мало их есть, иже обретают его,* то опять отделяет этих немногих от тех, которые не обретают его, а только притворяются, внушая тем смотреть не на лицемеров, но на истинно шествующих по этому пути. Но для чего, скажешь, Спаситель не открыл таковых лицемеров, а нас самих заставил испытывать их? Для того, чтобы мы бодрствовали и всегда были на страже, охраняя себя не только от явных, но и скрытых врагов, на которых и Павел, указывая, говорил, что *благими словесы прельщают сердца незлобивых* (Рим. XVI, 18). Итак, не будем смущаться, когда и ныне много таковых увидим. Христос заранее ведь и это предрек.

7. Заметь кротость Спасителя. Он не сказал: накажите их; но только: остерегайтесь, чтобы не получить себе вреда от них и чтобы по неосторожности не впасть в их сети. Потом, в предотвращение твоего возражения, что невозможно узнать таких людей, приводит еще доказательство, заимствуя его от примера человеческого: *еда объемлют от терния грозды,* говорит Он, *или от репия смоквы* (ст. 16)? *Тако всяко древо доброе плоды добры творит; а злое древо плоды злы творит* (ст. 17); *Не может древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити* (ст. 18). Слова эти заключают в себе такой смысл: люди, о которых идет речь, не имеют ничего кроткого, ничего сладкого, по одной только коже они овцы, — почему и легко узнать их. И чтобы ты нимало не колебался, для этого Христос то, что иначе быть не может, сравнивает с естественной необходимостью. Об этом и Павел говорит: *мудрование плотское* — смерть, *закону бо Божию не покоряется, ниже бо может* (Рим. VIII, 6). Хотя Спаситель и два раза говорит одно и то же, но тут нет тождесловия. Чтобы кто-нибудь не сказал, что злое

дерево хотя и приносит плоды злые, но может приносить и добрые, а при двояком плодоношении трудно уже делать различение, в опровержение этого Спаситель говорит, что этого быть не может, что оно приносит только злые плоды, но добрых никогда не принесет; равно как и наоборот. Что ж, неужели добрый человек не может сделаться худым и наоборот? Жизнь человеческая наполнена многими такими примерами. Но Христос не то говорит, будто худому человеку невозможно перемениться или доброму невозможно пасть, но то, что человек не может принесть доброго плода, доколе живет худо. Худой человек может перейти к добродетели; но доколе он остается худым, дотоле не может принесть доброго плода. Как же Давид, будучи и добр, принес худой плод? Не в состоянии добродетели, но уже переменившись он это сделал, так что он не принес бы такого плода, если бы всегда пребыл тем, чем был, потому что, оставаясь добродетельным, он не осмелился бы сделать того, на что дерзнул. Эти слова Спаситель сказал и для того, чтобы заградить уста безрассудно клевещущих и обуздать язык злословящих. Этими словами Он хотел лишить всякого извинения тех злых людей, из-за которых подозревают и добрых. После того ты уже не можешь сказать: я обманулся, не догадался! — потому что тебе предложено Мной самое действительное средство к познанию порочных людей, то есть повелено рассматривать их поступки, а не безрассудно смешивать все. Далее, хотя Спаситель не велел их наказывать, но только остерегаться, — однако же, чтобы, с одной стороны, утешить обижаемых ими, а с другой — устрашить обижающих и побудить их к исправлению, Он определяет им наказание, говоря: *всяко древо, не творящее плода добра, посекается и во огнь вметается* (ст. 19). Затем, несколько смягчая Свое слово, присоединил: *темже убо от плод их познаете их* (ст. 20). Чтобы

слушатели не подумали, что Он внушает им одни только угрозы, Он трогает их сердца, предлагая учение Свое в виде совета и увещания. Здесь, мне кажется, Он разумеет и иудеев, которые являли таковые плоды, — почему и напомнил им слова Иоанновы, описывая казнь их теми же словами. И тот говорил то же, напоминая им секиру, и дерево посекаемое, и огонь неугасаемый. И кажется, здесь одно только наказание, именно сожжение; но если кто внимательнее рассмотрит, тот найдет два наказания. В самом деле, кто сожигается, тот без сомнения, лишается и царствия; а это наказание лютее еще первого. Знаю, что многие ужасаются только одной геенны; но я думаю, что лишение небесной славы есть мучение более жестокое, нежели геенна. Если этого нельзя представить в слове, то нет ничего удивительного; мы ведь не знаем и блаженства вечных благ, чтобы ясно видеть несчастье, происходящее от их лишения. А Павел, который ясно знал это, видел, что отпасть от славы Христовой всего ужаснее. Это и мы узнаем, когда будем испытывать на себе.

8. О, если бы мы никогда не подвергались этому, Единородный Сыне Божий, — если бы никогда не испытали на себе этого нестерпимого наказания! Невозможно ясно выразить, как велико зло — лишиться небесных благ; впрочем, сколько могу, постараюсь и поспешу хотя несколько объяснить вам это на примере. Представим себе такого удивительного юношу, который бы с добродетелью соединял царствование над вселенною и который бы во всем был так совершен, что мог бы во всех возбудить к себе отеческую любовь. Чего, думаете вы, не согласился бы с удовольствием претерпеть отец этого юноши, чтобы только не лишиться его общения? Или на какое бы несчастье, великое ли то или малое, не решился бы он, чтобы только видеть и увеселяться им? Подобным образом мы должны раз-

мышлять и о небесной славе. Поистине, не столько любезно и вожделенно отцу его дитя, как бы оно ни было совершенно, сколько вожделенно получить те блага, разрешиться и быть со Христом (Флп. I, 23). Нестерпимы геенна и мучение в ней; но если представить и тысячи геенн, то все это ничего не будет значить в сравнении с несчастьем лишиться той блаженной славы, возненавидену быть от Христа и слышать от Него: *не вем вас* (Мф. XXV, 12) и обвинение, что мы, видя Его алчущего, не напитали. Поистине лучше подвергнуться бесчисленным ударам молнии, нежели видеть, как кроткое лицо Господа отвращается от нас и ясное око Его не хочет взирать на нас. И действительно, если Он меня, врага Своего, при всей к Нему ненависти и отвращении от Него, так возлюбил, что даже не пощадил Самого Себя, но предал Себя на смерть, и если, после всего этого, не подам Ему и хлеба, когда Он алчет, — то какими уже глазами буду взирать на Него? Но и здесь заметь Его кротость. Он не исчисляет Своих благодеяний, не жалуется на то, что ты презрел столь великого своего благодетеля, не говорит: Я тебя привел из небытия в бытие, вдохнул в тебя душу, поставил тебя владыкой над всем, что находится на земле; для тебя Я сотворил землю и небо, море и воздух и все сущее; от тебя Я был презрен и казался тебе ниже диавола, но при всем том не оставил тебя: бесчисленные открыл средства для твоего спасения, восхотел сделаться рабом, был бит по ланите, оплеван, заклан, умер поноснейшей смертью; даже на небе за тебя ходатайствую, даю тебе Духа, удостаиваю тебя царствия и предлагаю тебе такие благодеяния; восхотел быть твоим главою, женихом, ризой, домом, корнем, пищею, питьем, пастырем, царем и братом; избрал тебя наследником и сонаследником Своим, из мрака привел тебя в область света. Хотя Господь мог сказать это и еще того более,

но Он ничего такого не говорит, а упоминает только об одном грехе твоем. Являет и здесь Свою любовь и милосердие, которое имеет к тебе. Не сказал: *отыдите в огонь*, уготованный вам, но: *уготованный диаволу*. И прежде говорит о том, чем Его обидели, но и тут упоминает не о всех обидах, а о немногих. Притом, прежде осуждения оскорбивших Его, Он призывает праведных, чтобы показать, что Он справедливо обвиняет. Какого же мучения не ужаснее эти слова Его? Никто, видя благодетеля своего истаивающим от голода, не презрит его; а если бы и презрел, то после того лучше бы согласился сам с поношением скрыться в землю, нежели при двух или трех друзьях слышать обвинение в этом. Что же будет с нами, когда перед всей вселенной услышим от Господа подобное обвинение, которого, впрочем, Он не произнес бы и тогда, если бы не хотел оправдать Своего суда? А что Он произнес это обвинение не в поношение грешников, но в оправдание Самого Себя и для показания, что Он не вотще и не без причины говорил к ним: *отыдите от Мене*, – это очевидно из неизреченных Его благодеяний. Если бы Он хотел подвергнуть грешников поношению, то выставил бы все Свои благодеяния; а Он говорит только о том, что претерпел.

9. Итак, возлюбленные, убоимся услышать эти слова. Жизнь наша – не игра, или, лучше сказать, настоящая жизнь – игра, но будущая – не игра. А может быть, и не игра только, но и хуже того. Не смехом оканчивается, но и большой причиняет вред тем, которые не хотят тщательно благоустроять самих себя. Скажи мне: чем мы, созидающие великолепные дома, различаемся от детей, играющих и строящих домики? Какое различие между их обедом и нашей роскошью? Нет никакого, – разве только то, что мы это делаем с мучением. Если же мы не примечаем ничтожности всего этого,

нет в том ничего удивительного, потому что мы еще не сделались мужами. А когда сделаемся, то узнаем, что все это детские забавы. Приходя в зрелый возраст, мы смеемся над детскими занятиями, хотя в детском возрасте почитаем эти занятия весьма важными и, собирая черепки и грязь, тщеславимся не менее тех, которые строят высокие стены. И, однако, состроенное нами скоро разрушается и падает; да если бы и стояло, на что нам годилось бы? Так и великолепные наши дома. Они ведь не могут принять гражданина небесного, и не захочет обитать в них Тот, Кто имеет высшее отечество; но как мы ногами разрушаем детские игрушки, так и Он своим духом ниспровергает наши здания. И как мы смеемся над детьми, плачущими о разрушении построенного ими домика, так и Он не только смеется, но и плачет, когда мы рыдаем о своих домах, потому что Он имеет сострадательное сердце и видит для нас великий от этого вред. Итак, будем мужами. Долго ли нам пресмыкаться по земле? Долго ли величаться камнями и деревьями? Долго ли играть? И если бы только играли! Нет, мы оставляем и самое спасение свое. И как дети, пренебрегающие учением, а занимающиеся играми только, подвергаются жестоким наказаниям, так и мы, истощив все старание свое на житейские занятия и оказавшись не в состоянии дать на деле отчет в духовном учении, который после смерти потребуется от нас, понесем крайнее наказание. И никто не может избавить нас, хотя бы то был отец, хотя бы брат или другой кто-либо. Но все, чему мы преданы ныне, погибнет, а мучение, происходящее от этого, будет бесконечное и непрестанное. Так это случается и с детьми, когда отец за их леность совершенно истребляет все их детские игрушки и через то заставляет их непрестанно плакать. А чтобы увериться тебе в истине слов моих, я представлю такую вещь, которую люди более всего

почитают достойной уважения, именно, богатство, и противопоставлю ему душевную добродетель, какую тебе угодно: тогда ты ясно увидишь всю нищету его. Итак, представим двух людей (я уже не говорю о любостяжании, а о богатстве, правильно приобретенном), и один из них пусть умножает свое имение, пусть переплывает моря, обрабатывает землю и употребляет всякие другие способы к приобретению; хотя я и не знаю, может ли он, так поступая, делать законное приобретение, но положим, что он приобретает выгоды законным образом. Пусть будет так; пусть он покупает поля, рабов и прочее, пусть не будет в этом приобретении его ни одной неправды. Напротив, другой, столь же богатый, пусть продает свои поля, продает дома, золотые и серебряные сосуды, подает требующим; пусть облегчает участь бедных, врачует больных, помогает находящимся в нужде; пусть разрешает от уз, одних выводит из рудокопней, других освобождает от удавления, пленников освобождает от наказания... На чьей стороне хотели бы вы быть? Впрочем, я еще не сказал о будущем, но пока о настоящем. Итак, кому из них хотели бы вы последовать: тому ли, который собирает золото, или тому, который избавляет других от несчастья? Тому ли, который покупает поля, или тому, который определил себя на служение роду человеческому? Тому ли, который окружен множеством золота, или тому, который увенчан бесчисленными похвалами? Не уподобляется ли этот последний некоему ангелу, сшедшему с небес для исправления прочих людей? А другой не похож ли более на какое-то дитя, которое собирает все без цели и смысла, нежели на возрастного? Если же и законное приобретение богатств так достойно смеха и есть знак крайнего безумия, то как не назвать того несчастнейшим из всех, кто еще и неправедно собирает его? Если же и теперь он достоин великого

смеха, то каких слез достойна будет жизнь его по смерти, когда присоединится к тому геенна и лишение царствия?

10. Но рассмотрим, если хочешь, и другой вид добродетели. Для этого представим опять другого человека – могущественного, всеми повелевающего, облеченного великим саном, имеющего и блестящего глашатая, и пояс, и жезлоносцев, и большое число слуг. Не представляется ли тебе это все великим и вожделенным? Теперь и этому человеку противоположим другого: незлобивого, кроткого, смиренного и великодушного; пусть будут его оскорблять, бить, а он пусть будет сносить терпеливо и благословлять таким образом поступающих с ним. Итак, скажи мне: кто достоин удивления, – тот ли, надменный и напыщенный, или этот, уничиженный? Не уподобляется ли этот последний горним бесстрастным силам, а тот – надутому пузырю, или человеку, страждущему водяной болезнью и сильной опухолью? Не подобен ли тот духовному врачу, а этот смешному дитяти, надувающему щеки? Да и чем ты гордишься, человек? Тем ли, что ты носишься на высокой колеснице? Или тем, что тебя возят запряженные мулы? Так что ж? Это бывает и с каменьями. Или тем, что ты облечен в красивые одежды? Но посмотри на того, который вместо одежд облечен добродетелью, – и увидишь, что ты подобен гниющей траве, а он подобен дереву, приносящему чудный плод и доставляющему большое удовольствие зрителям. Ты носишь на себе пищу червей и моли, которые, если нападут на тебя, скоро обнажат тебя от этого украшения (так как одежды – пряжа червей, а золото и серебро – земля и прах; да, земля – и более ничего). Украшенный же добродетелью такую имеет одежду, которой не только моль, но и самая смерть не может повредить. И это весьма справедливо: добродетели души не земное имеют начало,

но суть плод духовный и не подлежат съедению от червей. Эти одежды ткутся на небе, где нет ни моли, ни червей, ни чего-либо подобного. Итак, скажи мне, что лучше: богатым ли быть или бедным? В славе ли быть или в унижении? Иметь ли изобилие или терпеть голод? Конечно, лучше быть в чести, иметь изобилие и богатство. Итак, если ты хочешь самых вещей, а не одних названий, то оставь землю и все, что находится на ней, и переселись на небо. Все здешнее есть одна тень, а тамошнее неподвижно, непоколебимо и никем не может быть похищено. Итак, будем искать небесного со всяким тщанием, чтобы нам и освободиться от здешних беспокойств, и, приплывши к тихому тому пристанищу, явиться с великим грузом и неизреченным богатством милостыни. О, если бы всем нам достичь этого пристанища и богатства благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIV

Не всяк глаголяй ми: Господи, Господи! внидет в царствие небесное; но творяй волю Отца Моего, иже есть на небесех (VII, 21)

1. Почему Спаситель не сказал: но творяй волю Мою? Потому, что на первый раз довольно было, чтобы и первая мысль принята была слушателями; а последняя была слишком высока для их слабости. Впрочем, в первой мысли заключается и последняя. Притом и то должно сказать, что воля Сына не различна от воли Отца. Но здесь, кажется мне, Спаситель главным образом касается иудеев, которые все полагали в догматах, а о жизни нимало не заботились. Потому и Павел обличает их, говоря: *се ты Иудей именуешися, и почиваеши на*

законе, и хвалишися о Боге, и разумееши волю (Рим. II, 17,18). Но пользы для тебя в том нет никакой, когда не видно того из жизни и дел твоих. Однако ж, Христос не остановился на указанных словах, но сказал еще гораздо более: *мнози бо рекут Мне в день он: Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом* (ст. 22)? То есть: не только тот лишается царствия небесного, который имеет веру, а о жизни нерадит; но равно будет устранен от священных врат его и тот, кто при вере сотворил даже много знамений, а доброго ничего не сделал. *Мнози рекут Мне в он день: Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом?* Видишь ли, как неприметным образом Спаситель уже вводит и Свое собственное лицо и, кончивши всю беседу, объявляет Себя Судьею? Что наказание постигнет грешников, об этом Он объявил выше; а кто будет наказывать, это Он открывает уже здесь. Впрочем, не сказал прямо: Я буду наказывать; но – *мнози рекут Мне*, через что внушает то же самое. В самом деле, если бы не Сам Он был Судьею, то как бы сказал слушателям: *и тогда исповем им: отъидете от Мене, николиже знах вас* (ст. 25), – то есть не только во время суда, но даже и тогда, когда вы творили чудеса. Потому-то и ученикам Своим говорил: *не радуйтеся, яко демоны вам повинуются, но яко имена ваша писана суть на небесех* (Лк. X, 20). Да и везде Он повелевает иметь великое попечение о жизни. Невозможно, чтобы человек, ведущий добродетельную жизнь и свободный от всех страстей, когда-либо был презрен; хотя и случится ему впасть в заблуждение, Бог тотчас привлекает его к истине. Но некоторые говорят, что представляемые Спасителем люди потому не получат спасения, что они притворно исповедуют Господа. Если так, то Спаситель говорит против Своего намерения. В самом деле, Он хочет здесь показать, что вера без дел ничего не значит; распространяя далее эту мысль, Он присовокупил и чудеса, показывая тем, что

не только вера, но даже и чудеса никакой не приносят пользы тому, кто производит их, если нет добродетели. А если бы люди, о которых идет речь, не творили чудес, то Христос никак бы здесь не упомянул о чудесах; с другой стороны – и те не дерзнули бы во время суда сказать Ему о чудесах. Да и самый ответ их, и то, что они говорят в виде вопроса, показывает, что они действительно творили чудеса. Так как они видят конец, совершенно противный их ожиданию, и после того как здесь, по чудесам своим, для всех были предметом удивления, а там видят себя определенными к наказанию, то как бы в изумлении и удивлении они и говорят: *Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом?* Как же теперь Ты отвращаешься от нас? Что значит странный и неожиданный этот конец? Но пусть они удивляются тому, что, сотворивши столько чудес, подверглись наказанию; ты же не удивляйся. Вся эта благодать была ни что иное, как дар Подавшего ее, а те ничего от себя не привнесли, почему справедливо и наказываются, поскольку сделались неблагодарными и нечувствительными перед Тем, Который так их почтил, что дал им, хотя и недостойным, благодать чудотворения. Так неужели, скажешь, совершая дела нечестия, они вместе совершали чудеса? На это некоторые говорят, что они не в то время, когда чудодействовали, вели себя нечестиво, но уже после развратились и делали преступления. Но это также совершенно противно намерению Спасителя; Он хотел показать, что ни вера, ни чудеса ничего не значат без добродетельной жизни. То же и Павел говорит: *аще имам веру, яко и горы преставляти, и вем тайны вся и весь разум, любве же не имам, ничтоже есмь* (1 Кор. XIII, 2). Кто же, спросишь, те, которых Иисус Христос, несмотря на их чудотворения, представляет достойными мучения? Многие из веровавших получали дары: таков был тот, который изгонял демонов, не будучи последователем

Иисуса Христа; таков был и Иуда, потому что и он, будучи злым, имел дар чудотворения. То же можно найти и в Ветхом Завете, то есть что благодать часто действовала в недостойных, для блага других. Так как не все ко всему были способны, но иные вели жизнь непорочную, а не имели такой веры, другие же напротив, то Господь как первых через последних побуждал являть великую веру, так и последних через этот несказанный дар призывал к исправлению.

2. Вот почему Господь и давал благодать в великом обилии. *Силы многи*, говорят они, *сотворихом. Но тогда исповем им, яко не вем вас*: то есть ныне они почитают себя Моими друзьями, а тогда узнают, что Я даровал им благодать не как друзьям. И что дивиться тому, что Он дары благодати дал людям уверовавшим в Него, но не имеющим жизни, согласной с верою, когда Он является действовавшим и в тех, которые не имели ни той ни другой? Так Валаам был чужд и веры, и добродетельной жизни; и, однако, благодать в нем действовала для устроения спасения других. Фараон был такой же; однако и ему Бог показал будущее (Быт. XLI). Навуходоносору, самому беззаконному человеку, также открыл то, что имело случиться по прошествии многих родов; также и сыну его, своим нечестием превзошедшему отца, открыл будущее, – и все для чудных и великих дел Своего промысла (Дан. II). Итак, поелику и тогда, при начале евангельской проповеди, нужны были многие доказательства силы Христовой, то и из числа недостойных многие получали дары. Впрочем, от таких чудес они никакой не получили для себя пользы, а только навлекли на себя еще большее наказание. Потому Спаситель и произнес к ним страшное это слово: *николиже знах вас*! Так, многих Он и здесь уже ненавидит, и до суда уже отвращается. Итак, возлюбленные, устрашимся, и приложим великое старание о жизни своей, и не станем

думать, что мы, не производя теперь чудес, по тому самому имеем менее благодати. От чудес никогда ничего не прибудет нам, равно как ничего не убудет и от того, что мы не творим их, если только заботимся о всякой добродетели. За чудеса мы сами остаемся должниками перед Богом, а за жизнь и дела имеем Бога должником. Итак, когда Спаситель все уже окончил и, со всей подробностью предложив беседу о добродетели, вместе с тем показал различие между принимающими на себя ее личину, из которых одни для выказывания себя постятся и молятся, другие приходят в овечьих кожах, третьи, которых назвал свиньями и псами, чернят ее, то, показывая наконец, как полезна добродетель и в здешней жизни и как вреден порок, говорит: *всяк убо, иже слышит словеса Моя сия, и творит я, уподобится мужу мудру* (ст. 24). Вы слышали, какое понесут наказание те, которые не соблюдают слов Его, хотя бы и чудеса творили. Теперь вам должно знать и то, какими благами будут наслаждаться не только в грядущем веке, но и в настоящем те, которые повинуются всем словам Его: *всяк убо,* сказал Он, *иже слышит словеса Моя сия, и творит я, уподобится мужу мудру.* Видишь ли, как Он разнообразит Свою речь? Прежде говорит: *не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи*, и тем открывает Себя Самого; потом говорит: *творяй волю Отца Моего,* и опять представляет Себя Судиею; *мнози рекут Мне в он день: Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом?* — и скажу: *не знах вас.* Наконец, здесь опять показывает, что Он имеет власть над всеми, почему и говорит: *всяк, иже слышит словеса Моя сия.* Так как Он все уже рассказал о будущем, упомянув и о царстве, и о неизреченной награде, и об утешении, и о всем прочем, тому подобном, то после этого, желая и здесь доставить Своим слушателям плоды, показывает, как сильна добродетель и в настоящей жизни. В чем же состоит эта сила добродетели? В том, что с нею

живут безопасно, не колеблются ни от каких несчастий, стоят выше всех гонителей. Что может сравниться с этим? Этого не может приобресть себе даже украшенный диадемой, а добродетельный достигает. Он один со многим избытком стяжал такую безопасность, в пучине настоящей жизни наслаждаясь великой тишиной. И подлинно: удивительное дело, что он не в приятную погоду, но во время жестокой бури, при великом смятении и при постоянных искушениях, нимало не может колебаться. *Сниде дождь, приидоша реки*, говорит Спаситель, *возвеяша ветры, и нападоша на храмину ту, и не падеся; основана бо бе на камени* (ст. 25). Здесь дождем, реками и ветрами Он иносказательно называет человеческие несчастья и злоключения, как то: клеветы, наветы, скорби, смерть, погибель ближних, оскорбления от других и всякое другое зло, какое только бывает в настоящей жизни. Но душа праведного, говорит Он, ничем не побеждается. Причина этого в том, что она основана на камне. Камнем здесь Христос называет твердость Своего учения. И поистине, заповеди Его гораздо тверже камня: помощью их праведник становится выше всех волн человеческих, так как кто тщательно соблюдает эти заповеди, тот побеждает не только гонения людей, но и козни диавольские.

3. И что сказанное – не одни высокопарные слова, свидетель тому Иов, который при всех кознях диавольских остался непоколебимым. В том же могут удостоверить и апостолы, которые при устремлении на них всех волн вселенной, и народов и тиранов, и своих (соплеменников) и чужих, демонов и диавола, и при всех ухищрениях стояли тверже камня и все это разрушили. Итак, что может быть блаженнее такой жизни? И этого ничто не может нам обещать – ни богатство, ни крепость телесная, ни слава, ни могущество, ни другое что-либо, но одно только стяжание добродели.

Кроме одной добродетельной жизни совершенно невозможно найти другой, которая бы была свободна от всех зол. Свидетели тому вы, – вы, которые видите и в царских чертогах наветы, и в домах богатых мятежи и возмущения. Но с апостолами не было ничего подобного этому. Как? Неужели с ними не случилось ничего такого? Неужели не было с ними никакого несчастья? Нет, – но то-то всего и удивительнее особенно, что они многим подвергались наветам, многие разражались над ними тучи – и, однако, все это нимало не поколебало их мужества и не повергало их в уныние, но, сражаясь без всяких внешних пособий, они все победили и превозмогли. Подобным образом и ты всему посмеешься, если захочешь тщательно исполнять заповеди Христовы. Стоит только тебе оградиться любомудрыми этими наставлениями, – тогда ничто тебя не сможет опечалить. Какой вред может причинить тебе тот, кто захочет коварствовать против тебя? Отнимет у тебя имение? Но еще прежде его угрозы тебе повелено презирать богатство и столько отвращаться его, чтобы никогда ничего подобного и не просить у Господа. Ввергнет ли тебя в темницу? Но еще прежде темницы тебе заповедано так жить, чтобы уже распяться всему миру. Злословит ли тебя? Но Христос освободил тебя и тут от печали, когда и без труда твоего, за одно незлобие обещает тебе великую награду и столько сделал тебя непричастным досаде и огорчению, что даже повелел молиться за врагов. Гонит ли тебя и окружает бесчисленным множеством зол? Но тем самым тебе сплетает он блистательный венец. Убивает ли тебя и закалает? И через это опять приносит тебе величайшую пользу, поскольку готовит для тебя мученические награды, ускоряет твой путь в безмятежное пристанище, доставляет тебе случай к получению большого воздаяния и содействует тебе откупиться от общего суда. Это-то всего и удиви-

тельнее, что наветующие люди не только нимало не вредят тем, которым стараются вредить, но еще делают их через то славнее. Что может сравняться с тем благом, когда мы изберем такую жизнь, – одну только добродетельную жизнь? Сказав, что путь добродетели тесен и прискорбен, Спаситель тотчас, чтобы ободрить Своих слушателей к трудам, показывает на этом пути великую безопасность и великое услаждение, тогда как на противном пути – большую опасность и вред; указанными уподоблениями Он именно показал как награды за добродетель, так и воздаяния за порок. Что я всегда говорил, то и теперь скажу: Спаситель везде созидает спасение слушателей двояким образом – и ревностью к добродетели, и ненавистью к пороку. Так как имели быть такие, которые, хотя станут изъявлять уважение к словам Спасителя, но делами не будут этого доказывать, то Он предварительно устрашает их словами: хотя сказанное и хорошо, но одного слушания недостаточно для спасения; нужно еще и повиновение, выражаемое делами, и в этом-то преимущественно состоит сущность всего. И здесь оканчивает Свою речь, оставив слушателей в великом страхе. Как к добродетели Спаситель побуждал их не только будущими благами, упоминая о царствии, небесах, неизреченной награде, утешении и о других бесчисленных благах, но и настоящими, когда указал на твердость и непоколебимость камня, – так и от порока отклоняет не только страхом имеющих быть следствий, говоря о посекаемом дереве, огне неугасаемом, затворенном входе в царствие небесное, а равно и словами: *не знах вас*, но и настоящими бедствиями, представленными под образом падения храмины. Потому и речь употребил более выразительную, предложив ее в виде притчи. Если бы Спаситель сказал просто, что добродетельный непреодолим, а порочный скоро изнемогает, то Его речь

не имела бы такой силы, какую она теперь имеет, когда для выражения Своей мысли Он употребил камень, дом, реки, дождь, ветры и тому подобное. *И всяк слышай словеса Моя сия, и не творяй их, уподобится мужу уродиву, иже созда храмину свою на песце* (ст. 26). Справедливо Спаситель назвал такого человека безрассудным. В самом деле, что может быть безрассуднее того, кто строит дом на песке, подъемлет труд, но плода и спокойствия не получает, а вместо того несет наказание? А что и преданные пороку трудятся, то всякому известно.

И хищник, и прелюбодей, и клеветник переносят много трудов и беспокойств, чтобы свое нечестие привести в исполнение; но от этих трудов не только не получают никакой пользы, но еще терпят великий вред. Так и Павел, намекая на это, говорит: *сеяй в плоть свою, от плоти своей пожнет истление* (Гал. VI, 8). Такому-то сеятелю подобны и те, которые на песке строят, как то: на блуде, роскоши, на пьянстве, на гневе и на всем прочем.

4. Таков был Ахав, но не таков Илия. Противоположивши пороку добродетель, мы тем лучше увидим различие между ними. Илия построил дом свой на камне, а тот на песке, а потому, и царем будучи, боялся и трепетал пророка, который имел только одну милоть. Таковы были иудеи, но не таковы апостолы. Потому последние, несмотря на свою малочисленность и на пребывание в узах, показывали твердость камня; а те, при всем своем множестве и вооружении, являли слабость песка и говорили: *что сотворим человекома сима* (Деян. IV, 16)? Видишь ли, что в недоумении находятся не задержанные и связанные, но те, которые задержали и связали их? Что может быть страннее этого? Ты держишь – и недоумеваешь? Так и должно быть. Так как иудеи все построили на песке, потому они и были слабее всех. Это же было причиной и других слов их:

что вы делаете, желая *навести на ны кровь Человека сего* (Деян. V, 28)? Что это говоришь ты? Ты мучишь, и ты же страшишься? Ты гонишь, и ты же ужасаешься? Ты судишь, и сам же трепещешь? Вот как бессилен порок! Но апостолы не так говорили: *не можем мы, яже видехом и слышахом не глаголати* (Деян. IV, 20). Видишь ли высокий их дух? Видишь ли камень, посмевающийся волнам? Видишь ли дом неподвижный? И, что всего удивительнее, апостолы не только не страшились всех наветов вражеских, но делались еще гораздо дерзновеннее и своих врагов ввергали в большое беспокойство. Тот, кто ударяет в адамант, сам поражается; тот, кто идет против рожна, сам прободается и получает жестокие раны. Подобным образом и наветующий добродетельным сам подвергается опасностям. Порок бывает тем слабее, чем более вооружается против добродетели. И как тот, кто берет огонь в одежду, пламень не погашает, а одежду сожигает, так и тот, кто гонит добродетельных, притесняет и заключает в узы, их через то самое делает блистательнее, а себя самого губит. И подлинно: чем более потерпишь несчастий, ведя строгую жизнь, тем сделаешься крепче; чем более станешь держаться любомудрия, тем менее будешь иметь нужды, а чем менее будешь иметь нужды, тем более укрепляешься и всех превосходишь. Таков был Иоанн, почему его никто не мог опечалить; напротив, он опечалил Ирода. Тот, не имея ничего, восстал против властелина; а этот, облеченный в диадему, багряницу и другие бесчисленные украшения, трепещет и страшится лишенного всего; и даже не мог взирать без ужаса на отсеченную голову его. А что Ирод и по смерти Иоанна имел сильный страх, то послушай, что он говорит: это есть Иоанн, которого я убил (Лк. IX, 9). Слово «убил» показывает, что Ирод не превозносился этим, но укрощал свой страх и побуждал свою мятущуюся душу припомнить,

что он убил Иоанна. Добродетель так сильна, что и по смерти могущественнее живых. Потому же и при жизни Иоанновой приходили к нему обладавшие великим богатством и вопрошали его: *что сотворим* (Лк. III, 10)? Столько вы имеете и хотите узнать путь к вашему счастью от того, который ничего не имеет? Богатые – от нищего? Воители – от не имеющего даже и дома? Таков был и Илия, почему с таким же дерзновением говорил к народу. Иоанн говорил: *порождения ехиднова* (Мф. III, 7); а этот: *доколе храмлете на обе плесне ваши* (3 Цар. XVIII, 21)? Этот говорил: *убил, и приял еси в наследие* (3 Цар. XXI, 19); а тот: *не достоит ти имети жену Филиппа брата твоего* (Мф. XIV, 4). Видишь ли камень, видишь ли, как легко храмина, построенная на песке, распадается? Как легко она уступает напастям? Как легко зыблется, хотя бы она принадлежала царю, хотя бы народу, хотя бы властелину? Порок последователей своих делает безрассуднейшими; и храмина, построенная на песке, распадается не просто, но с великим бедствием. *И бе падение ее велие,* говорит Спаситель. И в самом деле, здесь опасность угрожает не маловажным вещам, но душе, и притом лишением неба и нетленных тех благ. Но и прежде того порочный будет проводить жизнь самую несчастную, сопряженную с непрерывными печалями, страхом, заботами и сильными беспокойствами, на что указывая, Премудрый говорит: *бегает нечестивый ни единому же гонящу* (Притч. XXVIII, 1). Действительно, таковые люди трепещут теней, подозревают друзей, врагов, рабов, знаемых и незнаемых и, таким образом, прежде вечных мучений еще здесь терпят жесточайшее мучение. Показывая все это, Христос и сказал: *и бе падение ея велие.* Таким образом, и настоящими бедствиями сильно убеждая самых упорных неверных избегать порока, Он сделал приличное заключение Своим благим заповедям. Хотя слово о будущем и

важнее, но людей, слишком одебелевших, изображение настоящего более могло обуздать и отклонить от порока. Потому Спаситель и заключил Свою проповедь таким изображением, чтобы польза от исполнения Его заповедей для слушателей была ощутительнее. Итак, зная все это, как настоящее, так и будущее, будем убегать порока и поревнуем о добродетели, чтобы нам не вотще и не напрасно трудиться, но чтобы и в настоящей жизни насладиться безопасностью, и в будущей сделаться причастниками славы, которую все мы да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXV

И бысть, егда сконча Иисус словеса сия, дивляхуся народи о учении Его (VII, 28)

1. Следовало бы, судя по тяжести предложенных заповедей и по высокости повелений, народу болезновать и прийти в уныние; но такова была сила Учителя, что Он многих пленил и привел в величайшее удивление и сладостью Своих слов убедил не отступать от Него и тогда, когда перестал говорить. Даже и тогда, когда Он уже сошел с горы, слушатели все еще не отходили, но все следовали за Ним: вот сколь великую Он внушил любовь к Своим словам! Но они более всего удивлялись Его власти, так как Он Свою речь говорил не от лица другого, подобно пророку Моисею, но всюду показывал, что Сам имеет власть. Так, предписывая законы, Он постоянно прибавлял: *Аз же глоголю вам*; и, напоминая о последнем дне, представлял Себя Судиею, как по отношению к наказаниям, так и по отношению к наградам. Все это, кажется, должно бы было привести

слушателей в смятение. В самом деле, если книжники бросали в Иисуса Христа камни и изгоняли тогда, как Он уже самыми делами доказывал Свою власть, то как бы, кажется, не соблазниться народу теперь, когда Он одними только словами доказывал эту власть, и особенно когда слова эти сказаны были в самом начале, прежде нежели Он показал на опыте Свою силу? И, однако, с народом ничего такого не случилось. Так, когда сердце и ум бывают доброго расположения, тогда легко убеждаются словами истины. Вот почему книжники соблазнялись и тогда, когда знамения возвещали о Его могуществе; а теперешние слушатели, и внимая только Его учению, повиновались и следовали за Ним. Это дает разуметь и Евангелист в своих словах: *в след Его идяху народи мнози*; то есть последовал за Ним не кто-нибудь из начальников и книжников, но те только, которые чужды были лукавства и имели искреннее расположение. Во всем Евангелии видеть можно, что только эти последние прилеплялись к Нему. Так, и когда Он говорил, они безмолвно слушали и ничего не прибавляли к словам Его, не прерывали их, не искушали Его и не искали случая уловить Его, подобно фарисеям, и по окончании проповеди с удивлением следовали за ним. Обрати внимание на мудрость Владыки, с каким разнообразием Он устрояет пользу предстоящих, когда переходит то от чудес к словам, то от слов к чудесам. Прежде чем взойти на гору, Он исцелил многих, пролагая через то путь проповеди; и после окончания этой продолжительной беседы опять возвращается к чудесам, чтобы самим делом подтвердить сказанное Им. Так как Он учил *яко власть имея* (Мф. VII, 29), то, чтобы такой образ Его учения не сочли исполненным тщеславия и высокомерия, Он то же самое и делами подтверждает, и, как имеющий власть исцеляет болезни, чтобы те, кто видел Его таким образом учащего, не смущались уже

после того, как Он с такой же властью совершал и чудеса. *Сшедшу ему с горы, прииде прокажен, глаголя: Господи, аще хощеши, можеши мя очистити* (Мф. VIII, 1, 2). Велико благоразумие и вера пришедшего! Он не прервал учения, не старался протесниться сквозь собрание, но дожидался удобного времени и подходит уже тогда, когда Христос сошел с горы. И не просто, но с великой горячностью и, как говорит другой Евангелист, *на колена припадая пред Ним* (Мк. I, 40), просит Его, просит с искренней верой и с надлежащими о Нем мыслями. В самом деле, прокаженный не сказал: если попросишь Бога; или: если помолишься Ему; но: *аще хощеши, можеши мя очистити.* Не сказал также: Господи, очисти; но все препоручает Ему, Его воле предоставляет исцеление и свидетельствует о Его высочайшей власти. А что, если мнение прокаженного, скажут, было погрешительно? В таком случае Христу надлежало бы его опровергнуть, изобличить и исправить. Но сделал ли Он это? Нет, но, напротив, все слова прокаженного Он подкрепляет и утверждает; потому-то и не сказал: очистися, но – *хощу, очистися,* – так что это понятие о могуществе Христовом становится уже не мнением прокаженного, но мыслью самого Христа. Апостолы не так говорили; как же? Когда весь народ изумлялся, они говорили: *на ны что взираете, яко своею ли силой или властию сотворихом его ходити* (Деян. III, 12)? Господь же, хотя часто с скромностью говорил, и притом много такого, что ниже Его славы, но здесь, чтобы утвердить мысль о Своем могуществе, Он говорит перед слушателями, изумляющимися Его власти: *хощу, очистися!* Хотя и прежде творил многие и великие чудеса, но, как известно, таким образом никогда не говорил.

2. Но здесь, чтобы подтвердить мнение о Своей власти как прокаженного, так и всего народа, Он прибавил: *хощу,* – и Своего слова не оставил без исполнения,

а подтвердил его и последовавшим тотчас же делом. Если бы Он несправедливо сказал и произнес богохуление, то делу надлежало бы разрушиться. Но теперь природа, получив повеление, повинуется, и повинуется с надлежащей и даже с большей скоростью, нежели как говорит Евангелист. Слово: *абие* не выражает той скорости, с какой совершилось дело. Далее, Спаситель не просто сказал: *хощу, очистися,* но и *простер руку, коснуся ему,* – что особенно достойно исследования. Для чего Спаситель, очищая его хотением и словом, еще прикоснулся рукой? Мне кажется, не для чего другого, как для того, чтобы и тем показать, что Он не подлежит закону, но выше его и что для чистого нет ничего нечистого. Так Елиссей даже не посмотрел на Неемана, – и даже тогда, когда узнал, что он, не вышедши к Нееману и не прикоснувшись к нему, тем самым привел его в соблазн, и тогда, строго соблюдая закон, сам остался дома, а его послал измыться в Иордане. Но Владыка, в доказательство, что Он исцеляет не как раб, а как Господь, – прикасается. Рука через прикосновение к проказе не сделалась нечистой; между тем тело прокаженное от святой руки стало чисто. Христос пришел уврачевать не только тела, но и души возвести к истинной мудрости. Как, вводя высокий закон о безразличии пищи, не возбранял уже есть неумытыми руками, так и здесь научает, между прочим, что должно заботиться о душе и, оставив внешние очищения, надлежит ее очистить и страшиться проказы только душевной, которая есть грех. Телесная проказа нимало не препятствует добродетели. Он сам первый прикасается к прокаженному, и никто не обвиняет Его. Суд был беспристрастный, и зрители не были одержимы завистью. Потому они не только не унизили чуда, но и с удивлением признали его за истинное, будучи возбуждены к благоговению перед Его непобедимой силой – и Его учением, и делами. Далее,

излечив тело прокаженного, Христос повелевает об этом никому не сказывать, но показаться священнику и принести дар, *егоже повеле в законе Моисей, во свидетельство им* (ст. 4). Некоторые утверждают, что Спаситель по той причине повелел никому ничего не сказывать, чтобы с коварным намерением не стали исследовать, точно ли прокаженный очищен от проказы. Но думать таким образом весьма безрассудно. Прокаженный не с тем был очищен, чтобы очищение было сомнительно; нет, – Христос для того прокаженному повелел никому не сказывать, чтобы через это предотвратить от тщеславия и любочестия. Хотя Иисус и знал, что прокаженный не послушается, а возвестит о Благодетеле, но делает Свое. Как же Он, спросишь ты, в других местах повелевает исцеленным рассказывать о своем исцелении? Чрез это Он не противоречит Себе, но научает их быть благодарными, потому что и в таковых случаях Он не повелевал прославлять самого Себя, но дать славу Богу. Через прокаженного, о котором теперь говорится, Спаситель предохраняет нас от гордости и тщеславия, а через других внушает нам чувство признательности и научает во всех делах возносить хвалу Господу. Так как люди обычно, находясь в сильной болезни, вспоминают о Боге, а получив исцеление от нее, предаются беспечности, – то Он, повелевая и во время болезни, и во время здравия непрестанно иметь в мыслях Господа, говорит: *даждь славу Богу* (Ин. IX, 24). Для чего упоминаемому прокаженному Спаситель приказал показаться священнику и принести дар? Для того, чтобы исполнить закон. Он как не везде нарушал, так и не везде сохранял его; но иногда поступал так, иногда иначе. Не соблюдал закона для того, чтобы проложить путь к будущей высшей мудрости; соблюдал же для того, чтобы до времени обуздать бесстыдный язык иудеев и снизойти к их слабости. И удивительно ли, что

Христос таким образом поступал в самом начале Своего благовестия, когда и апостолы, получив повеление идти к язычникам, для всей вселенной отверзать двери евангельского учения, отменить закон, обновить заповеди и прекратить все древнее, – представляются иногда соблюдающими закон, а иногда преступающими его? Но как, скажешь ты, слова: *покажися иереови,* относятся к соблюдению закона? И очень относятся. Древний закон требовал, чтобы очистившийся прокаженный не сам себе давал удостоверение очищения, но чтобы являлся перед священником, и представлял ему доказательство своего очищения, и чтобы по суду священника был принимаем в число чистых. Доколе священник не объявлял, что прокаженный очистился, до тех пор последний оставался еще с нечистыми, вне стана. Почему Спаситель и сказал: *покажися иереови, и принеси дар, егоже повеле Моисей* (Мф. VIII, 4). Не сказал: принеси дар, который Я повелеваю; но до времени отсылает к закону, чтобы, таким образом, во всех случаях заграждать уста иудеев, – именно, чтобы не сказали, что Он предвосхитил у священников славу, для этого Он дело совершил сам, а испытание предоставил священникам и их определил судьями Своих чудес. Таким образом слова Христовы заключают в себе такую мысль: Я не только не хочу сопротивляться Моисею или священникам, но еще заставляю облагодетельствованных Мною повиноваться им.

3. Но что значит: *во свидетельство им?* В обличение, в обвинение и в доказательство, если они не захотят вразумиться. Именно, когда они скажут: мы преследуем Его как соблазнителя и обманщика, как богопротивника и законопреступника, – тогда, говорит Христос, ты засвидетельствуй обо Мне, что Я не преступник закона, потому что, исцелив тебя, отсылаю к закону и на суд священников; а поступать таким образом свойственно

тому, кто почитает закон, уважает Моисея и не противится древним постановлениям. Если же такое соблюдение закона не могло доставить им никакой пользы, то отсюда еще более должно заключать о Его уважении к закону, так как Он, хотя и предвидел, что они этим случаем нимало не воспользуются, однако ж исполнил все то, что только зависело от Него. А что Он это предвидел, видно из Его слов; Он не сказал: для исправления их или для научения, но: *во свидетельство им*, то есть в обвинение, в обличение и в доказательство того, что Я все для тебя сделал; и хотя Я предвидел, что они не исправятся, но, невзирая и на это, Я не оставил без исполнения того, что надлежало Мне сделать, а они остались пребывать в своем нечестии. Подобным же образом и в другом месте Спаситель говорит: *проповестся сие евангелие* во всем мире *во свидетельство всем языком. И тогда приидет кончина* (Мф. XXIV, 14), – то есть во свидетельство всем языкам, которые не послушают, не поверят. Для чего же, скажут Ему, всем и проповедовать, если не все уверуют? Для того, отвечает Он, чтобы видно было, что Я, со Своей стороны, исполнил все, что до Меня касается, и чтобы после этого никто не мог обвинять Меня в том, что он не слыхал. Самая проповедь будет свидетельствовать против таковых, и им нельзя уже будет сказать: мы не слышали, потому что слово благочестия пройдет во все концы вселенной.

Так и мы, представляя это, станем исполнять со своей стороны все в отношении к ближним и всегда благодарить Бога. Преступно было бы, если бы мы на самом деле, наслаждаясь Его благодеяниями, не стали бы исповедовать Его благодати, когда притом это исповедование приносит нам великую пользу. Не Ему ведь потребно что-либо от нас, но нам потребно все от Него. Благодарность ничего Ему не прибавляет, между тем

нас приближает к Нему. Если мы, воспоминая о благодеянии людей, большей воспламеняемся к ним любовью, то тем более, непрестанно вспоминая о благодеяниях к нам Господа, будем усердны к заповедям Его. Потому и апостол Павел говорит: *благодарны бывайте* (Кол. III, 15). Памятование о благодеянии и непрестанное благодарение есть самое лучшее средство сохранить благорасположение к себе. Вот почему и страшное, и столь спасительное таинство, совершаемое во время наших собраний, называется *евхаристией* (благодарением), – потому что оно служит воспоминанием многих благодеяний, и указывает на важнейшее действие промышления Божия, и через все это возбуждает нас к благодарности. В самом деле, если рождение Господа от Девы есть великое чудо, и Евангелист с изумлением говорит: *сие же все бысть* (Мф. I, 22), то куда, скажи мне, отнести Его заклание за нас? Если только рождение Его называется – *сие все*, то как назвать то, что Он распят и пролил кровь за нас и самого Себя предложил нам в пищу и пиршество духовное? Итак, станем непрестанно благодарить Его, и да предшествует это благодарение нашим словам и делам. Станем же благодарить за благодеяния, не только нам оказанные, но и другим; таким образом, мы в состоянии будем истребить и зависть, и утвердить любовь, и соделать ее искреннейшей. Ты уже не в состоянии будешь завидовать тем, за кого благодаришь Господа. Потому-то и священник во время предложения той жертвы повелевает нам благодарить Бога за всю вселенную, за отсутствующих, за находящихся в храме, за тех, которые были прежде нас, и за тех, которые будут после нас. Такое благодарение освобождает нас от земли, переселяет на небо и делает из людей ангелами. И они, составив хор, благодарят Бога за благодеяния Его к нам: *слава в вышних Богу*, воспевают они, *и на земли мир*,

в человецех благоволение (Лк. II, 14)! А какое, скажешь, имеют отношение к нам те, которые не обитают на земле и не принадлежат к числу людей? Пример их особенно должен быть для нас поучителен. Мы научаемся так любить своих сорабов, чтобы и их блага почитать нашими.

4. Потому и Павел во всех посланиях своих благодарит за блага всей вселенной. Так и мы станем непрестанно благодарить Бога за свои и за чужие, за малые и за великие блага. Хотя бы дар был и мал, но он становится велик потому, что дарован Богом; или, лучше, — нет малого ни одного из Его даров, не потому только, что они от Него сообщаются, но и по самому своему свойству, и, не говоря уже о всех прочих благодеяниях Божиих, которые своим множеством превосходят самый песок, — что может сравниться с домостроительством спасения нашего? За нас — врагов Своих — Бог предал Того, Который был для Него всего драгоценнее, Единородного Сына Своего; и не только предал, но после предания предложил еще нам Его в пищу. Он все Сам для нас сделал: и даровал нам Сына Своего, и соделал нас благодарными за то (через таинство евхаристии). Так как человек бывает большей частью неблагодарен, то Бог все относящееся до нас принимает на Себя и совершает. И как иудеям о Своих благодеяниях Он напоминал через места, времена и празднества, так точно сделал и здесь, посредством жертвы внушая нам непрестанное памятование о Своих благодеяниях. Таким образом, никто столько не старается сделать нас совершенными, великими и во всем благопризнательными, как сотворивший нас Бог. Потому-то Он благодетельствует часто и против воли, и еще чаще — без ведома нашего. Если же это тебе кажется удивительным, то я покажу тебе, как это сбылось не над кем-либо неизвестным, но над блаженным Павлом. Этот блаженный

муж, премного бедствуя и страдая, часто просил Бога удалить от него искушения; однако же Бог взирал не на прошения его, а на пользу и показывая это, говорил: *довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается* (2 Кор. XII, 9). Господь, прежде нежели открыл ему причину, благодетельствовал ему, несмотря на то, что апостол этого не хотел и не знал. Итак, велико ли его требование, когда Он повелевает нам быть благодарными за такое Его о нас попечение? Будем же Ему покорны, и всегда будем соблюдать это повеление. Иудеев ничто столько не губило, как их неблагодарность; и ничто другое, как эта именно неблагодарность, подвергала их столь многим и частым казням; а что всего важнее, она же еще прежде этих казней растлила их душу: *неблагодарнаго бо упование,* говорит Премудрый, *яко зимний иней* (Прем. XVI, 29). Неблагодарность так же делает душу нечувственной и мертвенной, как холод тело. Это происходит от гордости и от того, что почитают себя достойными благодеяния. Смиренный же будет благодарить Бога не за блага только, но и за то, что считается противным; и, что бы он ни терпел, он не будет думать, что потерпел незаслуженно. Так и мы, чем более преуспеем в добродетели, тем более станем смирять самих себя, потому что и это составляет великую добродетель. Чем острее у нас зрение, тем более познаем, как далеко мы отстоим от неба. Подобным образом, чем более преуспеваем в добродетели, тем больше научаемся познавать, как велико расстояние между Богом и нами. А немалая мудрость, когда можем сознавать, чего мы стоим. Тот наиболее знает самого себя, кто считает себя за ничто. Вот почему и Давид, и Авраам, когда взошли на высшую степень добродетели, тогда особенно явили добродетель смирения: Авраам называл себя землей и пеплом (Быт. XVIII, 27), а Давид – червем (Пс. XXI, 7).

Подобно им, и все святые почитают себя ничтожными. Напротив, кто увлекается гордостью, тот всего менее знает себя. Потому и у нас вошло в привычку говорить о гордых: не ведает себя, не знает себя. А не знающий себя кого будет знать? Как познавший самого себя познает все, так не знающий себя не может узнать и ничего другого. Таков был тот, который говорит: *выше небес поставлю престол мой* (Ис. XIV, 13). Не познав самого себя, он не знал и ничего другого. Но Павел не так рассуждал: он называл себя извергом и последним из людей и, после столь многих и столь великих подвигов, совершенных им, не почитал себя даже достойным наименования апостольского. Ему-то будем ревновать и подражать. Подражать же ему мы будем в состоянии тогда только, когда освободимся от земли и от земных забот. Подлинно ничто столько не препятствует человеку познать себя, как прилепление к житейскому; и наоборот, ничто столько не побуждает его прилепляться к житейским делам, как неведение самого себя. Это неведение и привязанность к мирскому зависят друг от друга. Как любящий внешнюю славу и много уважающий настоящие блага, сколько бы ни старался, не может познать себя самого, так, напротив, презирающий земное удобно познает самого себя. А познавший самого себя через то самое будет преуспевать и во всех других добродетелях. Итак, чтобы нам приобресть это благое знание, освободимся от всего временного, что столь сильно воспламеняет нас, и, познав свою бедность, станем оказывать всевозможное смирение и любомудрие, чтобы получить нам и настоящие и будущие блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, держава и честь, со святым и благим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVI

Вшедшу же Ему в Капернаум, приступи к Нему сотник, моля Его и глоголя: Господи, отрок мой лежит в дому расслаблен, люте стражда (Мф. VIII, 6)

1. Прокаженный приступил к Иисусу по сошествии Его с горы, а этот сотник по вшествии Его в Капернаум. Почему же ни тот ни другой не взошли на гору? Не по нерадению, так как оба имели пламенную веру; но чтобы не прервать Его учения. Сотник, приступивши, сказал: *отрок мой лежит в дому расслаблен, люте стражда.* Некоторые говорят, что он в оправдание свое представил и причину, почему не привел и его самого. Невозможно было, говорят, привести расслабленного, который мучился и находился при последнем издыхании. А что отрок находился при последнем издыхании, об этом свидетельствует Лука: *и хотяше умрети.* Но, по моему мнению, это означает великую веру сотника, и гораздо большую, нежели какую имели свесившие (расслабленного) сквозь кровлю. Так как он ясно знал, что довольно и одного повеления, чтобы восстал лежащий, то почел за излишнее, приводить его. Что же делает Иисус? То, чего прежде нигде не делал. Во всех других случаях Он сообразовался с желанием просителей; а здесь Сам предупреждает желание сотника и обещается не только исцелить, но и прийти в его дом. А это делает для того, чтобы мы познали добродетель сотника. Если бы Он не обещал этого, а сказал только: иди, да исцелеет отрок твой, — тогда бы мы совершенно не знали об его добродетели. То же самое, хотя противоположным образом, сделал Он и с женой финикийской. Здесь без приглашения, добровольно сам обещает прийти в дом, чтобы ты познал веру сотника и великое смирение. Финикиянке же отказывает в даре и ожиданию ее как бы не подает надежды. Как опытный и проницатель-

ный врач, Он умеет из противного производить противное. Так, здесь веру сотника открывает через добровольно обещанное пришествие, а там веру женщины — через продолжительную отсрочку и отказ. Так поступил Он и с Авраамом, сказав: *не утаю от отрока Моего Авраама* (Быт. XVIII, 17), — чтобы ты познал Его любовь и попечение о содомлянах. Так и посланные к Лоту отказываются взойти к нему, чтобы ты познал великость страннолюбия этого праведника.

Итак, что же говорит сотник? *Несмь достоин, да под кров мой внидеши* (ст. 8). Послушаем это мы, намеревающиеся принять Христа, — ведь и ныне можно Его принимать, — послушаем, и поревнуем, и примем с таким же тщанием. В самом деле, когда ты принял бедного, алчущего и нагого, то принял и напитал Его самого. *Но только рцы слово, и исцелеет отрок мой.* Смотри, как и сотник, подобно прокаженному, имеет надлежащее понятие о Христе. И он не сказал: призови Бога; не сказал: помолись и умилостиви Его; но только — повели. Потом, опасаясь, чтобы Он по смирению не отказался, говорит: *ибо и аз человек есмь под властию, имый под собою воины, и глаголю сему: иди, и идет; и другому: прииди, и приходит, и рабу моему: сотвори сие, и творит* (ст. 9). Что ж из того, скажет кто-нибудь, если сотник так думал? Дело в том, ведь, одобрил ли и подтвердил ли то Христос? Хорошо и весьма благоразумно ты говоришь. Итак, на это-то и посмотрим; и мы найдем здесь то же, что случилось с прокаженным. Прокаженный сказал: *аще хощеши* — и мы удостоверяемся во власти Спасителя не только через прокаженного, но и через глас Самого Христа, потому что Он не только не отверг такого мнения, но еще более подтвердил его, когда для утверждения его присовокупил излишнее слово, сказав: *хощу, очистися.* Равно и здесь надобно посмотреть, не произошло ли чего-либо подобного. И действительно

найдем, что и здесь случилось то же самое. В самом деле, когда сотник сказал такие слова и засвидетельствовал о такой власти Спасителя, тогда Он не только не осудил его, но и одобрил, и даже более, нежели одобрил. Евангелист не сказал, что Спаситель похвалил только слова сотника, но, показывая важность похвалы, говорит, что Он даже *удивился;* и не только удивился, но и в присутствии всего народа представил его другим в пример для подражания. Видишь ли, как каждый из засвидетельствовавших о Его власти восхваляется? *И дивляхуся народи о учении Его* (Мф. VIII, 28), поскольку Он учил *яко власть имея*; и Христос не только не обвинил их, но еще сошел с ними с горы и через очищение прокаженного утвердил их мнение. Опять прокаженный сказал: *аще хощеши, можеши мя очистити;* и Христос не только не обличил, но, врачуя его так, как он сказал, очистил его. Также сотник говорит: *токмо рцы слово, и исцелеет отрок мой.* И Иисус, удивляясь ему, говорил: *ни во Израили толики веры обретох* (ст. 10).

2. То же можешь ты познать и из противного. Марфа, за то, что не сказала ничего такого, но противное: *яко елика аще просиши от Бога, даст тебе* (Ин. XI, 22) — не только не похвалена, хотя и знал ее Христос и любил, и хотя она весьма пеклась о Нем, но даже была Им обличена и вразумлена, потому что неблагоразумно сказала. Не *рех ли ти*, так говорил ей Христос, *яко аще веруеши, узриши славу Божию* (Ин. XI, 40)? — обвиняя так ее, как еще неуверовавшую. И опять, когда она сказала: *елика аще просиши от Бога, даст тебе,* Спаситель, отклоняя ее от такой мысли и научая, что Он не имеет нужды заимствовать что-либо от другого, но Сам есть источник благ, говорит: *Аз есмь воскрешение и живот* (Ин. XI, 25), — то есть: Я не ожидаю получения силы, но Сам Собой все совершаю. Потому-то Он и

удивляется сотнику, предпочитает его всему народу, удостаивает дара царствия и прочих побуждает к соревнованию ему. А чтобы ты знал, что Он для того сказал это, чтобы и других научить подобной вере, послушай, с какой точностью Евангелист указал на это. *Обращся*, говорит, *Иисус рече грядущим по Нем: ни во Израили толики веры обретох*. Итак, высокая мысль о Нем наиболее всего служит залогом веры, царствия и прочих благ. Христос не только на словах похвалил сотника, но за веру его возвратил ему больного здравым, и сплетает ему светлый венец, и обещает великие дары, говоря: *мнози от восток и запад приидут и возлягут* на лоне Авраама, и Исаака, и Иакова; *сынове же царствия изгнаны будут* вон (ст. 11, 12). После того, как Спаситель совершил многие чудеса, Он беседует с народом с большей уже свободой. Потом, чтобы кто не почел Его слова за лесть, но чтобы все знали, что сотник точно такого был расположения, говорит: *иди; якоже веровал еси, буди тебе* (ст. 19). И дело, свидетельствующее о таком расположении его, тотчас последовало: *и исцеле отрок его* от часа того. То же случилось и с сирофиникиянкой, так как и ей Спаситель сказал: *о жено, велия вера твоя! Буди тебе, якоже хощеши. И исцеле дщи ея* (Мф. XV, 28). Так как Лука в повествовании о данном чуде со слугой сотника включает много другого, что, по-видимому, показывает разногласие, то нужно и это изъяснить вам. Итак, что говорит Лука? Сотник *посла к Нему старцы Иудейския, моля Его* прийти (Лк. VII, 3). Матфей же говорит, что он сам, пришедши, говорил: *несмь достоин*! Некоторые говорят, что это — разные лица, хотя они и много имеют сходного. О том говорится: *сонмище нам созда, и язык любить* (Лк. VII, 5), а об этом сам Иисус говорит: *ни во Израили толики веры обретох*. О том же сказано: *мнози приидут от восток*, — откуда вероятно, что он был иудей. Что же сказать нам на это? То, что

такое решение легко; спрашивается только, истинно ли оно? Я думаю, что это одно и то же лицо. Но от чего же, скажет кто-либо, по свидетельству Матфея, он сказал: *несмь достоин, да под кров мой внидеши*; по свидетельству же Луки, послал за Христом, чтобы Он пришел? Мне кажется, что Лука указывает нам на лесть иудейскую, и на то, что люди, к несчастью будучи непостоянны, часто переменяют намерения. Весьма вероятно, что когда сотник хотел идти, иудеи воспрепятствовали, льстя ему и говоря: мы сходим и приведем Его. Смотри, и самая просьба их исполнена лести. *Любит бо*, говорят, *язык наш, и сонмище той созда*; и не знают даже, за что нужно похвалить этого мужа. Им надлежало бы сказать, что он сам хотел прийти и попросить, а мы воспрепятствовали, зная его несчастие и видя лежащее в доме тело, и таким образом надлежало бы представить величие его веры; но об этом они не говорят. По зависти они не хотели обнаружить веру этого мужа; но чтобы призывающего не почли за какого-либо великого человека, они решились лучше помрачить добродетель того, за которого пришли просить, нежели, обнаружив его веру, исполнить то, за чем пришли. Зависть легко может ослепить ум. Но ведущий тайное прославил его против их воли. А что это так, послушай, как сам Лука опять, изъясняя это, говорит: *Ему не далече сущу, посла, глаголя: Господи, не движися; несмь бо достоин, да под кров мой внидеши* (Лк. VII, 6). Как скоро он освободился от докучливости иудеев, то посылает сказать: не подумай, что я не пришел по лености, но потому, что почел себя недостойным принять Тебя в дом.

3. Если же Матфей повествует, что сотник сказал это не через друзей, но сам лично, то это не показывает никакого противоречия. Дело в том, оба ли Евангелиста показали благорасположенность этого мужа и то, что он имел достойное мнение о Христе. Вероятно, что и

сам он, после того как послал друзей, пришел и сказал то же. Если же Лука не упомянул об этом, а Матфей не упомянул о том, то произошло это не от их разногласия, но более от того, что один восполнял то, что другой опускал. Смотри, как Лука обнаружил его веру и с другой стороны, сказав: *отрок хотяше умрети.* Это не повергло сотника в отчаяние и не лишило надежды; но он и в этом случае надеялся, что отрок его останется в живых. Если же, по словам Матфея, Христос сказал: *ни во Израили толики веры обретох,* и тем показал, что он не был израильтянином, а Лука повествует, что он построил синагогу, то и здесь нет противоречия, поскольку можно было, и не будучи иудеем, построить синагогу и любить народ иудейский.

Но ты не просто исследуй слова сотника, а прими во внимание еще его положение как египетского начальника, и тогда увидишь добродетель этого мужа. В самом деле, начальствующие бывают весьма надменны и не унижаются в самих несчастьях. Так упоминаемый у Иоанна (царедворец) влечет Иисуса в дом и говорит: *сниди,* – отрок мой при смерти (Ин. IV, 49); напротив, сотник не так поступил, но гораздо лучше, нежели и этот царедворец, и те, которые спустили одр сквозь кровлю. Он не домогается телесного присутствия, и не принес страждущего ко врачу; а это и показывает, что сотник не низко об Нем думал, но имел богоприличное мнение, когда говорит: *токмо рцы слово.* И не с начала говорит: *рцы слово,* но сперва рассказывает только о болезни, так как по великому смиренномудрию не ожидал, чтобы Христос тотчас его послушал и пошел к нему в дом. Вот почему, когда услышал уже слова Его: *Аз пришед, исцелю его,* тогда говорит: *рцы слово.* И болезнь не смущала его, но он и в несчастье любомудрствует, имея в виду не столько здоровье отрока, сколько то, чтобы не показать в действиях своих

чего-либо неблагоговейного. Хотя он и не настаивал, но Христос обещал. А он и при этом опасался, чтобы каким-либо образом не выйти из пределов собственного достоинства и не обременить себя каким-либо тяжким поступком. Видишь ли его благоразумие? Посмотри на безумие иудеев, которые говорят: он достоин, чтобы Ты оказал ему милость. Надлежало бы прибегнуть к человеколюбию Иисусову, а они выставляют достоинство человека, сами не зная, с какой стороны должно выставить его. Напротив, сотник иначе поступил: он сознавал себя весьма недостойным не только благодеяния, но и того, чтобы принять Господа в дом. Потому-то, сказав: *отрок мой лежит*, не прибавил: *рцы*, опасаясь сделаться недостойным принятия дара, но рассказал только о своем несчастье. Когда же увидел милосердие Христово, то и в этом случае не настаивал, но соблюл приличную себе меру. А если бы кто спросил: для чего Христос взаимно не почтил его? — мы ответили бы, что Он, напротив, много почтил его: во-первых, тем, что изъявил согласие, как видно это особенно из того, что не пошел в дом; а во-вторых, тем, что ввел его в царство и предпочел всему народу иудейскому. За то, что Он признал себя недостойным даже принять Христа в дом, удостоился получить царство и блага, которыми наслаждается Авраам. Почему же, скажет кто-либо, прокаженный, показавший больше того, не был похвален? Он не сказал: *рцы слово*, но, — что гораздо более, — пожелай только, как то пророк говорит об Отце: *вся, елика восхоте, сотвори* (Пс. CXIII, 11). Но и прокаженный был похвален. Когда Спаситель сказал: *принеси дар, егоже повеле Моисей, во свидетельство им*, то этими словами выразил не иное что, как то, что ты обвинишь их, потому что ты уверовал. С другой стороны, не все равно было — уверовать иудею, и — тем, кто вне народа иудейского. А что сотник не был иудеем, это

видно как из того, что он сотник, так и из сказанного о нем: *ни во Израили толики веры обретох.*

4. Подлинно, весьма много значило, что человек, не из числа иудеев, имел столь высокую мысль о Христе. Мне кажется, он имел представление о воинствах небесных, или о том, что болезни, смерть и все прочее так же подчинено Христу, как ему самому воины. Потому Он и говорил: *ибо и аз человек есмъ под властию учинен,* – то есть ты Бог, я человек; я под властью. Ты же не под властью. Итак, если я, будучи человеком и находясь под властью, столько могу, то гораздо более можешь Ты, будучи Богом и не находясь под властью. С особенной силой он хочет убедить Его в том, что он представляет это не как пример сходный, но как несравненно высший. Если я, говорит он, будучи равен подчиненным и находясь под властью, при малом преимуществе начальства имею такую силу, что никто мне не противоречит, но что я приказываю, то и делают, хотя бы и различны были приказания *(глаголю сему: иди, и идет; и другому: прииди,* и *приходит),* то гораздо большую силу имеешь Ты. Некоторые же читают это место и таким образом: *аще бо аз человек сый,* и, отделив эти слова знаком, присоединяются: *под властью имый под собою воины.* Но ты обрати внимание на то, как ясно показал он, что Христос может управлять смертью как рабом и повелевать как Владыка. Когда он говорит: *иди, и идет, прииди, и приходит,* то выражает этими словами такую мысль: если Ты повелишь смерти не приходить к нему, она не придет. Видишь ли, какую он имел веру? Он уже ясно открыл то, что впоследствии всем должно было открыться, то есть что Христос имеет власть над смертью и жизнью и может низводить во врата ада и возводить. И не только упомянул о воинах, но и о рабах, – что служит знаком большего послушания. Но, несмотря на то, что он имел столь великую веру, он почитал себя

еще недостойным. Христос же, показав, что он достоин того, чтобы прийти в дом его, сделал гораздо более, когда удивлялся ему, хвалил его и даровал ему более, нежели сколько он просил. Он пришел искать телесного здоровья отроку, а возвратился, получив царствие. Видишь ли исполнение сказанного: *ищите царствия небеснаго, и сия вся приложатся вам* (Мф. VI, 33)? Как скоро сотник явил великую веру и смирение, Христос даровал ему небо и, сверх того, возвратил здоровье его отроку. И не этим только почтил его, но и засвидетельствованием, что он вводится в царствие, и какие люди из него изгоняются. Отсюда Христос для всех уже делает известным то, что спасение – от веры, а не от дел закона. Потому дар этот предложен будет не только иудеям, но и язычникам, и последним более, нежели первым. Не подумайте, говорит, что так случилось только с сотником; то же будет и со всей вселенной. Здесь пророчески говорит Он о язычниках и им подает благую надежду. Между следовавшими за Ним были и жители Галилеи языческой. Говорил же Он это для того, чтобы не оставить и язычников в отчаянии, и смирить гордость иудеев. Но чтобы Своими словами не оскорбить слушателей и не подать никакого им повода к сопротивлению, для этого Христос вводит речь о язычниках не в самом начале, а когда случай к тому подал сотник; и не прямо выражает имя язычников. Не сказал: многие из язычников, но: *многие от восток и запад*, – что означает язычников. А таким образом не оскорбил слушателей, поскольку сказанное было прикрыто. И не этим только смягчает кажущуюся новость учения, но и тем, что вместо царствия упомянул о лоне Авраамовом. И это имя для них было неизвестно; между тем напоминание об Аврааме сильнее угрызало их. Потому и Иоанн сначала ничего не сказал о геенне, но, что особенно их оскорбляло, говорил: *не начинайте глагола-*

ти, что чада есмы *Авраама* (Мф. III, 9). Вместе с тем Христос имеет в виду и другое, именно – чтобы не показаться противоречащим древним уставам. Действительно, кто удивляется патриархам и недра их называет наследием добрых, тот совершенно уничтожает такое подозрение. Итак, никто не должен думать, что здесь одна только угроза. Иудеям возвещается сугубое наказание, язычникам сугубая радость: первым потому, что они не только отпали, но и отпали от своего; а последним потому, что они не только получили, но и получили то, чего не ожидали. К этому присоединяется третье, то, что последние получили принадлежащее первым. Сынами же царствия Спаситель называет тех, кому было уготовано царствие. Это особенно сильно уязвляло иудеев, когда, показав, что по обетованию они пребывают в недрах Авраама, затем тотчас же и исключает их. Далее, так как это изречение было приговором, то Христос утверждает его знамением, – как равно и знамение подтверждает предсказанием, впоследствии исполнившимся.

5. Итак, кто не верит исцелению отрока, тогда бывшему, тот пусть верит в него на основании предсказания, ныне исполнившегося. В самом деле, предсказание прежде события для всех объяснилось знамением, тогда бывшим. Потому-то Спаситель прежде изрек пророчество, а потом исцелил расслабленного, чтобы будущее подтвердилось настоящим, и меньшее – большим. Что добродетельные наслаждаются благами, а злые претерпевают несчастья, это не заключает в себе никакой несообразности, но согласно и с разумом, и с силой законов. А укрепление расслабленного и воскрешение мертвого – превыше естественных сил. И, однако, этому великому и чудному делу немало содействовал сотник, что и Христос показывая, сказал: *иди, и якоже веровал еси, буди тебе*! Видишь ли, как исцеление

отрока обнаружило и силу Христову, и веру сотника, и утвердило будущее? Или, лучше, все это возвещало силу Христову, потому что Он не только исцелил тело отрока, но посредством чудес привлек и душу сотника к вере. Но ты взирай не на то только, что один уверовал, а другой исцелился, но и подивись скорости, которую показывая, Евангелист говорит: *и исцеле отрок сей в той час,* – как и о прокаженном сказал, что он тотчас очистился. Христос являл силу не только через исцеление, но и через то, что производил его нежданно и мгновенно. И не этим только приносил Он пользу, но и тем, что во время совершения чудес часто предлагал учение о царствии, и всех привлекал к нему. Даже и тем, которым Он угрожал извержением, угрожал не для того, чтобы извергнуть, но чтобы, устрашив словами, привлечь к царствию. Если же отсюда иудеи не получали никакой пользы, то во всем виновны сами они и все страждущие их болезнью неверия. Всякому известно, что то же случилось не только с иудеями, но и с уверовавшими. Иуда был сыном царствия и вместе с прочими учениками слышал: *сядете на двоюнадесяте престолу* (Мф. XIX, 28), однако сделался сыном геенны. Эфиоплянин же, будучи варваром и одним из тех, которые пришли от востока и запада, удостоился венцов вместе с Авраамом, Исааком и Иаковом. То же и ныне между нами происходит. *Мнози бо,* говорит Господь, *будут перви последнии, и последни первии* (Мф. XIX, 30). Это сказал Он для того, чтобы как последние не предавались беспечности, как не имеющие сил возвратиться, так и первые не надеялись бы на себя, как твердостоящие. О том же предвещал раньше и Иоанн, говоря: *может Бог от камения сего воздвигнути чада Аврааму* (Мф. III, 9). Так как этому надлежало совершиться, то заранее и предвозвещается, для того, чтобы никто не смутился странностью вещи. Но Иоанн, как предтеча, говорит о том как

о возможном; а Христос – как о несомненно имеющем быть, и доказывает это делами.

5. Итак, если стоим, не будем надеяться на себя, но будем говорить себе: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. X, 12); а если лежим, то не будем отчаиваться, но будем говорить себе: *еда подаяй не востает* (Иер. VIII, 4)? Действительно, многие, достигнув до самой высоты неба, показав всякое терпение, живя в пустынях и не видав женщины даже во сне, но несколько вознерадев, преткнулись и дошли до самой бездны зла. Другие, напротив, из этой бездны возвысились к небу, и от позорища и от места пляски обратились к жизни ангельской, и столь великую явили добродетель, что изгоняли демонов и совершали много других подобных знамений. Такими событиями исполнено Писание, такими примерами исполнена наша жизнь. Любострастные и изнеженные заграждают уста манихеев, которые злобу почитают неизменной, которые служат диаволу, расслабляют руки желающих упражняться в добре и низвращают все уставы жизни. Те, которые внушают такие убеждения, не только причиняют вред в будущем, но и здесь, по возможности, все низвращают. Как кто-либо из порочных будет стараться о добродетели, когда он возвращение к добродетели и изменение на лучшее почитает невозможным? Если и теперь, когда и законы существуют, и наказания угрожают, когда многих возбуждает слава, когда ожидается геенна и обещается царствие, когда злые осуждаются, а добрые восхваляются, – если и теперь некоторые едва решаются на подвиги добродетели, то, по уничтожении всего этого, что воспрепятствует всеобщему растлению и гибели?

6. Итак, познав коварство диавольское и то, что как указанные люди, так и те, которые силятся утвердить учение о судьбе, мыслят противно и языческим

законодателям, и божественным изречениям, и естественному разуму, и общему мнению всех людей, и варварам, и скифам, и фракиянам, и всем вообще, — будем, возлюбленные, бодрствовать и, оставив всех этих противников истины, будем шествовать тесным путем с упованием и страхом: со страхом — по причине стремнин, отовсюду предстоящих; с упованием же — потому, что Иисус предходит перед нами. Пойдем с трезвостью и бодрствованием. Если кто хотя несколько задремлет, тотчас низринется. Мы не осмотрительнее Давида, который, несколько вознерадев, низвергнулся в самую бездну греха. Впрочем, он и восстал скоро. Взирай поэтому не на то только, что он согрешил, но и на то, что он очистил свой грех. Для того написана и история его падения, чтобы ты не на падение его взирал, но удивлялся его восстанию; чтобы ты знал, как после падения должно тебе восставать. Как врачи, выбирая самые трудные болезни, описывают их в книгах и научают других способу врачевания, чтобы последние, узнав труднейшие болезни, удобнее могли преодолеть слабейшие, так точно и Бог сделал явными самые великие грехи для того, чтобы те, которые впадают в малые грехи, могли через то удобно исправлять их. В самом деле, если могли быть очищены большие грехи, то тем более меньшие. Итак, рассмотрим, как тот блаженный муж изнемог и как он восстал в скором времени. Какой же был образ изнеможения? Он учинил прелюбодеяние и убийство. Я не стыжусь громогласно возвещать об этом: если Дух Святый не почел постыдным изложить всю эту историю, то тем более нам не должно скрывать ее. Поэтому я не только возвещаю об этом, но нечто и еще присоединяю. Те, которые скрывают падение Давида, весьма помрачают добродетель этого мужа. И как умалчивающие о сражении его с Голиафом лишают его немалых венцов, так точно поступают и те, кто оставля-

ют без внимания настоящее повествование. Может быть, мои слова кажутся странными? Но подождите немного, и вы узнаете, что это сказано нами справедливо. Я для того увеличиваю грех и представляю дело в более странном виде, чтобы в большем обилии приготовить врачевство. Итак, что же мне присоединить? Добродетель мужа. Это увеличивает и вину его: не одинаково ведь осуждается все во всех. *Сильнии бо*, говорит Писание, *сильно истязани будут* (Прем. VI, 7). И: *ведевый волю господина своего,* и не исполняющий *биен будет много* (Лк. XII, 47). Следовательно, большее ведение служит причиной большого наказания. Поэтому иерей, впадающий в одинаковые грехи с подчиненными себе, не одинаковым с ними подвергается наказаниям, но гораздо тягчайшим. Может быть, вы, видя, что вина возрастает, трепещете, и устрашаетесь, и удивляетесь мне, как будто бы я хожу по стремнинам; но я столько уверен в праведнике, что простираюсь еще далее. Чем более увеличу вину, тем более в состоянии буду восхвалять Давида. Но можно ли, спросят, сказать что-либо более этого? Можно. Именно: как Каин учинил не только убийство, но и худшее многих убийств, – поскольку он убил не чужого, но брата, и брата не обидевшего, но обиженного, не после многих убийц, но первый изобрел таковое злодеяние, – так и здесь преступление состояло не в одном только убийстве, потому что не простой человек учинил его, но пророк, убил не обидевшего, но обиженного, поскольку этот последний был уже обижен в то время, когда была похищена жена, и, таким образом, к этому преступлению Давид присоединил еще новое. Видите ли, как я не пощадил праведника и как без всякого послабления рассказал его проступки? Несмотря, однако ж, на это, я так надеюсь защитить его, что, невзирая на столь великую тяжесть греха, желал бы, чтобы здесь находились

как манихеи, весьма издевающиеся над ним, так и зараженные учением Маркиона, чтобы мне совершенно заградить их уста. Они говорят, что Давид учинил убийство и прелюбодеяние. А я не только то же говорю, но и доказал, что убийство его было двойное, как потому, что убит был обиженный, так и потому, что высоко было достоинство согрешившего.

7. Не одно и то же значит, когда отваживается на такие преступления человек, удостоившийся Духа, столько облагодетельствованный, имеющий великое дерзновение, притом в таком возрасте, — и когда то же самое делает тот, кто лишен всего этого. И при всем том, доблестный этот муж достоин величайшего удивления потому именно, что он, ниспадши в самую глубину зла, не упал духом, не отчаялся и не остался ниц лежащим, получив от диавола столь опасную рану, но скоро, даже тотчас, и с великой силой нанес ему более опасную рану, нежели какую получил. Случилось то же самое, как если бы во время сражения и в строю какой-либо варвар вонзил копье в сердце мужественного воина или, оставив в груди его стрелу, присоединил к прежней другую опаснейшую рану, а получивший эти тяжкие раны, весь обливаясь потоками крови, проворно встал бы и, пустив копье в своего врага, тотчас бы поверг его замертво на землю. Так точно и здесь, чем большую представишь рану, тем более удивительной покажешь душу уязвленного, — поскольку он, несмотря на эту тяжкую рану, имел силу встать среди строя и повергнуть того, кем был поражен. Как это важно, особенно знают те, которые впадают в тяжкие грехи. Подлинно, не столько тогда открывается мужественная и твердая душа, когда кто-либо без падений пробегает путь (потому что таковой имеет спутником своим благую надежду, возбуждающую, ободряющую, укрепляющую и делающую его ревностнейшим), сколько тогда, когда

кто-либо, после бесчисленных венцов, многих трофеев и побед, претерпевая крайний урон, опять может вступить на прежние пути. Для большей ясности я постараюсь предложить вам другой пример, не менее важный в сравнении с первым. Вообрази, что какой-нибудь мореплаватель, бывший на бесчисленных морях, проплывший все море, после многих бурь, подводных камней и волн, имея много товара, стал бы утопать при самом входе в пристань и едва с нагим телом избег бы этого опасного кораблекрушения: в каком он будет расположении к морю, к плаванию и к морским опасностям? Не обладая особенно сильным характером, захочет ли он когда-нибудь посмотреть на берег, на корабль, на пристань? Не думаю; он скроется, будет лежать, не различая дня от ночи и от всего отказываясь, — предпочтет лучше жить милостыней, чем приняться за прежние труды. Не таков был блаженный Давид; но, после бесчисленных трудов и подвигов претерпев ужасное кораблекрушение, не скрылся, а извлек корабль и, распустив паруса и взявшись за кормило, принялся за прежние труды — и опять собрал богатство, большее прежнего. Если стоять и после падения не лечь навсегда — достойно удивления, то каких венцов достоин тот, кто тотчас же встает и совершает великие дела? Много было для Давида побуждений к отчаянию: во-первых, великость греха; во-вторых, то, что он потерпел это крушение не в начале жизни, когда больше надежд, а под конец, — ведь и купец, претерпевший кораблекрушение тотчас же по выходе из пристани, не одинаково скорбит с тем, который после бесчисленных куплей попал на подводный камень; в-третьих, то, что он претерпел это уже после того, как собрал великое богатство. В самом деле, немало у него было тогда сокровищ: были, например, сокровища, которые приобрел он в первом возрасте, когда был пастухом, —

в сражении с Голиафом, когда поставил блистательный трофей, – в мудром обращении с Саулом. Поистине, Давид показывал евангельское великодушие, когда, тысячекратно имея в руках врага, всегда щадил его и лучше решил лишиться отечества, свободы и самой жизни, нежели умертвить того, который несправедливо строил ему козни. Немало также он имел добродетелей после принятия царства. Кроме всего сказанного, и худое мнение народа, а равно и лишение столь блистательной славы – производили немалое смущение. Не столько украшала его порфира, сколько покрывало стыдом пятно греха.

8. Вы, конечно, знаете, как тяжко бывает тому, чьи грехи разглашаются, и какое великое мужество требуется от такого человека, чтобы после всеобщего обвинения и после того, как много находится свидетелей его преступлений, не упасть духом. Но тот доблестный муж, извлекши из души своей все эти стрелы, столько после того просиял, так омыл пятно, так очистился, что и по смерти заглаждал грехи своих потомков. И что сказал Бог об Аврааме, то же говорит и о Давиде, – и о нем даже гораздо более. О патриархе Он говорит: я вспомнил *завет, иже ко Аврааму* (Исход, II, 24); говоря же о Давиде, не о завете говорит, а о чем? *Ради Давида раба Моего защищу град сей* (4 Цар. XIX, 34). И, по благоволению к нему, не попустил лишиться царства Соломону, столь тяжко согрешившему. И до того велика была слава Давида, что Петр, после столь многих лет произнося к иудеям речь, так говорит: *достоит рещи с дерзновением к вам о патриарсе Давиде, яко и умре и погребен бысть* (Деян. II, 29). И Христос, беседуя с иудеями, показывает, что он после греха удостоился такой благодати Духа, что и опять сподобился пророчествовать о Его божестве. Заграждая его пророчеством уста их, Он говорил: *како убо Давид Духом Господа Его нарицает, глаголя: рече*

Господь Господеви моему: седи одесную Мене (Мф. XXII, 43). И что совершилось над Моисеем, то и над Давидом. Подобно тому, как Бог, против воли Моисея, по великой Своей любви к этому праведнику, наказал Мариам за обиду брата, так скоро отомстил и за Давида, оскорбленного сыном, хотя Давид того и не желал. И этого достаточно, чтобы доказать добродетель этого мужа, и это даже более, чем что-либо другое может служить доказательством ее. Когда Бог утверждает, тогда не нужно более исследовать. Если же хотите подробно знать мудрость Давида, то, прочитав историю его после греха, можете увидеть его упование на Бога, любовь, возрастание в добродетели и тщание до последнего издыхания. Итак, имея такие примеры, будем бодрствовать и остерегаться от падения. Если же и случится нам пасть, то не будем лежать. Я не для того упомянул о преступлениях Давида, чтобы повергнуть вас в беспечность; но для того, чтобы большее произвесть спасение. Если даже этот праведник, несколько вознерадевши, подвергся таким страданиям и получил такие раны, то чего не потерпим мы, каждодневно предающиеся беспечности? Итак, познавши его падение, не предавайся нерадению, но представь, сколько совершил он и после него, сколько пролил слез, сколь великое являл раскаяние, день и ночь испуская источники слез, и омывая ими постелью, и, сверх того, облекаясь во вретище. Если же для него потребно было такое поведение, то как можем спастись мы, несмотря на множество преступлений, не имеющие сокрушения? Кто еще имеет великие добродетели, тот удобно может покрыть ими грехи; не имеющий добродетелей, откуда бы ни был поражен стрелой, получает смертельный удар. Итак, чтобы этого не случилось, вооружим себя добрыми делами и, если учиним какое-либо преступление, будем очищать себя, чтобы, проведши

настоящую жизнь во славу Божию, удостоиться нам наслаждения будущей жизнью, которую все мы да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVII

И пришед Иисус в дом Петров, виде тещу его лежащу и огнем жегому. И прикоснуся руце ее, и остави ю огнь: и воста, и служаше Ему (VIII, 14, 15)

1. Марк, желая показать и время, говорит: *и абие* (Мк. I, 30); а Матвей описал только чудо, не означивши времени. Другие говорят, что больная даже просила Его; но Матвей и об этом умолчал. Впрочем, в этом нет разногласия: одно происходит от краткости, а другое от полноты повествования. Но для чего Христос вошел в дом Петров? Мне кажется, для принятия пищи; на это указал и Евангелист, когда сказал: *воста, и служаше Ему*. Христос останавливался у учеников, как, например, и у Матфея, когда его призвал, чтобы через то почтить их и сделать усерднейшими. Но ты и здесь заметь Петрово почтение к Нему. Имея тещу, лежащую дома в сильной горячке, он не привел Его в дом свой, но ожидал, пока будет окончено учение и исцелятся все прочие; и тогда уже, когда Он вошел в дом, начал просить Его. Так он с самого начала научался предпочитать выгоды других своим. Итак, не Петр приводит Его в дом, но Он сам по собственной воле пришел, после того как сотник сказал: *несмь достоин, да под кров мой внидеши*, показывая, сколько Он благоволил к ученику. Но представь, каковы были дома этих рыбаков; при всем том Христос не гнушался входить в их бедные хижины, научая тебя во всем попирать человеческую гордость. Иногда Он сло-

вами только исцеляет, иногда и руку простирает, а иногда делает и то и другое, чтобы видимо было врачевание Его. Он не хотел всегда чудодействовать необычайным образом. Но Ему надлежало еще скрываться, и особенно при учениках, потому что они в великой радости все бы рассказали. И это видно из того, что, по восшествии на гору, Он почел за нужное объявить им, чтобы они никому не сказывали. Итак, коснувшись тела, Он не только прекратил горячку, но и вполне возвратил здоровье. Так как болезнь была незначительна, то Он явил Свое могущество в способе лечения, чего не могло бы сделать врачебное искусство.

Вам известно, что и по освобождении от горячки больным требуется много времени для того, чтобы прийти в прежнее здоровье. Но тогда все зараз последовало. И не здесь только случилось это, но и на море. И там Он не только укротил ветры и бурю, но тотчас остановил и самое движение волн, что было также странно. Обычно и после того, как буря прекратится, волны еще долго колеблются. Но у Христа не так; у Него все вместе прекращалось. Так именно случилось и с этой женой. Указывая на это, Евангелист и говорит: *воста, и служаше Ему*, — что было знаком и силы Христовой, и расположения жены, которое она оказывала ко Христу. Отсюда мы можем усматривать вместе и то, что Христос по вере одних дает исцеление другим (здесь именно просили Его другие, как то было и с отроком сотника). Впрочем, Он благодетельствует, если только желающий исцеления не упорствует в неверии, а только или по причине болезни не может прийти к Нему, или по причине неведения и незрелого возраста не имеет о Нем высокого понятия. *Позде же бывшу, приведоша к Нему бесны многи, и изгна духи из них словом, и вся болящия исцели; да сбудется реченное Исаием пророком, яко недуги наша прият, и болезни понесе* (Мф. VIII, 16, 17).

Видишь ли, как многие наконец уверовали? Они не хотели удалиться, хотя время и побуждало к тому, и не почитали неблаговременным приводить вечером больных своих. Заметь, о каком множестве исцеленных евангелисты умалчивают, когда не говорят нам и не повествуют о каждом порознь, но одним словом переходят неизреченное море чудес. Потом, чтобы величие чуда не повергло в недоверие, что Он такое множество и от столь различных болезней освободил и исцелил в одно мгновение времени, Евангелист приводит пророка, свидетельствующего о случившемся, показывая тем, что доказательство, заимствованное из Писания, во всяком случае, важно и не ниже самих знамений. Исаия сказал, говорит он, что Христос *недуги наша прият, и болезни понесе.* Пророк не сказал: освободил, но – взял и понес: это, мне кажется, сказано пророком более о грехах, согласно со словами Иоанна: се *Агнец Божий, вземляй грех мира* (Ин. I, 29).

2. Итак, почему же здесь Евангелист относит это пророчество к болезням? Или потому, что принимал это свидетельство буквально, или для того, чтобы показать, что большая часть болезней есть следствие грехов душевных. В самом деле, если самая смерть, утверждение болезней, имеет своим корнем и началом грех, то тем более многие болезни. Точно так же и то, что мы можем подвергаться болезням, родилось от греха. *Видев же Иисус многи народы окрест Себе, повеле ити на он пол* (ст. 18). Видишь ли опять, как Он чужд тщеславия? Другие евангелисты говорят, что Он запрещал демонам сказывать, кто Он; а Матфей говорит, что Он удалял от Себя народ. Делал Он это, с одной стороны, для того, чтобы научить нас скромности, с другой – для того, чтобы укротить иудейскую зависть и убедить нас ничего не делать из тщеславия. Он не только исцелял тела, но и исправлял душу, научая благочестию; показывал

Себя и в том, что исцелял болезни, и в том, что ничего не делал из тщеславия. Действительно, многие из любви и удивления к Нему, и желая всегда наслаждаться Его лицезрением, неотступно пребывали при Нем. Да и кто бы удалился от Творившего такие чудеса? Кто бы и просто не захотел взирать на Его лицо и уста, изрекающие такие слова? Он достоин удивления не только по чудесам, но даже и один вид Его исполнен был великой приятности, как показывает то пророк, говоря: *красен добротой паче сынов человеческих* (Пс. XLIV, 3). Когда же Исаия говорит; *не имяше вида ниже доброты* (Ис. LIII, 2), то говорит это или о непостижимой и неизглаголанной славе Божества, или о том, что случилось с Ним во время страдания, и именно — о бесчестии, которое претерпел Он во время распятия на кресте, или о смирении, которое являл во всем в продолжение целой жизни. Далее Спаситель не прежде повелел ученикам переправиться на ту сторону, как по исцелении болезней. Иначе народ не мог бы перенесть этого. Как на горе он не только пребывал со Христом тогда, как Он проповедовал, но и последовал за Ним, когда Он молчал, так и здесь прикреплялся к Нему не только тогда, когда Он чудодействовал, но и когда перестал чудодействовать, и от самого лица Его получал великую пользу. В самом деле, если Моисей имел прославленное лицо и Стефан лицо ангельское, то представь, каков тогда должен быть вид общего Владыки! Может быть, многие воспламенились желанием узреть Его образ; но если мы пожелаем, то узрим и гораздо лучший образ. Если мы с упованием проведем настоящую жизнь, то увидим Его на облаках, сретивши в бессмертном и нетленном теле. Смотри, с каким благоразумием Спаситель отсылает народ, чтобы не устрашить. Он не сказал: удалитесь; но повелел переплыть на ту сторону, обнадеживая, что и Он непременно придет туда. Но тогда как

народ показал столько любви ко Христу и с таким усердием следовал за Ним, один раб богатства и весьма надменный человек подошел к Нему и сказал: *Учителю, иду по Тебе, аможе аще идеши* (ст. 19). Видишь ли, какова гордость? Почитая недостойным считать себя между простым народом, но показывая, что он гораздо выше черни, с такими мыслями приступает к Иисусу. Таковы уже иудейские нравы; они обычно исполнены неблаговременного дерзновения. Точно так же впоследствии и некто другой, когда все молчали, сам, приступивши сказал: «Какая первая заповедь?» (Мф. XXII, 36). Впрочем, Господь не осудил его за неуместную дерзость, научая нас тому, чтобы мы терпели и таковых. Потому-то Он не обличает явно тех, которые имели злые намерения, но Свои ответы направляет против их мысли, предоставляя им одним видеть обличение и доставляя им двоякую пользу: во-первых, тем, что показывал в Себе знание сокровенного в совести; во-вторых, тем, что, несмотря на такое сердцеведение, попускал скрывать свои намерения и давал возможность исправиться, если только захотят. Таким точно образом поступил Он и с приступившим к Нему теперь. Последний, видя многие знамения и то, что многие ими были привлекаемы к Иисусу, надеялся обогатиться от таковых чудес, почему и поспешил заявить о своем желании следовать за Ним. Но из чего это известно? Из ответа, который дает Христос, сообразуясь не со словами вопроса, но с мыслью. Что же, говорит ему Христос, ты надеешься, следуя за Мной, собирать деньги? Не видишь ли, что у Меня нет жилища даже и такого, какое имеют птицы? *Лиси*, говорит Он, *язвины имут, и птицы небесныя гнезда: Сын* же *человеческий не имать где главы подклонити* (ст. 20). Впрочем, это сказал Он не для того, чтобы отдалить его от Себя, но чтобы обличить его худое намерение и доставить случай следовать за Собой с таковой надеж-

дой, если захочет. А чтобы узнать тебе его лукавство, смотри, что он делает. Услышав слова Христовы и будучи обличен, он не сказал: готов последовать.

3. Подобным образом часто поступал Христос и в других случаях. Хотя явно не обличал Он, но ответом показывал мысль к Нему приходивших. Так и тому, который говорил: *Учителю благий* (Мф. XIX, 16) и этой лестью думал расположить Его к себе, Он, имея в виду его намерение, отвечал: *что Мя глаголеши блага? Никтоже благ, токмо един Бог* (Мф. XIX, 17). И когда говорили Ему: *се мати Твоя и братия Твоя* ищут Тебя (XII, 47) (так как последние еще имели в себе нечто человеческое, и желали не услышать что-нибудь полезное, но показать, что они близки к Нему и тем потщеславиться), послушай, что говорит: *кто есть мати Моя, и кто суть братия Моя* (ст. 48). И опять самим братьям Своим, которые говорили Ему: *яви Себе мирови* (Ин. VII, 4), и желали через то приобрести себе тщетную славу, сказал: *время ваше всегда готово, Мое же не у прииде* (Ин. VII, 6). То же самое делает и с противной стороны. Так о Нафанаиле говорит: *се воистину Израильтянин, в нем же льсти несть* (Ин. I, 47). И опять: *шедше возвестите Иоаннови, яже слышите и видите* (Мф. XI, 4). И здесь Он дал ответ не на слова, но на мысль пославшего. Подобным образом и к народу говорит сообразно с его внутренним расположением: *чесо изыдосте в пустыню видети* (Лк. VII, 24)? Так как народ, вероятно, думал об Иоанне, как о простом и обыкновенном человеке, то, исправляя такое его мнение, говорит: *чесо изыдосте в пустыню видети? Трость ли ветром колеблему? Человека ли в мягки ризы одеяна?* (ст. 25) – показывая через то и другое, что он и сам в себе тверд, и не может быть расслаблен никакими удовольствиями. Так точно и здесь Христос дает ответ, сообразный с мыслью говорившего. Приметь, какую кротость показывает Он и в настоящем случае.

Он не сказал: хотя Я имею, однако презираю; но сказал: не имею. Видишь ли, сколь великую Он имел осмотрительность и вместе снисходительность? Ел ли Он когда, пил ли, или казался делающим что-либо несогласно с Иоанном, – Он делал и это для спасения иудеев или, лучше, для спасения целой вселенной, и вместе заграждая уста еретиков, и сильно желал привлечь к Себе бывших тогда при Нем. Другой же некто, продолжает Евангелист, сказал Ему: *Господи, повели ми прежде ити и погребсти отца моего* (Мф. VIII, 21). Видишь ли различие? Тот бесстыдно говорит: *иду по Тебе, аможе аще идеши*; а этот, даже испрашивая позволение на благочестивое дело, говорит: *повели ми.* Впрочем, Христос не позволил, а сказал: *остави мертвых погребсти своя мертвецы, ты же по мне гряди* (ст. 22). Спаситель везде обращал внимание на намерение. Но почему, скажет кто-либо, не позволил? Потому что и без него было кому исполнить то дело, и умерший не остался бы без погребения; между тем ученику не должно было удаляться от дела более необходимого. Сказав же: *мертвецы своя*, показывает, что мертвец не Его. Умерший, по моему мнению, был из неверовавших. Если же ты удивляешься юноше в том, что он спрашивал Иисуса о столь необходимом деле и не удалился самовольно, то тем более подивись тому, что он остался при Иисусе и тогда, когда получил запрещение. Но скажет кто-либо: не быть при погребении отца не было ли знаком крайней неблагодарности? Если бы он сделал это по лености, то оказал бы неблагодарность; но если сделал это для того, чтобы не прервать необходимейшего дела, то в таком случае удалиться было бы знаком величайшего неразумия. Конечно, Иисус запретил ему не потому, чтобы повелевал не воздавать почтения родителям, но с целью показать, что ничто не должно быть для нас необходимее небесного и что с великим тщанием должно стараться о

небесных благах и не забывать о них даже на самый краткий срок, хотя бы отвлекали от того самые нужные и неминуемые дела. В самом деле, что может быть необходимее погребения отца и что легче? На это потребно было немного времени. Если же и на столько времени, сколько нужно для погребения отца, небезопасно оставлять духовные предметы, то представь, чего будем достойны мы, которые всегда оставляем дела христианские, и самое маловажное предпочитаем необходимому, и без всякого побуждения предаемся нерадению. Далее, мудрости учения Спасителева должно удивляться и потому, что Он сильно привлек к Себе юношу словом и, вместе с тем, освободил его от бесчисленного множества зол, как то: от рыданий, плача и всего отсюда происходящего. Действительно, после погребения нужно было рассматривать завещания, заниматься разделом наследства и всем прочим, что происходит в таких случаях, — и, таким образом, волна за волной, унося его все дальше, весьма далеко увлекли бы от пристанища истины. Потому-то Христос влечет и прикрепляет его к Себе. Если же ты еще удивляешься и смущаешься тем, что ему не было дозволено находиться при погребении отца, то вообрази, что многие не дают знать малодушным о смерти их ближних и не допускают быть при гробе, хотя бы умер отец, или мать, или сын, или другой кто-либо из родственников, и мы за это не обвиняем их в жестокости и бесчеловечии — и весьма справедливо. Напротив, допускать малодушных предаваться плачу — было бы делом жестокости.

4. Но если худо плакать и сокрушаться о сродниках, то гораздо хуже удаляться от духовных наставлений. Вот почему Спаситель в одном месте и говорит: *никтоже, возложъ руку свою на рало и обратившись вспять, управлен есть* в царствии небесном (Лк. IX, 62). Подлинно, гораздо лучше проповедовать царствие Божие и других

избавлять от смерти, нежели погребать ни к чему не нужного умершего, и особенно тогда, когда есть люди, могущие исполнить это дело. Итак, отсюда научаемся мы тому, что не должно терять и малого времени, хотя бы было бесчисленное множество побуждений к тому, но всему, даже самому необходимому, должно предпочитать духовное и знать, в чем состоит жизнь и в чем смерть. Многие ведь из тех, которые, по-видимому, живут, ничем не различаются от мертвых, когда живут во зле; вернее – они даже хуже мертвецов. *Умерый свободнися от греха* (Рим. VI, 7), говорит апостол. А тот, кто живет во зле, служит греху. Не говори мне, что он не съедается червями, не лежит во гробе, не закрыл глаз и не обвит пеленами. Он большие претерпевает мучения, нежели умерший, не потому, чтобы черви съедали его, но потому, что страсти душевные терзают его лютее зверей. А если у него открыты глаза, то и это опять гораздо хуже того, как если бы они были закрыты. Глаза умершего ничего не видят худого; а этот, имея открытые глаза, подвергает себя бесчисленным болезням. Тот лежит во гробе, ничего не чувствуя; а этот заключен во гробе бесчисленных болезней. Но ты не видишь гниения его тела? Что же? Душа его еще прежде тела растлела, погибла и подвергается большему гниению. Тот смердит десять дней, а этот во всю жизнь дышит зловонием, имея уста хуже всяких нечистых мест, – так что они различаются между собой только тем, что один подвергается только естественному тлению, а другой к нему присоединяет еще гниение, происходящее от нечестивой жизни, ежедневно вымышляя для себя бесчисленные причины растления. Но этот ездит на коне? Что же? Умерший лежит на одре. Но что важнее, его никто не видит истлевающим и согнивающим, потому что он имеет гроб своим покровом; а этот смердит повсюду, нося мертвую душу в теле, как во гробе. И если бы

можно было увидеть душу человека, живущего в роскоши и нечестье, то ты увидел бы, что гораздо лучше лежать связанным во гробе, нежели быть окованным цепями греховными; лучше иметь на себе лежащий камень, нежели тяжкий покров бесчувственности. Вот почему сродникам этих мертвецов, когда они пребывают в такой бесчувственности, особенно должно приступать ко Иисусу с молением о них, подобно тому, как Мария молила о Лазаре. Пусть будет он смердящим, пусть четверодневным, не отчаивайся, но приступи и отвали прежде камень, — и тогда увидишь его лежащим как бы во гробе и обвитым пеленами. И, если вам угодно, я представлю кого-нибудь из великих и знатных мужей. Не бойтесь: я представлю пример, не указывая на имя; — впрочем, если бы я открыл и имя, то и тогда не надлежало бы бояться. Кто, в самом деле, когда-либо боялся мертвого? Что бы он ни стал делать, всегда остается мертвым. Мертвый живому не может сделать никакого оскорбления. Итак, посмотрим на связанную главу таковых мертвецов. В самом деле, так как они беспрестанно пьяны, то у них, наподобие того, как мертвые связываются многими покровами и пеленами, все чувства заключены и связаны. Если же хочешь посмотреть и на руки, то увидишь, что и они, так же как у мертвых, привязаны к чреву и обвязаны не пеленами, а, что гораздо хуже, узами любостяжания. Оно не допускает им простираться к милостыне или к другому какому-либо доброму делу, но делает их гораздо бесполезнее рук умерших. Хочешь ли видеть и ноги связанные? Смотри — они также связаны заботами и оттого никогда не могут прибегать в храм Божий. Ты видел мертвого; теперь смотри и на погребающего. Итак, кто же погребает этих мертвецов? Диавол, тщательно связывающий их и не дозволяющий уже человеку казаться человеком, но сухим деревом. Кто не имеет ни глаз, ни рук,

ни ног, ни других членов, тот как может казаться человеком? Таким образом, можно видеть, что и душа их обвита пеленами и есть, скорее, идол, нежели душа. Итак, поскольку они пребывают в бесчувственности, сделавшись некоторым образом мертвыми, то мы приступим к Иисусу, будем молить Его о их воскресении, отвалим камень, развяжем пелены. Как скоро ты отвалишь камень, то есть отнимешь ту бесчувственность, которую они показывают во зле, то тотчас изведешь их из гроба, а выведши отсюда, гораздо удобнее освободишь их от оков. Когда ты воскреснешь, тогда познает тебя Христос; когда разрешишься от уз, тогда Он призовет тебя и к Своей вечери. Итак, вы, други Христовы, ученики Его, – вы, любящие умершего, приступите ко Христу и помолитесь! Пусть умерший исполнен чрезмерного зловония; сродники не должны оставлять его и в этом случае, но тем более приступать к Богу (чем более умножается тление), подобно как сделали и сестры Лазаревы; должны до тех пор просить, молить и умилостивлять Бога, доколе мы не увидим его живым. Если мы будем так стараться о себе и о ближних, то скоро достигнем и будущей жизни, которую все мы да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVIII

Влезшу же Ему в корабль, идоша ученицы Его. И се трус велий бысть в мори, якоже кораблю покрыватися волнами. Той же спаше (VIII, 23, 24)

1. Лука, не входя в исследование порядка времен, говорит так: *бысть же во един от дний, Той влезе в корабль и ученицы Его* (Лк. VIII, 22). Точно так же говорит и

Марк. Но Матвей поступает не так: он соблюдает здесь и самый порядок происшествий. Не все евангелисты о всем писали одинаково, — о чем и прежде говорил я, чтобы кто-нибудь из опущения не заключил, что между евангелистами есть разногласие. Итак, Христос послал прежде народ, а учеников взял с Собою, как они свидетельствуют о том; взял же их не без цели и не без намерения, но для того, чтобы сделать их зрителями чуда, имеющего совершиться. Он, как некий наилучший наставник детей, поучал их тому, чтобы они, с одной стороны, были бесстрашны среди бедствий, а с другой — смирялись среди почестей. Чтобы они не превозносились тем, что Спаситель, отослав прочих, удержал их при Себе, — для достижения этой цели и вместе для приучения их к мужественному перенесению искушений, попустил им обуреваться волнами. Хотя, конечно, велики были и прежние чудеса, но настоящее чудо и заключало в себе немалое назидание, и было знамением, подобным древнему. Потому Спаситель и берет с Собой одних только учеников. Где совершались одни только чудеса, там дозволял Христос быть и народу; но где предстояли искушения и ужасы, там Он брал с Собой одних только подвижников вселеннной, которых Он хотел обучить. Далее, Матвей говорит просто, что Иисус *спал;* а Лука говорит, что Он *спал на возглавии*, показывая через то Свое смирение и поучая нас великой мудрости. Итак, когда поднялась буря и море сильно волновалось, ученики будят Его, говоря: *Господи, спаси ны, погибаем* (ст. 25). Спаситель, прежде чем усмирить море, обратился к ним с обличением. Буря, как сказал я, попущена была для научения учеников; это было образом имеющих постигнуть их искушений, так как и после того Спаситель часто попускал им впадать в жесточайшие бедствия и через то укреплял дух их. Потому и Павел говорил: *не хощу же вас не ведети, братие,*

яко попремногу отяготихомся паче силы, яко не надеятися нам и жити (1 Кор. I, 8). И далее опять говорит: *иже от толикия смерти избавил ны есть* (ст. 10). Итак, Иисус прежде всего укорил учеников Своих, показывая тем, что надобно быть мужественными и среди сильнейшего обуревания волн, что Он все устрояет во благое. Так и самое смущение их принесло им пользу, поскольку чудо представилось им гораздо важнейшим, и происшествие навсегда сохранилось в их памяти. Когда Бог имеет намерение совершить что-нибудь чудесное, то сначала предустрояет многое для утверждения его в памяти людей, чтобы они не забывали совершенного Им чуда. Так и Моисей сначала страшится змия, и страшится не просто, но и с великим смущением, и потом уже видит совершающееся чудо; так и ученики ожидали сначала себе погибели, а потом получили спасение, чтобы они, через уверенность в опасности, познали величие чуда. Вот почему Спаситель и предается сну. В самом деле, если бы буря случилась во время Его бодрствования, то они или не устрашились бы, или не стали бы Его просить, а может быть, даже не подумали бы, что Он может совершить подобного рода чудо. Потому-то Он и предался сну, чтобы дать им время испытать страх и заставить их сильнее почувствовать происходящее. Человек иначе смотрит на то, что случается с другими людьми и что случается с ним самим. Так как ученики видели всех других облагодетельствованными, а себя самих не получившими никакого благодеяния, и были беззаботны (они ведь ни хромы не были, и никакой другой подобной болезни не имели), и потому им надлежало собственным чувством испытать Его благодеяния, то Он попускает восстать буре, чтобы им через спасение от нее сильнее почувствовать Его благодеяние. Вот почему Спаситель совершает чудо и не в присутствии народа, чтобы не обвинили учеников в мало-

верии; но, взявши их с Собой одних, исправляет и прежде укрощения волнения вод, укрощает волнение душ их, укоряя их такими словами: *что страшливи есте, маловери* (ст. 25)? И вместе научая, что не нашествие искушений, но слабость духа производит страх. А если кто скажет, что ученики не по страху и не по маловерию приступили ко Иисусу и разбудили Его, то я скажу, что это-то самое особенно и было доказательством ненадлежащего их о Нем мнения. Они были уверены в том, что Он, вставши, может укротить бурю; но что может сделать это и во время сна – в этом не были уверены. И что удивляться несовершенству их в настоящем случае, когда они и после многих других чудес еще оставались весьма несовершенными? Потому-то Христос часто и укоряет их; так, например, когда говорит: *еще ли и вы без разума есте* (Мф. XV, 16)? Итак, не удивляйся, если народ не имел о Нем высокого понятия, когда и сами ученики пребывали несовершенными. *Чудишася*, говорит Евангелист, *глаголюще: кто есть сей человек, яко и море и ветри послушают Его* (ст. 27)? Впрочем, Христос не обличил их в том, что Его называли человеком; но ждал, до времени вразумляя их чудесами, что такое их мнение о Нем ошибочно. Отчего же почитали Его человеком? Оттого, что Он имел образ человеческий, спал и был на корабле. Поэтому-то они в недоумении и говорили: *кто есть Сей?* Тогда как сон и внешний вид показывали в Нем человека, – море и тишина являли в Нем Бога.

2. Хотя и Моисей сотворил некогда подобное же чудо, однако и здесь открывается преимущество Христа, потому что Моисей чудодействовал как раб, а Христос – как Господь. Христос не простирал жезла, подобно Моисею, не воздевал рук к небу, не имел нужды в молитве; но, как Господь, повелевающий рабу, и Творец твари, единым словом и повелением Он укротил

и усмирил море, и буря тотчас совершенно утихла, так что не осталось никакого и следа волнения. Евангелист изобразил это так: *и бысть тишина велия.* И что было сказано о величии Отца Его, то Он опять явил в делах Своих. Что же было сказано об Отце? *Рече,* говорит пророк, *и ста дух бурен* (Пс. CVI, 25). Так и здесь говорится: сказал – *и бысть тишина велия.* Потому-то особенно и удивлялись Ему люди; между тем они не удивились бы, когда бы Он поступил подобно Моисею. После того, как Христос удалился от моря, последовало другое, страшнейшее чудо. Беснующиеся, как злые беглецы, увидев Господа, говорили: *что нам и Тебе, Иисусе Сыне Божий? Пришел еси семо прежде времени мучити нас* (ст. 29). Тогда как народ почитал Его человеком, бесы пришли исповедать божество Его, и те, которые оставались глухими при возмущении и укрощении моря, услышали демонов, взывавших о том, о чем возвещало море своей тишиной. Потом, чтобы слова их не показались лестью, они самим опытом доказывают их истину: *пришел еси семо,* вопияли они, *прежде времени мучити нас.* Потому-то прежде всего они и сознаются в своей вражде, чтобы их прошение не подверглось подозрению. Действительно, будучи пронзаемы, воспламеняемы и претерпевая нестерпимые мучения от одного только присутствия Христова, они невидимо подвергались истязаниям и обуревались сильнее моря. Тогда как никто не осмелился приблизиться к ним, Христос сам подходит к ним. По свидетельству Матфея, они сказали: *пришел еси семо прежде времени мучити нас.* Другие же к этому присовокупили и то, что бесы умоляли Его и заклинали не ввергать их в бездну. Они думали, что уже настало время их наказания, и боялись, как бы уже имеющие подвергнуться мучению. То, что Лука упоминает об одном беснующемся, тогда как Матфей говорит о двух, не показывает между ними разногласия. Разногласие между ними ока-

зывалось бы только тогда, когда бы Лука сказал, что один только был беснующийся, а другого не было. Когда же один говорит об одном, а другой о двух, то это не есть признак противоречия, а показывает только различный образ повествования. И мне кажется, что Лука упомянул о том только, который был лютейшим из них, почему и бедствие его представляет более плачевным, говоря, например, что он, расторгая узы и оковы, блуждал по пустыне; а Марк свидетельствует, что он еще бился о камни. Да и самые слова их достаточным образом обнаруживают их лютость и бесстыдство, потому что они говорили: *пришел еси семо прежде времене мучити нас.* Они не могли сказать, что не согрешили; но просят Его не подвергать их наказанию прежде времени. Так как Спаситель нашел их делающими нестерпимые лютости и злодеяния и всяким образом обезображивающими и мучащими Его творение, то бесы и думали, что Он, по причине чрезмерных их злодеяний, не будет отлагать времени наказания. Потому-то они просили и умоляли Его. Таким образом, те, которых не могли удержать и узы железные, приходят связанные; те, которые бегали по горам, выходят на поле; те, которые другим преграждали путь, останавливаются, увидя преграждающего им самим путь. Но почему они любили жить в гробах? Потому, что им хотелось во многих посеять пагубное учение, то есть что души умерших превращаются в бесов, чего никогда не должно даже и в уме представлять. Что же ты скажешь на то, спросит кто-нибудь, что многие из чародеев закалают детей с той целью, чтобы их души после того им содействовали? А откуда это известно? Что закалают детей, о том говорят многие. Но что души закланных находятся с заклавшими их, скажи мне, откуда ты узнал об этом? Ты скажешь, что сами бесноватые взывают: я душа такого-то человека! Но и это — хитрость и обман диавола.

Не душа какого-нибудь умершего вопиет, а притворяющийся так демон, для обольщения слушателей. Если бы душа могла войти в существо диавольское, то тем более она могла бы войти в свое тело. Притом нельзя представить, чтобы душа обиженная стала содействовать обидевшему ее, или чтобы человек в состоянии был изменить свою бестелесную природу в другое существо. Если невозможно это в отношении к телам, так как никто не может превратить тела человеческого в тело ослиное, то тем более невозможно это в отношении к невидимой душе, которую никто не может превратить в существо демонское.

3. Итак, это – бредни пьяных старух и детские пугала. Душе, отделившейся от тела, уже невозможно блуждать здесь, потому что *праведных души в руце Божией* (Премудр. Сол. III, 1). Если же души праведных в руке Божией, то и души детей, так как они не сделались еще злыми. Да и души грешников тотчас удаляются отсюда. Это видно из притчи о Лазаре и богаче. И в другом месте Христос говорит: *сегодня душу твою истяжут от тебе* (Лк. XII, 20). Да и быть не может, чтобы душа, исшедшая из тела, блуждала здесь. И это вполне сообразно с разумом. В самом деле, если мы, ходя по земле знакомой и известной нам и будучи облечены телом, когда совершаем путь в странах чужих, не знаем без руководителя, какой надобно идти дорогой, то каким образом душа, отделившаяся от тела и отрешившаяся от всех земных связей, может знать без путеводителя, куда ей должно идти? Так же и из многих других доказательств всякий может легко увидеть, что душа, исшедшая из тела, не может уже здесь оставаться. Так Стефан сказал: *приими дух мой* (Деян. VII. 59); и Павел говорит: *разрешитися и со Христом быти, много паче лучше* (Флп. I, 23). Также о патриархе Писание говорит: *и приложися ко отцем своим, воспитан быв в старости добре*

(Быт. XXV, 8). А что и души грешников по смерти не могут здесь пребывать, послушай богача, который много о том просил и не получил желаемого. Если бы это возможно было, то он сам пришел бы и возвестил о происходящем там. Отсюда видно, что души, по отшествии отсюда, уводятся в некую страну и, уже не имея возможности возвратиться оттуда, ожидают страшного того дня.

Но, может быть, кто спросит: для чего Христос исполнил просьбу демонов, позволив им войти в стадо свиное? Я скажу на это то, что Он сделал так не потому, чтобы убежден был ими, но по многим премудрым целям. Во-первых, для того, чтобы освободившимся от этих злых мучителей показать величие вреда, причиняемого им этими злоумышленниками; во-вторых, для того, чтобы всех вразумить в том, что бесы без Его позволения не смеют даже прикасаться и к свиньям; в-третьих, для того, чтобы дать знать, что с людьми бесы поступили бы даже еще хуже, нежели со свиньями, если бы те в таком несчастье не удостаивались великого промышления Божия. Что бесы ненавидят нас более, нежели бессловесных животных, это всякому известно. Следовательно, если они не пощадили свиней, но в одно мгновение всех их низвергли в бездну, то тем более сделали бы это с обдержимыми ими людьми, которых они таскали и влачили по пустыням, если бы провидение Божие, и при самом жестоком мучении, не обуздывало и не удерживало дальнейшего их стремления. Отсюда ясно, что нет ни одного человека, о котором бы не промышлял Бог. Если же Он и не о всех печется одинаковым образом, то и это есть величайший знак Его промысла. Бог являет промысл Свой сообразно с пользою каждого. Сверх же сказанного, мы научаемся отсюда еще и тому, что Бог промышляет не только о всех вообще, но и о каждом человеке

в частности, — что показал Господь и в отношении к ученикам Своим, сказав: *вам же и власи главнии изочтени суть* (Мф. X, 30). То же самое всякий ясно может видеть и из примера этих бесноватых, которые давно были бы уже задушены, если бы не были свыше сохраняемы великим попечением. По этим-то причинам Спаситель и позволил бесам войти в стадо свиное, чтобы и жители тех стран познали Его всемогущество. Где известно было имя Его, там Он не очень много показывал Себя; но где никто не знал Его и все пребывали в бесчувствии, там Он совершал славные чудеса, чтобы привлечь их к познанию Своего божества. А что жители того города находились в бесчувствии, это видно из конца происшествия. Им надлежало бы поклониться Христу и удивиться Его могуществу, а они отсылали Его и *молиша* отойти *от предел их* (ст. 34). Но для чего демоны погубили свиней? Бесы постоянно стараются привесть людей в отчаяние и всегда радуются их гибели. Так диавол поступил и с Иовом. Хотя и здесь позволил Бог, но позволил не потому, что был убежден диаволом, а для того, чтобы еще более прославить раба Своего, отнять у диавола всякий предлог к бесстыдству, и обратить на его же главу его поступки с праведником. Так и в настоящем случае случилось противное их желанию. И могущество Христа торжественно проповедано было, и злоба демонов, от которой освободил Он одержимых ими, яснее обнаружилась, и открылось то, что они без попущения Бога всяческих не могут прикасаться даже и к свиньям.

4. Никому нимало не возбраняется разуметь эту историю в таинственном смысле. Хотя это и история, но следует знать, что люди, уподобляющиеся свиньям, легко уловляются действием бесов, и страждущие от них часто могут побеждать их, если только они люди. Но когда совершенно уподобятся свиньям, тогда не только

бывают одержимы бесами, но и низвергаются в бездну. Сверх того, чтобы кто-нибудь происшествия этого не назвал баснею, но чтобы совершенно поверил исшествию бесов, для этого оно доказывается погибелью свиней. Заметь кротость Иисуса Христа, соединенную с могуществом! Когда жители той страны, столь облагодетельствованные Им, принуждали Его удалиться, то Он без сопротивления удалился и оставил показавших себя недостойными Его учения, дав им наставниками освобожденных от демонов и — пасших свиней, чтобы узнали от них о всем случившемся, а сам, удалившись, оставил их в великом страхе. Действительно, великая потеря распространяла слух о случившемся, и событие это занимало их ум. Отовсюду неслись слухи о необыкновенном чуде и от исцелившихся, и от хозяев потопленных свиней, и от пастухов их. И ныне можно видеть такие происшествия и множество бесноватых, живущих во гробах, которых ничто не удерживает от неистовства: ни железо, ни оковы, ни множество народа, ни увещание, ни убеждение, ни страх, ни угрозы и ничто другое подобное. Так, когда сладострастный пленяется всякой красотой телесной, тогда он ничем не различается от беснующегося. Будучи облечен одеждой, но не имея истинного одеяния и лишенный приличной ему славы, он всюду бегает обнаженным, подобно бесноватому, поражая себя не камнями, но беззакониями, которые гораздо тяжелее многих камней. Итак, кто сможет связать и укротить столь бесстыдного и неистового, никогда не бывающего в самом себе, но всегда ходящего при гробах. Подлинно таковы жилища блудников, исполненные великого зловония и гнилости. А что сказать о сребролюбце? Не таков ли и он? Кто может когда-либо связать его? Каждодневные страхи, угрозы, увещания и советы? Но он все эти узы расторгает и, если кто придет освободить его от уз,

заклинает не освобождать его, почитая величайшим для себя мучением не быть в мучении. Что может быть бедственнее этого? Бес, хотя презирал людей, но повелению Христову покорился и немедленно вышел из тела. А этот не повинуется и повелению Христову, хотя Он каждодневно слышит Его слова: *не можете Богу работати и мамоне* (Мф. VI, 24), и угрозы геенной и нестерпимыми мучениями, и все-таки не повинуется — не потому, что он могущественнее Христа, но потому, что Христос против нашей воли не ведет нас к исправлению. Вот потому такие люди, и живя в городах, живут как бы в пустынях. В самом деле, какой благоразумный человек захочет обращаться с такими людьми? Я, по крайней мере, желал бы лучше жить со множеством беснующихся, нежели с одним из страждущих такою болезнью. А что я не заблуждаюсь, это видно из тех страданий, какие претерпевают сребролюбцы и беснующиеся. Сребролюбцы считают врагом своим человека, не причинившего им никакого вреда, желают сделать рабом свободного и ввергают его в бесчисленные бедствия; напротив, беснующиеся ничего другого не делают, как только в самих себе питают болезнь. Первые ниспровергают множество домов, заставляют хулить имя Божие, являются заразой городов и всей вселенной; а мучимые бесами более достойны сожаления и слез. Эти последние многое делают в бесчувствии; напротив, первые, имея ум, безумствуют, среди городов неистовствуют и беснуются некоторым новым бешенством. В самом деле, все беснующиеся делают ли что-либо подобное тому, на что дерзнул Иуда, совершивший неслыханное преступление? И все ему подражающие, подобно диким зверям, убежавшим из ограды, возмущают города, никем не будучи удерживаемы. Хотя они отовсюду обложены узами, как то: страхом судей, угрозой законов, презрением от людей и многим еще

другим, – но они, разрывая их, все низвращают. И если бы кто совершенно отнял от них те узы, тогда ясно увидел бы в них беса гораздо лютейшего и жесточайшего, нежели каков исшедший из упомянутого ныне бесноватого.

5. Но так как это невозможно, то, по крайней, мере предположим это на словах, и снимем с сребролюбца те оковы, и тогда ясно познаем его крайнее неистовство. Впрочем, не бойтесь зверя, когда я открою его, – это только изображение на словах, а не истинная действительность. Итак, представим себе человека, извергающего из очей своих огонь, черного, вместо рук имеющего на обоих плечах своих висящих драконов; представим у него такие уста, в которых вместо зубов вонзены острые мечи, а вместо языка находится источник, изливающий яд и испускающий смертоносное питье; представим, что чрево его пожирает более всякой печи, истребляет все ввергаемое, а ноги как бы крылатые и быстрее всякого пламени. Пусть лицо его будет составлено из собачьего и волчьего; пусть он не будет произносить ничего человеческого, но будет издавать из себя звуки нестройные, отвратительные и страшные; пусть также и в руках у него будет пламень. Может быть, вам представляется страшным сказанное мной; но я еще не изобразил его надлежащим образом. К сказанному надобно присовокупить и еще нечто: пусть он поражает встречающихся с ним, пожирает и терзает плоть их. Но сребролюбец гораздо хуже и такого чудовища. Он нападает на всех, все поглощает подобно аду, всюду ходит, как общий враг рода человеческого. Ему хочется, чтобы не было ни одного человека, чтобы ему одному обладать всем. Мало того, он и на этом не останавливается. Но когда всех истребит, по своему желанию, тогда желает истребить самое существо земли и увидеть на месте ее золото; и не землю

только, но и горы, и леса, и источники, словом, все видимое. А чтобы вам знать, что мы еще не вполне изобразили его неистовство, — представьте, что никто не будет обвинять и устрашать его, уничтожьте, по крайней мере, на словах страх со стороны законов, — и вы увидите, как он, схватив меч, истребляет всех, не щадя никого, ни друга, ни родственника, ни брата, ни самого родителя. Вернее же, не нужно делать никакого и предположения, а спросим его самого: не строит ли он всегда таковые мечты в своем воображении и не нападает ли на всех, умерщвляя мысленно и друзей, и родственников, и самих родителей? Но даже нет нужды и спрашивать его; всем известно, что одержимые недугом корыстолюбия тяготятся старостью отца, а приятное и вожделенное для всех чадородие почитают тяжким и несносным. Многие из-за этого находят удовольствие в бесчадии, делают естество свое бесплодным, не только умерщвляя родившихся детей, но и не давая им зародиться. Итак, не удивляйтесь, если я так изобразил вам сребролюбца (он гораздо даже хуже, нежели мы его представили), но посмотрим, как нам освободить его от беса. Как же мы освободим его, если он ясно узнает, что сребролюбие вредно ему и для самого стяжания богатства? В самом деле, желающие приобресть малозначащее всегда претерпевают великий ущерб, — почему об этом даже сложилась и пословица. Так многие, желая давать взаймы с большими процентами, в надежде получить от того прибыток, но не испытавши тех, которые берут взаймы, нередко вместе с прибытками лишались и всего собственного достояния. Другие, подвергшись каким-либо опасностям и не захотев лишиться малого, погубили с имуществом и самую душу; а иные, тогда как могли приобресть за деньги выгодные достоинства или что-нибудь другое тому подобное, по чрезмерной скупости своей

всего лишились. Так как они сеять не умеют, а всегда заботятся только о собирании плодов, то часто и не получают их. Невозможно ведь всегда собирать плоды; так точно невозможно постоянно и приобретать сокровища. Вот почему корыстолюбцы, не желая расточать, не умеют и приобретать. Когда им нужно бывает и жениться, то и тогда встречают те же самые невыгоды, потому что они или обманываются, когда берут за себя бедную вместо богатой, или, если берут и богатую, но с бесчисленными недостатками, опять терпят величайший вред. Подлинно, не изобилие имущества, но добродетель производит богатство. Что пользы в богатстве, когда жена расточительница и мотовка и все имущество уносит быстрее ветра? Что пользы, когда она будет распутна и заведет себе бесчисленное множество любовников? Что пользы, когда будет предаваться пьянству? Не сделает ли она вскоре же мужа своего беднейшим из всех? Но не при женитьбе только обманываются сребролюбцы, а и при покупке рабов, когда они, по великой скупости, стараются купить не трудолюбивых, но дешевых. Итак, представив все это в уме своем (ведь не можете еще слушать слов о геенне и царствии) и размыслив о тех неудачах, какие вы, по своему корыстолюбию, часто претерпеваете и при отдаче денег в рост, и при покупке, и при женитьбе, и в начальственных отношениях, и во всем прочем, — оставьте пристрастие к богатству. Тогда вы безопасно будете проводить и настоящую жизнь, и, несколько преуспев, будете в состоянии слушать учение мудрости, и, несколько прояснив взор, узрите самое Солнце правды, и получите блага, обещанные Господом, которых все мы да сподобимся быть причастниками благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIX

И влез в корабль, прейде, и прииде во Свой град. И се принесоша Ему разслаблена на одре лежаща; и видев Иисус веру их, рече разслабленному: дерзай, чадо, отпущаются греси твои (Мф. IX, 1, 2)

1. Собственным городом Иисуса Евангелист называет здесь Капернаум. Город, в котором Христос родился – Вифлеем; в котором воспитан – Назарет; а в котором имел постоянное пребывание – Капернаум. Расслабленный, о котором здесь говорится, не тождествен с упоминаемым у Иоанна. Тот лежал при купели, а этот в Капернауме. Тот страдал тридцать восемь лет, а об этом ничего подобного не сказано. О том никто не заботился, а у этого были люди, заботившиеся о нем, которые и принесли его ко Христу. Этому Спаситель сказал: *чадо, отпущаются греси твои,* а тому: *хощеши ли, цел быти* (Ин. V, 6)? Того исцелил в субботу, а этого не в субботу; иначе иудеи не упустили бы случая обвинить Его. При исцелении этого они ничего не говорили, а за исцеление первого не переставали гнать Его. На эти различия я указал не напрасно, но для того, чтобы кто-либо, приняв обоих расслабленных за одно лицо, не подумал, что евангелисты разногласят между собой. Но обрати внимание на смирение и кротость Господа. Он и прежде отдалял от Себя народ и, когда жители страны Гадаринской не хотели принять Его к себе, Он не воспротивился им, но удалился от них, хотя и недалеко. И, взойдя опять на корабль, переправился на другую сторону, тогда как мог сделать это и без помощи корабля. Он не всегда хотел творить чудеса, чтобы не нарушить порядка Своего домостроительства. Матфей говорит только, что расслабленного принесли; а другие евангелисты прибавляют, что принесшие раскрыли и кровлю и, спустив больного, поставили его перед Хрис-

том, не говоря ничего, а все оставляя на волю Спасителя. Прежде Господь Сам обходил страны и не требовал такой веры от приходящих к Нему; а теперь к Нему и пришли, и обнаружили перед Ним веру свою, – Евангелист именно говорит: *видев Иисус веру их*, то есть тех, которые спустили расслабленного. Спаситель не всегда требовал веры от самих страждущих, например когда они страдали сумасшествием или лишились ума по причине какой-нибудь другой болезни. Но здесь и больной обнаружил свою веру. Иначе, не имея веры, он не позволил бы и спустить себя.

Итак, поскольку и расслабленный, и принесшие его показали великую веру, то и Господь явил Свою силу, отпустил грехи больному, как имеющий на то полную власть. Он во всем показывал Свое одинаковое достоинство с Богом Отцом. Прежде Он показал это в Своем учении, когда учил народ, как имеющий власть; над прокаженным, когда сказал ему: *хощу, очистися* (Мф. VIII, 3); над сотником, когда за слова его: *рцы слово токмо, и исцелеет отрок мой* (там же, ст. 8), удивился ему и превознес его перед всеми; над морем, когда укротил его одним словом; над демонами, когда они исповедали Его Судиею и когда Он с великой властью изгнал их. А теперь опять иным, высшим образом принуждает врагов Своих признать Свое равночестие с Богом Отцом и возвещает это их устами. Спаситель был чужд любочестия, несмотря на то, что перед Ним предстояло великое множество народа, который заграждал даже вход к Нему, почему и расслабленного спустили сверху; Он не тотчас приступает к исцелению тела явившегося перед Ним больного, но от самих врагов ожидает к тому повода и сперва врачует невидимое, то есть душу, отпустив грехи, – что самое доставило расслабленному исцеление, а Исцелившему не принесло большой славы. Книжники, снедаемые злобой и думая обвинить

Его в богохульстве, против своей воли способствовали, однако, прославлению совершившегося чуда. Спаситель по Своей прозорливости воспользовался их хулой для показания знамения. Когда они возмущались и говорили: *сей хулит: кто может оставляти грехи, токмо един Бог* (ст. 3, Мк. II, 7), – что тогда Господь сказал им в ответ? Опроверг ли их мнение? Если бы Он не был равен Отцу, то Ему надлежало бы сказать: для чего вы составляете обо Мне неправильное мнение? Я не имею такого могущества. Но Он не сказал ничего подобного, а подтвердил и доказал совершенно противное как словами Своими, так и сотворенным чудом. Но так как собственный отзыв Его о Себе мог казаться неприятным для слушателей, то Он через других показывает, кто Он, и, что удивительно, не только через друзей, но и через врагов, в чем открывается Его высочайшая мудрость. Через друзей Господь показал это, когда сказал прокаженному: *хощу, очистися*, и сотнику: *ни во Израили толики веры обретох* (Мф. VIII, 3, 10); а через врагов – при настоящем случае. Так как книжники говорили, что никто не может оставлять грехов, кроме одного только Бога, то Спаситель, желая показать им, *яко власть имать Сын человеческий на земли отпущати грехи (тогда глагола разслабленному):* восстав, *возми одр твой, и иди в дом твой* (Мф. IX, 6). И не только здесь, но и в другом случае, когда иудеи говорили: о *добре деле камение не мещем на тя, но о хуле, и яко ты, человек сый, твориши себе Бога* (Ин. X, 33), Спаситель не опроверг такого их мнения о Нем, но опять подтвердил его, сказав: *аще не творю дела Отца Моего, не имите Ми веры; аще ли творю, аще и Мне не веруете, делом Моим веруйте* (Ин. X, 37, 38).

2. Впрочем, при исцелении расслабленного Иисус Христос представляет и другое немаловажное доказательство Своей божественности и равночестия с Богом Отцом. Книжники говорили, что власть отпускать

грехи принадлежит одному Богу, а Он не только отпускает грехи, но еще прежде обнаруживает в Себе другое свойство, приличное единому Богу, именно — открывает тайны сердечные. Книжники не обнаружили перед всеми своих мыслей: *се*, говорит евангелист, *нецыи от книжник реша в себе: сей хулит. И видев Иисус помышления их, рече: вскую вы мыслите лукавая в сердцах своих* (ст. 3, 4)? А что ведение тайн сердечных принадлежит единому Богу, об этом, — послушай, — что говорит Соломон: *ты веси сердца един* (2 Пар. VI, 30), равно как Давид: *испытаяй сердца и утробы Бог* (Пс. VII, 10), и Иеремия: *глубоко сердце паче всех, и человек есть, и кто познает его* (Иер. XVII, 9)? И сам Бог говорит: *человек зрит на лице, Бог же на сердце* (1 Цар. XVI, 7). И из других мест Писания можно видеть, что одному Богу свойственно знать тайны сердца. Итак, желая показать, что Он есть Бог, равный Богу Отцу, — то, о чем книжники помышляли в себе (а они, опасаясь народа, не смели обнаружить своих мыслей перед всеми), Он открыл и обнаружил, являя и здесь великую кротость. *Вскую*, говорит Он, *вы мыслите, лукавая в сердцах своих?* Если кто мог негодовать, то разве один больной, как обманувшийся в своей надежде. Он мог сказать: я пришел для того, чтобы Ты исцелил меня от расслабления, а Ты врачуешь другое; чем я могу увериться в том, что мне отпускаются грехи? Но он ничего подобного не говорит, но предает себя во власть Исцеляющего. Между тем книжники по своей гордости и зависти порицают самые благодеяния Его, оказанным другим. Потому-то Спаситель и обличает их, впрочем, с кротостью. Если вы не верите первому доказательству Моей божественности и почитаете слова Мои тщеславием, то вот Я присовокупляю к нему и другое: открываю ваши тайны. Затем Он представляет еще новое доказательство. Какое же это? Он укрепил тело расслабленного. Когда Он го-

ворил расслабленному, то не ясно обнаружил власть Свою, так как не сказал: Я отпускаю тебе грехи, но – *отпущаются греси твои*; а когда нужно было уверить в этом врагов, яснее показывает власть Свою, говоря: *но да увесте, яко власть имать Сын человеческий на земли отпущати грехи.* Видишь ли, как Он желал, чтобы Его почитали равным Богу Отцу? Он не сказал, что Сын человеческий имеет нужду в помощи другого или что Он получил власть от другого, но говорит: *власть имать.* И говорит это не по честолюбию, но для того, чтобы убедить врагов в том, что Он не богохульствует, делая Себя равным Богу Отцу. Господь везде желает представлять ясные и неопровержимые доказательства; так, например, очистившемуся от проказы говорит: *шед, покажися иереови* (Мф. VIII, 4). Теще Петровой дарует силы служить Ему и свиньям попускает низринуться в море. Так точно и здесь, в доказательство отпущения грехов расслабленному, укрепляет его тело, а в доказательство укрепления тела заставляет его нести одр, чтобы сотворенного Им чуда не почли за обман. И не прежде исцеляет расслабленного, как предложив книжникам вопрос: *что есть удобнее рещи: отпущаются твои греси, или рещи*: возьми одр твой, и иди в дом твой (ст. 5)? Эти слова имеют такой смысл: что вам кажется легче, тело ли исцелить от расслабления или душу освободить от грехов? Очевидно, что исцелить тело. Насколько душа превосходнее тела, настолько и отпущение грехов – дело большее, чем исцеление тела. Но так как исцеления души нельзя видеть, а исцеление тела очевидно, то Я присоединяю к первому и последнее, которое хотя ниже, но очевиднее, чтобы посредством его уверить в высшем – невидимом. Таким образом, Спаситель еще прежде самими делами показал на Себе то, что после сказал о Нем Иоанн: *яко Той вземлет грехи мира* (Ин. I, 19).

3. Итак, восставив расслабленного, Господь посылает его в дом. Здесь Он опять показывает Свое смирение и снова подтверждает, что сотворенное Им чудо не есть мечта: тех, которые были свидетелями болезни расслабленного, делает свидетелями и его здравия. Как бы так говорил Он: Я желал бы через твою болезнь исцелить и тех, которые почитают себя здоровыми, а на самом деле больны душою; но поелику они не хотят того, то *иди в дом твой*, и исправляй тех, которые там находятся. Видишь ли, как Господь показывает что Он есть Творец души и тела? Он исцеляет больного от расслабления и духовного и телесного и невидимое открывает посредством видимого. И, однако, свидетели все еще пресмыкаются долу. *Видевше же народи*, говорит Евангелист, *чудишася и прославиша Бога, давшаго власть таковую человеком* (ст. 6). Плоть препятствовала им вознестись горе. Между тем Спаситель не укоряет их, но продолжает делами Своими возбуждать их от усыпления и возносить ум их на высоту. И то уже немаловажно было, что они поставляли Его выше всех людей и почитали пришедшим от Бога. Если бы эта мысль как следует утвердилась в их уме, то мало-помалу наконец они узнали бы и то, что Христос есть Сын Божий. Но они не познали этого ясно, почему не могли и прийти к Нему. Впоследствии они опять говорили: *сей человек несть от Бога* (Ин. XI, 16), *како сей от Бога есть?* и часто обращались к этой мысли, чтобы найти в ней защиту для своих страстей. Так многие поступают и ныне. Выдавая себя за строгих ревнителей славы Божией, они удовлетворяют собственным страстям, тогда как надлежало бы во всем поступать с кротостью. В самом деле, Бог всяческих, Который мог бы поразить молнией хулящих Его, повелевает восходить солнцу, ниспосылает дождь и все блага подает с щедростью. Подражая Ему, и мы должны просить, увещевать и

внушать с кротостью, без гнева и ярости. Богохульство не унижает величия Божия и потому не должно побуждать тебя к ярости. Кто богохульствует, тот наносит раны самому себе. Итак, тебе должно воздыхать и плакать, потому что эта болезнь достойна слез, и человека, зараженного ей, не иначе можно исцелить, как кротостью. Кротость сильнее всякого насилия. Посмотри, с какой кротостью сам Бог, как в Ветхом, так и в Новом Завете, взывает к оскорбившим Его. Там Он говорит: *людие Мои, что сотворих вам* (Мих. VI, 3)? А здесь: *Савле, Савле, что Мя гониши* (Деян. IX, 4)? Равно и Павел повелевает наставлять противников с кротостью. И сам Христос, когда приступали к Нему ученики, прося у Него позволения низвести огонь с неба, сделал им сильный упрек, говоря: *не весте, коего духа есте вы* (Лк. IX, 55)! Подобным образом и в настоящем случае Он не сказал книжникам: о нечестивцы и обманщики, о ненавистники и враги человеческого спасения! Но сказал только: *вскую вы мыслите лукавая в сердцах ваших* (Мф. IX, 4)? Итак, с кротостью должно избавлять от болезни. Кто из-за страха человеческого сделался лучшим, тот вскоре опять возвратится к прежнему несчастью. Потому Господь не велел исторгать и плевел, чтобы дать время для покаяния. Многие, таким образом, покаялись к добру, тогда как прежде были нечестивы, как то: Павел, мытарь и разбойник. Будучи прежде плевелами, они потом сделались зрелой пшеницей. Хотя в семенах такой перемены быть не может, но в воле человеческой она легко и удобно произойти может, поскольку она не связана узами необходимости, но одарена свободой. Итак, когда ты увидишь врага истины, исцели его, позаботься о нем, возврати к добродетели, подавай наилучший пример своей жизнью, наставляй неукоризненным словом, покровительствуй, и имей попечение, и употребляй все средства к исправлению, подражая наилуч-

шим врачам. Ведь и врачи не всегда одним только способом врачуют болезни; но когда видят, что рана не исцеляется одним лекарством, прилагают другое, а если нужно, третье; иногда рассекают, а иногда обвязывают. Так и ты, сделавшись врачом души, пользуйся всяким способом врачевания по заповедям Христовым, чтобы получить тебе награду и за свое спасение, и за то, что ты доставлял пользу другим. Все делай во славу Божию: таким образом и сам прославишься. *Прославляющия Мя*, говорит Господь, *прославлю*, и уничижающие Меня уничижены *будут* (1 Цар. II, 30). Итак, будем все делать во славу Божию, чтобы сделаться наследниками блаженной той участи, которой да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXX

И преходя Иисус оттуду, виде человека на мытнице седяща, Матфеа глаголема, и глагола ему: гряди по Мне (Мф. IX, 9)

1. Сотворив чудо над расслабленным, Христос не остался в Капернауме, чтобы Своим присутствием не возжечь в книжниках еще большей зависти; но в угождение им и для укрощения этой их страсти удаляется. Так и нам не должно раздражать врагов своих своим пребыванием с ними, но, чтобы смягчить гнев их, надобно уступать и удаляться от них. Но почему Спаситель не в одно время с Петром, Иоанном и другими призвал Матфея? Потому, что как к тем Иисус пришел в то время, когда они способны были послушать Его, так и Матфея призвал тогда, когда он готов был идти за Ним. По той же причине и апостола Павла призвал по воскресении. Знавший *сердца* и ведавший сокровенные

мысли каждого человека знал, когда кто из них будет готов последовать Ему. Потому и Матфея призвал не вначале, когда он был еще мало восприимчив, но после того, как сотворил великое множество чудес, и когда слава о Нем распространилась всюду, и Матфей сделался способнее к повиновению. Достойно также удивления и любомудрие Евангелиста Матфея. Он не только не скрывает прежней своей жизни, но и называет себя по имени, тогда как другие скрывали свое имя под другим наименованием. Для чего же Евангелист сказал: *на мытнице седяща*! Для того, чтобы показать могущество Господа, Который призвал его не после того как он оставил свой бесчестный торг и перестал заниматься им, но исхитил его из среды зол, так же как и блаженного Павла обратил тогда, когда он неистовствовал, дышал яростью и злобой на Церковь. Об этом и сам Павел, желая показать могущество Призвавшего его, пишет к Галатам: *слышасте мое житие иногда в жидовстве, яко попремногу гоних церковъ Божию* (Гал. I, 13). И рыбарей Господь призвал тогда, когда они занимались своим ремеслом. Но их ремесло не заключало в себе ничего бесчестного; оно было свойственно людям необразованным и простым. Напротив, ремесло мытарей было позорно и бесстыдно. Это – корысть, ничем не извиняемая, бесчестная нажива, хищение под видом закона. И, однако, ничего этого Призвавший не устыдился; и удивительно ли, что Он не устыдился мытаря, когда Он не только не устыдился призвать блудницу, но и не возбранил ей облобызать и омочить слезами ноги Его? Для того Он и пришел, чтобы уврачевать не только тело, но и душу исцелить от зла. Так поступил Он и с расслабленным. Ясно показав при совершении этого чуда, что Он может отпускать грехи, Спаситель затем призывает и Матфея, чтобы другие, видя, что Он принимает в число учеников Своих мытаря, уже не

смущались. Если Он имеет власть отпускать все грехи, то чему же удивляться, если Он и мытыря делает апостолом? Но, познав могущество Призвавшего, познай теперь и послушание призванного. Он не воспротивился, не усомнился и не сказал: что это значит, ужели Господь зовет меня, столь великого грешника? – такое смирение было бы неуместно, – но тотчас повиновался, и даже не обнаружил желания идти в дом и посоветоваться, об этом с родственниками, как поступили и рыбари. Как те оставили и сети, и лодку, и отца, так и Матфей оставил свое ремесло и прибыль, пошел вслед Иисуса, показывая полную готовность ко всему, и, вдруг открекшись от всего житейского, совершенным повиновением подтвердил благовременность своего призвания. Но почему же, спросишь, нигде не сказано о том, как призваны прочие апостолы, а говорится только о призвании Петра, Иакова, Иоанна и Филиппа? Потому что они имели презренные и низкие занятия: что в самом деле хуже звания мытаря, что маловажнее занятия рыбарей? А что и Филипп был незнатного происхождения, это показывает его отечество. Вот почему евангелисты преимущественно и повествуют о призвании этих учеников и их занятиях. Они хотели через это показать, что им должно верить и в повествованиях о делах важных. В самом деле, если они, повествуя о делах Учителя и учеников Его, не опускают ничего, что относилось, по-видимому, к их бесславию, а даже с особенной подробностью повествуют о том, то почему бы можно было подозревать их тогда, когда они говорят о делах славных? Если они умалчивают о многих знамениях и чудесах Иисуса, а между тем подробно повествуют о происшествиях, бывших при кресте, по-видимому, унизительных, и не стыдясь говорят о низких занятиях и бедном состоянии учеников, о предках Учителя, известных или по своим грехам, или по бедности, – то не

очевидно ли, что они весьма уважали истину и ничего не писали по пристрастию или из тщеславия?

2. Призвав Матфея, Христос удостоил его великой чести, тогда же приобщившись его трапезы. Через это Он подал ему благую надежду на будущее время и породил в нем большее упование. Не долговременным врачеванием, но вдруг исцелил болезнь души его. Впрочем, не с одним Матфеем возлежал Христос за столом, но и со многими другими. По-видимому, и это служило порицанием для Иисуса, что Он не удалял от Себя грешников; но евангелисты и этого не скрывают и говорят, что фарисеи осуждали Его за таковой поступок. К Матфею пришли многие мытари как к своему сотоварищу, потому что он, вменяя себе в честь посещение Христово, созвал всех их. Христос употреблял всякого рода врачевания. Он избавлял многих от болезней душевных не только тогда, когда учил, или исцелял больных, или обличал врагов, но и тогда, когда возлежал за столом, научая нас через то, что всякое время и всякое дело может нам доставлять пользу. И хотя все, что предлагалось на этой трапезе, было собрано неправдой и хищением, тем не менее Христос не отрекся быть ее участником; так как Его присутствие могло принести великую пользу, то Он согласился быть в одном доме и за одним столом с великими грешниками, хотя и навлек на Себя худую славу за то, что ел вместе с мытарем в доме мытаря и со многими мытарями. Такова ведь участь врача: если он не захочет переносить гнилого запаха от больных, то не может исцелить их от болезни. Смотри, как иудеи поносят Его за это: *се человек ядца и винопийца, мытарем друг и грешником* (Мф. XI, 19). Да услышат это все, кто постом старается приобрести себе великую славу, и да помыслят, что Владыку нашего называли ядцею и винопийцею, и Он не стыдился этого, но все оставлял без внимания, чтобы исполнить Свое

намерение, которое и совершил: мытарь переменился и таким образом, сделался лучшим. А чтобы тебе увериться, сколь великое значение имело для грешников соучастие Христа в их трапезе, послушай, что говорит Закхей, другой мытарь. Услышав от Христа слова: *днесь в дому твоем подобает Ми быти* (Лк. XIX, 5), он в восторге сказал: *пол имения моего дам нищим, и аще кого чим обидех, возвращу четверицею* (ст. 8). Тогда Иисус сказал ему: *днесь спасение дому сему бысть* (ст. 9). Таким образом, всеми способами можно наставлять других. Как же, скажешь ты, Павел повелевает: *аще некий, брат именуем, будет блудник, или лихоимец, с таковым ниже ясти* (1 Кор. V, 11)? Но, во-первых, из этих слов еще не видно, дает ли апостол такое наставление учителям или одним братьям. Затем, мытари не принадлежали ни к числу совершенных, ни к числу братьев. Сверх того, Павел повелевает удаляться таких братьев, которые не хотят отстать от своих пороков, а мытари перестали делать зло и переменились. Но фарисеев ничто не вразумило; они укоряют учеников Иисусовых, говоря: *почто с мытари и грешники Учитель ваш яст* (Мф. IX, 11)? В другом случае, когда им показалось, что ученики согрешали, фарисеи обращаются с укоризнами к самому Учителю, говоря: *се ученицы Твои творят, егоже не достоит творити в субботу* (Мф. XII, 2). Здесь же перед учениками клевещут на учителя. Все это они делали с худыми намерениями, желая отвлечь учеников от Учителя. Что же отвечает бесконечная Премудрость? Не *требуют*, говорит она, *здравии врача, но болящии* (Мф. IX, 12). Смотри, как Господь из слов фарисеев выводит совершенно противное заключение. Они поставляли Ему в вину общение Его с мытарями; а Он, напротив, говорит, что не иметь общения с ними — дело недостойное Его и несообразное с Его человеколюбием, и что исправлять таких людей есть дело не только не заслуживающее никакой

укоризны, напротив, весьма важное, необходимое и достойное бесчисленных похвал. Потом, чтобы не подумали, что Господь порицает призываемых, называя их болящими, смотри, как Он опять смягчает слова Свои, когда в обличение фарисеев говорит: *шедше научитеся, что есть, милости хощу, а не жертвы* (ст. 13). Он сказал это для того, чтобы укорить их в незнании Писания, и употребил строгое слово не потому, будто бы Сам гневался на фарисеев, но чтобы вывести мытарей из сомнения. Он мог бы сказать: или вы не знаете, как Я отпустил грехи расслабленному? Как укрепил его тело? Но ничего такого Он не говорит, а сначала употребляет доказательство общее, а потом приводит слова Писания. Сказавши: *не требуют здравии врача, но болящии*, и таким образом скрытно назвав Себя врачом, присовокупил: *шедше научитеся, что есть, милости хощу, а не жертвы* (Ос. VI, 6). Так поступает и апостол Павел. Употребив сперва общие доказательства в подтверждение своей мысли и сказав: *кто пасет стадо, и от млека* его *не яст* (1 Кор. IX, 7), он приводит потом и слова Писания, говоря: *в законе бо Моисееве писано: да не заградиши устен вола молотяща* (Втор. XXV, 4); и еще: *тако Господь повеле проповедающим благовестие от благовестия жити* (1 Кор. IX, 14). Но учеников Своих Спаситель убеждает не так; Он напоминает им о Своих знамениях, говоря: *не у ли помните пять хлебы пятим тысящам, и колико кош взясте* (Мф. XVI, 9)?

8. А с фарисеями Христос поступает иначе; им напоминает Он об общей немощи, показывает, что и они сами немощны, потому что не знают Писания и, пренебрегая прочими добродетелями, все свое служение Богу ограничивают одними жертвами. На это-то преимущественно указывая, Спаситель в кратких словах заключает то, что говорили все пророки. *Научитеся*, говорит Он, *что есть, милости хощу, а не жертвы*. Этими

словами Он вразумляет их, что не Он поступает несправедливо, но они; как бы так говорил: за что вы обвиняете Меня? За то ли, что я исправляю грешников? Но в таком случае вы обвиняете в том же и Отца Моего. Итак, словами: *шедше научитеся, что есть, милости хощу, а не жертвы,* Он выражает ту же самую мысль, которая заключается и в других словах Его: *Отец Мой доселе делает и Аз делаю* (Ин. V, 17). Как Отец, говорит Он, хочет этого, так и Я. Видишь ли, как Он одно представляет излишним, а другое необходимым? Он не сказал: милости хочу и жертвы, но – *милости хощу, а не жертвы:* одно одобрил, а другое отверг и тем показал, что обращение с грешниками, за которое Его обвиняли, не только не воспрещено, но еще предписано законом и даже предпочитается жертвам; и в доказательство этого приводит самое место из Ветхого Завета, в котором предписывается делать то же, что делал Иисус. Итак, опровергнув фарисеев и общими доказательствами, и свидетельством Писания, Он присовокупляет далее: не *приидох призвати праведники, но грешники на покаяние.* Эти слова Спаситель сказал в посмеяние фарисеев, подобно тому, как сказано: *се Адам бысть яко един от нас* (Быт. III, 22); и в другом месте: *аще взалчу, нереку тебе* (Пс. XLIX, 12). А что на земле не было ни одного праведного, о том ясно свидетельствует Павел, говоря: *вси бо согрешиша, и лишени суть славы Божией* (Рим. III, 23). С другой стороны, слова Христовы служили утешением и для призванных, – Он как бы так говорил: Я не только не гнушаюсь грешников, но для них одних и пришел. А чтобы не сделать их беспечными, для этого, сказав: *не приидох призвати праведники, но грешники,* не остановился на этих словах, но присовокупил: *на покаяние,* – то есть Я пришел не для того, чтобы грешники остались грешниками, но чтобы они переменились и сделались лучшими.

Итак, когда Христос совершенно заградил уста фарисеев доказательствами, заимствованными как из Писания, так и из обыкновенного порядка вещей, и они ничего не могли сказать Ему вопреки, – потому что, обвиняя Его, сами оказались виновными и противниками ветхозаветного закона, – то, оставив Его, они опять начинают обвинять учеников. Евангелист Лука говорит, что их обвиняли фарисеи (Лк. V, 17), а Матфей приписывает это ученикам Иоанновым. Но вероятно, что и те и другие обвиняли учеников Христовых. Можно думать, что фарисеи, не зная, что им делать, взяли с собой и учеников Иоанновых, как после брали иродиан. Действительно, ученики Иоанновы всегда завидовали Христу и противоречили Ему, и тогда только смирились, когда Иоанн ввержен был в темницу; тогда они пришли возвестить об этом Иисусу, но после опять возвратились к прежней зависти. Что ж они говорят? *Почто мы и фарисеи постимся много, ученицы же Твои не постятся* (Мф. IX, 14)? Вот та болезнь, которую Христос, предвидя могущее произойти от нее зло, врачевал прежде, говоря: *егда постишися, помажи главу твою, и лице твое умый* (Мф. VI, 17). Однако Он не укоряет учеников Иоанна и не называет их тщеславными и кичливыми, но со всей кротостью отвечает им, говоря: *не могут сынове брачнии* поститися, *елико время с ними есть жених* (Мф. IX, 15). Когда Христос защищал других, именно мытарей, то для утешения сокрушенного духа их сильно обличал поносителей; а когда укоряли Его и учеников Его, Он отвечает со всей кротостью. Смысл же слов, сказанных учениками Иоанна, следующий: пусть Ты, как врач, поступаешь так; но для чего ученики Твои, оставя пост, участвуют в таких трапезах? И, чтобы более придать силы обвинению, выставляют в пример, во-первых, себя, затем фарисеев, желая через сравнение увеличить вину учеников Иисуса. И мы и фарисеи, гово-

рят они, постимся много. Действительно, и те и другие постились, первые — научившись от Иоанна, вторые — из закона, как и фарисей говорил: *пощуся два краты в субботу* (Лк. XVIII, 12). Что ж отвечает Иисус? *Еда могут сынове брачнии поститися, елико время с ними есть жених?* Прежде Он наименовал Себя врачом, а теперь называет женихом, открывая этими наименованиями неизреченные тайны. Он мог бы сильнее обличить их такими словами: вы не имеете права постановлять законы касательно поста! Какая польза в посте, когда душа исполнена лукавства, когда обвиняете других, когда осуждаете их, сами имея бревна в глазах своих, и все делаете для того, чтобы показать себя? Прежде всего должно изгонять тщеславие и исполнять все добродетели, как то: любовь, кротость, братолюбие. Но Христос не говорит ничего такого, а со всей кротостью отвечает им: *не могут сынове брачнии поститися, елико время с ними есть жених*, — напоминая им через то слова Иоанна: *имеяй невесту жених есть; а друг женихов, стоя и послушая его, радостию радуется за глас женихов* (Ин. III, 29). Смысл же слов Христовых следующий: настоящее время есть время радости и веселия; итак, не делай его временем печали. А пост действительно имеет в себе нечто печальное, не по своему свойству, но потому, что ученики еще слабы, хотя, напротив, для желающих любомудрствовать он составляет приятное и вожделенное занятие. Как здравие тела доставляет великую радость, так и благосостояние души приносит еще большее удовольствие. Таким образом, Спаситель приспособил Свой ответ к их мыслям. Так и Исаия, говоря о посте, называет его смирением души (Ис. LVIII, 3), равно как и Моисей (Числ. XXX, 14).

4. Впрочем, не этим только Спаситель заграждает уста учеников Иоанновых, но и другим способом, когда говорит: *приидут дние, егда отмется от них жених, и тогда*

постятся. Этими словами Господь показывает, что это было не ради угождения чрева, но некоторого дивного смотрения; отвечая на слова противников, Он вместе с тем начинает предсказывать и о Своем страдании, заранее приучая учеников Своих помышлять о происшествиях, по-видимому, скорбных. Если бы Спаситель сказал об этом им самим, это было бы для них тяжко и прискорбно, – потому что и впоследствии речь о страдании приводила их в смущение. Но когда это говорилось другим, то для учеников слышать было менее тягостно. А так как и страдание Иоанна, как я думаю, надмевало учеников его, то настоящими словами Спаситель низлагает и это их высокомерие. Но о воскресении Своем Он не говорит еще ничего, потому что не пришло время. Умереть Ему, как человеку, каким обыкновенно почитали Его, было естественно, но воскреснуть – это выше естества. Далее Спаситель и здесь поступает так же, как поступил прежде. Как прежде тем, которые старались обвинить Его за то, что Он ест с грешниками, доказал противное, то есть что Его поступок не только не заслуживает обвинения, а, напротив, еще достоин похвалы, – так и теперь хотевшим обличать Его в том, что не умеет наставлять учеников Своих, показывает, что говорить так свойственно тем, которые без всякой причины поносят других и не умеют обращаться со своими последователями. *Никтоже бо*, говорит Он, *приставляет приставления плата небелена ризе ветсе* (ст. 16). Спаситель опять подтверждает слова Свои общими доказательствами. Смысл слов Его таков: ученики еще не утвердились и требуют большого снисхождения; они еще не обновились духом; а при таком их состоянии не должно налагать на них тяжких заповедей. Говоря это, Он дал ученикам Своим закон и правило, чтоб и они, когда будут принимать в число учеников своих всех живущих во вселенной, обращались с

ними с великой кротостью. *Ниже вливают вина нова в мехи ветхи* (ст. 17). Видишь ли, как эти примеры, – одежды и мехов, – сходны с употребленными и в Ветхом Завете? Так Иеремия называет народ чреслеником, и упоминает о вине и мехах (XIII, 11, 32). От этих вещей Спаситель заимствует примеры потому, что речь была о чревоугодии и трапезе. Евангелист Лука прибавляет еще, что и новое раздирается, если приложить его к старому. Видишь ли, что отсюда не только не происходит никакой пользы, а только еще больший вред? Говоря о настоящем, Христос вместе предвещает и будущее, – именно то, что ученики Его впоследствии времени обновятся; но доколе этого не будет, дотоле не должно возлагать на них никаких строгих и тяжких заповедей. Кто прежде надлежащего времени, говорит Христос, предлагает людям высокое учение, тот и в свое время уже не найдет их способными следовать ему, навсегда сделав их бесполезными. Это зависит не от вина и не от мехов, в которые оно вливается, но от неблаговременной поспешности вливающих. Употребив эти сравнения, Спаситель открыл нам и причину того, почему Он, беседуя с учениками Своими, часто употреблял о Себе скромные выражения. Сообразуясь с их немощью, Он много говорил такого, что было гораздо ниже Его достоинства. Об этом свидетельствует и Евангелист Иоанн, приводя слова Христовы: *много имам глаголати вам, но не можете носити ныне* (Ин. XVI, 12). Чтобы они не думали, что Он только то и может сказать им, что сказал, но представляли бы, что Он может сказать много и другого, гораздо важнейшего, – для этого Христос указал на их слабость, обещая сказать и остальное, когда они будут крепки. То же самое Спаситель выражает и здесь, говоря: *приидут дние, егда отымется от них жених, и тогда постятся*. Поэтому и мы в самом начале не должны от всех требовать всего,

но только того, что возможно, и тогда скорее достигнем и остального. Если ты спешишь и стараешься скорее окончить дело, то по тому самому и не должен спешить, что стараешься скорее окончить его. Если слова мои кажутся тебе загадочными, то познай это из самого свойства вещей и тогда легко увидишь всю силу их. Не смущайся, если кто неблаговременно будет обвинять тебя, — и здесь ведь фарисеи обвиняли и поносили учеников.

5. И, однако, ничто не побудило Христа переменить Свое мнение, и Он не сказал: стыдно одним поститься, а другим не поститься. Но как искусный кормчий не смотрит на разъяренные волны, а на свое искусство, — так и Христос поступил тогда: не того надлежало стыдиться, что они не постились, но что за пост получали смертельные раны, были биты и терзаемы. Представляя это, и мы должны поступать с домашними своими подобным образом, например с женой, любящей украшаться и намащать себя различными благовонными веществами, преданной излишней роскоши, болтливой и беспечной. Хотя нельзя думать, чтобы все пороки соединились в одной какой-либо женщине, но мы вообразим себе такую женщину. Для чего, скажут, жену, а не мужа представляешь ты? То правда, что есть и мужчины хуже такой женщины; но так как мужу дано право управлять женой, то мы и представим женщину, а не потому, будто женщины более развращенны. Действительно, и между мужчинами можно найти много таких пороков, каких нет у женщин, как, например, человекоубийство, расхищение гробниц, звероборство и многое тому подобное. Итак, не подумайте, что я делаю это из презрения к полу: совсем нет! Делаю я это потому только, что теперь полезно представить такой пример. Итак, положим, что существует такая жена, и пусть муж всячески старается исправить ее. Как же он исправит ее?

Он достигнет цели, если не вдруг все станет запрещать ей, но начнет с легчайшего, к чему она не особенно привязана. Если ты вдруг захочешь исправить ее, то нимало не успеешь. Итак, не отнимай у нее тотчас же драгоценных уборов, но позволь ей некоторое время пользоваться ими. Эти украшения можно считать меньшим злом в сравнении с разными притираниями и намащениями. Итак, сперва уничтожь притирания; да и это делай не страхом и угрозами, но убеждениями и ласками: говори, что за это осуждают, и произноси свой собственный суд и мнение и чаще напоминай ей, что тебе не только не нравится такое украшение лица, но и весьма неприятно; уверяй ее, что это очень огорчает тебя; потом, произнеся свой собственный суд, присоединяй к этому мнения других; говори, что это безобразит и красивых женщин, чтобы таким образом истребить страсть ее. Не говори ей ничего ни о геенне, ни о царствии, потому что напрасно будешь говорить об этом; но уверь, что она более тебе нравится в таком виде, в каком Бог сотворил ее; а когда она разглаживает, натирает и намащает лицо свое, то и другим не кажется красивой и благовидной. Итак, сперва убеждай ее общими доказательствами и врачуй болезнь, ссылаясь на общий суд. А когда смягчишь ее такими убеждениями, тогда уже говори ей и о геенне, и о царствии. И если много раз ты будешь говорить ей и она не послушает тебя, и тогда не переставай повторять слов своих, впрочем, не со враждой, но с любовью; и иногда показывай как бы недовольный вид, а иногда ласкай и угождай ей. Не видишь ли, как живописцы, желая начертать красивое лицо, то наводят, то стирают краски? Не поступай же хуже их. Если они, желая изобразить какое-либо тело, прилагают такое старание, то тем более нам при изображении души надлежит употребить все искусство. Если ты украсишь душу жены

своей, то не увидишь более на теле ее ни безобразного лица, ни окровавленных губ, ни уст, подобных устам медведицы, обагренных кровью, ни бровей, очерненных сажей, как бы от прикосновения к очагу, ни ланит, подобных стенам гробов повапленных: все это сажа, прах, пепел и знак крайнего безобразия.

6. Но я не приметил, как увлекся этими обличениями и, советуя другим учить кротко, сам уклонился к гневу. Итак, возвратимся опять к кроткому увещанию, будем переносить все слабости жен, чтобы только исправить в них то, что хотим. Не видишь ли, как мы переносим плач младенцев, когда желаем отнять их от сосцов, и все терпим для того только, чтоб отучить их от прежней пищи. Так будем поступать и с женщинами: все прочее будем сносить терпеливо, только бы отучить их от указанного порока. Когда ты исправишь этот порок, то и другие легко тебе будет исправлять; тогда ты можешь перейти к золотым украшениям и рассуждать о них таким же образом. И таким образом, мало-помалу вразумляя жену свою, ты будешь превосходным живописцем, верным рабом и добрым делателем. При этом напоминай и о древних женах: Сарре, Ревекке, о благообразных и неблагообразных, и доказывай, что все они были целомудренны. Так Лия, жена патриарха Иакова, не будучи красивой, не помышляла ни о каких прикрасах и, несмотря на то, что была неблаговидна и не слишком любима своим мужем, совсем не думала о таких вещах и не портила лица своего, а всегда сохраняла неизменными его черты, хотя была воспитана язычниками. А ты, верная, имея главой Христа, употребляешь для нас сатанинское ухищрение! Вспомни о воде, омывавшей лицо твое, о жертве, украшающей уста твои, о крови, обагряющей язык твой! Если все это представишь, то, как ни велика была бы твоя привязанность к украшениям, не дерзнешь и не захочешь этот прах и

пепел возложить на себя. Знай, что ты сочеталась с Христом, и удаляйся такого безобразия; Ему неприятны такие украшения; Он требует иной красоты — красоты душевной, которую весьма любит. Приобретать такую красоту и пророк повелевает тебе, говоря: *и возжелает Царь доброты твоея* (Пс. XLIV, 12). Итак, не будем безобразить себя ненужными украшениями; все творения Божии совершенны, и ни одно не имеет нужды в твоем поправлении. Если бы кто по своему произволу решился что-нибудь прибавить к выставленной картине, представляющей царя, тот за такую дерзость подвергся бы великому наказанию. Для чего же ты поправляешь творение рук Божиих, когда ничего не прибавляешь и к тому, что сделал человек? Верно, ты не представляешь геенского огня, верно, не чувствуешь пустоты в душе своей! Точно ты совершенно оставила в небрежении душу, потому что все попечение свое истощаешь на плоть свою. И что я говорю о душе? И самому телу вашему вы не доставляете того, о чем стараетесь. Смотри: ты желаешь казаться красивой, но твои украшения делают тебя безобразной; ты хочешь нравиться мужу, но это больше печалит его и как ему, так и другим подает случай осуждать тебя. Ты хочешь казаться молодой, но это скорее приведет тебя к старости. Ты желаешь похвалы, но это наносит тебе бесславие, потому что такая жена стыдится не только равных себе, но и рабов и рабынь, знающих ее, а прежде всех стыдится себя самой. Но что говорить об этом? Я опустил здесь самое тягчайшее зло: то, что ты оскорбляешь Бога, нарушаешь целомудрие, возжигаешь пламень ревности, подражаешь блудницам непотребного дома. Итак, представив все это, посмейтесь над сатанинской пышностью и диавольским ухищрением и, оставив эти украшения или, лучше, — безобразие, уготовьте красоту в душе своей, которая и ангелам вожделенна, и Богу любезна,

и вашим мужьям приятна, чтобы вам и в настоящем, и в будущем веке приобрести славу, которую все мы да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXI

Сия Ему глаголющу к ним, се князь некий пришед, кланяшеся Ему, глаголя: дщи моя ныне умре; но пришед возложи на ню руку Твою, и оживет (Мф. IX, 18)

1. За словами последовало и дело, чтобы тем более заградить уста фарисеев. Пришедший ко Христу был начальником синагоги, и его скорбь была самая тяжкая: у него одна только и была дочь, имевшая двенадцать лет и находившаяся в самом цвете возраста. Потому-то особенно Христос тотчас же воскресил ее. Если Евангелист Лука говорит, что некоторые из дома начальника синагоги, придя, говорили ему: *не движи Учителя, яко дщи умре* (Лк. VIII, 49), то мы должны сказать, что начальник синагоги называл дочь свою умершей или судя по продолжительности путешествия, или желая увеличить свое несчастье. Действительно, люди, которые просят помощи, имеют обыкновение увеличивать и представлять в большем виде свои действия, чтобы тем удобнее склонить на милость тех, кого они просят. Обратите внимание на грубость начальника синагоги. Он предлагает Христу две просьбы, — чтобы пришел и чтобы возложил руку. Это показывало, что он оставил дочь свою еще дышащей. Того же требовал от пророка и Нееман Сириянин: *глаголах*, говорит последний, яко изыдет *и возложит руку свою* (4 Цар. V, 11). Так люди грубые имеют нужду в видении и в вещах чувственных.

Евангелист Марк (V, 37) говорит, что Христос взял с Собой троих учеников, также и Лука (VIII, 57), но Матфей не определяет числа их. Почему же Господь не взял с собой Матфея, который только что присоединился к Нему? Для того, чтобы возбудить в нем сильнейшее желание, и потому, что он был еще несовершен. Христос одних предпочитает другим для того, чтобы последние старались уподобляться первым. Для Матфея довольно было и того, что он видел исцеление жены кровоточивой и удостоился быть за одной со Христом трапезой и иметь общение в пище. Когда же Иисус встал, многие последовали за Ним, как для того, чтобы посмотреть на великое чудо, так и по причине личного достоинства того, кто пришел к Иисусу, а равно и потому, что они по своей грубости не столько искали исправления душ, сколько исцеления тела. Таким образом, стеклось множество людей — одни будучи понуждаемы своими недугами, другие — желанием посмотреть на исцеление других; но для слушания словес и учения пришли очень немногие. Впрочем, Господь не позволил им войти в дом, но взял только учеников, да и то не всех, всюду научая нас избегать славы человеческой.

И се жена кровоточива дванадесяти лет, приступила *созади, и прикоснуся воскрилию ризы Его. Глаголаше бо в себе: аще токмо прикоснуся ризе Его, спасена буду* (Мф. IX, 20, 21). Почему же она не приступила к Нему с дерзновением? Потому что стыдилась болезни своей и почитала себя нечистой. Если женщина во время месячного очищения почиталась нечистой, то тем более могла почитать себя таковой страждущая такой болезнью. Болезнь эта, по закону, почиталась весьма нечистой. Вот почему кровоточивая скрывается и таится. Притом она не имела еще надлежащего и совершенного понятия об Иисусе; иначе она не думала бы, что может укрыться от Него.

Эта жена первая приходит к Иисусу Христу при народе, так как слышала, что Он и жен исцеляет и теперь идет к умершей отроковице. Призвать Христа в свой дом она не осмелилась, хотя была и богата: она даже не дерзнула явно и приступить к Нему, но тайно с верой прикоснулась к одежде Его; она не сомневалась и не говорила сама в себе: исцелюсь ли я от болезни или нет? – но приступила с твердой уверенностью, что получит исцеление. *Глаголаше бо*, говорит Евангелист, *в себе аще, токмо прикоснуся ризе Его, спасена буду*. Она видела, из какого дома Он вышел – из дома мытаря, и кто за Ним следовал – грешники и мытари; и все это произвело в ней благую надежду. Что же Христос? Он не захотел, чтобы она оставалась в неизвестности, но открыл и обнаружил ее по многим причинам. Некоторые безумные говорят, что Иисус Христос сделал это из любви к славе. Для чего, говорят они, Христос не оставил ее в неизвестности? Что ты говоришь, нечестивый и беззаконный? Неужели Тот любит славу, Кто и другим запрещает говорить, и Сам не упоминает о бесчисленных чудесах Своих? Итак, для чего же Он обнаруживает кровоточивую? Во-первых, Он освобождает ее от страха, чтобы она, угрызаемая совестью, как похитительница дара, не проводила жизнь в мучении. Во-вторых, исправляет ее, потому что она думала утаиться. В-третьих, открывает всем веру ее, чтобы и другие соревновали ей. Да и показать, что Он знает все, есть столь же великое чудо, как и остановить течение крови. Наконец, и начальника синагоги, который легко мог потерять веру, а с ней и все, исправляет примером жены. Действительно, пришедшие говорили: *не движи Учителя, яко дщи умре*, и находившиеся в дому смеялись над Иисусом, когда Он сказал, что девица спит; естественно, что и сам отец мог поколебаться в вере.

2. Чтобы предостеречь отца девицы от такой слабости, Христос и обнаруживает жену. А что отец отроковицы принадлежал к числу самых грубых людей, послушай, что Христос говорит ему: *не бойся, ты токмо веруй, и спасена будет* (Лк. VIII, 50). Спаситель с намерением медлит и приходит в дом тогда, когда девица уже умерла, чтобы ясно показать, что Он воскресил ее. Для того Он и медленно идет, и много разговаривает с женщиной, чтобы дать время умереть отроковице и прийти тем, которые возвестили о ее смерти и говорили: *не движи Учителя*. На это указывает и Евангелист, говоря: *еще Ему глаголющу*, пришли некоторые из дома (начальника синагоги), говоря: *умре дщи твоя, не движи Учителя* (Лк. VIII, 49). Христос хотел, чтобы они уверились в смерти отроковицы, дабы после не могли сомневаться в ее воскресении. Так поступает Он и во всех случаях. Так и к Лазарю приходит по прошествии трех дней после его смерти. Вот по каким причинам обнаруживает Он жену и говорит ей: *дерзай, дщи;* так же как и расслабленному сказал: *дерзай, чадо* (Мф. IX, 2). Женщина была объята страхом; поэтому Он и говорит: *дерзай,* и называет ее дщерью, – потому что вера сделала ее дщерью. Потом в похвалу ее говорит: *вера твоя спасе тя* (ст. 22). Евангелист Лука много и другого говорит нам об этой женщине. Когда она подошла, говорит он, и получила исцеление, Христос не тотчас после этого призвал ее, но прежде сказал: *кто есть коснувыйся Мне* (VIII, 45)? Потом, когда Петр и бывшие с ним говорили: *наставниче, народи одержат Тя и гнетут, и глаголеши: кто есть коснувыйся Мне* (что служило несомненным доказательством того, что Иисус облечен был истинной плотью и попирал всякую гордость: народ не в отдалении следовал за Ним, но отовсюду окружал Его), – Господь снова настойчиво повторил: *прикоснуся Мне некто: Аз бо чух силу, изшедшую из Мене* (ст. 46), – приспособляя

ответ Свой к грубым понятиям Своих слушателей. Он сказал это для того, чтобы заставить женщину добровольно сознаться в своем поступке. С намерением Он не тотчас изобличил ее, чтобы, показав, что он все знает, убедить ее добровольно рассказать все и заставить возвестить о случившемся, и чтобы не показаться подозрительным, если бы Сам стал говорить о том.

Видишь ли превосходство жены перед начальником синагоги? Она не удержала, не остановила Христа, но краями перст прикоснулась только к одежде Его; и, придя последней, первая ушла с исцелением. Начальник синагоги самого Врача ввел в дом свой; а для этой довольно было и одного прикосновения. Хотя она связана была узами болезни, но вера окрыляла ее. Смотри же, как Спаситель утешает ее: *вера твоя*, говорит Он, *спасе тя*. Если бы он обнаружил ее из честолюбия, то не присовокупил бы этих слов. Но Он говорит так для того, чтобы научить вере и начальника синагоги, и похвалить жену, а равно доставить ей радость и пользу, не меньшую телесного здравия. А что Христос поступил таким образом не для того, чтобы прославиться Самому, но чтобы прославить жену и исправить других, это видно и из того, что Он равно мог быть славным и без этого чуда (потому что чудеса Его превосходили своим множеством и самые капли дождевые, а также и потому, что Он и сотворил, и намерен был сотворить чудеса гораздо более славные, чем настоящие), между тем жена, если бы Христос не обнаружил ее, осталась бы в неизвестности и лишилась великих похвал. Вот почему Господь обнаружил ее, похвалил, освободил от страха (она, говорится, приступила с трепетом), ободрил ее и, даровав ей телесное здоровье, напутствовал желанием и других благ, сказав: *иди в мире*.

Пришед же *в дом княж, и видев сопцы и народ молящ, глагола: отыдите, не умре бо девица, но спит. И ругахуся Ему*

(ст. 23, 24). Хорошо отличали себя начальники синагоги: свирели и кимвалы возбуждают у них плач по умершей! Что же Христос? Он всех изгнал, кроме родителей, да и этих оставил только для того, чтобы не сказали, что не Он, а другой кто воскресил девицу. И прежде, нежели воскрешает ее, возбуждает словом, говоря: *не умре девица, но спит.* Он и во многих других случаях поступал подобным образом. И как на море сперва укоряет учеников Своих, так точно и здесь прежде освобождает предстоящих от мыслей, смущавших их, и вместе показывает, что для Него легко воскрешать умерших (как поступил Он и при воскрешении Лазаря, говоря: *Лазарь, друг наш, успе.* – Ин. XI, 11), и вместе научает не страшиться смерти, потому что смерть уже не есть более смерть, но стала сном. Так как Ему и самому надлежало умереть, то, воскрешая других, заранее приготовляет учеников Своих к мужеству и спокойному перенесению смерти, так как после Его пришествия смерть сделалась сном. Находившиеся в доме смеялись над Ним; но Он не оскорблялся тем, что они не верили чуду, которое Он намерен был вскоре сотворить, и не укорил смеющихся, чтобы и самый смех, и свирели, и кимвалы, и все прочее свидетельствовало о смерти девицы.

3. Так как люди часто не верят чудесам, которые уже совершились, то Господь наперед предохраняет их от такого неверия их же собственными ответами. Так было при воскресении Лазаря; так было и с Моисеем. Моисею Бог говорит: *что сие есть в руце твоей* (Исх. IV, 2)? – чтобы он, узрев змия, сделавшегося из жезла, не забыл, что прежде в руке его был жезл, но, вспомнив о своем ответе, удивился чуду. И при воскресении Лазаря Господь спрашивает: *где положисте его?* (Ин. XI, 34), – чтобы те, которые отвечали: *прииди и виждь*, также: *уже смердит, четверодневен бо есть* (ст. 39), – не могли уже

не верить, что Он воскресил мертвого. Итак, увидев кимвалы и множество народа, Христос выслал всех из дома и в присутствии родителей творит чудо, не другую душу влагая в умершую, но возвращая ту самую, которая вышла из нее, и как бы от сна пробуждая отроковицу. Для большего же удостоверения зрителей берет ее за руку, чтобы тем проложить путь к вере в воскресение. Отец говорил Ему: возложи руку; а Он делает больше: не возлагает Своей руки, но, взяв умершую за руку, воскрешает ее, показывая тем, что Ему все легко сделать, и не только воскрешает, но и приказывает дать ей пищу, чтобы сотворенного Им чуда не почли за обман. И не Сам дает ей пищу, повелевает родителям; как и о Лазаре говорит: *разрешите его и оставите идти* (Ин. XI, 44) и после того делает его сообщником трапезы. Так (Христос) всегда имел обыкновение представлять несомненные доказательства и смерти и воскресения. Но ты обрати внимание не только на воскресение, но и на то, что Христос повелел никому о том не говорить, и отсюда прежде всего научись быть смиренным и не тщеславиться, а потом заметь и то, что Он всех плакавших выслал из дома и признал их как бы недостойными видеть столь великое чудо. И не будь подобен свирельщикам, которых Господь изгнал из дома; но уподобляйся Петру, Иоанну и Иакову. Если тогда Спаситель выслал скорбевших вон, то тем более ныне, поскольку тогда еще неизвестно было, что смерть есть сон, ныне же эта истина яснее самого солнца. Но Господь не воскрешает ныне твоей дочери? Но Он несомненно воскресит ее, и притом с большей славой. В самом деле, та, восстав от мертвых, опять умерла; а твоя дочь, когда восстанет, пребудет уже бессмертной. Итак, никто уже не должен плакать, никто не должен скорбеть и порицать дело Христово. Подлинно Он победил смерть. Что же ты напрасно пла-

чешь? Смерть уже есть не что иное, как сон. Для чего же ты сетуешь и рыдаешь? Если эллины так поступают, то и они достойны посмеяния. Когда же верующий малодушествует в подобных случаях, то чем он может оправдать себя? Как могут получить прощение те, которые столь безрассудно поступают, несмотря на то, что уже так много прошло времени от пришествия Христова, и воскресение мертвых сделалось несомненным? Но ты, как бы стараясь увеличить свое осуждение, представляешь нам плачущих эллинских жен, усиливая плач и воспламеняя пещь, а не внимаешь словам апостола Павла: *кое согласие Христови с Велиаром? Или, кая часть верну с неверным* (2 Кор. VI, 15)? Даже и эллинские мудрецы, хотя не знают ничего о воскресении, однако находят для себя утешение, говоря: переноси мужественно, случившегося нельзя переменить и исправить плачем. А ты, слушая высочайшие и назидательнейшие истины, не стыдишься малодушествовать больше их? Мы не говорим тебе: переноси мужественно, потому что случившегося нельзя переменить; но говорим: переноси мужественно, потому что несомненно, что умерший воскреснет. Спит отроча твое, а не умерло; покоится, а не погибло; оно воскреснет и получит жизнь вечную, бессмертие и жребий ангельский. Или ты не слышишь, что говорит Псалмопевец: *обратися душе моя в покой твой, яко Господь благодействова тя* (Пс. CXIV, 6)? Бог называет смерть благодеянием, а ты сетуешь. Что бы ты больше этого сделал, если бы был противником и врагом умершего? Если кому должно плакать, то пусть плачет диавол; пусть он скорбит и рыдает о том, что мы идем получить высочайшие блага. Такое рыдание достойно его злобы, а тебе, долженствующему увенчаться и успокоиться, не прилично. Поистине, — смерть есть тихое пристанище. Смотри, сколь многих бедствий исполнена настоящая жизнь; размысли,

сколько раз сам ты проклинал ее. Жизнь наша чем долее продолжается, тем становится тягостнее. Ты уже в самом начале осужден на великие скорби, потому что сказано: *в болезнех родиши чада;* и еще: *в поте лица твоего снеси хлеб твой* (Быт. III, 16, 17); также: в *мире скорбни будете* (Ин. XVI, 33). Но о будущей жизни не сказано ничего подобного; совершенно напротив о ней говорится: *отбеже болезнь, печаль и воздыхание* (Ис. XXXV, 10); и еще: *от восток и запад приидут, и возлягут в недрах Авраама, Исаака и Иакова* (Мф. VIII, 11). Там чертог духовный, светлые светильники и жизнь небесная.

4. Итак, для чего же ты срамишь умершего? Для чего других заставляешь бояться и трепетать смерти? Для чего побуждаешь многих обвинять Бога, как будто бы Он уготовал для нас великие бедствия? Или, еще более, для чего ты, по смерти кого-либо из присных, созываешь нищих, просишь священников, чтобы они молились о нем? Для того, скажешь ты, чтобы умерший получил успокоение, чтобы Судья был милостив к нему. Итак, об этом-то ты плачешь и рыдаешь? Но ты противоречишь себе самому. Оттого, что он удалился в пристань, ты подвергаешь себя буре. Но что же делать? скажешь ты: такова природа наша. Нет, не вини природу и не почитай слез своих необходимыми. Мы сами все превращаем, сами предаемся слабостям, сами унижаем себя и неверных делаем худшими. В самом деле, как станем мы говорить другому о бессмертии, как можем уверить в этом язычника, когда сами более его боимся и трепещем смерти? Многие из эллинов, несмотря на то, что не имели никакого понятия о бессмертии, по смерти детей своих украшали себя венцами, облекались в белые одежды, чтобы приобрести настоящую славу; а ты и для будущей славы не перестаешь уподобляться женам и плакать. Но у тебя нет наследника, тебе некому отказать свое имение? Но чего

бы ты пожелал лучше: того ли, чтоб сын твой был наследником твоего имения, или – наследником благ небесных? Чего бы ты захотел более: того ли, чтобы он получил в наследие сокровища тленные, которые вскоре он должен будет оставить, или того, чтоб стяжал блага вечные и нетленные? Тебе нельзя иметь его своим наследником, но вместо тебя Бог сделал его Своим наследником. Он не имеет участия в наследии своих братьев; но он стал сонаследником Христу. Кому ж, скажешь, мы оставим одежды, дома, рабов и поля? Ему же, и притом с большей безопасностью, нежели при жизни его; для этого нет никаких препятствий. В самом деле, если варвары сжигают вместе с умершими их имущество, то тем более ты должен отослать вместе с умершим принадлежащее ему имущество, только не для того, чтобы оно сделалось прахом, как у тех, но чтобы умершего облекло в большую славу, чтобы, если он отошел отселе грешным, разрешило его от грехов, если праведным – увеличило его награду и воздаяние. Но ты желаешь видеть его? Живи подобно ему, – и ты вскоре достигнешь священного того видения. Кроме того, ты должен помыслить и о том, что если нам не поверишь, то самое время непременно уверит тебя в этом; но тогда уже не будет для тебя никакой награды, потому что утешение получится от изобилия времени. Если же теперь станешь любомудрствовать, то получишь два величайшие блага: освободишь себя из среды зол и увенчаешься светлейшим венцом от Бога, поскольку великодушное перенесение несчастий гораздо важнее и милостыни, и других добродетелей. Представь, что и сам Сын Божий умер, и притом для тебя, – а ты умираешь за себя самого. Он хотя и сказал: *аще возможно, да мимо идет от Мене чаша сия* (Мф. XXVI, 89), хотя скорбел и ужасался, – однако не хотел избегнуть смерти, но подъял ее со многим страданием и подвигом. Он не

просто только претерпел смерть, но претерпел поноснейшую смерть; да еще и прежде смерти подвергся бичеванию, и прежде бичевания – поношению, поруганию и злословию, научая тебя все переносить мужественно. Впрочем, умерши и отложив тело, Он опять восприял его с большей славой, подавая через то и тебе благие надежды. Если все это не басня, то не плачь; если все это признаешь истинным, то не проливай слез; если же ты сам плачешь, то как можешь уверить эллинов, что ты этому веришь?

5. Но, несмотря на эти убеждения, ты все еще не можешь переносить своей скорби? Но потому-то ты и не должен плакать об умершем, что он освободился от многих таких несчастий. Итак, не завидуй ему. Действительно, просить смерти самому себе, по причине преждевременной его кончины, и плакать о том, что он не жил долее, чтобы претерпевать множество таких скорбей, – свойственно более завидующему. Помышляй не о том, что он уже никогда не возвратится в дом твой, но что и ты сам скоро переселишься к нему; не о том думай, что умерший не возвратится сюда, но – и что все видимое нами не пребудет всегда одинаковым, а примет другой вид. И небо, и земля, и море, все изменится; и тогда-то ты получишь сына своего с большей славой! И если он отошел отсюда грешником, то через смерть у него отнята возможность продолжать зло; ведь если бы Бог видел, что он переменит образ своей жизни, то не восхитил бы его прежде покаяния. Если же он скончался праведником, то приобрел блага, которых никогда не потеряет. Отсюда ясно, что слезы твои происходят не от сильной любви, но от безрассудной страсти. Если ты любишь умершего, то тебе надлежит радоваться и веселиться, что он освободился от настоящих зол. Скажи мне: что случилось в мире особенного, необыкновенного и нового, чего прежде не было? Не видишь

ли ты каждый день повторение одних и тех же перемен? За днем следует ночь, за ночью день; после зимы наступает лето, за летом следует зима, — и более ничего; перемены эти всегда одни и те же, — одни бедствия увеличиваются и возникают вновь. Итак, ужели ты желаешь, чтобы твой сын постоянно испытывал эти бедствия, — чтобы он, пребывая здесь, подвергался болезням, скорбям, страшился, трепетал и — одни бедствия претерпевал, а других опасался? Ты ведь не можешь сказать того, чтобы, плавая по этому пространному морю, он мог быть свободным от скорбей, забот и других подобных бедствий. Кроме того, помысли и о том, что ты его родила не бессмертным, и что если бы он не теперь умер, то подвергся бы этой участи несколько позже. Но ты еще не успела насладиться им? Насладишься вполне в будущей жизни. Но ты желаешь и здесь видеть его? Что же препятствует? Ты можешь видеть его и здесь, если находишься в бодрственном состоянии, потому что надежда будущих благ светлее самого зрения. Если бы сын твой находился в царских чертогах, ты не стала бы его требовать оттуда, чтобы посмотреть на него, слыша, что он находится там в чести; а теперь, видя, что он отошел для получения гораздо лучших благ, не можешь равнодушно перенести кратковременной разлуки, и притом имея вместо него мужа. Но у тебя нет мужа? Но ты имеешь утешение в Отце сирых и Судии вдовиц. Послушай, как и Павел уважает такое вдовство, говоря: *истинная вдовица и уединена уповает на Бога* (1 Тим. V, 5). Подлинно, чем более таковая вдовица показывает терпения, тем более прославляется. Итак, не плачь о том, за что ты можешь получить венец, за что ты можешь требовать награды; ты отдала залог, но возвратила то, что тебе было уверено. Не заботься более, отдав стяжание свое в сокровищницу, из которой не могут его похитить. Если познаешь, какова

жизнь настоящая и какова будущая, и что блага жизни настоящей — паутина и тень, а блага будущей непреходящи и бесконечны, то уже не потребуешь других убеждений. Теперь сын твой освободился от всякой перемены; а пребывая здесь, он, может быть, был бы добр, а может быть — и нет. Не видишь ли, сколько людей отрекаются от детей своих? Сколь многие принуждены бывают держать у себя в доме таких детей, которые хуже самых отверженных? Итак, представляя все это в уме своем, будем любомудрствовать; поступая таким образом, мы и умершему благоугодим, и от людей заслужим многие похвалы, и от Бога получим великие награды за терпение, и достигнем вечных благ, которых все мы да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXII

И преходящу оттуду Иисусови, по Нем идоста два слепца, зовуща и глаголюща: помилуй ны, Сыне Давидов! И пришедшу Ему в дом, приступиста к Нему слепца, и глагола има Иисус: веруета ли, яко могу сие сотворити? Глаголаста Ему: ей, Господи! Тогда прикоснуся очию их, глаголя: по вере ваю буди вама. И отверзостася очи има (Мф. IX, 27—30)

1. Для чего Христос заставляет идти слепых за собой и просить о помиловании? Для того, чтобы и в этом случае научить нас убегать людской славы. Так как дом находился поблизости, то Он ведет их туда в намерении исцелить наедине. Это видно из того, что Христос не велел никому сказывать об исцелении. Немало также обличает это и иудеев, когда слепые, будучи лишены зрения, приемлют веру по одному слуху; между тем как

иудеи, видя чудеса и уверяясь в действительности их собственными глазами, поступают совершенно иначе. Заметь и усердие слепых, о котором можно судить по их крику и молению; они не просто приступили, но взывали громким голосом, — ничего больше не говоря, кроме: *помилуй ны!* Сыном же Давидовым называли потому, что это казалось им почетным наименованием. Часто и пророки так называли царей, которых хотели почтить и возвеличить (Иез. XXXIV, 23; Зах. XII, 8). Приведя слепых в дом, Христос еще спрашивает. Он большей частью исцелял только по просьбе — чтобы не подумали, что Он из честолюбия Сам ищет случаев творить такие чудеса, а равно чтобы показать, что исцеляемые Им были достойны исцеления, и чтобы не сказали, что если Он исцелял по одному милосердию, то надлежало бы всем исцелиться. Ведь и самое человеколюбие соразмеряется несколько с верой исцеляемых. Но не по этим только причинам Христос требует от них веры. Так как они называли Его сыном Давидовым, то, возводя их к высшему понятию и научая, как должны разуметь о Нем, Он и спрашивает: *веруета ли, яко могу сие сотворити* (Мф. IX, 28)? Не сказал: веруете ли, что Я могу умолить Отца Моего, могу испросить у Него; но сказал: веруете ли, что Я могу это сделать? Что же они? *Ей, Господи!* Уже называют Его не сыном Давидовым, но парят мыслью выше и исповедуют Его владычество. А тогда уже и Сам Он, возлагая руку, говорит: *по вереваю буди вама.* Делает это, чтобы укрепить их веру и показать, что сами они участвовали в своем исцелении, а равно и засвидетельствовать, что в словах их не было лести. Он не сказал: да отверзутся очи ваши, но говорит: *по вере ваю буди вама.* То же самое Он говорит и многим другим из приходящих к нему, чтобы прежде исцеления телесных недугов обнаружить сердечную их веру, а через то и исцеленных сделать более

опытными, и в других возбудить большую ревность к добру. Так Он поступает и с расслабленным; прежде нежели возвратил крепость телу, восставляет расслабленную его душу, говоря: *дерзай, чадо! отпущаются греси твои* (Мф. IX, 2). Также, воскресив девицу, взял ее за руку и, повелев ей есть (Мк. V, 41, 43; Лк. VIII, 54, 56), научил ее познать своего Благодетеля; подобным образом поступил и с сотником, все приписав вере его (Мф. VIII, 13). Равно и при избавлении учеников от бури морской, сперва избавил их от маловерия (Мф. VIII, 21). Так и здесь: хотя Он знал тайные их мысли прежде, чем они их высказали, но, чтобы и в других возбудить такую же ревность, открывает их и другим, совершением исцеления обнаруживая сокровенную их веру.

Потом, по исцелении, Христос повелевает им никому об этом не сказывать, и не просто повелевает, но со всей строгостью: *запрети има,* говорится, *Иисус, глаголя: блюдита, да никтоже увесть. Она же изшедша прослависта Его по всей земли той* (Мф. IX, 30, 31). Впрочем, они не удержались, но стали проповедовать и благовествовать, – не удержались, несмотря на повеление молчать о происшедшем. Если Христос в другом случае говорит: иди и проповедуй славу Божию, то это не противоречит сказанному в настоящем случае, но вполне с ним согласно. Христос научает нас не только ничего не говорить о себе, но удерживать и тех, которые захотят хвалить нас; но если слава воздается Богу, то мы должны не только не препятствовать, но даже побуждать к тому. *Тема же исходящема, се приведоша к Нему человека нема беснуема* (ст. 32). Эта болезнь была не естественная, но происходила от диавольского злоумышления. Потому и нужно было, чтобы беснуемого привели другие. Так как этот бесноватый, будучи не в состоянии говорить, не мог просить ни сам, ни через других, так как бес связал

его язык, а с языком и душу, – то Господь не спрашивает его о вере, но немедленно исцеляет от болезни. *Изгнану бесу,* говорит Евангелист, *проглагола немый; и дивишася народи, глаголюще: николиже явися тако во Израили* (ст. 33). Это-то особенно и причиняло досаду фарисеям, что Христа предпочитали не только всем современникам Его, но и предшественникам; предпочитали не за то, что исцелял, но за то, что исцелял легко, скоро, притом бесчисленные и неизлечимые болезни. Так об Иисусе судил народ.

2. Но фарисеи судили совсем иначе. Они не только перетолковывают Его поступки, но не стыдятся говорить и против самих себя. Такова-то злоба! В самом деле, что говорят они? *О князе бесовстем изгонит беси* (Мф. IX, 34). Может ли быть что безрассуднее этого? Совершенно ведь невозможно, – как и Сам Христос говорит после, – чтобы бес изгонял беса, так как и бес обыкновенно свое утверждает, а не разоряет. А Христос не только изгонял бесов, но и очищал прокаженных, воскрешал мертвых, укрощал море, отпускал грехи, проповедовал царствие, приводил к Отцу, чего бес никогда и не захочет, и не сможет сделать. Бесы приводят к идолам, отвращают от Бога и научают не верить будущей жизни. Бес, будучи оскорблен, не станет делать добро, когда он, и не будучи оскорблен, причиняет вред даже тем, которые служат и угождают ему. Но Христос поступает совсем иначе. Он и после стольких укоризн и поношений, *прохождаше,* говорит Евангелист, *грады вся и веси, уча на сонмищах их, и проповедая евангелие царствия, и целя всяк недуг и всяку язю* (Мф. IX, 35). Он не только не наказывал их за бесчувственность, но даже и не укорял, показывая тем и Свою кротость и опровергая возводимую на Него клевету, и вместе желая последующими чудесами еще более удостоверить и потом уже обличать словами. Итак, Он ходил и по городам,

и по селам, и по синагогам их, научая тем нас воздавать за злословие не злословием, но большими благодеяниями. Если ты оказываешь благодяния своим сорабам не для людей, но для Бога, то, как бы они ни поступали, не переставай благодетельствовать, чтобы получить большую мзду. А кто перестает благодетельствовать потому, что его злословят, тот показывает, что он благотворил не ради Бога, но ради похвалы от людей. Вот почему Христос, научая нас, что Он по одной благости пришел благодетельствовать, не дожидался того, чтобы приходили к Нему страждущие, а Сам поспешал к ним, принося им два величайшие блага: во-первых, евангелие царствия, во-вторых, исцеление от всех болезней. Он ни города не проходил мимо, ни селения не пропускал, но посещал всякое место. Даже и тем не довольствуется, но показывает и еще большую заботливость. *Видев народы*, говорит Евангелист, *милосердова о них, яко бяху смятени и отвержени, яко овцы не имущия пастыря. Тогда глагола учеником Своим: жатва убо многа, делателей же мало; молитеся убо Господину жатвы, яко да изведет делатели на жатву Свою* (Мф. IX, 36–38). Смотри опять, как Он далек от тщеславия. Чтобы не водить всех за Собой, Он посылает учеников. Впрочем, не для того только посылает, но и для собственного их обучения, чтобы, образовавшись в Палестине, как бы в некотором училище ратоборства, они приготовили себя к подвигам в целом мире. Потому-то, как юных птенцов приучая к летанию, Он открывает обширнейшее поприще для их действования, сколько было то соразмерно с их силами, чтобы они удобнее могли приступить к последующим подвигам; и сначала делает их только врачами тел, чтобы после вверить им важнейшее – врачевание душ. И смотри, как показывает легкость и необходимость этого дела. *Жатва*, говорит Он, *многа, делателей же мало.* Я, говорит, посылаю вас не сеять, но жать.

Подобным образом сказал Он и у Иоанна: *инии труди-шася, и вы в труд их внидосте* (Ин. IV, 38). Этими словами Он удерживал их от самомнения, возбуждал к бодрости и показывал, что предшествовавший труд был больше. Смотри же: Он и здесь начинает милостью, а не судом. *Милосердова*, сказано, *яку бяху смятени и отвержени, яко овцы, не имущия пастыря.* Этим Он укорял начальников иудейских за то, что они, будучи пастырями, показывали в себе свойства волков, потому что не только не исправляли народа, но и препятствовали ему быть лучшим. Народ удивлялся и говорил: *николиже явися тако во Израили* (Мф. IX, 33)! А они, напротив, говорили: *о князе бесовстем изгонит бесы* (ст. 34)! Но о каких делателях говорит здесь Господь? О двенадцати учениках. Что же? Сказав: *делателей мало*, увеличил ли их число? Нет, но послал двенадцать только. Так почему же Он сказал: *молитеся Господину жатвы, да изведет делатели на жатву Свою*, — а никого к ним не присоединил? Потому, что впоследствии Он и двенадцатью заменил многих, не увеличив их числом, но даровав им силу.

3. Далее, желая показать, как велик дар, говорит им: *молитеся Господину жатвы* — и, хотя не прямо, дает разуметь, что Он есть этот Господин. Сказав: *молитеся Господину жатвы*, без просьбы и без моления их, Сам немедленно рукополагает их в это звание и приводит им на память то, что говорил Иоанн о гумне, о лопате, о плевелах и о пшенице. Отсюда видно, что Он есть Делатель, Он есть Господин жатвы, Он есть Владыка пророков. Если Он послал жать, то, конечно, не чужое, но то, что Он сеял через пророков. И не тем только ободрил их, что назвал служение их жатвой; но особенно тем, что даровал им и силу к этому служению. *И призва*, говорит Евангелист, *обанадесятъ ученики Своя, даде им власть на дусех нечистых, яко да изгонят их, и целити всяк недуг и всяку болезнь* (Мф. X, 1). Впрочем, Дух еще не был

ниспослан: *не у бо бе Дух Святый, яко Иисус не у бе прославлен* (Ин. VII, 39). Как же они изгоняли духов? Повелением и властью Христа. Смотри же, как благовременно это посольство. Он не с самого начала послал их, но когда они уже довольно времени были Его последователями и видели, как Он воскресил мертвого, запретил морю, изгонял бесов, исцелил расслабленного, отпускал грехи, очистил прокаженного. Когда достаточно – и делом и словом – удостоверились в могуществе Его, тогда уже и посылает их; посылает не на опасные подвиги, – в Палестине не было еще никакой опасности, – приходилось только подвергаться злословиям. Впрочем, предсказывает им и об опасностях, чтобы заранее приготовить и частым напоминанием приучить их к ним. Далее, так как Евангелист сказал уже о двух двоицах апостолов, – о Петре и Иоанне с братьями их (Мф. VI, 18 и 21), – и после них упомянул о призвании Матфея (IX, 9), о призвании же и именах других апостолов ничего не говорил нам, то теперь находит нужным перечислить их по порядку и называет их по именам, говоря так: *дванадесятих же апостолов имена суть сия: первый Симон, иже нарицается Петр* (Мф. X, 2). Был и другой Симон, называвшийся Кананитом; равно как был Иуда Искариотский и Иуда Иаковлев, и Иаков Алфеев и Иаков Заведеев. Марк перечисляет апостолов по достоинству, после двух верховных поставляя Андрея; но Матфей перечисляет не так, а иначе: он ставит выше себя Фому, который был гораздо ниже. Рассмотрим же их по порядку, начиная с первого. *Первый Симон, иже нарицается Петр и Андрей брат его.* И это уже немалая похвала. Одного похвалил за добродетель, а другого – за благородство нрава. Далее – *Иаков Заведеев и Иоанн брат его.* Видишь, что Евангелист не по достоинству ставит их. Мне думается, что Иоанн был не только выше других, но и брата своего. После того, сказав:

Филипп и Варфоломей, присовокупил: *Фома и Матфей мытарь* (Мф. X, 3); а Лука, напротив, ставит его выше Фомы. Далее: *Иаков Алфеев* — потому что был, как я выше сказал, Иаков Заведеев. Затем, сказав о Леввее, который иначе назывался Фаддеем, и о Симоне Зилоте, которого называет также Кананитом, доходит до предателя и говорит о нем не как враг и противник, но как историк. Не сказал: скверный и беззаконный Иуда, — но по имени города назвал его Искариотским. Был и другой Иуда — Леввей, прозванный Фаддеем, которого Лука называет Иаковлевым, говоря; *Иуда Иаковль* (Лк. VI, 16), а потому Матфей, отличая одного от другого, говорит: *Иуда Искариотский, иже и предаде Его* (Мф. X, 4). И не стыдится говорить: *иже и предаде Его.* Так евангелисты никогда ничего не скрывают, — даже и того, что казалось предосудительным. Впрочем, самый первый и верховный из апостолов был человек неученый и простой. Но посмотрим, куда и к кому Христос посылает их? *Сия обанадесять,* говорит, *посла Иисус* (ст. 5). Кто же они таковы? Рыбари, мытари. Четверо из них были рыбари, двое мытари — Матвей и Иаков, а один и предатель. Что же говорит им? Тотчас заповедует им, говоря: *на путь язык не идите, и во град Самарянский не внидите. Идите же паче ко овцам погибшим дому Израилева* (ст. 5). Не подумайте, говорит Он, будто за то, что они Меня поносят и называют беснующимся, Я питаю к ним ненависть и отвращение; напротив, Я стараюсь исправить их прежде других и запрещаю вам ходить к другим народам; к ним посылаю вас учителями, врачами. И не только запрещаю вам проповедовать кому-либо прежде их, но не позволяю даже и ступать на путь, который ведет к язычникам, и входить в город самарянский.

4. И самаряне были противниками иудеев, хотя их обращать было удобнее, потому что они гораздо более

расположены были к вере, а обращать иудеев было труднее. И, однако, Иисус посылает апостолов к упорным иудеям, показывая тем Свое о них попечение, заграждая их уста и пролагая путь проповеди апостольской, чтобы после не стали жаловаться, что апостолы пошли к необрезанным, и чтобы не имели никакой благовидной причины убегать и отвращаться их. Называя же их овцами погибшими, а не заблудившимися, всячески внушает им мысль о прощении и привлекает сердца их. *Ходяще же,* говорит Он, *проповедуйте, глаголюще, яко приближися царствие небесное* (ст. 7). Видишь величие служения? Видишь достоинство апостолов? Им не велено говорить ни о чем чувственном, о чем говорили Моисей и прежде бывшие пророки; но повелевается говорить о предметах новых и необычайных. Те проповедовали не о небесном царствии, но о земле и о земных благах; а эти проповедуют о царстве небесном и о всем, что там. Но не этим только апостолы превосходят пророков, а и послушанием. Они не отказываются, не уклоняются от повелений, как поступали древние; но, слыша и об опасностях, и о войнах, и о несносных бедствиях, с совершенной покорностью принимают повеления, как проповедники царствия. Но чему тут дивиться, скажешь, ежели они охотно повиновались, когда должны были проповедовать без скорби и тягости? Что ты говоришь? Им не заповедано ничего тягостного? Разве не слышишь о темницах, о смертных приговорах, о гонениях от единоплеменников, о всеобщей ненависти? Все это, по словам Христа, вскоре должны они были испытать на себе. Он посылает их проповедниками и раздаятелями бесчисленных благ другим; а самим возвещает и предрекает несносные бедствия. Затем, чтобы их проповедь удобнее могла расположить к вере, говорит: *болящия исцеляйте, прокаженные очищайте, бесы изгоняйте: туне приясте, туне да-*

дите (ст. 8). Заметь, как Он заботится о правах их: не меньше, чем о чудесах, показывая им, что чудеса без доброй нравственности ничего не значат; говоря: *туне приясте, туне дадите,* – Он смиряет их высокоумие и предостерегает от сребролюбия. И чтобы не подумали, что производимые ими чудеса плод их добродетелей и не возгордились тем, говорит: *туне приясте.* Вы ничего своего не даете тем, которые принимают вас; получили вы эти дары не в награду и не за труды: это Моя благодать. Так и другим давайте, потому что нельзя найти цены, достойной этих даров. Потом, исторгая тотчас же и самый корень зол, говорит: не *стяжите злата, ни сребра, ни меди при поясех ваших, ни пиры в путь, ни двою ризу, ни сапог, ни жезла* (ст. 9, 10). Не сказал: не берите с собой; но, хотя бы ты и в другом месте мог взять, избегай этого пагубного недуга. Через это достигал Он многого. Во-первых, удалял от учеников всякое подозрение; во-вторых, освобождал их от всякой заботы, чтобы они занимались одной проповедью; в-третьих, показывал им Свое могущество. Для того-то и говорит им после: имели ли вы в чем недостаток, когда Я посылал вас без одеяния и без обуви? И не вдруг говорит им: *не стяжите,* но сперва сказал: *прокаженные очищайте, бесы изгоняйте,* а потом уже заповедал: ничего *не стяжите; туне приясте, туне дадите* (ст. 9, 8), повелевая им то, что и на деле полезно, что и прилично и возможно. Но, может быть, скажут: другие требования справедливы; но почему Он и в дороге не велел им иметь ни сумы, ни двух одежд, ни жезла, ни сапог? Потому, что хотел приучить их к строгой жизни, так как и выше не позволил им заботиться даже и о следующем дне. Он готовил их быть учителями вселенной; потому и делает их, так сказать, из человеков ангелами, освобождая их от всякого житейского попечения, чтобы они заботились об одной только проповеди, – или,

лучше сказать, Он освобождает их и от этой заботы, говоря: *не пецытеся, како и что возглаголете* (Мф. X, 19), и, таким образом, что казалось весьма трудным и тягостным, представляет им весьма легким и удобным. Подлинно, ничто столько не служит к душевному спокойствию, как свобода от забот и попечений, особенно если, освободившись от этих забот и попечений, можно не иметь ни в чем недостатка, имея помощником Бога, Который заменяет Собой все. Потом, в предупреждение вопроса: откуда же будем получать необходимое пропитание? – не говорит им: вы слышали, что Я говорил вам прежде: *воззрите на птицы небесныя* (Мф. VI, 26), – каковой заповеди они еще не в состоянии были выполнить, – но выразился легче, сказав: *достоин есть делатель мзды своея* (гл. X, ст. 10), желая показать этими словами, что им должно получать себе пропитание от учеников, чтобы они не гордились перед учениками своими тем, что, доставляя им все, сами ничем от них не заимствуются, а ученики, в свою очередь, будучи презираемы ими, не отделились от них.

5. Далее, чтобы ученики не сказали: итак, велишь жить милостыней? и не вменили бы того себе в стыд, – Христос, называя их делателями, а даваемое им – мздой, показывает, что это так должно и быть. Хотя дело ваше, говорит Он, состоит только в учении, но не думайте, чтобы оказываемое вами благодеяние было маловажно; ваше занятие сопряжено с великими трудами, и что дают вам поучаемые, дают не даром, но в вознаграждение: *достоин бо делатель мзды своея.* Это Он сказал не потому, чтобы труды апостолов того только и стоили, – совсем нет! Здесь Он давал только ученикам правило не требовать большого, а доставляющих им нужное вразумлял, что они делают это не по щедрости, но по долгу. *В оньже аще град или весь внидете, испытайте, кто в нем достоин есть, и ту пребудите, дондеже изыдете* (ст. 11).

Когда Я сказал, говорит Он, *достоин делатель мзды своея,* то этим не отворил дверей для вас ко всем; напротив, и в этом повелеваю вам поступать с большой осмотрительностью, что послужит вам к приобретению и чести, и самого пропитания. В самом деле, если принимающий вас человек будет достоин, то он непременно даст вам пропитание, особенно если вы, кроме необходимого, ничего более не потребуете. Но Христос не только повелевает искать достойных, но и не переходить из дома в дом, чтобы ни принимающего не оскорбить, ни самим не подвергнуться нареканию в чревоугодии и легкомыслии. Это-то и внушал Он словами: *ту пребудите, дондеже изыдете.* То же самое можно видеть и у других евангелистов. Видишь ли, как Он этим делает учеников достойными уважения, а приемлющих их ревностнейшими к принятию, показав, что от этого несравненно более для них самих будет и славы, и пользы? Продолжая то же наставление, говорит: *входяще же в дом, целуйте его. И аще убо будет дом достоин, приидет мир ваш нань: аще ли же не будет достоин, мир ваш к вам возвратится* (ст. 12, 13). Смотри, до каких подробностей Он доходит в Своих наставлениях, – и не без причины. Он готовил их быть подвижниками благочестия и проповедниками вселенной; а потому, приучая к умеренности и делая достойными любви, говорит: *и иже аще не приимет вас, ниже послушает словес ваших, исходяще из дому, или из града того, оттрясите прах ног ваших. Аминь глаголю вам: отраднее будет земли Содомстей и Гоморрстей в день судный, неже граду тому* (ст. 14, 15). Не ожидайте, говорит, приветствия себе от других, потому что вы учители, но сами прежде отдавайте честь другим. Кроме того, показывая, что их приветствие не простое слово, но благословение, говорит: если будет дом достоин, приидет мир ваш на него, а если оскорбят вас, то первым наказанием будет то,

что дом лишится мира, а вторым то, что подвергнется одинаковой участи с Содомом. Но скажут: какая нам польза в их казнях? Такая, что для вас найдутся дома достойных. Что же значит выражение: *оттрясите прах ног ваших?* Этим показывается или то, что апостолы ничего у них не заимствовали, или это служит свидетельством дальнего путешествия, которое апостолы предпринимали для них. Но заметь, что Господь еще не все дарования дает апостолам. Так не дает еще им предведения, чтобы могли узнавать, кто достоин и кто недостоин, а велит узнавать и дожидаться, что покажет опыт. Почему же Сам Он пребывал у мытаря? Потому что мытарь, переменившись, сделался достойным. Заметь еще, что Он, лишив апостолов всего, все им дал, когда позволил жить в тех домах, где принимали их наставления, ничего при себе не имея, входить в эти дома. Таким образом, и сами они освобождались от забот, и принимавших удостоверяли, что пришли к ним единственно для спасения их, как тем, что ничего с собой не приносили, так и тем, что, кроме необходимого, ничего от них не требовали, наконец и тем, что входили не ко всем без разбора. Господь хотел, чтобы апостолы славились не одними чудесами, но более чудес – своими добродетелями. Подлинно, ничто столько не отличает любомудрия, как то, чтобы не иметь ничего излишнего и довольствоваться как можно меньшим. Это знали и лжеапостолы. Потому Павел и говорит: *да, о Немже хвалятся, обрящутся якоже и мы* (2 Кор. XI, 12). Если же и на чужой стороне, отправляясь к людям незнакомым, не должно ничего более домогаться, кроме ежедневной пищи, то не гораздо ли более, находясь дома?

6. Не выслушать только должны мы сказанное, но и исполнять на деле. Не об одних ведь апостолах сказано это, но и о последующих святых. Итак, постараемся

сделаться достойными принять их к себе. Смотря по расположению принимающих, мир может и приходить к ним, и опять удаляться; это зависит не от власти только учителей, но и от достоинства приемлющих. Не станем же считать для себя маловажной потерей, если не насладимся этим миром, о котором еще издревле провозгласил пророк, говоря: *коль красны ноги благовествующих мир* (Ис. LII, 7), причем, изъясняя достоинство мира, присовокупил: *благовествуюших благая.* И сам Христос показал важность этого мира, говоря: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. XIV, 27). Поэтому должно употреблять все старание, чтобы наслаждаться им как дома, так и в церкви. И в церкви предстоятель дает мир, и это служит образом мира, даруемого Христом; и потому предстоятеля должно принимать со всяким усердием, предоставляя ему не столько трапезу, сколько свое расположение. Если худо не уделять от трапезы, то не гораздо ли хуже отвергать благословляющего? Для тебя сидит пресвитер, для тебя стоит учитель, трудится и изнуряется. Какое же ты будешь иметь извинение, когда и слов его не принимаешь? Церковь есть общий всех дом, куда мы входим за вами, по примеру апостолов, почему и, входя, тотчас же, по заповеди Христовой, всех вообще приветствуем миром. Итак, никто не будь нерадив, никто не будь рассеян, когда священники входят и преподают поучение: за это угрожает немалое наказание. Лучше для меня тысячекратно подвергнуться презрению, входя к кому-нибудь из вас в дом, чем не быть выслушанным, когда здесь приветствуют вас миром. Последнее для меня гораздо несноснее первого, так как и дом этот несравненно важнее; здесь хранятся великие наши сокровища, здесь все наши надежды. И что здесь не велико, что не досточтимо? И трапеза эта несравненно почтеннее и сладостнее твоей домашней трапезы, и светильник этот —

твоего светильника; это знают те, которые, с верой и благовременно помазавшись елеем, получили исцеление. И эта сокровищница несравненно превосходнее и необходимее твоей сокровищницы, потому что в ней положены не одежды, но милостыня, хотя и немногие владеют этой сокровищницей*. Здесь и ложе лучше твоего: успокоение, доставляемое Священным Писанием, приятнее всякого ложа. И если бы мы соблюдали совершенное согласие, то кроме этого мы не имели бы другого дома. А что это не трудно, свидетельствуют те три тысячи и пять тысяч верующих, которые имели и дом, и трапезу, и душу одну. У множества веровавших, говорится, *бе сердце и душа едина* (Деян. IV, 32). Но так как в этой добродетели мы далеко отстали от них и живем по разным домам, то, по крайней мере, когда собираемся сюда, будем ревностно исполнять ее. Если мы недостаточны и бедны в чем другом, по крайней мере, будем богаты хотя в этом. Поэтому хотя здесь, когда входим к вам, принимайте нас с любовью. И когда я скажу: *мир вам,* вы скажите: *и духови твоему;* скажите не голосом только, но и сердцем, не устами только, но и духом. Иначе, ежели ты здесь скажешь: и духови твоему мир, а вышедши, будешь восставать против меня, будешь меня презирать, злословить и втайне поносить бесчисленными ругательствами, — то что это за мир? Впрочем, хотя ты и будешь меня всячески злословить, я даю тебе мир от чистого сердца, с искренним расположением и ничего худого никогда не могу сказать о тебе: у меня отеческое сердце, и хотя иногда я и осуждаю тебя, но делаю это, заботясь о тебе же. А если ты втайне язвишь меня и не принимаешь в доме Господ-

* Вероятно, Златоуст, хотел выразить здесь ту мысль, что немногие обогащают церковную сокровищницу подаянием милостыни; поскольку владетелями этой сокровищницы могут быть названы только те, кто полагает в ней свою милостыню.

нем, то страшусь, чтоб ты еще на увеличил моей скорби – не тем, что оскорбил меня, ни тем, что выгнал меня, но тем, что отверг мир и навлек на себя столь жестокое наказание. Хотя я и не отрясу праха, хотя не пойду от тебя прочь, – но угроза остается во всей своей силе. Я часто приветствую вас миром и никогда не перестану приветствовать. Хотя вы и с презрением меня будете принимать, я все-таки и тогда не отрясу праха, – не потому, чтобы не хотел повиноваться Господу, но потому, что весьма горячо люблю вас. Притом, я ничего и не терпел для вас, не предпринимал дальнего путешествия; пришел к вам не так, как приходили апостолы, ничего при себе не имея (за что и виним наперед себя), пришел не без сапог, не без другой одежды, – почему, может быть, и вы упускаете со своей стороны должное. Только этого недостаточно для вашего оправдания. Пусть мы подвергнемся большому осуждению; но это нимало не служит к вашему извинению.

7. Тогда дома были церквами, а ныне церковь сделалась домом. Тогда и в домах не говорили о житейском, а ныне и в церкви не говорят о духовном. Вы и здесь поступаете как на торжище; и когда говорит сам Бог, не только не слушаете слов Его в молчании, а занимаетесь разговорами совсем о других предметах. И пусть бы вы занимались тем, что касается вас самих; нет – вы говорите и слушаете то, до чего вам и дела нет. Вот о чем я плачу и не перестану плакать! Я не властен оставить этого дома; нам необходимо оставаться здесь, доколе не отойдем из настоящей жизни. Итак, *вместите ны* (2 Кор. VII, 2), – как увещевал Павел. Это сказано у него не о трапезе, но о сердце и расположении. Того же и мы от вас требуем: любви, приязни сердечной и искренней. Если же и это тяжело для вас, то, по крайней мере, оставив теперешнюю беспечность, возлюбите самих

себя. Для нашего утешения довольно и того, если увидим, что вы успеваете в добре и делаетесь лучшими. В таком случае и я покажу больше любви, «если и слишком любя вас, вами буду любим менее». Многое ведь побуждает нас к взаимному общению: всем нам предлагается одна трапеза; один Отец породил нас; все мы произошли от одной утробы; всем подается одно питье, и не только одно, но из одной чаши. Отец, между прочими средствами расположить нас к взаимной любви, употребил и то, чтобы мы пили из одной чаши: это служит знаком крепкой любви. Но скажешь, что мы не можем равняться с апостолами. И я в том согласен и нимало не спорю; мы не стоим не только их, но даже и тени их. Но при всем том вы должны исполнять свое дело. Это не только не сделает вам стыда, но еще более послужит к вашей пользе. Когда будете оказывать должную любовь и послушание к недостойным, получите большее воздаяние. Мы говорим не от себя, так как у нас и нет учителя на земле; что мы приняли, то и даем, и когда даем, ничего не требуем от вас, кроме одной любви. Если мы на самом деле недостойны любви, то, по крайней мере, достойны ее за любовь нашу к вам. Кроме того, нам заповедано любить не только любящих нас, но и врагов наших. Кто же будет столь жестокосерд, столь груб, что, получив такую заповедь, станет отвращаться и ненавидеть даже любящих его, хотя сам исполнен бесчисленных пороков? Мы имели общение в духовной трапезе; будем иметь общение и в духовной любви. Если разбойники, сидя за общим столом, забывают свои злые нравы, то какое будем иметь оправдание мы, которые, всегда приобщаясь тела Господня, не подражаем даже и им в кротости? Для многих служит достаточным побуждением к дружбе не только то, что имеют общий стол, но и то, что они из одного города; а мы, у которых и град, и дом, и стол, и путь, и дверь,

и корень, и жизнь, и глава, и Пастырь, и Царь, и Учитель, и Судья, и Творец, и Отец, и все общее, — какое будем иметь извинение, удаляясь от общения друг с другом? Не требуете ли и от нас чудес, какие творили апостолы, приходя проповедовать: чтобы и мы очищали прокаженных, изгоняли бесов, воскрешали мертвых? Но то и будет самым сильным доказательством вашего благородства и любви, если будете веровать в Бога, не требуя залогов. Бог, как по этой причине, так и по другим, прекратил чудеса. Если без чудес, обладающие теми или другими совершенствами, как то: даром слова или благочестием, тщеславятся, превозносятся, друг от друга отделяются, то где не было бы разделений, если бы были еще и чудеса? А что это говорю не по догадке, — представляю в доказательство коринфян, которые от этого самого разделились на многие толки. Ищи не чудес, но спасения души. Не ищи того, чтоб видеть одного мертвеца воскресшим, когда знаешь, что все мертвые воскреснут; не ищи, чтобы видеть слепца прозревшим, но смотри, как ныне все начинают получать лучшее и полезнейшее зрение. Научись и сам смотреть целомудренно и исправь твое око. Подлинно, если бы мы жили все как должно, то язычники дивились бы нам больше, нежели чудотворцам. Чудеса часто считают обманом и находят в них много подозрительного, хотя чудеса христианские совсем не таковы. Но жизнь непорочная не может подвергнуться никакому подобному подозрению, — напротив, добродетель заграждает уста всем.

8. Итак, будем упражняться в добродетели; она составляет великое богатство и великое чудо. Она доставляет истинную свободу, являет ее и в самом рабстве, не освобождая от рабства, но самих рабов делая почтеннее свободных; а это гораздо важнее, чем дать самую свободу. Она не делает бедного богатым, но и в самой

бедности делает его достаточнее богатого. Если ты хочешь и чудеса совершать, то освободись от грехов – и все тобой будет сделано. Возлюбленные, грех есть самый злой бес. И если его из себя выгонишь, то сделаешь более, нежели те, которые изгоняют тысячи бесов. Послушай, как Павел добродетель поставляет выше чудес: *ревнуйте,* говорит он, *дарований больших; и еще по превосхождению путь вам показую* (1 Кор. XII, 31); и далее, показывая этот путь, не упомянул ни о воскресении мертвых, ни об очищении прокаженных, ни о чем другом тому подобном, но вместо всего того сказал о любви. Послушай, что говорит и Христос: *не радуйтеся, яко дуси вам повинуются;* но *яко имена ваша написана суть на небесех* (Лк. X, 20). И прежде, в другом месте: *мнози рекут Мне во он день: не в Твое ли имя пророчествовахом, и бесы изгонихом, и силы многи сотворихом? И тогда исповем им, яко* не знаю вас (Мф. VII, 22 и 23). Также перед крестным страданием, призвав учеников, сказал им: о *сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. XIII, 35), – а не потому, что будете изгонять бесов. И опять: по этому узнают все, что Ты Меня послал (Ин. XVII, 23) – не из того, что они будут воскрешать мертвых, но из того, что будут едино. Чудеса часто другому приносят пользу, а тому, кто творит их, вредят, или доводя его до гордости и тщеславия, или другим каким образом; а от добрых дел ничего такого ожидать нельзя: они приносят пользу и тем, которые творят их, и другим многим. Итак, будем совершать их со всем тщанием. Если ты из жестокосердого сделался милостивым, то исцелил сухую руку; если, оставив зрелище, пошел в церковь, то исправил хромую ногу; если отвратил глаза свои от блудницы и от красоты чужой жены, то отверз слепые очи; если вместо сатанинских песней выучил ты духовные псалмы, то, будучи прежде немым, стал говорить. Вот самые великие чудеса! Вот

дивные знамения! Если мы непрестанно будем совершать такие чудеса, то посредством их и сами сделаемся великими и удивительными, и всех порочных привлечем к добродетели, и достигнем будущей жизни, – которой да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXIII

Се аз посылаю вас, яко овцы посреде волков; будите убо мудри яко змия, и цели яко голубие (Мф. X, 16)

1. После того, как Господь обеспечил апостолов относительно пропитания и отверз им все дома, Он и самый вход их соделал достойным уважения, повелевая им входить не как скитающимся и нищим, но как таким людям, которые гораздо почтеннее самих принимающих их. (Это именно дал Он разуметь как словами: *достоин делатель мзды своея* (Мф. X, 10), так и повелением осведомляться о достойных и у них оставаться, а равно повелением приветствовать приемлющих и угрозой жестоких казней неприемлющим.) Когда, таким образом, Он освободил их от заботы о пропитании, вооружил знамениями, сделал их как бы железными и адамантовыми, отрешив от всего житейского и освободив от всех временных забот,– тогда-то Он начинает говорить уже и о тех бедствиях, которые имели их постигнуть, и не только о тех, которые должны были наступить вскоре, но и о тех, которые имели последовать по прошествии многого времени, и таким образом заранее приготовляет их к брани против диавола. Этим достигалось многое: во-первых, апостолы узнали силу предвидения Его; во-вторых, никто уже не мог думать,

что эти бедствия происходят от бессилия Учителя; в-третьих, те, которые должны были терпеть эти бедствия, не могли ужасаться их, как непредвиденных и неожиданных; в-четвертых, слыша это, апостолы не должны были смущаться и при наступлении времени крестных страданий, — как они смутились в то время, когда Он, обличая их, говорил: *яко сия глаголах вам, скорби исполних сердца ваша* и *никтоже от вас вопрошает Мене: камо идеши* (Ин. XVI, 6, 5)? Впрочем, Он о Себе еще ничего не говорит; не говорит, например, что Он будет связан, мучим и умерщвлен, чтобы этим не возмутить сердец их; а только предсказывает им то, что имело с ними случиться. Далее: чтобы они поняли, что им предлежит новый закон брани и чудный образ ополчения, Он, посылая их почти нагими, с одной одеждой, без обуви, без жезла, без меди при поясе, без сумы, и повелевая самое пропитание получать от тех, которые их принимают, и тем не кончил Своего слова, но, показывая несказанную силу Свою, говорит: вот как вам должно идти (на проповедь): показывайте овчую кротость, хотя вы должны идти против волков, и не просто против волков, но и посреди волков. И не только кротость овчую Он повелевает иметь им, но и голубиное незлобие. Я покажу Мою крепость в особенности в том, что овцы преодолеют волков и, находясь среди них и подвергаясь бесчисленным угрызениям, не только не истребятся, но преобразят и их самих. А гораздо удивительнее и более значит — изменить расположение воли и преобразовать ум, нежели умертвить, в особенности когда овец только двенадцать, а волков полна вся вселенная.

Итак, устыдимся поступать вопреки заповеди Христовой и нападать на врагов, как волки. Доколе мы будем овцами, дотоле будем побеждать; хотя бы и бесчисленное множество волков нас окружало, но мы их преодо-

леем и победим. Если же будем волками, – будем побеждены, потому что отступит от нас помощь Пастыря (Он пасет не волков, а овец); Он оставит и удалится от тебя, потому что ты не дашь открыться Его силе. Когда ты показываешь в злостраданиях кротость, то вся победа Ему принадлежит; а когда сам нападаешь и сражаешься, помрачаешь победу. Смотри же: кто те, которым даются столь тяжкие и неудобоисполнимые повеления? Это люди боязливые и простые, некнижные и неученые, вовсе не знатные, вовсе не образованные по внешним законам, не занимавшиеся судебными делами, рыбари, мытари, исполненные только бесчисленных недостатков. Если эти последние могли привести в замешательство и людей важных и великих, то как же не могли они привести в отчаяние и ужас людей вовсе неискусных и никогда не помышлявших ни о чем достохвальном? Но они не привели их в отчаяние. Но, может быть, иной скажет: так тому и быть надлежало, потому что Он дал им власть очищать прокаженных и изгонять бесов. А я на это скажу, что это-то самое и должно было привести их еще в большее смущение, когда, несмотря на данную им власть воскрешать мертвых, им следовало терпеть такие ужасные бедствия на судилищах, заключение в темницы, нападение от всех, общую ненависть вселенной и подвергаться таковым бедствиям, имея власть творить чудеса. И какое было для них утешение во всех этих бедствиях? Сила Посылающего. Потому-то Он прежде всего и сказал: *се Аз посылаю вас*. Этого довольно для вашего утешения; этого довольно для того, чтобы вас ободрить и чтобы вам не бояться никого из противников ваших.

2. Видишь ли ты могущество? Видишь ли власть? Видишь ли непреодолимую силу? Слова Его имеют такой смысл: не смущайтесь, говорит Он, что Я вас посылаю как овец среди волков и повелеваю, чтобы вы были

как голуби. Я мог поступить иначе: Я мог не попустить претерпевать вам какое-либо зло и не предавать вас как овец волкам; Я мог сделать вас страшнее львов. Но лучше этому быть так: это и вам приносит более славы, и Мою возвещает силу. Так же Он говорил и Павлу: *довлеет ти благодать Моя; сила бо Моя в немощи совершается* (2 Кор. XII, 9). Такова Моя воля относительно вас. Итак, когда Господь говорил: *се Аз посылаю вас, яко овцы*, — давал им разуметь: не унывайте, Я знаю, Мне совершенно известно, что вы в особенности, поступая таким образом, не будете никем побеждены. Далее, чтобы они сколько-нибудь и сами содействовали, чтобы не все казалось делом одной благодати, и чтобы не подумали, что они получают венцы ни за что, — говорит: *будите убо мудри яко змия, и цели яко голубие*. Но поможет ли нам сколько-нибудь, скажут, наша мудрость в таких опасностях? И можно ли иметь какую-либо мудрость, когда нас обуревают такие волны? Сколько бы овца мудра ни была, но что она может сделать среди волков, и притом среди такого множества волков? Сколько бы ни был незлобив голубь, но что ему делать при нападении такого множества ястребов? Для бессловесных тут нет никакой пользы, а для вас — польза величайшая. Но посмотрим, какая здесь требуется мудрость. Мудрость змииная. Как змий ничего не бережет и, когда самое тело его рассекают на части, не сильно защищается, чтобы только соблюсти голову, так и ты, говорит Христос, все отдай: и имение, и тело, и самую душу — кроме веры. Вера есть глава и корень; если ты сохранишь ее, то хотя бы и все потерял, опять все приобретешь с большей славой. Вот почему Господь и повелел быть им не простыми только и незлобивыми, и не мудрыми только, но совокупил то и другое, чтобы из того и другого составилась добродетель: Он требовал змеиной мудрости для предостережения от опаснейших пораже-

ний, а голубиного незлобия – для предотвращения мстительности за обиды и отплаты за наветы, потому что нет никакой пользы и в мудрости, когда она не соединена с незлобием. Что может быть строже этих повелений? Не достаточно только претерпевать бедствия: нет,– говорит, – Я не позволяю тебе за то даже и гневаться (это и значит быть голубем). Походит на то, как если бы кто-нибудь, бросив трость в огонь, повелевал ей не только не сгорать в огне, но и погасить огонь. Но не будем смущаться: эти повеления сбылись, исполнились, и самым делом совершились. Люди одного и того же, а не другого с нами естества, бывали и мудры как змии, и незлобивы как голуби. Итак, да не почитает кто-либо этих повелений вовсе неудобоисполнимыми. Господь лучше всех знает естество вещей; Он знает, что дерзость погашается не дерзостью, но кротостью. И если хочешь видеть, как это совершается на самом деле, то прочитай книгу Деяний Апостолов и увидишь, сколько раз, когда восставал против них народ иудейский и скрежетал зубами, они, подражая голубю и отвечая иудеям с надлежащей кротостью, угашали их ярость, прекращали неистовство, утишали страсти. Так, когда иудеи говорили им: *не запрещением ли запретихом вам не* говорить *о имени сем* (Деян. V, 28)? – то апостолы, имея власть творить бесчисленные чудеса, не сказали и не сделали ничего грубого, но со всей кротостью защищались, говоря: *аще праведно есть вас послушати паче, нежели Бога, судите* (Деян. IV, 19). Видишь ли голубиное незлобие? Но вот и мудрость змеиная: *не можем бо мы, яже видехом и слышахом, не глаголати* (ст. 20). Видишь, какая потребна во всем твердость, чтобы и в бедах не ослабеть, и не раздражиться в гневе? Потому-то Христос и сказал: *внемлите от человек, предадят бо вы на сонмы, и на соборищах их биют вас; и пред владыки и цари ведени будете Мене ради во свидетельство им и языком*

(Мф. X, 17, 18). Опять Он располагает их к бодрствованию, обрекая и здесь их на злострадания, а злодействовать попуская другим; и это для того, дабы ты знал, что победа и славные трофеи даются претерпением бедствий. Он не сказал: сражайтесь и вы и противостойте тем, которые будут причинять вам насилие, но только: вы будете терпеть крайние бедствия.

3. Как велика сила Того, Кто так говорил! Как велико любомудрие тех, которые слушали! Нужно крайне удивляться, каким образом апостолы, эти боязливые люди, никогда не бывавшие далее озера, в котором ловили рыбу, слыша такие речи, тотчас же не удалились. Как они не подумали и не сказали сами в себе: куда же нам бежать? Против нас судилища, против нас цари и правители, иудейские синагоги, народы эллинские, начальники и подчиненные, — потому что Христос им предсказал не только о бедствиях, ожидающих их в одной Палестине, но предвозвестил и о брани против них всей вселенной, говоря: *пред цари ведени будете и владыки,* — показывая тем, что Он впоследствии пошлет их проповедниками и к язычникам. Ты против нас воздвиг всю вселенную, вооружил против нас всех живущих на земле — народы, властителей, царей. А то, что затем следует, еще ужаснее: когда люди сделаются из-за нас и братоубийцами, и детоубийцами, и отцеубийцами. *Предаст,* сказано, *брат брата на смерть, и отец чадо: и востанут чада на родители, и убиют их* (ст. 21). Как же будут верить нам прочие, когда увидят, что из-за нас родители убивают детей, братья братьев, и все наполнится убийством: не будут ли нас отовсюду изгонять, как злых демонов, как развратников и губителей вселенной, когда увидят землю, исполненную крови родственников и подобными убийствами? Хорош же будет мир, который мы преподадим входя в дома, наполнив их такими убийствами! Если бы нас было и много, а не

двенадцать человек; если бы мы были не простецами и не некнижными, а мудрецами, риторами и сильными в слове, или, лучше, если бы мы были даже царями, имели войска и множество богатства, то и тогда как могли бы мы убедить кого-либо, возжигая междоусобные брани и даже хуже междоусобных. Если мы будем нерадеть и о собственном нашем спасении, то послушает ли нас кто-нибудь? Но апостолы ничего такого ни подумали, ни сказали; они не требовали объяснений и оснований таких повелений, а только соглашались и покорялись. И это означало не их одну добродетель, но и премудрость Учителя. В самом деле, смотри, как Он с каждой печалью сопрягает и приличное утешение! О тех, которые не будут принимать, говорит: *отраднее будет земли Содомстей и Гоморрстей в день судный, неже граду тому* (ст. 15); равно и здесь, сказавши: *пред владыки и цари ведени будете*, присовокупил: *Мене ради, во свидетельство им и языком*. А страдать за Христа и страдать в обличение язычников, — это немалое утешение. Бог везде Свое совершает, хотя бы и никто не обращал на то внимания. Это служило для них утешением не потому, однако, чтобы они желали отомщения другим, а потому, что могли быть уверены, что Тот, Кто предвидел и предсказал им эти злоключения, будет всюду с ними присутствовать, и что они будут терпеть эти бедствия не как преступники и злодеи. Кроме того, Он и другое присовокупляет немалое для них утешение, говоря: *егда же предадут вы, не пецытеся, како или что возглаголете: дастбося вам в той час, что возглаголете. Не вы бо будете глаголющии, но Дух Отца вашего глаголяй в вас* (ст. 19, 20). Чтобы они не сказали: как можно нам убеждать при таких обстоятельствах? — Он повелевает им быть твердо уверенными и относительно защиты. И в другом месте Он говорит: *Аз дам вам уста и премудрость* (Лк. XXI, 15); а здесь, говоря: Дух

Отца вашего глаголяй в вас, Он возводит их в достоинство пророческое. Потому-то, когда сказал о данной им силе, Он говорит вместе и о бедствиях, о убийствах и закланиях. *Предаст бо,* говорит, *брат брата на смерть, и отец чадо, и востанут чада на родителей, и убиют их,* – и даже на этом не остановился, но присовокупил еще более ужасное, что могло потрясти и самый камень: *и будете ненавидими всеми;* но тотчас же дал здесь и утешение: вы подвергнетесь, говорит, этим страданиям *имене Моего ради;* а далее еще и другое утешение: *претерпевый же до конца, той спасен будет* (ст. 22). Впрочем, слова Христовы могли возбудить в апостолах мужество еще и иным образом, – именно, внушив им мысль, что проповедь их будет пламенеть такой силой, которая победит самое естество, отвергнет родство, и что слово их, будучи предпочтено всему, могущественно преодолеет все. Если уже сила родственных уз не сможет противостать проповеди, но будет разрушена и низложена, то что другое в состоянии будет преодолеть вас? Впрочем, хотя это и будет так, однако же вы не будете жить в безопасности; напротив, все живущие во вселенной будут вашими врагами и неприятелями.

4. Где ныне Платон? Где Пифагор? Где толпа стоиков? Первый, при всем том, что пользовался великим уважением, до такой степени был унижен, что был даже продан и ни у одного государя не мог привести в исполнение ни одного из своих желаний. Другой, предав своих учеников, жалким образом кончил жизнь. И цинические пошлости исчезли, как сон и тень. И это несмотря на то, что с ними никогда ничего такого не случалось, что было с апостолами. Напротив, они прославляемы были за мирское любомудрие, и афиняне, например, всенародно читали письма Платоновы, присланные от Диона. Они все время проводили в покое и владели немалыми достатками. Так Аристипп за доро-

гую цену нанимал блудниц, а один из философов написал завещание и оставил после себя немалое наследство; другой ходил по ученикам своим, как по мосту; а о Диогене Синопском говорят, что он всенародно делал бесчиния на торжище. Вот славные дела их! Но у апостолов нет ничего такого; а напротив, постоянное целомудрие, полнейшая пристойность, притом брань с целой вселенной за истину и благочестие, ежедневное подвергание смерти и затем — блистательные победы. Скажут: есть и у них искусные военачальники, как то: Фемистокл, Перикл. Но деяния их в сравнении с действиями рыбарей — детские забавы. Что бы ты сказал мне о Фемистокле? То ли, что он убедил афинян взойти на корабли, когда Ксеркс напал на Грецию? Но здесь не Ксеркс делает нападение, а диавол, со всей вселенной и с бесчисленным множеством бесов, устремляется на двенадцать человек; и эти двенадцать побеждают и одолевают его не раз какой-нибудь, а в течение всей своей жизни, и — что удивительно — побеждают, не истребляя противников своих, но переменяя и исправляя их. Это-то особенно и достойно всякого внимания, что они не убивали и не истребляли тех, которые злоумышляли против них, но, нашедши их подобными диаволам, сделали равными ангелам и таким образом освободили человеческое естество от лютого владычества, а злобных тех и все возмущающих бесов изгнали с торжищ, из домов и даже из самой пустыни. Доказательство этому — лики монахов, которых они всюду насадили, очистив через них не только места обитаемые, но и необитаемые. И что всего удивительнее, совершили все это, не отражая силу силой, но достигли всего через злострадания. В самом деле, этих двенадцать беззащитных простолюдинов заключили в узы, подвергали бичеванию, водили с места на место,— и однако ж не могли заградить им

уст. Как невозможно связать лучей солнечных, так невозможно было связать и языка их. А причина этому та, что не они сами говорили, но сила Духа. Этой-то силой и Павел победил Агриппу и Нерона, превосходившего своим нечестием всех людей: *Господь мне предста,* говорит он, *и укрепи мя и* избавил *от уст львовых* (2 Тим. IV, 17). А впрочем, подивись и им самим, как они, услышав слова: *не пецытеся,* поверили, послушались, и никакие ужасы не могли их поколебать. Но скажешь: Господь дал им достаточное утешение, сказав: *Дух Отца вашего будет глаголяй.* Но потому-то особенно я и удивляюсь им, что они не поколебались и не стали просить освобождения от опасностей, несмотря на то, что им предстояло претерпевать их не два, не три года, но целую жизнь, как то давал им разуметь Господь словами: *претерпевый* же *до конца, той спасен будет.* Он хочет, чтобы не только являлась Его сила, но чтобы и с их стороны были подвиги. В самом деле, с самого начала заметь, как одно совершается Им, а другое – учениками. Творить чудеса – Его дело; не стяжать ничего – дело учеников. Опять: отворить все дома – это дело высшей благодати; а не требовать ничего, кроме необходимого, – это дело их любомудрия: *достоит делатель мзды своея* (Мф. X, 10). Даровать мир – это дар Божий; находить достойных и не ко всем без разбору входить – это дело их воздержания. И опять: наказывать не приемлющих их – это дело Божие; а удаляться от таковых без препирательств, без укорения и досаждения – это дело апостольской кротости. Давать Духа и освобождать от попечения как или что говорить – это дело Посылающего их; а быть подобными овцам и голубям и все переносить великодушно – это дело их твердости и благоразумия. Быть ненавидимыми и не унывать, а терпеть – это их дело; а спасать претерпевающих – это дело Посылающего их. Поэтому Он и сказал: *претерпевый до конца, той спасен будет.*

5. Так как обыкновенно бывает, что многие начинают дела с ревностью, а впоследствии ослабевают, то Спаситель и говорит, что – Я смотрю на конец. Что пользы в тех семенах, которые сначала цветут, а после скоро увядают? Потому Он и требует от учеников своих постоянного терпения. И чтобы кто не сказал, что Господь сам все сотворил и потому нет ничего удивительного, что они были таковыми, раз не терпели тяжких страданий, то Он говорит им, что вам нужно и терпеть. Хотя Я избавлю вас от первых опасностей, но Я вас соблюдаю для тягчайших, за которыми опять последуют новые, так что вы не перестанете подвергаться наветам даже до последнего издыхания. Это именно Он и давал разуметь словами: *претерпевый же до конца, той спасен будет.* Вот почему, сказав: *не пецытеся, что возглаголете*, в другом месте Он же говорит: *готовы будите ко ответу всякому, вопрошающему вы словесе о вашем уповании* (1 Пет. III, 15). Когда борьба происходит между друзьями, Он повелевает и нам иметь попечение; но когда открывается страшное судилище, неистовствуют народы и отовсюду ужас, тогда Он Сам подает нам силу дерзновенно вещать, не ужасаться и не изменять правде. Подлинно, великое дело, когда человек, занимавшийся рыболовством, или выделкой кож, или сбором податей, явившись перед лицо владык, которым предстоят сатрапы и телохранители с обнаженными мечами и вместе с ними всеми народ, – один, связанный, с поникшей головой, в состоянии был разверсть уста. Им даже не дозволили защищать свое учение, а прямо присуждали на избиение, как всеобщих развратителей вселенной. *Иже развратиша вселенную*, говорили про них, *сии и зде приидоша* (Деян. XVII, 6); и далее: они проповедуют противное *велениям Кесаря, глаголюще быти Царя* Христа *Иисуса* (ст. 7). Повсюду судилища уже наперед были заняты такими мыслями, и требовалась великая свыше

помощь, чтобы доказать, что и учение, которое они преподавали, есть истинно, и что общих законов они не ниспровергают; нужна была помощь с одной стороны для того, чтобы при ревностной проповеди учения не подать случая думать, что они ниспровергают законы, с другой стороны – для того, чтобы не повредить истине учения, когда они старались доказать, что не ниспровергают общественных уставов. Ты увидишь, что все это совершено с надлежащей мудростью Петром, Павлом и всеми другими. Хотя их порицали по всей вселенной как возмутителей, мятежников и нововводителей, но они не только опровергли такое мнение, но заставили всех о себе думать совсем напротив – как о спасителях, попечителях и благодетелях. И все это они совершили великим терпением. Потому Павел и говорил: *по вся дни умираю* (1 Кор. XV, 31), и пребывал в опасностях до конца жизни. Итак, достойны ли будем какого-нибудь извинения мы, когда, видя такие примеры, даже и наслаждаясь миром, ослабеваем и падаем? Никто против нас не воюет, а мы закалаемся; никто нас не гонит, а мы изнемогаем. Нам определено спасаться среди мира – и того мы не можем сделать! Апостолы и тогда, как вся вселенная горела и вся земля пылала огнем, шли в середину пламени и исторгали оттуда горящих; а мы и себя не можем сберечь. Какое после этого мы будем иметь оправдание, какое прощение? Нам не угрожают ни бичевания, ни темницы, ни власти, ни синагоги и ничто тому подобное, – напротив, мы сами начальствуем и владычествуем. И цари теперь благочестивы, и христиане пользуются всякими почестями, властью, славой, наслаждаются спокойствием; и при всем том мы не побеждаем. Те, будучи каждодневно уводимы на казни, и учители и ученики, претерпевая бесчисленные раны и непрестанные уязвления, веселились более, нежели пребывающие в раю; а мы, даже и во сне не потерпев ничего такого,

слабее всякого воска. Скажешь: они творили чудеса. А разве за то их не бичевали? Разве за то не изгнали? То-то и удивительно, что они часто терпели такие страдания даже от облагодетельствованных ими, и все-таки, восприемля зло вместо благ, не приходили в смущение; а ты, оказав какое-нибудь ничтожное благодеяние другому, а потом получив от него какое-либо огорчение, ропщешь, негодуешь и раскаиваешься в том, что ты сделал.

6. Теперь, если бы случились (чего не дай Бог никогда) брань и гонение на церкви, подумай, сколько бы было уничижения, какое бы было поношение! И вполне естественно. Раз никто не упражняется в искусстве борьбы, то каким образом окажется кто-нибудь славным победителем во время состязаний? Какой же ратоборец, раз он не учился приемам борьбы, будет в состоянии с успехом и достоинством бороться с противником на Олимпийских играх? Не должно ли и нам каждодневно упражняться в борьбе, бою и беге? Не видите ли, что так называемые пятиборцы, когда им не с кем бывает бороться, повесив туго набитый песком мешок, упражняют на нем все свои силы, а более молодые приучают себя к сражению с противниками в борьбе со своими товарищами? И ты подражай им и занимайся подвигами любомудрия. В самом деле, многие тебя возбуждают ко гневу, влекут к похоти и воспаляют великий пламень. Стой же против страстей, переноси мужественно душевные болезни, чтобы мог ты переносить и телесные страдания. И блаженный Иов, если бы не был хорошо приготовлен к подвигам прежде их наступления, не просиял бы так блистательно во время подвигов; если бы не приучился быть совершенно беспечальным, то по смерти детей сказал бы, может быть, что-нибудь строптивное. А теперь устоял против всех нападений, против лишения богатства и потери такого изобилия, против утраты детей, против сострадания

жены, против телесных ран, против упреков друзей, против укоризны рабов. Если же ты хочешь видеть, как он приготовлял себя к подвигам, то послушай его, как он презирал богатства: *аще же и возвеселился*, говорит он, *многому богатству бывшу*; разве не считал я золото за прах; *аще на камения многоценная надеяхся* (Иов. XXXI, 25, 24). Потому-то он и не пришел в смущение тогда, когда отнято было у него имение, что он не питал пристрастия к нему, когда и обладал им. Послушай, как он относился и к детям: он не был к ним слишком снисходителен, как мы, а требовал от них полного благонравия. Если он и о неведомых поступках их приносил жертву, то подумай, каким был он строгим судьей их явных поступков. Если ты хочешь слышать и о подвигах его целомудрия, то послушай, что он говорит: *завет положих очима моима, да не помышлю на девицу* (Иов. XXXI, 1). Вот почему не поколебала его твердости и жена; он любил ее и прежде, но не чрезмерно, а так, как надлежит любить жену. После этого для меня даже удивительно, откуда пришла мысль диаволу воздвигнуть против него брань, раз он знал о предварительных подвигах его. Откуда же, однако? О, это зверь лукавый и никогда не приходит в отчаяние; и это, конечно, служит к величайшему нашему осуждению, что он никогда не отчаивается в нашей погибели, а мы отчаиваемся в своем спасении. Смотри далее, как Иов заранее приучал себя относиться к тяжким поражениям и болезням телесным. Так как сам он никогда ничему подобному не подвергался, но постоянно жил в богатстве, неге и роскоши, то он каждый день представлял себе чужие бедствия. *Страх, егоже ужасахся*, говорил он, свидетельствуя об этом, *прииде ми, и егоже бояхся, срете мя* (Иов. III, 25). И еще: *аз же о всяцем немощнем восплакахся, и воздохнув, видев мужа в бедах* (Иов. XXX, 25). Вот почему ни одно из приклю-

чившихся с ним великих и тяжких бедствий и не смутило его. Но не смотри на потерю только имения, на лишение детей, на неисцелимую язву, на наветы жены, а обрати внимание на то, что гораздо тягостнее всего этого. Но, скажешь, что же еще тягостнее этого претерпел Иов? Действительно, из истории мы ничего более не знаем. Но мы не знаем потому, что спим, а кто с большим прилежанием и тщанием станет рассматривать этот перл добродетели, тот несравненно более увидит. Было действительно нечто другое, более тяжкое, что могло привести Иова еще в большее смущение. И, во-первых, он ничего еще не знал ясно о царствии небесном и воскресении, почему со скорбью и говорил: *не поживу бо во век, да долготерплю* (Иов. VII, 16). Во-вторых, он много сознавал в себе доброго. В-третьих, ничего не сознавал за собой худого. В-четвертых, он думал, что терпит все от Бога; а если и от диавола, то и это могло его привести в соблазн. В-пятых, он слышал, как друзья несправедливо обвиняли его в нечестии: не недостойно, говорили они, о *нихже согрешил еси, уязвлен еси* (XV, 11). В-шестых, он видел, что порочные жили благополучно и насмехались над ним. В-седьмых, он не мог видеть, чтобы кто другой когда-нибудь пострадал так много.

7. И ежели ты хочешь знать, как это было тяжко, суди по-настоящему. Если некоторые даже теперь, — при несомненном ожидании царствия, при чаянии воскресения и несказанных благ, несмотря притом же на множество сознаваемых за собой пороков, несмотря на то, что имеют перед собой такие примеры и обучены такому любомудрию, — когда лишатся малость золота, да и то часто приобретенного хищением, почитают для себя жизнь не в жизнь, хотя не восстает против них жена, не отняты дети, не поносят их друзья, не насмехаются рабы, а, напротив, многие утешают,

одни — словом, другие — делом, то каких же достоин венцов Иов, который, видя, как случайно и внезапно похищено было у него собранное праведными трудами имущество, и после принужденный терпеть бесчисленное множество искушений, среди всех напастей остается непоколебимым и за все это приносит Господу подобающее благодарение? И тут, если бы и никто ему ничего не говорил, то и одних слов жены достаточно было бы к тому, чтобы поколебать даже скалу. Посмотри, в самом деле, на ее злодейство. Она не упоминает ни об имении, ни о верблюдах, ни о стадах овец и волов (потому что она знала, как любомудрствовал об этом муж ее), а напоминает о том, что было всего тяжелее — о детях: она говорит о печальной судьбе их с особенной выразительностью, указывая притом и на свое горе (Иов. II, 9). Если жены многократно преклоняли ко многому мужей и во время благополучия, когда они никакой не терпели неприятности, то помысли, как мужественна была душа этого праведника, если она отразила жену, напавшую на нее с такими оружиями, и попрала две сильнейшие страсти: вожделение и жалость. Подлинно, многие победили вожделение, но побеждены были жалостью. Так мужественный Иосиф обуздал сильнейшую похоть и отразил варварскую ту жену, употреблявшую против него многочисленные ухищрения, но не удержался от слез, — напротив, как скоро увидел братьев, причинивших ему обиду, объят был жалостью и тотчас же, оставив притворство, открыл все дело. Но когда приступает жена и обращается с речью, способной возбудить сожаление, причем ей благоприятствуют и время, и раны, и язвы, и бесчисленные несчастья, то не должно ли по справедливости сказать, что душа, которая нимало не поколебалась от такой бури, тверже всякого адаманта? Да, позвольте мне смело сказать, что тот блаженный муж если не

более, то, по крайней мере, не менее был самих апостолов. Их утешало то, что они страдали за Христа; и это было для них врачевством, которое могло на всякий день укреплять их вновь. Господь везде прибавлял, говоря: *за Мя, Мене ради*; и: *аще* Меня *Господина дому Веельзевула нарекоша* (Мф. X, 25). Между тем Иов не имел такого утешения, – равно как и утешения, даруемого совершением знамений, или благодатью, потому что он не имел такой силы духа. И что особенно важно, – он потерпел все свои страдания, будучи воспитан в великой неге, будучи не рыбарем каким-нибудь, не мытарем, не бедняком, а человеком, пользовавшимся великим почетом. И что казалось для апостолов самым тяжким, то же самое перенес и Иов, будучи ненавидим от друзей, рабов, врагов и облагодетельствованных им; а священного якоря и необуреваемого пристанища, каковым были для апостолов слова – *Мене ради*, он не имел. Удивляюсь я и трем отрокам, что они не устрашились печи, что воспротивились царю. Но послушай, что они говорят: *богом твоим не служим, и образу, егоже поставил еси, не поклоняемся* (Дан. III, 18). Уверенность, что все, что они ни переносят, переносят за Бога, была для них величайшим утешением. А Иов не знал, что это было для него и борьба и подвиг. А если бы знал, то он и не почувствовал бы происходившего с ним. Когда он услышал: *мниши ли Мя инако тебе сотворша, разве да явишися правдив* (Иов. XL, 3)? – то представь, как он тотчас же ободрился от одного слова; как уничижил себя, как не счел даже и страданием того, что он перестрадал, говоря: *по что еще прюся наказуем и обличаем от Господа, слыша таковая ничтоже сый аз* (Иов. XXXIX, 34)? И еще: *слухом уха слышах Тя первее, ныне же око мое виде Тя; темже укорих себе сам и истаях; мню же себе землю и пепел* (XLII, 5, 6). Поревнуем такому мужеству, такой кротости праведника, жившего до закона и благодати, и мы, живущие

после закона и по благодати, чтобы вместе с ним сподобиться вечных обителей, которых и да сподобимся все мы получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXIV

Егда же гонят вы во граде сем, бегайте в другий. Аминь бо глаголю вам: не имате скончати грады Израилевы, дондеже приидет Сын человеческий (Мф. X, 26)

1. После страшных, способных привести в трепет и сокрушить самый адамант предсказаний о будущей участи апостолов по распятии, воскресении и вознесении Его, — Спаситель опять переходит к речи более успокоительного свойства, чтобы дать этим подвижникам возможность вздохнуть и доставить им великое ободрение. Именно — Он не повелевает гонимым вступать в борьбу с гонителями, но убегать от них. И так как это было только еще началом для них и предначатием, то Спаситель и говорит к ним гораздо снисходительнее. Господь говорит не о тех гонениях, которые имели быть после, но о тех, которые долженствовали быть прежде распятия и страдания Его, что и показал словами: *не имате скончати грады Израилевы, дондеже приидет Сын человеческий*. Итак, чтобы ученики не говорили: а что, если мы убежим от гонителей куда-нибудь, а они и там найдут нас и опять будут преследовать, — Спаситель, уничтожая таковой страх, говорит: вы не успеете обойти Палестины, как Я тотчас приду к вам. Смотри опять, как и в данном случае Он не уничтожает бедствий, а только является помощником во время опасностей. Он не сказал: Я избавлю вас и прекращу гонения; но что? *не има-*

те скончати грады Израилевы, дондеже приидет Сын человеческий. И подлинно, для утешения их довольно было того, чтобы только увидеть Его. Итак, смотри, как Он не все и не везде предоставляет благодати, но повелевает им нечто присовокуплять и от себя. Если, говорит Он, вы боитесь, то бегайте; на что Он и указал словами: *бегайте,* и: «не бойтесь». И, однако, Он не прежде повелевает им бежать, чем начнут их гнать; равным образом и место назначает им не большое, а повелевает только обойти города израильские. После этого Он опять приготовляет их к другому роду любомудрия. Сперва Он освободил их от попечения о пище, потом от страха опасностей; а теперь освобождает от страха поношения. Освободил их от попечения о пище, когда сказал: *достоин есть делатель мзды своея* (X, 10) и открыл, что многие будут принимать их; освободил от страха опасностей, когда сказал: *не пецытеся, како или что возглаголете* (ст. 19), и: *претерпевый до конца, той спасен будет* (ст. 22).

Но так как апостолы, кроме того, должны были подвергнуться еще и худому о себе мнению других, что для многих кажется тягчайшим злом, то смотри, как Христос и здесь их утешает: Он дает им утешение, с которым ничто не могло сравняться, именно указывает на свой собственный пример, – на то, что говорили о Нем самом. Подобно тому как раньше, сказав: *будете ненавидими всеми,* Он присовокупил: *имени Моего ради* (ст. 22), так точно и здесь, причем присоединяет еще и другое утешение. Какое же? *Несть ученик,* говорит, *над учителем своим, ниже раб над господином своим. Довлеет ученику, да будет яко учитель его, и раб яко господь его. Аще Господина дому Веельзевула нарекоша, кольми паче домашния его? Не убойтеся убо их* (ст. 24–26). Смотри, как Он открывает о Себе, что Он есть Владыка вселенной, Бог и Творец. Что же? *Несть ученик над учителем своим, ниже раб над*

господином своим. Доколе кто ученик или раб, дотоле он не имеет равной чести с учителем и с господином. Не указывай мне на редкие примеры противоположного рода, а принимай сказанное применительно к тому, как обыкновенно бывает. Далее, – чтобы показать свою особенную близость к ученикам, Он не говорит: кольми паче *раб,* но: *домашния* его. Так и в другом месте Он говорил: *не к тому вас глаголю рабы; вы друзи Мои есте* (Ин. XV, 15, 14). И не просто сказал: если Господина дома поносили и злословили, но указывает и самый образ поношения, говоря, что Его назвали Веельзевулом. Вслед за тем он дает еще и другое, не меньшее утешение. Конечно, то утешение было величайшее, но так как апостолы еще не готовы были к любомудрию и нужно было такое утешение, которое могло бы особенно их укрепить, то Он присовокупляет и его. Что же говорит Он? *Ничтоже есть покровено, еже не открыется; и тайно, еже не уведено будет* (Мф. X, 26). Хотя образ речи выражает, по-видимому, положение самое общее, однако сказано не обо всех вообще случаях, но о данных только. Речь Спасителя имеет такой смысл: довольно для вашего утешения и того, что и Я, Учитель и Господь ваш, подвергаюсь одинаковой с вами укоризне. Если же вы, слыша это, не перестаете все же смущаться, то имейте в виду и то, что спустя немного времени вы избавитесь и от позорных нареканий. И о чем вы скорбите? О том ли, что вас называют обманщиками и льстецами? Но подождите немного, и все будут называть вас спасителями и благодетелями вселенной. Время все сокровенное открывает, оно изобличит и клевету врагов, и откроет вашу добродетель. Если вы самим делом окажетесь спасителями и благодетелями и явите всякую добродетель, то люди не станут внимать их словам, а будут смотреть на истину дел. Тогда они сами окажутся клеветниками, лжецами и злодеями, а вы воссияете

светлее солнца, — потому что время впоследствии откроет и возвестит, кто вы таковы, прозвучит громче трубы и сделает всех свидетелями вашей добродетели. Итак, мои слова, которые Я теперь говорю, не должны приводить вас в уныние, но должны одушевлять вас надеждой будущих благ; невозможно, чтобы дела ваши остались в неизвестности.

2. После того, как Спаситель освободил апостолов от всякого беспокойства, страха и заботы и поставил их превыше поношений, Он благовременно наконец говорит и о дерзновении, которое они должны были иметь в проповеди учения. *Еже глаголю вам во тьме,* говорит, *рцыте во свете, и еже во уши слышите, проповедите на кровех* (ст. 27). Конечно, тьмы не было, когда Христос говорил это, и говорил Он ученикам не на ухо; здесь употреблен лишь усиленный оборот речи. Так как Он беседовал с ними наедине и в маленьком уголке Палестины, то и сказал — *во тьме и на ухо,* желая противопоставить образ настоящей беседы с тем дерзновением в проповедании, которое Он имел даровать им. Не одному, не двум и не трем городам, но всей вселенной проповедуйте, говорит Он, и, проходя землю, море, места обитаемые и необитаемые, с открытой головой и со всякой смелостью говорите все царям и народам, философам и риторам. Потому Он сказал: *на кровех и во свете,* то есть без всякой робости и со всей свободой. Но для чего Он не сказал только: *проповедите на кровех,* и: *рцыте во свете,* а присовокупил еще: *еже глаголю вам во тьме,* и: *еже во уши слышите?* Для того, чтобы ободрить их в духе. Подобно тому, как в другом месте Он говорил: *веруяй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит, и больша сих сотворит* (Ин. XIV, 12), так и здесь присовокупил эти слова для того, чтобы показать, что Он все совершит через них, и совершит более, нежели сколько совершил Сам. Я, говорит Он, положил начало

и предначинание и через вас хочу совершить гораздо более. Говоря это, Он не только дает им повеление, но и предсказывает будущее с совершенной уверенностью в истине слов Своих, и показывает, что они все преодолеют, причем опять прикровенно искореняет в них страх злословия. Подобно тому как проповедь эта, неприметная теперь, распространится всюду, так и худое мнение иудеев скоро исчезнет. Потом, ободрив и возвысив их, Он опять предсказывает опасности, воскрыляя дух их и вознося превыше всего. Что говорит Он? *Не убойтеся от убивающих тело, души же не могущих убити* (ст. 28). Видишь ли, как Он поставляет их превыше всего? Не только превыше забот, злословий, опасностей и наветов, но убеждает их презирать то, что всего страшнее – самую смерть, и не просто смерть, но смерть насильственную. Он не сказал, что вы будете умерщвлены, но со свойственным Ему величием открыл все, говоря: *не убойтеся от убивающих тело, души же не могущих убити; убойтеся же паче могущего и душу и тело погубити в геенне* (Мф. X, 28), что́ Он и всегда делает, употребляя в речи противоположность. Что, в самом деле, Он говорит? Вы боитесь смерти и потому не смеете проповедовать? Но потому-то самому вы и проповедуйте, что боитесь смерти. Это вас избавит от истинной смерти. Хотя вас будут умерщвлять, но не погубят того, что в вас есть самое лучшее, хотя бы о том и всемерно старались. Потому-то не сказал Он: *души* же не убивающих, но: *не могущих убити.* Хотя бы они и хотели это сделать, но не смогут. Итак, если ты боишься муки, то бойся муки гораздо ужаснейшей. Видишь ли, что Он опять не обещает им избавления от смерти, но, попуская умереть, дарует большее благо, нежели когда бы Он не попустил им пострадать таким образом? И подлинно, заставить презирать смерть – гораздо важнее, нежели освободить от смерти. Итак, Он не ввергает их в опас-

ности, но возвышает над опасностями, в кратких словах утверждает в них учение о бессмертии души, двумя-тремя словами насаждает спасительное учение и утешает их другими рассуждениями. И чтобы тогда, когда будут их умерщвлять и закалать, они не подумали, что терпят все потому, что оставлены Богом, опять начинает речь о Божием промысле, говоря: не *два ли* (воробья) *ценятся единым ассарием? И ни един от них падет* в сеть *без Отца вашего небеснаго* (ст. 29). *Вам же и власи главнии вси изочтени суть* (ст. 30). Что, говорит, малозначительнее их? Однако же и их нельзя уловить без ведения Божия. Он не то говорит, что падают по содействию Божию (это недостойно Бога); а только то, что ничего не происходит такого, что бы Ему было неизвестно. Если же Он знает все, что ни происходит, а вас любит сильнее, нежели отец, – любит так, что и волосы ваши у Него исчислены, то вам не должно бояться. Впрочем, сказал это не потому, будто Бог исчисляет волосы, но чтобы показать совершенство ведения Божия и великое попечение о нас. Итак, если Бог и знает все происходящее, и может сохранить вас, и хочет, то, каким бы вы ни подвергались страданиям, не думайте, что страдаете потому, что Бог оставил вас. Он не хочет избавить вас от бед, но хочет заставить вас презирать беды, потому что в этом-то и состоит настоящее избавление от бед. Итак – не *убоитеся, многих птиц лучши есте вы* (ст. 31). Видишь ли, что тогда страх уже овладевал ими? Он знал тайные помышления. Потому и присовокупил: *не убоитеся* их. Если они и одолеют, то одолеют только худшее, то есть тело, которое хотя, бы они и не убивали, все равно природа разрушит.

3. Таким образом, они не властны и над телом, но оно зависит от природы. А если ты боишься этого, то тебе должно трепетать, должно бояться гораздо большего– Того, Который может и душу и тело погубить

в геенне. Он хотя и не говорит прямо, что есть Тот самый, Который может погубить душу и тело, но из вышесказанного уже показал, что Он есть Судья. А ныне у нас бывает напротив: Того, Кто может погубить душу, то есть наказать нас, мы не боимся, а убивающих тело — трепещем; Бог может погубить и душу и тело, а люди не только не могут погубить души, но и тела; хотя они и бесчисленным казням подвергают тело, но через то делают его только более славным. Видишь ли, как Он представляет подвиги легкими? Смерть сильно потрясла их душу, объемля их страхом потому в особенности, что не была еще удобопреодолима, и те, которые должны были презирать ее, еще не сподобились благодати Святого Духа. Итак, рассеяв боязнь и страх, колебавшие их души, последующими словами опять вселяет в них бодрость: именно — страхом изгоняет из них страх, и не только страхом, но и надеждой великих наград, притом еще, угрожая с великой властью, Он отовсюду побуждает их к небоязненному исповеданию истины, так продолжая речь: *всяк иже исповесть о Мне пред человеки, исповем о нем и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех. А иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех* (ст. 32 и 33). Так не только наградами, но и казнями побуждает, и оканчивает речь угрозой. И смотри, какая точность! Он не сказал: *Мя*, но — *о Мне*, показывая, что исповедающий исповедует не собственной силой, но будучи вспомоществуем свыше благодатью. Об отвергающемся же не сказал: о *Мне*, но: *Мене*, так как он отвергается потому, что бывает чужд благодати. За что же, скажешь, винить его, если он отвергается потому только, что лишен благодати? За то, что причина этого лишения заключается в том, кто лишается. Для чего же Он не довольствуется только сердечной верой, но еще требует и устного исповедания? Для того, чтобы побудить нас к дерзновению, к

большей любви и усердию, и возвысить, почему и говорит ко всем вообще, а не разумеет здесь одних только учеников; не их только, но и учеников их старается Он сделать мужественными. Кто будет знать это, тот не только будет учить других с дерзновением, но и претерпевать все легко и охотно. Это многих, которые поверили этому слову, привлекло к апостолам; и отвергшиеся в муках подвергнутся большему томлению, и исповедавшие в блаженном состоянии получат большее воздаяние. Когда праведник продолжительностью времени усугубляет свои приобретения и грешник в отсрочке наказания думает находить для себя выгоду, то Он равносильное или еще несравненно большее предлагает воздаяние. Ты приобрел более для себя, говорит Он, за то, что ты первый Меня здесь исповедал, и Я, говорит Он, обогащу тебя более, когда дам тебе более, и несказанно более, так как Я тебя исповем там. Видишь ли, что там приуготовлены и награды и наказания? Что же ты заботишься и беспокоишься? Что ищешь здесь воздаяния, когда ты можешь быть спасен только надеждой? Поэтому, если ты сделаешь что-нибудь доброе и не получишь здесь за то воздаяния, не смущайся; в будущем веке ожидает тебя за это сугубая награда. Если же сделаешь что-нибудь худое и останешься без наказания, – не ленись. Там постигнет тебя наказание, если только не переменишься и не сделаешься лучше. А когда не веришь этому, то из настоящего заключай о будущем. Если еще во время подвигов исповедники бывают так славны, то подумай, каковы они будут во время раздаяния венцов? Если даже враги прославляют их здесь, то не возвеличит ли и не прославит ли тебя чадолюбивейший из всех отцов? Тогда будут возданы и награды за добрые дела, и наказания за злые; потому отвергающиеся и здесь и там будут мучиться. Здесь – тем, что будут жить со злой совестью, так как если они

еще и не умерли, то умрут непременно; а там — подвергнутся уже конечному наказанию. Другие, напротив, и здесь и там приобретут пользу; здесь — побеждая смерть, соделываясь славнее живущих, а там — наслаждаясь неизреченными благами. Бог готов не наказывать только, но и благодетельствовать, и готов несравненно более благодетельствовать, нежели наказывать. Но почему о награде упоминает однажды, а о наказании дважды? Конечно, потому, что слушающие лучше вразумляются страхом наказания. Вот почему, сказав, *убойтеся могущаго душу и тело погубити в геенне* (Мф. X, 28), еще присовокупил: *отвергуся его и Аз* (ст. 33). С этой целью и Павел часто напоминает о геенне.

4. Итак, предложив слушателю всевозможные поощрения (Он отверз перед ними и небеса, поставил и страшное то судилище, показал и зрелище ангелов и, посредством их, проповедание о венцах, так как это много способствует успеху благочестия), — наконец, чтобы боязливость их не была препятствием проповеди благочестия, Он повелевает им быть готовыми и на заклание, чтобы они знали, что остающиеся в заблуждении понесут наказания и за самые против них наветы. Итак, не будем бояться смерти, хотя и не пришло время смерти: мы воскреснем для жизни гораздо лучшей. Но, скажешь, истлеет тело? Потому-то особенно и должно радоваться, что смерть тлит и погибает смертное, а не сущность тела. Когда ты видишь, что выливают истукан, то не говоришь, что вещество его пропадает, но что оно получает лучший образ. Так же рассуждай и о теле и не плачь. Тогда надлежало бы плакать, когда бы оно навсегда осталось в муках. Но ты скажешь: это могло бы быть и без истления тел, так, чтобы они оставались в целости. А какую бы это принесло пользу живым или умершим? Доколе будете привязаны к телу? Доколе, пригвождая себя к земле, будете прилепляться

к тени? Какая бы из того была польза? Или, лучше, какого бы не произошло вреда? Если бы не истлевали тела, то, во-первых, овладела бы многими гордость, — зло из всех зол самое большее. Если и ныне, когда тело подвержено тлению и преисполнено червей, многие хотели быть почитаемы за богов, то чего бы не было, когда бы тело пребывало нетленным? Во-вторых, не стали бы верить, что тело взято из земли. Если и теперь, несмотря на то, что самый конец ясно свидетельствует, некоторые сомневаются в этом, то чего бы не подумали, если бы не видели этого конца? В-третьих, тогда чрезмерно любили бы тела, и большая часть людей сделалась бы еще более плотскими и грубыми. Если и ныне, когда тела совершенно уже истлеют, некоторые обнимают гробы и раки, то чего не стали бы делать тогда, когда бы могли сберегать и самый образ их в целости? В-четвертых, не очень бы привержены были к будущему. В-пятых, те, которые утверждают, что мир вечен, еще более утвердились бы в этой мысли и не стали бы признавать Бога Творцом мира. В-шестых, не были бы уверены в достоинстве души, ни в том, как тесно связана душа с телом. В-седьмых, многие, лишившиеся своих родственников, оставив города, стали бы жить в гробницах и, подобно безумным, непрестанно стали бы разговаривать со своими умершими. Если и ныне люди, поскольку самого тела удержать не в состоянии (да и невозможно, потому что оно против их воли тлеет и исчезает), снимая портреты, прилепляются к доскам, то каких нелепостей не вымыслили бы тогда? Мне кажется, что тогда многие в честь любимых тел воздвигли бы храмы, а занимающиеся волхвованиями постарались бы уверить, что посредством их демоны дают ответы, тем более что и теперь имеющие дерзость заниматься вызыванием мертвых (некромантией) делают много нелепостей (несмотря даже на то, что тело обра-

щается в прах и пепел). Каких же бы бесчисленных видов идолопоклонства не произошло отсюда? Итак Бог, отъемля все могущее служить поводом к таким нелепостям и научая нас отрешаться от всего земного, поражает тела тлением перед нашими глазами. Таким образом, любитель телесной красоты, до безумия пристрастившийся к благовидной девице, если умом не захочет узнать безобразие телесного существа, то увидит это собственными глазами. Много было девиц, столь же цветущих красотой или еще несравненно прекраснее, нежели любимая им, которые после смерти своей через один или два дня представляли из себя зловоние, гной и гнилость червей. Подумай же, какую ты любишь красоту и каким прельщаешься пригожеством? Но если бы тела подвержены были тлению, нельзя бы было хорошо знать этого; как бесы стекаются ко гробам, так многие из объятых любовной страстью, непрестанно сидя при гробах, сделали бы душу свою обиталищем бесов и от жестокой страсти скоро бы и сами умерли. А теперь, кроме всего другого, облегчает душевную скорбь и то, что невозможность видеть образ любимого предмета способствует забвению и самой страсти.

5. Если бы тела не истлевали, то не было бы даже и гробов, и ты увидел бы города, вместо статуй, полные мертвых, потому что каждый пожелал бы тогда видеть подле себя своего умершего. Отсюда произошел бы великий беспорядок: никто бы из простолюдинов не стал пещись о душе своей, не стали бы принимать учения о бессмертии. Много бы и других, еще худших произошло нелепостей, о которых и говорить даже неприлично. Для того-то тотчас и истлевает тело, чтобы ты мог видеть в наготе красоту души. В самом деле, если она такую красоту и такую живость дает телу, то как она прекрасна должна быть сама в себе? Если она поддер-

живает столь безобразное и отвратительное тело, то тем более может поддержать саму себя. Не в теле красота, но красота тела зависит от того образования и цвета, который отпечатлевает душа в существе его. Итак, люби душу, которая сообщает телу такое благообразие. Но что я говорю о смерти? Я тебе докажу и самой жизнью, что все прекрасное зависит от души. Если душа радуется, то розы рассыпает по ланитам; если печалится, то, отъемля всю красоту у тела, все облекает в черную одежду. И если постоянно находится в радостном состоянии, то и тело бывает в безболезненном состоянии; если же находится в печали, то и тело становится слабее и бессильнее паутины. Если рассердится, то и телу дает отвратительный и безобразный вид; если покажет ясный взор, то и телу дает приятный вид. Если бывает объята завистью, то и на тело разливает бледность и томность. Если исполнена бывает любовью, то и телу сообщает особенное пригожество. Таким-то образом многие жены, не будучи пригожи лицом, особенную приятность получают от души; напротив, другие, блистая внешней красотой, всю ее портят тем, что не имеют привлекательности душевной. Представь, как румянится белое лицо и какую производит приятность разнообразием цвета, когда краска стыдливости разливается по нем. Вот потому, в ком бесстыдна душа, у того и самый вид отвратительнее вида всякого зверя; напротив, стыдливая душа и самый вид делает кротким и любезным. Подлинно, нет ничего прекраснее и любезнее доброй души. Любовь к телесной красоте смешана с огорчением; напротив, любовь к красоте душевной соединена с чистым, невозмущаемым удовольствием. Итак, для чего ты, минуя царя, дивишься глашатаю? Для чего, оставив самого мудреца, с изумлением смотришь на истолкователя его? Видишь привлекательный внешний взор, — постарайся узнать внутренний; и, если

последний некрасив, презри и внешний. Если ты увидишь безобразную женщину в прекрасной маске, конечно, не пленишься ею; наоборот, не захочешь, чтоб благовидная и красивая прикрывала себя маской, но пожелаешь, чтобы маска была снята, чтобы ты мог ее видеть в естественной красоте ее. Так поступай и по отношению к душе: ее наперед старайся узнать. Тело, как маска, прикрывает ее и, каково есть, таким всегда и остается; а душа, хотя бы была и безобразна, скоро может сделаться прекрасной; хотя бы имела око безобразное, свирепое, суровое, — оно может сделаться красивым, миловидным, ясным, ласковым, привлекательным. Этого-то благообразия, этой красоты лица будем искать, чтобы и Бог, возжелав нашей красоты, даровал нам вечные блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXV

Не мните, яко приидох ввергщи мир на землю; не приидох ввергщи мир, но меч (Мф. X, 34)

1. Опять Спаситель предсказывает великие скорби, притом гораздо многочисленнейшие, — и что ученики могли бы Ему возразить, о том Сам говорит им наперед. Именно, чтобы слыша слова его, они не сказали: «Итак, Ты пришел для того, чтобы погубить нас и наших последователей и возжечь на земле всеобщую брань?» — Он Сам предупреждает их, говоря: *не приидох ввергщи мир на землю* (Мф. X, 34). Как же Сам Он заповедовал им, входя в каждый дом, приветствовать миром? Почему же, равным образом, ангелы воспевали: *слава в вышних Богу и на земли мир* (Лк. II, 14)? Почему также и все пророки благовествовали а том же? Потому что

тогда особенно и водворяется мир, когда зараженное болезнью отсекается, когда враждебное отделяется. Только таким образом возможно небу соединиться с землей. Ведь и врач тогда спасает прочие части тела, когда отсекает от них неизлечимый член; равно и военачальник восстановляет спокойствие, когда разрушает согласие между заговорщиками. Так было и при столпотворении. Худой мир разрушен добрым несогласием, – и водворен мир. Так и Павел поселил раздор между согласившимися против него (Деян. XXIII, 6). А согласие против Навуфея было хуже всякой войны (3 Цар. XXI). Единомыслие не всегда бывает хорошо: и разбойники бывают согласны. Итак, брань была следствием не Христова определения, а делом воли самих людей. Сам Христос хотел, чтобы все были единомысленны в деле благочестия; но как люди разделились между собой, то и произошла брань. Впрочем, Он не так сказал. А что же говорит? *Не приидох воврещи мир*, – чем самым утешает их. Не думайте, говорит, что вы виноваты в этом: Я это делаю, потому что люди имеют такие расположения. Итак, не смущайтесь, как будто эта брань возникла сверх чаяния. Для того Я и пришел, чтобы произвести брань; такова именно Моя воля. Итак, не смущайтесь тем, что на земле будут брани и злоумышления. Когда худшее будет отсечено, тогда с лучшим соединится небо. Так Христос говорит для того, чтобы укрепить учеников против худого мнения о них в народе. Притом не сказал: брань, но, что гораздо ужаснее, – *меч*. Если сказанное слишком тяжко и грозно, то не дивитесь. Он хотел приучить слух их к жестоким словам, чтобы они в трудных обстоятельствах не колебались. Поэтому и употребил такой образ речи, чтобы кто не сказал, что Он убеждал их лестью, скрывая от них трудности. По этой причине даже и то, что можно было бы выразить мягче, Христос представлял

более страшным и грозным. И действительно, лучше видеть легкость на самом деле, нежели на словах. Потому-то Он не удовольствовался и этим выражением, но, изъясняя самый образ брани, показывает, что она будет гораздо ужаснее даже междоусобной брани, и говорит: *приидох разлучити человека на отца своего, и дщерь на матерь свою, и невесту на свекровь свою* (ст. 35). Не только, говорит, друзья и сограждане, но и сами сродники восстанут друг против друга, и между единокровными произойдет раздор. *Приидох бо*, говорит, *разлучити человека на отца своего, и дщерь на матерь свою, и невесту на свекровь свою*; то есть брань будет не просто между домашними, но даже между теми, которые соединены искренней любовью и теснейшими узами. Это-то особенно и доказывает силу Христову, что ученики, слыша такие слова, и сами принимали их, и других убеждали. И хотя не Христос был причиной этого, но злоба человеческая, тем не менее говорит, что Сам Он делает это. Такой образ выражения свойствен Писанию. Так и в другом месте говорится: дал им Бог очи, чтоб они не видели (Ис. XI, 9; Иез. XII, 2). Так говорит Христос и здесь, чтобы ученики, как выше сказал я, предварительно привыкнув к такому образу речи, не смущались и среди самых поношений и обид. Если же некоторые сочтут это тягостным, то пусть припомнят древнюю историю. И в древние времена было то же самое, чем и показывается особенно единство Ветхого Завета с Новым, и то, что здесь говорит Тот же, Который тогда давал заповеди. И у иудеев, именно, когда слили тельца и когда приобщились Веельфегору (Исх. XXXII, 28; Числ. XXV, 3), как скоро каждый умертвил ближнего своего, Бог прекратил гнев на них. Итак, где же утверждающие, что тот Бог был зол, а этот благ? Вот и этот Бог наполнил вселенную кровью родственников. Впрочем, мы говорим, что и это есть дело

великого милосердия. Потому, показывая, что Он же Сам одобрял и бывшее в Ветхом Завете, вспоминает и о пророчестве, которое хотя не на этот случай сказано, однако объясняет то же самое. Какое же это пророчество? *Врази человеку домашнии его* (ст. 36). И у иудеев случилось нечто подобное. И у них были пророки и лжепророки; бывали также в народе разногласия, и дома разделялись. Одни верили тем, другие другим. Поэтому пророк, увещевая, говорит: *не верите другом, ни надейтеся на старейшины, и от сожительницы твоея хранися, еже сказати ей что, и врази мужу, мужи живущия в дому его* (Мих. VII, 5, 6). А говорил это для того, чтобы тех, которые примут учение, поставить выше всего. Не смерть ведь зло, а худая смерть – зло. Потому и сказал: *огня приидох воврещи на землю* (Лк. XII, 49). Говоря это, Он показывал силу и горячность той любви, какой требовал. Так как сам Он много нас возлюбил, то хочет, чтоб и мы любили Его столько же. А такие слова и апостолов укрепляли и возвышали в духе. Если и ученики ваши, говорил Он, будут оставлять сродников, детей и родителей, то каковы, подумай, должны быть вы, учители! Бедствия эти не кончатся на вас, но перейдут и на других. Так как Я пришел даровать великие блага, то и требую великого послушания и усердия. *Иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин; и иже любит сына или дщерь паче Мене, несть Мене достоин* (ст. 37). *И иже не приимет креста своего, и в след Мене грядет, несть Мене достоин* (ст. 38). Видишь ли достоинство Учителя? Видишь ли, как Он, повелевая все оставить долу и любовь к Нему предпочесть всему, показывает тем, что Он есть единородный Сын Отца? И что говорит, сказал Он, о друзьях и сродниках? Если даже душу свою будешь предпочитать любви ко Мне, ты еще далек от того, чтобы быть Моим учеником. Что же? Не противно ли это древнему закону? Нет, – напротив, весьма

с ним согласно. И там Бог повелевает не только ненавидеть идолослужителей, но и побивать их камнями; а во Второзаконии, похваляя таковых ревнителей, говорит: *глаголяй отцу и матери не видех тебе, и братии своея не позна, и сынов своих не уведе, сохрани словеса твоя* (Втор. XXXIII, 9). Если же Павел многое заповедует о родителях и велит во всем им повиноваться, — не дивись. Он велит повиноваться им только в том, что не противно благочестию. Святое дело — воздавать им всякое иное почтение. Когда же они потребуют более надлежащего, не должно им повиноваться. Потому и у Евангелиста Луки говорится: *аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего, и матерь, и жену, и чад, и братию, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик* (Лк. XIV, 26). Повелевает не просто возненавидеть, потому что это совершенно противозаконно; но если кто из них захочет, чтобы ты любил его более, нежели Меня, в таком случае возненавидь его за это. Такая любовь и любимого, и любящего губит.

2. Так говорил Он для того, чтобы и детей сделать мужественнее, и родителей, которые бы стали препятствовать благочестию, уступчивее. Действительно, родители, видя, что Христос имеет могущество и силу отторгать от них даже детей, должны были отступиться от своих требований, как невозможных. Вот почему, миновав родителей, Он обращает речь к детям, научая через то первых не употреблять бесполезных усилий. Потом, чтобы они на это не досадовали и не скорбели, смотри, до чего простирает речь. Сказав: *кто не возненавидит отца и матерь*, присовокупил: *и душу свою*. И что, говорит, думаешь ты о родителях, о братьях, о сестрах и жене? Для всякого ничего нет ближе души своей; но если не возненавидишь и ее, то поступишь совсем не так, как любящий. Притом повелел не просто возненавидеть душу, но даже подвергаться и войне, и битвам,

не страшиться смерти и кровопролития. *Иже не носит креста своего, и в след Мене грядет, не может Мой быти ученик* (Лк. XIV, 27). Не просто сказал, что должно быть готовым на смерть; но готовым на смерть насильственную, и не только насильственную, но и поносную. При этом ни слова не говорит о Своих страданиях, чтобы после таковых уроков удобнее могли выслушать, что скажет о Своих страданиях. Не должно ли удивляться тому, как у них, при таких словах, душа удержалась в теле, когда беды отовсюду были перед глазами, а награды только в ожидании? Как же удержалась? Велика была сила Говорящего, велика и любовь слушающих; потому-то, слыша гораздо тягостнейшее и прискорбнейшее, нежели что слышали те великие мужи — Моисей и Иеремия, пребыли послушными и нисколько не противоречили. *Обретый душу свою, погубит ю; а иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю* (Мф. X, 39). Видишь ли, как вредно любить душу более надлежащего и как полезно ненавидеть ее? Так как требования Христа были тяжки, поскольку Он повелевал им восставать и против родителей и детей, против природы и сродства, против вселенной и даже против собственной души, — то обещает за это и награду самую великую. Это, говорит, не только не причинит вреда, но даже принесет величайшую пользу; противное же тому будет пагубно. Так Он и везде делает: что для людей вожделенно, тем и убеждает. Почему ты не хочешь возненавидеть душу свою? Потому ли, что любишь ее? По этому самому и возненавидь, и тогда всего более принесешь ей пользы, и докажешь, что ты любишь. И заметь, какая здесь неизреченная премудрость! Он говорит о пренебрежении не родителей только и детей, но и души, которая всего ближе, — чтобы необходимость первого очевиднее открылась из необходимости другого, и чтобы они узнали, что они и своим ближним доставят величайшую

выгоду и пользу, когда то же самое приобретается для души, которая всего ближе.

Итак, достаточно было и этого для убеждения людей принимать тех, которые послужат к их спасению. В самом деле, кто бы не принял со всем усердием мужей столь доблестных и неустрашимых, которые как львы обтекали вселенную и небрегли о всем, только бы спаслись другие? И, однако, Господь предлагает и другую награду, показывая, что Он в этом случае более печется о принимающих, нежели о принимаемых. Хотя Он и отдает последним первую честь, говоря: *иже вас приемлет, Мене приемлет, и иже приемлет Мене, приемлет Пославшего Мя* (ст. 40), — что может сравниться с честью принять Отца и Сына? — но вместе с тем обещает Он и другое еще воздаяние: *приемляй*, говорит, *пророка во имя пророче, мзду пророчу приимет; и приемляй праведника во имя праведниче, мзду праведничу приимет* (ст. 41). Выше угрожал наказанием не принимающим, а здесь назначает награду принимающим. И чтобы ты знал, что об этих последних Господь более печется, не просто сказал: приемлющий пророка или: приемлющий праведника; но присовокупил: *во имя пророка* и *во имя праведника*. То есть если примет кого не по мирскому гостеприимству или не по другим каким-либо мирским расчетам, но потому что он пророк или праведник, мзду пророка, мзду праведника приимет,— или какую достоин получить принявший пророка или праведника, или какую получит сам пророк или праведник, как и Павел говорит: *ваше избыточествие во онех лишение да и онех избыток будет в ваше лишение* (2 Кор. VIII, 14). Далее, чтобы никто не стал отговариваться бедностью, говорит: *иже аще напоит единаго от малых сих чашею студены воды, токмо во имя ученика, аминь глаголю вам, не погубит мзды своея* (Мф. X, 42). И если ты подашь только чашу холодной

воды, что не потребует никакой издержки, то и за нее положена тебе награда; для вас, которые принимаете, Я все сделаю.

3. Видишь ли, какие Он употребил убеждения и как отверз им вход в дома по всей вселенной? Во всей беседе Своей Он показал, что люди их должники. Во-первых, сказал: *достоин делатель мзды своея* (Мф. X, 10); во-вторых, посылал их ни с чем; в-третьих, подверг их вражде и браням за принимающих их; в-четвертых, дал им власть творить знамения; в-пятых, даровал силу словом Своим на дома принимающих низводить мир — источник всех благ; в-шестых, не принимающим их угрожал наказанием жесточе содомского; в-седьмых, показал, что принимающие их принимают Его и Отца; в-восьмых, за принятие обещал награду пророка и праведника; в-девятых, и за чашу студеной воды назначил великую награду. Каждая из этих причин сама по себе достаточна была к убеждению людей. В самом деле, скажи мне, кто со всей готовностью не отворил бы всех дверей своего дома для военачальника, после многих побед возвращающегося с брани и сражения, видя его покрытого бесчисленными ранами и обагренного кровью? И кого же должно принимать, скажешь? Чтобы показать это, Он присовокупил: *во имя пророка, ученика и праведника*, — давая тем знать, что Он назначает награду не только по достоинству приемлемого, но и по расположению приемлющего. Так здесь Он говорит о пророках, праведниках и учениках; а в другом месте повелевает принимать даже самых презренных, и тем, кто не принимает таковых, определяет наказание: *понеже не сотвористе единаму сих меньших, ни Мне сотвористе* (Мф. XXV, 45); и о тех же меньших опять говорит что принимающий их принимает Его самого. Пусть принимаемый тобой ни ученик, ни пророк, ни

праведник; но он – человек, который с тобой в одном живет мире, одно и то же видит солнце, имеет такую же душу, одного и того же Владыку, приобщается одних и тех же с тобой таинств, к тому же призывается небу и совершенно вправе требовать от тебя призрения, будучи беден и нуждаясь в необходимой пище. Между тем теперь, когда приходят к тебе в дурную погоду люди с флейтами и свирелями, будят тебя от сна, напрасно и без дела беспокоят, то отходят от тебя с немалыми подарками; равно и те, которые носят ласточек, натираются сажей и всех пересмеивают, получают от тебя награду за свои проказы. А если придет к тебе бедный и станет просить хлеба, то ты наговоришь ему множество ругательств, будешь злословить, укорять в праздности, осыпать упреками, обидными словами и насмешками и не подумаешь о себе, что и ты живешь в праздности, однако Бог дает тебе Свои блага. Не говори мне, что ты и сам делаешь что-нибудь, но покажи мне то, чем занимаешься ты дельным и нужным. Если скажешь мне, что ты занимаешься торговлей, корчемничеством, стараешься о сбережении и приумножении своего имения, то и я скажу тебе, что это – не дело; настоящие дела – милостыня, молитвы, защищение обиженных и другие добродетели, которыми мы совершенно в жизни пренебрегаем. И, однако, Бог никогда нам не говорил: так как ты живешь в праздности, Я не буду освещать тебя солнцем; так как ты не занимаешься необходимым, и Я погашу луну, заключу недра земли, остановлю озера, источники, реки, отыму воздух, не дам дождей вовремя. Напротив, Бог все это доставляет нам в изобилии, всем этим позволяет пользоваться не только живущим в праздности, но и делающим зло. Итак, если увидишь бедного и скажешь: мне досадно, что этот молодой, здоровый человек ничего не имеет,

хочет прокормиться живя в праздности, а может быть, он еще беглый слуга, оставивший своего господина, то все, мной сказанное, примени к себе или, лучше — ему позволь сказать тебе со всей смелостью. И он может сказать тебе с большим правом: и мне досадно, что ты, будучи здоров, живешь в праздности и ничего не делаешь из того, что повелел тебе Бог, а как раб, бежавший от повелений своего господина, бродишь, будто по чужой стороне, проводя жизнь свою в пороках, в пьянстве, в невоздержности, в воровстве, в хищничестве и в разорении чужих домов. Ты укоряешь за праздность, а я укоряю тебя за худые дела, когда ты злоумышляешь, когда божишься, лжешь, похищаешь, когда делаешь тысячу подобных дел.

4. Впрочем, говорю это не для того, чтобы защитить праздность. Совсем нет, — напротив, очень желаю, чтобы все занимались делами, потому что праздность научила всем порокам; а только увещеваю вас не быть немилосердными и жестокими. Так и Павел, выразив сильное порицание праздности и сказав: *аще кто не хощет делати, ниже да яст?* (2 Сол. III, 10), — не остановился на этих словах, но присовокупил: *вы же не стужайте доброе творяще* (ст. 13). Но здесь, по-видимому, есть противоречие: если ты не позволяешь праздным даже и есть, то как же увещеваешь нас подавать им? Я не противоречу себе, говорит апостол: хотя я и повелел удаляться от живущих праздно и не сообщаться с ними, но я же опять сказал: не считайте их врагами, но вразумляйте (ст. 15). Следовательно, нет противоречия в моих наставлениях, но они совершенно между собой согласны. Будь только готов оказывать милосердие, — тогда бедный тотчас оставит праздность, а ты перестанешь быть жестоким. Но скажешь: нищий много лжет и притворяется. И в этом случае он достоин сожаления,

потому что дошел до такой крайности, что даже не стыдится так лгать. А мы не только не имеем жалости, но еще присовокупляем такие жестокие слова: не получал ли ты и раз и два? Так что ж? Ужели ему не нужно опять есть, потому что однажды ел? Почему же ты не положишь такого же правила и для своего чрева и не говоришь ему: ты сыто было вчера и третьего дня, так не проси ныне? Напротив, чрево свое пресыщаешь чрезмерно, а нищему, когда он просит у тебя и немногого, отказываешь, хотя должен бы дать ему милостыню за то, что он каждый день принужден ходить к тебе. Если не чувствуешь других побуждений, то за это одно должен подать ему милостыню. Ведь крайняя бедность заставляет его делать это. Ты не имеешь к нему жалости, потому что он, слыша такие слова твои, не стыдится; но нужда сильнее стыда. Но ты не только не имеешь к нему жалости, а еще издеваешься над ним и, тогда как Бог повелел давать милостыню тайно, всенародно поносишь пришедшего, между тем как надлежало бы оказать ему сострадание. Если не хочешь подать, то для чего еще укоряешь бедного и сокрушаешь его огорченное сердце? Он пришел к тебе как в пристань и просит руки помощи; для чего же ты воздвигаешь волны и бурю делаешь свирепее? Для чего гнушаешься нищетой его? Пришел ли бы он к тебе, если бы знал, что услышит от тебя такие слова? Если же и, наперед зная это, пришел к тебе, то потому-то и надобно тебе сжалиться над ним и ужаснуться своей жестокости, по которой ты, при виде самой крайней нужды, не делаешься сострадательнее, не представишь себе, что один страх голода служит для него достаточным оправданием в бесстыдстве, но укоряешь его за бесстыдство, хотя сам ты часто бывал несравненно бесстыднее и в важнейших делах. В нужде и бесстыдство простительно. Между тем мы часто, делая то, за что бы надлежало нас

наказать, не стыдимся, – и тогда как нам, помышляя о таких делах, следовало бы смириться, мы нападаем на бедных: они просят у нас врачевства, а мы прибавляем им ран. Если не хочешь дать, то для чего и бьешь? Если не хочешь оказать милость, то для чего и обижаешь? Но он без того не отойдет? Так поступи, как повелел мудрый: *отвещай ему мирная в кротости* (Сир. IV, 8). Он не по своей воле поступает так бесстыдно. Поистине, нет человека, который бы без всякой нужды захотел сделаться бесстыдным; и хотя бы представляли тысячи доказательств, никогда не поверю, чтобы человек, живущий в изобилии, решился просить милостыни. Итак, никто не уверяй нас в противном. Если и Павел говорит: *аще кто не хощет делати, ниже да яст*, – то говорит это нищим, а не нам; нам он говорит напротив: *доброе творяще не стужайте*. Так мы поступаем и в домашних делах; когда двое ссорятся между собой, отведя каждого в сторону, даем им противоположные советы. Так поступил и Бог, так поступил и Моисей, который так говорил Богу: *аще убо оставиши им грех, остави: аще же ни, и меня изглади* (Исх. XXXII, 31, 32). А израильтянам повелел убивать друг друга, не щадя даже и родственников. Хотя эти действия одно другому противоположны, однако то и другое клонилось к одной цели. Так же Бог говорил Моисею: *остави Мя, и потреблю народ* (Исх. XXXII, 10), – что и иудеи слышали (хотя в то время, когда Бог говорил это, их тут не было, но они должны были услышать об этом после), а тайно внушает тому противное, что после Моисей вынужден был обнаружить, говоря так: *еда аз во утробе зачах их, яко глаголеши ми: возми их, якоже доилица носит доимые в недрах своих* (Числ. XI, 12)? То же бывает и в семейной жизни. Часто отец учителю за суровые поступки с сыном наедине делает такой выговор: не будь суров и жесток; а сыну между тем говорит другое: хотя бы тебя

и несправедливо наказали, терпи; и такими двумя противными советами достигает одной полезной цели. Так и Павел тем, которые здоровы и просят милостыни, говорит: *аще кто не хощет делати, ниже да яст,* — чтобы заставить их трудиться; а тем, которые в состоянии благотворить, так говорит: *вы же не стужайте доброе творяще,* — чтобы побудить их к милосердию. Так и в Послании к Римлянам (XI, 17), когда уверовавших из язычников убеждает не гордиться перед иудеями и представляет в пример дикую маслину, по-видимому, говорит одним то, другим другое. Итак, не будем жестокосерды, но исполним сказанное Павлом: *доброе творяще не стужайте* (2 Сол. III, 13); исполним сказанное самим Спасителем: всякому *просящему у тебе дай* (Мф. V, 42), и: *будите милосерди, якоже Отец ваш* (Лк. VI, 36). Давая многие другие заповеди, Господь не присовокупил таких слов, а употребил их, говоря только о милостыне. Ничто столько не уподобляет нас Богу, как благотворительность.

5. Но нет бесстыднее бедного, говоришь ты. Почему же, скажи? Потому ли, что он, подбегая к тебе, кричит? Но хочешь ли, докажу, что мы гораздо бесстыднее и наглее нищих? Вспомни, сколько раз случалось и в нынешний пост, когда вечером стол был уже накрыт и позванный тобой слуга приходил не скоро, ты все опрокидывал, толкая, браня и ругая его за малое промедление, хотя верно знал, что если не тотчас, то немного спустя утолишь свой голод. Однако ты не называешь себя бесстыдным, когда от малости приходишь в бешенство; а нищего, который страшится и трепещет большого зла (потому что страшится не медленности, а голода), называешь дерзким, наглым и бесстыдным и даешь ему всякие поносные имена. Не крайнее ли это бесстыдство? Но мы о том не рассуждаем; потому и считаем нищих для себя несносными.

Но если бы мы разбирали свои поступки и сравнивали бы себя с нищими, то не стали бы говорить, что они нам в тягость. Не будь же жестоким судьей. Хотя бы ты был чист от всех грехов, то и в таком случае законом Божиим запрещено тебе строго судить о чужих проступках. Если фарисей через это погиб, то какое извинение будем иметь мы? Если людям неукоризненной жизни запрещено строго судить проступки других, то тем более грешникам. Итак, не будем жестоки, бесчеловечны, неумолимы, бесчувственны; не будем злее зверей. Я знаю многих, которые дошли до такого зверства, что из одной лености оставляют голодных без помощи, отговариваясь так: теперь нет у меня слуги; домой идти далеко, а разменять не у кого. Какая жестокость! Большее ты обещал, а меньшего не делаешь. Ужели ему истаивать голодом, потому что тебе не хочется пройти несколько шагов? Какая гордость! Какая спесь! Если бы тебе надлежало пройти и десять стадий, то зачем лениться? А не подумаешь, что за то было бы тебе больше награды? Когда подашь, то получишь награду только за подаяние; а когда сам пойдешь, то за это тебе будет другая награда. Так и патриарху дивимся потому, что он, имея триста восемнадцать домочадцев, сам побежал в стадо и взял тельца (Быт. XIV, 14; XVIII, 7). А ныне некоторые до такой степени надуты спесью, что без стыда употребляют на то слуг. Но скажет иной: ты велишь самому мне делать это? Не сочтут ли меня тщеславным? Да и теперь ты также водишься тщеславием, только иным, — когда стыдишься разговаривать при других с нищим. Но спорить о том не буду, — сам ли, через других ли, как хочешь, — только подавай милостыню, а не укоряй, не бей, не бранись; нищий, приходя к тебе, надеется получить врачевство, а не раны; милостыню, а не побои. Скажи мне: если в кого бросят камнем и он, с раной

на голове, весь в крови, мимо всех других пробежит под твою защиту: ужели ты кинешь в него другим камнем и нанесешь ему другую рану? Не думаю, чтобы ты так поступил; напротив, верно, постараешься и нанесенную ему рану излечить. Для чего же ты с бедными поступаешь не так? Ужели ты не знаешь того, сколько и одно слово может или ободрить, или привести в уныние? *Лучше*, говорится, слово, *нежели даяние* (Сир. XVIII, 16). Ужели не рассудишь, что ты сам на себя подъемлешь меч и наносишь себе жесточайшую рану, когда обруганный тобой нищий пойдет от тебя безмолвно, вздыхая и обливаясь слезами? Нищего посылает к тебе Бог. Итак, обижая его, подумай, кому делаешь обиду, когда Сам Бог его посылает к тебе и тебе велит подавать, а ты не только не подаешь, но еще и ругаешь пришедшего. Если же не понимаешь, как это худо, то посмотри на других и тогда хорошо узнаешь всю важность своего преступления. Если бы твой слуга, по твоему приказанию, пошел к другому слуге взять у него твои деньги и возвратился к тебе не только с пустыми руками, но еще жалуясь на обиду, то чего бы ты не сделал обидевшему? Какому бы не подверг его наказанию, будучи как бы сам лично им обижен? Так точно суди и о Боге: Он сам посылает к нам нищих, и когда мы даем, даем Божие. Если же, ничего не подавши, гоним еще от себя с бранью, то подумай, скольких громов и молний достойны мы за такое дело? Помышляя о всем этом, обуздаем язык, перестанем быть жестокосердыми, прострем руки для подаяния милостыни и будем не только снабжать бедных имуществом, но и утешать словами, чтобы избегнуть нам и наказания за злословие, и наследовать царство за благословение и милостыню, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXVI

И бысть егда соверши Иисус, заповедая обеманадесяти ученикам, прейде оттуда учити и проповедати во градех их (Мф. XI, 1)

1. Пославши учеников, Господь сам уклонился от них, чтобы дать им место и время делать что велел. Если б сам Он находился с ними и исцелял, то никто не захотел бы идти к ученикам. *Иоанн же, слышав во узилищи дела Христова, посла два от ученик своих,* вопрошал Его, говоря: *Ты ли еси грядый, или иного чаем* (Мф. XI, 2, 3)? А Лука говорит, что ученики сами возвестили Иоанну о чудесах Христовых, и тогда уже Он послал их (Лк. VII, 17). Впрочем, это никакого не заключает в себе затруднения, а стоит только замечания: в этом обнаруживается зависть учеников Иоанновых к Иисусу. Но что говорится далее, должно быть тщательно исследовано. Что же именно? То, что сказал Иоанн: *Ты ли еси грядый, или иного чаем?* Тот, который знал Иисуса еще до чудес, извещен был о Нем от Духа, слышал от Отца, проповедовал о Нем перед всеми, посылает теперь узнать от Самого: Он ли это или нет? Но если сам не знаешь, точно ли это Он, то как же считаешь себя достойным вероятия, сказав свое мнение о неизвестном? Свидетельствующий о других неперед сам должен быть достоин вероятия. Не ты ли говорил: *несмь достоин отрешити ремень сапогу Его* (Лк. III. 16)? Не ты ли говорил: *не видех Его, но пославый мя крестити водой, Той мне рече: над Негоже узриши Духа сходяща и пребывающа на Нем, Той есть крестяй Духом Святым* (Ин. I, 33)? Разве ты не видал Духа в виде голубя? Разве не слыхал гласа? Разве не ты удерживал Его, говоря: *аз требую Тобою креститеся* (Мф, III, 14)? Разве не ты говорил ученикам: *Оному подобает расти, мне же малитися* (Ин. III, 30)? Разве не ты учил весь народ, что Он будет крестить их Духом

Святым и огнем (Лк. III, 16) и что Он есть *Агнец Божий, вземляй грех мира* (Ин. I, 29)? Не проповедовал ли ты всего этого о Нем прежде знамений и чудес? Как же теперь, когда Он всем стал известен, и слух о Нем прошел всюду, и мертвые воскресли, и бесы изгнаны, и столько произведено знамений,— тогда уже посылаешь ты спрашивать у Него? Что это значило? Ужели все слова Иоанновы были какой-нибудь обман, подлог, басня? И какой разумный человек сказал бы это? Не говорю уже об Иоанне, который взыграл во чреве матернем, проповедовал Христа прежде своего рождения, был гражданином пустыни, показал образец ангельской жизни. Напротив, если бы он был даже одним из людей обыкновенных и самых ничтожных, то не мог бы сомневаться после многочисленных свидетельств, данных как им самим, так и другими. Отсюда видно, что Иоанн посылал не по сомнению и спрашивал не по неведению. Никто также не может сказать и того, чтобы он, хотя верно знал Иисуса, будучи в темнице, стал боязливее. Он не ожидал себе освобождения из темницы; а если бы и ожидал, то не изменил бы благочестию, твердо решившись принять всякую смерть. В самом деле, будучи к тому готовым, не показал бы он такого мужества перед целым народом, привыкшим проливать кровь пророков. Не осмелился бы обличить такого жестокого тирана, с таким дерзновением среди города и торжища, во всеуслышание делая ему сильные выговоры, как малому ребенку. Если же он стал и боязливее, то как не постыдился учеников своих, перед которыми столько раз свидетельствовал о Христе, но через них стал спрашивать, когда надлежало через других, и хотя верно знал, что ученики его завидовали Иисусу и желали найти какой-либо случай? Как не постыдился народа иудейского, перед которым столько раз проповедовал о Христе? Да и как могло это служить

ему к освобождению от уз? Не за Христа он ввержен был в темницу, не за то, что проповедовал Его силу; но за то, что обличал беззаконный брак. Не навлекал ли он этим на себя нарекания, что он подобен бессмысленному ребенку или совершеннолетнему безумцу? Итак, что же значит такой поступок? Из сказанного видно, что сомневаться об Иисусе было несвойственно не только Иоанну, но и всякому, даже человеку совершенно несмысленному и безумному. Нужно, однако, наконец, дать решение. Итак, для чего Иоанн посылал спрашивать? Для того, что ученики Иоанновы, как всякий приметить может, не расположены были к Иисусу и всегда Ему завидовали, что явствует из сказанного ими своему учителю. *Иже бе с тобою,* говорят они, *обон пол Иордана, Емуже ты свидетельствовал еси, се Сей крещает, и еси грядут к Нему* (Ин. III, 26). И еще был спор у иудеев с Иоанновыми учениками об очищении. А в другом случае Иоанновы ученики, пришедши к самому Иисусу, говорили: *почто мы и фарисеи постимся много, ученицы же Твои не постятся* (Мф. IX, 14)?

2. Они еще не знали, кто был Христос; но, почитая Иисуса простым человеком, а Иоанна более, нежели человеком, с досадой смотрели на то, что слава Иисусова возрастала, а Иоанн, как сам о себе говорил, приближался уже к концу. Все это препятствовало им прийти к Иисусу, так как зависть преграждала доступ. Пока Иоанн находился с ними, он часто их вразумлял и учил, однако не убедил. Когда же приближался уже к смерти, еще больше о том заботился. Он опасался, чтобы не оставить им повода к превратному толкованию и чтобы они не были навсегда отлученными от Христа. Он и с самого начала старался всех своих учеников обратить ко Христу; но, так как не убедил в том, перед смертью оказывает уже большее усердие. Если бы, поэтому, он стал говорить: пойдите к Нему, Он лучше меня, —

то этим не убедил бы людей, которые были привязаны к нему самому; напротив, они подумали бы, что говорит так из скромности и прилепились бы к нему еще более. А если бы стал молчать, опять ничего бы не вышло. Что́ же он делает? Выжидает случая от самих услышать, что Иисус творит чудеса; и тут сам не дает им советов и не всех посылает, но только двоих, о которых, может быть, знал, что они способнее прочих уверовать, — чтобы вопрос не был подозрителен, и чтобы они из самих дел увидели разность между ним и Иисусом. И потому говорит: подойдите и скажите: *Ты ли еси грядый, или иного чаем?* Христос же, проникая в мысль Иоаннову, не сказал: точно, Я, потому что хотя и следовало так сказать но это было бы опять неприятно для слушателей. Напротив, предоставляет самим заключить из дел. Евангелист говорит, что в то время, когда они пришли к Иисусу, Он исцелил многих. И какая тут была бы сообразность, когда спрашивают: *Ты ли еси?* — ничего не сказать на это, а тотчас начать исцелять больных, если бы Христос не хотел этим внушить того, о чем я сказал? Свидетельство делами почиталось более убедительным и несомненным, чем свидетельство словами. Поэтому, как Бог, зная намерение, с каким Иоанн послал учеников, Христос в тот же час исцелил слепых, хромых и других многих — не с тем, чтобы уверить Иоанна (на что было уверять уверенного?), но чтобы уверить сомневающихся учеников. И исцеливши, говорит: *шедше возвестите Иоаннови, яже слышите и видите. Слепи прозирают, и хромии ходят, и прокаженнии очищаются, и глусии слышат, и мертвии восстают, и нищий благовествуют.* И потом присовокупил: *и блажен, иже аще не соблазнится о Мне* (ст. 4—6), показав тем, что знает и тайные помышления их. Если бы Он сказал: точно, Я Христос, — то, как заметил я, это могло быть для них неприятно и могло навести на мысль, хотя бы они и не

высказали ее, подобно иудеям: *Ты о себе сам свидетельствуеши* (Ин. VIII, 13). Вот потому сам Он и не говорит этого, а предоставляет им заключать обо всем из чудес, делая через то учение Свое неподозрительным и очевиднейшим. А вместе и их обличил тайным образом. Так как они соблазнялись о Нем, то, обнаружив их болезнь, и предоставив все дело одной их совести, и никого не сделав свидетелем этого обличения, кроме их самих, которые одни понимали это, — тем больше привлек их к Себе, говоря: *блажен иже аще не соблазнится о Мне,* — говоря это, Он разумел, собственно их. Но не ограничимся только высказанными нами мыслями. Чтобы сделать для вас истину более ясной путем сопоставления с другими мнениями, нам нужно сказать и об этих последних. Что же говорят иные? Утверждают, что не та причина, какая нами указана; а та, что Иоанн действительно не знал. Не все было ему неизвестно. Что Иисус есть Христос, это он знал, а что хочет и умереть за людей, — того не знал, потому и сказал: *Ты ли еси грядый?* — то есть: Ты ли Тот, Которому должно сойти во ад? Но такое мнение не имеет основания; Иоанн знал и это. Об этом он прежде всего проповедовал, это первое засвидетельствовал, говоря: *се Агнец Божий, вземляй грех мира* (Ин. I, 29)! Назвал же Агнцем, провозвещая крест; равно и словами — *вземляй грех мира* показал то же самое. Ведь не иначе, как только крестом совершено отъятие греха, о чем и Павел сказал: *и рукописание, еже бе сопротивно нам, и то взят от среды, пригвоздив е на кресте* (Кол. II, 14). Также когда сказал: *Той крестит вы Духом* (Лк. III, 16), пророчествовал о том, что имело последовать по воскресении. Но говорят: Иоанн знал, что Христос воскреснет и даст Святого Духа; а что будет распят, того не знал. Но как же бы Он воскрес, не пострадав и не будучи распят? Чем же бы Иоанн был более пророка, если бы не знал того, что знали пророки?

3. Что Иоанн был больше пророка, засвидетельствовал сам Христос (Лк. VII, 28), а что пророки знали о страдании Христовом, известно всякому. Исаия говорит: *яко овча на заколение ведеся, и яко агнец перед стригущим его безгласен* (Ис. LIII, 7); а прежде этого свидетельства говорит: *будет корень Иессеов и возстаяй владети языки; на Того языцы уповати будут* (Ис. XI, 10, 11). Потом, говоря о страдании и о славе, за ним следующей, присовокупил: *и будет покой Его честь*. Этот пророк предсказал не только о том, что Христос будет распят, но и с кем: *и со беззаконными вменися,* говорит он (Ис. LIII, 12). Мало того, он предсказал даже и то, что Христос не будет оправдываться, когда говорит: *Сей не отверзает уст Своих* (ст. 7); и что будет осужден несправедливо, когда продолжает: *во смирении Его суд Его взятся* (ст. 8). А прежде Исаии то же говорит Давид и описывает самое судилище такими словами: *вскую шаташася языцы, и людие поучишася тщетным? Предсташа царие земстии, и князи собрашася вкупе на Господа и на Христа Его* (Пс. II, 1, 2). В другом месте говорит даже и об образе распятия: *ископаша руце Мои и нозе Мои* (Пс. XXI, 17), и со всей точностью изображает наглость воинов: *разделиша,* говорит, *ризы Моя себе, и о одежди Моей меташа жребий* (ст. 19). И еще в другом месте даже говорит, что поднесли Ему уксус: *даша в снедь Мою желчь, и в жажду Мою напоиша Мя оцта* (Пс. LXVIII, 22). Итак, пророки за столько лет описывают и судилище, и осуждение, и распятых с Ним, и разделение одежд, и метание о них жребия, и весьма многое другое, что все перечислять теперь нет нужды, чтобы не продлить слова, а Иоанн, больший всех пророков, не знал всего этого? Возможно ли это? Почему же он не сказал: *Ты ли еси грядый* во ад, но говорит просто: *Ты ли еси грядый?* Но это было бы еще смешнее прежнего. Говорят: Иоанн для того спрашивал об этом Иисуса, чтобы, сошедши в ад, про-

поведовать о Нем. Утверждающим это прилично сказать: *братие, не дети бывайте умы, но злобой младенствуйте* (1 Кор. XIV, 20). Только настоящая жизнь есть время для подвигов, а после смерти – суд и наказание. *Во аде же,* сказано, *кто исповестся Тебе* (Пс. VI, 6)? Чем же сокрушены врата медные и стерты вереи железные? Телом Христовым. Тогда именно в первый раз явилось тело бессмертным и разрушило владычество смерти. Впрочем, это показывает только, что Им сила смерти разрушена, а не истреблены грехи умерших прежде пришествия Его. В противном случае, если Он освободил от геенны всех прежде умерших, то почему же сказал: *отраднее будет земле Содомской и* Гоморрской (Мф. XI, 24)? Этим дано разуметь, что и они, хотя легче, однако ж будут наказаны. И хотя они здесь уже понесли крайнее наказание, однако и это их не избавит. А если не избавит их, то не гораздо ли больше тех, которые здесь нимало не пострадали? Итак, неправосудно, скажешь, поступлено с жившими прежде пришествия Христова? Нимало. Тогда можно было спастись и не исповедуя Христа. Не это от них требовалось, а то, чтоб они не служили идолам и знали истинного Бога. *Господь Бог Твой,* сказано, *Господь един есть* (Втор. VI, 4). Потому и Маккавеи заслужили удивление, так как все, что они ни претерпели, претерпели за соблюдение закона (1 Мак. I, 63); также три отрока и многие другие из иудеев, проводившие добродетельную жизнь и соблюдшие меру данного им познания, ни к чему более обязаны не были. Итак, тогда, как я уже сказал, для спасения довольно было знать одного Бога; ныне же того не довольно, а нужно еще знать Христа. Потому Христос и говорил: *аще не бых пришел и глаголал им, греха не быша имели: ныне же вины не имут о гресе своем* (Ин. XV, 22). То же надлежит сказать и о делах. Тогда убийство губило совершившего его, а ныне губит и один гнев. Тогда

прелюбодей и посягавший на чужую жену подвергался наказанию, а ныне наказываются и за воззрение похотливыми глазами. Как знание, так и добродетель ныне возведены на высшую степень. Итак, (в аде) не было нужды в предтече. В противном же случае, если неверные по смерти могут, обратившись к вере, спастись, то никто никогда не погибнет: тогда все покаются и поклонятся Христу. А что это истинно, послушай Павла, который говорит, что: *всяк язык исповесть, и всяко колено поклонится, небесных и земных и преисподних* (Флп. II, 11, 10), и что *последний враг испразднится смерть* (1 Кор. XV, 26). Но от этой покорности никакой не будет пользы, потому что она произойдет не от доброго произволения, но уже, так сказать, от самой необходимости обстоятельств.

4. Не станем же вводить таких бабьих учений и иудейских басен. Послушай, что говорит Павел о живших до Христа: *елицы бо беззаконно согрешиша, беззаконно и погибнут,* рассуждает он о живших до закона; и *елицы в законе согрешиша, законом суд приимут* (Рим. II, 12), говорит о всех, живших после Моисея. И еще: *открывается гнев Божий с небесе на всякое нечестие и неправду человеков* (Рим. I, 18); и — *ярость и гнев, скорбь и теснота на всяку душу человека, творящаго зло, Иудеа же прежде и Еллина* (Рим. II, 8, 9). И подлинно, бесчисленное множество зол терпели тогда язычники; это доказывают как языческие истории, так и наши христианские писания. Кто, например, исчислит плачевные события с вавилонянами или египтянами? А что те, которые хотя и не знали Христа, как жившие до пришествия Его во плоти, но удалялись идолопоклонства, поклонялись единому Богу и проводили добродетельную жизнь, будут наслаждаться всеми благами, послушай, что об этом говорит Павел: *слава же и честь и мир всякому делающему благое, Иудееви же прежде и Еллину* (Рим. II, 10). Видишь ли, что

таким людям за добрые дела уготованы великие награды, а делающим противное – казни и мучения? Итак, где неверующие геенне? Если жившие до пришествия Христова и не слышавшие ни об имени геенны, ни о воскресении и здесь понесли наказание, и там еще будут наказаны, – то насколько более постигнет казнь нас, вскормленных обильным словом мудрости. Но согласно ли, скажешь, с разумом, чтобы люди, которые не слыхали даже о геенне, ввержены были в геенну? Они могут ведь сказать: если бы Ты угрожал нам геенной, то мы больше боялись бы, жили бы воздержно. Несомненно (разве нет?), они стали бы жить так, как живем теперь мы, которые ежедневно слышим, что говорят о геенне, и нисколько не внимаем тому. Да и то нужно сказать, что, кого не удерживают наказания, которые под ногами, того еще менее удержат наказания будущие. Людей нерассудительных и грубого нрава то, что происходит у них на глазах и немедленно, обыкновенно вразумляет более, нежели то, что случится по прошествии долгого времени. Но, скажешь, мы живем в большем страхе, и в этом отношении с язычниками не поступлено ли несправедливо? Нимало. Во-первых, не те же подвиги предстоят нам, какие им; напротив, нам гораздо большие. А кто подъемлет большие труды, тому нужно иметь и большую помощь. А умножение страха – помощь немалая. Если же мы преимуществуем перед ними в том, что знаем будущее, то они преимуществуют перед нами тем, что на них тотчас налагаются жестокие наказания.

Но многие и об этом рассуждают иначе. Именно, говорят: где же правда Божия, когда согрешающий в чем-либо здесь наказывается и здесь и там? Угодно ли, напомню вам собственные ваши слова, чтобы вы более не делали труда нам, но сами себе дали решение? Многие у нас, слыхал я, как скоро узнают, что убийце

отрубили голову в суде, негодуют на то и говорят так: этот злодей и изверг совершил до тридцати или еще более убийств, а сам потерпел одну только смерть: какая тут правда? Итак, вы сами признаетесь, что одной смерти недостаточно для наказания: почему же теперь держитесь противного мнения? Потому что произносите суд не о других, но о себе. Вот как самолюбие препятствует нам вникнуть в справедливость! Когда судим о других, разбираем все до точности: а когда произносим суд о себе, ослепляемся. Если бы и о себе самих разобрали дело так же, как о других, то произнесли бы нелицеприятный приговор. И у нас есть грехи, заслуживающие не две и три, но тысячу смертей. И не говоря о прочих грехах, вспомним, сколько нас недостойно приобщается тайн? А причащающиеся недостойно повинны *телу и крови Христовой* (1 Кор. XI, 27). Итак, когда говоришь об убийце, примени это и к себе. Он убил человека, а ты повинен в убиении Владыки. Он совершил убийство, не приобщаясь тайн, а мы стали убийцами, вкушая от священной трапезы. Что же сказать о тех, которые угрызают, снедают, отравляют ядом многих братий? И что сказать о том, кто отнимает кусок у бедного? Если и не подающий милостыни есть уже отнимающий, то тем более похищающий чужое. Сколь многих разбойников хуже корыстолюбцы? Сколь многих человекоубийц, сколь многих расхитителей гробниц хуже лихоимцы? Сколько таких, которые, ограбив, жаждут еще крови? Нет, избави от этого Бог! — говоришь ты. Теперь говоришь — нет! Скажи это тогда, когда будешь иметь врага: тогда вспомни эти слова, тогда покажи всю исправность жизни, чтобы и нас не постигла участь содомлян, и нам не подпасть казни гоморрян, и нам не потерпеть зол, постигших тирян и сидонян, и более всего — чтобы не оскорбить Христа, что всего тяжелее и ужаснее. Хотя многим геенна и кажется ужасной, но

я никогда не перестану вопиять, что оскорбить Христа — мучительнее и ужаснее самой геенны, и вам советую прийти в то же чувство. Тогда мы и геенны избавимся, и будем наслаждаться славой Христовой, которую и да сподобимся все мы получить, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа. Ему и слава, и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXVII

Тем же исходящим, начат Иисус народом глаголати о Иоанне: чесо изыдосте в пустыню видети? Трость ли ветром колеблему? Но чесо изыдосте видети? Человека ли в мягки ризы облеченна? Се, иже мягкая носящии, в домех царских суть. Но чесо изыдосте видети? Пророка ли? Ей, глаголю вам, и лишше пророка (Мф. XI, 7—9)

1. Для учеников Иоанновых Спаситель сделал, что нужно было сделать, и они возвратились, уверившись (в том, что Он есть Мессия) посредством чудес, совершенных перед ними. Теперь надлежало подать нужное врачевство и народу. Ученики Иоанновы не подозревали ни в чем своего учителя; между тем в народе, которому неизвестна была цель посольства учеников Иоанновых, вопрос их мог породить много неуместных сомнений. Многие могли рассуждать и говорить так: тот, который с такой силой свидетельствовал о Иисусе, ныне переменил мысли свои и сомневается — этот ли или другой есть Грядущий? Не с тем ли намерением он говорит это, чтобы восстать против Иисуса? Или темница научила его быть осторожнее? Ужели он напрасно прежде свидетельствовал о Иисусе? Итак, поелику народ мог предаваться многим подобным сомнениям, то смотри, как Господь врачует его немощь и уничтожает эти

сомнения. *Тем же исходящим,* говорит Евангелист, *начат Иисус народом глаголати.* Для чего Он начал говорить уже по отшествии учеников Иоанновых? Чтобы не подумали, что Он льстит Иоанну. Но, исправляя сомневающихся, Он не обнаруживает их сомнения, а только разрешает смущающие их помыслы, показывая тем, что Он знает тайные мысли всех. Он не говорит им, как иудеям: *вскую мыслите лукавая?* (Мф. IX, 4), — потому что если они и думали так, то думали не по злобе, но потому, что не понимали сказанного. Вот почему Спаситель и не укоряет их, а только исправляет их мысли и защищает Иоанна, показывая, что он не оставил и не переменил прежнего своего мнения, что он человек не легкомысленный и переменчивый, но твердый и постоянный и не может во вверенном ему быть неверен. Впрочем, Спаситель не произносит о нем прямо Своего приговора, но наперед подтверждает это их собственным свидетельством, показывая, что они не только словами, но и делами своими засвидетельствовали его постоянство, почему и говорит: *чесо изыдосте в пустыню видети?* Как бы так сказал: для чего вы, оставив города и дома, собирались все в пустыню? Для того ли, чтобы увидеть какого-нибудь жалкого и непостоянного человека? Но это невозможно. Не то показывает ваше великое усердие и всеобщее стечение в пустыню. Такое множество народа, жители столь многих городов не устремились бы с таким усердием в пустыню на реку Иордан, если бы не надеялись увидеть там великого, удивительного и твердого как камень мужа. Вы ходили смотреть не трость, ветром колеблемую, — люди легкомысленные и переменчивые, которые говорят сегодня одно, а завтра другое и ни на чем не останавливаются, те именно весьма подобны трости, колеблемой ветром. Но смотри, как Господь, оставив всякое другое зло, обращает внимание на то, которое особенно в это время воз-

мущало их, и отнимает самый предлог к легкомыслию. *Но чесо изыдосте видети? Человека ли в мягки ризы облеченна? Се, иже мягкая носящии, в домех царских суть*. Эти слова означают то, что Иоанн не был по природе непостоянен, и это вы доказали своим усердием. Но и того никто не может сказать, что он хотя и был по природе тверд, но впоследствии, предавшись роскоши, сделался слаб. Одни из людей от природы бывают слабы, а другие впоследствии времени делаются таковыми. Например, один гневлив по природе, а другой от долговременной болезни приобретает эту страсть. Равным образом одни бывают непостоянны и легкомысленны по природе, а другие оттого, что предаются роскоши и неге. Но Иоанн не был таков и по природе, — вы ходили смотреть, говорит Спаситель, не трость колеблемую ветром, — равно как не потерял он сокровища, которым обладал, предавшись роскоши. Что он не был рабом роскоши, это показывает его одежда, пустыня и темница. Если бы он хотел носить дорогие одежды, то жил бы не в пустыне и не в темнице, а в царских чертогах. Он одним молчанием мог бы достигнуть величайших почестей. В самом деле, если Ирод так уважал его, несмотря даже на то, что он обличал его и находился в узах, то тем более стал бы льстить ему, если бы он молчал. Итак, могут ли падать такие подозрения на того, кто самим делом доказал свою твердость и постоянство?

2. Изобразив, таким образом, Иоанна посредством указания на место его жительства, на его одежду и на стечение к нему народа, Спаситель называет его наконец и пророком, говоря: *чесо изыдосте видети? Пророка ли? Ей, глаголю вам, и лишше пророка. Сей бо есть, о немже есть писано: се Аз посылаю ангела Моего перед лицем Твоим, иже уготовит путь Твой перед Тобою* (Мал. III, 1). Приведя наперед свидетельство иудеев, Он присоединяет

потом свидетельство пророка. Или, лучше, во-первых, представляет мнение иудеев, которое, как свидетельство врагов, должно составлять сильнейшее доказательство; во-вторых, указывает на жизнь этого мужа; в-третьих, представляет свой суд; в-четвертых, называет его пророком, чтобы совершенно заградить уста их. Потом, чтобы не сказали они: что же, если он прежде был таков, а ныне переменился? – Спаситель приводит дальнейшие доказательства, – указывает на его одежду, темницу и наряду с этим приводит и пророчество. Сказав, что он больше пророка, показывает, далее, и причину, почему больше. Итак, почему же? По причине близости своей к Пришедшему. *Послю*, говорится, *ангела Моего перед лицем Твоим*, то есть близ тебя. Как во время путешествия царей те, кто славнее других, идут близ их колесниц, так и Иоанн является перед самым пришествием Христовым. Смотри, как и этим Господь показал преимущество его! Но и здесь не останавливается, а приводит и Свое мнение, говоря: *аминь глаголю вам, не воста в рожденных женами болий Иоанна Крестителя* (ст. 11), то есть ни одна жена не родила человека, который бы был больше Иоанна. Чтобы увериться в достоинстве Иоанна, достаточно и одного приведенного изречения; но если ты хочешь познать его из самих дел его, то представь его трапезу, образ жизни и высоту духа. Подлинно, он жил как бы на небе и, возвысившись над всеми нуждами природы, шел путем необыкновенным, проводя все время в песнях и молитвах, и, удалившись от общества людей, непрестанно беседовал с одним Богом. Он никого не видел из подобных себе и никому из них не являлся; не питался молоком, не имел ни постели, ни крова, ни съестных припасов, ни других вещей, которыми пользуются люди, и однако был кроток и вместе строг. Например, послушай, с какой кротостью беседует он со своими учениками, с ка-

ким мужеством — с народом иудейским и с какой смелостью — с царем. Вот почему и сказал об нем Спаситель: *не воста в рожденных женами болий Иоанна Крестителя.* Но чтобы опять и великие похвалы не породили неприличного мнения о Иоанне в иудеях, которые предпочитали его Христу, смотри, как Господь предотвращает и это зло. Как то, что служило к утверждению учеников Иоанновых, причиняло вред народу, который почитал его легкомысленным, так и от того, что служило к исправлению народа, больший бы произошел вред, если бы слова Христовы подали повод иудеям предпочитать Ему Иоанна. Потому Христос и это, не обинуясь, исправляет, говоря: *мний же во царствии небеснем, болий его есть* (Мф. XI, 11), то есть меньший по возрасту и по мнению многих. Действительно, об Нем говорили, что Он *ядца и винопийца* (Мф. XI, 19); также: не *сей ли есть тектонов Сын?* (Мф. XIII, 55) и везде уничижали Его. Итак, Христос был больший по сравнению с Иоанном, скажешь ты? Нет; когда Иоанн говорит: *креплий мене есть* (Мф. III, 11), не сравнительно говорит это; также и Павел, когда, вспоминая о Моисее, пишет: *множайшей бо славе Сей паче Моисеа сподобися* (Евр. III, 3), не сравнительно пишет; и Сам Спаситель, говоря: *се боле Соломона зде* (Мф. XII, 42), не сравнивает Себя с ним. А если и допустить, что Он сравнивает Себя с Иоанном, то делает это для пользы слушателей, по причине их немощи. Люди и прежде весьма уважали Иоанна, а теперь его еще более прославили темница и дерзновение перед царем, и со стороны многих слова Христа легко могли быть приняты за сравнение. И в Ветхом Завете таким же образом исправляемы были души заблудших, — о несравнимом говорилось сравнительно; так, например, когда говорится: *несть подобен Тебе в бозех, Господи* (Пс. LXXXV, 8); и еще: *несть бога, яко Бог наш* (Пс. LXXVI, 14). Некоторые говорят, что Христос сказал это об апостолах,

а другие — об ангелах; но это несправедливо. Люди, удалившиеся от истины, обыкновенно во многом заблуждаются. В самом деле, к чему говорить здесь об ангелах или об апостолах? Притом если Он сказал это об апостолах, то что препятствовало Ему назвать их по имени? Но, говоря о Себе, Он справедливо скрывает лицо Свое, как по причине господствовавшего о Нем мнения, так и для того, чтобы не подумали, что слишком превозносит Себя. Спаситель и во многих случаях так поступает. Что же значат слова: *во царствии небеснем*? То есть во всем духовном и небесном. Сказав: *не воста в рожденных женами болий Иоанна Крестителя*, Спаситель отличил Себя от Иоанна и таким образом показал, что Его не должно сравнивать с Иоанном.

3. Хотя Христос был рожден и от жены, но не так, как Иоанн, потому что был не простой человек и родился не так, как обыкновенно рождаются люди, но необыкновенным и чудным рождением. *От дней же Иоанна Крестителя доселе царствие небесное нудится, и нуждницы восхищают е* (ст. 12). Какую связь имеют эти слова с тем, что сказано было прежде? Великую и весьма тесную. Спаситель заставляет и понуждает ими слушателей Своих к вере в Него и вместе подтверждает то, что сказал прежде о Иоанне. В самом деле, если до Иоанна все исполнилось, то значит — Я грядущий. *Вси, бо*, говорит, *пророцы и закон до Иоанна прорекоша* (ст. 13). Пророки, следовательно, не перестали бы являться, если бы не пришел Я. Итак, не простирайте своих надежд вдаль и не ожидайте другого (Мессии). Что Я — грядущий, это видно как из того, что перестали являться пророки, так и из того, что с каждым днем возрастает вера в Меня; она сделалась столь ясной и очевидной, что многие восхищают ее. Но кто же, скажешь ты, восхитил ее? Все те, кто приходит ко Мне с усердием. Далее Спаситель приводит и другое доказательство,

говоря: *аще хощете прияти, той есть Илия хотяй прийти* (ст. 14). *Послю бо вам,* говорит Писание, *Илию Фесвитянина, иже устроит сердце отца к сыну* (Мал. IV, 5, 6). Итак, если вы будете внимать со тщанием, то познаете, что он и Илия, так как говорит Писание: *послю ангела Моего перед лицем Твоим* (там же, III, 1). Спаситель не напрасно сказал: *аще хощети прияти,* но чтобы показать, что Он не принуждает их. Я не принуждаю вас, говорит Он. Этими словами Он требует от них самих внимательного размышления и показывает, что Иоанн есть Илия, и Илия – Иоанн: оба они приняли на себя одинаковое служение, оба были предтечами. Потому и сказал не просто: сей есть *Илия,* но: *аще хощете прияти,* сей *есть,* то есть если будете смотреть со вниманием на события. Впрочем, и на этом Спаситель не остановился, но, желая показать, что нужно быть внимательными к словам: *сей есть Илия хотяй приити,* присовокупил: *имеяй уши слышати, да слышит* (Мф. XI, 15)! Столь много трудных для уразумения мыслей предложил Он для того, чтобы возбудить в иудеях желание предлагать свои вопросы. Если же и это не пробудило их от усыпления, то тем более не могли бы пробудить ясные и удобопонятные слова Спасителя. Никто ведь не может сказать того, что они не смели спрашивать Его и боялись приступить к Нему. Если они искушали Его, спрашивая о делах маловажных, и, несмотря на то, что Спаситель тысячекратно заграждал им уста, не отставали от Него, то почему бы не могли спросить о делах нужных, если бы желали узнать о них. Если спрашивали о делах, касающихся закона, какая, например, первая заповедь и тому подобном, хотя не было никакой и нужды спрашивать о таких вещах, то как бы не потребовали объяснения на слова Его, когда Он должен был отвечать на их вопросы, а особенно когда сам располагал и побуждал их к тому? В самом деле, словами: *нуждницы восхищающе,*

Спаситель возбуждает в них желание предлагать Ему вопросы. Равным образом, и словами: *имеяй уши слышати, да слышит,* делает то же самое. *Кому же уподоблю род сей?* — говорит Он. *Подобен есть детем седящим на торжище и глаголющим: пискахом вам, и не плясасте; плакахом вам, и не рыдасте* (ст. 16, 17).

По-видимому, и эти слова не имеют никакой связи с предыдущими, на самом же деле они весьма тесно связаны с ними. Христос направляет их все к той же еще главной цели и желает показать, что Иоанн поступал согласно с Ним, хотя происходившее, как, например, вопрос учеников Иоанновых, и казалось противоречием. Вместе с тем Он показывает и то, что для спасения иудеев не было оставлено ни одного нужного средства, как и о винограднике говорит пророк: *что* нужно было сделать *винограду сему, и не сотворих* (Ис. V, 4)? *Кому уподоблю род сей?* — говорит Спаситель. *Подобен есть детем, седящим на торжище и глаголющим: пискахом вам, и не плясасте; плакахом вам, и не рыдасте. Прииде бо Иоанн ни ядый, ни пияй, и глаголют: беса имать. Прииде Сын человеческий ядый и пияй, и глаголют: се человек ядца и винопийца, мытарем друг и грешником* (Мф. XI, 16—19). Смысл этих слов следующий: Я и Иоанн пришли противоположными путями и поступили подобно ловцам, которые, желая поймать неудоболовимого зверя с двух противоположных сторон, становятся друг против друга, каждый на своем пути, и гонят его от себя, чтобы таким образом он непременно попал в руки того или другого. Посмотри, в самом деле, с каким изумлением весь род человеческий смотрит на чудный пост и на эту суровую и посвященную любомудрию жизнь. Для того-то и устроено было, что Иоанн от самого младенчества приучен был к столь суровой жизни, чтобы и через это сделать проповедь его достойной веры. Но почему же, скажешь ты, сам Иисус не избрал этого пути? Напротив, и Он

шел этим путем, когда постился сорок дней и обходил страны, уча и не имея *где главы подклонити*. Впрочем, Он и другим путем шел к той же цели, и получал пользу от того, которым шел Иоанн, потому что получить свидетельство от человека, идущего путем жизни строгой, значило то же, что и самому идти этим путем или даже и более. Притом Иоанн ничего более не показал, кроме строгого образа жизни, так как Иоанн не совершил ни одного знамения, а Спаситель свидетельствовал о Себе и знамениями и чудесами. Таким образом, предоставив Иоанну блистать постом, сам избрал путь противный: участвовал в трапезах мытарей, вместе с ними ел и пил.

4. Теперь спросим иудеев: что скажете вы о посте? Хорош он и похвален? Если так, то вам надлежало повиноваться Иоанну, принимать его и верить словам его. Тогда слова его привели бы вас к Иисусу. Или пост тяжек и обременителен? Тогда вам надлежало повиноваться Иисусу и верить Ему, как идущему путем противным. Тот и другой путь мог привести вас к царствию. Но они, подобно дикому зверю, восставали против того и другого. Итак, не должно обвинять тех, которым не верили. Но вся вина падает на тех, которые хотели не верить им. Никто не станет в одно и то же время порицать, также как и хвалить, вещей противных: так, например, кто любит человека веселого и роскошного, тому не может нравиться печальный и суровый; равным образом не будет хвалить человека веселого тот, кто хвалит печального: невозможно об одном и том же предмете в одно и то же время думать и так, и иначе. Потому-то Иисус и оказал: *пискахом вам, и не плясасте*, — то есть Я вел жизнь не строгую, и вы не покорились Мне; *плакахом вам, и не рыдасте*, — то есть Иоанн проводил жизнь строгую и суровую, и вы не внимали ему. Впрочем, Иисус не говорит, что Иоанн вел тот, а Я —

другой образ жизни. Но так как оба они имели одну цель, хотя дела их были различны, то как о Своих, так и о его делах говорит как об общих. И то, что они шли противными путями, происходило от их великого согласия, направленного к одной цели. Итак, какое же вы можете иметь оправдание? Потому-то Спаситель и присоединил: *и оправдися премудрость от чад своих,* то есть: хотя вы и остались неубежденными, но уже не можете обвинять Меня, – как и о Боге Отце говорит пророк: *яко да оправдишися во словесех Твоих* (Пс. L, 6). Хотя Бог и не видит никакого плода от Своего о нас попечения, однако со Своей стороны исполняет все, чтобы людям бесстыдным не оставить ни малейшего повода к безрассудным сомнениям. А что Господь употребляет простые и неблагородные сравнения, ты не удивляйся этому: Он говорил так, приспособляясь к немощи слушателей. Так и Иезекииль часто употребляет сравнения, приличные иудеям, но несообразные с величием Божиим. Но и это есть дело особенного попечения Божия о нас. Но смотри, как иудеи и иным образом запутали себя в противоречивых мнениях. Сказав об Иоанне, что он *беса имать,* они не удовольствовались этим, – напротив, и об Иисусе, Который избрал путь противный, утверждали то же самое. Так всегда они вдавались в противоречивые мнения! Евангелист Лука, кроме этих обвинений, приводит еще и другое, сильнейшее, говоря: *мытарие оправдиша Бога,* приняв крещение Иоанново (Лк. VII, 29). Иисус тогда уже начал порицать города, когда оправдана была премудрость, – когда Он показал, что все исполнено. Так как Он не убедил иудеев, то начинает оплакивать, что еще важнее угроз. Он обнаружил перед ними Свое учение и Свою чудодейственную силу; но так как они не оставили своего упорства, то начинает порицать их. *Тогда,* говорит Евангелист, *начат Иисус поношати градовом, в нихже быша множайщия силы Его,*

зане не покаяшася, говоря: *горе тебе, Хоразине, горе тебе, Вифсаидо* (ст. 20, 21)! А чтобы тебе увериться, что жители этих городов были злы не по природе, Он упоминает о таком городе, из которого произошли пять апостолов; именно из Вифсаиды произошли Филипп и четыре первоверховных апостола. *Яко аще в Тире и Сидоне быша были силы, бывшия в вас, во вретищи и пепеле покаялися быша. Обаче глаголю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день судный, неже вам. И ты, Капернауме, иже до небес вознесыйся, до ада снидеши; зане аще в Содомех быша силы были бывшия в тебе, пребыли убо быша до днешняго дне. Обаче глаголю вам, яко земли Содомстей отраднее будет в день судный, неже тебе* (ст. 21–24). Спаситель присоединяет к этим городам Содом не без причины, но чтобы увеличить осуждение. Подлинно, сильнейшим доказательством злобы иудеев служит то, что они являются худшими не только современных им, но и всех когда-либо бывших злых людей. Подобным образом Спаситель и в другом месте обличает их, сравнивая с ниневитянами и с южною царицей (Мф. XII, 41, 42). Но там Он осуждает их, сравнивая с праведниками, а здесь – с грешниками, что гораздо тяжелее. Такой способ осуждения употреблял и Иезекииль. Он говорит к Иерусалиму: *оправдал еси сестры твоя во всех* грехах твоих (Иез. XVI, 51). Так Иисус везде сообразовался с Ветхим Заветом! Впрочем, Он и этим не оканчивает Своего обличения, но наводит на них страх, говоря, что они потерпят гораздо тягчайшие бедствия, нежели жители Содома и Тира, чтобы всеми способами преклонить их к вере – и сожалением и страхом.

5. Будем внимать этому и мы. Не неверующим ведь только, но и нам определил Спаситель наказание более жестокое, чем содомлянам, если мы не будем принимать приходящих к нам странников, когда повелел им отрясать прах от ног своих; и весьма справедливо.

Неверные хотя и тяжко согрешали, но — прежде закона и благодати; напротив, мы, согрешая после столь великого попечения о нас, как можем надеяться получить прощение, когда оказываем столь великую ненависть к странникам, заключаем двери для бедных и еще прежде заграждаем слух от их воплей или, лучше — не только для бедных, но и для самих апостолов? По тому самому ведь мы и поступаем так с бедными, что не внимаем словам апостолов. Когда читают писание Павла и ты не внимаешь; когда проповедуется учение Иоанна и ты не слушаешь, — то как можешь принять к себе бедного, не принимая апостола? Итак, чтобы наши двери непрестанно отверсты были для бедных и слух — для учения апостолов, очистим слух души от нечистоты. Как нечистота и грязь заграждают слух телесный, так любострастные песни, рассказы о делах житейских, о долгах, о ростах и процентах — более всякой нечистоты заграждают слух душевный, и не только заграждают, но еще делают его нечистым. Рассказывающие о таковых делах наполняют нечистотой слух ваш, и чем некогда угрожал варвар, когда говорил: «будете есть кал свой» и проч. (Ис. XXXII, 12), тому же или еще и худшему подвергают вас и эти люди, и не на словах, а на самом деле. Подлинно, срамные песни отвратительнее всякой внешней нечистоты, и, что всего вреднее, вы не только не скучаете, слушая их, но и восхищаетесь, тогда как надлежало бы гнушаться ими и бежать. Если же они не отвратительны, то ступай к плясунам и подражай тому, что хвалишь, или, лучше, — пляши с тем, который производит этот смех. Но ты не согласен на это. Итак, для чего же воздаешь ему такую честь? И языческие законы признают людей этого рода бесчестными; а ты вместе с целым городом принимаешь их как послов и вождей и всех созываешь слушать то, что оскверняет слух. Если раб скажет тебе вслух что-

либо гнусное, ты подвергаешь его жестокому наказанию; если сын твой, или жена, или другой кто сделает то же, ты почитаешь такой поступок обидой; но если пригласят тебя слушать постыдные слова люди презренные и негодные, то ты не только не досадуешь, но даже радуешься и хвалишь это. И что может сравниться с таким безрассудством? Но ты не говоришь сам постыдных слов? Что же от этого пользы? Притом, откуда это видно? Ведь если бы ты не говорил таких слов, то не смеялся бы и слыша их от других и не стремился бы с таким усердием на посрамляющий тебя голос. Скажи мне, с удовольствием ли ты слушаешь богохульствующих или трепещешь и заграждаешь от них слух свой? Я думаю, что так. Почему же это? Потому, что ты сам не богохульствуешь. Так же поступай и с теми, которые говорят постыдные слова. А если ты хочешь ясно доказать нам, что тебе неприятны постыдные слова, то и не слушай их. В самом деле, как можешь ты быть человеком добрым, обращаясь среди людей, от которых слышишь столь постыдные речи? Захочешь ли ты когда-либо подъять труды, которых требует целомудрие, расслабеваясь мало-помалу от смеха, песен и этих срамных слов? И не оскверненная слушанием таких песен и слов душа едва может быть чистой и целомудренной; тем более невозможно это для той, которая непрестанно слышит их. Или вы не знаете, что мы более склонны ко злу? Итак, когда это сделается нашим ремеслом и главным занятием, то каким образом избежим вечного огня? Или ты не слышишь, что говорит Павел: *радуйтеся о Господе* (Флп. IV, 4)? Он не сказал — радуйтесь о диаволе.

6. Итак, можешь ли ты слышать Павла, можешь ли чувствовать свои беззакония, всегда и непрестанно упиваясь позорным зрелищем? Что ты сюда пришел, это не удивительно и не важно. Вернее, впрочем, удивительно,

потому что сюда ты идешь без всякого участия, только для вида; напротив, туда — с усердием, поспешностью и с большой охотой. И это видно из того, что ты приносишь в дом свой, возвращаясь оттуда. В самом деле, всю нечистоту, приставшую к вам там от слов, от песен и смеха, каждый из вас несет в дом свой, и не только в дом, но и в свое сердце. От того, что недостойно презрения, ты отвращаешься, а что достойно его, то не только не ненавидишь, но и любишь. Многие, возвращаясь от гробов умерших, омывают себя, а возвращаясь с зрелищ, не воздыхают, не проливают слез, хотя мертвый и не оскверняет, между тем как грех полагает такое пятно, которого нельзя смыть тысячью источников, а только одними слезами и раскаянием. Между тем никто не чувствует этой скверны. Так как мы не боимся того, чего должно бояться, то страшимся того, чего не должно. Что значит этот шум, это смятение, эти сатанинские крики и дьявольские подобия? Иной юноша имеет сзади косу и, принимая вид женщины, и во взорах, и в поступи, и в одежде, словом — во всем старается изобразить молодую девицу. А другой, напротив, достигши уже старческого возраста, стрижет волосы, опоясывается по чреслам и, потеряв прежде волос весь стыд, готов принимать удары, готов все говорить и делать. А женщины, без всякого стыда, с обнаженной головой обращаются в речах своих к народу, с великой старательностью выказывая свое бесстыдство и поселяя в душах слушателей всякую наглость и разврат. У них одна только забота — искоренить всякое целомудрие, посрамить природу, исполнить волю злого духа. Здесь и слова постыдны, и лица смешны, и стриженые волосы таковы же, и походка, и одежда, и голос, и телодвижения, и взгляды, и трубы, и свирели, и действия, и их содержание, и все вообще исполнено крайнего разврата. Итак, скажи мне, когда ты отрезвишься от

блудного питья, которое диавол предлагает тебе, — когда перестанешь пить из чаши невоздержания, которую он растворяет для тебя? Там и прелюбодеяния, и измены супружеской верности; там и жены-блудницы, и мужья-прелюбодеи, и юноши изнежены; там все исполнено беззакония, все чудовищно, все постыдно. Итак, тем, кто присутствует на таких зрелищах, надлежало бы не смеяться, а горько плакать и скорбеть. Что же? Или нам закрыть театр, скажешь ты, и по твоему приказанию ниспровергнуть все? Напротив, теперь именно все ниспровергнуто. В самом деле, скажи мне, отчего нарушается супружеская верность? Не от театра ли? Отчего оскверняются брачные ложа? Не от этих ли зрелищ? Не по их ли вине жены не терпят мужей? Не от них ли мужья презирают жен своих? Не отсюда ли множество прелюбодеев? И если кто ниспровергает все и вводит жестокую тиранию, то это тот, кто посещает театр. Нет, скажешь ты: зрелища — хорошее учреждение законов! Увлекать жен от мужей, развращать молодых детей, ниспровергать дома свойственно тем, кто владеет укреплениями. Кто, например, скажешь ты, от этих зрелищ сделался прелюбодеем? Но кто же не прелюбодей? Если бы мне можно было перечислить теперь всех поименно, то я показал бы, как многих мужей разлучили с женами эти зрелища; как многих пленили эти блудницы, которые одних отвлекли от супружеского ложа, а другим не дают и подумать о браке. Итак, что же, — скажи мне, — ужели нам ниспровергнуть все законы? Напротив, — уничтожая эти зрелища, мы истребим нарушение законов. Вредные для общества люди бывают именно из числа тех, что действуют в театрах. От них происходят возмущения и мятежи. Люди, воспитывающиеся у этих плясунов и из угождения чреву продающие свой голос, которых занятие состоит в том, чтоб кричать и делать все неприличное,

они-то именно более всех и возмущают народ, они-то и производят мятежи в городах, — потому что преданное праздности и воспитываемое в таких пороках юношество делается свирепее всякого зверя.

7. Например, скажи мне: откуда чародеи? Не из театров ли они выходят, чтобы возмущать праздный народ, и доставлять случай пляшущим пользоваться выгодами многих смятений, и блудных жен поставлять преградой для целомудренных? Их чародейство доходит до такой дерзости, что они не стесняются даже тревожить кости умерших. Не они ли заставляют тратить тысячи на это лукавое дьявольское сонмище? А распутство и другие бесчисленные пороки откуда? Теперь видишь ли, что ты разрушаешь жизнь, привлекая на эти зрелища, а я скрепляю ее, уничтожая их? Итак, нам должно уничтожить театр? О, если бы это было возможно! Если вы хотите, то я согласен уничтожить и истребить его. Впрочем, я не требую этого. Сделайте то, чтобы он, и существуя, как бы не существовал; это доставит вам большую похвалу, нежели разрушение его. Если не другому кому, то, по крайней мере, старайтесь подражать варварам: у них вовсе нет таких зрелищ. Чем же мы оправдаем себя, если, будучи гражданами неба, приобщившись к лику херувимов и имея общение с ангелами, окажемся в данном случае хуже варваров, тогда как мы можем иметь тысячу других удовольствий, гораздо лучших? Если ты хочешь получить удовольствие, иди в сады, к текущей реке и озерам; рассматривай цветы и слушай пение кузнечиков; посещай гробницы мучеников,— здесь найдешь ты и здравие для тела, и пользу для души, а вреда никакого; и не будешь раскаиваться после такого удовольствия, как то бывает после тех зрелищ. Ты имеешь жену, имеешь детей: что может сравниться с этим удовольствием? У тебя есть дом, есть друзья: эти удовольствия вместе с целомудрием доставляют и вели-

кую пользу. В самом деле, скажи мне: что может быть приятнее детей и жены для того, кто хочет жить целомудренно? Говорят, что варвары, услышав об этих беззаконных зрелищах и непристойных удовольствиях, произнесли весьма мудрое изречение, сказав: римляне выдумали эти удовольствия, потому что не имели жен и детей. Они показали этим изречением, что для того, кто хочет жить честно, нет ничего приятнее жены и детей. Но что, скажешь ты, если я укажу тебе людей, которые не получили никакого вреда от того, что проводили время в театре? Но и то уже составляет великий вред, что они тратят напрасно время и служат соблазном для других. Положим, что ты сам не терпишь никакого вреда от зрелищ; но ты возбуждаешь к ним охоту в другом. Да и возможно ли, чтобы ты сам не получал вреда, когда подаешь повод ко вреду другим? Ведь и чародей, и блудник, и блудница, и все эти дьявольские скопища вину своих действий возлагают на главу твою. Если бы не было зрителей, то не было бы и тех, которые действуют на зрелищах; наоборот, раз есть зрители, то являются и действующие лица. Итак, хотя бы ты нимало не вредил своему целомудрию, — что, впрочем, невозможно, — но ты жестоко будешь наказан за погибель других — как зрителей, так и тех, которые их увлекали на зрелища. Притом, ты еще более приобрел бы целомудрия, если бы не ходил туда. Если ты и ныне целомудрен, то был бы еще целомудреннее, если бы убегал этих зрелищ. Итак, оставим бесполезные споры и не будем вымышлять безрассудных оправданий. Единственное оправдание состоит в том, чтобы избегать печи вавилонской и удаляться египетской блудницы, хотя бы пришлось и нагим вырваться из рук ее. Поступая таким образом, мы будем наслаждаться великим удовольствием без всякого угрызения совести, и настоящую жизнь будем вести целомудренно, и сподобимся

будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXVIII

В то время отвещав Иисус, рече: исповедаютися, Отче, Господи небесе и земле, яко утаил еси сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем. Ей, Отче, яко тако бысть благоволение перед Тобою (Мф. XI, 25, 26)

1. Смотри, сколько употребляет Он средств для того, чтобы возбудить в иудеях веру. Он, во-первых, побуждает их к ней похвалами Иоанну; изобразив его великим и достойным удивления, представляет достоверным и все то, чем он привлекал своих учеников к познанию Господа. Во-вторых, словами, что *царствие небесное нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. XI, 12); так свойственно говорить понуждающему и возбуждающему. В-третьих, уверением, что все предсказания пророков исполнились; отсюда становилось ясным, что пророки предвозвещали о Нем. В-четвертых, уверением, что все то совершилось, чему совершиться от Него надлежало, для чего предложил им и притчу о детях. В-пятых, тем, что порицал неверующих, поражал их страхом и великими угрозами. В-шестых, тем, что благодарил за веровавших; слово: *исповедаютися* здесь значит: благодарю. Благодарю, — говорил Он, — *яко утаил еси сия от премудрых и разумных*. Что же? Ужели Он радуется о погибели и о том, что они этого не узнали? Никак. Но наилучший путь спасения состоит в том, чтобы презирающих предлагаемое учение и не хотящих принимать его не принуждать, чтобы, если они через призывание не оказались лучшими, но отпали и пре-

зрели его, самим их отвержением возбудить в них большее расположение к слову. Через это и внимающие должны были сделаться тщательнее. Откровение истин одним должно производить в них радость; напротив, сокрытие их от других должно произвести в последних не радость, но плач. Так Он и поступает, когда плачет о граде. Итак, не беде чьей бы то ни было радуется, но тому, что утаенное от премудрых и разумных познали младенцы. Подобным образом и Павел, когда говорил: *благодарю Бога, яко бесте раби греху, послушаете же от сердца, в онъже и предастеся образ учения* (Рим. VI, 17), не тому радуется, что они были рабами греху, но тому, что они, будучи таковыми, сподобились таких благ. Премудрыми же Господь именует здесь книжников и фарисеев и говорит это для того, чтобы учеников Своих сделать более усердными и вместе показать этим премудрым, сколь великих рыбари удостоились благ, которых все они лишились. Называя же их мудрыми, говорит не о мудрости истинной и достохвальной, но о той, которую они приписывали своим силам. Потому и не говорит: *открыл* безумным, но: *младенцам,* то есть непритворным, простым, и показывает, что фарисеи не получили атих благ не потому только, что не были того достойны, но и лишились их по самой справедливости. А всем этим научает Он нас убегать гордости и ревновать о простоте. Потому и Павел, говоря о том же, пишет подробнее так: *аще кто мнится в вас мудр быти в веце сем, буй да бывает, яко да премудр будет* (1 Кор. III, 18). Так раскрывается благодать Божия! Но почему же Он благодарит Отца, когда Он сам это сотворил? Как Он молится и ходатайствует за нас перед Богом, показывая тем многую любовь к нам в ином месте, так поступает и здесь, и это исповедание исполнено великой Его любви. Этим показывает Он и то, что (фарисеи) не от Него только отпали, но и от Отца. Так Он сам наперед

исполнил самим делом то, что сказал ученикам: *не пометайте святая псом* (Мф. VII, 6). Далее Он показывает вышесказанными словами и Свою первоначальную волю, и волю Отца; Свою — когда благодарит и радуется о совершившемся; волю Отца — когда показывает, что Отец это сделал не потому, что был умолен, но потому, что Сам по Себе восхотел. *Яко тако*, говорит, *бысть благоволение пред Тобою,* — то есть так Тебе угодно было. А почему от них утаил? Послушай, что говорит на это Павел: *ищуще свою правду поставити правде Божией не повинушася* (Рим. X, 3). Итак, подумай, каковым надлежало быть ученикам, слышащим это, когда они узнали то, чего не знали мудрые, и узнали по откровению Божию, будучи еще младенцами. Лука повествует, что Иисус возрадовался и сказал означенные слова в тот самый час, когда семьдесят учеников, пришедши, возвещали о повиновении им бесов; а это самое делало их не только ревностнейшими, но и располагало к большему смирению. Так как они могли удобно впасть в высокомудрие из-за того, что изгоняют бесов, то Он тут же их и располагает к смирению, указывая на то, что победы их над бесами были следствием не собственного их тщания, а действием откровения.

2. Так и книжники и премудрые, сами себя почитающие разумными, отпали по причине своей гордости. Итак, если по этой причине сокрыто от них то (что открыто младенцам), то и вы, говорит, бойтесь и пребудьте младенцами, потому что как младенческое состояние соделало вас достойными откровения, так противное состояние лишило их последнего. Слова: *утаил еси* не означают того, чтобы Бог был причиной всего; но, подобно тому, как Павел, когда говорит: *предаде их Бог в неискусен ум* (Рим. I, 28), и ослепил помышления их, — не в том смысле говорит это, будто Бог производит такие действия, а относит это к людям, подающим к тому при-

чину, в таком же точно смысле и здесь Христос говорит: *утаил еси*. Далее, чтобы ты не подумал, что, когда Господь говорил: *исповедаютися яко утаил еси, и открыл еси та младенцам,* Сам по Себе не имел той же силы и не мог совершить того же, — так благодарит, говоря: *вся Мне предана суть Отцем Моим* (ст. 27). И тем, которые радуются, что им повинуются бесы, говорит: чему вы удивляетесь, что бесы вам повинуются? Моя суть вся: *вся Мне предана суть*. Когда же слышишь — *предана,* не предполагай тут ничего человеческого. Это выражение не должно вести тебя к той мысли, будто два Бога нерожденных. А что Он родился и вместе есть Владыка всего, это видно из других многих мест.

Далее Он предлагает нечто еще более важное и тем направляет твое разумение: *и никтоже знает Сына, токмо Отец, ни Отца кто знает, токмо Сын*. Незнающим кажется, что эти слова не зависят от предыдущих, между тем как они стоят с ними в тесной связи. Сказав: *вся Мне предана суть Отцем Моим,* Господь дает разуметь эти слова, говоря: чему тут дивиться, что Я Владыка всего, когда Я имею и нечто большее? Я знаю Отца и единосущен Ему. И на это последнее указывает Он прикровенно, говоря, что Он один так Его знает, потому что слова: *никтоже знает Отца, токмо Сын* — это и означают. И заметь, когда Он говорит это апостолам: тогда, когда они получили доказательства силы Его из самих дел, когда не чудодействующим Его только видели, но и сами во имя Его могли производить такие чудеса. Далее, так как он сказал раньше — *открыл еси та младенцам* (разумея Отца), то показывает, что и это Его же дело. *Ни Отца кто знает,* говорит Он, *токмо Сын, и емуже аще волит Сын открыти*. Не сказано: кому заповедует или кому повелевает, но: *емуже аще волит*. Сын же, открывая Отца, открывает и Себя. Но это последнее, как известное всем, оставляет, а первое предлагает подробнее;

и везде так же поступает, когда, например, говорит: *никтоже может придти ко Отцу, токмо Мною* (Ин. XIV, 6). Этими словами Он научает и другому, именно объясняет, что Он во всем согласен и единомыслен с Отцом. Не только Я, говорит Он, не противлюсь и не враждую против Него, но никому невозможно и прийти к Нему, как только через Меня. Так как фарисеев вводило в соблазн в особенности то, что Он казался им противником Бога, то Он всеми мерами и опровергает эту мысль, и старается об этом не менее, чем и о знамениях, или еще и гораздо более. Когда же говорит: *ни Отца кто знает, токмо Сын,* не то разумеет, что все Его не познали, но что никто не имеет об Отце такого знания, какое имеет о Нем Сын. То же можно сказать и о Сыне. Равным образом Он не разумеет здесь и какого-то неведомого Бога, который никому не открыл Себя, как утверждает Маркион, но прикровенным образом показывает невозможность полного о Нем познания, потому что мы и Сына не знаем так, как должно знать. То же самое показывает и Павел, говоря: *от части разумеваем, и от части пророчествуем* (1 Кор. XIII, 9). Потом, возбудив в них проповедью Своей расположение к Себе и показав им неизреченную Свою силу, призывает к Себе, говоря: *приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (ст. 28). Не тот или другой приходи, но *приидите* все, находящиеся в заботах, скорбях и грехах; *приидите* не для того, чтобы Я подвергнул вас истязанию, но чтобы Я разрешил грехи ваши; *приидите* не потому, что Я нуждаюсь в славе от вас, но потому, что мне нужно ваше спасение. Я, говорит, *упокою вы.* Он не сказал: спасу только; но, что еще гораздо важнее, поставлю вас в совершенной безопасности. *Возмите иго Мое на себе, и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем; и обрящете покой душам вашим. Иго бо Мое благо, и*

бремя Мое легко есть (ст. 29). Не бойтесь, говорит Он, услышав об иге: оно благо. Не страшитесь, услышав о бремени: оно легко. Как же Он прежде сказал: *узки врата и тесен путь* (Мф. VII, 14)? Когда будешь предаваться беспечности, когда будешь унывать. Если же исполнишь заповеданное, бремя будет легким; вот почему Он ныне таковым назвал его. И нам это можно исполнить? Если будешь смирен, кроток, скромен. Смирение есть мать всякого любомудрия. Вот почему, как при первоначальном изложении своих божественных законов начал Он со смирения, так и здесь то же делает и притом обещает великое воздаяние. Не другим только полезен будешь, говорит Он, но прежде всех и себя успокоишь: *обрящете*, говорит, *покой душам вашим*. Прежде будущего воздаяния Он дарует тебе воздаяние еще здесь и награду предлагает, а тем самым, равно как и тем, что представляет в пример Себя Самого, делает слово Свое весьма удобоприемлемым.

3. Чего ты боишься? – говорит Он. Ужели ты, возлюбив смирение, будешь умален? Взирай на Меня и учись от Меня всему тому, что Я делаю: и тогда ясно узнаешь, какое великое благо смирение. Видишь ли, как всеми средствами Он побуждает их к смиренномудрию: то своими делами – *научитеся от Мене, яко кроток есмь*; то обещаемой им пользой – *обрящете покой душам вашим*: то щедротами своими – *и Аз упокою вы;* то облегчением их ига – *иго Мое благо и бремя Мое легко есть*. Подобным образом и Павел убеждает, говоря: *еже бо ныне легкое печали по преумножению в преспеяние, тяготу вечную славы соделовает* (2 Кор. IV, 17). Но какое же это легкое бремя, скажешь ты, когда Господь говорит: *аще кто не возненавидит отца* или *матерь* (Лк. XIV, 26), и *иже не приимет креста своего, и в след Мене грядет, несть Мене достоин* (Мф. X, 38), и кто не отречется всего

имения своего, *не может Мой быти ученик,* и когда повелевает возненавидеть и самую душу? Пусть научит тебя Павел. *Кто ны разлучит от любве* Христовой? — говорит он. *Скорбь ли, или теснота, или гонение, или град, или нагота, или беда, или меч* (Рим. VIII, 35)? И: *яко недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (ст. 18). Пусть научат тебя и те, которые по получении многочисленных ран возвращались из синедриона иудейского *радующеся, яко за имя* Христово *сподобишася безчестие прияти* (Деян. V, 41). Если же ты еще боишься и содрогаешься, слыша об иге и бремени, то этот страх не от свойства самой вещи, но от твоей лености. Если ты будешь иметь желание и решительность, то все будет для тебя удобно и легко. Потому и Христос, показывая, что и самим нам должно трудится, не об одном приятном сказал, умолчав о прочем, — и не об одном также тяжком; но и то и другое поставил на вид. Именно, сказав об иге, назвал его благим; упомянув о бремени, присовокупил, что оно легко, — чтобы ты не бегал того, что кажется тяжким, и не пренебрегал тем, что кажется очень легким. Если же и после всего того добродетель представляется тебе тяжкой, то знай, что порок еще тягостнее. Это-то самое давая разуметь, Господь не прямо сказал: *возмите иго Мое,* но наперед — *приидите труждающиися и обремененнии,* показывая тем, что и грех тяжек, и бремя его нелегко и неудобоносимо. Не сказал только: *труждающиися,* но: *и обремененнии.* То же говорил и пророк, описывая свойство греха: *яко бремя тяжкое отяготеша на мне* (Пс. XXXVIII, 5). И Захария, изображая грех, называет его талантом олова (Зах. V, 7). То же доказывает самый опыт. Ничто так не обременяет душу, ничто так не ослепляет мысль и не преклоняет долу, как сознание греха; напротив, ничто так не воскрыляет и не возносит горе душу, как приоб-

ретение правды и добродетели. Смотри, может ли что быть труднее того, как не иметь ничего? Или подставлять щеку? Не бить бьющего и умереть насильственной смертью? Но если мы исполнены любомудрием, то все это и легко, и удобно, и радостно. Но, чтобы рассеять ваше недоумение, рассмотрим и тщательно исследуем каждую из только что указанных трудностей. Возьмем, если вам угодно, первую. Не иметь ничего для многих кажется тяжким. Но скажи мне, что более трудно и тягостно: об одном ли чреве заботиться или обременяться бесчисленными заботами? Одной ли одеждой одеваться и не искать ничего более или, обладая великим богатством, и день и ночь беспокоиться о его охране, бояться, трепетать, болезновать и тщетно мучиться о том, чтобы моль не изъела имения или раб не похитил его и не ушел? Впрочем, сколько бы я ни говорил, мое слово не изобразит того, что бывает на самом деле. Я поэтому желал бы, чтобы кто-нибудь из тех, которые достигли высоты любомудрия, предстал здесь перед нами, и тогда бы тесно уразумел, какое блаженство дает добродетель нестяжания, и как ни один бы из тех, которые возлюбили нестяжание, не восхотел богатеть, хотя бы представлялись к тому бесчисленные случаи. Но богатые, скажешь ты, решатся ли когда сделаться бедными и отречься от свойственных им забот? Что же в том? Это только признак их безумия и тяжкой болезни, а не доказательство того, что вещь сама по себе приятна.

4. А что это так, об этом нам могут засвидетельствовать сами богачи, которые ежедневно с плачем жалуются на свои заботы и жизнь свою считают не в жизнь. Не так, напротив, поступают возлюбившие нищету: они утешаются, торжествуют и хвалятся бедностью больше, нежели те, которые увенчаны диадемой.

Равным образом и подставить щеку, если ты рассудителен, легче, нежели ударить другого, потому что здесь начинается брань, а там — оканчивается. Ударом ты в другом воспаляешь огонь, а терпением и свой пламень потушаешь. Но всякому известно, что лучше не быть палиму пламенем, нежели быть палиму. И если так бывает в рассуждении тела, то тем более — души. И что легче: подвизаться или получать венец? Сражаться или достигать почести? Обуреваться волнами или войти в пристань? Вот почему даже и смерть бывает лучше жизни: та избавляет тебя от бурь и опасностей, а эта поставляет тебя среди их и подвергает бесчисленным наветам и нуждам, из-за которых ты почтешь и жизнь не жизнью. Если же ты не веришь словам моим, послушай тех, которые видели лица мучеников во время их подвигов, как они, будучи бичуемы и строгаемы, радовались и веселились; радовались даже лежа на сковородах, и веселились более, чем возлежащие на ложах, убранных цветами. Вот почему и Павел, перед тем как надлежало ему отойти отсюда и кончить жизнь насильственной смертью, говорил: *радуюся и сорадуюся всем вам; такожe и вы радуйтеся и сорадуйтеся мне* (Флп. II, 17, 18). Видишь ли, с каким преизбытком веселья призывает всю вселенную в общение своей радости? Вот каким великим благом почитал он отшествие отсюда! Вот как вожделенной, любезной и благоутешной почитал он и самую страшную смерть! Впрочем, что иго добродетели и сладостно и легко, нужно в том увериться и из многого другого. Наконец, если угодно, рассмотрим и тяжесть греха. Для этого представим лихоимцев, корчемников, бесстыдных торжников и заимодавцев. Может ли что быть обременительнее такой торговли? Сколько печали, сколько забот, сколько оскорблений, сколько опасностей сколь-

ко наветов и неприязней происходит всякий день от таких приобретений! Сколько волнений и смятений! Как никогда нельзя видеть море без волн, так и такую душу без попечения, без скорби, без страха, без смущения; за первыми следуют другие, их в свою очередь сменяют третьи — и не успеют еще утихнуть последние, как вздымаются новые.

Хочешь ли знать души бранливых и гневливых? Что может быть хуже того мучения, тех язв, которые они носят внутри себя, той печи, которая всегда горит, и того пламени, который никогда не угасает? Хочешь ли знать плотоугодников и привязанных к настоящей жизни? Что может быть тягостнее этого рабства? Ведут они жизнь Каинову, находясь в непрестанном трепете и страхе; и, по кончине кого-либо из своих сродников, более о своей кончине, нежели о них, плачут. Также, что беспокойнее и безумнее гордых? *Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим.* Незлобие есть мать всякого добра. Итак, не устрашайся и не убегай от ига, которое облегчает тебя от всех этих зол; но со всей готовностью покорись ему, и тогда ясно уразумеешь его сладость. Оно не отягчит твоей выи и возлагается на тебя для одного благоприличия, чтобы научить тебя шествовать правой стезей, поставить тебя на царском пути, избавить от стремнин, там и здесь находящихся, и таким образом приучить тебя с легкостью совершать тесный путь. Итак, если это иго доставляет нам столь великие блага, такую безопасность, такое веселье, то будем носить его от всей души, со всем тщанием, чтобы и здесь обрести покой душам своим и сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXIX

В то время иде Иисус в субботы сквозе сеяния; ученицы же Его взалкаша, и начаша востерзати класы и ясти (Мф. XII, 1)

1. А Лука говорит: *в субботу второпервую* (Лк. VI, 1). Что же значит суббота второпервая? То, когда случалось двойное празднование – и субботы Господней, и другого, последующего праздника; иудеи каждый праздник называют субботой. И почему Он, все предвидя, привел их туда, как не потому, что хотел разрешить субботу? Он того хотел, но не просто. Вот почему Он никогда не нарушает субботы без причины, а только представляет благовидные к тому случаи, чтобы и закону положить конец, и иудеев не оскорбить. Бывают, впрочем, случаи, при которых Он нарушает субботу независимо от обстоятельств; так, когда помазывает брением очи слепому и когда говорит: *Отец Мой доселе делает, и Аз делаю* (Ин. V, 17). А поступает Он таким образом для того, чтобы в последнем случае прославить Отца Своего, а в первом вразумить слабых иудеев. Так Он и здесь поступает, применяясь к потребностям природы. Явных грехов ни в каком случае нельзя защищать. Так, ни убийца не может представить в оправдание свое обладавшей им ярости, ни любодей – похоти или другой какой-либо причины. Здесь же, представляя в оправдание голод, Спаситель освободил учеников от всякого обвинения. Но ты лучше подивись ученикам, которые столько были воздержны, что вовсе не имели попечения о вещах телесных, но мимоходом приобщались телесной трапезы и, несмотря на то, что истаивали всегдашним голодом, не отступали от Христа. Если бы ведь не сильный голод вынуждал их, они бы так не поступили. Что же фарисеи? *Видевше,* сказано, *реша Ему: се ученицы Твои творят егоже не достоит творити в субботу*

(ст. 2). Здесь они не очень жестоки. Хотя и можно им быть таковыми, но они не сильно раздражаются, а обвиняют просто. Когда же Господь велел протянуть сухую руку и исцелил ее, тогда они так рассвирепели, что приняли даже намерение погубить и умертвить Его. Там, где ничего не происходит великого и достославного, они молчат; но где видят спасение кого-нибудь, ожесточаются, возмущаются и приходят в крайнее неистовство. Так для них ненавистно спасение человеческое! Как же защищает учеников Своих Иисус? *Несте ли чли*, говорит он, *что сотвори Давид в храме, егда взалка сам и все сущии с ним? Како вниде в храм Божий и хлебы предложения снеде, ихже недостойно бе ему ясти, ни сущим с ним, токмо иереем единым* (ст. 3. 4). Так, когда Он защищает учеников, то приводит в пример Давида; а когда говорит о Себе, представляет Отца. И смотри как сильно: *несте ли чли, что сотвори Давид?* Пророк этот в великой был славе. Потому-то и Петр впоследствии, защищаясь перед иудеями, так говорил: *достоит рещи с дерзновением к вам о патриарсе Давиде, яко и умре и погребен бысть* (Деян. II, 29). Почему же Христос, именуя его, не упоминает о его достоинстве ни в настоящем случае, ни после? Вероятно, потому, что Он от него происходил. Если бы фарисеи были добрых чувствований, то Он указал бы им на голод, которым ученики томились; но так как они были нечестивы и бесчеловечны, то Он приводит им на память историческое событие. Марк, говоря, что это случилось при первосвященнике Авиафаре (Мк. II, 26), не противоречит истории, но показывает только, что он имел два названия, причем присовокупляет, что он дал Давиду хлебы предложения, показывая и этим, какое великое оправдание имел последний, если и сам священник позволил, и не только позволил, но и действовал в этом случае. Не говори мне, что Давид был пророк. И это не давало ему права есть, потому что

такое преимущество имели только священники; потому и сказано: *токмо иереем единым*. Пусть Давид был и преславный пророк, но он не был священник. Если же он был и пророк, то не были таковыми бывшие с ним. А между тем архиерей дал хлебы и им. Итак, что же? Апостолы равны ли Давиду? Но что ты мне говоришь о достоинстве там, где дело идет, по-видимому, о нарушении закона, хотя бы к тому и вынуждала необходимость природы? И этим-то Господь особенно и защитил Своих учеников от порицаний фарисейских, когда представил в пример большего, нежели они, пророка, который сделал то же самое.

2. Но как это, скажете, можно приложить к нашему предмету? Ведь Давид не нарушил субботы. Ты мне предлагаешь нечто важнейшее, что особенно показывает премудрость Христову; именно то, что Он, перестав говорить о субботе, указывает на предмет важнейший, нежели суббота. В самом деле, нарушить день и приобщиться той священной трапезе, которой никому нельзя было приобщаться, — не одинаково важно. Суббота часто была нарушаема, да и всегда нарушается, и при совершении обрезания, и во многих других случаях; то же можно видеть и при взятии Иерихона (Нав. VI, 4); между тем указанное приобщение священной трапезе произошло только при Давиде. Таким образом, Христос побеждает, приводя важнейшие примеры. Почему же никто не обвинял Давида, тогда как к обвинению его был и другой еще повод, более важный, нежели этот, — тот именно, что избиение священников произошло по данному случаю. Но Христос не упоминает об этом а останавливается только на данном предмете. Далее Он объясняет празднование субботы и иным образом. Сперва Он привел в пример Давида, чтобы уничтожить гордость их достоинством самого лица. Когда же посрамил и унизил их высокомерие, тогда

разрешает спор о субботе решительнее. Как же? Или не знаете, яко во храме *священницы субботы сквернят, и неповинни суть* (Мф. XII, 5)? Там, говорит Он, известное обстоятельство послужило случаем к нарушению субботы, а здесь она нарушается независимо от обстоятельств. Не непосредственно так Он разрешил вопрос, но сначала представляет нарушение субботы как нечто допустимое, а потом уже настоятельно показывает справедливость его. Сильнейшее доказательство нужно было поставить после, хотя и первое имело свою силу. Не говори мне, что привести в пример кого-либо впавшего в грех не значит быть свободным от обвинения в подобном грехе. Когда учинившего какой-либо проступок не обличают, то такой поступок уже служит к оправданию по закону. Впрочем, Господь, не удовольствовавшись и этим, возражает сильней, говоря, что поступок учеников Его совсем не грех. В особенности же Он победил фарисеев тем, что, показывая Себя упразднителем закона, оправдывал учеников двояким образом — указывая и на место, и на субботу, и даже трояким, поскольку действие заключало два обстоятельства и, сверх того, иное по отношению к священникам, и, что еще важнее, не вменялось им то даже в трех, — сказано: *не повинни суть*. Видишь ли, сколько обстоятельств Он привел? Место, — потому что это происходило, говорит Он, в храме; лицо, — потому что то были священники; время, — потому что то было в субботу; самое дело, — потому что они сквернят. Не сказал — нарушают; но сказал сильнее: сквернят. Наконец, Господь присовокупил и то, что они не только не подвергаются за то казни, но свободны и от осуждения. *Неповинни суть*, говорит Он. Но не думайте, чтобы поступок Давида равнялся действиям священников: то учинено однажды, и не священником, и не по нужде, почему Давид и бывшие с ним и были достойны прощения; это,

напротив, совершается и каждую субботу, и священниками, и в храме, и по закону. Потому они не только по снисхождению, но и по закону не подлежат обвинению. И не в обвинение их так говорю, говорит Господь, и не по снисхождению освобождая их от вины, но по закону правды. По-видимому, Он оправдывает священников, но вместе с этим освобождает от обвинений и Своих учеников. Когда говорит Он: неповинны священники, то не более ли ученики? Они не священники? Но они и священников больше. Здесь находится сам Господь святилища — Истина, а не образ. Потому и говорил Он: *глаголю же вам, яко церкве боле есть зде* (ст. 6). И фарисеи, несмотря на то, что слышали такие важные слова, ничего не отвечали, так как предлагаемое учение не касалось спасения человека. Затем, так как учение это слушателям казалось тяжким, тотчас Господь прикрыл его, опять оправдывая учеников словом Своим, а фарисеев обличая, говоря так: *аще ли бысте ведали, что есть, милости хощу, а не жертвы, николиже убо бысте осуждали неповинных* (ст. 7). Видишь ли, как Он опять защищает учеников словом Своим и вместе с тем показывает, что для них вовсе не нужно оправдание? *Не осуждали бы,* говорит Он, *неповинных.* Раньше Он прилагает эти слова к священникам, говоря, что *неповинни суть;* а теперь то же самое прилагает к ученикам Своим. Впрочем, и это говорит не столько от Себя, сколько заимствует от закона, — Он привел пророческое слово.

3. Далее указывает и другую причину: *Господь бо есть и субботы Сын человеческий* (ст. 8), — говоря это о Себе Самом. Марк же говорит, что Он сказал это, применяясь и вообще к природе человеческой. Он говорил: *суббота человека ради бысть, а не человек субботы ради* (Мк. II, 27). Но почему же наказан был собиравший дрова в субботу (Числ. XV, 33 дал.)? Потому что законы, пренебреженные в самом начале, едва ли бы впос-

ледствии времени были соблюдаемы. Многую и великую пользу вначале приносила суббота; например, делала людей кроткими, человеколюбивыми к ближним; приводила их к познанию промысла и управления Божия и мало-помалу, как говорит Иезекииль, научала их удаляться от зла и располагала к предметам духовным (Иез. XX). Если бы положивший закон о субботе сказал им: делайте доброе в субботу, а злого не делайте, они не удержались бы и от зла. Поэтому и предписан общий закон: не делайте ничего. Впрочем, они не удержались, несмотря и на это. Таким образом, сам Законодатель, предписывая закон о субботе, прикровенным образом указывал на то, чтобы они сообразно с Его волей удалялись в этот день от худых только дел. Не делайте, сказано, ничего, *разве елика сотворятся души* (Исх. XII, 16). Между тем во святилище было совершаемо все, и даже с большим тщанием и с двойным старанием. Так Господь открывал им истину и самой сенью. Итак, столь великое благо, скажешь, Христос разрушил? Никак; но еще более умножил. Настало для них время научиться всему посредством возвышеннейших предметов, и уже не было нужды связывать руки того, кто, освободившись от злобы, стремится ко всему доброму; уже не было нужды научаться из закона, что Бог сотворил все; уже не было нужды быть кроткими по силе закона тем, которые призываются к подражанию благости Божией. *Будите,* говорит Он, *милосерди, якоже и Отец ваш небесный* (Лк. IV, 36). Уже не было надобности один день праздновать тем, которым всю жизнь повелено праздновать. *Празднуем,* сказано, *не в квасе ветсе, ни в квасе злобы и лукавства, но в безквасиих чистоты и истины* (1 Кор. V, 8). Уже нет нужды стоять у ковчега и золотого жертвенника тем, которые имеют в себе Самого Владыку всяческих и вступают в общение с Ним всеми способами — и молитвой, и приношениями, и писаниями,

и милостыней, и ношением Его внутри себя. Итак, какая надобность в субботе тому, кто всегда празднует и живет на небе? Будем же праздновать непрестанно, удалясь от всякого зла. В этом-то и состоит истинный праздник. Будем устремляться к предметам духовным, оставя земные, и праздновать празднованием духовным, руки удерживая от любостяжания, тело освобождая от излишних и бесполезных трудов, каковыми обременяем был некогда народ еврейский в Египте. Мы, приобретая золото, ничем не различаемся от тех, которые копали глину, делали кирпичи, собирали солому и были мучимы. И ныне диавол принуждает делать кирпичи, как некогда фараон. В самом деле, что такое золото, как не брение? И что такое серебро, как не солома? Наподобие соломы воспламеняет огонь вожделения, и золото, подобно глине, оскверняет обладающего им. Вот почему Господь послал нам не Моисея из пустыни Египетской, но Сына Своего с небес. Итак, если ты и по пришествии Его пребудешь в Египте, то пострадаешь так же, как египтяне; если же, оставив Египет, выйдешь вместе с духовным Израилем, то узришь все чудеса.

4. Впрочем, и этого еще недовольно ко спасению: нужно не только выйти из Египта, но и войти в землю обетованную. И иудеи, хотя, как говорит Павел, и море Чермное перешли, и манну ели, и пиво духовное пили, однако все погибли (1 Кор. X, 1, 3, 4). Итак, чтобы и нам тому же не подвергнуться, не станем медлить и назад обращаться. Но если услышишь и ныне лукавых соглядатаев, злословящих тесный и прискорбный путь и говорящих то же, что некогда говорили те соглядатаи, подражай не толпе народа, но Иисусу и Халеву, сыну Иефониеву, и не отступай, доколе не получишь обетования и взойдешь на небо. Не почитай путешествия трудным. *Аще бо враги бывше примирихомся Богу,*

множае паче примирившеся спасемся (Рим. V, 10). Тесен и прискорбен, скажешь, путь этот? Но прежний путь, которым ты шел, не только тесен и прискорбен, но и непроходим и исполнен лютых зверей. И как не было бы возможности пройти Чермное море, если бы не произошло там чуда, так не было бы возможности и проводившим плотскую жизнь взойти на небо, если бы не дано было в посредство к этому крещение. Если же невозможное сделалось возможным, то тем более трудное будет легким.

Но то, скажешь, было действием одной благодати. Но потому-то особенно тебе и следует подвизаться. Если там, где была одна только благодать, она совершила действие, то не совершит ли она тем более в том случае, когда присоединишь к ней еще и свои труды? Если она спасла недействующего, то не поможет ли тем более действующему? Выше я говорил, что ты, смотря на невозможное (и, однако, совершившееся), должен дерзать против всех препятствий; а теперь говорю, что если мы станем бодрствовать, то и препятствия не затруднят нас. Смотри: смерть попрана, диавол низложен, закон греха упразднен, благодать Духа дарована, жизнь сокращена, бремена ослаблены. Познай это и из самого опыта; смотри, сколько таких людей, которые сделали больше, нежели сколько Христос повелел, а ты боишься не выполнить и меры поведенного. Итак, какое ты будешь иметь оправдание, когда ленишься совершить и законное, тогда как другие устремляются далее цели? Тебе мы советуем подавать милостыню от имений своих, а другой отвергся всего ему принадлежавшего. Тебя мы умоляем целомудренно жить с женой, а иной не вступал и в брак. Тебя мы просим не быть завистливым, а иной самую душу полагает из любви к ближним. Тебя мы просим быть снисходительным и кротким к согрешающим против тебя, а иной, будучи

ударяем по ланите, подставляет и другую. Что мы скажем, скажи мне? Как станем отвечать, не делая и того, в чем нас другие столько превосходят? Но они не превосходили бы, если бы дело не было весьма легким. Кто сохнет: завидующий ли счастью других или веселящийся и радующийся о нем? Кто всего опасается и непрестанно страшится: целомудренный или прелюбодей? Кто с доброй надеждой веселится: похищающий или милующий и подающий от своего имущества нуждающемуся? Итак, помышляя об этом, не станем ослабевать на пути добродетели, но со всяким рвением приступим к достохвальным подвигам, потрудимся здесь краткое время, чтобы получить вечные и неувядаемые венцы, которых и да сподобимся все мы получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XL

И прешед оттуду, прииде на сонмище их. И се человек, руку имый суху (Мф. XII, 9, 10)

1. Опять Христос в субботу исцеляет и тем оправдывает поступки учеников Своих. Другие евангелисты говорят, что Он вызвал человека на середину и вопрошал иудеев, можно ли в субботу делать *добро* (Мк. III, 4; Лк. VI, 9)? Заметь милосердие Господа. Он вызвал человека на середину, чтобы смягчить их видом его; чтобы они, тронувшись этим зрелищем, оставили злобу свою и, устыдившись человека, перестали свирепствовать. Но неукротимые и бесчеловечные лучше хотят помрачить славу Христову, нежели видеть больного исцеленным, сугубо показывают злобу свою, то есть враждой и сопротивлением Христу и таким упорством против Него, что хулили даже Его благодеяния, оказы-

ваемые другим. Другие евангелисты говорят, что Христос Сам вопросил; а Матфей говорит, что Его вопрошали. *И вопросиша Его*, говорит он, *глаголюще: аще достоит в субботы целити? да на Него возглаголют.* Вероятно, и то и другое было. Иудеи, будучи нечестивы и зная, что Он непременно приступит к исцелению, спешили предупредить Его вопросом, надеясь тем воспрепятствовать Ему. Потому и вопрошали: *аще достоит в субботы целити*, с намерением не научиться от Него, но обвинить Его. Хотя довольно было самого дела для обвинения, но они старались уловить Его и в словах, чтобы иметь больше предлогов к обвинению. Но Человеколюбец и исцеление совершает, и ответствует, научая нас скромности и кротости, и обращает все против них, показывая их бесчеловечие. Он вызывает человека на середину не потому, чтобы их боялся, но желая принести пользу и расположить к состраданию. А когда и этим не мог смягчить их, тогда опечалился, говорит Евангелист (Мк. III, 5), и разгневался на них за ожесточение сердца их, и сказал: *кто есть от вас человек, иже имать овча едино, и впадет сие в субботы в яму, не имет ли е, и измет? Кольми убо лучши есть человек овчате? Темже достоит в субботы добро творити* (Мф. XII, 11, 12). Вразумляет их этим примером, чтоб они оставили свое бесстыдство и не обвиняли Его опять в преступлении. Но смотри, как различно и пристойно везде Христос защищает нарушение субботы. Когда Он сделал брение для слепого, то не защищался перед ними, хотя и тогда обвиняли Его, потому что самый образ чудотворения достаточно показывал в Нем Владыку закона. Когда ж обвиняли Его за исцеление расслабленного, понесшего одр, то Он оправдывается и как Бог, и как человек. Оправдывается как человек, когда говорит: *аще обрезание приемлет человек в субботу, да не разорится закон* (не сказал — да получит пользу человек), то для чего

на Мя гневаетеся, яко всего человека здрава сотворих (Ин. VII, 23)? Оправдывается как Бог, говоря: *Отец Мой доселе делает, и Аз делаю* (Ин. V, 17). Будучи же обвиняем за учеников, отвечает: *несте ли чли, что сотвори Давид, егда взалка сам и сущии с ним? Како вниде в храм Божий, и хлебы предложения снеде* (Мф. XII, 3, 4)? И представляет в пример священников. Так и здесь говорит: *достоит ли в субботы добро творити, или зло творити? Кто есть от вас, иже имать овча едино* (Мк. III, 4, 5)? Он знал, что они больше корыстолюбивы, нежели человеколюбивы. А другой Евангелист говорит, что Христос, предлагая этот вопрос, взглянул на них, чтобы и самим взором смягчить их; но и от того они не сделались лучшими. Здесь Он совершает чудо одним словом, а во многих других случаях исцеляет и возложением рук. Впрочем, ни то ни другое не сделало их кроткими; но, тогда как человек получал здоровье, они от исцеления его делались только худшими. Он прежде сухорукого хотел уврачевать их и употребил бесчисленные средства врачевания – и прежние дела, и слова; но так как болезнь их была неизлечима, то Он приступил к самому делу. *Тогда глагола человеку: простри руку твою, и простре; и утвердися цела, яко другая* (Мф. XII, 13). Что же делают иудеи? Выходят, говорит Евангелист, и советуются, как бы убить Его. *Фарисее же шедше, совет сотвориша на Него, како Его погубят* (ст. 14). Не будучи ничем обижены, они хотели убить Его.

2. Вот какое зло – зависть! Не только против чужих, но и против своих всегда враждует. Марк говорит, что они умыслили это с иродианами (Мк. III, 6). Что ж делает тихий и кроткий Иисус? Узнав об этом, Он удаляется: *Иисус же, разумев* помышления их, *отыде оттуду* (Мф. XII, 14). Итак где говорящие, что надлежало быть знамениям? Он показал через это, что ожесточенный человек не убеждается и знамениями, а вместе дал разу-

меть, что напрасно обвиняли и учеников Его. Но достойно замечания то, что иудеи особенно ожесточались благодеяниями, оказываемыми ближнему, и более обвиняли Христа и разъярялись против Него, когда видели кого-либо избавленным от болезни или от греха. Так они клеветали на Него, когда Он хотел спасти блудницу, когда ел с мытарями, и в настоящем также случае, когда увидели исцеленную руку. Но смотри, как Он и не перестает пещись о немощных, и вместе укрощает зависть иудеев. *И по Нем идоша народи мнози, и исцели их всех. И запрети исцеленным, да* никому *яве Его творят* (ст. 15, 16). Народ везде удивляется Ему и следует за Ним; а фарисеи не оставляют своей злобы. Потом, чтобы ты не изумился, слыша о происшедшем и о чрезвычайном их неистовстве, Евангелист приводит пророка, предсказавшего об этом. Пророки с такой подробностью предсказали все о Христе, что и этого не опустили, но описали все Его пути и переходы, даже самое намерение, с каким Он делал это, чтобы ты знал, что они все говорили по внушению Духа. Если нельзя знать тайны человеческие, то тем более невозможно было постигнуть целей Христовых без откровений от Духа. Итак, Евангелист присоединяет здесь сказанное пророком, говоря: *яко да сбудется реченное Исаием пророком, глаголющим: се Отрок Мой, Егоже изволих; возлюбленный Мой, наньже благоволи душа моя. Положу Дух Мой на Нем, и суд языком возвестит: не пречечет, ни возопиет, ниже услышит кто на распутиих гласа Его. Трости сокрушенныя не преломит, и льна внемшася не угасит, дондеже изведет в победу суд его; и на имя Его языцы уповати имут* (ст. 17–21). Пророк прославляет кротость и неизреченное могущество Христово, отверзает великую и широкую дверь язычникам, предрекает несчастья, имеющие постигнуть иудеев, и показывает единомыслие Христа с Отцом. *Се,* говорит, *Отрок Мой, Егоже изволих; возлюбленный Мой,*

наньже благоволи душа Моя. Если Христос избран Богом, то Он нарушает закон не как противник или враг Законодателя, но как согласно с Ним мыслящий и поступающий. Далее, возвещая о кротости Его, говорит: *не пречет, ни возопиет.* Христос желал исцелить их больных; но когда они отвергли Его, то Он и в этом не противодействовал им. Далее, показывая Его силу, а их слабость, говорит: *трости сокрушенны не преломит,* – а Христу легко было сокрушить их всех, как трость, и притом уже надломленную. *И льна внемшася не угасит.* Здесь пророк изображает воспламенившийся гнев иудеев и силу Христову, могущую укротить этот их гнев и весьма легко погасить его. А это показывает великую Его кротость. Что же? Всегда так будет? И Он до конца будет терпеть злоумышляющих и неистовствующих против Него? Нет! Когда Он совершит Свое дело, тогда и начнет наказывать. Это-то и выражается словами: *дондеже изведет в победу суд. И на имя Его языцы уповати имут.* Подобным образом и Павел говорит: будучи готовы *отмстити всяко преслушание, егда исполнится ваше послушание* (2 Кор. X, 6). Что же значат слова: *дондеже изведет в победу суд?* Когда совершит все Свои дела, тогда совершит месть, и месть полную; тогда они подвергнутся несчастьям, когда Он воздвигнет блистательный трофей; когда Его правда восторжествует над ними и не оставит им даже предлога к бесстыдному противоречию. Писание обыкновенно правду называет судом. Но дела божественного домостроительства не ограничатся только наказанием неверных; напротив, Господь еще привлечет к Себе весь мир, почему и присовокуплено: *и на имя Его языцы уповати имут.* Но чтобы ты знал, что и это согласно с волей Отца, пророк в самом начале и это вместе с предыдущим подтвердил словами: *возлюбленный Мой, наньже благоволи душа Моя.* Возлюбленный, очевидно, делает и это по воле Возлюбившего. *Тогда*

приведоша к Нему беснующася слепа и нема: и исцели его, яко слепому и немому глаголати и глядати (ст. 22).

3. О, злость диавольская! Заградила оба входа, через которые этот человек мог получить веру, — зрение и слух. Но Христос отверз тот и другой. *И дивляхуся народи, глаголюще: еда есть сей сын Давидов? Фарисеи же реша: Сей не изгонит бесы, токмо о Веельзевуле князе бесовстем* (ст. 23–24). Казалось бы, что важного сказал народ? Однако фарисеи и того не перенесли. Так они, как заметил я выше, всегда мучатся благодеяниями, оказанными ближним, и ничто их так не огорчает, как спасение людей. Хотя Христос удалился и дал успокоиться их гневу, но зло опять воспламенилось, как скоро новое оказано благодеяние, и фарисеи досадовали более диавола. Тот вышел из тела, пошел и убежал, ничего не говоря; а они то покушаются умертвить Его, то стараются оклеветать; когда не удалось им сделать первого, то хотят помрачить Его славу. Такова-то зависть! Нет зла хуже ее. Блудник, например, по крайней мере, получает некоторое удовольствие и в короткое время совершает свой грех; а завистливый мучит и терзает себя прежде того, кому завидует, и никогда не оставляет своего греха, но всегда остается в нем. Свинья любит валяться в грязи, демоны — вредить нам; так и завистливый радуется несчастью ближнего. Когда случится с ближним что-либо неприятное, тогда он покоен и весел, почитая чужие несчастья своим счастьем, а благополучие других своим злополучием, и ищет не того, что ему могло бы быть приятно, но того, что ближнего может опечалить. Такие люди недостойны ли того, чтобы побить их камнями и замучить, как бешеных собак, как злобных демонов, как самих фурий? Как жуки питаются навозом, так и они, будучи некоторым образом общими врагами и противниками природы, находят для себя пищу в несчастьях других. Другие жалеют

и бессловесное животное, когда его убивают, а ты неистовствуешь, дрожишь и бледнеешь, видя человека благополучным. Может ли быть что хуже такого бешенства? Вот почему блудники и мытари могли войти в царствие Божие, а завистники, находившиеся внутри его, выгнаны, по словам Спасителя: *сынове царствия изгнани будут* (Мф. VIII, 12). Первые, освободившись от своих пороков, получили то, чего никогда и не ожидали; последние лишились и тех благ, какие имели. Да и совершенно справедливо. Зависть превращает человека в диавола и делает его лютым демоном. От нее произошло первое убийство, от нее презрена природа, от нее осквернена земля, от нее впоследствии разверзшейся землей поглощены живые Дафан, Корей и Авирон и погиб весь тот народ. Но, может быть, кто-нибудь скажет: порицать зависть легко; а надобно позаботиться о том, как избавиться от этой болезни. Как же можем мы освободиться от этого порока? Когда помыслим, что входить в церковь не позволено как блуднику, так и завистнику, и притом гораздо более последнему, нежели первому. А ныне зависть не считают и пороком, почему и не заботятся избавиться от нее; но если откроется, что она зло, то легко оставим ее. Итак, плачь и стенай, рыдай и моли Бога; научись относиться к ней как к тяжкому греху и каяться в нем. Если так поступишь, то вскоре исцелишься от этого недуга. Но кто ж не знает, скажешь, что зависть есть порок? Правда, всякий знает это, но не всякий страсть эту ставит наряду с блудом и прелюбодеянием. Осуждал ли кто себя когда-нибудь за то, что предавался жестокой зависти, умолял ли когда Бога, чтобы помиловал его за этот недуг? Никто никогда. Напротив, обладаемый гнуснейшей из всех страстью, если постился и дал нищему мелкую монету, то думает, что он ничего худого не сделал, хотя бы тысячекратно завидовал. Отчего сделался

таким преступником Каин, отчего Исав, отчего дети Лавановы, отчего сыны Иакова, отчего Корей, Дафан и Авирон с соумышленниками, отчего Мариам, отчего Аарон, отчего сам диавол?

4. Вместе с тем представь и то, что ты не тому наносишь вред, кому завидуешь, а поражаешь мечом себя самого. В самом деле, какое зло причинил Авелю Каин? Ему против воли ускорил вход в царствие, а себя подверг бесчисленным бедствиям. Какой вред нанес Иакову Исав? Тот не обогатился ли и не наслаждался ли бесчисленными благами, а этот, после злоумышления своего, не принужден ли был выйти из дома родительского и скитаться в стране чужой? Что худого сделали Иосифу сыновья Иаковлевы, хотя едва не пролили крови? Не претерпели ли они голода и не были ли в крайнем бедствии, тогда как тот сделался царем всего Египта? Чем больше завидуешь, тем большие блага доставляешь тому, кому завидуешь. Бог за всем смотрит, и когда видит обиженным не обижающего, то его еще более возвышает и прославляет, а тебя наказывает. Если Он не оставляет без наказания тех, которые радуются несчастью своих врагов, как то сказано: *не радуйся падению врагов твоих, да не увидит Бог, и не угодно Ему будет* (Притч. XXIV, 17), то тем более не оставит без наказания завидующих, не причинившим им никакого вреда. Итак, отсечем от себя зверя многоглавого: много ведь видов зависти. Если любящий любящего его не имеет никакого преимущества перед мытарем, то где станет ненавидящий ничем не обидевшего его? Как избежит геенны, сделавшись хуже язычников? Жестоко болезную о том, что мы, обязанные подражать ангелам и даже Владыке ангелов, ревнуем диаволу. Много зависти есть ведь и в церкви, и более в нас, нежели в управляемых нами, — почему и мы сами имеем нужду в увещании. За что, скажи мне, завидуешь ты ближнему? За то

ли, что его уважают и хорошо говорят об нем? Но ты не представляешь себе, сколько зла приносят почести беспечным! Таких людей они доводят до тщеславия, до гордости, до надменности, до высокоумия, делают нерадивейшими, а сверх этих зол еще и скоро они увядают, и, что всего хуже, — происходящее от них зло навсегда остается, а удовольствие, лишь только появится, как и отлетает. Итак, из-за этого ты завидуешь, скажи мне? Но тот, кому ты завидуешь, в большей доверенности у начальника, делает все, что хочет, мстит оскорбляющим его, благодетельствует льстецам и имеет великую силу. Так говорить свойственно людям мирским, прикованным к земле. Духовного человека ничто огорчить не может. Какое в самом деле тот ему сделает зло? Лишит ли его сана? Что же? Если справедливо, то еще доставит ему пользу. Ничто ведь так не раздражает Бога, как священнослужение недостойное. Если же несправедливо, то осуждение опять падает не на него, а на самого обидчика. Кто страдает несправедливо и переносит великодушно, тот приобретает через это большее дерзновение у Бога. Итак, будем заботиться не о том, чтобы достигнуть могущества, почестей и власти, но о том, чтобы отличиться добродетелью и любомудрием. Власть побуждает делать многое, Богу неугодное; и надобно иметь очень мужественную душу, чтобы пользоваться властью как следует. Тот, кто лишен власти, волей и неволей любомудрствует; а облеченный ею терпит то же, что и человек, который, живя с хорошей и красивой девицей, обязался никогда не посмотреть на нее с вожделением. Такова власть! Вот почему она даже против воли делает многих обидчиками, у многих возбуждает гнев, снимает узду с языка и отворяет двери уст, как бы ветром раздувая душу и, как ладью, погружая ее в самую глубину зол. Итак, что же ты дивишься человеку, находящемуся в такой опасности, и

называешь его счастливым? Какое безумие! Кроме того, подумай еще и о том, сколько врагов и клеветников, сколько ласкателей как бы держат его в осаде. Такое ли состояние, скажи мне, можно назвать блаженным? И кто назовет? Но такой человек в славе у народа, скажешь ты? Что ж? Народ – не Бог, Которому он должен дать отчет. Поэтому, указывая на народ, ты говоришь только о новых отмелях, подводных камнях, скалах и утесах. Уважение народное, чем более оно делает знаменитым, тем с большими соединено опасностями, заботами и печалями. Такой человек, имея столь жестокого господина, совсем не может отдохнуть или приостановиться. Что я говорю – приостановиться или отдохнуть? Такой, имея и тысячи заслуг, с трудом входит в царство. Поистине, ничто столько не унижает людей, как слава народная, делающая их боязливыми, подлыми, льстецами и лицемерами. Почему, например, фарисеи называли Христа беснующимся? Не потому ли, что желали народной славы? Почему народ произносил правильное об Нем мнение? Не потому ли, что Он не страдал этой болезнью? Ничто, истинно ничто так не делает людей законопреступными и несмысленными, как желание славы народной. Равным образом ничто так не делает славными и мужественными, как презрение ее. Потому и надобно иметь чрезвычайно мужественную душу тому, кто хочет противостоять такой буре, силе ветра. Любящий славу, когда он находится в счастливых обстоятельствах, ставит себя превыше всех, а когда в несчастных, то готов сам себя зарыть в землю. Это для него и геенна, и царство, когда он поглощен этой страстью.

5. Итак, скажи мне, достойно ли это зависти? Напротив, не достойно ли рыданий и слез? Это для всякого очевидно. Завидуя имеющему такую славу, ты поступаешь подобно тому, кто, увидев связанного, наказываемого бичами и влекомого бесчисленными зверями,

завидует его ранам и язвам. Поистине, сколько людей в народе, столько и для честолюбца уз, столько владык, и, что всего хуже, каждый из них имеет свое особое мнение и всякий дает о служащем приговор, какой случится, ничего не разбирая; а что вздумает один или двое, то и все утверждают. Не ужаснее ли это всякого волнения, всякой бури? Ищущий славы то вдруг от радости поднимается вверх, то снова легко погружается, бывает всегда в тревоге и никогда в покое. Еще не выходя на зрелище и готовясь произнести речь, он беспокоится и трепещет, а после зрелища или умирает от уныния, или опять предается безмерной радости, — что хуже самой печали. А что радость не менее пагубна, чем печаль, это очевидно из ее действия на душу. Радость делает душу легкомысленной, надменной и непостоянной. Это можно видеть и на древних мужах. Когда, например, Давид был добр: тогда ли, когда радовался, или когда был в тесных обстоятельствах? Иудейский народ когда был добродетелен: тогда ли, когда стенал и призывал Бога, или когда в пустыне радовался и поклонялся тельцу? Потому-то и Соломон, знавший лучше всех, что такое радость, говорит: *благо ходити в дом плача, нежели в дом смеха* (Еккл. VII, 3). Потому и Христос ублажает скорбящих, говоря: *блажени плачущии* (Мф. V, 4); а радующихся почитает несчастными: *горе вам смеющимся, яко восплачете* (Лк. VI, 25)! И весьма справедливо. Во время забав душа бывает слабее и изнеженнее; а во время скорби укрепляется, делается целомудренной, освобождается от всех страстей, становится возвышеннее и мужественнее. Итак, зная все это, будем убегать славы народной и удовольствия, происходящего от нее, чтобы достигнуть истинной и вечной славы, которой все мы и да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLI

Ведый же Иисус мысли их, рече им: всякое царство, раздельшееся на ся, запустеет; и всяк град или дом, разделивыйся на ся, не станет. И аще сатана сатану изгонит, на ся разделился есть: како убо станет царство его (Мф. XII, 25, 26)

1. Фарисеи и прежде обвиняли Иисуса в том, что Он изгоняет бесов силой Веельзевула. Но Он тогда не обличал их, чтобы дать им время еще из больших чудес познать Его силу и из учения Его величие. Но так как они не переставали говорить о Нем то же, то Он, наконец, обличает их. И, во-первых, доказывает Свою божественность тем, что открывает их тайные помышления; а во-вторых, тем, что легко изгоняет бесов. И как ни бесстыдно было их обвинение (а зависть, как я сказал, не заботится о том, что сказать, только бы сказать что-нибудь), Христос все же не пренебрегает им, но защищается со свойственной Ему кротостью, научая нас поступать кротко с врагами; и хотя бы они обвиняли нас в том, в чем мы по собственному сознанию невиновны, хотя бы их обвинения не имели никакого основания, — не смущаться и не терять спокойствия духа, но со всяким долготерпением защищать себя перед ними. Так поступил Спаситель и с фарисеями, яснейшим образом показывая, что они говорят ложь. Имеющему беса несвойственно было показывать столь великую кротость и знать тайные помышления. Фарисеи частью потому, что их мнение было слишком бесстыдно, а частью по опасению народа не смели обнаружить своих обвинений, держали их в уме. Но Спаситель, желая показать им, что Он знает и самые мысли их, не упоминает о том, в чем они обвиняли Его, и не обнаруживает их злобы, но опровергает их возражения, предоставляя собственной их совести уличить их во лжи. У Него

было только одно попечение — доставлять пользу согрешающим, а не обнаруживать их согрешений. Если бы Он захотел продолжать Свою защиту, и посрамить фарисеев, и потом подвергнуть их жесточайшему наказанию, Он весьма легко мог бы сделать это. Но Спаситель, оставив все это, старался только о том, чтобы истребить в них любовь к прениям, научить кротости и через то сделать способнее к исправлению. Как же Он защищается перед ними? Он не приводит им слов Писаний (потому что они не внимали Писанию и извратили бы его смысл), но употребляет общие доказательства. *Всякое царство*, говорит Он, *разделъшееся на ся, запустеет; и всяк град или дом*, если разделится, скоро разрушится. Поистине, не столько гибельны внешние войны, сколько внутренние; то же бывает в обществах, то же и во всех делах. Но Спаситель берет пример с того, что известнее. Что на земле сильнее царства? Нет ничего; но и оно погибает от возмущений. Если же кто признает, что и царство, разделившись, при всем своем величии сокрушается, то что скажет он о городе и доме? Будет ли что мало или велико, если оно восстает само против себя, то погибает. Итак, если Я, имея в себе беса, посредством его изгоняю других бесов, то, значит, между бесами несогласие и распря, и они восстают один на другого; если же они восстают друг на друга, то их сила погибла и рушилась. *Аще бо*, говорит Спаситель, *сатана сатану изгонит* (Он не сказал — бесов, показывая, что между ними находится великое согласие), *на ся разделился есть*. Если же он разделился, то лишился силы и погиб; а если погиб, то как может изгнать другого? Видишь ли, как смешно их обвинение, как оно безрассудно, какое в нем противоречие! Один и тот же человек не может сказать, что он и силен, и изгоняет бесов, и притом силен от того, от чего бы ему должно было потерять силу. Вот первое опровержение.

Второе, следующее за ним, касалось учеников. Спаситель, опровергая противящихся Ему фарисеев, всегда приводит не одно, но два и три доказательства, желая совершенно обуздать их бесстыдство. Так поступил Он и в споре о субботе, указывая на Давида, на священников, и на свидетельство Писания: *милости хощу, а не жертвы* (Ос. VI, 6), и на причину установления субботы: *ради человека,* говорит Он, *суббота* (Мк. II, 27). Так поступает и здесь. После первого опровержения Он приводит другое, яснейшее. *Аще Аз о Веельзевуле изгоню бесы: сынове ваши о ком изгонят* (ст. 27)?

2. Смотри, с какой кротостью и здесь Он говорит им. Он не сказал: ученики Мои или апостолы; но: *сынове ваши,* – чтобы, если фарисеи захотят мыслить столь же благородно, как Его ученики, подать им к тому случай; а если они пребудут в прежней неблагодарности и не оставят своего бесстыдства, лишить их всякого оправдания. Смысл же слов Его следующий: апостолы чьей силой изгоняют бесов? Апостолы уже изгоняли бесов, получив на то власть от Спасителя; но фарисеи не обвиняли их. Они вооружались не против дел, но против лица. Поэтому Христос, желая показать, что одна зависть причиной их обвинения, указывает и на апостолов. Если Я, как вы говорите, изгоняю бесов силой Веельзевула, то тем более они, как получившие на то власть от Меня. Однако же вы ничего подобного об них не говорите. Почему же вы Меня, даровавшего им такую власть, обвиняете, а их освобождаете от обвинений? Впрочем, это не избавит вас от наказания, но подвергнет даже еще большему. Потому-то Спаситель и присовокупил: *тии вам будут судии.* Если ученики Мои, будучи одного с вами рода и получив одинаковое образование, веруют в Меня и повинуются Мне, то очевидно, что они осудят тех, которые делают и говорят противное. *Аще ли же о Дусе Божии изгоню бесы,*

убо постиже на вас царствие Божие (ст. 28). Что значит — *царствие?* Мое пришествие. Смотри, как Он опять привлекает их к Себе, врачует, и старается привести к познанию Себя, и показывает им, что они вооружаются против собственных благ и восстают против своего спасения. Вам, говорит Он, должно бы радоваться и ликовать, что Я пришел даровать те великие и неизреченные блага, о которых древле возвещали пророки, и что настало время вашего благоденствия; а вы поступаете напротив, и не только не принимаете благ, но еще клевещете и выдумываете ложные обвинения на Того, Кто предлагает вам их. Евангелист Матфей говорит: *аще Аз о Дусе Божии изгоню бесы;* а Лука: *аще Аз о персте Божии изгоню бесы* (Лк. XI, 20), — показывая этим, что изгнание бесов есть дело высочайшей силы и особенной благодати. Из этих слов можно было бы сделать такое заключение: если это справедливо, то значит, что Сын Божий пришел. Но Христос не говорит этого прямо; чтобы не возбудить их ненависти, Он только намекает на это словами: *убо постиже на вас царствие Божие.* Какая мудрость! За что фарисеи обвиняли Спасителя, тем Он ясно доказал им Свое пришествие. Далее, чтобы привлечь их к Себе, Он не сказал просто: *постиже царствие,* но прибавил — *на вас;* как бы так говорил Он: настало время вашего блаженства. Итак, что же вы не радуетесь своим благам? Для чего вооружаетесь против своего спасения? Вот теперь настало время, о котором древле предсказывали пророки. Вот признак проповеданного ими пришествия: бесы изгоняются силой божественной. Что они изгоняются, это вы сами знаете; а что изгоняются силой божественной, это свидетельствуют дела. Сатана не может ныне быть сильным; он по необходимости сделался слабым. Но слабый не может, подобно сильному, изгонять сильного беса. Так говорил Спаситель для того, чтобы показать силу, происходя-

щую от любви, и бессилие от несогласия и раздора. Потому-то Он беспрестанно всюду побуждает и учеников Своих к любви, и особенно еще потому, что диавол всячески старается истребить ее. После второго опровержения Он приводит и третье, говоря: *како может кто внити в дом крепкаго, и сосуды его расхитити, аще не первее свяжет крепкаго и тогда дом его расхитит* (ст. 29)? Что сатана не может изгонять сатану, это ясно из предыдущего, а что иначе и невозможно изгнать сатану, как победив его наперед – и с этим все согласны. Что же означают слова Христа? Ничего более, как только усиливают то, что Он сказал прежде. Я не только не хочу иметь сообщником диавола, – как бы так говорит Он, – но даже веду с ним брань и связываю его; доказательством служит то, что Я расхитил сосуды его. Заметь, как Христос опровергает клевету, которую фарисеи старались возвести на Него. Они хотели доказать, что Он не Своей властью изгоняет бесов; а Он, напротив, доказывает, что не только бесов, но самого их начальника, прежде всего, Он связал по Своей власти и победил его собственной Своей силой. Это подтверждается самым делом. Если диавол есть начальник, а бесы его подчиненные, то как можно пленить этих последних, когда он сам не будет побежден и покорен? В этих словах, мне кажется, можно усматривать еще и пророчество. Не только бесы суть сосуды диавола, но и люди, творящие его дела. Итак, очевидно, здесь говорится не только о том, что Он изгоняет бесов, но и о том, что Он рассеет весь мрак заблуждений во вселенной, разрушит все козни диавольские и сделает их недейственными. Он не сказал: похитит, но – *расхитит*, показывая тем, что у Него есть власть на это.

3. Христос называет сатану сильным не потому, что он таков по природе, – нет! – но указывая на его прежнюю большую власть, какую он имел над нами по

нашей беспечности. *Иже несть со Мною, на Мя есть: и иже не собирает со Мною, расточает* (ст. 30). Вот и четвертое опровержение. Какое Мое намерение? – говорит Христос. Привести людей к Богу, научить их добродетели, возвестить им царствие. А чего хотят диавол и бесы? Противного этому. Итак, каким образом тот, кто не собирает со Мной и кто не за Меня, будет помогать Мне? И что Я говорю – помогать? Напротив, он еще старается расточать Мое. Как же поэтому не только не помогающий Мне, но еще расточающий Мое может иметь со Мной такое согласие, чтобы стал со Мной вместе изгонять бесов? Это говорил Он, кажется, не о диаволе только, но и о самом Себе, так как Он Сам противодействует диаволу и расточает ему принадлежащее. Почему же Он говорит: кто не со Мной, тот против Меня? Потому что он не собирает вместе с Ним. Если же это справедливо, то таков именно должен быть тот, кто против Него? Если не содействующий Христу называется врагом, то тем более враг тот, кто вооружается на Него. Все же это, говорит Он, для того, чтобы показать великую и непримиримую вражду Свою с диаволом. Скажи мне, не против ли тебя тот, кто не хочет помогать, когда тебе нужно воевать с кем-нибудь? Если же говорит Он в другом месте: *иже несть на вы, по вас есть* (Лк. IX, 50), то это не противоречит сказанному здесь. Здесь Он указал, кто их противник, а там показывает, кто их соучастник, потому что сказано: *Твоим именем* изгоняют *бесы* (Мф. VII, 22). Мне кажется, что здесь Христос намекает и на иудеев, поставляя их вместе с диаволом. И они были против Него и расточали то, что Он собирал. А что Он здесь намекает и на них, это доказывается следующими словами Спасителя: *сего ради глаголю вам, что всяк грех и хула отпустится человеком* (ст. 31). Таким образом, уничтожив клевету их, решив их возражение и показав их безрассудное упорство, Он

напоследок устрашает их, поскольку в деле совета и исправления немаловажно и то, чтобы не только отвечать на все вопросы и убеждать, но и угрожать, что часто и делает тот, кто дает законы и советы.

Хотя слова Иисуса Христа и кажутся очень неясными, но если вникнем, то легко поймем их. Итак, сначала внимательно выслушаем эти слова: *Всяк грех и хула,* говорит Он, *отпустится человеком: а яже на Духа хула не отпустится им. И иже аще речет слово на Сына человеческаго, отпустится ему, а иже речет на Духа Святаго, не отпустится ему ни в сей век, ни в будущий* (ст. 31, 32). Что же значат эти слова? Вы много о мне говорили, что Я обманщик, что Я противник Божий. Я вам это прощу и не потребую вашего наказания, если вы раскаетесь; но хула на Духа не отпустится и кающимся. Как же это? Ведь и эта вина была отпущена раскаявшимся. Многие из тех, которые изрыгали хулы на Духа, впоследствии уверовали, и все им было отпущено. Что же значат эти слова? То, что грех против Духа Святого преимущественно непростителен. Почему же? Потому, что Христа не знали, кто Он был; а о Духе получили уже достаточное познание. Так, что ни говорили пророки, говорили по внушению Духа, и в Ветхом Завете все имели о Нем очень ясное понятие. Итак, слова Христа имеют такое значение: пусть вы соблазняетесь Мной по плоти, в которую Я облекся; но можете ли вы сказать и о Духе, что Его не знаем? Потому-то хула ваша и будет непростительна, и здесь и там понесете за нее наказание. Многие хотя здесь только были наказаны, как, например, блудник, недостойно приобщившийся тайнам у коринфян, но вы — и здесь и там. Итак, Я вам отпускаю все то, чем вы Меня злословили прежде креста, даже и то, что вы хотите распять Меня на кресте, и самое неверие ваше не будет постановлено вам в вину. Веровавшие прежде креста не имели полной веры, — потому

Он везде запрещает объявлять о Себе кому-либо прежде страдания, и на самом кресте молился, чтобы отпущен был иудеям грех их. Но что вы говорили о Духе, то не будет прощено вам. А что Христос указывает на хулу, которую говорили против Него иудеи прежде креста, то это видно из следующего: *иже речет слово на Сына человеческаго, отпустится ему; а иже речет на Духа Святаго, не отпустится.* Почему? Потому, что Дух Святый вам известен, а вы не стыдитесь отвергать очевидную истину. Если уже вы говорите, что Меня не знаете, то несомненно знаете, что изгонять бесов и совершать исцеления есть дело Духа Святого. Итак, не Меня только поносите, но и Духа Святого. Потому и наказание ваше, как здесь, так и там, неизбежно. Одни наказываются и здесь и там; другие только здесь; иные только там; а иные ни здесь ни там. И здесь и там, – как, например, эти самые хулители Духа Святого. Они и здесь понесли наказание, когда подвержены были ужасным бедствиям, по взятии их города, и там понесут жесточайшее, как жители Содома и многие другие. Там только, – как, например, палимый пламенем богач, не имевший даже одной капли воды. Здесь, – как, например, блудник коринфский. Ни здесь ни там, – как апостолы, как пророки, как блаженный Иов: а их страдания были не следствием наказания, а подвигами и борьбой.

4. Итак, потщимся иметь одинаковую с ними участь; если же не с ними, то, по крайней мере, с теми, которые здесь очистились от грехов. Поистине страшен тот суд, неизбежно наказание, нестерпимы мучения. Если же ты и здесь не хочешь понести наказания, то сам себя осуждай и требуй сам у себя отчета. Послушай, что говорит Павел: *аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были* (1 Кор. XI, 31). Если будешь поступать так, постепенно простираясь на пути к совершенству, то достигнешь и венца. Но спросишь: как требо-

вать от самого себя отчета? Восплачь, восстенай горько, смиряй, изнуряй себя и вспоминай о каждом твоем прегрешении; это немалое мучение для души. Кто испытал сердечное сокрушение, тот знает, что душа больше всего этим мучится; кто вспоминал о грехах своих, тот знает скорбь, происходящую отсюда. Вот почему и Бог за такое раскаяние в награду полагает оправдание, говоря: *глаголи ты прежде* грехи *твоя, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). Немалым, истинно немалым средством к исправлению служит то, чтобы, сознав все грехи свои, непрестанно представлять и размышлять о них. Кто это делает, тот в такое придет сокрушение, что признает себя недостойным и жить. А кто так рассуждает, тот будет мягче всякого воска. И не только осуждай себя за блуд, прелюбодеяние и другие грехи, которые всеми признаются за тяжкие; но собери в уме своем и тайные наветы, клеветы, злословие, тщеславие, зависть и все тому подобное. И эти пороки немалое понесут наказание. И клеветник ввергнется в геенну; и упивающийся вином не будет иметь места в царстве небесном; и не любящий ближнего так оскорбляет Бога, что и мученичеством своим не бывает угоден Ему. И тот, кто нерадит о домашних своих, отвергся веры; и тот, кто бедных презирает, в огонь ввергается. Итак, не считай эти пороки маловажными, но все собери в уме своем и напиши их как в книге. Если ты напишешь, то Бог сотрет их. Если же ты не напишешь, то Бог впишет их и потребует твоего наказания. Лучше же нам самим вписать их и видеть изглаженными Богом, нежели, забывая о них, заставлять Самого Бога представить их перед глаза наши в день судный. Итак, чтобы этого не случилось, внимательно все разберем, и мы найдем тогда, что во многом виновны. Кто, например, чист от любостяжания? Не указывай мне на то, что ты не слишком был любостяжателен; и за малое

понесешь то же самое наказание. Помышляй об этом и раскаивайся. Кто не оскорбляет другого? А это ввергает в геенну. Кто тайно не злословил ближнего? А это лишает царствия. Кто не надмевался? А этот более всех нечист. Кто не смотрел похотливыми очами? А этот считается наравне с блудником. Кто без причины не гневался на брата своего? А такой повинен суду. Кто не клялся? А это от лукавого. Кто не преступал клятвы? А это более, нежели от лукавого. Кто не служил мамоне? А такой отпал от законного служения Христу. Я мог бы исчислить вам много и других пороков; но и этих довольно, чтобы привести к сокрушению не окаменевшего сердцем и не дошедшего еще до бесчувственности. И если каждое из этих преступлений повергает в геенну, то чего не сделают они, когда совокупятся вместе? Каким же образом, скажешь, можно спастись? Употребляя против недугов равносильные врачевства – милосердие, молитвы, скорбь, раскаяние, смирение, сердце сокрушенное, презрение к земным благам. Бесчисленные пути Бог предложил ко спасению, если только мы захотим быть внимательными. Будем же внимательны, будем всячески стараться об исцелении ран наших, творя милостыню, удерживая гнев к оскорбившим нас, благодаря за все Бога, постясь по силам, молясь с искренним сердцем, приобретая друзей себе *от мамоны неправды* (Лк. XVI, 9). Таким образом мы можем получить прощение в грехах наших и удостоиться обещанных благ, – чего да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLII

Или сотворите древо добро, и плод его добр; или сотворите древо зло, и плод его зол; от плода бо древо познано будет (Мф. XII, 33)

1. Опять иным образом Господь стыдит фарисеев, не довольствуясь прежними обличениями. И делает это не с тем намерением, чтобы Себя освободить от обвинения, — для этого довольно было и прежних доказательств, — но с тем, чтобы противящихся Ему исправить. Сказанное же Им имеет такой смысл: никто из вас не обвинял исцеленных в том, что они не исцелились, и не говорил, что освободить от беса дело злое. В самом деле, хотя они и крайне были бесстыдны, но не могли того сказать. И потому, не охуждая дел, возносили клевету на творящего их. Но Христос показывает что такое обвинение несообразно ни с общим смыслом, ни с самым положением дел. А это уже признак крайнего бесстыдства — не только поступать злонамеренно, но и сплетать нечто такое, что даже с общими понятиями несообразно. И посмотри, как Спаситель устраняет Своими словами всякое возражение. Не сказал Он: согласитесь, что древо хорошо, потому что плод хорош; но, чтобы с большей силой заградить им уста и показать Свою уступчивость и их бесстыдство, говорит: если вы хотите порицать дела Мои, пусть будет так; только бы не было в обвинениях ваших несообразности и противоречия. Таким образом, яснее могло обнаружиться бесстыдство их в деле совершенно очевидном, и Он мог сказать им: напрасно вы лукавите, когда в словах ваших заключается противоречие. В самом деле, о дереве судят по плоду, а не о плоде по дереву а вы поступаете наоборот. Правда, что плод родится от дерева; но узнавать дерево надобно по плоду. Поэтому следовало бы и вам или доказать, что дела Мои худы, когда хотите об-

винять Меня, или, раз хвалите дела Мои, то вместе и Меня, совершающего их, освободить от ваших обвинений. А вы напротив поступаете. Не находя ничего предосудительного в делах Моих, которые представляют плод, вы осуждаете дерево, – называете Меня беснующимся. Это – уже верх безумия. Дерево доброе не может приносить плодов худых, равно как и наоборот, как сказал это Спаситель еще прежде и подтвердил теперь. Следовательно, обвинения фарисеев заключали в себе противоречие и были совершенно несообразны с действительностью. Далее, так как не о Себе Самом говорит Спаситель, а о Духе Святом, то и произносит обличения Свои с большей строгостью: *порождения ехиднова, како можете добро глаголати, зли суще* (ст. 34)? В этих словах заключается и обвинение фарисеев, и доказательство вышесказанного. Вот вы, говорит Спаситель, будучи худыми деревьями, не можете приносить и доброго плода. Потому Я и не удивляюсь, что вы произносите такие слова; происходя от злого рода, вы и воспитаны худо, и усвоили себе мысли худые. И заметь, с какой осторожностью, предотвращающей всякое ухищрение противников, Он выражает Свои обвинения. Он не сказал: как вы можете говорить доброе, будучи порождениями ехидн, – потому что одно с другим не имеет соотношения, но говорит: *како можете добро глаголати, зли суще?* А порождениями ехидн назвал их потому, что они хвастались своими предками. Итак, чтобы показать, что нет им от того никакой пользы, Он отсекает их от сродства с Авраамом и дает им других предков, имеющих такой же нрав, как и они, и таким образом лишает их того благородства, которым они гордились. *От избытка сердца*, говорит Он, уста *глаголют*. Здесь вновь дает Он видеть божество Свое, ведающее сокровенные помышления, а также показывает, что фарисеи понесут наказание не только за дела, но и за злые мыс-

ли; показывает и то, что Он, как Бог, знает эти мысли. А впрочем, возможно и людям знать их. Естественно, чтобы слова изливались наружу через уста, когда внутренность переполнена злом. Поэтому, когда ты слышишь человека, произносящего худые слова, то не думай, что в нем лежит лишь столько зла, сколько показывается в словах, а заключай, что источник его гораздо еще обильнее, потому что выражаемое наружно есть только избыток внутреннего. Видишь ли, какой крепкий удар наносит Христос фарисеям? Если слова их так исполнены зла и происходят от духа диавольского, то подумай, каков должен быть корень и источник этих слов. Обыкновенно так бывает, что язык, удерживаемый стыдом еще не все худое изливает в словах; напротив, сердце, не имея никого из людей свидетелем своих движений, бесстрашно порождает в себе всякое зло, какое только захочет, потому что оно не много думает о Боге. Слова предлагаются в слух всех и взвешиваются всеми, а сердце укрывается в тени, и потому меньше зла бывает на языке, больше в сердце. Но когда уже слишком много скопится его внутри, тогда с большим стремлением выходит наружу то, что доселе было скрываемо. И как мучащиеся рвотой сначала силятся удерживать в себе рвущиеся из них мокроты, а потом, когда уже не в силах владеть собой, выбрасывают нечистоту в большом количестве, так и наполненные злыми умышлениями наконец изливают их в злоречивом осуждении ближнего. *Благий человек,* говорит Спаситель, *от благаго сокровища износит благая, и лукавый человек от лукаваго сокровища износит лукавая* (ст. 35).

2. Не думай, говорит Спаситель, чтоб так было только с людьми злыми; напротив, и с добрыми то же происходит. И у них больше скрывается добродетели внутри, нежели сколько является наружно в словах. Через это Господь показал, что как фарисеев должно

почитать более злыми, нежели каковыми они представлялись в словах своих, так, напротив, Он более был благ, нежели сколько открывалось из речей Его. А под словом: *сокровище* Он разумеет множество. Далее Он опять наводит на них великий страх. Не думайте, говорит Он, чтобы этим только все и ограничилось, — чтобы злоречие подверглось только осуждению людей. Нет; все злоречивые понесут еще крайнее наказание на последнем суде. Он не сказал здесь — *вы,* частью для того, чтоб сообщить наставление всем людям, частью для того, чтоб не произнести слишком жестокого и огорчительного слова. *Глаголю же вам, яко всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово в день судный* (ст. 36). Праздное слово есть слово несообразное с делом, ложное, дышащее клеветой, а также, по изъяснению некоторых, и пустое слово, например: возбуждающее неприличный смех, срамное, бесстыдное, неблагопристойное. *От словес бо своих оправдишися, и от словес своих осудишися* (ст. 37). Видишь ли, как безобиден суд? Как кротки требования ответа? Не по речам другого, но по твоим собственным словам Судья произнесет приговор. Что может быть справедливее этого? В твоей ведь власти и говорить, и не говорить. Поэтому не злословимым надобно страшиться и трепетать, а злословящим, потому что не злословимые должны будут оправдываться в том, что об них разносимы были недобрые слухи, но злословящие дадут ответ в том, что они говорили о других худо. На них-то падет вся беда. Итак, терпящим от злых слухов не о чем заботиться, потому что не потребуется от них ответа в том, что другие говорили о них худо, но говорившим худо надобно страшиться и трепетать, потому что они за свое злоязычие потребованы будут к суду. Поистине, это диавольская сеть, это такой грех, который никакого не приносит удовольствия, а только один вред. Поистине, злое со-

кровище копит в душе своей злоязычник. Если одержимый дурными мокротами сам больше всех терпит от них и впадает в болезнь, то тем более скопляющий внутри себя злобу, которая горче всякой желчи, потерпит жесточайший вред и причинит себе лютую болезнь. Если изрыгаемые им слова так много огорчают других, то еще гораздо большую скорбь причинят они душе, породившей их. Умышляющий зло прежде всех убивает самого себя, точно так же, как раздувающий огонь нередко сам сгорает, и бьющий по алмазу причиняет вред самому себе, и наступающий на острые гвозди наносит сам себе кровавую рану.

Таков умеющий великодушно принимать и переносить обиды: он подобен алмазу, острым гвоздям и огню, а думавший обидеть его оказывается ничтожнее грязи! Итак, не то худо, когда обижают тебя; а то худо, когда ты обижаешь других или когда не умеешь переносить обид. Как много обижаем был Давид! Как много обижал его Саул! Но кто же вышел сильнее и счастливее? И кто оказался несчастнее и достойнее жалости? Не тот ли, кто обижал? Рассмотрим это ближе. Саул обещался, если Давид убьет иноплеменника, принять Давида к себе в родство, выдать за него с великой охотой дочь свою. Давид убил иноплеменника; что же Саул? Нарушил данное слово, и не только не выдал за него (старшей дочери), но и старался умертвить его. Кто же заслужил большую честь? Саул мучился тоской и давим был злым духом; а Давид своей победой и благоволением Божиим стяжал славу и воссиял светлее солнца. Саул, слыша песнопения жен, снедался завистью; а Давид, перенося все молчаливо, привлек и привязал к себе всех. И потом, когда он имел в руках своих Саула и пощадил его, кто был тогда счастлив и кто несчастен? Кто был слабее и кто сильнее? Не Давид ли явился сильнейшим, когда он, имея возможность по

праву отомстить врагу своему, не захотел того? Без сомнения. У Саула было вооруженное войско; а Давид имел споборницей и помощницей правду, которая сильнее тысячи войск. А потому и после столь многих неправедных злоумышлений, претерпенных им, он не захотел умертвить Саула, хотя был и вправе сделать это. Он знал из прежних опытов, что не причинение зла другому, а претерпение зла делает людей сильнейшими. Так бывает и с телами, так и с деревьями. А Иаков не терпел ли обид, не терпел ли зла от Лавана? Но кто ж оказался сильнее: Лаван ли, который уже имел его в своих руках и, однако, не смел прикоснуться к нему, будучи объят страхом и трепетом, или Иаков, который, не имея у себя ни оружия, ни множества воинов, был для него страшнее тысячи царей?

3. Но чтобы представить вам другое, еще сильнейшее доказательство вышесказанного, я опять обращу слово к Давиду – с противоположной стороны. Он силен был, когда терпел обиды; но как скоро сам, впоследствии времени, обидел другого, тотчас сделался немощным. Он обидел Урию, и тотчас порядок превратился: немощь перешла к обидевшему, а сила к обиженному, который, будучи уже мертвым, опустошил дом Давидов. Давид, оставшись жив и будучи царем, ничем не мог от него защититься; а Урия, простой воин и к тому же убитый, все поставил вверх дном в доме царя. Хотите ли, я представлю вам еще в яснейшем виде предлагаемую мною истину с другой стороны? Посмотрим на тех людей, которые мстят за себя по праву. Что обижающие ближних воюют против собственной души своей и оказываются ниже и презреннее всех, это всякий видит. Но кто же, спросишь ты, мстил за себя по праву и тем возжег много зла и навлек на себя много бед и скорбей? Посмотри на военачальника Давидова. Он был виновником жестокой войны и потерпел тыся-

чу зол, из которых ни одно не случилось бы с ним, если бы он умел рассуждать и действовать по правилам истинного любомудрия. Итак, будем убегать этого греха и не станем обижать ближних ни словами, ни делами. Господь не сказал: если ты при народе будешь поносить ближнего и повлечешь его перед судилище, виновен будешь; но просто — если будешь говорить худо, хотя бы и наедине, и тогда навлечешь на себя величайшее осуждение. Если бы даже было истинно то, что ты пересказываешь о ближнем, если бы ты был совершенно в этом уверен, и тогда подвергнешься наказанию. Не за то, что делал другой, Бог будет судить тебя, а за то, что ты говорил. *От словес бо своих осудишися.* Не слышишь ли, что и фарисей говорил правду (о мытаре): высказал то, что было всем известно, и объявил то, что не было тайной, и, однако, подвергся жестокому осуждению? Если же и явных грехов оглашать не должно, то тем более неизвестных и недоказанных. Согрешивший имеет над собой Судью. Итак, ты не предвосхищай себе чести, принадлежащей Единородному, Которому предназначен престол суда. Но ты хочешь быть судьей? Есть такое судилище, которое и тебе предоставлено и может принести великую пользу, не подвергая тебя ни малейшему осуждению. Посади в совести своей судьей разум и поставь перед его судилищем все твои беззакония, исследуй все грехи души твоей, потребуй от нее со всей строгостью подробного отчета и скажи ей: зачем ты отваживалась делать то и то? А если она будет уклоняться и разбирать дела других, скажи ей: не за чужие грехи я сужу тебя, не за них должна ты отвечать, — что тебе до того, что худ такой-то? Ты зачем согрешила в том-то и в том-то? Отвечай; не показывай на других, смотри на свои дела, а не на чужие. Таким образом, вводи ее как можно чаще в этот подвиг. Потом, когда уже ей нечего будет сказать и она начнет укрываться

от суда, уязвляй ее, поражай ее, как рабу кичливую и любодейную. Каждый день открывай для нее это судилище, представляй ей реку огненную, червя ядоносного и другие мучения; не попускай ей продолжать связь с диаволом и не принимай от нее таких бесстыдных оправданий: он приходит ко мне, он устрояет мне ковы, он искушает меня! Но скажи ей: если ты сама не захочешь, все это будет тщетно. А если она заговорит: но я сплетена с телом, облечена плотью, живу в мире, пришельствую на земле, — скажи ей: все это один лицемерный предлог и пустые отговорки! Вот и этот святой облечен был плотью, и этот жил в мире и пришельствовал на земле, и, однако ж, они вели жизнь достославную; да и ты сама, когда делаешь добро, делаешь это, будучи обложена плотью. Пусть ей и больно это слышать, ты не переставай ее наказывать: не бойся, не умрет она от твоих ударов; напротив, ты еще избавишь ее от смерти. А если бы она сказала: вот такой-то раздражил меня, ты отвечай ей: можно тебе и не раздражаться, потому что нередко ты удерживала себя от гнева. Также, если бы она сказала: красота такой-то женщины воспламенила меня, ты представь ей: но ведь ты могла воздержать себя. Приведи ей примеры победивших похоть; укажи на пример первой жены, которая хотя и говорила: *змий прельсти мя* (Быт. III, 13), но этим не избавилась от обвинения.

4. Когда ты будешь производить такое испытание совести, в это время не допускай к себе никого, пусть никто не тревожит тебя; но, как судьи обыкновенно сидят за завесами, когда судят о делах, так и ты, вместо завес, огради себя безмолвием и избери благоприятное тому время и место. Займись этим судом, когда, поужинав, встанешь из-за стола и пойдешь спать: вот время для тебя самое удобное; а местом твоим будут — постель и спальня. Так повелевает и пророк, говоря: *яже глаголе-*

те в сердцах ваших, на ложах ваших умилитеся (Пс. IV, 5). Требуй от себя и за малые погрешности строгого отчета, чтобы когда-либо не приблизиться к великим грехам. Если ты будешь каждодневно это делать, то с дерзновением предстанешь перед страшное судилище. Таким способом и Павел сделался чистым, потому и сказал: *аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были* (1 Кор. XI, 31). Так и праведный Иов очищал детей своих: если он приносил жертвы за тайные грехи, то тем более требовал отчета в явных. А мы не так поступаем, но совершенно напротив. Как скоро ляжем на постель, тотчас начинаем размышлять о всякого рода житейских делах: одни вводят в душу свою нечистые помыслы, другие думают о деньгах, отданных под залог, о торговых условиях и о различных временных заботах. Имея на руках девицу – дочь, мы бережем ее со всей бдительностью; а душе своей, которая гораздо дороже дочери, позволяем любодействовать и оскверняться, впуская в нее тысячи нечистых мыслей. Хочет ли к ней войти любостяжание, или сластолюбие, или пристрастие к пригожим телам, или расположение к гневу, или иной какой недобрый гость, мы тотчас же отворяем двери, зовем и тащим его, и позволяем ей без всякого стыда и страха любодействовать с ним. Что может быть грубее этого и бесчеловечнее – смотреть с пренебрежением, как столь многие прелюбодеи надругаются над душой, которая для нас всего дороже, и давать ей сообщаться с ними до тех пор, пока они насытятся? Но этого никогда не дождешься. Разве тогда только отступят они, когда она предастся сну. Но нет! И в это время они не отходят от нее, потому что и в сонных мечтаниях и видениях носятся перед ней те же образы. А от того часто случается, что и с наступлением дня душа, упоенная такими мечтами, тотчас устремляется к действиям, с ними сообразным. Ты не даешь малейшей

пылинке войти в зеницу ока твоего; а душу свою оставляешь в небрежении и попускаешь ей влачить за собой такую грязную кучу столь многих зол. Когда же мы успеем выбросить из себя этот помет, который с каждым днем накопляем в себе? Когда успеем вырвать терние? Когда успеем посеять семена? Не знаешь ли, что уже наступает время жатвы? А мы еще и не начинали вспахивать свое поле. Что же скажем, когда придет Хозяин поля и будет требовать должного? Что станем отвечать Ему? То ли, что нам никто не дал семян? Но они посылаются свыше каждый день. То ли, что никто не срезал терния? Но мы (служители Слова) каждый день острим для вас серп. Или что житейские нужды отвлекают вас? Зачем же ты не распялся миру? Если тот, кто отдал вверенный ему талант, назван рабом лукавым за то, что не приобрел другого таланта, то что ж услышит тот, кто погубил и вверенное ему? Если он был связан и брошен туда, где скрежет зубов, то каким страданиям подвергнемся мы, — мы, которые, имея бесчисленное множество побуждений, влекущих нас к добродетели, отвращаемся от нее и предаемся леності? Еще ли мало убеждений, достаточных к тому, чтоб возбудить тебя? Не видишь ли, как малоценна жизнь эта, как неизвестно ее продолжение? Сколько потребно труда и пота в делах здешнего мира? Разве одна добродетель приобретается с трудом, а порок достается без трудов? Если же и там и здесь труд, то почему не изберешь ты добродетели, приносящей с собой великую пользу? Да еще и такие есть добродетели, которые и труда никакого не требуют. В самом деле, что за труд — не злословить, не лгать, не клясться, простить ближнего, подавшего повод к гневу? Вот труд и большая забота — поступать противно этому. Итак, какого ждать нам оправдания, какого прощения, когда мы и этих легких добродетелей не соблюдаем? Отсюда ясно

видно, что и другие, труднейшие добродетели недоступны нам, по причине нашей беспечности и лености. Размыслив обо всем этом, будем убегать порока и возлюбим добродетель, чтобы сподобиться нам и настоящих и грядущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Подписано в печать 06.03.06. Формат $60\times90^1/_{16}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 39 п. л. Усл. печ. л. 25,15.
Гарнитура «NewBaskervilleC». Тираж 3000 экз. Заказ 2577

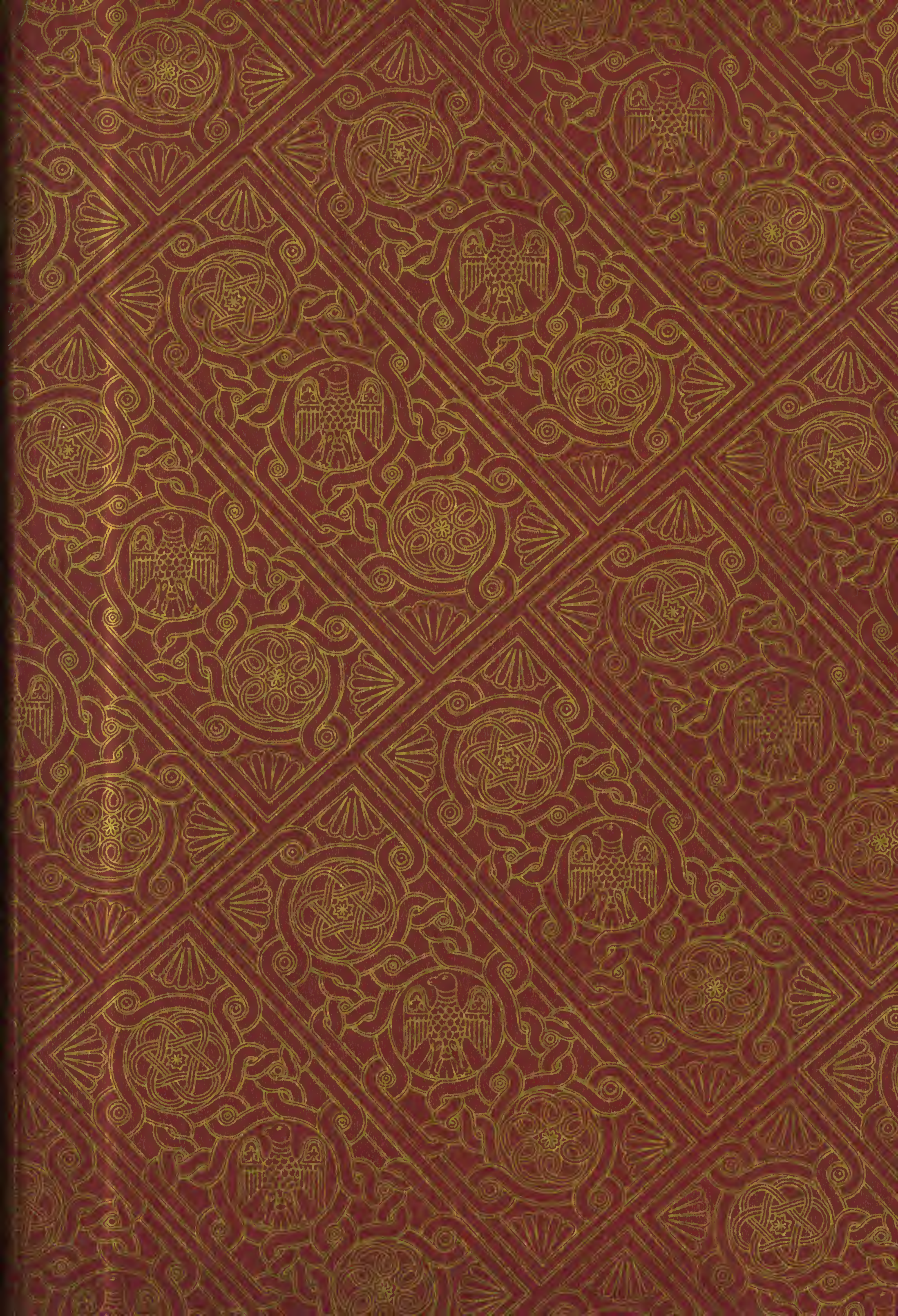
Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Красина, 7

Оптовая и розничная книжная торговля

Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

СВ. ЙОАН ЗЛАТОУСТ
IV